

РУССКОЕ СЛОВО.

IV.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859. ✓

АПРѢЛЬ. J

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
А. С. Грибоѣдовъ. I. Черновая тетрадь Грибоѣдова	1	✓
Караванъ (Отрывокъ изъ восточной повѣсти). Я. ПО- ЛОНСКАГО	82	
Проектъ русско-американскаго международнаго телеграфа. Д. РОМАНОВА	91	
«Разстались мы; ты странствуешь далече.» Ве- сенний дождь. Превращения. Три Стихотворенія А. ФЕТА	147	
Февя весны. Стихотвореніе ЮЛИИ ЖАДОВСКОЙ	148	
Урядникъ. И. БѢЛОВА	152	✓
Эндорская прорицательница Л. МЕЯ	176	
Присоединеніе Амура къ Россіи. Д. РОМАНОВА	179	✓
Маккиавелли. Статья первая В. ПОПОВА	201	✓
Повитуха-знахарка. Очеркъ. С. МАКСИМОВА	237	✓

ОТДѢЛЪ II.

Критика. И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа: «Дворянское гнѣздо.» Письма къ Г. Г. А. К. Б. Ап. ГРИГОРЬЕВА	1	
Современное состояніе французской литературы. Статья парижскаго корреспондента Русскаго Слова	35	
Библиографія. О древнѣйшей исторіи Сѣверныхъ Сла- вянъ до времени Рюрика и откуда пришелъ Рюрикъ и его Варяги. <i>Александра Васильева.</i> Спб. 1858. — Стр. 167, in-8°. (В. К—АГО.) — Исторія русской Словесности. Лек- ція <i>Степана Шевырева,</i> ординарнаго академика и профес- сора. Часть третья. Столѣтіе XIII-е, XIV-е и начало XV-го. Москва. 1858. В. ВОДОВОЗОВА	51	
Библиографическій перечень. Романы и повѣ- сти <i>В. Крестовскаго.</i> Спб. 1859. VI-й томъ. — Очерки и рассказы <i>И. Т. Кокорева.</i> Москва. 1858. Три части.— Лакоонъ, соч. <i>Лессинга.</i> Переводъ <i>Е. Эдельсона.</i> Мос- ква. 1859. — Валленштейновъ Лагерь. Соч. <i>Шиллера,</i> переводъ въ стихахъ <i>С. Шевырева.</i> Москва. 1859. —		

Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись времени царя Алексѣя Михайловича. Приложение къ № 4 «Русской Бесѣды» за 1859. Москва. 1859. — Разныя сочиненія С. Аксакова. Москва. 1858. А. Г. 70

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Существуетъ ли теорія словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе? В. ВОДОВОЗОВА 1

Нѣсколько замѣчаній объ Охотѣ въ Россіи. Ревельскаго Барона 17

Воспоминанія о путешествіи за границей. (Продолженіе.) К. Б. 35

Изъ записокъ игрока. Ф. ДЕРШАУ 55

Объ условіяхъ университетскаго образованія. Н. ВАРАДИНОВА 69

Нѣсколько словъ о становой приставѣ. (Изъ записокъ становаго пристава М.) Ф. САМОХИНА 94

Общественная жизнь въ Петербургѣ. Какъ и гдѣ гуляетъ Петербургъ. — Нѣсколько словъ о великомъ постѣ. — Музыка: Лаубъ, Герцъ съ ролями и Рубинштейнъ. — Живыя картины. — Бѣдствія и затрудненія бенефициантовъ. — Нѣчто о вкусѣ публики. — Крошечные промахи. — Дуэль Шьеро. — Фокусники: Шово и Макалюзъ. — Новый вокаль и пѣвцы сѣверной Германіи. — Два слова о г. Сѣтовѣ. — Грустные факты человѣческой слабости. — О газетоманіи. — Весна на дворѣ. ЕГОРА МОЛЛЕРА 103

Скромный вопросъ 112

Отъ Редакціи 113

Шахматный листокъ. № 4. Странное явленіе въ шахматной литературѣ. — Три партіи Морфи съ Лѣвенталемъ, Меекомъ, Моріаномъ. — Двѣ консултанціонныя партіи Морфи и Барнеса противъ Стаунтона и Оуена. — Біографія Людвигъ Паульсена. — Двѣ партіи изъ числа десяти игранныхъ имъ одновременно не смотря на доску. — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кп. *Урусова* (статья 3-я). — Рѣшеніе задачъ. Задачи. — Корреспонденція. ВІКТОРА МИХАЙЛОВА. 81

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

I.

ЧЕРНОВАЯ ТЕТРАДЬ ГРИБОѢДОВА. *)

Статья первая.

Лѣтомъ 1828 года, отправляясь чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ въ Персію, ГрибоѢдовъ захватилъ на три дня къ лучшему своему другу, Степану Никитичу Бѣгичеву въ тульскую его деревню и забылъ у него цѣлую, довольно большую, переплетенную тетрадь разныхъ своихъ, преимущественно на-черно писанныхъ, сочиненій.

*) Я почитаю необходимымъ сказать въ началѣ этой первой моей статьи о ГрибоѢдовѣ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ моихъ, если не къ личности, то къ памяти Александра Сергѣевича ГрибоѢдова, чтобы объяснить причины, по которымъ я начинаю печатаніе трудовъ моихъ о немъ съ его «Черновой тетради» — сборника подлинныхъ матеріаловъ, оставленныхъ намъ, хоть и случайно, самимъ ГрибоѢдовымъ.

Дяди моего, Александра Сергѣевича ГрибоѢдова, я никогда не зналъ лично, но, къ-счастью для меня, я былъ поставленъ въ близкія отношенія ко всемъ лицамъ, бывшимъ близкими ГрибоѢдову. Его мать, нѣкогда очень известную въ Москвѣ по своему уму и рѣзкости тона, Настасью Федоровну я зналъ лично. Родная сестра ГрибоѢдова, Марья Сергѣевна Дурново, знавшая, что желаніе издать когда-нибудь *возможно-полную* книгу объ Александрѣ Сергѣевичѣ составляетъ одну изъ главныхъ моихъ цѣлей, подарила мнѣ «лучшую свою» — какъ она выразилась — «драгоценность», — два подлинныхъ, писанныхъ акварелью, его портрета, 20 и 32 лѣтъ. Стало-быть, г. Буларинъ не только напрасно сказалъ, что *единственный* портретъ ГрибоѢдова принадлежитъ ему (соч. изд. 1844 г. стр. 249, примѣч.), но я, на основаніи свидѣтельствъ нѣсколькихъ лицъ, слишкомъ хорошо знавшихъ ГрибоѢдова, изъ числа которыхъ назову саму Марью Сергѣевну, утверждаю, что лучшіе портреты ГрибоѢдова, находящіеся въ Россіи, принадлежатъ

На это имѣется свидѣтельство самого С. Н. Бѣгичева — въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 іюня 1857 г.

Тетрадь эту С. Н. Бѣгичевъ, осенью того-же года, отдалъ мнѣ въ полную мою собственность.

Я занялся разсмотрѣніемъ и потомъ разработкою ея.

Съ перваго-же взгляда я увидалъ, что тетрадь эта представляетъ собою въ высочайшей, почти невѣроятной, степени бозпорядочный, хаотическій оборякъ разныхъ бумагъ Грибоѣдова — важныхъ и цѣнныхъ уже потому, что каждая изъ нихъ, каково-бы ни было ея внутреннее, на нашъ взглядъ, достоинство, есть несомнѣнный, непреложный фактъ въ дѣлѣ развитія такого замѣчательнаго человѣка, какъ Грибоѣдовъ. Я почитаю лишнимъ разпространяться о взглядѣ на *подлинныя* матеріалы, то-есть на подлинныя сочиненія извѣстнаго писателя, съ этой именно точки зрѣнія: всякому извѣстно, что, при этомъ взглядѣ на нихъ, нѣтъ ни относительно хорошихъ, ни относительно дурныхъ матеріаловъ,

мнѣ и очень мало похожи на тѣ, не совсѣмъ изящныя изображенія А. С. которыми стали *украшаться* изданія «Горе отъ Ума» или собранія его сочиненій. — Около двадцати лѣтъ пользуюсь я лестнымъ для меня расположеніемъ самого близкаго къ Грибоѣдову человѣка, друга его, полковника Степана Никитича Бѣгичева, отъ котораго имѣю главные о Грибоѣдовѣ матеріалы — устные и письменные, то-есть рассказы и бумаги, вполнѣ драгоценныя. Я не вхожу здѣсь въ подробныя объясненія о тѣхъ и о другихъ, но долженъ сказать, что почитаю себя на этотъ разъ столько обязаннымъ С. Н. Бѣгичеву, что не могу достаточно выразить ему всей моею благодарности. Много говорилъ онъ мнѣ о Грибоѣдовѣ и, кромѣ того, я пользовался у него *первоначальнымъ* автографомъ комедій и всей переписки съ нимъ Грибоѣдова; онъ подарилъ мнѣ «Черновую» и, вѣроятно, единственный экземпляръ — автографъ «Дмитрія Дрянскаго», трагедіи — пародіи, писанной Грибоѣдовымъ во время его студенчества. Я зналъ воспитателя Грибоѣдова, Доктора Правъ Богдана Ивановича Іона, который любилъ вспоминать и говорить объ А. С. — Очень часто бывалъ я свидѣтелемъ или пріемникомъ — слушателемъ самыхъ искреннихъ, самыхъ задушевныхъ воспоминаній о Грибоѣдовѣ этихъ двухъ почтенныхъ стариковъ — С. Н. Бѣгичева и Б. И. Іона. Съ вдовой А. С., Ниной Александровной, я, хотя не долго, но находился въ перепискѣ. Въ-послѣдствіи я познакомился со вторымъ другомъ Грибоѣдова, бывшимъ товарищемъ его литературной дѣятельности, Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ и еще съ нѣсколькими лицами, хорошо знавшими Грибоѣдова — Кн. В. Ф. Одоевскимъ, С. П. Жихаревымъ, И. И. Сосницкимъ и нѣкоторыми другими. — Г. Сосницкому обязана я сообщеніемъ мнѣ *Лубочнаго театра* — небольшой стихотворной статейки Грибоѣ-

но что всё они хороши, — стоитъ только объяснить смыслъ, значеніе каждаго изъ нихъ и найти каждому факту соотвѣтственное, приличное мѣсто въ биографіи писателя. Если мы этого сдѣлать не можемъ, — вина будетъ, конечно, не на сторонѣ факта.

Вскорѣ, при разсмотрѣніи болѣе внимательномъ, я могъ убѣдиться въ несомнѣнномъ богатствѣ этихъ матеріаловъ, какъ по ихъ числительности, такъ и по ихъ разнообразію, (я еще ничего не говорю о внутреннемъ ихъ свойствѣ): отданная мнѣ «Черновая» Грибоѣдова, заключала въ себѣ и путевыя записки, и стихотворенія, и замѣтки серьезнаго содержанія и даже — отрывки изъ *Грузинской Ночи*. Все это было находкой, кладомъ, цѣннымъ особенно въ наше время, когда дорожатъ всякой, вновь отысканной, строкой знаменитаго писателя.

Оставалось приняться за изученіе «Черновой».

Прежде-всего бросились мнѣ въ глаза, нѣсколько вы-

дова, писанной имъ противъ Загоскина и нѣсколькими любопытными матеріалами и разказами, касающимися Александра Сергѣевича.

Изъ всѣхъ этихъ простыхъ, но слишкомъ пріятныхъ, указаній на отношенія мои къ лицамъ, бывшимъ болѣе или менѣе близкими Грибоѣдову, читатель можетъ довольно основательно заключить, что мнѣ всего приличнѣе было-бы начать рядъ моихъ статей о Грибоѣдовѣ напечатаніемъ «матеріаловъ» для его биографіи. Соглашаясь съ нѣкоторой степенью справедливости этого замѣчанія, я тѣмъ не менѣе имѣю противъ него два возраженія, которыя, вѣроятно, будутъ признаны уважительными. Во-первыхъ, еще не всё матеріалы для биографіи Грибоѣдова, преимущественно изъ касающихся его литературныхъ связей и отношеній, мною собраны, — для этого часто, мало одного только времени; важность же этого рода матеріаловъ въ биографіи писателя, конечно, никто отрицать не станетъ. Во-вторыхъ (и это самое важное), многіе изъ числа уже имѣющихся у меня матеріаловъ, въ настоящее время напечатаны быть не могутъ.

Вотъ причины, по которымъ я рѣшился прежде-всего заняться разработкою тѣхъ подлинныхъ, такъ-сказать непосредственныхъ, цѣльныхъ, какъ самородные драгоценные камни, матеріаловъ, которые оставлены намъ самимъ Грибоѣдовымъ. — За статьями о «Черновой» я желалъ-бы напечатать исторію комедіи Грибоѣдова, — потому-что «Горе отъ ума» имѣетъ, кромѣ печатной, литературно-критической, еще другую частную исторію, преимущественно относящуюся къ способу созданія этой комедіи ея авторомъ и къ эпохѣ, въ которую она была написана. Въ заключеніе я постараюсь довести до свѣдѣнія публики и нѣкоторые биографическіе о Грибоѣдовѣ матеріалы.

ставленныхъ Грибоѣдовымъ, на страницахъ ся номераций, — шьяя были зачеркнуты, иныя — по-двѣ, по-три и даже по-четыре вдругъ, — оставлены; на пыхъ страницахъ, одна номерация была въ-верху, а другая, въ обратномъ порядкѣ и совсѣмъ другими цифрами, въ-низу. Такъ-какъ нѣкоторые помѣты заходили за цифру 860, то это навело меня на мысль, которой держусь я и теперь, — что у Грибоѣдова, вѣроятно, было очень много черновыхъ бумагъ, — плодовъ уединенной, кабинетной работы, работы для себя или, правильнѣе, про-себя, — до насъ не дошедшихъ и можетъ-быть только малую часть которыхъ составляетъ настоящая «Черновая». Дѣлаю это указаніе потому именно, что у насъ давно уже раздаются вопросы и возгласы: «какъ это Грибоѣдовъ, послѣ какой-нибудь «Притворной Невѣрности» или «Своей Семьи», вдругъ является съ такой комедіей, какъ «Горе отъ ума»? — Конечно, никакое ученіе не даетъ таланта, — примѣръ, чтобы не далеко ходить, на нашемъ Третьяковскомъ, но талантъ очищается, развивается, му-жаетъ, крѣпнеть отъ ученія и, у насъ преимущественно, Пушкинъ и Грибоѣдовъ, которые прямо говорили о необходимости ученія, — доказываютъ собой, какъ полезно держаться мудрой пословицы: «ora et labora».

Нужно было специально знакомиться съ каждой страницей «Черновой»; послѣ того оказалось, что всѣ эти страницы (in-folio, in-4°, in-8°, на бумагахъ — бѣлой, синей, сѣрой и наконецъ такой, какой нынѣ уже и не найдешь) перебиты, перепутаны и перемѣшаны до такой степени, что «Черновая» въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ (переплетенная) представляетъ дѣйствительно совершенный хаосъ.

Ко-всему-этому присоединилась трудность лексическая — трудность разбора рукописей. Почеркъ Грибоѣдова красивъ, но, вообще, связанъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не смотря на всю мою привычку къ этому почерку, я не могъ разобрать иныхъ словъ. Очень-часто попадались страницы, писанныя чернилами до того блѣдными или можетъ-быть выцветшими отъ времени, (такъ писаны статьи: «Таврисъ», «Тагерашь» и всѣ страницы отрывковъ изъ «Грузинской Ночи»), что разборъ становился невѣроятно тру-

день. Наконецъ, были страницы (укажу снова на «Грузинскую Ночь»), «обращенныя», по счастливому выраженію г. Анненкова о бумагахъ Пушкина, «въ самую мелкую сѣть помарокъ».

Разсмотрѣвши «Черновую» сплошь, по-странично, я увидалъ, что для рѣдкой, изъ составляющихъ ее статей не существовало такого порядка, что начала статьи надо, напримѣръ, искать въ концѣ тетради, середину въ началѣ, а конецъ въ серединѣ. Часто для того, чтобы найти продолженіе какой-нибудь статьи, я просто отыскивалъ въ листахъ тетради бумагу такого качества, на которой было написано начало. Иногда мнѣ это удавалось, а иногда нѣтъ. Скажу здѣсь кстати объ одномъ, довольно важномъ обстоятельстве: бумаги старыхъ фабрикацій по-большей-части имѣютъ въ себѣ штемпеля или, какъ я ихъ называю, *просвѣты*, подобно штемпелямъ или просвѣтамъ, существующимъ на нынѣшнихъ гербовыхъ бумагахъ; тамъ съ одной стороны листа видѣнъ (на-свѣтъ) или гербъ, или заглавныя литеры имени и фамиліи фабриканта, а съ другой (а иногда на одной и той-же страницѣ) — годъ фабрикаціи. На него-то я и обращалъ вниманіе, потому-что онъ мнѣ положительно опредѣлялъ то, что если сочиненіе, существующее на извѣстномъ листѣ и могло быть написано позднѣе, то уже, очевидно, никакъ не могло быть написано ранѣе года фабрикаціи этого листа. При недостаткѣ другихъ хронологическихъ указаній, это обстоятельство было совсѣмъ не маловажнымъ.

Если-бы «Черновая» Грибоѣдова существовала въ какомъ-нибудь правильномъ видѣ, — мнѣ оставалось-бы только ее переписать и напечатать; если-бы даже на статьяхъ ея были годовыя и числовыя помѣты, то мнѣ нужно было-бы только привести этѣ статьи въ вѣрный хронологическій порядокъ, — и тогда дѣло мое было-бы вполне сдѣлано, потому-что для работъ такого рода, хронологическій порядокъ, безспорно, самый лучший. Но, не только ничего подобнаго не было, но и не было никакого способа къ выполненію работы, по такой мысли и такому плану. Между-тѣмъ, я видѣлъ совершенную невозможность представить публикѣ «Черновую» не только въ томъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ какомъ она

существуетъ въ доскахъ грибоѣдовскаго переплета, но и по-статейно, безъ какой-нибудь классификаціи, сортировки статей по родамъ ихъ. Одна эта сортировка или классификація могла придать «Черновой» видъ сколько-нибудь стройный и облегчить, при обзорѣ ея, самый трудъ читателя, сосредоточивши его вниманіе на отдѣльныхъ, самостоятельныхъ пунктахъ. Вотъ-почему я разсортировалъ всѣ статьи ея на три отдѣла, изъ которыхъ каждый должно почитать «собрательнымъ», потому-что я для каждаго бралъ бумаги съ разныхъ концовъ тетради.

I. Путевыя Записки. Отдѣлъ этотъ обнимаетъ собою, конечно, съ перерывами, пространство времени съ начала 1819 и до половины 1827 года (это крайніе опредѣленные пункты времени всей «Черновой»).

II. Отдѣлъ Замятокъ серьезнаго содержанія, — труды кабинетныя или мысли, проекты, вызванные извѣстнымъ служебнымъ положеніемъ Грибоѣдова.

III. Отдѣлъ чисто-литературный.

Но, и въ этихъ, «собрательныхъ» отдѣлахъ нельзя было оставить статей безъ взаимной связи, такъ-сказать безъ *спайки*: во-первыхъ, нужно было показать причины послѣдовательности статей, показать, что въ порядкѣ ихъ размѣщенія я дѣйствую не произвольно, но на основаніи какихъ-либо данныхъ (всего болѣе это относится къ крайне-разбитому въ «Черновой» и часто прерывающемуся отдѣлу путешествій и къ отдѣлу стихотвореній); во-вторыхъ, прибавить къ нѣкоторымъ статьямъ необходимыя объясненія, имѣющія характеръ не столько общій, сколько частный — по отношенію къ Грибоѣдову. Поэтому, въ этѣ связи или спайки и въ объясненія, которыя я предпосылалъ статьямъ, я вносилъ только то, что казалось мнѣ существенно-необходимымъ, нужнымъ къ поясненію факта, помѣщая все остальное, наприм. всѣ болѣе подробныя объясненія, — въ примѣчаніяхъ. Преимущественно-же я старался воздерживаться отъ эстетической критики, предоставляя ее читателю, а себѣ оставивши право высказать — и не иначе, какъ только въ этомъ введеніи — нѣсколько моихъ объ иныхъ статьяхъ мыслей.

Далѣе: должно было къ тексту «Черновой», особенно

къ отдѣлу вутешествій, составить комментарий. Думаю, что со мной согласятся въ необходимости ихъ, если вспомнить, что ничто не можетъ быть неопредѣленнымъ, такъ-сказать блѣднѣе описаній неизвѣстныхъ мѣстностей: тутъ собственные имена, какъ наприм. у Грибодова, разные Дадариурты, Кауры, Зенганы, Поссакануры, Кучукъ-Кои и проч. и указанія на незнакомые намъ лично предметы, мелькають передъ нашими глазами, какъ неуловимыя, неосязаемыя тѣни и все это становится для насъ, выражаясь стихами Пушкина :

Подобно надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Ясно, что все это требовало болѣе или менѣе подробнаго объясненія, которое тѣмъ становилось необходимымъ, что большая часть дорожниковъ Грибодова ведена перечнемъ и намеками: такимъ-образомъ комментарий, полные безъ излишества, должны были составлять въ отношеніи къ тексту даже болѣе нежели просто-пояснительную часть, а какъ-бы необходимо-добавочную. Только при нихъ путевыя записки Грибодова могли представлять нѣчто полное, удовлетворяющее читателя. Стало-быть, составленіе комментарий было дѣломъ не роскоши, а нужды, во-всякомъ-случаѣ такимъ, на которое, вѣрно, не посѣтуетъ читатель, который встрѣтитъ у Грибодова такіа, наприм. лаконически-написанныя слова, какъ «Раги Мидійскія» или «Артемій Араратскій», — многіе-ли у насъ могутъ сказать, что-такое первыя и кто-такой былъ второй? Кромѣ-того, попадаетса много нарицательныхъ именъ, которые тоже нельзя было оставить безъ объясненій: читатель всегда имѣлъ право спросить меня, какъ издающаго грибодовскій текстъ, что-такое разные, упоминаемые въ немъ, сарбазы, сардари, седрь-азсмы, нагрузъ, шаръ'э, ньюкеръ, чобанъ, шашлыкъ и проч.

Я не цитую, кромѣ весьма небольшого числа мѣстъ, тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ составлялъ комментарий: это заявлено-бы, совершенно бесполезнымъ образомъ, много мѣста и повело-бы только къ пестротѣ въ строкахъ выносокъ, не прибавивши ничего существеннаго къ дѣлу. Если комментарий удовлетворительны — цѣль моя достигнута. Но,

я долженъ сказать, что мнѣ встрѣчались вопросы, разрѣшенія которыхъ я не могъ найти и напрасно сталъ-бы искать въ печатныхъ источникахъ, и потому я почитаю обязанностію засвидѣтельствовать здѣсь мою полную благодарность за оказанное мнѣ содѣйствіе — извѣстному нашему ориенталисту г. профессору Мирзѣ Каземъ-Беку по разнымъ вопросамъ, касавшимся востока, М. К. Ломидзе — по Грузіи и Арменіи и В. С. Четверикову — по Крыму.

Я начинаю рядъ статей «Черновой» отдѣломъ путешествій: самая, несомнѣнно старшая, бумага, непосредственно слѣдующая, по порядку времени, за выѣздомъ Грибоѣдова изъ Петербурга въ 1818 году — это путевой дневникъ отъ Тифлиса до Тагерана, начатый 29-го января 1819 года. Можетъ-быть, (чего, впрочемъ, недумаю), есть въ «Черновой» бумаги и старше его, но на это нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній.

Теперь нужно сказать о сущности, о внутреннемъ достоинствѣ нѣкоторыхъ статей «Черновой» и о значеніи ихъ по отношенію къ личности и ко времени Грибоѣдова.

Начну съ отдѣла путевыхъ записокъ. Выше было сказано, что онѣ писаны по-большей-части намеками, перечнемъ (1), и это, конечно, придаетъ имъ нѣкоторую, по-крайней-мѣрѣ внѣшнюю, сухость, отнимаетъ у нихъ движеніе и текучесть послѣдовательнаго и быстрого разсказа. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что ихъ скатое, лаконическое изложеніе имѣетъ иногда самостоятельную прелесть, оригинальные силу и блескъ. Въ доказательство этого я привожу слѣдующую, очень характеристическую, строку: «Ночь въ Даріелѣ. Ужасъ отъ необычайно высокихъ утесовъ. Шумъ отъ Терека.» Коротко, сжато, изобразительно и нельзя не чувствовать — до какой степени это хорошо, какъ тутъ, въ нѣсколькихъ, бѣглыхъ, словахъ, сказано все, что сказать было можно и должно. И прибавлять нечего, — невольно, внутреннимъ смысломъ понимаешь какъ всякое лишнее слово только разводило-бы это сжатое, но сильное изображеніе мѣстности и положенія и испортило-бы дѣло. Часто у Грибоѣдова въ нѣсколькихъ словахъ сказано больше и лучше, чѣмъ во многихъ длинныхъ описаніяхъ: речень, подъ ру-

кой, конечно, мастера, стоятъ самаго полнаго и отдѣланнаго описанія, — напрымѣръ замѣтка іюня 23, 1827 или многія замѣтки по Крыму. — Путевыя записки Грибоѣдова, добавляю я, тѣмъ именно хороши и цѣнны, что это настоящія, неподдѣльныя путевыя записки, писанныя на извѣстныхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній, а не путешествіе, составленное и обдуманное въ кабинетѣ и разросшееся, съ помощію цѣлой груды книгъ подъ руками, изъ тощихъ замѣтокъ въ толстый томъ. Вотъ-почему можно сказать, что записки Грибоѣдова имѣютъ неоспоримое достоинство — непосредственности. Ей не помѣшало и то, что путешественникъ явился осматривать напрым. Крымъ, предварительно запасшись основательными, учеными объ этой странѣ свѣдѣніями. — Отрицать-же важность путевыхъ записокъ въ біографическомъ отношеніи никто, конечно, не станетъ.

О «замѣткахъ серьезнаго содержанія» я долженъ говорить нѣсколько подробнѣе, какъ по причинѣ ихъ относительной къ личности Грибоѣдова важности, такъ и въ предудрежденіе всякаго, могущаго мнѣ быть, замѣчанія, что я не выпустилъ изъ моего печатанія «Черновой» этихъ отрывочныхъ, совершенно сухихъ и нисколько взаимно не связанныхъ замѣтокъ, не представляющихъ, по видимому, никакого интереса для публики.

Во-первыхъ, я не имѣлъ права чтò-либо выпустить, а если что и было выпущено мной, о томъ поставлю себѣ обязанностію довести до свѣдѣнія читателя. — Во-вторыхъ, нужно разсмотрѣть: въ самомъ-ли дѣлѣ этѣ «сухія», неречневыя замѣтки ничего собой не доказываютъ и не имѣютъ никакаго значенія и интереса?

Desiderata (отд. II, N 1.) — цѣлая, небольшая тетрадка замѣтокъ, относящихся исключительно къ русской археологій, въ обширномъ смыслѣ (этнографія, географія и проч.) Въ массѣ этѣхъ замѣтокъ нѣтъ никакихъ научныхъ опредѣлений или выводовъ, ничего похожаго на результаты какихъ-либо изслѣдованій: напротивъ, тутъ по-большей-части одни только вопросы и указанія, — вопросы, имѣющіе чисто-аучныя основанія и характеръ, возникшіе въ слѣдствіе науч-

ныхъ соображеній и по-большей-части прямо указывающіе на необходимость иныхъ изслѣдованій для полученія, въ пользу науки, извѣстныхъ результатовъ. Все это, по мнѣнію Грибоѣдова, было желательно раскрыть, изслѣдовать, объяснить, собственнымъ трудомъ или трудомъ другихъ, на пользу общую, все это — *Desiderata*.

Тетрадка эта имѣетъ слишкомъ важное значеніе въ отношеніи къ личности Грибоѣдова: она бросаетъ на него новый свѣтъ, показываетъ намъ Грибоѣдова совершенно съ новой точки зрѣнія, въ той сферѣ, въ которой мы доселѣ не видали его, — въ сферѣ его познаній и научныхъ стремленій, въ сферѣ его частной, совершенно личной работы «для себя» и «про-себя.» — Прежде-всего, разумѣется, нельзя не замѣтить той, очень значительной, массы основательныхъ свѣдѣній, которыми обладалъ Грибоѣдовъ по предмету, къ которому относятся этѣ замѣтки: это само-собой бросается въ глаза. Онѣ почти всѣ не только обличаютъ близкое его знакомство съ самыми важными классическими сочиненіями по предмету русскихъ древностей и съ источниками (зам. 49), но и способность или хотя ту степень научнаго въ челоѣкѣ развитія, когда онѣ отдѣлываетъ, отработываетъ ученый вопросъ, хоть-бы и въ сжатой схематической формѣ выраженный, съ точностію, тщательностію безукоризненной, можно-сказать скрюполезной (зам. 42—47). Онѣ, добавлю, таковы, что если взять ихъ всѣ вмѣстѣ, въ массѣ, какъ отдѣльное цѣлое, то о нихъ можно было-бы написать цѣлое ученое критическое сочиненіе, въ которомъ выставилось-бы то, что сдѣлано у насъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Грибоѣдовъ написалъ эти свои «желанія», и разъяснилась-бы очень важная, въ отношеніи по-крайней-мѣрѣ къ Грибоѣдову, вопросъ: не признаетъ-ли даже и современная наука многихъ его требованій законными и еще подлежащими исполненію?

Но, для того, чтобы вполне, правильно оцѣнить въ Грибоѣдовѣ достоинство этѣхъ свѣдѣній по одному только предмету, случайно и кстати (о чемъ я объясню ниже) открытыхъ намъ «Черновой», нужно сдѣлать еще два необходимые замѣчанія: прежде-всего нельзя упустить изъ виду, что предметъ, къ которому относятся *Desiderata*, вовсе не

былъ предметомъ исключительныхъ, специальныхъ занятій Грибоѣдова, — стало-быть, тѣмъ-выше его заслуга, что онъ имѣлъ по этому предмету такія основательныя познанія, отличался такой любознательностію, пытливостію, желаніемъ пользы наукѣ; во-вторыхъ, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что человекъ съ этѣми свѣдѣніями и стремленіями принадлежалъ къ той эпохѣ образованія русскаго общества, о которой современникъ и можно-сказать сверстникъ его выразился очень добросовѣстно и вѣрно:

«Мы всё учились по немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь»...

Видно, что Грибоѣдовъ въ ту пору, когда человекъ учится (если только учится), не ех-officiо, а по сознанію важности ученія, учится для удовлетворенія нѣумолкающей въ немъ внутренней потребности знанія, — учился не «какъ-нибудь.»

Я сказалъ, что *Desiderata* открыты намъ «Черновой» не только случайно, но и кстати: дѣйствительно, онѣ имѣютъ близкую связь со всѣмъ путемъ Грибоѣдова въ Крымъ и съ самимъ путешествіемъ его по Крыму (на это ясно указываютъ NN 21 — 28, относящіеся къ Таврическому полуострову), стало-быть всѣ этѣ замѣтки могли быть составлены или до путешествія, или во время его, по-крайней-мѣрѣ по поводу его (2).

Много-ли у насъ и теперь найдется, не изъ специалистовъ, а изъ массы публики, такихъ путешественниковъ, какимъ былъ Грибоѣдовъ въ 1825 году?

Перехожу къ замѣткамъ Грибоѣдова о Петрѣ Великомъ (отд. II, N IV), изъ которыхъ нѣныя, какъ не совсѣмъ удобныя для печати, мною выпущены. Впрочемъ, Петръ и его эпоха для насъ, людей настоящаго царствованія, составляютъ такія

Дѣла давно-минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой, —

что, вѣроятно, хоть большинство мнѣній о нихъ можетъ быть высказываемо — не обинуясь.

Слишкомъ важенъ, слишкомъ знаменателенъ тотъ фактъ, что Грибоѣдовъ не былъ энтузіастомъ нашего великаго преобразователя.

Если-бы рѣчь шла тутъ объ одномъ изъ современныхъ намъ Репетилловыхъ, объ одномъ изъ тѣхъ людей, которыхъ очень вѣрно называютъ «пустѣйшими,» къ которымъ мысли въ голову наносятся вѣтромъ, съ какой-бы стороны ни дулъ онъ и для которыхъ народность, если они за нее схватятся, заключается въ поддевкѣ, стрижкѣ въ-кружокъ, шапкѣ-мур-молкѣ, штанахъ, запущенныхъ въ немовѣрно-длиныя голенища и рубахѣ съ косымъ воротомъ, — все это можно было-бы, пожалуй, какъ пустошь, оставить безъ вниманія. И тогда это было-бы не совѣмъ справедливо, потому-что и Репетилловы, взятые съ серьезной точки зрѣнія, очень-много собою доказываютъ; пусть они составляютъ только эхо тѣхъ мнѣній, которыя держатся и, хоть подъ-рукой, раздаются въ обществѣ, ¹ — важны не они, не Репетилловы, но мнѣнія и основанія, на которыхъ этѣ мнѣнія образовались и величина того круга, который они охватили. Но, тутъ рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь Репетилловѣ, а о человѣкѣ вполне серьезномъ, вполне европейски-образованнымъ, о человѣкѣ, у котораго мнѣнія составлялись строго и обдуманно, котораго современники называли «однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи»...

Можно-ли оставлять безъ вниманія убѣжденія такого человѣка?

А убѣжденія этѣ высказаны слишкомъ ясно. Вспомнимъ, что Грибоѣдовъ заставляетъ говорить Чацкаго:

«Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,

«Но хуже для меня нашъ сѣверъ во-сто-кратъ

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ отдалъ все въ промѣнъ на новый ладъ»—

Если-бы и послѣ этого оставалось какое-нибудь сомнѣніе, что этотъ взглядъ на вещи и этѣ убѣжденія принадлежать не лично Грибоѣдову, а такъ-сказать навязаны имъ Чацкому, какъ лицу, дѣйствующему въ комедіи, гдѣ въ основаніи убѣжденій дѣйствующихъ лицъ лежатъ ложныя начала, то одна изъ замѣтокъ Грибоѣдова о Петрѣ должна совершенно разсѣять это сомнѣніе. Вотъ она: «Петръ вводитъ чужія новизны. Царевичъ Алексѣй могъ любить отечество, и пользу народа, и славу, — и потому пустыхъ нѣмецкихъ нововведеній могъ не желать.»

Что сказать на это?

Вопросъ о Петрѣ рѣшенъ временемъ. — Конечно, всякому изъ современныхъ образованныхъ русскихъ людей извѣстно, что въ нашемъ обществѣ, или, лучше-сказать, въ значительномъ меньшинствѣ его, образовалось, уже гораздо послѣ Грибоѣдова, мнѣніе противъ Петра Великаго, основанное на томъ, что лучше было-бы, если-бы Петръ не явился у насъ какъ *deus-ex-machina* и Россія была-бы предоставлена своему естественному, нормальному развитію. Говорить о томъ, — лучше или хуже это было-бы — бесполезно, потому-что поздно. Въ сто-тридцать слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ со смерти Петра, надъ Россіей, не смотря на много грустнаго, въ ней совершившагося, пророчески сбылись слова Феодана Прокоповича, сказанныя надъ самымъ гробомъ Петра Великаго: *«какову онъ свою Россію сдѣлалъ, такова и будетъ, — сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ, сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ, сдѣлалъ на весь міръ славною, славною и быти не перестанетъ, убо, оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой намъ оставилъ»*.

Еще недавно прочли мы слѣдующія строки, написанныя съ замѣчательнымъ талантомъ: «Темныя стороцы дѣятельности нѣмецкихъ сподвижниковъ Петра не оставались безъ разоблаченія и укора со стороны исторіи, но слѣды, оставленные ими тамъ, гдѣ, для себя-ли, для другихъ-ли, работали они съ честью и пользою, заслуживаютъ полной признательности отъ каждаго, дѣйствительно-любящаго свою родину и хоть сколько-нибудь одареннаго здравымъ смысломъ русскаго человѣка. Господство иноземцевъ кончилось, мѣста ихъ заняли коренные, породистые русскіе; но тайное и пламенное желаніе, одушевлявшее при низверженіи нѣмцевъ нѣкоторыхъ фанатическихъ поклонниковъ старины, всё-таки не осуществилось! Россія не пошла вспять, не вернулась ко временамъ Кошкина, а, напротивъ, съ каждымъ годомъ тѣснѣй-и-тѣснѣй сближалась съ Западомъ, который вліялъ на нее болѣе-и-болѣе на счетъ Византіи и азіатскаго Востока. Отъ позора и гибели этого ретрограднаго движенія отечество наше спасено было тою-же могу-

чею волею, которая вызвала его къ новой жизни, тою могучею волею, которая, невидимо охраняя Россію среди смутъ и неурядицъ опаснаго переходнаго времени, и изъ-за гроба, казалось, звала за собой и народъ и правителей — впередъ и впередъ, безъ оглядки на темную и унылую даль, безвозвратно оставшюся позади!»

Нѣкоторыя замѣтки Грибоѣдова о Петрѣ отличаются и ѣдкостью и жесткостью. Дѣйствительно, Петръ, какъ человѣкъ, могъ ошибаться въ иныхъ случаяхъ, но, какъ человѣкъ гениальный, онъ былъ совершенно правъ въ идеѣ.

Самое мнѣніе Грибоѣдова о немъ составляетъ теперь не болѣе какъ фактъ любопытный и почти-что новый въ суммѣ матеріаловъ для біографіи Грибоѣдова. Опустить этотъ фактъ, какъ одинъ изъ лучей, освѣщающихъ такую замѣтельную, какъ Грибоѣдовъ, личность, было невозможно: напротивъ, на него нужно было указать, и притомъ очень ясно.

Разгадка этого факта къ настоящему изложенію не относится, да и едва-ли когда можетъ выйти изъ сферы гипотезъ.

Въ отдѣлѣ стихотвореній читатель, вѣроятно, замѣтитъ превосходное начало стихотворенія «Домовой» (помѣщаемаго мной въ N 1). и пожалѣетъ, что оно не кончено. Все, отъ мысли стихотворенія до формы его, до самыхъ оборотовъ рѣчи, такъ проникнуто чисто-русскимъ элементомъ, что можно со всей основательностію предполагать, что будь это стихотвореніе кончено, — изъ него вышло-бы нѣчто въ родѣ типически-русскихъ балладъ Пушкина — «Утопленникъ» или «Русалка». Люди съ очень образованнымъ эстетическимъ вкусомъ, которымъ мнѣ случалось читать его (вѣрно мнѣ не поставятъ въ вину, что я на нихъ ссылаюсь: главный критикъ — публика; это было сказано еще Мерзляковымъ), находили, что даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, въ числѣ шести только стиховъ, оно представляетъ нѣчто полное, оконченное и что-то такое, что можно назвать чисто-русскимъ антологическимъ стихотвореніемъ.

«А. О.», конечно, остановитъ на себя не только вниманіе, но и чувство всякаго образованнаго читателя своей гра-

цѣзностью и вмѣстѣ удивительной простотой. Особенно по этой простотѣ и силѣ чувства замѣчательны два послѣдніе, совершенно безхитростные, стиха. Не много найдешь стихотвореній, написанныхъ, какъ это, такъ «отъ чистаго сердца» и такъ говорящихъ сердцу.... между-тѣмъ тутъ-то и главная тайна поэзіи.

Что касается до отрывковъ изъ «Грузинской Ночи», то, вопреки пословицѣ, что сравненіе — не доказательство, я думаю, что самое правильное о нихъ мнѣніе можетъ быть выражено не иначе, какъ слѣдующимъ сравненіемъ: «Грузинская Ночь» въ томъ видѣ (судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ), въ какомъ она находилась въ минуту смерти ея автора, похожа на начатую, но не конченную, гениальнымъ ваятелемъ статую, — рѣзецъ художника видѣнъ, но до окончательнаго удара этого рѣзца было еще далеко. Конечно, нельзя не замѣтить силы иныхъ стиховъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ихъ блеска и совершенно стремительнаго движенія, наприм.:

Неблагодарности въ награду
 Конца не знай мученья своего,
 Тогда продай ты душу аду,
 Какъ продалъ сына моего....

Языкъ Грибодова, въ проѣктахъ сочиненій (отд. III. № 1 и 2), а особенно въ путевыхъ запискахъ, необработанный, бѣглый: видно, что все это писано на скорую-руку, для себя или, какъ-говорится, набросано. Очень часто попадаются неправильности, наприм. «Спускъ къ морю. Мысъ. Проѣхавъ изъ-за него, открылся Кучукъ-Ламбать»; также встрѣчаются галицизмы: «не дали быть пристальнымъ». — Нужно еще замѣтить, что Грибодовъ дѣлалъ постоянно три географическія ошибки: онъ писалъ «некоторый», «Северъ» и «естли». Впрочемъ, въ его время всѣ такъ писали это послѣднее слово.

Я печатаю изъ «Черновой» Грибодова все, кромѣ перечисленія восточныхъ географовъ (между которыми поवादается и важное для нашей исторіи имя Ибнъ-Фослана), потому что этотъ каталогъ не могъ представлять никакого интереса для нашей публички, и двухъ небольшихъ недоконченныхъ записокъ, относящихся, по мнѣнію моему, къ тому,

что должно входить въ исторію «Горе отъ ума» и потому оставленныхъ мной до статьи моей объ этомъ предметѣ.

ОТДѢЛЪ I.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

29 Января (3).

«Прелюбезный Степанъ Никитичъ! (4).

«Ты ко мнѣ пишешь слишкомъ мало, я къ тебѣ вовсе не пишу, что того хуже. Съ нынѣшняго дня не то будетъ. Однако, не постигаю какъ вы всё меня хорошо знаете, еще-бы ты одинъ, что-бы очень естественно, а то всё, всё. Неужели я такой обыкновенный человѣкъ! И Катенинъ, и даже князь, (5) который почти не живетъ въ вещественномъ мірѣ, а всё съ своими идеальными Холипскими и Ольгинскими, — и угадали, что я врядъ-ли въ Тифлисѣ найду время писать; — и точно, временемъ моимъ завладѣли слишкомъ важныя вещи: дуэль (6), карты и болѣзнь (7).»

«Теперь на второмъ переходѣ отъ Тифлиса и какъ-то опять сошелся съ здравымъ смысломъ и берусь за перо. чтобы передать тебѣ два дни моей верховой ѣзды. Журналъ пѣз Моздока въ Тифлисъ получишь послѣ, потому что онъ еще не существуетъ; а воспоминаній много; жаль, что я лѣнился, разсѣялся, или просто никуда не годился въ Тифлисѣ. Представь себѣ, что и Алексѣй Петровичъ (8), прощавшись со мною, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что со всѣмъ тѣмъ прекрасный человѣкъ. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ (не) сомнѣваюсь. Кажется, что онъ меня полюбилъ, а впрочемъ въ этихъ тризвѣздныхъ особахъ не трудно ошибиться; въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ дорожить-ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse.» Онъ разсмѣялся, сказалъ (9), что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать: вдругъ придетъ

въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персіи и пойдеть ихъ расширять по Араксъ (10)!— А съ нами что тогда будетъ? Кстати объ немъ, — что это за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тѣмъ краснорѣчія, а не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить; однако, позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуеть о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памяты, потому-что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было; однако ни разу не переспорилъ; можетъ-быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время (11), чтобы его нѣсколько узнать. Онъ въ Тифлисѣ приѣхалъ отдохнуть послѣ своей экспедиціи противъ Горцевъ, которую въ мартѣ снова предпринимасть, слѣдовательно — менѣе былъ озабоченъ трудами.»

«Что ты читалъ или прочтешь до-сихъ-поръ, мною было писано давеча, въ два часа по-полудни, но червадаръ (12), какъ у насъ называютъ, а по вашему подводчикъ, съ обозомъ тогда пришелъ, стали развѣивать, шумѣть и не дали быть пристальнымъ; теперь, въ глубокую ночь, когда всѣ улеглись, я хоть очень усталъ, а не спится. Стану опять съ тобой бесѣдовать.»

«Объ Ермоловѣ мы говорили. Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что по-утру или какъ говорится по.... (13) не приступень, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; онъ всегда одинаковъ, всегда пріятель, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь.... Я***, на котораго онъ сердитъ за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, (14) безъ ума отъ него. Объ бунтѣ писали въ Инваллдѣ вздоръ, на

который я въ С. О. отвѣчалъ такимъ-же вздоромъ (15). Нѣтъ, не при немъ здѣсь быть бунту. Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ (16), которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжеть ихъ села — что-же дѣлать? — По законамъ я не оправдываю никакихъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи, — здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько мнѣ кажется, прямигкихъ чувствъ, или я уже совсѣмъ сдѣлался панегиристомъ, а, кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писалъ стиховъ».

Здѣсь въ рукописи довольно большой пропускъ, почти въ три четверти страницы (въ четверку). Ясно, что Грибоѣдовъ не докончилъ своей мысли и хотѣлъ еще что-то прибавить къ послѣднимъ строкамъ: (иначе для чего было-бы оставлять бѣлую бумагу?) На оборотѣ этой-же страницы онъ продолжаетъ:

«Въ послѣдній разъ, на балѣ у Мадатова, я ему рассказывалъ пестербургскіе слухи о томъ, что Горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобы это такъ случилось. «Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ все почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, ни кому не завидую. *Montrez moi mon vainqueur et je cours l'ambasser*».

«Однако, свѣчка догораетъ, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все хранятъ, а секретарь странствующей Миссіи по Азіи на полу, въ безобразной хатѣ, на коврѣ, однако возлѣ огонька, который болѣе дымить, чѣмъ грѣеть: кругомъ воронье и ястреба съ погремушками привязаны къ столбамъ; того-гляди шинели раскладываютъ (17). Вчера мы почевали вмѣстѣ съ лошадьми: по-крайней-мѣрѣ ночлегъ былъ».

51-го Января.

«Мой милый, я третьяго дня принялся писать съ намѣреніемъ исправно увѣдомлять тебя объ моемъ быту, но Е. еще такъ-живо представляется передъ моими глазами, я только наканунѣ съ нимъ распростился, это увлекло меня говорить объ немъ; теперь обратитъ вниманіе отъ такого отличнаго человѣка къ ничтожному странствователю было-бы нѣсколько не занимательно для читателей, если-бы я хотѣлъ ихъ имѣть, но я пишу къ другу и сужу по-себѣ: ты для меня занимательнѣе всѣхъ плутарховыхъ героевъ».

«28-го, послѣ пріятельскаго завтрака, мы оставили Тифлисъ; я вездѣ нахожу пріятелей, или воображаю себѣ это; дѣло въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ Я***, и жалѣли, кажется, о моемъ отъѣздѣ. Мы разстались. Не доѣзжая до перваго поста, Саганлука (18), гдѣ только третья доля была подлежащаго намъ переѣзда, солнце свѣтило очень ярко, снѣгъ слѣпиль еще болѣе, по лѣвую руку, со стороны, Дагестанскія горы, перемежающіяся съ облаками, образовали прекрасную даль, притомъ-же не суховидную (19). Путь здѣсь не ровный, какъ въ нашихъ изоскихъ краяхъ; каждый взходъ, каждый спускъ даритъ новой картиной. Впрочемъ, зимніе пути самыя лучшіе; по-крайней-мѣрѣ воздухъ кроткій, а во всякое другое время года зной и пыль утомили-бы ѣдущихъ; итакъ, въ замѣну изнѣщаго, мы наслаждаемся покойной ѣздой. Но, первый переходъ былъ для меня ужасно труденъ: мы считаемъ 7-мъ агачей, по вашему 40 слишкомъ верстъ; я по утру обсакала весь городъ, прощальныя визиты и весь перегонъ сдѣлать на дурномъ грузинскомъ сѣдлѣ, и къ вечеру уморился; не доходя до ночлега, отсталъ отъ всѣхъ, нѣсколько-разъ сходилъ съ лошади и надалъ на снѣгъ, ѣлъ его; къ-счастью у конвойнаго казака нашлась граната, я ей освѣжился. Такъ мы дошли до Демурчизама (20). Сонъ и не въ мои лѣта обновляетъ ослабшія силы. На другой день, кромѣ головной боли, я еще кое-чѣмъ не домогалъ, не сильно однако. Тотъ-же путь, что наканунѣ, но день былъ пасмуренъ. На серединѣ перехода дорога вилась во-кругъ горы и привела насъ къ рѣкѣ Храмѣ (21). Мы ѣхали по ея те-

2*

ченію, а на склонѣ гора подалась влѣво и очистила намъ видъ на мостъ великолѣпный!.... Въ дикихъ, снѣгомъ занесенныхъ, степяхъ вдругъ наѣхали на такое прекрасное произведеніе архитектуры, ей-Богу. Утѣшно! и удивляетъ!... Я долго имъ любовался, обозрѣвалъ со-всѣхъ-сторонъ; онъ изъ кирпича; какъ-искусно сведенъ и огроменъ. Рѣка обмываетъ только половину его, въ другой половинѣ каравансарай (22), вѣрно — пристройка къ полуразрушенному; меня въ этомъ мнѣніи укрѣпляетъ то, что остальная часть состоитъ изъ четырехъ арокъ, которыя всѣ сведены чрезвычайно легко и съ отличнымъ вкусомъ, — нельзя, чтобы строитель не зналъ симметріи; верхи остры; первая отъ каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шаговъ въ діаметрѣ: я ее мѣрилъ шедши и параллельно тамъ, гдѣ теченіе рѣки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай великъ, но лучше-бы его не было; при мнѣ большой залъ былъ занятъ овцами; не знаю — куда ихъ гонеть верховой, который съ конемъ своимъ расположился въ ближайшемъ покоѣ. Съ середины моста сходъ по круглой, витой, ветхой и заледенѣвшей лѣстницѣ, по которой я было себѣ шею сломилъ; это ведетъ въ открытую галлерею, которая вписана надъ рѣкою. Тутъ путешественники, кто углемъ, кто карандашомъ, записываютъ свои имена, или врѣзываютъ ихъ въ камень. Людское самолюбіе любитъ марать бумаги и стѣны; однако жъ я, сошедши подъ большую арку, гдѣ эхо громогласное, училъ его повторять мое имя. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этого моста заложенъ былъ другой; начатки изъ плиты много обѣщали; не знаю — почему такъ-близко къ этому, почему не конченъ, почему такъ-роскошно пеклись о переправѣ чрезъ незначительную рѣчку, между тѣмъ на Курѣ, древней Циругѣ Страбона, нѣтъ ничего подобнаго этому. Какъ-бы-то ни было, Сенаккюри (23) или какъ русскіе его называютъ «красный мостъ», свидѣтельствуешь въ пользу лучшаго времени, если не для просвѣщенія, потому-что Бетанкуръ (24) могъ быть выпененой, то-по-крайней-мѣрѣ царствованія какого-нибудь изъ здѣшнихъ царей, или одного изъ Софіевъ, любителя пяятиаго (25).»

«Съѣхавши съ мосту я долго объ немъ думалъ; возлѣ меня трясся рысцей нашъ переводчикъ Шемиръ-бекъ. Я принужденъ былъ ему признаться, что Петербургъ ничего такого въ себѣ не вмѣщаетъ, какъ онъ, впрочемъ, ни красивъ и ни великолѣпенъ, даже въ описаніи П. Петр. Свиньина (26). «Представьте», сказалъ онъ мнѣ, «8 разъ побывать въ Персіи и не видать Петербурга, это не ужасно-ли!» — «Не той дорогой мы взяли», — отвѣчалъ я ему. Эта глупость меня разсмѣшила, не знаю — разсмѣшитъ-ли тебя? Впрочемъ, такія ничтожности я часто буду позволять себѣ, потому-что пишу для тебя собственно и для тѣхъ, которымъ позволишь заглянуть въ нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантовъ С. Отечества, куда, впрочемъ, это марапіе по дурному слогу и пустотѣ мыслей принадлежитъ. Извини, что дѣлаю тебѣ это замѣчаніе: ты скромень и любишь мое дарованіе, не уступишь меня критикѣ людей, которыхъ я презираю; но письма мои къ другимъ я нарочно наполняю личностями, что-бы они какъ-нибудь со столика нашего любезнаго князя не попали на станокъ театральной типографіи. Ни строчки моего путешествія я не выдамъ въ свѣтъ, даромъ-что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, растягиваюсь когда тепло, не справляюсь съ термометромъ и не записываю на-сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство, не придумываю по обнаженнымъ кустамъ—къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень.»

«Зовутъ обѣдать, прощай покудова. Если-бы я могъ перенести тебя на то мѣсто, гдѣ пишу теперь! Надъ рѣкою, возлѣ остатковъ каравансарая, куда мы прибыли послѣ труднаго пути, однако довольно рано, потому-что встали давеча въ 4 часа утра. Погода теплая, какъ уже въ концѣ весны. Въ виду у меня скала съ уступами, точно какъ та, къ которой, по описанію, примыкаютъ развалины Персеполя; я черезъ ветхій мостъ, что у меня подъ ногами, ходилъ туда;

влезалъ и, опершись на повисшій мшистый камень, долго стоялъ подобно Грееву Барду; не доставало только бороды».

Вечеромъ.

«Хочешь-ли знать какъ и съ кѣмъ я странствую, то по каменнымъ кругамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня однако: мнѣ хорошо, могло-бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей съ выючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Раннимъ утромъ поднимаемся; шествіе наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгруснулось, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовыя пѣсни, всѣ мнѣ вторятъ, и даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухаго мѣста, до пригорка, оттуда видъ отмѣнный, отдыхаешь, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши выюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзья собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому-что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, — свернуть въ бокъ, по полянамъ несутся во-всю прыть, по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ вверхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001-й ночи, когда онъ невѣсту кашемірскаго султана взмахнулъ къ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь. назадъ остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ»,—здѣсь скачу, сломя голову; вчера купилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкъся съ лошадыю, что по скользкому спуску, по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому-что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ. Странность свойственна человѣкамъ. Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но, думалъ-ли я, что поѣду на востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда дѣлаю непростительныя или невѣжественныя ошибки (27), давеча наприм. нѣсколько верстъ сряду вижу кусты въ хлопчатой бумагѣ и принялъ ихъ за бамбакъ, между-тѣмъ-какъ это оброски отъ каравановъ, — въ тѣсныхъ излучинахъ здѣшніе

колючіе отрости цѣпляють за хлопчатую бумагу и её-бы съ нихъ можно собрать до нѣсколькихъ пудовъ» (28).

«Дорого-бы я далъ за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались; солнце ихъ позлащало и они тогда какъ кипящее огненное море (29)... потомъ свились въ облака и улеглись у подножія дальнихъ горъ. Между ними черная скала Пенисъ плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ нашихъ глазъ, то появлялась по-мѣрѣ-того, какъ мы перемѣняли направленіе, наконецъ подошли къ ней,—нѣтъ приступу и въ серединѣ замокъ; не понимаю—какъ туда всходить. Мы ночевали въ***, но не имѣли въ виду страшилища» (30).

«Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ камень; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стойла, ничѣмъ не заслоненные, не заставленные. Между этѣми порами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ дорожный, поваръ нашъ славный, кормить хорошо. Мазаровичъ (31) покуда очень милъ, много о насъ заботится; и уважителенъ, и веселъ» (32).

«Нынче мы съ трудомъ проработывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями; туманы, туманы надъ горами.»

Здѣсь въ рукописи опять довольно большой пробѣлъ, видимо оставленный для вписанія того, что Грибоѣдовъ не успѣлъ внести въ это письмо-дневникъ. За пробѣломъ слѣдующія строки:

«Вчера я весь день какъ сурокъ проспалъ. Четыре дня, какъ мы изъ Тифлиса, три остается до Эривани; насъ очень пугають дилижанскимъ ущельемъ» (33).

Продолженіе этого дневника (февраля 2-го), въ чемъ нельзя сомнѣваться какъ по послѣдовательности чиселъ, такъ и по послѣдовательности мѣстностей, лежащихъ на пути отъ Тифлиса къ Таврису,—находится передъ самымъ его началомъ.

2 Февралл.

«Отъ Каравансарая мы отправились по теченію Ав-

гачы, (34) встрѣчь ея теченію, и пошли ущельемъ, гдѣ около насъ повторялись кавказскія мѣста,—скалы лѣсистыя, у ихъ подножія, между ними, шумить рѣка, то дѣлится на тонкія струи. Только то—разница, что въ прежнихъ ущельяхъ порохоиъ и ломомъ боролись съ преградными твержами, а здѣсь руками человѣковъ ничего не приспособлено къ удобному проѣзду. Груды камней на каждомъ шагу какъ-будто нарастаютъ; отростки деревьевъ бьютъ въ глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое мѣсто, тутъ сильный вѣтеръ поднялся на встрѣчу и не переставалъ насъ продувать и послѣ, когда уже горы сгузились, и мы возлѣ, въ лѣсу, выбрали себѣ у склона горы, упершись въ рѣчку, мѣстечко для отдыха и почлега. Тутъ мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себѣ изъ выюковъ булаганы, обвѣшали ихъ коврами, развели огни, около нихъ иные согрѣвались, другіе, насадивъ на лучину куски сыраго мяса, готовили себѣ кебабъ (35). Лучше всѣхъ курился огонекъ на островѣ, поодаль отъ насъ, около котораго обѣло странствующее купечество; лошади наши паслись на пригоркахъ.»

«А хорошо было ночевать Маѳусанламъ и Ламехамъ; первый, кто молотомъ сгибалъ желѣзо, первый, кто изобрѣталъ пѣвницу и гусли, — славою и любовью награждался въ обширномъ своемъ семействѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ есть города и граждане, ѣдемъ, ѣдемъ отъ Финскаго залива до тудова, куда сынъ Товитовъ ходилъ за десятью талантами, а все въ надеждѣ добыть похвальную знаменитость, и, можетъ, вѣкъ до нея не доѣдемъ.»

Здѣсь оставленъ огромный, слишкомъ въ листъ, пробѣлъ. Видимо, что путевыя впечатлѣнія Грибоѣдова до Эривани не должны были кончиться послѣдними строками. Продолженіе дорожника (на бѣлой бумагѣ и тоже in-4) опять-таки находится выше приведеннаго здѣсь, на-что ясно указываетъ помѣта:

Эривань. 4 Февраля.

Вотъ другой день пребываемъ въ армянской столицѣ, любезный мой. Худо-ли, хорошо-ли, мы ѣхали можешь судить по маршруту, но, для вѣрности, на каждый переходъ

прикладывай версть по пяти, на иной и десять придется лишнихъ, которыя, если не домѣрены межевщикамъ, то отъ того не менѣе ощутительны для усталыхъ путешественниковъ:

Отъ Тифлиса

	Версты.
Демунчихассану (35).	42.
Инджа	24.
Джогась.	24.
Каравансарай	30.
Биваки: Богась	42.
Каравансарай	36.
Эривань	50.

248 = 41½ агачамъ.

«Не стану утомлять тебя описаніемъ послѣдняго нашего перехода до здѣшняго города; довольно того, что я самъ чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верствъ по глубокимъ снѣгамъ проѣхали мы въ шесть часовъ, — разумѣется, порядочной рысью. Вотъ дѣйствительная служба: сочиненіе канцелярскихъ бумагъ не есть трудъ, особливо для того, кому письмо сдѣлалось любимымъ упражненіемъ. Вамъ, гиперборейцамъ, невѣроятно покажется, что есть другіе края, и на югѣ, гдѣ можно себѣ отморозить щеки; однако, это сбилось на одномъ изъ нашихъ людей и всѣ мы ознобили себѣ лица. Еще теперь слышу, какъ хрупкій снѣгъ хруститъ подъ ногами нашихъ лошадей; во всякое другое время быстрая Занги (36) въ иныхъ мѣстахъ застыла, въ другихъ медленно пробивается сквозь льды и снѣга подъ стѣны Эривани. Земля здѣсь гораздо возвышеннѣй Грузіи и гораздо жарче; одинъ хребетъ горъ, уже отъ Тифлиса, или еще прежде, отдѣлился въ-лѣво, съ другимъ мы расстаемся, — онъ уклоняется къ западу; все вмѣстѣ составляетъ ту цѣпь, которую древніе называли Тавромъ. Но, здѣшнія равнины скучнѣе тѣхъ скатовъ и подъёмовъ, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразіе. Не знаю отъ-чего у меня вчера во всю дорогу не выходилъ изъ головы смѣшной трагической стихъ:

Du centre des deserts de l'antique Arménie.

Въѣхавши на одинъ пригорокъ, надъ мглюю, которая носилась по необозримой долигѣ, вдругъ предстали передъ нами въ отдаленіи двѣ горы, первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефанъ-Цминдъ (37), ни другіе колоссы кавказскіе не поразили меня такою огромностію; обѣ вмѣстѣ завладѣли большею частию горизонта, — это двухолмный Араратъ, въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ въ первый разъ является такимъ величественнымъ (38). Еще накануне синѣлись верхи его. Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ передъ священными предаіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ; мой златокопытъ, повидимому, не раздѣляя чувствъ своего сѣдока, двинулся, понесся и мигомъ погрузилъ меня съ собою въ влажную стихію; меня всего обдало сыростию, которая до костей проникаетъ. Основаніе Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, какъ туча, висѣла надъ нами до Эривани.»

«Уже въ нѣсколькихъ верстахъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ города, догадались мы, что доѣзжаемъ до обѣтованнаго пріюта; туманъ долго застигалъ его отъ нашихъ глазъ, наконецъ, на низкомъ мѣстѣ, между кустами, въ-лѣво отъ дороги, по которой и мы своротили, пояснились двѣ части зданій, одна съ другой ни чѣмъ не соединенныя. Мы въѣхали въ пригородокъ. Но, представь себѣ ударъ человѣку, который въ жестокую стужу протрясся полдня въ надеждѣ пріютиться въ укромной горницѣ: на встрѣчу намъ ни души; стало-быть не радѣли о нашемъ успокоеніи, не отвели еще квартиру. Я бѣсился; притомъ неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ всякаго на моемъ мѣстѣ, и съ меньшимъ самолюбіемъ, такъ-же бы оскорбило. Миновали сады, высокія трикровныя кладбища, длинныя каменные ограды, за которыми стоятъ дома, башни и куполы мечетей, а на встрѣчу нѣтъ никого! Мазаровичъ кричитъ, что прямо ворвется къ Сардарю (39) и сдѣлаетъ суматоху. Наконецъ, выступаемъ на полѣ, что между крѣпостию и городомъ, и тутъ несется къ намъ посланный отъ Сардаря чиновникъ въ драгоцѣнной шубѣ, на богато-убранномъ конѣ и просить извиненія, что

адъютантъ, посланный насъ принять, не по той поѣхалъ до-рогѣ; въ-самомъ-дѣлѣ мы избрали путь кратчайшій, но не тотъ, которымъ обыкновенно сюда прибываютъ. Въ ту-же минуту Фарашь (40), въ высокой шапкѣ, въ желтомъ чек-менѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ висячими на спиѣ рукавами, длиннымъ шестомъ своимъ указывалъ намъ путь и билъ безъ милосердія всякаго, кто ему подъ руку попадался, мушницъ и женщинъ. Женщины становились къ намъ задомъ, это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья въ отведен-ный намъ домъ, это меня веселило. Такое особенное пред-почтеніе намъ, русскимъ; между-тѣмъ, какъ Англичане сми-ренно сгибаютъ колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ, и разутые, мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣ-ные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣш-немъ народѣ.»

«Однако, прежде-чѣмъ идти далѣе, позволь сообщить те-бѣ замѣчаніе. Для дамской нѣжной разборчивости оно-бы не годилось, но ты, военный человекъ, не взыщешь. При первомъ появленіи посланнаго отъ Сардаря и съ нимъ двухъ Фарашей, нашего обонянія коснулся самый чудный, тяже-лый, неприятный запахъ. Не повѣришь: избытокъ ассафеди-ты въ нашихъ аптекахъ—резеда въ сравненіи съ этимъ. Не понимаю, какъ они, три злодѣя, такъ сильно и скоро умѣ-ли заразить собою воздухъ!»

«Въ-слѣдъ за дѣйствующимъ посохомъ Фараша, за толпою народа, имъ гонимаго, мы вѣхали чрезъ широкія наружныя ворота въ домъ Мегметъ-бея; въ кругломъ, крытомъ и пе-мощенномъ подѣздѣ слезли съ лошадей и черезъ другія во-рота, надъ которыми возвышается большая надстройка, всту-пили во внутренній дворъ, обнесенный съ одной стороны те-ремомъ, съ другой высокой и фигурной стѣною; въ немъ за-мерзшіе фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для вхо-да передъ нами отдернули тяжелую заполу, которую здѣсь завѣшиваютъ всѣ двери, и впустили въ переднюю комнату. Съ-права залъ, съ-лѣва залъ, и одинъ, какъ другой; множество впадинъ и простынь и потолокъ лѣпной всякой всячиной; окны

косяцатыя съ рѣзбой, тѣмъ симметрически расположенныхъ четверугольниковъ изъ разноцвѣтной слюды; однако свѣту достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились въ обѣихъ залахъ. Въ-мигъ запылали каминны, на небольшихъ амвонахъ разставили жаровни, подали кальяны (41). Вскорѣ нагрянула къ намъ тѣмъ посѣтителей и затерянный адьютантъ. Насъ очень забавляло это европейское наименованіе, которое придаютъ человѣку, тѣмъ - только отличающемуся отъ прочихъ, что онъ ближе къ особѣ Сардаря и слѣдовательно чаще подвергается палочнымъ ударамъ. Хозяинъ нашъ отбылъ на охоту, братъ заступалъ его мѣсто и изъяснялъ, что домъ, услуга и даже собственная его особа намъ принадлежатъ. Тутъ-же мы нашли англійскаго указателя, не книжку, а человѣка. Во все мѣшается, все указываетъ; природа, кажется, обрекла его хлопотать бичемъ возлѣ кюррикеля (42), или работать веслами на Темзѣ, — здѣсь онъ переводитъ альбійское строевое ученье на фарсійскій языкъ, который для этого довольно плохо-знаетъ; ему ввѣряютъ цѣлый баталіонъ, или меньше, по-крайней-мѣрѣ онъ такъ говоритъ. Сарбазы (43) порядочные выйдутъ балансёры, если по немъ образуются. Между-тѣмъ, онъ намъ смерть надобѣдаетъ; вотъ другой день не знаемъ — какъ отъ него отдѣлаться; вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здѣсь въ большомъ употребленіи. Каждую минуту незнакомыя лица наполняютъ комнату, смотрятъ въ глаза, въ бумагу, если пишешь, и въ ту самую минуту кака-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась въ мое письмо. Мнѣ страшная охота припадетъ за это прочесть ее.»

«Сардаръ прислалъ намъ дикаго барана съ своей охоты; пребольшой звѣрь, рога съ олени, передняя часть преимущественно обросла тучнымъ руномъ; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазаровичъ щедро отплачивается калейдоскопами, которымъ пора прельщать Азію, потому-что намъ уже приглядѣлись.» (44)

«Вечеромъ озарило наши покои красное солнышко Эривани, — лысый, привѣтливый, веселый старикъ, любитель русскихъ, почитатель Ермолова, хозяинъ нашъ Мегмедъ-бекъ, Сарангъ, полковникъ, не въ томъ значеніи, что за этимъ чи-

номъ слѣдуетъ генераль-маіоръ и проч., а просто военный начальникъ. Передъ нимъ, за нимъ, несли увѣсистые под-свѣчники, подносы съ сладостями и лакомства, которыми, если-бы ихъ описать, врядъ-ли бы я разлакомилъ твое воображеніе. Но, въ какомъ-бы видѣ оно ни было, гостепріимство должно притушить стрѣлы насмѣшливыхъ наблюдателей; лучше познакомить тебя съ персидскою учтивостью. Вотъ обращеніе: Мазаровичу сказалъ Мегмедъ-бекъ, что онъ до-того обрадованъ его прїѣздомъ, что если-бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсѣчь голову всѣмъ его слугамъ и даже брату, онъ-бы чрезъ-то великое удовольствіе принесъ хозяину; а мнѣ, первостепенному мирзѣ, когда я просилъ его велѣть унести жаровни, чтобы отъ жару не перемѣнить мѣсто и не отсѣсть отъ него далѣе, объявилъ, что мѣсто мое у него подъ правымъ глазомъ. Карамзинъ-бы заплакалъ, Жуковский стукнулъ-бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ яитарнымъ грознымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ. Бесѣда наша продолжалась далеко за-полночь. Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представлялся мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго прїѣзжихъ изъ нѣмцевъ, Фаранги его домочадцами, самъ я — Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырые овощи и блюда съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется Англичаниномъ, а, право, нельзя ручаться — изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за-моремъ, — я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другого бродячаго ниоустранида того времени, который въ нашихъ теремахъ нилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосоольство. И эриванскій Маржеретъ или Дургильбредъ язвительно отзывается на счетъ Персіанъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду.»

Эривань. 3 Февраля.

«На утро, послѣ нашей вечерней бесѣды, я всталъ съ

жестокою головою болью, надо было придѣться и ѣхать къ Сардарю. Въ передней ждалъ насъ Тасскуль (45) его въ красномъ длинномъ платьѣ, при ужасной палкѣ съ позолоченнымъ набалдашникомъ для извѣстнаго употребленія.»

«Сардаръ Гуссейнъ-ханъ (изъ царствующаго нынѣ поколѣнія Каджаровъ), въ здѣшнемъ краю первый по Богѣ, третій человекъ въ государствѣ; власть его надежнѣе, чѣмъ турецкихъ пашей; онъ давно уже на этомъ мѣстѣ; платитъ ежегодно въ Бейрамъ (46), не всегда одинаково, въ видѣ подарка, а не государственныхъ доходовъ, нѣсколько тысячъ червонцевъ, за которые имѣетъ право взимать третю долю со всего, что земля производитъ, а разшутится, такъ и всѣ три доли его. Разумѣется, что продавцы ждутъ, покуда онъ свою часть не сбудетъ съ рукъ. Не только внутренняя торговля, имъ часто стѣсняется и внѣшняя, не смотря на трактаты, которые, такъ-какъ и Адамъ Смитова система, не при немъ писаны. Отъ себя содержитъ войско, но въ военное время требуетъ денегъ отъ Двора. Въ судебныхъ дѣлахъ его словесное приказаніе законъ, если истцы или отвѣтчики не отнесутся къ Шаръ, кодексу великаго Пророка, котораго уставы неизмѣнны (47). «Одѣвшись, мы отправились къ его высокостепенству. Намъ предшествовали Тасскуль и также исправно отправлялъ свою должность, какъ Фарашъ наканунѣ. Дома здѣсь испещренны внутри, снаружи удерживаютъ цвѣтъ природы, свойственный матеріаламъ, изъ которыхъ выстроены, по-большей-части дикіе. Въ нашемъ отечествѣ роскошь гостинныя и залы убираетъ съ изящною простотою, а извнѣ любитъ разкрашивать стѣны и приставлять къ нимъ столбики.»

«Мы доѣхали до зубчатой крѣпостной ограды, потомъ черезъ нѣсколько скваженъ, которыя называются улицами, протѣснились до послѣдняго двора Сардаря. Не знаю — что тебѣ сказать объ его хоромахъ? Нѣтъ ничего цѣлаго, притомъ столько кривизны, поворотовъ, переулковъ, пристроекъ, надстроекъ, входовъ, проходовъ, узкихъ, сумрачныхъ и вовсе мрачныхъ, что толку не доберешься. Въ преддверіи, родъ кануры, и на площадкѣ передъ нимъ толпилась тьма любопытныхъ; ихъ наружность, ужимки, платья, все это

похоже на входъ въ маскарадъ. Вошли въ приёмную; она должна быть очень хороша для персидскихъ глазъ: велика, полъ устланъ дорогами, узорчатыми коврами, и потолокъ и весь залъ росписанъ многими японскими узорами; съ-лѣва ставни занимаютъ всю продолговатую стѣну: въ нихъ цвѣтная слюда перемѣшана съ рѣзбою и съ наклееными коймами — это окна. Прямо противъ входа каминъ; въ правой, тоже длинной, стѣнѣ выемка въ полукружіе, въ которомъ выпуклый потолокъ представляетъ хаосъ изъ зеркальных кусковъ, и тамъ каминъ. На всѣхъ стѣнахъ, въ два ряда, одинъ надъ другимъ, картины, — похождения Ростома, персидскаго великана сумраковъ, котораго Малькольмъ вкленялъ въ свою исторію. Я имѣлъ время на все это уставить мой лорнетъ, потому-что нашего Сардаря еще не было. Ханъ, сынъ его, въ красной шубѣ, подогнувшимися колѣнами, сидѣлъ на отцовскомъ особенномъ коврѣ возлѣ каминна, что противъ входа. Онъ дѣлалъ намъ обыкновенные вопросы о здоровьи высокихъ особъ. Потомъ всѣ въ поясъ поклонились входящему Сардарю. Тѣмъ народу высыпала за нимъ. Онъ, взявши за руку Мазаровича, сказалъ ему, что познакомился съ нами, его мирзами, потомъ съ тремя дѣтками усѣлся въ уголъ на своемъ мѣстѣ. Сынъ его сталъ у притока съ прочими приближенными чиновниками, братъ Сардаря сидѣлъ по другую сторону каминна, мы къ окну на приготовленныхъ для насъ стульяхъ, все прочее благоговѣло, стоя въ глубокомъ молчаніи. Онъ сдѣлалъ тѣ-же вопросы, что сынъ его; подали кальянъ, чай съ кардамономъ. На головахъ несли огромные серебряные подносы съ конфетами; нѣсколько подносовъ со множествомъ сластей поставили передъ нами. Сардарю прислуживали на колѣнахъ. Конфеты совсѣмъ для меня новаго рода, однако превкусныя; я около нихъ постарался. Между-тѣмъ разговоръ происходилъ о походѣ Алексѣя Петровича въ Чечню и въ Дагестанъ, о путешествіяхъ нашего Государя по Европѣ для утвержденія повсемѣстнаго мира. Не помню, право, при какомъ случаѣ онъ Вѣну перенуталъ съ Венеціею»...

И это письмо, явно служащее продолженіемъ предыдущихъ, хотя оно въ самой тетради грибоѣдовскаго перепле-

та, находится и прежде нихъ и хотя листки его носить номерацию числъ, предшествующихъ числу перваго письма, (отъ 29 января), видимо, какъ и прочія, недописано Грибоѣдовымъ. Это ясно свидѣтельствуеютъ — какъ во 1-хъ, самое окончаніе письма (какъ оно здѣсь приведено), которое не можетъ быть названо окончаніемъ, потому-что не имѣетъ должной для того полноты, округлости, такъ и во 2-хъ, цѣлыхъ три съ половиной бѣлыя страницы, должно-быть оставленныя Грибоѣдовымъ для продолженія, котораго, однако, не было. За этимъ, послѣднимъ изъ Эривани, письмомъ отъ 5 февраля, по порядку путешествія и разсказа слѣдуетъ письмо:

Назначенъ. 9 Февраля.

«Третьяго дня, 7-го, мы отправились изъ Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133½ версты. Не усталость меня губить, свирѣпость зimy нестерпимая; никто здѣсь не запомнитъ такой стужи, всѣ южныя растѣнія померзли. Притомъ, какъ мнѣ надоѣли всѣ и все! Правъ Шаховской, — скука водить моимъ перомъ; не мудрено, что я тебѣ сообщу ее-же. Нѣтъ! нынѣшній день не опасайся ничего: ложусь спать съ однимъ воспоминаніемъ о тебѣ!»

10 — 13 Февраля.

«Сейчасъ думалъ, чтобы со мною было, если-бы я бесѣдой съ тобою (48) не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ, законтѣлыхъ постелегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ для себя не сталъ-бы замѣчать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будетъ въ рукахъ, дѣлаетъ меня внимательнымъ и все въ глазахъ моихъ украшаетъ надежда, что Богъ-дастъ свидѣнныя, прочтемъ это вмѣстѣ, много добавлю словесно и тогда сколько удовольствія! Право, мы счастливо созданы.»

«Какъ я тебѣ сказалъ, мы выѣхали изъ Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы тамъ всего пробыли три дня съ половиной и то задержали нѣкоторыя дѣла съ Сардаремъ. Думая также переждать холодъ, по напрасно: онъ не переставалъ свирѣпствовать. Я даже не отважился съѣздить въ древній Эчмяддинскій монастырь (49).

въ 18-ти верстахъ отъ Эривани въ сторону, и вообще, кромѣ какъ для церемоніального посѣщенія Сатрапу, не отходилъ отъ мангала (50) и отъ камина, который, по недостатку дровъ, довольно скудно отапливался. Сколько я могъ видѣть, при вѣздѣ и выѣздѣ, городъ пространенъ, а некрасивъ, и длинныя заборы и развалины, слѣды послѣдней осады русскими, даютъ ему видъ печальнаго заустынія. Объ обычаяхъ здѣшнихъ и нравахъ мнѣ еще труднѣе сказать мое мнѣніе отъ недостатка времени и случая къ наблюденіямъ. Если по одному позволено судить о многихъ, вотъ что я видѣлъ въ домѣ богатаго и знатнаго эриванца. Фараши его, въ 18 градусовъ по Реомюру, съ раскрытой шей, безъ зипуновъ, не согрѣваются даже достаточною пищею, но господинъ иногда ущедряетъ: раздѣляетъ имъ подачки со своего стола изъ собственныхъ рукъ, по кусочку шпрожваго, наиболѣе приближеннымъ. Это домашній дѣла; въ дѣлахъ государственныхъ здѣсь, кажется, не любятъ сокровенности кабинетовъ: онѣ производятся въ присутствіи многочисленныхъ слушателей. Я, въ простотѣ моего сердца, сперва подумалъ, что, стало-быть, рѣдко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здѣшніе высшіе чиновники, но въ томъ, въ чемъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснялся съ Сардаремъ, на прим: о переманкѣ и поселеніи у себя нашихъ бродящихъ татаръ, о притѣвленіи нашихъ купцовъ, высокостепенный былъ кругомъ неправъ, притомъ изложилъ, составленную имъ самимъ, такую теорію налоговъ, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахскихъ подданныхъ, ввѣренныхъ его управленію (51). И все это говорилось при многолюдномъ сборищѣ, чье разстроенное состояніе ясно доказываетъ, что польза Сардаря не есть польза общая. — Рабы, мой любезный! И по дѣломъ имъ! Смѣютъ-ли они осуждать верховнаго ихъ обладателя? Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣствица слѣпнаго рабства и слѣпой власти здѣсь безпрерывно восходитъ до бега, хава, бегяерь-бега (52) и каймакама (53) и такимъ-образомъ выше-и-выше. Недавно одного областнаго начальника, не взирая на его 30-ти лѣтнюю службу, сѣдую голову и ажоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ,

даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе по-крайней-мѣрѣ требуетъ суда виноватому, который всегда наряжаютъ. Криво-ли, прямо-ли судятъ, иногда не какъ хотятъ, а какъ велятъ, — подсудимый хоть имѣеть право предлагать свое оправданіе. Всего нѣсколько сутокъ, какъ я переступилъ границу, и еще не въ настоящей Персіи, а имѣлъ случай видѣть уже не одинъ самовольный поступокъ. Ты это въ свое время узнаешь. Въ заключеніе скажу тебѣ объ эриванскихъ жителяхъ, что они лѣтомъ можетъ-быть очень пріятные люди, а зимой вы-вымораживаютъ своихъ гостей; это никуда не годится; я продрогъ у Сардера и окостенѣлъ у Магмедъ-Бега».

«День нашего отъѣзда изъ Эривани былъ пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снѣгомъ, я укутался буркою, обернулъ себѣ лице башлыкомъ (54), пустилъ коня на-удачу и не принималъ участія ни въ чемъ, что вокругъ меня происходило. Потеря не-большая; сторона благословенная лѣтомъ, въ разказахъ и въ описаніяхъ, въ это время и въ эту погоду ничего не представляетъ изящнаго. Араратъ, по здѣшней дорогѣ, пять дней сряду въ виду у путешественниковъ, но теперь скрылся отъ насъ за снѣгомъ, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не смѣть раскрыться, выгнать на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простудѣ. И между ногъ безпрестанное движеніе животнаго, которое не даетъ ни о чемъ постоянно задуматься! Часто мы скользимъ по оледенѣлымъ протокамъ; иные живѣе прочихъ; не замёрзшіе проѣзжали въ бродѣ. Ихъ множество орошаютъ здѣшнія поля; вода нарочно проведена изъ горныхъ источниковъ и весною, усыряя пшеничныя борозды, долго на нихъ держится посредствомъ ископанныхъ для этого грядъ, съ которыхъ мы каждый разъ обрывались и вязнули въ зыбучихъ глубяхъ».

«Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со-временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители, она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но, по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда-бы я не расстался съ домаш-

ними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года. Съ такимъ ропотомъ я добрался до Деваду, большаго татарскаго селенія, въ 8¼ агача отъ Эривани, бросился къ комельку, не раздѣвался, не пллъ, не ѣлъ и спалъ какъ убитый».

«На другой день, для перемѣны, опять въ полѣ снѣгъ, опять тошное странствіе! Къ-счастію, отѣхавъ съ полъ-агача, поровнялись съ персидскимъ бариниомъ, ханомъ какимъ-то, который на поклонъ отправлялся къ Шахъ-зидѣ (55) За-нимъ Фараши, — одинъ везъ калянь, у другаго къ сѣду прикрѣплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьяго огромная кнса съ табакомъ для той-же потребности. Если-бы вмѣсто этой пустой роскоши, собрать всѣхъ калянщиковъ, подкалянщиковъ и самихъ страстныхъ курителей каляна и заставить ихъ расчистить, утоптать, умять снѣгъ на дорогѣ, чтобъ какъ-нибудь можно было ѣхать въ повозкахъ, не гораздо-ли бы лучше! Новый нашъ спутникъ въ восхищеніи, что нашелъ случай познакомиться съ російскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ, началъ отпускать ужасную нелѣпицу! Что за гиперболы! Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели въ покойныхъ розовыхъ книжечкахъ «для милыхъ»! Любовь, будто-бы, отъ одного слова, отъ одного взора новаго почтеннаго знаконца заронила искру въ сердце его (Персидскаго Хана) и раздула неутушимый пожаръ и проч. Во всякое другое время я-бы заткнулъ уши, но теперь этотъ восточный катаккусъ (56) пришлось очень-кстати: едва замѣтно было, какъ мы сдѣлали 6-ть агачей до почлега. Мнѣ пришло въ голову, — что кабы воскресить древнихъ Спартанцевъ и послать къ нимъ одного нынѣшняго персіянина велерѣчиваго, — какъ-бы они ему внимали, какъ-бы прищипли, какъ-бы проводили?»....

Тутъ въ рукописи Грибоѣдова, снова довольно-значительный пробѣлъ. На слѣдующей за нимъ страницѣ читаемъ:

«Ты мнѣ пѣняешь, за чѣмъ я не увѣдомляю тебя о про-

стрѣленной моей рукѣ. Стоитъ-ли того, другъ мой! Еще-бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое метилъ! (57). А то я-же заплатилъ за свое дурачество. Судьба.... Въ тотъ самый день, въ который.... Ну, да Богъ съ нами! Пусть стрѣляетъ въ другихъ, моя прошла очередь.

Иные славятъ Александра,
Иныхъ прельщаетъ Геркулесъ,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще другихъ Мильтиадесъ.

Есть мужества примѣръ,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британокій гренадеръ. (58).

«Князю напомниай обо мнѣ почаще. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданий. Не могу довольно нардоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ. Его статура, чтенье, сочиненья, горячность въ спорахъ о стопахъ и рифмахъ, кротость съ Катериною Ивановной (59), — не повѣришь, какъ память объ этомъ обо всемъ иногда развеселяетъ меня въ одиночествѣ, въ которомъ теперь нахожусь. Досадно, что на этотъ разъ некогда къ нему писать. Матушкѣ сказать два слова я еще не принимался, а Осипъ Мазаровичъ торопитъ; это братъ нашего повѣреннаго, отправляется въ Россію. Товарищъ Амбургеръ тоже не выдержалъ, поѣхалъ къ водамъ, а можетъ-быть не воротится. Что-жъ ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здѣсь два года?»

«А начальная причина все-таки ты. Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ. Не попрекнешь-же впередъ, право итъ: музамъ я уже не лѣнливый служитель. Пишу, мой другъ, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не разстался-бы съ тобой! Обнимаю тебя крѣпко-на-крѣпко. Однако, какъ мнѣ горько бываетъ!»...

Продолженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ этого письма-дневника (Таврисъ и Тагеранъ) находятся далеко выше начала, въ первой четверти Грибоѣдова черновой тетради и, притомъ, Тагеранъ прежде Табриса. Разумѣется, я привелъ это въ порядокъ, помѣстивши Таврисъ (со всеми не-

переходами) прежде Тагерана. Конецъ этого дневника писанъ въ листъ, на чрезвычайно дурной и грубой бумагѣ, какую теперь едва-ли можно гдѣ встрѣтить, очень блѣдными чернилами. (Въ просвѣтахъ этой бумаги виденъ годъ ея фабрикаціи: 1818-й).

Таврисъ.

«Съ его базаромъ и каравансараями. Встрѣча, почести, феталиханъ боится каймакама. Обѣдъ у Англичанъ, визитъ каймакаму. Сиръ Робертъ Портеръ (60). Приѣздъ Шахъ-зиды, церемоніальное посѣщеніе, Англичане, мое мнѣніе на счетъ ихъ и нашихъ сношеній съ Персіей (61). Бани и климатъ въ сравненіи съ тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка».

«21-го (62) выѣздъ изъ Тавриса. Лошади Шахъ-зиды славные; день кроткій, безсолнечный; съ обѣихъ сторонъ пригорки, слои бѣлые, глинистые, изъ которой дома строятся. Возлѣ самаго Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды подъ малымъ снѣгомъ похожи на овощные огороды. Мѣсто довольно гористое, 2½ станціи. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры въ деревняхъ, лучше чѣмъ въ прежнихъ».

«Второй день. Путь вниз, возлѣ горъ; съ-права долина, за которой другая цѣпь горъ. Возлѣ каравансарая много отдыхающихъ путешественниковъ, верблюдовъ и ословъ; и мы отдыхаемъ. Скидаю маску, (63) новый свѣтъ для меня просіялъ. Изъ каравансарая поднимаемся въ гору по глубокому и рыхлому снѣгу, и такъ до самыхъ Уджанъ (64). Въ виду лѣтній замокъ. Послѣ обѣда отправляемся; тамъ лисницъ на дорогѣ, пьютъ, играютъ по снѣгу и, при нашемъ приближеніи, убѣгаютъ въ горы. Югъ, 20 вѣтровъ, красныя облака и между ними синева; черныя тучи сзади; между этимъ всѣмъ звѣзды, какъ палительныя свѣчи».

«Третій переходъ трудный, крутизны и страхъ-снѣжно. Съѣздъ на катера. Долго ѣду, спускаюсь въ селеніе, гдѣ ночлегъ. Вьюки падаютъ, чуть не убиваютъ людей каждый разъ, когда объѣзжаютъ ихъ верховые стороною, гдѣ снѣгъ глубокій».

«Четвертый переходъ пріятный, однако много подъемовъ.

Рѣка Міана. Часто переѣзжаемъ въ бродъ около красныхъ утесовъ, которые похожи на обыкновенныя зданія. Приѣздъ въ Міану. Опасное насѣкомое, ковры» (65).

«Пятый. Туманы. Вступаемъ въ ущелья самыя узкія, пещеры, туманъ. Мостъ на Кизиль-агачѣ (66); оттуда-же по горамъ, на каждомъ шагу падаютъ лошади; тьма селеній, но все не тѣ, гдѣ почевать. Блужданье по полямъ, гдѣ нѣтъ дороги и снѣгъ преглубокій. Такъ застигаетъ ночь. Приѣздъ въ замокъ».

«Шестой. Трудный путь по зимней дорогѣ; гдѣ проталины, тамъ скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотитъ верхи горъ, которые, какъ волны, зыблются отъ переменчиваго отлива. Мѣстечко, славный замокъ. Ханъ. Много деревень».

«Седьмой. Безснѣжный путь. Славный изъ-дали Занганъ (67) красиво представляется. Встрѣча. Передъ Занганомъ въ деревнѣ—встрѣча. Множество народу. Сходимъ возлѣ огромнаго дома. Описаніе его. Славные плоды. Явленіе весны. Музыка вечеромъ».

«Восьмой день тамъ-же. Накануѣ батоги и 5 тумановъ за лошадь» (68).

«Девятый. Горы простираются съ-права и съ-лѣва. Между ними долина необозримая. Вотъ, до-которыхъ-поръ доходило посольство. На курганѣ, окруженномъ деревьями, бесѣдка приемная, другая тоже, башня четверугольная, какъ въ Зангамѣ гаремъ, треугольникъ для евнуховъ, бесѣдка для банн. Ямы на полѣ, замокъ, далѣе руины Султаней (69). Тьма верблюдовъ, ширванскіе купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. Исторія Кодабенде. Лѣпныя слова какъ кружево. 37 шаговъ въ діаметрѣ, 43 шага до 3-го этажа, отъ 2-го до 5-го 22; потомъ 60 шаговъ безъ ступеней, сходъ на платформу, гдѣ куполь, 8 минаретовъ, въ одномъ 40 шаговъ. Видъ оттудова».

«Десятый день холодный и дождливый. Цѣлый день въ маскѣ и въ тюрьмѣ. Заѣзжаемъ въ деревню, гдѣ хозяинъ желаетъ прихода русскихъ. Вечеромъ прояснилось. Дождь смылъ вездѣ снѣгъ, даже на горахъ. Скачемъ до Абгара (70). Сады въ Абгарѣ, мечети; выѣзжаемъ изъ воротъ,

славная дорога, скачемъ другъ-передъ-другомъ и доскакиваемъ до ночлега. Уже горы чрезвычайно разширились. На другой день въ 3½ часа поспѣваемъ въ Казбинъ» (71).

«Казбинъ, древняя метрополія поэтовъ и ученыхъ. Фисташковыя деревья. Хозяинъ жалуется богу на Каджаровъ. Остатки древняго великолѣпія — мечети, мейданы (72) и проч. Передъ Казбиномъ много деревень въ сторонѣ, принадлежатъ Сардарю Эриванскому; имъ-же выстроены училища въ Казбинѣ».

«Изъ Казбина ѣдемъ къ юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлегъ. На другой день большой переходъ; я отстаю. Утро славное; мальчикъ съ осломъ плачетъ, что онъ впередъ нейдетъ. Встрѣча съ Ханомъ, религиозное прѣніе. Издали увеселительный замокъ Шаховъ въ мѣстечкѣ, стоитъ на терассахъ; большой дворъ, въ-право жилья, конюшни, въ-лѣво два царскія жилья и башня. Съ другой стороны замокъ Алія и горы. И теперь хороши, а лѣтомъ еще лучше должно-быть».

«Переходъ похожъ на прогулку; много народу встрѣчается на дорогѣ. Мы то въѣзжаемъ на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскорѣ горы насъ сами оставляютъ и уклоняются *schreck übertrüks* въ-лѣво; открываются Негиристанскія горы. Подъѣзжаемъ къ руинамъ, на-право Раги Мидійскія (73); мечеть и тамъ возвышается Тагирань. Нашъ домъ.

Тагирань.

«Негиристанскія горы влѣво. Давамендъ (74) за облаками, впереди равнина, справа развалины Раговъ Мидійскихъ и мечеть. Стѣны съ башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжія улицы (грязныя и узкія) — это Тагирань».

«Визитъ Седеразаму (75), бодрый старичекъ. Наканунѣ Бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрѣлъ, подарки, форма принманія».

«Въ Наврузъ (76) мы, какъ революціонные офицеры, передъ нами церемонимейстеръ, проѣзжаемъ нѣсколько улицъ, въѣзжаемъ черезъ крытыя ворота; на обширной площади много народу; чисто, родъ бульвара. Слѣва башни разноцвѣтныя и стѣны; впереди мечеть, справа новая мечеть,

первый позлащедный куполь. Поворачиваемъ въ-лѣво, черезъ ворота въ крытую улицу; еще площадь, усѣяна народомъ, разные костюмы, пѣсни, бимбаша (77), огромныя пушки на помостахъ, фальконеты; доѣзжаемъ до внутренняго двора, гдѣ настоящій праздникъ. Ждемъ въ комнатѣ возлѣ тронной. Потомъ и Англичане. Передъ окошками множество чиновниковъ въ богатыхъ шалевыхъ платьяхъ, суетятся въ промежуточныхъ аллеяхъ; передъ трономъ бассейнъ съ водометами, въ ширину трона; уставленъ искусственными цвѣтами, какъ у насъ вербы; сорбеты подносятся; далѣе, въ продолговатости, другой такой-же бассейнъ».

«Взвѣдять на наши мѣста. Три залпа фальконетовъ. Журавль. Шахъ-зиды, большіе и малые. Царь въ богатомъ убранствѣ и съ лорнетомъ. Амлихово (78) замѣчаніе. Муллы, стихи, god save the king, трубы, стихи, слонъ, деньги, представленія, тѣлодвиженія короля. Какъ длинна борода царя (79). Онъ также въ гаремѣ празднуетъ бейрамъ.»

«На-канупѣ, ночью и во весь день все варварская музыка.»

«Нашъ дипломатическій монастырь.»

Въ этомъ, «дипломатическомъ монастырѣ,» какъ счастливо и метко выразился самъ Грибоѣдовъ, — въ Тагеранѣ, при дворѣ Шаха, — онъ пробылъ, по соображенію моему, основанному на бумагахъ его «Черновой,» ровно три мѣсяца, то-есть съ 8-го марта (9-го, въ день Нау-рузъ, посольство дѣлало визитъ Садръ-Айзаму) по 8-е іюня 1819 года. Въ это число онъ оставляетъ Тагеранъ и вмѣстѣ съ цѣлою *ордою* (подлинныя слова Грибоѣдова въ путевомъ его дневникѣ, о которомъ я сейчасъ буду говорить) сопровождаетъ самого Шаха, выступившаго изъ столицы своей съ войскомъ. *Куда* именно выступилъ Фетхъ-Али-Шахъ, — этого, по-крайней-мѣрѣ по началу дневника, съ совершенной точностію опредѣлить нельзя, но, по нѣкоторымъ намекамъ этого дневника, можно думать, что прямой и главной причиною похода было возмущеніе Хозровъ-Хана и бунтъ въ Рештѣ (80), въ которомъ Хозровъ-Ханъ и былъ осажденъ,

какъ это значится въ отмѣткѣ Грибоѣдова іюня 15-го. Впослѣдствіи дѣло не разъясняется, а еще болѣе запутывается: хотя въ дневникѣ и сказано, что «Давудъ-паша багдатскій прислалъ Шаху подарки,» — тотъ самый, замѣтимъ, Давудъ или Даудъ-паша, который вздумалъ было вовсе отложиться отъ турецкаго владычества, выдержалъ трехъ-мѣсячную осаду войскъ Султана Махмута, наконецъ былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ, — но въ-слѣдъ за-тѣмъ, іюля 10-го, когда Грибоѣдовъ приблизился къ стану Шаха, онъ приписалъ на поляхъ своей дорожной тетрадки (съ-боку) — «говорять о походѣ въ Багдаты.» Багдаты, какъ извѣстно, съ самаго начала XVI вѣка былъ предметомъ постоянного раздора между Персіей и Турціей, оставшись наконецъ, съ половины XVII вѣка, во власти послѣдней. Наконецъ уже, 28 іюля, находится у Грибоѣдова отмѣтка, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія относительно цѣли похода: «10,000 отправляются въ Багдаты противъ Турковъ.» Каковъ былъ исходъ дѣла — намъ неизвѣстно, но во-всякомъ-случаѣ надо думать, что это воинственное «похожденіе» Фетхъ-Али-Шаха вовсе не было важно и что шахъ, поднявшись противъ Хозровъ-Хана, только при семъ удобномъ случаѣ, погрозилъ Багдату, иначе Грибоѣдовъ, прибывшій, какъ видно изъ дневника, своимъ путемъ, 22 августа въ Таврисъ, все-таки съ нѣкоторой подробностію разсказалъ-бы послѣдствія этого похода. Этотъ дневникъ — (писанный на тетрадкѣ изъ 12 страницъ бѣлой бутаги, въ-четвертку, то есть состоящій изъ трехъ полныхъ листовъ), — конецъ котораго въ высокой степени замѣчательнъ, веденъ Грибоѣдовымъ, какъ и все его дорожники, исключая выше приведеннаго, писаннаго въ формѣ письма къ С. Н. Бѣгичеву, перечнемъ. Поэтому я сообщаю его читателю не цѣликомъ, а выдержками, — впрочемъ, довольно значительными, — выписывая волишь только его начало и потомъ останавливаясь на тѣхъ его пунктахъ, которые по чему-либо особенно замѣчательны, — по изображенію-ли мѣстности, хотя и сжато, но можетъ-быть именно по причинѣ этой самой сжатости, опредѣленному и яркому, или по характеристическимъ чертамъ въ изображеніи иныхъ лицъ, понятій и образа дѣйствій.

Путевыя записки (81).

«8-го іюня цѣлую ночь не сплю, изготавляемъ въ путь. Толпа женщинъ; раскрываются на-послѣдяхъ. Прощальное посѣщеніе Седеръ-Азему. Онъ въ холодкѣ сидитъ во внутреннихъ воротахъ, жалуется, что долженъ ѣхать по ночамъ съ Шахомъ, въ его лѣтѣ; упоминаетъ объ Румянцевѣ. — Откланиваемся. — Остановка за выюками. Отправляемъ въ самый полдневный жаръ. Безплодный видъ Тегеранскихъ окрестностей. Сады, какъ острова, уединенно зеленѣютъ среди тощей равнины. Между горъ Демавендъ съ снѣжнымъ челомъ. Вдоль горъ доходимъ до Кенда (82). Тьма разнообразныхъ деревъ, черешень, шелковицъ, орѣшниковъ грецкихъ, абрикосовъ и проч. Роскошествуемъ въ свѣжей квартирѣ подъ пологомъ, объѣдаемъ фруктами.»

«9-го встаемъ въ глубокую полночь; ни зги невидать, смятеніе. Спускаемъ съ горы, камни хрустятъ, вода плещетъ подъ ногами. Мы все (ѣдемъ) вдоль горъ. Къ утру слышатся позвонки. Звѣзда. Небо проясняется. Выѣзжаемъ на большую дорогу. Тьма верблюдовъ, лошаковъ, коней. Уклоняемъ въ сторону. Завтракаемъ. Шахъ и всякіе Шахъ-зиды позади. «Откуда эти господа?» — «Со страхомъ повергаюсь въ прахъ передъ Вашимъ Величествомъ.» — «Усердіе всегда водятъ васъ истиннымъ путемъ.» Залпъ въ Сулеймангѣ (83). Моя встрѣча съ дочерью Хана въ трахтараванѣ (84). — За Сулеймангой три деревни; самая послѣдняя Сункуръ-Абидъ. На-силу доѣзжаемъ.»

«Высокой свѣсистый дубъ, подъ нимъ помость. Тутъ мы располагаемъ.»

«10-го ночью-же встаемъ; передъ утромъ свѣжо и приятно. Я часто отдаляюсь отъ другихъ и сажусь отдыхать возлѣ воды, гдѣ тьма черепахъ. Поля кругомъ въ хлѣбахъ; вообще видъ обработаннаго и плодороднаго края. Нѣсколько деревень. Наконецъ Сефиръ-Ходжа (85); кругомъ аллея, гдѣ располагаюсь спать. Вѣтеръ ужасный и знойный. Укрываюсь въ деревню.»

«11-го ночью жаръ и утромъ печетъ немилосердно, все съ себя скидаю, скачу стремглавъ. Много колесилъ округъ Касбина, срывалъ молодыя фисташки. Наконецъ, на квартирѣ

тѣмъ фруктовъ и отдыхъ. Молитва Хана на разсвѣтѣ. Pittoresque.»

И такъ, не смотря на жаръ, въ-самомъ-дѣлѣ жестокий, на который Грибовдовъ постоянно жалуется и отъ котораго, какъ онъ выражается въ одномъ мѣстѣ, его Амликъ даже *плечо сжегъ*, онъ всё-таки «роскошествуетъ» посреди этой дѣйствительно-роскошной природы востока, видимо любясь ею. Во время отдыховъ онъ читаетъ Thomas Moore.

«Юля 11-го. Видимъ Шаховъ станъ кругъ его дворца. Приѣзжаемъ, разбиваемъ наши палатки. Луна не показывается, нѣтъ бейрама» (86).

«Юля 12. Бейрамъ. Жаръ. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы.... но что дѣлаетъ эффектъ на парадѣ, не всегда еще полезно въ дѣлѣ, въ сраженіи.»

«Внутренность палатки вся въ коврахъ, а внѣшняя (сторона) такъ и поливается.»

«—13. Шахскій дворець, какъ скотный дворъ, полуразрушенный. Самъ-онъ очень привѣтливъ, только много томошится на своей подушкѣ. Разговоръ о маскерадахъ, театрахъ и вообще о нашихъ увеселеніяхъ. Шахъ даритъ Государю Аббасъ-Мпрзу» (87).

«—14. Возлѣ нашей палатки факиръ съ-утра до-вечера кланяется къ востоку и произноситъ: «Ей Али!» и обратившись въ другую сторону, — «Имамъ-Риза» (88).

«Поэтъ Фехтъ-Али-Ханъ, лѣтъ около 60, кротость въ обращеніи, пріятность лица, тихій голосъ, любитъ рассказывать. Шахъ за одну оду положилъ ему горсть брилліантовъ въ ротъ.»

«—17. Шахъ съ избранными изъ гарема отъѣзжаетъ къ прохладному роднику возлѣ горъ, гдѣ разбиваетъ свой шатеръ и пользуется жизнью.»

«— 19. (89) Юсуфъ-Ханъ-Спадаръ дѣлалъ ученіе съ пальбою.»

«— 20 Шахъ его потребовалъ къ себѣ.»

— Къ чему была вчерашняя пальба?

— Для обученія войскъ Вашего Величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. изъ моихъ собственныхъ.

— Заплатить столько-же Шаху за то, что палили безъ его спросу.

«Утромъ мы ѣдемъ за агачъ отъ орды, въ горы, къ югу. Вдоль ручья дикій садъ. Ручей проведенъ водоскатами. Все это мѣстечко включено между горъ полукружіемъ. Живописный видъ въ султанейскую долину. На дорогѣ три арки,—развалины моста. На возвратномъ пути между нами свистнула пуля по неосторожности персидскаго стрѣлка. Заѣзжаемъ въ мечеть (остатокъ отъ древняго города); круглая, внутри стихи, между прочимъ: «да погубить Богъ того, кто выдумалъ Сарбазовъ, а особенно.... (90).—Пословица о Каджарахъ (91).

« — 25. Дожди безпрестанные; бумажныя палатки протекають.»

« — 26. Приѣздъ Аббасъ-Мирзы» (92).

« — 27. Вхожу на одну изъ дворцовыхъ террасъ. Дальній видъ султанейскаго лагеря.»

« — 28. 10,000 отправляются къ Багдату противъ Турковъ.»

«Разговоръ съ Нагибъ-Султаномъ. Его видимая преданность нашему государю.»

«Зарю играютъ; каждый вечеръ дудочкамъ, писскалкамъ и лютаврамъ созвучала вѣстовая.»

«Мирза потерялъ значительную сумму. Нашли воровъ и деньги, которыя Шахъ себѣ взялъ.»

Въ этомъ дневникѣ, который мы теперь разсматриваемъ, подъ 10 числомъ августа, совершенно неожиданно выступаетъ, эпизодически записанный Грибоѣдовымъ, какъ видно на-скоро, безъ всякихъ, однако, помарокъ, но очень плохими, блѣдными чернилами

Разсказъ Вагина.

«Шахъ меня подарилъ Гаджи-Мирзѣ-Магмедъ-Агвари (93). Въ ихъ Бога онъ не вѣровалъ, и въ какого вѣровалъ, не извѣстно; все ворожилъ; бывало запретъ у себя, сдѣлаетъ воценаго человѣка, произноситъ надъ нимъ что, и перерубить на-двое, туловище въ одну сторону, а исподнюю часть въ другую. Такъ онъ въ 40 дней доставилъ голову Циціа-

нова. Шахъ ему писалъ неправду, что новоевалъ Россію, а мой хозяинъ ему отписалъ, что, коли-такъ, иди, возьми Тифлисъ; Шахъ разсердился, хотѣлъ его порубить, а онъ, узнавши это, бѣжалъ съ сыномъ, съ женою и со всѣмъ домомъ, и я съ нимъ, въ Багдаты. Тамъ владѣлъ Гассадъ-паша. Мой хозяинъ ему нѣсколько разъ предлагалъ Шахскую и Мегмедъ-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдутъ войною. Шахъ по немъ посла послалъ, его не выдали. Другой на мѣсто Гассадъ-паша былъ назначенъ изъ Царьграда, Давудъ-Эффенди и подступилъ къ Багдату. Мой хозяинъ поднялъ такой вѣтеръ въ его лагерь, что свѣту божьяго не видать и качалъ нѣсколько дней вербляужью голову; потомъ вербляужь, лошачь, собачьи головы зарывали возлѣ Давудова лагеря, ночью. Этихъ людей поймали. Давудъ-Эффенди спросилъ: по чьему приказанію? Кто у васъ ворожитъ? Ему отвѣчали: Гаджи-Мирза etc. Потомъ мой хозяинъ назначаетъ въ который день еще вихрю подняться и ставкѣ Давудъ-Эффендіана-двое разорваться. Такъ и вышло, и все его войско побѣжало. Наконецъ Давудъ-Эффенди съ помощію М. А. М. (Мегмедъ-Али-Мирзы) опять воротился къ Багдату. Нѣсколько въ городѣ узнали, что онъ при себѣ ферманъ имѣеть владѣть ему въ Багдатѣ, и безъ драки отворили ворота. Гассадъ-пашу казнили и моего хозяина съ сыномъ, домъ разграбили и послѣ разломали. Несмѣтное множество народу собралось и всякихъ стенихъ Арабовъ, когда кувшинъ съ нефтью принесли къ деревяннымъ воротамъ дома, чтобы ихъ поджечь, ни капли не нашли, пзъ.... (94) его пскры посыпались.»

Я не почелъ себя въ-правѣ выпустить этотъ, совершенно, повторяю, эпизодическій, ни съ чѣмъ, ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ, у Грибоѣдова не связанный и нѣсколько имъ не поясненный, рассказъ: онъ, во-всякомъ-случаѣ, для насъ, если можно выразиться, замысловато-любопытенъ, тѣмъ, что составляя, хотя-бѣгло и слишкомъ скато записанную, но отдѣльную пьеску, наводитъ на то, очень вѣроятное, предположеніе, что это долженъ-быть рассказъ русскаго, можетъ-быть одного пзъ «Сарбазовъ» Ханъ-Султана, о которыхъ сейчасъ-же будетъ рѣчь: фамилія Ва-

гнѣ чисто русская, происходящая отъ *гани*, — поперечнаго бруска у дышловыхъ экипажей, на которомъ утверждаются четыре бабки, или шленки, служащія для надѣванія постромокъ. Можетъ-быть, въ этомъ разсказѣ, русскій плѣнный перенесъ свое родное суевѣріе на чужбину и въ неволю, и это показалось любопытнымъ Грибоѣдову. Я даже не почитаю себя въ-правѣ скрыть и того, что этотъ разсказъ кончается въ Грибоѣдовской «Черновой» довольно забавнымъ образомъ, а именно словами: *обмакнулъ въ чернила*, написанными чернилами, дѣйствительно гораздо темнѣе тѣхъ, которыми писанъ весь разсказъ: видно бѣдствующій въ письменномъ отношеніи, путешественникъ очень обрадовался порядочному и одному изъ совершенно необходимыхъ для письменнаго дѣла, средствъ и не утерпѣлъ, чтобы не записать объ этомъ съ нѣкоторымъ торжествомъ. Эти слова, какъ даже ни смѣшны они, такъ и дышатъ жизнію и переносятъ насъ въ извѣстное положеніе человѣка.

За «разсказомъ Вагина», на оборотѣ страницы, находятся слѣдующія слова:

«Вали Курдистанскій; молитвы Фетали-Шаха. Въ деспотическомъ правленіи старшіе всѣхъ подлѣе».

За тѣмъ опять, съ 16-го по 25-е августа, начинается речень путешествія. Въ немъ, между-прочимъ, записано слѣдующее:

«17) Жаръ въ саду. Амлихъ плечо сжегъ. Міанскіе ковры, клопы. Хапъ съ Сарбазами, который къ намъ ушелъ. Отправляемся передъ закатомъ солнца. Груды утесовъ, рѣка Міаначай излучисто пересѣкаетъ тѣсныя ущелья; разныя формы камней, особливо при мѣсячномъ свѣтѣ; спуски, всходы, одинъ спускъ ближе къ Тюркменчаю (95), прекрутой».

«18) Ночью пріѣзжаемъ къ Тюркменчаю; не сплю; выюкъ потерянъ. Походный декламаторъ. Тьма куропатокъ. Въ 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропатокъ; гористая дорога, снопы, арбузы съ привѣтствіемъ отъ жнецовъ и собирателей (96). Спуски, всходы, 2 каравансарая; прежніе разбой, нынѣ безопасно».

«19) Подъ-вечеръ въ Ужданахъ, въ палаткахъ, въ виду дворецъ».

«20) По утру ѣдемъ во дворецъ, — двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсаженъ ветлами, между которыми три-лиственникъ. Эриванское сраженіе, смотръ войскамъ. Русскія головы, какъ маковыя, летять (97).

«Въ другой комнатѣ красавицы, Азіатки и Мадамы; принадлежности — собачка, куропатка, утка».

Двадцать втораго іюля ГрибоѢдовъ прибылъ въ Таврисъ. День этотъ отмѣченъ у него въ путевыхъ его запискахъ слѣдующимъ образомъ:

«22) Ханскій сынокъ умница. Песчаная, каменная и холмистая дорога. Встрѣча. Таврисъ. Ханскій пѣвецъ. Ханскій Мирза».

Выраженіе — *ханскій сынокъ умница*, конечно, относится не къ кому другому, какъ къ Наибъ-Султану, Аббасу-Мирзѣ, съ которымъ ГрибоѢдовъ, какъ мы уже видѣли, имѣлъ разговоръ и преданность котораго нашему государю замѣтилъ. Слѣдующія за-тѣмъ отмѣтки (іюля 23 и 24) чрезвычайно замѣчательны, несмотря на всю ихъ краткость: ими опредѣляются и мѣстные служебныя стремленія ГрибоѢдова и самый личный его характеръ. Можно даже положительно сказать, что мѣстное служебное дѣло ГрибоѢдова или, выражаясь правильнѣй, дѣло, нисколько не входившее въ сумму его прямыхъ служебныхъ обязанностей, не предписанное или порученное ему начальствомъ, а совершенное ГрибоѢдовымъ только потому, что онъ умѣлъ воспользоваться исключительностію своего въ Персіи положенія, — освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, было ничѣмъ инымъ, какъ его личнымъ движеніемъ, стремленіемъ его личнаго характера, личныхъ благородныхъ побужденій сердца. ГрибоѢдовъ такъ и вылился въ этихъ сжатыхъ, короткихъ, но энергическихъ словахъ, въ которыхъ заключена какая-то особая сила, и которыя по счастью, написанныя его собственною рукою, дошли до насъ:

«23) Хлопоты за плѣнныхъ. Бѣшенство и печаль».

Вѣроятно, отъ неудачи, бывшей, по-крайней-мѣрѣ при первой, попыткѣ. Это становится тѣмъ несомнѣннѣе, что изъ того драгоцѣннаго, бѣгло написаннаго ГрибоѢдовымъ въ диалогической формѣ, прѣнія, которое онъ имѣлъ по этому важ-

ному вопросу съ Нанбъ-Султаномъ и которое мы приведемъ сейчасъ-же, очень ясно видно, какъ *ханскій сынокъ умница* и преданный русскому государю, не охотно отпускалъ изъ своего владѣнія русскихъ.

«24) *Idem*. Подметныя письма. Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ. Мое положеніе. Два пути, куда Богъ поведетъ.... Верещагинъ и Шахъ-зида Ширазскій. По утру тысячу туманъ чрезвычайной подати... Забить до-смерти, 4-мъ человѣкамъ руки переломали, 60 захватили. Рѣзанныя уши и батоги при мнѣ».

Слова «подметныя письма» объясняются разговоромъ Грибоѣдова съ Аббасъ-Мирзою. Что-же касается до благороднаго, прекраснаго выраженія: «голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ», то оно, хоть и не тогда, не при томъ обстоятельстве, по поводу котораго было сказано, но сбылось надъ Грибоѣдовымъ пророчески, можно даже сказать тѣмъ-болѣе пророчески, что обстоятельство, по которому Грибоѣдовъ сказалъ себѣ эти слова, то-есть его, совершенно увѣнчавшееся успѣхомъ, стараніе возвратитъ бывшихъ въ Персіи русскихъ въ отечество, и неудовольствіе, которое опъ этимъ поступкомъ возбудилъ въ персидскомъ правительствѣ, а особенно въ народѣ, были только отдаленными раскатами того грома, который въ-послѣдствіи смертельно разразился надъ головою Грибоѣдова. Объ этомъ говорятъ всѣ его біографы (98).

Кто именно «забить до смерти» не объяснено: точки поставлены въ этомъ мѣстѣ самимъ Грибоѣдовымъ, но такъ какъ въ этомъ дневникѣ, подъ 12 числомъ іюня, мы читаемъ: «Касбинъ. Посылается Эйвасъ къ Хозровъ-Хану», а подъ 15-мъ того-же мѣсяца: «Бунтъ въ Рештѣ, осажденный Хозровъ-Ханомъ. Эйвасъ не возвращается, Абдуль-Вагибъ посылается въ Рештѣ», то можно предполагать, что рѣзанныя уши и батоги относятся къ бунтовщикамъ, хотя этого предположенія нельзя выдавать иначе, какъ за гипотезу. Во-всякомъ-случаѣ тутъ видно персидское правосудіе и человѣколюбіе.

Непосредственно за этѣми строками переходимъ мы къ слѣдующимъ тремъ драгоценнымъ страничкамъ:

50-е августа.

«Во второй разъ привожу солдатъ къ Шахъ-зидѣ, онъ ихъ беретъ на исповѣдь по-одиночкѣ, подкупаетъ, не имѣетъ ли въ чемъ успѣха и бѣсится.

Наибъ-Султанъ. За чѣмъ вы не дѣлаете, какъ другіе чиновники русскіе, которые сюда пріѣзжали? Они мнѣ просто объявляли свои порученности».

Я. Мы поступаемъ по трактату, и отъ того его вамъ не объявляемъ, что вы лучше насъ должны его знать: онъ подписанъ вашимъ родителемъ».

Н. — С. Если Мизаровичъ будетъ такъ продолжать, поѣзжайте въ Тейранъ».

Я. Мы не по доброй волѣ въ Таврисѣ, а по вашему приказанію».

Н. — С. Видите-ли этотъ водоемъ? Онъ полонъ и ущербъ ему не великъ, если разольютъ изъ него нѣсколько капель. Такъ и мои русскіе для Россіи».

Я. Но если-бы эти капли могли желать возвратиться въ бассейнъ, за чѣмъ имъ мѣшать?»

Н. — С. Я не мѣшаю русскимъ возвратиться въ отечество».

Я. Я это очень вижу; между-тѣмъ ихъ запираютъ, мучать, до насъ не допускаютъ».

Н. — С. Что имъ у васъ дѣлать? Пусть мнѣ скажутъ, и я желающихъ возвращу вамъ».

Я. Можетъ-быть В. В. (Ваше Высочество), такъ чувствуете, но ваши окружающіе совсѣмъ иначе: они и тѣхъ, которые уже у насъ во-власти, снова приманиваютъ въ свои сѣти, обѣщаютъ золото, подкидываютъ письма».

Н. — С. Неправда; вы бунтуете мой народъ, а у меня всѣ поступаютъ порядочно».

Я. Угодно Вашему Высочеству видѣть? Я подметными письмами вашихъ чиновниковъ имѣю при себѣ».

Н. — С. Это не тайна; это было сдѣлано по моему приказанію».

Я. Очень жаль. Я думалъ, что такъ было дѣлано безъ вашего вѣдѣнія. Впрочемъ, вы нами не довольны за нашу неправду: гдѣ, какая, въ чемъ она? Удостоите объявить».

«Н. — С. Вы даете деньги, нашептываете всякія небылицы».

«Я. Спросите, дали-ли мы хоть червонецъ этимъ людямъ; нашептывать-же имъ ни подъ какимъ видомъ не можемъ, потому-что во всѣхъ переулкахъ, примыкающимъ къ нашимъ квартирамъ, разставлены караулы, которые насъ въ заперти содержать и не только нашептывать, но и громко ни съ кѣмъ не даютъ говорить».

«Н. — С. За чѣмъ вы не дѣлаете, какъ Англичане? Они тихи, смиренны. Я имъ очень доволенъ».

«Я. Англичане намъ не примѣръ и никто не примѣръ. Повѣренный въ дѣлахъ желаетъ дѣйствовать такъ, чтобы вы были имъ довольны, но главное, чтобы быть правымъ передъ нашимъ законнымъ государемъ-императоромъ. Однако, В. В., позвольте мнѣ подойти къ солдатамъ, чтобы я слышалъ, какъ ваши чиновники ихъ спрашиваютъ».

«Н. — С. Мои чиновники дѣло дѣлаютъ и вамъ до нихъ нужды нѣтъ».

Я. Я имѣю большое подозрѣніе, что они свое дѣло дѣлаютъ не чисто, какъ обыкновенно. Они, когда были отъ васъ посланы въ нашемъ присутствіи спрашивать русскихъ объ ихъ желаніи, только-что проповѣдывали имъ развратъ, дѣвками и пьянствомъ ихъ обольщали; когда-же мы подошли, то убѣждали со стыдомъ. Между-тѣмъ намъ не позволено было ѣхать на Майданъ и отобрать просящихся идти въ отечество. Потомъ, когда вы велѣли, чтобы я своихъ людей привелъ сюда и чтобы прочихъ солдатъ привели изъ баталіона, которые по выходѣ изъ моей квартиры были захвачены, я сдѣлалъ вамъ въ угодность, своихъ привелъ третьяго дня, ихъ тщательно спрашивали, никто изъ нихъ обратно не перешелъ къ вамъ; но людей, которыхъ имена у меня записаны, которые объявили мнѣ свое желаніе быть посланными въ Россію, которые были захвачены и вы приказали ихъ мнѣ представить на лице, мнѣ ихъ вовсе не показали. Нынѣ я опять пришелъ согласно съ вашею волею; вотъ — мои люди, а прочихъ, мною требуемыхъ, нѣтъ. Притомъ-же ваши четыре чиновника по-одиночкѣ каждого изъ солдатъ, что я привелъ, берутъ на-сторону, уговариваютъ,

и Богъ-знаетъ какъ уговариваютъ, а мнѣ вы даже не позволяете быть къ нимъ ближе.»

«Пришли доложить, что изъ 70-ти человекъ, мною приведенныхъ, (100) одинъ только снова перешелъ на службу къ Его Высочеству, но и этотъ ушелъ отъ нихъ, бросился ко мнѣ въ ноги, просилъ, чтобы я его въ куски изрубилъ, что онъ обезпамятовалъ, самъ не знаетъ, какъ его отсунули отъ своихъ и проч.»

«Шахъ-зида поручалъ солдатамъ служить впередъ вѣрою и правдою ихъ государю, также, какъ они ему служили, а между-тѣмъ мнѣ давалъ наставленія о будущемъ ихъ благѣ, чтобы имъ въ Россіи хорошо было.»

Я. Я буду имѣть честь донести вашему высочеству о поступленіи съ ними нашимъ правительствомъ, когда, отведя ихъ въ Тифлисъ, ворочусь сюда. Между-тѣмъ чрезвычайно пріятно видѣть, какъ Вы, Наибъ-Султанъ, объ ихъ участи заботитесь. Ваше Высочество, конечно, не знаете, что ихъ уже за давнее время не удовлетворяли жалованьемъ въ вашей службѣ и, вѣрно, прикажете выдать столько, сколько имъ слѣдуетъ.

Наибъ-Султанъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. За-чтò это? Если-бы они меня не покидали, продолжали-бы мнѣ служить, это-бы разница.

Я. Я думалъ, что за прошедшую службу ихъ Ваше Высочество не захотите ихъ лишитъ платы.

Н. — С. Пусть Мазаровичъ даетъ, они теперь его.

Я. Да у него въ рукахъ будущая ихъ участь. Впрочемъ, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, Повѣренный въ дѣлахъ этотъ долгъ вашъ имъ заплатить. Ожидаю отъ Вашего Высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочихъ, желающихъ съ товарищами идти въ рѣдну, тѣхъ, объ которыхъ я имѣлъ честь подать вамъ списокъ.»

«Тутъ онъ позвалъ нашего бѣглеца, С**. М**.; я не вытерпѣлъ и объявлялъ, что не только стыдно должно-бы быть

имѣть этого шельму между своими окружающими, но еще стыдише показывать его благородному русскому офицеру и что-бы Напбъ-Султанъ сказалъ, кабы государь прислалъ съ нимъ трахать бѣглаго изъ Персін армянина?» — Онъ мой пьюкеръ (101).» «Хоть будь онъ вашимъ генераломъ, для меня онъ подлецъ, каналья и я не долженъ его видѣть.» — Тутъ онъ разсердился, зачалъ мнѣ говорить всякій вздоръ, я ему вдвое, онъ не захотѣлъ имѣть больше со мною дѣла — и мы разстались.»

4-го Сентября.

«По многимъ хлопотамъ выступленіе.»

5-го Сентября.

«Ночь, поустаю, днемъ нахожу своихъ. Брошенный больной. Дыши, хлопчатая бумага. Возлѣ Софіянь у мельницы водопадъ, холодокъ, кусты, маленькій валь, завтракаемъ.— Идемъ въ ущелья, соляныя воды и горы. Взираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Видъ отгудова. Вышли въ 2 по-полуночи, пришли въ Марандъ въ 7-мь по-полудни. Виноградная бесѣдка.»

6-го Сентября.

«Днюемъ въ Марандѣ. Назаровъ, его положеніе. Извѣстіе о милостяхъ государя къ Маманъ-Хану. Шумъ, брань, деньги. Отправляемся; камнями въ насъ швыряютъ, трехъ человекъ зашибли. Пѣсни: «Какъ за рѣчинойкой слободушка.» «Въ поля дороженька.» «Солдатская душечка, задушевный другъ.» Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза» (102).

«Спѣвались-ли вы въ баталіонѣ?» — Какія, ваше благородіе, пѣсни? «Бывало, пьяные безъ голоса, трезвые объ Россіи тужать.» — Сказка о Васильѣ-царевичѣ, — шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотыя кисти по землѣ волочатся, самъ богатырь съ молодецкимъ посвистомъ, съ богатырскимъ покрикомъ, въ вицмундирѣ, съ двумя кавалеріями, генералъ-стряпчій, пироги собираетъ и проч. и проч. «Слышалъ, сказываетъ — кто?» «Такъ сказываетъ Скворцовъ, что въ книжкѣ не сложится, человекъ письменный.»

«Успокоеніе у разрушеннаго каравансарая; оттудова равниной идемъ до ущелья; земля вездѣ оголилась; потомъ сквозь ущелье, трещины, разсѣдины. Водопроводы съ шумомъ извергаются изъ ущельевъ. Около горы сворачиваемъ въ-право до Гаргаръ (103).»

«(Разнообразныя группы моего племяни, я Авраамъ.)»

«Выступили изъ Маранда въ 8½ часовъ вечера, въ каравансарай 4 часа утра, оттудова въ 7-мъ часу, въ 11 часовъ въ Гаргарахъ.»

Здѣсь, въ Гергерѣ, — деревнѣ, составлявшей послѣднюю на пути въ Россію станцію тогдашнихъ собственно-персидскихъ владѣній, — кончаются этѣ путевыя записки Грибоѣдова: переѣхавши съ отрядомъ своимъ Араксъ, онъ находился уже въ Арменіи. Въ бумагахъ Грибоѣдова, которыя мнѣ, по-крайней-мѣрѣ доселѣ, извѣстны, не сохранилось никакихъ его — собственныхъ извѣстій о томъ, какъ довѣлъ онъ отрядъ свой до Тифлиса, какъ сдалъ его правительству и какъ оно распорядилось въ дѣйствіяхъ своихъ относительно этого отряда. Все это было-бы, даже собственно въ отношеніи къ тому лучу свѣта, который въ этомъ случаѣ падалъ-бы на личный характеръ Грибоѣдова, въ высокой степени любопытно. Всего-болѣе могли-бы пояснить все это, именно съ нравственной, душевной стороны, со стороны личныхъ впечатлѣній Грибоѣдова и его душевныхъ движеній, письма его къ лучшему его другу — С. Н. Бѣгичеву, но письма этѣ, къ сожалѣнію, *утрачены* г. Бѣгичевымъ по причинамъ, не интереснымъ для читателя и объяснять которыя я не имѣю никакого права.

Бумаги, которыя, по хронологическому порядку, и по другимъ даннымъ, основаннымъ на внимательномъ разсмотрѣніи «Черновой» Грибоѣдова, должны непосредственно слѣдовать за приведенными выше, — это дневникъ, надъ которымъ ясно выставленъ годъ — 1820-й. Грибоѣдовъ, почему-то пренебрегавшій годовыми помѣтами, дѣлалъ рѣдко, или лучше сказать почти-никогда не дѣлалъ этѣхъ помѣтъ, и въ дневникахъ и въ письмахъ. Не скрою, что дневникъ этотъ сначала поставилъ-было меня въ порядочное недоумѣніе, какъ потому, что по началу его я увидалъ Грибоѣ-

дова въ Грузіи (разборъ дневника труденъ, и я не вдругъ могъ овладѣть продолженіемъ, въ послѣдствіи пояснившимъ мнѣ дѣло), такъ особенно и потому, что С. Н. Бѣгичевъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 11 Февраля 1858 года выразился, что Грибоѣдовъ «послѣ того» (то есть послѣ привода имъ изъ Персіи въ Грузію 110 человекъ русскихъ) «оставался при генералѣ Ермоловѣ.»

Все это требовало разъясненія, которое я теперь и представляю читателю.

Рѣчь С. Н. Бѣгичева — что Грибоѣдовъ, послѣ привода русскихъ въ Грузію, оставался при генералѣ Ермоловѣ — *не договорена*, что видно изъ слѣдующаго:

Грибоѣдовъ, приведя русскихъ въ Тифлисъ, возвратился въ Персію. Это доказывается:

1) Единогласнымъ показаніемъ всѣхъ біографовъ Грибоѣдова, и даже самаго С. Н. Бѣгичева, о томъ, что Грибоѣдовъ оставался въ Персіи до 1822 года. (Соч. Ф. Бул. 1844 г. т. VII. стр. 248. — Кс. Полев. въ изд. «Горе отъ Ума» пред. стр. XX.) Самъ г. Бѣгичевъ въ біографической своей запискѣ говоритъ: «Трехлѣтнее его (если не ошибаюсь) пребываніе въ Персіи»...

2) Тѣмъ, что Грибоѣдовъ, уже послѣ отвода русскихъ, получилъ персидскій орденъ Льва и Солнца 2-й степ., который, конечно, могъ быть данъ ему на мѣстѣ, а не въ Тифлисъ-же присланъ изъ Персіи.

3) Дневникомъ 1820 года, который, какъ сейчасъ увидимъ, ничто иное какъ дневникъ возвратнаго путешествія Грибоѣдова изъ Тифлиса въ Персію.

Рѣчь С. Н. Бѣгичева *не договорена* вотъ-чѣмъ именно: Грибоѣдовъ, по отводѣ русскихъ, дѣйствительно оставался въ Тифлисѣ, при генералѣ Ермоловѣ, довольно долго, — четыре мѣсяца, какъ я по-крайней-мѣрѣ высчитываю по несомнѣннымъ даннымъ: 6 сентября (1819 г.) мы его видѣли въ Марандѣ, а 10 января (1820 г.) онъ выѣзжаетъ изъ Тифлиса.

Здѣсь именно, слѣдуетъ заняться разсмотрѣніемъ очень важнаго въ біографіи Грибоѣдова и доселѣ не приведеннаго въ окончательную ясность вопроса, надъ которымъ я

прежде не доумѣвалъ и при которомъ, какъ мнѣ извѣстно, многіе сбиваются: сколько именно времени оставался Грибоѣдовъ въ Персіи? Всѣ говорятъ, что онъ отправился туда въ 1818 году, возвратился оттуда въ 1822 г.: стало-быть, — и таково общее мнѣніе, — онъ пробылъ тамъ четыре года. Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ рѣшеніе этого вопроса, основанное на точныхъ, фактическихъ данныхъ:

Изъ писемъ Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву видно:

а) Что Грибоѣдовъ писалъ къ нему отъ *16 апрѣля 1818 года изъ С. Петербурга*: «Посылаю тебѣ «Притворную невѣрность» etc... «Теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непременно хотятъ послать, куда-бы ты думалъ? Въ Персію и чтобы жить тамъ»...

б) *30 августа 1818 г.*, Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, въ которую и прибылъ *3-го сентября*. — *18 сентября* онъ писалъ С. Н. Бѣгичеву, изъ *Воронежа*.

в) Въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву, съ дороги въ Персію, отъ *31 января* (конечно 1819 г.), какъ мы уже видѣли, сказано: «28 послѣ пріятельскаго завтрака мы оставили Тифлисъ.»

Ясно, что Грибоѣдовъ прибылъ въ Персію въ февралѣ 1819 года.

Оставилъ онъ ее въ февралѣ 1822 г. — по свидѣтельству всѣхъ его биографовъ и даже по собственному его свидѣтельству, находящемуся въ «Черновой» и которое мы вскоре увидимъ.

Стало-быть онъ пробылъ въ Персіи *ровно три года*.

По показанію С. Н. Бѣгичева, сдѣланному въ письмахъ ко мнѣ, Грибоѣдовъ и въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ часто прѣзжалъ въ Тифлисъ.

Обращаюсь къ дневнику 1820 года.

Я не буду приводить этого, писаннаго, какъ и всѣ другія путевыя записки Грибоѣдова перечнемъ, дневника вполнѣ, а только выдержками: онъ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и я заимствую изъ него только тѣ мѣста, или указываю на тѣ мѣста въ немъ, которыя потому имѣютъ неоспоримую важность для біографіи Грибоѣдова, что уже не-

сомнѣнно, фактически-вѣрно указываютъ, гдѣ и когда именно онъ находился.

1820.

10 января. Сады, влѣво Кура. Ѣдемъ по склону горы, влѣво крѣпость Саганлукъ; (103) поворачиваемъ вправо, кряжъ горъ остается къ сѣверу. Къ югу Мѣднозаводская гора (104) и хребетъ. Озеро. Отъ Кодъ (105) Квешн (106) на возвышеніи. Передъ этимъ развалины на утесѣ, который какъ-будто руками человѣковъ сложенъ изъ различныхъ камней. — 12-го. Черезъ гору въ Гергеръ. Казармы. Оттудова высочайшій Безобдалъ. (107)

Въ-слѣдъ затѣмъ, на 2 стр. дневника, у Грибоѣдова проведена черта, какія обыкновенно проводятся для выносокъ, и за чертой этой написаны вещи, нисколько не относящіяся къ путешествію. Можетъ-быть онѣ пришли Грибоѣдову на-память, онъ побоялся ихъ забыть и записалъ, гдѣ случилось. Вотъ-что находится въ этой странной выноскѣ:

1801. Омаръ-Ханъ разбитъ Пшевцами, Хевсурцами, въ кольчугахъ, въ шишакахъ, въ числѣ 5000. Русскіе только были зрителями.» (108)

Ad met. — При князѣ Циціановѣ (109), Гуляковъ взялъ Чары и Великаны и убить въ Чарахъ въ сраженіи противъ Лезгинъ: обнадѣялся на 15-й Егерскій полкъ, который побѣждалъ и смялъ прочихъ.»

«Циціановъ Армянамъ: «я и объ живыхъ объ васъ берегу, стану-ли возиться съ вашими мертвыми.»

«Вдзится съ солдатами; бьетъ одного и послѣ увѣряетъ, что поссорился, награждаетъ деньгами.»

«Рубли превращаетъ въ медали послѣ приказа, что гвардіи за разводъ, а его солдатамъ за штурмъ дано по рублю.»

Затѣмъ опять продолжается дневникъ. Грибоѣдовъ замѣчаетъ, что близъ Гумри (110) гора, гдѣ часто замерзаютъ, хотя высота обыкновенная, 16 Января передъ нашимъ путешественникомъ открылся Араратъ, 17-го онъ былъ уже въ Эчмиадзинѣ и записалъ: «Въ монастырѣ хорошая гостиница, услуга. Бѣдственное положеніе патріарха.»

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука Св. Георгія, копые, кусокъ отъ креста. Мѣсто, — 4 столпа

мраморные, — гдѣ было сошествіе Христа по представленіи, тому назадъ 1500 лѣтъ. Ризница скрыта. Ковры. Типографія на 3 станка. Патріархъ ветхій, сѣтуеть о судьбѣ погибшихъ монетчиковъ въ Царьградѣ. Самъ оплачивается за русскихъ приѣзжихъ.»

«До Эривани 12 верстѣ. Лѣтняя бесѣдка съ витыми галереями въ три этажа. Самъ Сардаръ на балконѣ. Вода на улицахъ.»

Ad mem: Melmour.

Патріаршее сравненіе: «Эчмедзинъ какъ роза между терніями.» «Портретъ Шаховъ гравированъ въ Парижѣ.» (111)

Здѣсь, въ путевомъ дневникѣ — перерывъ и гораздо болѣе странный, нежели та выписка, о которой недавно было говорено выше. — Оставлена цѣлая бѣлая страница и на ней записано одиннадцать фамлій въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ:

С. Бѣгичевъ. Мать и сестра.

Огаревъ.

Шаховской.

Катенинъ.

А. О.

Шмидтъ.

Панинъ.

П*. Н.

Завадовскій.

А. П. Огарева.

Бебутова.

Всѣ усилія мои разяснить эту загадочную страницу, то есть всѣ вопросы мои къ единственному человѣку, который могъ дать какое-либо о ней толкованіе, С. Н. Бѣгичеву — не повели ни къ чему. Я останавливаюсь на томъ заключеніи, что путешественникъ, можетъ-быть раздумавшійся объ отдаленныхъ друзьяхъ, записалъ имена ихъ, и, притомъ, въ порядкѣ — по степени своей къ нимъ привязанности. Какъ-бы то ни было, но мы видимъ, что С. Н. Бѣгичеву, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ тутъ первое мѣсто, — выше матери и сестры.

За этой страницей — снова дневникъ.

«19) Вода ночью замерзла въ комнатѣ. Отправляюсь. Араратъ вправѣ, какъ преогромный бѣлый шатеръ. Много деревень, садовъ, рѣчекъ. Маленькое ущелье Девагу.»

20 января Грибоѣдовъ два раза тонетъ въ какой-то рѣчкѣ, которая «вздулась и нигдѣ нѣтъ проѣзду.» Имени этой рѣчки онъ не назвалъ: поставлено нѣсколько точекъ. Вѣрно, забылъ.

«22 Медленіе въ Нахичевани. Армяне живутъ хуже татаръ, — (112) окно для свѣта и дыму, безъ каминна. Мирза Мамишъ, персидская лестъ. Чѣмъ къ ней кто доступнѣе, тѣмъ ея покрывало болѣе рѣдѣетъ.»

24 Января онъ въ Гаргарахъ (Гергерѣ), стало-быть на персидской границѣ.

Затѣмъ бѣглая замѣтка: *Февраль*. «Отъ Гаргаръ къ юго-западу, влѣво, черезъ ущелье, занесенное снѣгомъ. Выѣхавши на широту — равнина до Каравансарая. — По пригоркамъ до Маранда. Марандъ виднѣется на высотѣ за три агача. — Изъ Маранда въ-горы подъемъ трудный. Отъ Каравансарая спускъ до Софіянки, ровно до Тавриза; влѣво и вправо дѣлятся горы.»

Этимъ кончается дневникъ возвращенія въ Персію. Далѣе, на оставшихся листахъ, находятся разныя отрывочныя, ни съ чѣмъ не связанныя, замѣтки. Напримѣръ:

«28 томовъ книгъ получилъ каймакамъ изъ Италіи, однако говоритъ, что тамъ еще много осталось хорошихъ.» «Визирь, битый по условію каймакама съ Шахъ-зидою, за финансы.»

«Гдѣ только Персіяннинъ можетъ на словахъ отдѣлаться безъ письма, — онъ очень радъ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ обсылаются черезъ фарашей, которые словесно ихъ производятъ, и это много способствуетъ къ усовершенствованію ихъ природнаго витійства. Въ Москвѣ тоже обычай есть съ людьми многое приказывать, что гораздо заходитъ за сферу ихъ дѣятельности.»

«Верзилице женщинъ. Мусульмановъ обличаютъ въ любви съ христіанками.»

Д. Смирновъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Я различаю въ отношеніи къ этѣмъ путевымъ запискамъ «намѣкъ» отъ «перечня» и доказательства ихъ различія беру изъ самыхъ-же записокъ Грибоѣдова. Вотъ образецъ перечня: «Вверхъ по Салгиру верхомъ. Сады, минареты. Перовскаго дачка—пріятный, легкой архитектуры домикъ. Облако надъ Чатыръ-Дагомъ, будто курится. А вотъ намѣки: «Пословица о Каджарахъ» или, еще лучше, (отн. къ 1819 году, къ выводу русскихъ изъ Персіи). «Мое положеніе; два пути, куда Богъ приведетъ.» Въ отношеніи къ подобнымъ намекамъ, какъ наприм., къ послѣднему, остается только повторить то, что г. Анненковъ сказалъ о пушкинскомъ конспектѣ автобіографіи: «онъ содержитъ нѣсколько дополнительныхъ подробностей, изъ которыхъ многія требуютъ поясненій, какихъ мы уже дать не можемъ.» (Соч. Пушк. т. 1, стр. 21).

(2) Даже, прибавлю я, онѣ написаны на такой-же точно бумагѣ (бѣлой, почтовой, in-4), на какой написано и путешествіе по Крыму. — Это замѣчаніе мое можетъ показаться ничтожнымъ тѣмъ, кто не знакомъ съ подлинной Грибоѣдова «Черновой» стало-быть не могъ лично удостовѣриться какъ часто въ ней одинаковость бумаги много доказываетъ.

(3) Это письмо-дорожникъ находится въ самой серединѣ черновой тетради. Оно писано на довольно грубой синей бумагѣ, почеркомъ мелкимъ и связнымъ.

(4) Хотя имя и отчество г. Бѣгичева написаны тутъ не только чрезвычайно связно, и притомъ самымъ бѣглымъ и небрежнымъ почеркомъ, но даже такъ, что и разобрать эти два слова можно развѣ только по догадкѣ, по начальнымъ буквамъ, однако не можетъ быть никакого сомнѣнія, что письмо это писано не къ кому другому, какъ къ С. Н. Бѣгичеву. Вотъ на чемъ я основываю это заключеніе: во 1-хъ, на внутреннемъ характерѣ самого письма, очень ясно опредѣляющемся словами: «я исповѣдь дѣлаю одному тебѣ, и охотиѣе, чище, чѣмъ самому себѣ; я рѣдко отдаю себѣ отчетъ въ своихъ дурачествахъ.» Можно совершенно утвердительно сказать, что Грибоѣдовъ не написалъ-бы подобныхъ строкъ ни къ кому, кромѣ С. Н. Бѣгичева. Во 2-хъ, на томъ, что въ одномъ мѣстѣ этого письма-дорожника, какъ читатель увидитъ скоро, Грибоѣдовъ говоритъ: «Сейчасъ думалъ, что-бы со мною было, если-бы я бесѣдой съ тобою (Бѣгичевымъ) не сокращалъ» и проч.; см. выноску 49.

(5) Князь А. А. Шаховской. На это ясно указывают имена Холмскихъ и Ольгиныхъ — лицъ изъ «Липецкихъ водъ» Шаховскаго.

(6) Я расскажу, если это будетъ возможно, подробности этой дуэли въ другомъ отдѣлѣ моихъ статей о Грибоѣдовѣ — биографическомъ. Здѣсь упомяну только о томъ, что, для поясненія этого обстоятельства, въ-правѣ требовать отъ меня читатель: Грибоѣдовъ стрѣлялся съ однимъ г. Якубовичемъ. Дѣло вышло первоначально не между ними и вовсе не въ Тифлисѣ, гдѣ они стрѣлялись, а между гр. Завадовскимъ и В. Шереметевымъ въ Петербургѣ изъ-за извѣстной танцовщицы Истомпиной. Объ этой оригинальной и любопытной дуэли, или лучше сказать — двухъ дуэляхъ, не было доселѣ въ биографіяхъ Грибоѣдова сообщено никакихъ извѣстій. Сдѣлаю здѣсь еще замѣчаніе, необходимое для поясненія одного мѣста въ «Черновой»: на этой дуэли Грибоѣдову прострѣлили лѣвую руку около большого пальца, — отъ чего, по связи жилъ, у него свело мизинецъ, — единственный признакъ, по которому, въ-послѣдствіи, въ обезображенномъ трупѣ узнали — Грибоѣдова. Объ этомъ говоритъ Пушкикъ въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ и объ этомъ же, отъ 6 мая 1857 г., писала ко мнѣ вдова Грибоѣдова, Нина Александровна.

(7) Нашъ знаменитый А. П. Ермоловъ, тогда Главнначальствующій Грузинъ и Кавказа.

(8) Слово «сказалъ» въ рукописи зачеркнуто, но, очевидно, необходимо для связи и порядка въ выраженіи мыслей.

(9) *Араксъ* — извѣстная большая и быстрая рѣка въ Арменіи, имѣющая слишкомъ 600 верстъ теченія. Она образуется изъ множества ключей въ Саганлугскомъ хребтѣ и вмѣстѣ съ Куромъ впадаетъ въ Каспійское моря. Въ древности Араксъ отдѣлялъ Мидію отъ Арменіи, а нынѣ, на растояніи трехъ-сотъ верстъ, служитъ границею между Персіей и Россіей.

(10) Въ рукописи послѣ словъ «и въ удобное время» находятся зачеркнутые слова *его отдыха*, о которыхъ я упоминаю, потому-что они ближе слѣдующихъ послѣ нихъ словъ поясняютъ мысль Грибоѣдова.

(11) Персіяне произносятъ это слово *чарвадаръ* (погонщикъ), а русскіе *червадеръ*.

(12) Слово, котораго никакъ нельзя было разобрать, тѣмъ болѣе, что тутъ, на синей бумагѣ рукописи, какое-то желтое пятно, выѣвшее чернила.

(13) Якубовичъ, о которомъ было говорено выше.

(14) Эта статья, о которой упоминаетъ ГрибоѢдовъ, (письмо къ издателю Сына Отечества, изъ Тифлиса, отъ 21 января 1819 г.) перепечатана въ собраніяхъ сочиненій ГрибоѢдова, изданныхъ г-дами Смирдинымъ и Серчевскимъ. (С. О. 1819, № X.)

(15) Переводчиковъ.

(16) Желая пояснить и себѣ и читателямъ это, для насъ, сѣверянъ довольно загадочное, мѣсто въ дорожникѣ ГрибоѢдова, я обратился съ вопросомъ о немъ, какъ и съ многими другими вопросами, касающимися Грузіи и Кавказа, въ Тифлисъ къ одному изъ образованнѣйшихъ туземцевъ М. К. Ломидзе, посвященному содѣйствію котораго я такъ-много обязанъ при разработкѣ мною грибоѢдовской «Черновой». Г. Ломидзе отвѣчалъ мнѣ, что ястреба, съ погремушками на шеѣ и погахъ, содержатся у азіатцевъ для охоты; дѣла ихъ привязываютъ къ столбамъ, деревьямъ, перепламъ и т. п. — ГрибоѢдовъ и его спутники, должно быть, не далеко отъ этихъ птицъ повѣсили свои шинели, почему онъ и говоритъ: «того и гляди шинели раскляютъ.»

(17) *Саян-луковъ* два, армянскій и татарскій. Рѣчь идетъ кажется о татарскомъ. — Это небольшое селеніе верстахъ въ 10-ти отъ Тифлиса по елисаветопольскому тракту.

(18) Если это слово покажется страннымъ читателямъ, то я долженъ напомнить всякому, хоть сколько-нибудь основательно знающему біографію ГрибоѢдова, что ГрибоѢдовъ имѣлъ большое пристрастіе къ нашему церковно-славянскому языку, а у людей этого рода (стоитъ вспомнить Шишкова) есть, не всегда удобно примѣняющаяся къ дѣлу, страсть — не только насильственно вталкивать въ русскій языкъ слова изъ церковно-славянскаго и сочинять свои собственныя, тоже не всегда удачныя. При хѣрѣ и вмѣстѣ доказательство — здѣсь-же, на самомъ ГрибоѢдовѣ: что такое даль *не сухоходная*, — этого, конечно, никто понять не можетъ. Въ другомъ мѣстѣ, ниже, ГрибоѢдовъ употребилъ слова *запола* вмѣсто обыкновеннаго нашего *занавѣсь* или, пожалуй, *пологъ*. Это тоже неудачно: придите, на примѣръ, въ лавку и скажите купцу — «дайте мнѣ чего-нибудь на запола (хоть для окна или кровати)» — и увидите: пойметъ-ли онъ васъ. Не всякому слову можетъ посчастливиться такъ, какъ *промышленности* Карамзина: читатели, вѣроятно, помнятъ, какъ не такъ еще давно (въ 30-хъ годахъ) одинъ изъ нашихъ литераторовъ, вздумавъ перевести нѣмецкое *Landschaft* самодѣль-

нымъ *видеться* и какъ осадилъ его отличный въ свое время знатокъ русскаго языка, Н. И. Надеждинъ.

(19) Слово это написано здѣсь Грибоѣдовымъ совершенно неправильно. См. о *Демурчи-Гассанлы* ниже выноску 34-ю?

(20) Одна изъ не очень значительныхъ рѣкъ Арменіи, замѣчательная, впрочемъ, по-своему *красному мосту*, о которомъ сейчасъ-же говорить Грибоѣдовъ. Мостъ этотъ выстроенъ въ половинѣ XVII вѣка царемъ Ростомомъ, изъ династіи Карталинской.

(21) Я рѣшаюсь остановить вниманіе читателя на этомъ словѣ, которое кажется общезвѣстнымъ, но о которомъ едва-ли многіе у насъ имѣютъ вѣрное понятіе. Каравансарай (не городскіе, а придорожные, потому-что ихъ два рода) суть маленькія цитадели, прикрытыя башнями съ зубцами, а иногда и съ амбразурами. Нижнюю часть ихъ обыкновенно составляетъ рядъ конюшенъ, а верхнюю нѣсколько комнатъ и нишей безъ дверей и оконъ. Служа пристанищемъ для путешественниковъ, каравансарай часто служатъ убѣжищемъ и разбойникамъ; очень часто путешественники выдерживаютъ въ нихъ осады разбойниковъ. Каравансарай обыкновенно строятъ богатые и набожные люди на пустынныхъ по дорогѣ мѣстахъ.

(22) Не *Сенаккюрти*, какъ написалъ Грибоѣдовъ, а *Сыныгъ-Керпи*, что значитъ по персидски «*сломаный мостъ*», называемый русскими «*краснымъ мостомъ*», потому-что онъ выстроенъ, уже давно, изъ кирпича и до-селѣ не оштукатуренъ. Слово «*Сыныгъ-Керпи*» трудно написать по-русски: между согласными *с*, *н*, *г* стоитъ полугласная буква, которую иначе нельзя выразить какъ чрезъ *ы*; но эта полугласная произносится такъ легко, какъ будто-бы ее во-все не было; однакоже ее невозможно выкинуть на русскомъ, иначе выйдетъ *синк*. Грибоѣдовъ, какъ видно, затруднялся въ правильномъ написаніи этого слова и у него вышло *Сенакк*. Что-же касается до *Керпи* (мостъ), то первый слогъ этого слова, т. е. «*Кер*» слѣдуетъ произносить почти также, какъ французское «*Soeur*», но такъ, чтобы послѣ буквы *с* слышно было нѣсколько нѣмецкое *h* или латинское *h*; точно-также и копецъ «*пи*» надо произносить такъ, чтобы слышно было тоже *h*, однако не слитно, какъ въ словѣ «*philosophe*».

(23) Августинъ Бетанкуръ, генералъ-лейтенантъ русской службы, кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго и Св. Іакова Испанскаго, знаменитый инженеръ и механикъ конца XVIII и начала XIX вѣка, человѣкъ вполнѣ незабвенный для Россіи

своими для нея трудами: при немъ на прим. преобразована тульская оружейная фабрика, построены въ Казани пушечный литейный домъ, экзерциргаусъ въ Москвѣ и проч. По мысли его учрежденъ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, переведена изъ Макарьева и устроена ярмарка въ Нижнемъ.

(24) Шахъ Персидскій Исмаиль-Софи, (называемый иными Сефи), покорилъ Ширванъ и Грузію въ 1501 году по Р. Х. Онъ былъ родоначальникомъ цѣлой династіи персидскихъ царей, извѣстной подъ именемъ «Софійской», «Софидской», или «Сефидской». Одинъ изъ представителей этой династіи въ 1591 г. изгналъ Турокъ изъ Грузіи, тоже покоривъ ее себѣ. Это время Софиевъ и разумѣтъ Грибоѳдовъ.

(25) Грибоѳдовъ любилъ посмѣяться надъ своими собратами, русскими писателями, и бездарными и даровитыми, или по-крайней-мѣрѣ признававшимися за даровитыхъ. Мы это видѣли выше — въ бѣгломъ упоминаніи объ Измайловѣ и Храповицкомъ, и сейчасъ-же увидимъ въ отзывѣ о томъ, что это его «мараніе во пустотѣ мыслей и дурному слогу должно принадлежать Сыну Отечества», котораго онъ былъ сотрудникомъ. Грибоѳдовъ, какъ и Пушкинъ, бывалъ иногда на этотъ разъ безпощаденъ. Этотъ, очень любопытный, предметъ если не вполне, то все-таки частію раскрытъ въ біографическомъ отдѣлѣ. Здѣсь замѣтимъ, что Грибоѳдовъ, конечно, разумѣтъ «достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей,» соч. Павла Свиньина. Спб. 1816. in-4.

(26) Это мѣсто даетъ понятіе о личныхъ силахъ и средствахъ того человѣка, который, чрезъ какіе-нибудь два года послѣ написанія этихъ строкъ, читалъ совершенно свободно персидскихъ поэтовъ въ подлинникъ и даже, какъ говорятъ, (за вѣрность этого извѣстія не ручаюсь) самъ писалъ стихи по персидски.

(27) *Бамбакъ* на мѣстныхъ языкахъ значитъ *хлопчатая бумага*, разводима въ этомъ краю, однакоже совсѣмъ не въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ теперь Грибоѳдовъ, и потому ошибка его состояла именно въ томъ, что онъ оброски отъ каравановъ, прошедшихъ съ хлопчатой бумагой, принялъ-было за кусты хлопчатника.

(28) У Грибоѳдова оставленъ здѣсь пробѣлъ въ пространствѣ одного слова.

(29) Какое именно страшилище не объяснено: строка эта осталась у Грибоѳдова недописанной, въ чемъ убѣждаютъ боль-

шой пробѣлъ послѣ слова «страшилице» и то, что послѣ него не поставлено никакого знака препинанія.

(30) Стат. Совѣт. Мазаровичъ, назначенный русскимъ Повѣренннымъ въ дѣлахъ при персидскомъ Дворѣ.

(31) Съ боку листка, противъ этого отдѣла письма приписано очень мелкимъ почеркомъ: «Ребята и взрослые глазѣютъ на приѣзжихъ.»

(32) Не *Дилижанское*, а *Дилиджанское* ущелье — прекрасная долина, покрытая лѣсомъ и окруженная горами, формы и очертанія которыхъ на всякомъ шагу измѣняются. Здѣсь множество горныхъ ключей, падающихъ каскадами и безчисленныя стада овецъ, барановъ и козъ.

(33) *Астафа* — рѣка въ Арменіи, ни чѣмъ особенно не замѣчательная.

(34) *Кебабъ* — персидское кушанье изъ рубленной баранины.

(35) Не совсѣмъ правильно написано. Правильное имя «*Демурчи-гассанлы*». *Демурчи* — татарское собственное имя; оно-же и нарицательное и тогда значить кузнецъ. *Гассанъ* — тоже собственное имя. *Лы*, или испорченное *Лу*, есть сокращенное отъ татарскаго же *олы* — сынъ. Такимъ-образомъ все вмѣстѣ значить: «*Демурчи-Гассановъ сынъ*.» Въ простонародьи это слово произносится неправильно «*Демурчисалы*.»

(36) Одна изъ значительныхъ рѣкъ въ Арменіи; впадаетъ въ Араксъ.

(37) *Стефанъ-Цминдомъ* называется Казбекъ. Имя это получилъ онъ отъ Оаддея Стефана-Цминдскаго, одного изъ тринадцати сирійскихъ Св. Отцевъ, просвѣтителей Грузіи. На горѣ есть селеніе того-же имени и монастырь Св. Стефана, внушавшій Пушкину его прелестное стихотвореніе.

(38) Араратъ дѣйствительно-двухъхолмный: *Большой Араратъ* по татарски *Ари-дагъ*, то есть неровная, пзвилистая гора, по персидски *кухи-нулъ*, то есть Ноева гора, по Нарроту на 2469 саж. надъ поверхностію Чернаго моря; *Малый Араратъ* — на 1865 саж.

(39) *Сардаръ* — вообще генералъ, *Gouverneur*, но не въ смыслѣ губернатора, а главноуправляющій, правитель края и даже главнокомандующій. Слово персидское.

(40) *Фарашей* можно сравнить съ нашими старинными скороходами, которые всегда предшествовали экипажамъ знатныхъ баръ. Значеніе или обязанности Фарашей опредѣляются здѣсь словами самого Грибоѣдова. Фарашъ одной градацией выше

простаго нукера. Ханы отсчитываютъ палочные удары черезъ Фарашей. Слово персидское.

(41) Имя *кальяна* намъ, русскимъ, сосѣдямъ востока, тоже, какъ и каравансарая, очень извѣстно, но, конечно, немногіе, знающіе это имя, которымъ даже одинъ изъ нашихъ поэтовъ (Полежаевъ) назвалъ когда-то собраніе своихъ стихотвореній, могли-бы, если-бы случилось нужнымъ, объяснить самыя свойства вещи. — Кальянъ — родъ курительной трубки, состоящей изъ многихъ частей: изъ головки и корпуса, изъ карафина и трубокъ. Головка дѣлается на подобіе груши, у которой нижняя часть обрѣзана и сдѣлана плоскою; внутри она пустая, обдѣлана сженой извѣстью и имѣетъ отверстіе съ-верху въ-низъ; до двухъ третей наполняютъ ее угольями, потомъ ставятъ на прямую трубу, утвержденную на карафинѣ, коего нижній конецъ отстоитъ на два дюйма отъ основанія этой бутылки; горлышко трубы имѣетъ въ боку отверстіе для вставляванія курительнаго чубука и это отверстіе затыкается деревянною втулкою, висящею на серединѣ трубы. — Кальянъ приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: наливши въ бутылку извѣстное количество воды, часто благовонной, узнаютъ мѣру ея посредствомъ вдыханія, которое въ этомъ случаѣ производитъ дѣйствіе насоса и притягиваетъ воду ко рту; потомъ уменьшаютъ колпчество воды дотогѣ, пока будетъ всасываться одинъ только воздухъ; послѣ того трубку наполняютъ табакомъ и, положивши на него горячихъ углей и накрывъ ихъ, чтобы не разсыпались, коническою крышкою, ставятъ на прямую трубу и тогда все готово для куренія. — Кальянъ для восточныхъ народовъ служитъ предметомъ роскоши. Нуженъ особый слуга, чтобы его носить, чистить, готовить и возить его въ дорогѣ. — Относительно кальяна есть особый этикетъ: своимъ кальяномъ подчуютъ только самого отличнаго, почетнаго человѣка и никто изъ гостей, знающихъ обычаи, не имѣетъ права потребовать себѣ кальяна, прежде, чѣмъ хозяинъ не велитъ его подать.

(42) То-есть быть жокеемъ: *carricle* — по англійски кабріолетъ, колясочка; отъ латинскаго *carriculum*.

(43) Постоянное войско Сарбазовъ, учреждено принцемъ Аббасъ-Мирзою, который очень заботился объ его обученіи и вообще приданіи ему вида и характера правильнаго свроейскаго войска. Слово *Сарбазъ* лексически значитъ удалецъ, сорви-голова; въ переносномъ смыслѣ обозначаетъ оно солдата.

(44) Персіяне, по-крайней-мѣрѣ прежде, были страшные охот-

ники до подобныхъ диковинокъ и игрушекъ. Приводимъ поэтому случаю забавный анекдотъ, рассказанный барономъ Корфомъ въ его «Воспомнаніяхъ о Персїи»: Фетхъ-Али-Шахъ получилъ въ подарокъ отъ какого-то *Кафира* прехитрый калейдоскопъ, въ которомъ, по мѣрѣ поворачиванія, являлись портреты разныхъ извѣстныхъ лицъ. Шахъ восхищался затѣйливой игрушкой и до-того употреблялъ ее, что механизмъ разстроился. *Средоточіе вселенной* изволило сильно разгнѣваться и не зналъ — какъ по-собить дѣлу. Въ Тегеранѣ только и рѣчей было, что объ испорченномъ калейдоскопѣ и вѣсть о немъ дошла наконецъ до ушей нѣкоего Гусейнъ-Бека, великаго мастера на всякія штуки. Онъ являеться къ Шахскому *Хазнодару* (хранителю сокровищъ) и объявляетъ ему, что услышавъ о несчастномъ приключеніи, постигшемъ Фетхъ-Али-Шаха, онъ явился предложить свои услуги и исправить испорченную игрушку. Хазнодаръ доложилъ Шаху. Калейдоскопъ выданъ Гусейнъ-Беку. Тегеранскій искусникъ, разглядѣвъ въ чѣмъ дѣло, вздумалъ не только исправить, но даже пополнить шахскую забаву: къ находившимся въ калейдоскопѣ портретамъ прибавилъ онъ изображеніе самаго Фетхъ-Али-Шаха и отнесъ къ Хазнодару. Шахъ долго любовался выдумкою своего подданнаго и въ вознагражденіе трудовъ его сказалъ: «*Барикелла, барикелла!*» (браво, bravo). Это обидѣло Гусейнъ-Бека, тѣмъ болѣе, что иностранецъ, вручившій Шаху калейдоскопъ, былъ осыпанъ его щедротами. Механикъ отправился снова къ Хазнодару, выпросилъ опять калейдоскопъ подъ предлогомъ какихъ-то исправленій. Проходятъ нѣсколько дней, недѣля, Гусейнъ-Бекъ не является. Посылаютъ къ нему на квартиру, — дверь заперта. Выламываютъ ее, — комната пуста, только на полу лежитъ что-то завернутое въ бумагу и письмо. Развертываютъ пакетъ и находятъ въ немъ калейдоскопъ, разбитый въ мелкіе куски, а въ письмѣ уведомленіе Гусейна, что онъ очень радъ отплатить за нанесенную ему обиду и отправляется самъ къ Имаму Маскатскому. (Восп. о Перс. Бар. Корфа. Сиб. 1838 г. стр. 101, 102 и 103.)

(45) Нѣчто въ родѣ церемонимейстера.

(46) *Бейрамъ* или *Байрамъ* — два, самые главные праздника Исламизма: одинъ кончается собою строгій постъ мѣсяца Рамазана и продолжается три дня, другой бываетъ черезъ 70 дней и длится четыре дня.

(47) *Шэръ'* или *Шэръ'э* лексически значитъ законъ, законный путь. Такъ-какъ коранъ и подобныя ему книги заключаютъ въ

себѣ законы и правила на всѣ случаи, бывающіе въ гражданскомъ быту, то духовенство магометанское содержитъ въ своихъ рукахъ судъ надъ народомъ, именуемый *Шеръ'э*; книга-же заключающая всѣ правила, или уложенія гражданское и уголовное, называется *Шерайэ*. Въ Шеръэ засѣдаютъ одно, два и болѣе духовныхъ лица; разбору этого суда подлежатъ дѣла духовныя, касающіяся религіи, а также тяжбы и уголовныя. Когда власть Кашифовъ перешла въ руки свѣтскихъ владѣтелей, власть этого суда ограничилась только дѣлами, относящимися до религіи и гражданскими, особенно тяжбы, при разборѣ коихъ требуется познаніе законовъ. Если коранъ не вполне разрѣшаетъ какое-нибудь обстоятельство, то духовенство прибѣгаетъ къ книгѣ сказаній и дѣяній Магомета, потомъ къ книгѣ сказаній и дѣяній Имамовъ. Надо замѣтить, что судъ этотъ почитается у Персіянъ самымъ безпристрастнымъ.

(48) Надъ словомъ «тобою» поставлена черта, надъ которою написано Бегичевымъ, такъ-что выходитъ слѣдующее: $\frac{\text{Бегичевымъ.}}{\text{тобою}}$

(49) Имя этого монастыря пишется привильно Эчміадзинъ.— Грибоѣдовъ будетъ говорить о немъ въ другомъ мѣстѣ своей «Черновой» и мы къ его сжатому перечневому тексту, невразумительному для тѣхъ, кто не знакомъ, хотя по описаніямъ, съ подробностями Эчміадзина, — метрополии грегорианской церкви, присоединимъ довольно полныя пояснительныя примѣчанія.

(50) *Мангалъ* — по-персидски жаровня.

(51) Подобные этому неправильные обороты рѣчи часто падаютъ у Грибоѣдова въ его путевомъ дневникѣ.

(52) *Беллеръ-Бегъ* — лексически князь-князей, или нѣчто въ родѣ председателя дворянства; ханъ, управляющій округомъ какой-либо провинціи.

(53) Слово *каймакамъ* — лексически значитъ «приставъ», или нѣчто тому подобное; обязанность каймакама — управлять дѣлами наслѣдника престола. При Грибоѣдовѣ и при баронѣ Корфѣ каймакомъ былъ Мирза Абуль-Касимъ. Такъ-какъ большинство нашихъ читателей знаетъ, вѣроятно, или очень мало, или вовсе не знаетъ о замѣчательной личности этого каймакама, котораго баронъ Корфъ назвалъ «умнѣйшимъ человекомъ во всей Персіи и который былъ-бы уменъ даже въ Европѣ,» то мы желающихъ получить о каймакамѣ свѣдѣнія подробныя, — отсылаемъ въ книгѣ г. Корфа, который былъ въ Персіи только черезъ пять лѣтъ по-смерти Грибоѣдова (даже

видѣлъ развалины дома его) и въ то время, когда Абуль-Касимъ былъ во всей силѣ власти. Мы, со словъ барона Корфа, ограничимся только короткимъ поясненіемъ, что этотъ чуть-чуть не уродъ (до такой степени каймакамъ былъ безобразенъ), величайшій неряха и величайшій грабитель и взяточникъ, котораго не навидѣло все и все трепетало, былъ первый государственный человѣкъ Персіи, имѣвшій рѣшительное вліяніе и на ея дѣла и на поступки ея государей. Онъ жи́лъ почти постоянно въ Таврисѣ, при Аббасъ-Мирзѣ (Наибъ-Султанѣ, наслѣдникѣ престола.) — Кому хочется и отъ души посмѣяться и вмѣстѣ-съ-тѣмъ узнать до какой степени боялись въ Персіи Абуль-Касима, тотъ пусть прочтетъ 173—177 стр. книги г. Корфа.

(54) *Башлыкъ* — слово, перешедшее въ русскій языкъ изъ татарскаго, значитъ «капшонъ»; оно происходитъ отъ слова «башъ» — голова. Башлыкъ — собственно то, что надѣвается на голову.

(55) *Шахъ-зуда* — принцъ крови. Здѣсь, вѣроятно, Грибоѣдовъ подразумѣваетъ Аббасъ-Мирзу.

(56) Не *Каталаксусъ*, а *каталаксистъ*, *κατάλαξις*. 1) или отъ глагола *κατάλλω*, примиряю, примиряюсь, и тогда означаетъ примиреніе, дружба, или 2) какъ принимаетъ это слово извѣстный филологъ Matthie, вмѣсто *κατάλαξις*, т. е. отвлеченіе, *emol-litio*, въ каковомъ значеніи употребилъ это слово писатель IV вѣка Орибазій.

(57) Это мѣсто «Черновой», совершенно психологическое, очень важно для біографіи Грибоѣдова: этѣ замѣчательныя слова характеризуютъ намъ Грибоѣдова; какъ человѣка. Грибоѣдовъ былъ по природѣ добръ, но, что называется, не любилъ давать спуска тѣмъ, кто его затрогивалъ, и, рѣшившись разъ на что-нибудь, выдерживалъ свое рѣшеніе твердо и стойко. Одинъ примѣръ, — какъ Грибоѣдовъ, чтобы избавиться отъ чувства страха въ сраженіи, выѣхалъ на самое опасное мѣсто и хладнокровно сосчиталъ опредѣленное имъ самимъ число выстрѣловъ, — рассказанъ г. Кс. Полевымъ въ его біографіи (изд. «Горе отъ ума,» 1839 г. стр. XLVII); другой мы видимъ здѣсь: онъ хладнокровно метилъ въ плечо Якубовичу и послѣ, какъ видимъ, жалѣеть, что не удалось ему раздробить этого плеча.

(58) Что значитъ этотъ фарсъ, — растолковать себѣ невозможно.

(59) *Ежесвой*, комической актрисой, занимавшей, какъ видно изъ приложеннаго къ «Русской Галіи,» драматическому альбанаху

на 1825 годъ, «списка артистовъ Россійской и Балетной группы С. Петербургскаго Придворнаго театра», первыя роли комическихкихъ старухъ. Она была любовницей кн. Шаховскаго, жила съ нимъ вмѣстѣ, командовала своимъ начальникомъ и любовникомъ совершенно и держала его, какъ гласитъ вѣрное преданіе, истинно въ *ежесовыхъ* рукавицахъ.

(60) Сиръ Робертъ Портеръ — одинъ изъ англійскихъ писателей объ Азій, авторъ Travels.

(61) Все это было-бы очень любопытно, но нисколько не пояснено самимъ Грибоѣдовымъ, стало-быть совершенно для насъ пропало.

(62) Должно быть того-же февраля 1819 года.

(63) Этѣ слова Грибоѣдова («скидаю маску»), повторенныя имъ, какъ увидитъ читатель, еще ниже, показались мнѣ, по-крайней-мѣрѣ сначала, до-того загадочными, что я, для разъясненія ихъ обратился къ моему почтенному тифлисскому корреспонденту М. К. Ломидзе, отвѣтъ котораго почитаю необходимымъ здѣсь сообщить, потому, что слова этѣ могутъ привести въ недоумѣніе и читателя. «Масокъ отъ холода» — пишетъ мнѣ г. Ломидзе — «не носятъ». Не называлъ-ли Грибоѣдовъ маскою въ шутку *башлыкъ*, который, какъ извѣстно, похожъ на мѣшокъ, придѣлываемый Европейцами къ бурнусу; но Азіятцы надѣваютъ башлыкъ отдѣльно на шапку, надвигая его на глаза, длинными-же концами его обвиваютъ шею и лице, такъ-что на-виду остаются только одни глаза.» Кажется, это объясненіе совершенно удовлетворительно, тѣмъ-болѣе, что самъ Грибоѣдовъ выше говоритъ: «я укутался буркою, *обвертывъ себѣ лице башлыкомъ.*»

(64) *Уджанъ* — большая равнина къ востоку отъ Тавриса, на которой Аббасъ-Мирза выстроилъ дворецъ.

(65) *Міана* или *Міанэ* — городъ, извѣстный своими коврами и знаменитыми клопами, «кене», о которыхъ упоминаютъ всѣ путешественники, и старые и новые. Клопы эти *ядовиты* и не любятъ *пріѣзжихъ*, туземцамъ-же не наносятъ никакого вреда. Эти клопы менѣе нашихъ и цвѣта глинистаго. Особенно опасны они во время жаровъ. Послѣ укушенія ихъ образуется круглое красное пятнышко, переходящее иногда въ смертельное воспаленіе.

(66) Имя этой рѣки составное: *Кизиль-аичъ*, значитъ *красное дерево* (красный гѣсъ). — «*Кизиль*», или какъ правильнѣе, сообразуясь съ произношеніемъ, пишетъ по-русски это слово г. Каземъ-Бекъ «*кзыль*» значитъ *красный*; «*кизилемъ*» называется весьма

крѣпкое дерево, имѣющее плоды въ родѣ терновника, или вишни, только продолговатой и блѣдно-красной; плодъ этотъ употребляется въ варенье и пикули, сырой-же онъ слишкомъ кисель на вкусъ. Слово «кизиль» часто придается другому слову для означенія мѣстности или рѣки, какъ напримѣръ здѣсь — *Кизиль-атачъ*.

(67) *Заманъ* или *Земанъ* — городъ, по дорогѣ отъ Тавриса до Тагерана. Употребленное Грибоѣдовымъ слово «изъ-дали» очень хорошо объясняется тѣмъ, что виды Персіи, вообще, сравниваютъ съ театальной декорацией, которою восхищаешься изъ-дали, а въ-близь не видишь ничего, кромѣ грубыхъ красокъ, набросанныхъ на толстомъ холстѣ. Въ *Земанѣ* находится великолѣпный домъ градоначальника, — прежнее жилище хановъ.

(68) Что-это за куріозное происшествіе изъ-за лошади — неизвѣстно.

(69) Не *Султаня*, а *Султанъ* — деревня, прежде городъ многлюдный и великолѣпный, какъ говорятъ о немъ старые путешественники, мѣсто, примѣчательное развалинами знаменитой мечети, — самага огромнаго зданія во всей Персіи, — построенной въ XV вѣкѣ шахомъ Худа-Бенде, хотѣвшимъ перенести сюда остатки Алія, зятя Магомета, изъ Неджефа (по пнямъ, писателямъ изъ Корбелы). Алію явился ему во снѣ, благодарилъ за намѣреніе, велѣлъ оставить себя на прежнемъ мѣстѣ и предрекъ Худа-Бенде, что эта великолѣпная мечеть будетъ собственной его могилой. Шахъ не испугался смерти, но не хотѣлъ лечь въ мѣстѣ, которое было назначено для святаго, а потому построилъ себѣ подлѣ мечети небольшое зданіе, гдѣ и былъ похороненъ. Великолѣпная мечеть эта теперь находится въ развалинахъ, чему много помогъ Фетхъ-Али-Шахъ, велѣвшій таскать изъ нея матеріалъ для увеселительнаго дворца, который строилъ подлѣ и который можно назвать настоящимъ уродомъ архитектуры.

(70) Не *Абгаръ*, а *Абхаръ* — рѣчка, на которой стоитъ деревня Хуррамъ-дерэ, расположенная на замѣчательно-красивой мѣстности, между садами. Эту-то, вѣроятно, деревню Грибоѣдовъ тоже называлъ *Абгаромъ* или *Абхаромъ*.

(71) Иные пишутъ *Казбинъ*, какъ Грибоѣдовъ, а другіе *Казбинъ*, — городъ очень-красивый и, сравнительно, опрятный, по увѣренію нѣкоторыхъ путешественниковъ, и грязный, по словамъ другихъ. Такихъ противорѣчій о Персіи встрѣчается много. Достоверно, по-крайней-мѣрѣ, то, что *Казбинъ*, лежащій на об-

шпрной равнинѣ, не далеко отъ рѣки Шахъ-руда, былъ нѣкогда столицей Персіи, городомъ цвѣтущимъ, въ которомъ насчитывали сто-тысячъ жителей и который прославился множествомъ ученыхъ и поэтовъ. Слава осталась за нимъ — хотъ по преданію, потому-что Казвинъ и доселѣ носитъ титулъ «Джемаль-абадъ» — обитель совершенства, и «Баб-и-дженнетъ» — врата рая.

(72) *Майданъ* или *Майданъ* — площадь, въ переносномъ смыслѣ — базаръ.

(73) Раги Мидійскія. Эти два, совершенно законпчески-поставленныя Грибоѣдовымъ, слова требуютъ довольно пространнаго объясненія дѣла. — Около Тавриса находятся развалины города *Рея* или *Рагеса*, славнаго не только потому, что онъ былъ мѣстомъ рожденія и пребыванія Гарунъ-Аль-рашида, но и потому, что это былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, народонаселеніе котораго простиралось (будто-бы) до трехъ-миліоновъ жителей, а стѣны имѣли 20 миль въ окружности. Время его процвѣтанія относятъ къ третьему вѣку. Тогда Рагесъ назывался, какъ говоритъ Шарденъ, «женою міра, дверью дверей на землѣ и рынкомъ всѣленной.» Теперь это — развалины; описываемыя иными путешественниками довольно подробно, и въ которыхъ нѣкоторые хотятъ видѣть древнія *Раги Мидійскія*, относящіяся ко временамъ библейскимъ. Это мнѣніе совершенно отвергаетъ нашъ ученый путешественникъ г. Березинъ, говоря, «что сохранившіяся до-сихъ-поръ остатки Рея характеромъ своимъ показываютъ, что они принадлежатъ всѣ къ мусульманской эпохѣ, что напрасно будутъ искать какой-либо камень отъ Рагъ время Тавита; что никакъ нельзя этимъ легонькимъ постройкамъ приписывать величественный трудъ древности, о которомъ говорится въ библейской исторіи.» (Берез. путеш. по сѣверной Персіи, Казань, 1852 г., стр. 171.)

(74) *Девамендъ* — самая высокая вершина Эльбруса въ Персіи, въ сорока верстахъ отъ Тагерана, надъ равниною котораго возвышается на 13,000 с. Девамендъ имѣетъ видъ конуса и цѣлый годъ покрытъ снѣгомъ. Доселѣ еще никто не взбирался на его, совершенно непрístupную, вершину.

(75) *Седеразамъ* — правильно *Садръ-Аизамъ* собственно значить «величайшій предсѣдатель». Это имя носятъ въ Персіи и Турціи первые министры.

(76) *Нау-рузъ* — «новый день», то-есть, первый день новаго года (9—10 марта, когда солнце вступаетъ въ знакъ овна); это

древнѣйшій народный праздникъ, отправляемый въ Персїи болѣе трехъ-тысячъ лѣтъ.

(77) Правильно *Бинъ-баим* или *Минъ-баимъ*; слово азербеджанско-татарское, значитъ тысячникъ (*минъ* — тысяча и *баимъ* — голова).

(78) Какое и по какому именно случаю было Амлюхово замѣчаніе — неизвѣстно, но кто-такой былъ Амлюхъ, я здѣсь, пока вкратцѣ, обязанъ сообщить читателю.

Амлюхъ былъ камердинеръ Грибоѣдова и истинно, по безсмертному стиху Фонъ-Визина:

«И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ его рачитель.»

При порядочной безпечности и разсѣянности Грибоѣдова (можетъ-быть происходившей и отъ того, что онъ постоянно былъ занятъ серьезными, дѣльными мыслями, иѣшавшими ему обращать правильное, точное вниманіе на инныя житейскія мелочи и вообще свой житейскій бытъ), а главное, при совершенной «безсребренности», если можно такъ выразиться, Грибоѣдова, при совершенномъ его незнаніи цѣны деньгамъ, въ которыхъ онъ, какъ и Пушкинъ, почти всегда нуждался, усердный и вѣрный Амлюхъ былъ для Грибоѣдова лицомъ благодѣтельнымъ и незамѣнимымъ. И вмѣстѣ-съ-тѣмъ, по справедливому замѣчанію С. Н. Бѣгичева, Амлюхъ былъ оригинальное, комическое лице. Въ біографическомъ отдѣлѣ моихъ статей о Грибоѣдовѣ я сообщу объ Амлюхѣ и объ его забавныхъ отношеніяхъ къ барину все, что знаю. Ихъ, общія съ барининомъ, литературныя сужденія и разговоры, вѣроятно, всякаго заставятъ посмѣяться.

(79) Вопросъ: «какъ длинна борода Шаха?» — долженъ показаться страннымъ и даже забавнымъ большинству читателей. Между-тѣмъ тутъ дѣло совсѣмъ не шуточное: борода шаха была едва-ли въ самомъ дѣлѣ не самой длиннѣйшей во всей Персїи; онъ ей гордился, ее воспѣвали поэты, ее живописцы, изображавшіе Фетхъ-Али-Шаха на конѣ, пускали чуть-чуть не дальше живота лошади. Все это — кромѣ шутокъ, потому-что на все это есть доказательства. Фетхъ-Али-Шахъ былъ не большаго роста и очень худощавъ; выразительные глаза и довольно большой, нѣсколько горбачій, носъ были единственныя черты его лица, видныя изъ-за этой, очень густой, бороды, которая начиналась подъ самыми глазами и простиралась до нижнихъ областей желудка.

(80) *Рештъ* — главный городъ провинціи Гиланъ, расположенной на берегу Каспійскаго моря. Въ своей запискѣ о Гилани,

помѣщаемой мной во второй моей статьѣ о «Чершовой», Грибодовъ упоминаетъ объ этомъ бунтѣ.

(81) Эта помѣта сдѣлана самимъ Грибодовымъ.

(82) *Кендъ* или *Кеннъ* — прелестная деревня въ окрестностяхъ Тагерана, которую хвалятъ всѣ путешественники. Она въ горахъ; въ ней вездѣ протекаетъ и шумитъ чистѣйшая вода, вездѣ высокія, густыя деревья и много народа.

(83) Не *Сулейманъ*, а *Сулейманъ-ага* — собственное имя лица мужескаго пола; здѣсь-же это, очевидно, собственное имя какого-то селенія.

(84) Не *трактарасанъ*, а *тактарасанъ* — лексически значитъ «подвижное судалище». Это у Персіанъ носилки, тоже, что у Китайцевъ паланкинъ, *porte-chaise*, въ которомъ носильщики или рабы носятъ на своихъ плечахъ аристократію.

(85) *Сефиръ-Ходжа*, — тоже собственное имя лица мужескаго пола, здѣсь-же имя селенія. Сефиръ-Ходжа лексически значитъ «священный посолъ».

(86) «Луна» — записалъ мнѣ г. профессоръ Каземъ-Бекъ на вопросъ мой по этому предмету — «единственная указательница точнаго времени для начала праздника бейрама, который по закону и обозначается появленіемъ новолунія. Нужно, чтобы луну правовѣрные непременно *сидьли*, хоть въ какомъ нибудь мѣстѣ, для того, чтобы начался праздникъ: безъ этого онъ не начнется, хотя-бы всѣ астрономы единогласно утверждали, что луна, какъ говорится, «народилась».

(87) Ясно, до чего простирается персидское пусторѣчіе — смѣсь лжи и лести. Это точно такой-же подарокъ, какъ и то удовольствіе (что мы видѣли выше), которое Мазаровичъ доставилъ-бы Сардарю Эриванскому, если-бы, для потѣхи своей, пожелалъ отрубить головы его приближеннымъ и даже родному его брату.

(88) Предлагаю краткое и вмѣстѣ полное объясненіе этого мѣста. Прежде-всего нѣсколько словъ о факирахъ. Слово *факиръ* на арабскомъ языкѣ означаетъ «нищитаго». Факиры — родъ дerviшей, но совсѣмъ въ другомъ видѣ: дerviши — нищенствующіе монахи, строго управляемые однимъ начальникомъ, факиры — бродяги, не признающіе ни какой власти. Они шатаются всюду, съ обнаженною головою, нарочно взѣрошиваютъ себѣ волосы, привѣсиваютъ себѣ къ платьямъ множество погрешекъ и маленькихъ колокольчиковъ и чѣмъ-больше кричатъ и кривляются, тѣмъ-болѣе возбуждаютъ жалости въ набожныхъ людяхъ, принимающихъ ихъ за боговдохновенныхъ. Факиры всегда воору-

жены длиннымъ желѣзнымъ орудіемъ, которое оканчивается лезвѣмъ, похожимъ на лезвѣе повареннаго ножа. Встрѣча съ нимъ, особенно-же безоружному, совсѣмъ не безопасна. Али — двоюродный братъ и зять Магомета, призрѣнный имъ еще въ дѣтствѣ и первый изъ мужчинъ, принявшій исламизмъ, четвертый и послѣдній избирательный калифъ (въ половинѣ VII вѣка по Р. Х.). Онъ пользовался неограниченною довѣренностію Магомета, которому всячески содѣйствовалъ въ распространеніи ученія его и власти. Послѣ смерти пророка, оставшись дѣйствительно главою дома его, онъ, однако, долженъ былъ пережить три царствованія — Абубекра, Омара и Османа и даже послѣ того какъ сдѣлался *халифе* (намѣстникомъ пророка) долженъ былъ вступить въ борьбу съ Моавіею-Сирійскимъ, родственникомъ Османа. Здѣсь начало сектъ шиитской, главою коей сдѣлался Али и Суннитской — Моавія. Али былъ измѣнически убитъ въ мечети однимъ фанатикомъ. Шииты (Персіяне) смотрятъ на него почти какъ на пророка, на существо, равное Магомету, съ именемъ котораго для нихъ нераздѣльно имя Али. Они и не называютъ его иначе, какъ *Али-илахи*, «Аліемъ божественнымъ». — Имамъ-Риза. *Имамъ* лексически значитъ «путеводитель». Въ законѣ полагается два рода имамовъ: *меньшой* — священнослужитель въ мечетяхъ, который стоитъ впереди всѣхъ и управляетъ соборнымъ служеніемъ и *большой*, которымъ зовутъ высшую, верховную власть бократическаго общества, — стало-быть *имамъ*, въ этомъ смыслѣ, значитъ *халифъ*, царь, вождь верховный. Риза былъ седьмой имамъ (въ 7-мъ колѣнѣ отъ Али) изъ тринадцати шиитской школы; онъ признанъ персіянами святымъ; гробница его, изъ голубовато-зеленаго кирпича, какъ рассказываютъ путешественники, находится неподалеку отъ Султаніа. Вотъ этихъ-то двухъ святыхъ и призывалъ факиръ, о которомъ упоминаетъ Грибоѣдовъ.

(89) Двѣ, очень любопытныя замѣтки, дающія, не смотря на всю свою краткость, вѣрное понятіе о персидскомъ порядкѣ и правосудіи вообще и, въ частности, о государственномъ и личномъ характерѣ Фетхъ-Али-Шаха.

(90) Точки этѣ поставлены у Грибоѣдова, а можетъ быть находились и въ самомъ подлинникѣ, то-есть на стѣнѣ мечети, потому-что Сарбазы учреждены, какъ это пзвѣстно, Аббасъ-Мирзою, который въ это время былъ уже формальнымъ фирманомъ Шаха названъ Наибъ-Султаномъ, то-есть наследникомъ престола и имя котораго, какъ видно, не совсѣмъ удобно показалось писать на стѣнѣ неизвѣстному поэту.

(91) Пословицы о Каджарахъ очень много и всѣ онѣ не въ похвалу имъ. Нѣкоторыя изъ этѣхъ пословицъ, часто очень меткихъ и забавныхъ, мнѣ извѣстны, но я не могу привести ихъ здѣсь по причинѣ очень простой и ясной: Каджары нынѣ царствующая въ Персіи династія, находящаяся въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Слово *каджаръ* означаетъ старца; у Персовъ оно сдѣлалось синонимомъ внука.

(92) Здѣсь читатель въ первый разъ встрѣчается съ этимъ лицомъ, не только чрезвычайно замѣчательнымъ въ исторіи, или по-крайней-мѣрѣ въ тогдашнемъ положеніи Персіи, но замѣчательнымъ и въ частной исторіи Грибоѣдова, потому именно, что миръ, заключившій знаменитую войну 1826 — 1828 г., былъ исключительно дѣломъ двухъ людей, поставленныхъ тогда въ политически-враждебныя отношенія, но связанныхъ чувствами личнаго взаимнаго уваженія, — Аббаса-Мирзы со стороны Персіи и Грибоѣдова со стороны Россіи. Аббасъ-Мирза былъ третій сынъ Фетхъ-Али-Шаха, призванный имъ къ наследованію престола, потому-что два старшіе его брата — Магометъ-Али-Мирза и Магометъ-Кулы-Мирза были рождены отъ матерей низкаго происхожденія, а Аббасъ-Мирза отъ матери изъ благороднаго поколѣнія Каджаровъ. Послѣ-того, какъ въ 1801 году Грузія поступила окончательно во владѣніе Россіи, Шахъ, объявивши въ 1804 году войну Россіи, назначилъ Аббаса-мирзу правителемъ Азербайджана, какъ для удобнѣйшихъ дѣйствій противъ Русскихъ, такъ и для вѣрнѣйшей, въ случаѣ воинской неудачи, защиты предѣловъ Персіи. Принцъ, поселившись въ Таврисѣ, построилъ тамъ себѣ дворецъ, украсилъ городъ, завелъ въ немъ пущечно-литейную и оружейную фабрики и ловко воспользовался присутствіемъ французскихъ офицеровъ, бывшихъ въ свитѣ посланника Наполеона, генерала Гордонна, поручивши имъ обученіе заведеннаго имъ регулярнаго войска, Сарбазовъ. Посланники и дипломатическіе агенты разныхъ Дворовъ жили не при Шахѣ, въ Тагеранѣ, а при немъ, въ Таврисѣ. Въ войнѣ съ Россією, начавшейся въ 1804 г. и продолжавшейся 8 лѣтъ, Аббасъ-Мирза часто командовалъ отдѣльными отрядами и цѣлыми арміями, въ 1824 г. счастливо воевалъ противъ Турокъ, а въ несчастную для Персіи эриванскую войну (1826—1828 г.) былъ главнокомандующимъ персидскими войсками и потомъ полномочнымъ лицомъ при заключеніи Туркменчайскаго трактата, который, вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за тѣмъ бунтомъ въ Тагеранѣ (1829 г.), жертвою коего сдѣлался Грибоѣдовъ, сильно поколебали — было кредитъ

принца при Дворѣ. Въ-послѣдствіи, блестящими военными подви-гами своими въ Хоросанѣ, занимавшими его до самой его смерти (въ октябрѣ 1833 г. 52-хъ лѣтъ отъ роду), онъ нѣсколько воз-становилъ этотъ кредитъ.

Аббасъ-Мирза имѣлъ умъ быстрый, сообразительный и вооб-ще наклонность къ тому, что можно назвать «просвѣщенными стремленіями». Но, не смотря на всю природную свою живость, онъ былъ именно только человѣкомъ «стремленій», а не «дѣла»: ему, — при отлично добромъ сердцѣ и удивительной вспыльчиво-сти, всего-болѣе разражавшейся надъ первымъ его министромъ, каймакомъ, котораго онъ, впрочемъ, во всемъ слушался, хотя часто и бивалъ его, — совершенно не доставало твердости харак-тера, постоянства въ исполненіи, однимъ словомъ *выдержки*, какъ превосходно выразился о немъ баронъ Корфъ, бывшій въ Персіи черезъ-годъ послѣ его смерти. Онъ за все принимался горячо, но за-то и остывалъ довольно быстро. Имя его было извѣстно всей Европѣ, но люди, безпристрастно судящіе объ этомъ принцѣ, справедливо замѣчаютъ, что путешественники въ Персію начала нашего столѣтія, уже слишкомъ выхваляли этого принца, пред-рѣкая въ немъ новаго Петра Великаго.

(93) Тутъ у Грибоѣдова съ-боку, на-полѣ, приписано: *Духовный*.

(94) Одно слово, котораго рѣшительно невозможно было разо-братъ: такъ связно оно написано и еще блѣдными чернилами.

(95) *Тюркменчай* — деревня, сдѣлавшаяся въ-послѣдствіи из-вѣстною по подписанному въ ней трактату. Нѣкоторые изъ позд-нѣйшихъ нашихъ путешественниковъ видѣли даже домъ, въ ко-торомъ жилъ графъ Паскевичъ и спрашивали хозяина о пребы-ваніи знаменитаго гостя.

(96) Объ этомъ, общемъ въ Персіи, обычаѣ подносить до-рожнымъ людямъ, въ видѣ подарка, арбузы упоминаютъ многие путешественники. Тутъ выходитъ двойная выгода: усталый пут-никъ, часто ѣдущій въ страшный зной, какъ на прим. ѣхалъ тутъ Грибоѣдовъ, освѣжается арбузомъ, а поднесшій получаетъ, разумѣется, какое-нибудь награжденіе.

(97) Вотъ мѣсто «Черновой,» которое, по-крайней-мѣрѣ съ перваго раза, должно показаться страннымъ всякому. Подъ 20-мъ августа 1819 года вдругъ встрѣчаемъ отиѣтку: «Эриванское сра-женіе, смотръ войскамъ. Русскія головы, какъ маковыя, летятъ». Въ 1819 г. между Россіей и Персіей все обстояло мирно и благо-получно: русское посольство, въ этотъ-же день (20 авг.) ѣздило

во дворецъ къ Шаху; знаменитое эриванское сраженіе (1 октября 1827 г.), въ которомъ даже русскія головы и не летѣли, какъ маковья, ибо русскіе потеряли всего только 52 человекъ, было восьмью годами позднѣе... Чтѣ-же это такое? Я довольно долго говорилъ объ этомъ мѣстѣ «Черновой» съ г. Каземъ-Беккомъ и мы остановились на томъ, кажется очень вѣроятномъ, мнѣніи, что тутъ рѣчь идетъ просто о *картинѣ*. Персіяне, какъ народъ въ просвѣщеніи младенчествующій, большіе охотники до картинъ — или фантастическихъ, съ разными Ростомами, или, еще богѣе, хвастливыхъ, въ родѣ, вѣроятно, этой.

(98) Собр. Соч. Оад. Булгар. 1844 г. т. VII, стр. 248. — О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова Кс. Полев. (при изд. «Горе отъ ума» 1839 г. стр. XIX и XX). — Статья «Грибоѣдовъ» въ Энцикл. Лекс. т. XV, стр. 132. — С. Н. Бѣгичевъ въ своей, подаренной мнѣ, біографической запискѣ о Грибоѣдовѣ не сказалъ рѣчь объ этомъ обстоятельстве ни слова, но когда, при разборѣ и разработкѣ «Черновой тетради» Грибоѣдова, я, въ числѣ нѣсколькихъ вопросовъ, обратился къ нему съ вопросомъ и объ этомъ происшествіи, прося, за недостаткомъ прямого хронологическаго у самаго Грибоѣдова въ отрошеніи къ этому обстоятельству указанія, его поясненій, то г. Бѣгичевъ, письмомъ отъ 11 февраля 1858 г., отвѣчалъ мнѣ, между-прочимъ, слѣдующее: «За Грибоѣдовымъ и русскими, которыхъ онъ повелъ изъ Персіи, была погоня, которая не догнала ихъ, а можетъ-быть и побоялась догнать»... Хотя въ бумагахъ Грибоѣдова нѣтъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что за нимъ и его русскими была погоня, но осталось прямое указаніе на то, съ какими чувствами провожали ихъ Персіяне. Читатель увидитъ это ниже, — въ отиѣткѣ 6 сентября, въ Марандѣ.

Чтѣ-же касается собственно до хронологическаго рѣшенія вопроса о выводѣ русскихъ изъ Персіи, то теперь, при соображеніи нѣсколькихъ, находящихся въ «Черновой» путевыхъ замѣтокъ Грибоѣдова, дѣло становится ясно: Грибоѣдовъ прибылъ въ Тагеранъ въ началѣ марта 1819 г., оставался тамъ, какъ видно изъ дневника, начинающаго 8 июня, гдѣ съ первыхъ же словъ говорится о «безплодномъ видѣ *Тагеранскихъ* окрестностей», до этого числа *этого именно года*, ибо тетрадка этого дорожника кончается уже выводомъ русскихъ, а въ самомъ началѣ 1820 г. (января 10.) мы видимъ Грибоѣдова возвращающимся изъ Тифлиса въ Персію, стало-быть дѣло вывода русскихъ относится къ *последней трети 1819 г.*

(99) Здѣсь у самого Грибоѣдова выноски: «я привелъ 70, а вывелъ 110.»

(100) *Ньюкеръ*, — правильно — *нюкеръ* или *найкаръ*, слово персидское, вообще значить слуга, конюхъ, тѣлохранитель, то есть сопровождающій въ поѣздкахъ своего господина.

(101) Здѣсь кстатѣ поправить двѣ ошибки Энцикл. Лексикона, сдѣланныхъ имъ въ біографической статьѣ его о Грибоѣдовѣ (т. XV стр. 131—133.) 1.) Статья эта говоритъ, что «Грибоѣдову поручено было заняться переселеніемъ Армянъ изъ Персіи въ Россію.» Во-первыхъ, тутъ не было никакого «переселенія», какъ обыкновенно понимается это слово, а только «возвращеніе на родину»; во-вторыхъ, главное, объ Армянахъ тутъ и рѣчи быть не можетъ: свидѣтельство самага Грибоѣдова опровергаетъ это показаніе Энцикл. Лекс. — а.) Грибоѣдовъ всюду возвращаемыхъ имъ людей называетъ *русскими* и въ одномъ мѣстѣ *соотечественниками*; б.) всякій собственнымъ сознаниемъ убѣдится, что никакъ не армянину, а только чистому русаку, на котораго, при самомъ началѣ возвращенія, уже какъ-бы пахнуло роднымъ воздухомъ, могли принадлежать тѣ пѣсни, отъ которыхъ у Грибоѣдова «невольнo слезы накатились на глаза» — какъ *зарпчелькой слободушка*, *солдатская душечка*, *задушевный другъ* и сказка о Васильѣ-царевичѣ.

Этимъ замѣчанія на біографическую статью Энцикл. Лекс. еще не ограничиваются: Энцикл. Лекс. говоритъ, что Грибоѣдову «поручено было возвращеніе»... Едва-ли. Прямыхъ свидѣтельствъ на это — нѣтъ и, конечно, только подлинныя дипломатическія бумаги, хранящіяся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которыя намъ недоступны, могли бы раскрыть дѣло со всею неоспоримой, ясностію. Но, за недостаткомъ оффиціальныхъ данныхъ, мы имѣемъ свидѣтельство, хотя и частное, но очень важное, показывающее, что это дѣло не было Грибоѣдову «поручено», — свидѣтельство С. Н. Бѣгичева, всякое біографическое показаніе котораго о Грибоѣдовѣ можно принимать за несомнѣнное. Вотъ оно. Въ письмѣ къ мнѣ отъ 11 февраля 1858 г., о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, г. Бѣгичевъ пишетъ: «Встрѣтятся съ двумя или тремя Сарбазами на улицѣ, Грибоѣдовъ началъ говорить имъ, что они поступили плохо, измѣнивъ присягѣ и отечеству и проч., вѣроятно очень-убѣдительно, потому что солдаты были тронуты этимъ и спросили его: ручается-ли онъ, что они не будутъ наказаны, если возвратятся въ Грузію? Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что ручается за

это не можетъ, но постарается объ этомъ; впрочемъ, если они и потерпятъ за преступленіе, то лучше одинъ разъ потерпѣть, но очистить свою совѣсть. На другой-же день у его квартиры явились 70 Сарбазовъ, которые и отправились съ нимъ.... ГрибоѢдовъ съ этой командой благополучно прибылъ въ Тифлисъ, Ермоловъ солдатъ простилъ, ГрибоѢдова благодарилъ, обнималъ и представилъ его къ чину, но вмѣсто этого тотъ получилъ замѣчаніе отъ министерства, что дипломатическому чиновнику такъ не слѣдовало поступать».

Гдѣ-же, послѣ этого, тутъ «порученіе»?

(102) Противъ всѣхъ этѣхъ строкъ, на правомъ полѣ рукописи, у ГрибоѢдова приписано: *каменисто*. — Правильно не *Гаргаръ*, а *Гергеръ*. Гергеръ трое: этимъ именемъ называется во-первыхъ — урочище Эриванской губерніи, въ александропольскомъ уѣздѣ, во-вторыхъ — селеніе Тифлисской губерніи, въ елисаветопольскомъ уѣздѣ, и въ третьихъ — селеніе въ Персіи, за Араксомъ, недалеко отъ нашихъ границъ, на юго-западной сторонѣ города Ордубата.

(103) *Саганлукъ* — см. выше, выноску 19-ю.

(104) *Мьднозаводская гора*, — или *Ляльваръ*, иногда (неправильно) называемая ГрибоѢдовымъ Лалеверъ, — въ Мало-Кавказскомъ хребтѣ, въ тифлискомъ уѣздѣ, возвышается надъ уровнемъ моря на 8420 футовъ. Она замѣчательна металлоносными горными породами.

(105) *Коди* — постъ, селеніе въ Борчалинской дистанціи и первая станція по елисаветопольскому тракту, въ 25 верстахъ отъ Тифлиса.

(106) *Квешин* — селеніе въ тифлискомъ уѣздѣ. Недалеко отъ него нѣмецкая колонія Екатериненфельдъ.

(107) *Безобдалъ* — гора въ александропольскомъ уѣздѣ, имѣетъ 7350 футовъ высоты надъ уровнемъ моря.

(108) Здѣсь ГрибоѢдовъ сдѣлалъ хронологическую ошибку: нашествіе хана Омара на Грузію относится не къ 1801, а къ 1785 году. Вотъ-какъ рассказываетъ объ этомъ нашествіи очевидецъ, — Артемій Арагатскій (о которомъ скоро будетъ рѣчь): «Въ 1785 году, Омаръ, Ханъ Лезгинскій, собравъ войска до тридцати-тысячъ человекъ, пошелъ на Грузію. Проходя многія области и селенія прибылъ въ мѣстечко Маданъ, гдѣ находились золотые и серебрянные рудники. Царь Ираклій, укѣпивъ нѣкоторыя свои мѣста, пошелъ противъ Лезгинцевъ, имѣя при своемъ войскѣ до трехъ-сотъ русскихъ самыхъ лучшихъ людей

и прибылъ въ мѣстечко Садахлу, разстояніемъ отъ Мадана на полтора часа. Армяне, Грузинцы и Греки ближайшихъ селеній со всёми своимъ имуществомъ и семействами укрылись въ укрѣпленные мѣста Мадана, чтобы защищаться соединенно отъ Лезгинцевъ. Жившіе собственно въ Маданѣ при рудникахъ, большею частію Греки, платившіе Ираклію дань золотомъ, серебромъ, мѣдью и свинцомъ, просили его, чтобы поспѣшилъ освободить ихъ отъ нашествія злодѣевъ, но Ираклій сдѣлалъ только то, что приблизился къ Мадану еще на полчаса, намѣреваясь отправитъ къ Омару своего воина, именемъ Офандила, для заключенія съ нимъ мира; а начальникъ поманутаго русскаго войска просилъ его, чтобы позволилъ ему съ своими тремя-стами дать Лезгинамъ сраженіе и разбить ихъ, но Ираклій на сіе не согласился, говоря, что еще не время. Лезгинцы между-тѣмъ взяли Маданъ приступомъ, побили множество людей, а остальныхъ со всёми имуществомъ увели въ турецкій городъ Ахелцека, послѣ чего обратились опять на крѣпость Вахамъ, которую и взяли. Послѣ сего Омаръ-ханъ, пробывъ въ Ахелцека всю зиму, взялъ обратный путь черезъ Эриванскую область, въ деревнѣ Аштаракъ, поймалъ нѣсколько человѣкъ садовниковъ изъ Армянъ, однихъ убилъ, а другихъ повелъ съ собою къ городу Шушѣ, откуда уже возвратился въ свои мѣста.» (Арт. Арар. Сп.б. 1813, in-8. ч. 1. стр. 81 и 82).

(109) Князь Павелъ Димитріевичъ Циціановъ, потомокъ грузинскихъ князей, извѣстный герой Закавказья, род. въ 1754 г., въ 1802 г. назначенъ главнокомандующимъ Грузіею. Здѣсь усиліемъ разныхъ непокорныхъ областей прославило его имя. Онъ утвердилъ Закавказье оружіемъ за Россіею и такъ сказать открылъ тайну побѣдъ въ войнахъ съ Персіею и Закавказскими народами. Подъ его начальствомъ образовались закавказскіе герои — Гуляковъ, о которомъ говоритъ Грибоѣдовъ, Симоновичъ, Лизаневичъ и извѣстный Котляревскій. Циціановъ измѣнически убитъ подъ крѣпостію Бакою въ 1806 г. (февраля 8) слѣдующимъ образомъ: Циціановъ велѣлъ извѣстить Гуссейнъ-Кули-Хана Бакинскаго, что идетъ къ Баку съ твердымъ намѣреніемъ взять её, какъ взялъ Ганжу. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, Ханъ отвѣчалъ, что готовъ сдать крѣпость и просилъ Циціанова назначить день для принятія ключей. Мысль, чтобы Ханъ или кто-нибудь изъ его приближенныхъ рѣшился на вѣроломство въ присутствіи двухъ русскихъ отрядовъ, была слишкомъ далека отъ Циціанова. Назначивъ къ принятію крѣпости 8-е февраля

онъ отправился къ ней въ этотъ день по-утру съ 200 человекъ, долженствовавшими составить ея гарнизонъ. За полъ-версты до городскихъ воротъ Бакинскіе старшины стояли съ ключами, хлѣбомъ и солью, и, поднося ихъ Циціанову, объявили, что Ханъ, все-еще не твердо увѣренный въ своемъ прощеніи, смѣетъ просить князя о личномъ его въ томъ удостовѣреніи. Циціановъ согласился, отдалъ назадъ ключи, съ тѣмъ, чтобы вручилъ ихъ самъ Ханъ, и поѣхалъ впередъ, велѣвъ слѣдовать за собою только подполковнику князю Эристову и одному казаку. Шаговъ за сто до крѣпости, вышелъ Гуссейнъ-Кули-Ханъ, сопровождаемый четырьмя сановниками, и въ то время, какъ онъ съ работѣствомъ подносилъ ключи, изъ-за него послѣдовали два выстрѣла: однимъ поразило Циціанова, который тутъ-же и упалъ; другой былъ сдѣланъ по Эристову. Въ первую минуту паденія Циціанова, ханская свита кинулась рубить его саблями; съ городскихъ стѣнъ раздался страшный крикъ; открылся пушечный огонь. Но стоявшему въ полуверстѣ отъ крѣпости нашему отряду и почти въ то же время множество всадниковъ, высыпавъ изъ воротъ, бросилось на мѣсто убійства.

(110) *Гумры* — мѣстечко въ бамбакъ-шугагельской дистанціи, въ Грузіи, въ двухъ верстахъ отъ Арпачая.

(111) Вотъ краткія, но довольно подробныя свѣдѣнія о знаменитомъ Эчміадзинѣ — главномъ монастырѣ армяно-грегоріанской церкви. Слово «*Эчміадзинъ*» значитъ «*сошествіе Единороднаго Сына*». Св. Григорій, просвѣтитель Грузіи и Арменіи, жилъ въ IV вѣкѣ при царѣ Тиридатѣ, который предавалъ его жестокимъ мученіямъ и послѣ, какъ Навуходоносоръ, вышедши изъ предѣловъ человѣческой природы, сталъ, вмѣстѣ съ приближенными своими, скитаться, подобно вепрю, съ дикими звѣрями. Сестра его, царица Хосровидухтъ имѣла видѣніе, что одинъ Григорій можетъ исцѣлить бѣснующихся. За нимъ послали. Онъ исцѣлилъ царедворцевъ, но не вдругъ отнялъ звѣрскій образъ отъ Тиридата, возвратя ему только сознаніе, дабы онъ болѣе чувствовалъ мерзость своего состоянія. На мѣстѣ избіенія трехъ праведныхъ римскихъ дѣвъ, не хотѣвшихъ быть любовницами Тиридата, Григорія посѣтило страшное видѣніе, послужившее къ основанію первопрестольнаго храма Арменіи. Въ полночь увидѣлъ онъ развершіеся небеса и лучъ свѣта, сходящій на землю, по направленію коего стремились тьмы ангеловъ, а передъ ними мужъ высокій, грозный видомъ, съ золотымъ молотомъ въ десницѣ. Быстрѣе орла летѣлъ онъ къ Вагаршапату и сильно ударилъ

молотомъ въ землю... застонала земля, потряслись горы и изъ нѣдръ земли послышались страшные вопли, потомъ по срединѣ города, близь царскаго дворца внезапно воздвиглось круглое золотое подножіе, на подобіе олтара и на немъ огненный столбъ а сверху облачный куполъ съ вѣнчающимъ его крестомъ. Во кругъ поднялись сами-собою четыре другихъ столба, изъ коихъ три на мѣстѣ избіенія св. дѣвъ, увѣнчанные тоже крестами; сводъ изъ облаковъ осѣнилъ все это чудное зданіе, озаренное крестнымъ сіяніемъ. Ангель предсталъ смятенному Григорію и объяснилъ ему видѣніе. Страшный мужъ, поразившій молотомъ землю — самъ Господь; огненный столбъ, соединенный крестобразно съ другими столбами, подъ облачнымъ сводомъ, — Св Церковь, всѣхъ объемлющая подъ сѣнь креста. «Да будетъ это мѣсто домомъ молитвы и престоломъ священства. Сооруди здѣсь храмъ Богу». Потому-то это мѣсто было сначала названо «*Шюкатъ*», то-есть, «изліаніе сѣта», а въ-послѣдствіи «*Эчміадзинъ*», то есть «*сошествіе Единороднаго*». Григорій соорудилъ церкви на могилахъ св. дѣвъ и послѣ главный храмъ, въ коемъ престолъ находится между четырьмя столбами, тамъ, гдѣ явилось видѣніе. Столбы изъ бѣлаго мрамора и нынѣшній престолъ, устроенный въ началѣ прошлаго столѣтія, находится на мѣстѣ прежняго. Вотъ о чемъ законически, безъ всякихъ объясненій, упоминаетъ Грибоѣдовъ въ своихъ Путевыхъ Запискахъ.

(112) Это говорятъ многіе путешественники, особенно не хвалящіе армянъ за обращеніе съ женщинами, къ которымъ они ревнивы до крайности, хотя и почитаютъ ихъ существомъ непристойнымъ, которому не слѣдуетъ даже осквернять собою мужскую бесѣду.

КАРАВАНЪ.

(Отрывокъ изъ восточной повѣсти.)

ГЛАВА I.

I.

Какая нѣчь— не ночь, а рай!
Ночныя звѣзды искры мечуть.
Вставай, привратникъ, отвори
Ворота въ Караванъ-сарай,
Въ горахъ бубенчики лепечуть.

II.

Луна свѣтла, какъ тронъ Алла;
Какъ тѣни,—длинные шагаютъ
Верблюды по краямъ скалы,
На нихъ ружейные стволы,
То пропадаютъ, то мелькаютъ.

III.

Вдали развалина стоитъ,
Въ туманъ серебряный повита.
Внизу клокочетъ и бѣжить
Ручей по склону черныхъ плитъ;—
По дну ручья стучать копыта.

IV.

То ѣдетъ самъ Тамуръ-Гасанъ
 Въ тѣни дремучаго оврага.
 И вотъ, къ лукъ нагнувъ свой станъ,
 Онъ въ гору скачетъ, какъ шайтанъ.
 Куда герой!? Куда бродяга!

V.

Поводья брошены, — висять;
 Ружье въ чухлѣ; подобно звѣнямъ
 Стальнымъ, брэнчить его булатъ;
 Порывистъ конь, стуча скользять
 Его копыта по камнямъ.

VI.

Суровый всадникъ гордъ и смѣль.
 Откуда и куда онъ скачетъ?
 Что онъ, какъ ханъ разбогатѣль?
 Или нажить не успѣль —
 И жизнь по-прежнему маячить?

VII.

Вставай, привратникъ, отворяй
 Ворота въ Караванъ-сарай!
 Готовь ночлегъ для каравана,
 И въ гости жди, и угощай
 Разбойника Тамуръ-Гасана

VIII.

Далеко слухъ идетъ о немъ,
 Тамуръ-Гасану ни по-чемъ
 Отбить быковъ, — связать чобана.
 Рука, съ нацѣленнымъ ружьемъ,
 Дрожитъ при имени Гасана.

IX.

Онъ можетъ пулей въ-лётъ пронзить
 Орла, клыкастому кабану
 Свиную морду разкроить,
 Влетѣть въ табунъ, коня скрутить
 И покорить его аркану.

X.

Широкъ руки его розмахъ.....
 Какъ левъ, взмахнувъ косматою гривой,
 Храпитъ, и съ пѣной на губахъ
 Напрасно въ двадцати шагахъ
 Изъ петли рвется конь ретивый,

XI.

Какъ-разъ могучая рука
 Смирить порывъ его свободный
 И будетъ гнать его, пока
 Слѣда копытъ его рѣка
 Не захлестнетъ волной холодной.

XII.

На чѣртѣ — а не на конѣ
 Гасанъ вездѣ поспѣлъ — въ огнѣ
 Онъ не горитъ — въ водѣ не тонетъ,
 Задумаетъ о табунѣ —
 Табунъ его — какъ-разъ угонить.

XIII.

Онъ подползетъ къ нему какъ змѣй,
 Въ дыму вечерняго тумана,
 Съ двумя изъ опытныхъ друзей,
 Онъ выстрѣломъ спугнетъ коней,
 Пасущихся среди бурьяна —

XIV.

Впередъ помчится и свистить —
 И вотъ, гонимый съ-лѣва, съ-права,
 Табунъ шарахнувшись летить —
 Летить какъ буря, — степь дрожить.
 Пропаль табунъ, — Гасану слава.

XV.

Молва недаромъ бережетъ
 Его отъ пули и булата:
 Онъ въ двухъ имперіяхъ живетъ
 И съ каждой въ дань себѣ беретъ —
 Коней, оружіе и злато.

XVI.

Всѣмъ жутко отъ его проказъ,
 Отъ Каменки до Арарата;
 И самъ слыхаль я, какъ не разъ
 Давали казакамъ наказъ —
 «Словить его, связать, ребята!»

XVII.

Хотя конечно вѣсть о немъ
 Не доходила до Султана;
 Но.... дорого была, въ одномъ
 Ауль метительнымъ кущомъ,
 Оцѣнена башка Гасана.....

XVIII.

Давно завидя караванъ,
 Его догналь Тамуръ-Гасанъ,
 И въ-слѣдъ за нимъ поѣхаль шагомъ,
 И долго онъ пугаль Армянъ,
 Пока не скрылся за оврагомъ.

XIX.

Идетъ верблюдовъ длинный рядъ,
Раздулись наздри ихъ, глотають
Окрестныхъ рощей ароматъ;
На ихъ горбахъ ковры висятъ,
Шесты торчатъ, стволы мелькають.

XX.

Весь караванъ вооружень;
Разбой онъ выстрѣлами встрѣтитъ.
А гдѣ-жь Гасанъ?!—Эге! ужъ онъ
На той горѣ, гдѣ разложенъ
Костеръ, какъ жертвенникъ, и свѣтитъ.

XXI.

Гасанъ узналъ родимый край;
Онъ шепчетъ тексты изъ корана.
Вставай, хозяинъ, отворяй
Ворота въ Караванъ-сарай!
Меджить, встрѣчай Тамуръ-Гасана!

XXII.

Меджидъ выходитъ изъ воротъ;
Не суетится, не хлопочеть;
Онъ гостя въ-тайнѣ узнаеть,
И руку на-сердцѣ кладеть,
И, опустивъ глаза, бармочеть:

XXIII.

«Алласъ-Алла! слезай съ коня:
«Его сведемъ мы къ водопою;
«Ему насыплемъ ячменя;
«А ты у мирнаго огня
«Свою главу склони къ покою.

XXIV.

«Костеръ мой сердце веселитъ,
 «Моя старуха пловь сваритъ.....»
 Гасанъ ему въ отвѣтъ: папоной
 Накрой коня, возьми! Я сытъ....
 —И съѣлъ на буркѣ запылёной

XXV.

Съѣлъ и ослабилъ поясъ свой,
 И рукава назадъ откинулъ,
 И сталъ вертѣть передъ собой
 Кинжалъ съ масъчной золотой—
 Потомъ въ ножны его задвинулъ.

XXVI.

Не такъ-ли иногда вертеть
 Ребенокъ куклой расписною,
 Ее заботливо хранить,
 Тихонько съ нею говорить,
 И даже спать класть съ собою.

XXVII.

Тамуръ нерѣдко былъ душой
 Далекъ отъ подвиговъ злодѣйскихъ.
 Но тамъ, гдѣ дряблъ законъ нѣмой
 Тамъ, гдѣ народъ привыкъ разбой
 Считать не хуже дѣлъ судейскихъ;

XXVIII.

Тамъ, часто, местию горя,
 Вдругъ, изъ ребенка-дикаря
 Наѣздникъ грозный вырастаетъ,—
 И чтоже? пѣснь сазандаря
 Его отвагу прославляетъ!

XXIX.

И онъ вездѣ найдетъ друзей,
 Подъ кровомъ каждаго аула,
 И не боится онъ цѣпей....
 Всѣ берегутъ его. Злодѣй
 Нигдѣ не спитъ безъ караула.

XXX.

Въ народѣ знаютъ, что Гасанъ
 Хоть и въ горахъ живетъ свитальцемъ,
 Самъ-по-себѣ такой-же ханъ,
 Возьметъ червонцы у Армянъ,
 Но бѣдняка не тронетъ пальцемъ.

XXXI.

Дастъ богомольцу золотой,
 И съ Богомъ въ путь его проводить.
 И вотъ, въ умахъ толпы слѣпой
 Онъ — то разбойникъ, — то святой, —
 То духъ, который всюду бродить.

XXXII.

Молчанье робкое храня,
 Меджидъ по сумрачной площадкѣ
 Повель гасанова коня,
 И конь, уздечкою звеня,
 Плодилъ въ умѣ его догадки.

XXXIII.

Узналь-ли ты меня? спросилъ
 Его Гасанъ, скрестивши руки,
 И ликъ его спокоенъ былъ,
 И тихъ былъ голосъ, но таилъ
 Въ себѣ магическіе звуки.

XXXIV.

И блѣдень сталъ Меджидь сѣдой.
 —Ты гость мой, за тебя я душу
 Готовъ отдать—клянусь Аллой!—
 Шепталъ Меджидь—измѣной злой
 Гостепрѣимства не нарушу....

XXXV.

Тебя не выдамъ никому—
 Глухъ буду.... нѣмъ..... клянусь пророкомъ!
 Довѣрся слову моему.....—
 И сталъ Гасанъ смотрѣть ему
 Въ глаза спокойно зоркимъ окомъ.

XXXVI.

И молвилъ:—вспомни! прошлый годъ
 Тебя едва я не повѣсилъ....
 Но слушай—караванъ идетъ.....
 Мнѣ въ эту ночь его даетъ
 Судьба—онъ мой! молчи—будь весель....

XXXVII.

Луна по прежнему была
 Свѣтла какъ лампа, и лила
 Свой свѣтъ на каменные груды
 И ночь была какъ день свѣтла
 И шли—все ближе шли—верблюды....

Ж. И. Погодинъ.

ПРОЭКТЪ

РУССКО-АМЕРИКАНСКАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ТЕЛЕГРАФА *).

Полезьа и важность электромагнитнаго телеграфа. — При всей разнородности и обширности изобрѣтеній нашего вѣка и приспособленій силъ природы къ потребностямъ человѣка, ни одно изъ современныхъ намъ условій не имѣетъ такого важнаго значенія въ жизни государствъ и народовъ, какъ примѣненіе пара и электричества къ быстрому и правильно-му сообщенію. Подобно открытію состава пороха и примѣненію способности магнитной стрѣлки къ мореплаванію, — устройство желѣзныхъ дорогъ и электромагнитныхъ телеграфовъ составитъ эпоху, которая отдѣлитъ новую жизнь народовъ отъ жизни прошлой. — Повсемѣстное распростра-

*) Мысль о приведеніи телеграфическаго сообщенія между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ чрезъ Сибирь, начала занимать меня съ-тѣхъ-поръ, какъ на Западѣ появились предположенія о связи Америки съ Европою телеграфическимъ канатомъ чрезъ Атлантическій океанъ. — Въ концѣ 1856, убѣждался все болѣе-и-болѣе въ преимуществахъ сибирской линіи предъ атлантической, я изложилъ свои мысли и предположенія по этому предмету въ особой запискѣ, которую, въ началѣ 1857, имѣлъ честь представить въ Кяхтѣ генераль-губернатору Восточной Сибири, Николаю Николаевичу Муравьеву. Въ то время я не имѣлъ намѣренія оглашать свои предположенія печатно, зная, что русская публика всегда смотритъ холодно и даже неблагоприятно на русскаго человѣка безденежнаго и мелкаго чина, предлагающаго миллионныя предпріятія и толкующаго о мировыхъ событіяхъ, — и что подобный офицеръ легко можетъ прослыть утопистомъ, идеаломъ, мечтателемъ, неспособнымъ для исполненія серьезныхъ и существенныхъ обязанностей и порученій. Между-тѣмъ въ концѣ этого же 1857 года въ бытность Николая Николаевича въ Парижѣ, ему былъ представленъ подобный-же проектъ отъ международнаго Общества Электрическаго Телеграфа (Société internationale de télégraphie électrique), при слѣдующемъ письмѣ главнаго директора этого общества Лижеръ-де-Либессара:

неніе этихъ главныхъ двигателей современной образованности и благосостоянія государствъ, — несмотря на ихъ дороговизну, на воздвигнутыя природою преграды, — краснорѣчивѣе всякихъ доказательствъ указываетъ на пользу и необходимость ихъ существованія. Ближе то время, когда сила, просвѣщеніе и благосостояніе государствъ, будутъ измѣряться, — не однимъ только количествомъ армій и флотовъ, не числомъ учебныхъ заведеній, не массою ихъ торговыхъ оборотовъ, но главнѣйше величиною отношенія протяженія линій желѣзныхъ дорогъ и электромагнитныхъ телеграфовъ — къ пространству цѣлаго государства. Понятно послѣ этаго взаимное соревнованіе всѣхъ націй опередить другъ-друга на этомъ поприщѣ.

SOCIÉTÉ INTERNATIONALE
DE
TÉLÉGRAPHIE ÉLECTRIQUE.

Administration

16. Rue de Grenelle St. Honoré
et 7 rue de la Bourse

PARIS.

Son Excellence
Monsieur le Général Mourawieff,
Gouverneur de la Sibérie.
Général!

J'ai l'honneur de remercier Votre Excellence de l'accueil bienveillant qu'elle a daigné me faire et de la puissante protection qu'elle veut bien accorder à la Société internationale de télégraphie électrique.

Je serais très-heureux de ce que Votre Excellence jugera à propos de faire en faveur de la Société, et je n'hésite pas à adopter le conseil de renoncer à la garantie d'un minimum d'intérêt de cinq pour cent, demandée au Gouvernement Russe.

Si Votre Excellence le croit utile j'adresserai à Son Excellence, Monsieur le Ministre des travaux publics, une nouvelle demande en concession dans ce sens.

Je suis avec une vive reconnaissance de vos bontés, et avec le plus profond respect,

Général

de Votre Excellence,
le très-humble et très-obéissant serviteur,
le Directeur-Général
Liger de Libessart.

Paris, le 8 décembre 1857.

Представленный Лижеръ де-Либессаромъ проектъ заключался въ проведеніи телеграфической линіи черезъ Сибирь, землю Чукчей и Беринговъ проливъ въ Америку и напечатанное по этому случаю объявленіе международнаго общества слово-въ-слово заключалось въ слѣдующемъ:

L'utilité de la télégraphie électrique n'a pas besoin d'être démontrée.

Déjà l'Europe et une partie de l'Amérique sont traversées de fils aériens; on également tenté quelques essais en Asie et en Afrique.

Дороговизна устройства желѣзныхъ дорогъ, при недостаткѣ капиталовъ, служатъ важнымъ препятствіемъ должному распространенію ихъ въ Россіи. Въ противность этого, дешевизна проведенія телеграфическихъ линий, сравнительно съ устройствомъ прочихъ средствъ сообщенія, и простота ихъ устройства, указываютъ на нихъ, какъ на удобнѣйшее средство сношеній между всѣми городами и важнѣйшими пунктами Россіи, — особенно принявъ въ соображеніе съ одной стороны дурное состояніе дорогъ, недостатокъ улучшенныхъ путей сообщенія, громадность разстояній въ этомъ государствѣ, а съ другой—услуги оказываемыя электромагнитнымъ телеграфомъ.

Mais ces lignes sont encore plus ou moins isolées. — Aucune grande vue d'ensemble n'a présidé à leur établissement, et il est assez curieux d'observer qu'elles sont situées là, surtout, où leur existence est le moins nécessaire; — là, où de nombreuses et rapides communications sont facilitées par les chemins de fer, les bateaux à vapeur et les routes postales.

On a remarqué que les chemins de fer, très-avantageux pour franchir de grandes distances, sont insignifiants et peu commodes pour les petits trajets.

Il en est de même de la télégraphie.

Dans la plupart des cas, il est inutile de payer les frais assez élevés d'une dépêche, pour correspondre avec Londres ou Bruxelles, par exemple, lorsqu'une lettre beaucoup moins chère peut être transmise en quelques heures. — La thèse change s'il s'agit de Calcutta ou San-Francisco. — L'armateur d'Europe, avisé par un message électrique de l'arrivée à bon port de son navire, parti depuis quatre ou cinq mois, et informé en même temps des prix courants du jour, donnera lui-même l'ordre, selon les circonstances, de vendre la cargaison ou de la conserver en entrepôt, au lieu de laisser, comme aujourd'hui, ce soin au gré du consignataire, en restant dans l'incertitude sur le résultat de son opération.

Il pourra aussi, s'il le juge à propos, changer l'itinéraire de retour de son navire et, du fond de son cabinet, le diriger vers le point du globe où se présentera la spéculation la plus lucrative.

Ces considérations et d'autres, du même caractère, nous ont déterminé à chercher des moyens et des combinaisons propres à utiliser ce merveilleux instrument dont on ne tire encore qu'un si faible parti.

Relier, entre eux, tous les Etats du monde par un réseau continu de lignes télégraphiques se rattachant aux lignes déjà établies, et les complétant, tel est le projet que nous avons exposé dans le numéro de mai 1856, des *Annales de la Société universelle de Londres, pour l'avancement des arts et l'industrie*.

Selon ce projet, l'ancien et le nouveau continent seront mis en communication par la voie terrestre de la Sibérie, au lieu d'avoir recours à l'intermédiaire d'un cable sous-marin traversant l'Océan atlantique, entreprise fort coûteuse et d'un succès douteux.

Услуги эти такъ обильны и разнородны, что трудно было-бы исчислить ихъ *). Если только вспомнимъ, что телеграфъ есть такое средство сообщенія, которому въ быстротѣ нѣтъ ничего равнаго, — для котораго, какъ-будто несуществуетъ ни времени, ни разстоянія, — и что это средство служитъ для сношеній народовъ, правительствъ, семействъ, особъ, — то можемъ представить себя, каковъ кругъ дѣйствій его и какую онъ можетъ принести пользу.

Нѣсколько примѣровъ разсказанныхъ аббатомъ Муаньо, въ его сочиненіи *Traité de Télégraphie électrique*, — лучше всего покажутъ, какое благо приноситъ обществу сообщеніе посредствомъ телеграфа:

La première ligne générale de notre système aurait le parcours suivant: — La ligne télégraphique russe qui part de Saint-Petersbourg, passe à Moscou, et aboutit à Nijni-Novogorod, serait prolongée, à l'est, par le 58 degré de latitude, environ, passerait à Kasan, Sarapoul, Catherinenbourg, Tioumen, Tobolsk, Tomsk, Krasnoïarsk, Irkoustsk, Kiachta, entrepôt du commerce avec la Chine; suivrait au nord le pied des monts de Daourie et des monts Stanovoi-Krebet, toucherait au port d'Okotsk; entrepôt du commerce de pelleteries, à Taiouiskoi, Ijighinsk, Penjinsk et au golfe d'Anadyr.

Après avoir traversé le détroit de Behring, du cap oriental de côte d'Asie au cap du Prince de Galles, de la côte d'Amérique, la ligne télégraphique projetée redescendrait la côte nord-ouest le long des possessions Russes, Anglaises et des Etats-Unis, traverserait le Mexique de l'ouest à l'est, pour aller se raccorder aux lignes des Etats-Unis, et aussi du nord au sud, passerait au milieu des Républiques de Guatemala, de San-Salvador, de Honduras, de Nicaragua et de Costa-Rica, traverserait l'isthme de Panama et ferait le tour de l'Amérique du Sud par la Nouvelle-Grenade, l'Equateur, le Pérou, la Bolivie, le Chili, la confédération Argentine, Buénos-Ayres, le Paraguay, l'Uruguay, le Brésil, les Guyanes française, hollandaise, anglaise, et le Venezuela.

La communication entre l'Ancien et le Nouveau-Monde, au lieu de s'effectuer par le détroit de Behring, pourra aussi s'établir par les îles Aléoutiennes.

La longueur de ce tracé et des embranchements principaux est d'environ 9,000 lieues de 25 au degré, précisément la circonférence de la terre, ou 40,000,000 de mètres ou 40,000 kilomètres, qui, à 500 fr. en moyenne le kilomètre, portent la dépense totale d'établissement d'une ligne télégraphique faisant le tour du globe à 20,000,000 de francs.

La dépense annuelle du personnel réparti en 720 postes ou stations espacés d'un demi-degré ou 12 lieues $\frac{1}{2}$, distance qu'un homme à cheval franchit facilement en quatre heures, serait de 1,125,000 fr.

Les recettes peuvent être évaluées d'après les chiffres suivants:

Le journal le *Globe*, de Washington, constate qu'en 1856 on comptait aux

*) Электро-магнитный телеграфъ 1856 г.

«Когда пароходъ Британія показался въ январѣ 1847 г. на горизонтѣ Бостона, сдѣлавъ сигналъ, что въ Англии, Ирландіи и другихъ Государствахъ Европы, терпятъ нужду въ хлѣбѣ, и требуютъ большое количество его, тогда фермеры въ окружности Нью-Йорка, увѣдомлены были объ этомъ по телеграфу въ нѣсколько минутъ и тотчасъ принялись за дѣло. И едва пароходъ успѣлъ достигъ порта, какъ уже всѣ дороги изъ Альбани покрыты были непрерывными обозами съ хлѣбомъ, и, благодаря телеграфу, хлѣбъ былъ свезенъ скорѣй, чѣмъ въ другое время можно было - бы увѣдомить только о приходѣ парохода.»

«Однажды въ Манчестерѣ дождь не переставалъ идти де-

Etats-Unis 50,000 milles de lignes télégraphiques, ou 80,046 kilomètres, longueur double de la ligne ci-dessus décrite.

Selon l'*Annuaire des Deux-Mondes*, le rapport de ces lignes télégraphiques est considérable. Ainsi la ligne de Wasington à New-York, longue de 224 milles avait transmis 154,514 messages, et encaissé 68,499 dollars dans les six premiers mois de 1852.

En France, d'après le journal la *Presse*, du 20 avril 1857, les taxes de la télégraphie privée perçues au profit du trésor, qui n'avaient donné que 76,773 fr. en 1851, pour 9,034 dépêches, ont produit, en 1856, plus de 3,000,000 de francs, pour 349, 179 dépêches.

Or, il ne paraît pas exagéré d'admettre qu'une ligne télégraphique, reliant tous les états du monde, fera une recette au moins triple de celle de la France seule, c'est-à-dire une recette de 9,000,000 de francs au minimum, et si l'on suppose que la dépense totale annuelle s'élève à 2,000,000 ou même à 3,000,000 de francs, il resterait un bénéfice net de 6,000,000 de francs qui, par rapport à un capital de 20,000,000, représente 30 pour cent par an.

La préférence à donner à la ligne terrestre russe sur le câble sous-marin transatlantique, ressort des considérations ci-après :

D'après la *Presse* du 11 octobre 1856, deux fois le câble Brett de la Méditerranée a été cassé lors de la pose, et chaque fois la perte s'est élevée à 1,000,000 de francs. — Naguère, le câble transatlantique, sur lequel on avait fondé de si grandes espérances, a subi un échec terrible, puisque les journaux de Londres du 14 août 1857 ont annoncé qu'on en avait perdu 300 milles, la possibilité de sa mise en place est même devenue très-problématique, tandis que celle de la ligne russe est infaillible. Enfin, le câble transatlantique coûte 8,750,000 fr., sans compter la pose; la ligne terrestre russe ne coûtera que 4,270,000 fr. C'est une économie de plus de moitié sur les frais d'établissement.

Nous avons adressé des demandes à tous les gouvernements des Etats traversés par la grande ligne projetée, y compris la Russie, pour obtenir les autorisations nécessaires, et, en outre, la garantie d'un minimum d'intérêt annuel de 5 pour cent, pour la dépense afférente à chaque territoire.

Les avis déjà reçus et les concessions octroyées ou promises dans les ter-

сять дней съ-ряду. Между купцами распространилось сильное беспокойство объ участи урожая; всякій хотѣлъ знать, какая въ это время погода въ земледѣльческихъ округахъ. — Прибѣгли конечно къ телеграфу, который тотчасъ-же принесъ извѣстія со всѣхъ окружныхъ мѣстъ, и показалъ: Нормантонъ — погода хороша, Дерби — сухая; Йоркъ — прекрасная; Лидсъ — тоже; Ноттингамъ — дождя нѣтъ; и проч. При первомъ взглядѣ на карту каждый увидѣлъ, что кругомъ Манчестера, погода для урожая была благопріятна.»

«Въ 1844 году, въ Сольтъ-Хиллѣ совершенно было убійство. — Убійца тотчасъ по совершении преступленія поспѣшилъ взять мѣсто на желѣзной дорогѣ въ-поѣздѣ, отправ-

mes les plus favorables, nous mettent en droit d'espérer que ces demandes seront partout également bien accueillies.

Mais une garantie de 5 p. $\frac{1}{2}$ d'intérêt suffisante pour les entreprises ordinaires paraît trop faible pour une opération qui s'étendra si loin, et qui est exposée à tant de chances fâcheuses; c'est pourquoi, en égard aux avantages exceptionnels qui en résulteront pour les relations politiques et commerciales, il semble naturel de lui accorder une protection hors ligne, et nous avons la confiance que l'intérêt garanti par les gouvernements sera élevé à 10 pour cent au moyen d'une combinaison très-simple que nous nous réservons de faire connaître plus tard.

Nous avons prévu les objections de toute nature que va soulever notre projet d'établissement d'une ligne télégraphique, faisant le tour du globe, et nous nous en sommes peu ému. La France, surtout, est le pays des objections; — on en fait à l'apparition de toutes les idées nouvelles, et néanmoins le vrai et l'utile finissait toujours par y triompher.

Nous savons ce qu'on peut dire des neiges, des glaces et des ours blancs de la Russie, de l'influence pernicieuse des aurores boréales, de la difficulté d'une surveillance efficace au milieu d'immenses steppes ou d'arides déserts, du penchant à la rapine des Indiens sauvages d'Amérique, de l'impénétrabilité des forêts vierges des régions intertropicales, etc.

Nous n'essaierons pas, dans cette notice, d'indiquer les précautions à prendre pour surmonter tant d'obstacles; ce sera l'objet d'un travail plus étendu que nous publierons prochainement.

Qu'il nous suffise, pour le moment, de répondre aux esprits timorés que nous ne nous sommes pas contenté d'étudier isolément les diverses questions qui se rattachent à l'ensemble de notre projet, mais que nous avons consulté l'expérience pratique d'ingénieurs spéciaux et recueilli l'approbation des plus hautes notabilités scientifiques et politiques.

Fort de ces témoignages, nous poursuivrons résolument l'œuvre que nous avons entreprise.

Liger de Libessart.

Paris, le 22 septembre 1857.

явшемся въ Лондонъ, и успѣлъ уѣхать прежде, чѣмъ полиція прибыла на желѣзную дорогу. Тогда дано было знать по телеграфу въ Лондонъ, что подозрѣваемый взялъ мѣсто въ вагонѣ перваго класса и имѣетъ такія-то примѣты. Черезъ нѣсколько минутъ былъ отвѣтъ: «поѣздъ прибылъ; человекъ, соотвѣтствующій всѣмъ описаннымъ признакамъ, оказался между пассажирами — и арестованъ.»

«Въ 1851 году поѣздъ желѣзной дороги привезъ въ Норвичъ (въ Англiи) новость, что въ Ярмаутѣ провалился мостъ. — Можно представить, каково было положеніе жителей Норвича; почти всѣ дѣти ихъ учились въ пансіонѣ въ Ярмаутѣ.

Проектъ Лижеръ де-Либессара не получилъ должнаго хода, потому-что многія основанія его были совершенно ошибочны, а многія предположенія неудоисполнимы и кромѣ-того еще потому, что въ началѣ 1858 года самая идея о связи Америки съ Европой черезъ Сибирь казалась многимъ, если не совсѣмъ осуществимою, то по-крайней-мѣрѣ бесполезною при готовящемся погруженіи черезъ Атлантическій океанъ телеграфическаго каната. Но въ концѣ этого года Амурская Компанія предложила правительству провести на свой счетъ телеграфическую линію отъ Нижняго-Новгорода до Николаевска на устьѣ Амура съ вѣтвью, въ послѣдствіи, черезъ Гобійскую степь, въ Пекинъ. Одновременно съ этимъ правительство вознамѣрилось устроить эту самую линію на свой счетъ. Такимъ-образомъ телеграфическая линія изъ Европы на устье Амура сдѣлалась въ послѣднее время предметомъ толковъ и сужденій и обратила наконецъ на себя справедливое вниманіе правительства, такъ-что теперь польза и возможность ея проведенія и существованія уже болѣе не кажутся русской публикѣ нелѣпыми и дѣло это окрѣпло уже до такой степени, что тѣмъ или другимъ путемъ оно должно быть весьма скоро приведено въ исполненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ прибывшій въ С. Петербургъ Англичанинъ Слей (Sleigh) предлагаетъ правительству одновременно съ устройствомъ черезъ всю Сибирь желѣзной дороги, провести и телеграфическую линію черезъ Сибирь въ Америку. Такимъ-образомъ наступило наконецъ время, когда различными путями начинаютъ сбываться мои лучшія давнишнія идеи и предположенія, и теперь, послѣ иностранныхъ именъ Бабине, Лижеръ де-Либессара, Слейда и др., — послѣ предложенія капитальной Амурской Компаніи, — я могу сообщить свой проектъ и выставить подъ нимъ свою фамилію, уже не опасаясь быть признаннымъ пустымъ прожекторомъ, утопистомъ и пр. Нѣсколько строкъ въ Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ о представленномъ мною въ началѣ 1857 года проектѣ русской американской телеграфической линіи, были перепечатаны въ большей части русскихъ газетъ, чѣмъ доказывается, что это предпріятіе начинаетъ интересовать нашу читающую публику, и поэтому я полагаю удовлетворить возбужденному интересу, представляя здѣсь дополненныя новѣйшими свѣдѣніями свои предположенія объ этомъ современномъ и великомъ предпріятіи.

Они прибѣгаютъ безъ памяти на станцію желѣзной дороги, и съ крикомъ и рыданіями просятъ сказать имъ скорѣй, что случилось съ ихъ дѣтьми.» «Всѣ дѣти спасены,» — передалъ черезъ нѣсколько минутъ электрической телеграфъ.»

Излишне говорить, какъ велики услуги телеграфа, оказываемыя правительствамъ. Нынѣшняя война показала это лучше всего.

Нигдѣ электро-магнитный телеграфъ не принимался съ такимъ успѣхомъ и не распространялся такъ-быстро и въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ. Устройство телеграфическихъ линий правительство предоставило тамъ частной предпріимчивости. Первая линия устроена была въ 1844 году, между Вашингтономъ и Балтиморомъ, на пространствѣ 40 миль. Первыя, передававшіяся по ней съ удивительной быстротой и вѣрностью, новости о происходившихъ тогда выборахъ кандидатовъ на президентство, показали всѣмъ важность и неоцѣненную пользу такого сообщенія и вскорѣ составившіяся частныя компании быстро распространили телеграфическую сѣть по всему Государству. Въ 1844-же году вашингтонская линия была продолжена до Филадельфіи и Нью-Йорка, на разстояніи 245 миль; въ половинѣ 1849 г. телеграфическая сѣть устроена уже была на протяженіи 10,880 миль или 19,000 верстъ; а въ концѣ 1855 года на 19,000 миль, или болѣе 33,000 верстъ.

Такому быстрому распространенію телеграфическихъ линій въ Америкѣ много способствуетъ, какъ простота постройки ихъ, такъ и всеобщее употребленіе этаго рода сообщенія всѣми классами общества. Тамъ, каждый отправляетъ и получаетъ депеши во всякое время, не стѣсняясь ни содержаніемъ, ни величиной ихъ, и имѣя право переговаривать даже своей условной азбукой.

Множество формальностей, соблюдаемыхъ, какъ напримѣръ во-Франціи, при передачѣ депешъ, тоже не приносятъ никакой пользы, а только затрудняютъ общество, и мѣшаютъ такому важному изобрѣтенію, какъ телеграфъ войти въ частную жизнь народа, какъ это сдѣлалось въ Америкѣ.

Тамъ напримѣръ, каждый негоціантъ безпрестанно ведетъ переговоры съ своими агентами, употребляя — какую хочеть

азбуку, и пользуется телеграфомъ для заключенія въ какіе-нибудь два-три часа такого дѣла, — на которое, не будь телеграфа, понадобилось-бы нѣсколько дней. Тамъ торговые города безпрестанно получаютъ и сообщаютъ извѣстія о повсемѣстности положенія дѣлъ и состоянія курсовъ, и купецъ, не покидая биржевой залы, разговариваетъ, получаетъ заказы и дѣлаетъ договоры съ самыми отдаленными мѣстами Государства. Кромѣ-того при такомъ разпространеніи телеграфа и легкости сообщенія, какъ въ Америкѣ, — какъ-часто бываетъ, что корабли, готовые къ отплытію, успѣваютъ получать извѣстія о перемѣлѣ погоды, или наступленіи бури тамъ, куда должны идти; какъ-часто въ случаѣ наводненія и урагановъ цѣлыя города и села извѣщаются о приближеніи опасности и успѣваютъ принять спасительныя мѣры, благодаря электричеству, которое мчитъ быстрѣй воды и вѣтра. Въ случаѣ пожара, требуется помощь изъ отдаленныхъ городовъ. Въ случаѣ покражи или убійства, воръ не успѣетъ скрыться, какъ злодѣяніе оглашено въ окружающихъ городахъ и преступники зорко стерегутся.

Все это доказываетъ, что при такомъ быстромъ сношеніи, какое представляетъ телеграфъ, не должно быть ни малѣйшей остановки, и тогда только телеграфъ достигаетъ своей цѣли и дѣлается истиннымъ благодѣяніемъ общества; въ противномъ случаѣ — къ чему послужить такое величественное изобрѣтеніе?

При устройствѣ телеграфической линіи въ Америкѣ, обыкновенно вырубленные въ лѣсу шесты перевозятся на мѣста сосѣдственными фермерами и ими-же устанавливаются; потомъ на вершинѣ каждаго шеста укрѣпляется простое стеклянное кольцо, въ которое продѣвается проводительная проволока, и въ нѣсколько дней линія готова. Надзоръ за нею поручается тѣмъ-же фермерамъ, которымъ и роздаются для этого необходимые инструменты: молотокъ, ножницы, проволока, стекляшныя кольца, винты, гвозди и т. п. Такимъ-образомъ и поддержаніе линіи почти ничего не стоитъ. Не было еще примѣра, чтобы телеграфическая линія, ввѣренная тамъ народному попеченію, была испорчена по какому-нибудь

злomu умыслу. Тамъ воля каждаго направлена къ содѣйствию общественному благосостоянію, и всѣ полезныя изобрѣтенія и учрежденія считаются какъ-бы семейной собственностію, которую каждый старается охранять. Съ телеграфомъ-то же. Не рѣдко фермеръ самъ поддерживаетъ свой участокъ, удѣляя для этого и время, и матеріаль, и часто деньги, — и дѣлается такимъ-образомъ соучастникомъ въ общественномъ достоинствѣ, на которое смотритъ тогда, какъ на свое собственное.

Умѣренная, каждому доступная, цѣна за депеши также есть одна изъ главныхъ причинъ, почему телеграфъ сдѣлался въ Америкѣ такимъ популярнымъ и приноситъ такую огромную пользу. Но и эта цѣна при соревнованіи множества компаній, устранивающихъ часто по-нѣскольку лишній по одному направленію, безпрестанно понижается.

Въ концѣ 1855 года телеграфическая сѣть Соединенныхъ Штатовъ тянулась уже на протяженіи 19,000 миль, или болѣе 32,000 верстъ. Эта цифра говоритъ болѣе, нежели здѣсь можно сказать!

Изъ всего сказаннаго можно заключить, какъ благотѣльно такое изобрѣтеніе, и какъ-много еще мы можемъ ожидать отъ него въ будущемъ, когда усовершенствованіе его дастъ возможность еще болѣе быстрого переговора, а повсемѣстное распространеніе сдѣлаетъ его обыкновеннымъ, и всѣмъ доступнымъ, средствомъ сношеній.

Въ-отношеніи усовершенствованія его можно ожидать еще очень многого. Быстрота электричества такъ-велика, что мы должны пока удерживать ее въ извѣстныхъ предѣлахъ, чтобы дѣлать полезною для себя при нынѣшнемъ устройствѣ телеграфическихъ приборовъ; и потому быстрота переговора будетъ увеличиваться съ усовершенствованіемъ этихъ приборовъ.

Но главная польза этого телеграфа будетъ зависѣть отъ распространенія его и приложенія къ потребностямъ времени. И въ этомъ отношеніи будущность его представляетъ самую блестящую перспективу!

Можно предвидѣть, какова можетъ-быть будущность подобнаго изобрѣтенія, когда оно распространится наконецъ до-того, что сдѣлается общимъ и необходимымъ средствомъ сообщенія и какова будетъ его польза, когда онъ послужитъ для устройства повсемѣстной электрической почты, которая будетъ передавать мысли наши въ самыя отдаленныя страны съ быстротой обыкновеннаго разговора, уничтожая часы мучительнаго невѣдѣнія и ожиданій, которыя заставляютъ насъ такъ-часто испытывать раздѣляющая насъ даль. Понятно, какъ-велико можетъ быть вліяніе телеграфа на ходъ всѣхъ дѣлъ, когда онъ послужитъ для передачи правительственныхъ распоряженій по внутреннему управленію Государствъ, устранить неудобства сопряженныя съ централизацией власти въ странахъ раскинутыхъ на огромныхъ протяженіяхъ, сохранивъ всѣ выгоды ея единства, — сдѣлается самымъ надежнымъ стражемъ порядка, спокойствія и общественной безопасности.

Для такого распространенія телеграфа, кажется, нѣтъ никакихъ препятствій. Телеграфическія линіи, проводимыя теперь на огромныхъ пространствахъ, и наконецъ подводные телеграфы, показали уже, что для устройства его не можетъ быть преградой никакая мѣстность, а гигантскій телеграфическій канатъ, положенный на дно Атлантическаго океана, между Европой и Америкой, есть первый шагъ къ устройству телеграфическаго сообщенія на огромныхъ разстояніяхъ.

Если представимъ себѣ, что и этотъ проектъ телеграфическаго сообщенія Стараго Свѣта съ Новымъ, тѣмъ или другимъ путемъ, приведется наконецъ въ исполненіе, и Европа будетъ въ непрерывномъ и невообразимо быстромъ общеніи съ Америкой, — чрезъ Средиземное море — съ Алжиромъ и Египтомъ, — чрезъ Южный Океанъ — съ Индией, и потомъ Китаемъ.... то можемъ составить довольно вѣрное понятіе о будущей судьбѣ электро-магнитнаго телеграфа.

Телеграфическія линіи въ Россіи. — Въ настоящее время въ Россіи существуютъ и строятся слѣдующія телеграфическія линіи.

Длина
линій.
Протяженіе
приводовъ.
въ верстахъ.

I. Лінії существующія.

Отъ главной станціи въ С. Петербургъ :

Подземная до Зимняго Дворца	1 ¹ / ₆	10 ¹ / ₆
Подземная до станціи Николаевской железной дороги	3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂
Подземная до станціи Варшавской же- лезной дороги	4	32
Соединительная между станціями Ни- колаевской и Варшавской железных до- рогъ	5	10
Подземная отъ Александровской стан- ціи Варшавской железной дороги до Ни- колаевского дворца въ Царскомъ Селѣ .	4 ¹ / ₄	12 ³ / ₄
Подземная соединительная между обои- ми дворцами въ Царскомъ Селѣ	1 ¹ / ₁₀	2 ² / ₁₀
Подземная отъ Гатчинской станціи Вар- шавской железной дороги до дворца въ Гатчинѣ	2 ¹ / ₄	4 ¹ / ₂
Изъ С. Петербурга въ Царское Село . .	25	100
« « « « « Красное Село . .	15	15
« « « « « Александрію . . .	20	20
« Царскаго Села въ Гатчино	17	68
« С. Петербурга на Александрію и Кронштадтъ	44	88
Отъ Ораніенбаума до Кронштадта подводный ка- натъ 7 вер. 80 саж., остальные проводы подземные.		
« С. Петербурга на Выборгъ, Ментсе- ле, Гельсингфорсъ и Або	681 ³ / ₄	746 ³ / ₄
« С. Петербурга на Бологово, Тверь, Москву, Довскъ, Кіевъ, Кременчугъ, Николаевъ и Одессу	2184 ¹ / ₄	3409 ³ / ₄
« Николаева на Херсонь, Перекопъ и Симферополь	348 ¹ / ₃	351 ² / ₃
« Кіева на Житомиръ, Новградъ-Во- лыньскъ, Ровно и Радзивловъ	403	575
« Гатчины на Нарву, Ревель, Перновъ,		

	Длина линій.	Протяженіе приводовъ. Въ верстахъ.
Ригу, Митаву, Фрауенбургъ, Либаву и Полянгенъ	1013	1013
« Гатчины на Псковъ, Динабургъ, Ковно, Маріамполь и Вержболово . . .	765 ¹ / ₄	1602 ¹ / ₂
« Динабурга въ Ригу	220	220
« Маріамполя въ Варшаву, отсюда къ границѣ, къ Мысловицу и къ Шакову	626 ¹ / ₂	919
« Одессы на Балту, Тульчинъ, Бердичевъ и Житомиръ	510	510
« Варшавы на Брестъ-Литовскъ, Ковель и Ровно	444	444
« Москвы на Владиміръ и Нижній Новгородъ	390	390
« Москвы на Серпуховъ, Тулу, Орель, Курскъ и Харьковъ	698	698
Итого существующихъ линій . . .	8426	11245 ¹ / ₄
II. Линіи, строящіяся и предназначенныя къ устройству:		
Изъ Херсона на Бериславль, Ангальтъ-Кетень, Месистополь и Бердянскъ .	377	377
« Бердянска на Маріуполь, Таганрогъ, Ростовъ и Ново-Черкасскъ	310	310
« Нижняго - Новгорода на Василь-Сурскъ, Свіяжскъ и Казань	400	400
« Москвы на Коломну, Рязань, Козловъ, Тамбовъ, Чембаръ, Пензу и Саратовъ	940	940
« С. Петербурга на Колпино, Шлиссельбургъ, Кабона и Новая-Ладога.	170	170
« Чудова въ Новгородъ	70	70
« Ковно на Вилкомиръ, Вильно, Минскъ, Бобруйскъ и Могилевъ	595	595
« Динабурга на Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ	400	400

	Длина линій.	Протяженіе приводовъ. Въ верстахъ.
« Витебска на Могилевъ и Довскъ . .	230	230
« Кременчуга въ Екатеринославль . .	150	150
« Харькова на Полтаву и Кременчугъ .	255	255
« С. Петербурга на Псковъ, Динабургъ и Ковно	еще 700	700
« С. Петербурга на Чудо- во, Вышній-Волочекъ и Москву		
« Одессы на Николаевъ и Херсонъ	проводъ. 230	230
« Одессы на Овидіополь, Аккерманъ и Татаръ-Бунаръ	113	113
« С. Петербурга на Новую-Ладогу, Вознесенскую пристань, Вытегру, Бѣлозерскъ, Вологду и Ярославль .	1150	1150
« Москвы на Ярославль и Кострому .	350	350
« Ярославля въ Рыбинскъ	85	85
« Москвы въ Калугу	175	175
« Аба на Вазу, Улеаборгъ и Торнео .	805	805
« Варшавы на Сувалки и Ковно . . .	370	380
« Сувалки въ Гродно	100	100
« Варшавы на Плоцкъ, Любичъ и Торнъ .	225	225
« Тулы на Елецъ, Воронежъ, Липецъ и Козловъ	540	540
« Казани на Свіяжскъ, Симбирскъ и Саратовъ	660	660
« Симбирска въ Самару	255	255
	10275	10275

Такимъ-образомъ къ 1861 году предположено открыть по Россіи 18700 верстъ телеграфическихъ линий съ 21520 верстами проводовъ (телеграфическихъ проволокъ).

Кромѣ этихъ линий извѣстно, что главному обществу, равно какъ и другимъ кампаніямъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, представлено право провести телеграфическія проволочки по линиямъ своихъ желѣзныхъ дорогъ. Между-тѣмъ ничтожное

протяженіе телеграфическихъ линій въ Россіи, сравнительно съ ея огромными пространствами и сравнительно съ распространениемъ этого способа сообщенія въ Америкѣ, — возрастающая съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе, потребность въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія, ставитъ проведеніе телеграфическихъ линій, при простотѣ, быстротѣ и дешевизнѣ ихъ устройства, въ числѣ неотложныхъ, насущныхъ потребностей нашего отечества.

Съ какимъ удобствомъ и дешевизною всѣ наши губерніи могли-бы собственными своими средствами соединить свои губернскіе и главные города одни съ другими посредствомъ телеграфическихъ линій? — Если-бы польза телеграфическаго сообщенія была у насъ сознаваема массою, также-какъ понимаютъ это сообщеніе въ Америкѣ, если-бы вмѣстѣ-съ-тѣмъ губернскимъ обществамъ были извѣстны издержки потребныя на проведеніе телеграфическихъ линій; то нѣтъ сомнѣнія, что это дѣло принялось и пошло-бы у насъ впередъ быстро, и въ скоромъ времени принесло-бы благодѣтельные результаты. — Кромѣ обыкновенныхъ услугъ, телеграфъ въ Россіи принесетъ еще совершенно особую пользу, какъ можетъ быть нигдѣ. — Столбы его, поддерживающіе проволоку будутъ служить самыми лучшими указателями дорогъ въ зимнее время, во время вьюгъ, когда такъ-часто бывають несчастія особенно въ степныхъ мѣстахъ. И можетъ-быть телеграфическая линія между Кіевомъ, Николаевомъ и Симферополемъ услужила уже не одному путешественнику. — Эта польза сей-часъ оцѣнится поселяниномъ, и онъ не-разъ можетъ-быть наградить благодарнымъ взглядомъ спасительную проволоку, и скоро подружится съ непонятнымъ нововведеніемъ. *)

Важность линіи къ востоку отъ Москвы. Между главнѣйшими направленіями, настоятельно требующими устройства улучшеннаго сообщенія, нельзя не согласиться, что линія отъ Москвы на востокъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ разобравъ ее подробнѣе, не трудно убѣдиться, что по этой линіи сосредочены главнѣйшіе интересы русской

*) Электромагнитный телеграфъ. 1856 года.

торговли и лучшія надежды на будущее величіе русскаго народа. —

По линіи этой, начиная отъ Москвы, лежатъ извѣстныя сильнымъ развитіемъ своей мануфактурной и ремесленной промышленности губерніи Московская и Владимірская; далѣе Нижній-Новгородъ, знаменитый миллионными оборотами своей ярмарки и значеніемъ своимъ для волжскаго параводства и судоходства; далѣе Казань, по развитію и благосостоянію своему занимающая видное мѣсто въ числѣ городовъ русскихъ; далѣе Пермь и Екатеринбургъ, какъ центры желѣзной и вообще горнозаводской промышленности на Уралѣ, имѣющей такое важное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ Россіи; далѣе Тюмень крайній путь сибирскаго судоходства и параводства; потомъ Ирбитъ, извѣстный своею ярмаркою, первую послѣ Нижегородской; далѣе Тобольскъ и Омскъ, какъ центры губернскаго и общаго Западной Сибири управленій, соприкасающіеся — первый промысламъ и хозяйству сѣвера, второй Киргизской степи и зараждающейся торговлѣ съ западнымъ Китаемъ и восточнымъ Туркестаномъ; далѣе Томскъ, исходный пунктъ судоходства по обской рѣчной системѣ, важный своимъ центральнымъ положеніемъ по срединѣ всей Сибири и сосѣдствомъ алтайскихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ и золотыхъ промысловъ; далѣе Красноярскъ, занимающій видное мѣсто по близости своей къ золотымъ промысламъ енисейскимъ и минусинскимъ; далѣе Иркутскъ, столица всей Сибири, и наконецъ *Кяхта*, торговые обороты которой служатъ важнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, двигателемъ русской мануфактурной производительности, — пунктъ для одного котораго выгодно устроить телеграфическое сообщенія, хотя-бы его пришлось вести черезъ бесплодныя степи, безлюдныя пустыни и широкія моря. Потомъ слѣдуетъ Забайкальская Область, получающая важное значеніе въ торговомъ отношеніи при водяномъ сообщеніи ея съ Океаномъ. Далѣе Амуръ, ожидающій дѣятелей для разработки своихъ естественныхъ богатствъ по всѣмъ царствамъ природы, и Николаевскъ, и Александровскъ (въ зал. де-Кастри), — какъ окончательные пункты, въ которыхъ торговля и произведе-

нія Сибири, соприкасаются съ торговлей и произведеніями другихъ странъ.— Дойдя до берега Восточнаго океана линия эта черезъ Камчатку продолжается до Русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ, и такимъ-образомъ, пройдя по всей длинѣ Государства черезъ двѣ части Свѣта, оканчивается въ третьей на границахъ англійскихъ владѣній.

Распространеніе въ Азіи англійскаго владычества. Быстрымъ и вѣрнымъ взоромъ оцѣнивъ будущее значеніе азіатскаго материка, предугадывая, что при столкновеніи Европы съ другими частями Свѣта, міровыя сношенія, интересы — перенесутся въ богатые страны средней и южной Азіи, съ ихъ громаднымъ населеніемъ, почти въ 2½ раза превышающимъ населеніе всей Европы, — Англія здѣсь — также какъ и вездѣ — раньше прочихъ державъ устремилась къ осуществленію преслѣдуемой идеи и безъ разбора средствъ достигаетъ желаемой цѣли. Когда вся остальная Европа только что начинаетъ сознавать, что средоточіе всемірной торговли и всемірныхъ интересовъ постепенно направляется на побережье Тихаго Океана, Англія уже приготовила себѣ прочную будущность на этихъ берегахъ, поработивъ себѣ ста-семидесяти-милліонное населеніе Индіи, оцѣнивъ аванпостами своего будущаго владычества весь Китай, занявъ всѣ важные пункты въ проливахъ между архипелагами азіатскихъ острововъ, и объявивъ материкъ Австраліи достояніемъ британской короны. Стремленіе къ упроченію своей власти въ этихъ владѣніяхъ и не разлучному съ нимъ удержанію за собою приобрѣтеннаго уже перевѣса во всемірной торговлѣ, — побуждаетъ эту націю достигать этого, не однимъ только усиленіемъ флотовъ, армій и крѣпостей, но путемъ болѣе надежнымъ, полезнымъ и прочнымъ — улучшеніемъ своихъ сообщеній съ этими странами.

Это привело ее къ завладѣнію множествомъ береговъ и острововъ во всѣхъ частяхъ Свѣта, часто ничтожныхъ, но способныхъ быть станціями морскаго пути, и къ поощренію частной предприимчивости на проведеніе паровыхъ и электрическихъ сообщеній. Даже въ нашъ вѣкъ, — не говоря уже о томъ, что два великіе морскіе пути кругомъ Африки и Америки находятся въ рукахъ Англичанъ, что побережья

Африки оцѣплены англійскими владѣніями, — Великобританія путемъ морскихъ набѣговъ, уступчивыхъ трактатовъ и вліаніемъ торговли, успѣла составить себѣ новый путь чрезъ Средиземное море, гдѣ Португалія, Гибралтаръ, Мальта, Ионическіе острова, Египетъ и Суэцъ, — суть ничто иное какъ морскія станціи Англичанъ.

Но не довольствуясь и этимъ путемъ, благодаря которому почта изъ Калькутты получается въ Лондонъ, скорѣе-чѣмъ изъ Иркутска въ Варшавѣ, — Англія неутомимо трудится надъ улучшеніемъ этого пути, и мы видимъ, что скоро окончится устройство второй половины паровознаго и электрическаго сообщенія по Египту — отъ Александріи до Суэца, — приступится къ прорытію Суэцкаго перешейка, который соединитъ Средиземное море съ Аравійскимъ заливомъ, — и можетъ-быть, осуществится постройка желѣзнаго и электрическаго пути по долинѣ Ефрата отъ Средиземнаго моря къ Персидскому заливу, которыя вмѣстѣ съ окончаніемъ желѣзныхъ дорогъ и электрическихъ телеграфовъ, проводимыхъ по тысяче-верстнымъ разстояніямъ Остъ-Индіи, уменьшатъ на половину разстоянія между Великобританіею и ея азіатскими владѣніями.

Вмѣстѣ-съ-этимъ, послѣ погруженія трансатлантическаго каната, отъ берега Ирландіи до Нью-Фондленда, начинаются дѣйствія компаніи остъ-индскаго подводнаго телеграфа, который, начинаясь у Александріи (въ Египтѣ), поидетъ къ Суэцу, Адену и острову Периму, откуда погрузится въ Индійскій океанъ и чрезъ острова Куріа-Марія, принадлежащія Англіи, будетъ доведенъ до Куррахъ, близъ Бомбая. — Эта телеграфическая линія чрезъ Средиземное море соединится, съ одной стороны чрезъ Ионическіе острова и Австрію, а съ другой — чрезъ Архипелагъ и Турцію, съ сѣтью европейскихъ телеграфовъ. Но не смотря даже на таковую двойную телеграфическую связь, пока сообщеніе съ Остъ-Индіею будетъ проходить чрезъ континентальныя государства Европы, до-тѣхъ-поръ Англія не считаетъ его достаточно обеспеченнымъ. Поэтому, чтобы сдѣлать свою собственную, ни отъ кого не зависящую, а находящуюся въ постоянномъ и полномъ распоряженіи Англіи телеграфическую линію, — видны

стремленія ея къ приведенію въ исполненіе предложеннаго уже проложенія по дну морей телеграфическаго каната, выходящаго на поверхность земли только въ пунктахъ принадлежащихъ Великобританіи, или находящихся въ ея зависимости. Отъ береговъ Англіи предположено погрузить телеграфическій канатъ по восточной части Атлантическаго океана, прямо къ Лиссабону, откуда другой подводный канатъ пойдетъ къ Гибралтару, который третьимъ канатомъ по дну Средиземнаго моря свяжется съ островомъ Мальтой, и четвертый подводный канатъ свяжетъ эту кругоевропейскую линію на Ионическихъ островахъ съ остъ-индскимъ телеграфомъ. Такимъ-образомъ въ скоромъ времени Эдинбургъ и Калькутта будутъ соединены электрическимъ токомъ, который сбережетъ миллионы англійскому народу. Но англійская предприимчивость, конечно, на этомъ не остановится. Вѣроятно, въ скоромъ времени, подводная телеграфическая линія продолжится изъ Остъ-Индіи на Сингапуръ, Лабаанъ, Гонъ-Конгъ, Чусанъ, и даже, можетъ-быть, коснется береговъ Китая, южной Маньчжуріи, Кореи и Японіи. Возможность быстрыхъ сношеній Пекина и вообще Китая съ Европой чрезъ русскія владѣнія, недавно доказанная адъютантомъ генераль-губернатора Восточной Сибири, подполковникомъ Мартыновымъ, — доставившимъ копію заключеннаго въ Тянь-Цзинѣ трактата чрезъ Монголію, Кяхту и Иркутскъ въ С. Петербургъ въ 50 дней, т. е. ранѣе подлинника посланнаго 7-ю днями прежде его отъѣзда по англійскому пароходному сообщенію чрезъ Суэцъ и Триестъ, — обратила на себя въ свое время вниманіе англійскихъ журналовъ и публички, и заставила ихъ настойчиво желать скорѣйшаго осуществленія послѣдней телеграфической линіи къ берегамъ Китая.

Въ подобныхъ преднамѣреніяхъ англійскую предприимчивость не удерживаютъ ни стени Африки, ни моря, которыми преимущественно идетъ проволока. Поэтому нельзя не уважать подобной настойчивости и твердости. Въ настоящее время мало такихъ уголковъ англійскихъ владѣній, которые не были-бы соединены, или соединяемы, паромъ и электричествомъ со столицею. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ однихъ

только остъ-индскихъ владѣнiяхъ Англiи длина всѣхъ телеграфическихъ линiй превышала 6000 верстъ, то-есть почти равная длинѣ таковыхъ въ это-же время въ европейской Россiи. Но всѣ эти громадныя замыслы и проэкты оцѣпленiя всего мiра телеграфическими проволоками, блѣднѣютъ предъ гигантскимъ проэктомъ непрерывнаго паровознаго и электрическаго пути изъ Лондона въ Калькутту. Путь этотъ проэктированъ чрезъ всю среднюю Европу, Турцiю, Персiю, вдоль береговъ Персидскаго залива и Индiйскаго моря въ Индiю, прерываясь только въ Ламаншѣ и Босфорѣ; а возможность осуществленiя его подтверждается авторитетомъ извѣстнаго всему свѣту инженера Стефенсона.

Необходимость скорѣйшаго проведенiя телеграфической линiи отъ Москвы на устьѣ Амура и въ Америку. Настойчивыя стремленiя Англiи къ оцѣпленiю всего азиатскаго материка своими паровыми и электрическими сообщенiями, побуждаютъ и наше отечество—для поддержанiя своего величiя и влiянiя въ средѣ прочихъ Государствъ—безотлагательно обратить усиленное вниманiе на учрежденiе быстраго сообщенiя съ странами Востока;—Такимъ-образомъ важность телеграфической линiи между Москвою, чрезъ всю Сибирь и Русскими владѣнiями въ Америкѣ, становится понятною.—Но кромѣ политическаго значенiя этой линiи, сообщенiе по ней особенно важно въ военномъ отношенiи.—По-этому одного этого обстоятельства достаточно для скорѣйшаго устройства ея, тѣмъ-болѣе что вмѣстѣ-съ-тѣмъ, при огромности разстоянiя и отсутствiи улучшенныхъ путей сообщенiя съ берегами восточнаго Окана телеграфическое сообщенiе въ настоящее время вызывается настоятельными потребностями внутренней и виѣшней торговли.

Что-же касается до важности телеграфическаго сообщенiя между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, то она давно уже оцѣнена всѣмъ образованнымъ мiромъ; и мы видимъ въ наше время осуществленiе исполнскаго предпрiятiя,—погруженiя телеграфическаго каната въ пучины Атлантическаго океана, на трехъ-тысяче-верстномъ протяженiи между Ирландiей и Ньюфаундлендомъ, у береговъ Америки.—Русско-американская телеграфическая линiя,—будучи по сношенiю съ прави-

тельствами Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ, продолжена по берегу Америки до Калифорніи, Мексики и дѣле соединена съ внутренней сѣтью телеграфическихъ линій Соединенныхъ Штатовъ, — по удобству своему, сдѣлается общенароднымъ путемъ сообщенія, способнымъ придать далекимъ странамъ Сибири и русской Америки всемірное значеніе.

Сравненіе чрезъ-атлантическаго и русско-американскаго телеграфическихъ соединеній Старого Свѣта съ Новымъ. Чтобы отъ предположеній перейти къ фактамъ, — рассмотримъ оба телеграфическія соединенія Америки съ Европою, чрезъ Атлантическій океанъ и чрезъ Сибирь.

1. *Чрезъ-атлантическая подводная телеграфическая линия.* Мысль о возможности проведенія электрическаго телеграфа между Европой и Америкой, по дну Атлантическаго Океана, въ послѣднее время сдѣлалась предметомъ всемірныхъ преній, и для осуществленія этого предположенія являлось множество самыхъ разнородныхъ проектовъ. По имѣвшимся тогда даннымъ о глубинѣ Атлантическаго Океана, — сомнѣвались въ возможности проложенія телеграфическаго каната чрезъ глубокія подводныя долины, простиравшіяся — какъ было извѣстно — до 30 верстъ (15000 саж.) глубиною, и въ слѣдствіе этого были предложены различные проекты для установки въ океанѣ на мертвыхъ якоряхъ пловучихъ станцій и небольшихъ плотовъ, за которые было-бы можно подвѣсить телеграфическій канатъ на извѣстной высотѣ надъ дномъ Океана. — Подобными проектами надѣялись обезпечить правильную передачу депешъ и доставить возможность отыскивать поврежденные мѣста телеграфическаго каната. Но американскаго флота Лейтенантъ Мори (Maury) доказалъ, что между Ирландіей и Нью-Фондлендомъ отъ востока къ западу, почти по прямой линіи существуетъ возвышенная плоскость въ 400 миль средней ширины и ни гдѣ не ниже 12000 футовъ (3 версты 215 сажень) подъ поверхностью моря, и что эта телеграфическая плоскость простирается не прерываясь отъ одного берега къ другому, то-есть на разстояніи 1700 миль.

Тогда въ концѣ 1856 года Американецъ Филдъ (Field) изъ Нью-Йорка успѣлъ образовать акціонерное общество

подъ именемъ «*Ньюйорско-Лондонской телеграфической компаніи*» и роздать акціи его въ главныхъ городахъ сѣверной Америки и Англійи на сумму до 350,000 фунтовъ стерлинговъ. При-этомъ Фильдъ выбралъ изъ всѣхъ предложенныхъ проэктовъ самый удобнѣйшій, именно: погруженіе телеграфическаго каната вдоль изслѣдованной возвышенной плоскости такъ, чтобы онъ лежалъ на днѣ ея на песочномъ грунтѣ смѣшанномъ съ мелкими раковинами, внѣ всякой опасности отъ прихоти стихій и отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, какіе только можно себѣ представить.

Образовавшаяся компанія встрѣтила полное сочувствіе англійскаго и американскаго правительствъ, которыя, кромѣ гарантіи извѣстныхъ процентовъ на первоначальный капиталъ компаніи, предоставили ей исключительную привилегію для разработки Нью-Фондленда, Лабрадора и острова принца Эдуарда. Кромѣ-этого оба правительства предоставили въ распоряженіе общества военныя паровыя суда, для погруженія телеграфическаго каната.

Канатъ этотъ, длиною въ 2500 англійскихъ миль (3750 верстъ), былъ выдѣланъ въ Гриничѣ и Биркенгедѣ; въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ приготовлена была половина всего количества. Семь мѣдныхъ проволокъ въ 0,028 дюйма въ діаметрѣ, скрученныхъ вмѣстѣ, составляли проводникъ электрическаго тока, покрытый тремя слоями гутта-перчи, каждый въ $\frac{1}{16}$ дюйма толщиною. Изготовленный такимъ-образомъ сердечникъ телеграфическаго каната обвивался сначала шестью тонкими прядями шкимужгара, закрывающихъ гутта-перчевую оболочку, и потомъ покрывался желѣзною оболочкою, состоящею изъ 18 прядей, свитыхъ каждая изъ 7-ми тонкихъ желѣзныхъ проволокъ N 22, особенно-тщательно изготовленныхъ на древесномъ углѣ.—Въ такомъ видѣ отдѣланный окончателно канатъ имѣлъ въ діаметрѣ до $\frac{5}{8}$ дюйма (около 2-хъ дюймовъ въ окружности), каждая морская миля его вѣсила 68 пудовъ (1 верста около 40 пудовъ) и стоила 100 фунтовъ стерлинговъ (1 верста около 350 руб).

3-го августа нов. ст. 1857 года, отданныя въ распоряженіе компаніи винтовыя суда — англійскій корабль «Агамемнонъ»

и американскій фрегатъ «Ниагара,» погрузивъ въ Коркъ телеграфической канатъ, направились оттуда къ гавани Валенція въ Ирландіи, въ сопровожденіи пароходовъ «Суксвегана» и «Леопардъ».—5-го августа въ 7 часовъ вечера, конецъ каната былъ переданъ на берегъ въ бухтѣ Валенція въ руки лорда намѣстника Ирландіи при восторженныхъ кликахъ многочисленной публики.—7-го фрегатъ «Ниагара» въ сопровожденіи прочихъ судовъ направился къ берегамъ Америки, вытравляя постепенно и осторожно телеграфическій канатъ, который сначала весьма хорошо и ровно сходилъ съ колесъ приспособленной для спуска машины.—До 11-го августа все шло хорошо, но въ этотъ день усилившееся противное волненіе увеличило качку, при которой телеграфическій канатъ уже не могъ выдерживать такого сильнаго постояннаго сопротивленія, увеличивающагося каждый разъ, когда корма фрегата поднималась, и въ слѣдствіе этого въ 3³/₄ часа утра 11-го августа канатъ лопнулъ за кормою. Выпущенный на дно Океана конецъ былъ длиною въ 325 миль (до 570 верстъ), и эта первая попытка погруженія телеграфическаго каната поглотила почти-весь основной капиталъ компаніи въ 350,000 фунтовъ стерлинговъ.

Неудача эта не поколебала настойчивости Фильда, генеральнаго директора компаніи. Прибывъ въ Лондонъ онъ успѣлъ согласить акціонеровъ сдѣлать вторую попытку погруженія каната въ будущемъ 1858 году. — Поэтому капиталъ компаніи былъ усиленъ добавочнымъ фондомъ и выпускомъ акцій всего до 100,000 фунтовъ стерлинговъ и для болѣе надежнаго успѣха дѣла длина телеграфическаго каната была прибавлена, такъ-что въ этомъ году его было погружено на суда всего до 2570 морскихъ миль (до 4,500 верстъ), при-этомъ найдено было болѣе надежнымъ обоимъ судамъ—«Агамемнону» и «Ниагаръ»—отправиться на средину предложенной телеграфической линіи между Европой и Америкой. тамъ соединить концы каната и начать его погруженіе въ обѣ противоположныя стороны до береговъ Ирландіи и Нью-Фондленда. 10-го іюня н. ст. 1858 года, эскадра атлантическаго телеграфа, состоящая изъ четырехъ судовъ—«Агамемнонъ,» «Ниагара» «Валорусъ» и «Горговъ,»—отправилась изъ

Шлихта къ назначенному мѣсту «рандеву» на срединѣ Океана. Выдержавъ сильный штормъ, въ продолженіе котораго за-груженные телеграфическимъ канатомъ суда, особенно Агамемнонъ, паходились въ теченіи 13 дней въ весьма крѣпическомъ положеніи,—26-го іюня оба судна сойдясь на разстояніе 125 саж., передали конецъ съ «Ніагары» на «Агамемнонъ», гдѣ и приступили къ сплескиванію обоихъ телеграфическихъ канатовъ. — Разойдясь суда не успѣли пройти одной мили какъ канатъ на Ніагарѣ соскочилъ съ колеса вытравливающей машины, лопнулъ и ушелъ на дно.—Почему оба судна воротились; снова съ Ніагары перевезли конецъ телеграфическаго каната на корабль Агамемнонъ, сдѣлали сплесень, и снова разнялись въ противныя стороны. Но не прошло и полусутокъ какъ взаимные сигналы на обѣихъ судахъ прекратились и онѣ, пробовавъ остановить ходъ и вытащить погруженную часть каната, оборвали его и потому 28-го іюня въ третій разъ сошлись на прежнемъ мѣстѣ. Сдѣлавъ третій и послѣдній сплесень, суда снова разошлись въ обѣ противоположныя стороны, выпускаемый съ нихъ канатъ погружался правильно и безостановочно на дно Океана, взаимные сигналы не прекращались на обѣихъ судахъ, такъ-что все предвѣщало полную надежду на успѣшное окончаніе великаго предпріятія. Вдругъ чрезъ 25 1/2 часовъ хода, канатъ на Агамемнонѣ безъ всякой очевидной причины лопнулъ въ то время, когда на кораблѣ готовились сплеснить кончающуюся малую бухту каната съ главною. — Прекратившіеся сигналы заставили «Ніагару» обождать около 4 часовъ, послѣ-чего фрегатъ обрубивъ канатъ отправился прямо въ Коркъ, и вошелъ въ рейдъ Квинстоунъ (Queenstown) 4-го іюля вмѣстѣ съ пароходомъ «Горгонъ». — Корабль «Агамемнонъ» въ сопровожденіи парохода «Валорусъ» пробовали еще-разъ придти къ мѣсту условеннаго «рандеву», но, не пайдя тамъ Ніагары и Горгона, 6-го числа повертели въ тотъ-же Квинстоунъ, гдѣ всѣ суда эскадры и соединились. Въ эту вторую попытку съ обѣихъ судовъ было выпущено безвозвратно канату всего до 400 миль (до 700 верстъ)—что причинило новый ущербъ телеграфической компаніи.

Но и эта новая неудача не охладила однако рвенія и

энергіи генеральнаго директора компаніи Филда. По совѣщаніи съ прочими участниками онъ рѣшился во что-бы то ни стало продолжать работу. Поэтому 17-го іюля н. ст. «Горгонъ» и «Валорусъ» снова отпавились изъ коркского залива въ море, за ними послѣдовала фрегатъ «Ніагара», а на другой день корабль «Агамемнонъ». 29-го іюня н. ст. всѣ суда эскадры соединились на сборномъ пунктѣ подъ $59^{\circ} 9'$ сѣверной широты и $32^{\circ} 27'$ западной долготы, и въ 1 часъ по полудни сдѣланный на «Агамемнонѣ» сплесень концовъ каната былъ брошенъ въ море и суда разошлись. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали какъ-нельзя-болѣе успѣху дѣла: канатъ сходилъ съ обоихъ судовъ весьма удачно; буря и сильное волненіе, продолжавшіяся нѣсколько дней, на этотъ разъ не имѣли никакихъ вредныхъ послѣдствій для погружаемаго каната; недоумѣнія отъ временныхъ прекращеній взаимныхъ сигналовъ, скоро исчезали при возобновленіи ихъ. Такимъ-образомъ 5-го августа рано утромъ, то-есть чрезъ $6\frac{1}{2}$ сутокъ послѣ своего отплытія отъ сборнаго пункта, «Агамемнонъ» доставилъ конецъ погруженнаго каната въ валенсійскую бухту Ирландіи, а «Ніагара» въ то-же самое время, въ заливъ Троицы (Trinity Bay) на островѣ Ньюфоундлендъ. 6-го августа была передана первая депеша между Европой и Америкой.

Америка соединена въ Европою электрическимъ телеграфомъ.

Вся длина погруженнаго каната составляетъ 2025¹ морскихъ миль (3544 версты), что превышаетъ не болѣе какъ на 18² все пройденное обоимъ судамъ растояніе въ 1716 миль, между гаванью Валенціи и заливомъ Троицы.

Восторгъ всего образованнаго свѣта, произведенный первымъ извѣстіемъ объ удавшемся погруженіи телеграфическаго каната между Европой и Америкой, вскорѣ охладѣлъ, когда въ Лондонъ пришло извѣстіе изъ Ирландіи, что въ Валенціи получаютъ отрывочные сигналы изъ Ньюфоундленда, изъ которыхъ нельзя ничего понять. — Ученые Англіи, Франціи, Германіи и Америки высказали объ этомъ предметѣ самыя разнообразныя мнѣнія, которыя однако нисколько не пособляютъ дѣлу, потому-что электрическій телеграфъ между Европой и Америкой, остается до-сихъ-поръ въ на-

стоящемъ, бездѣйствующемъ положеніи. Большинство мнѣній извѣстнѣйшихъ авторитетовъ сходятся однако на томъ, что при подобныхъ условіяхъ почти-невозможно достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, ибо побочныя токи, производимыя земнымъ магнетизмомъ, оказываютъ такое сильное вліяніе на проволоку значительной длины, что измѣняютъ силу электрическаго тока, направленнаго по проволокѣ съ одного телеграфическаго аппарата къ другому, и поэтому на станціяхъ получаютъ непонятные знаки. — Подобное явленіе обнаруживалось и въ канатѣ чрезъ Кале, — но какъ по малой длинѣ проволоки побочныя токи не могли быть сильны, то ихъ легко было побѣдить незначительными электромагнитными приборами на оконечныхъ станціяхъ. — Алжирскій телеграфъ представляетъ тѣже недостатки только въ большихъ размѣрахъ. — Такъ-что вообще мнѣніе извѣстныхъ спеціалистовъ и ученыхъ состоитъ въ томъ, что для успѣшной и правильной передачи депешъ чрезъ подводный телеграфическій канатъ значительной длины нужно обратиться къ системѣ промежуточныхъ станцій на извѣстныхъ разстояніяхъ. — Длина подобныхъ разстояній вообще признается въ настоящее время не превышающею 500 верстъ.

II. Русско-американская телеграфическая линія. Ближайшее разстояніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ находится въ предѣлахъ русскихъ владѣній на Восточномъ Океанѣ. Не говоря уже о Беринговомъ проливѣ, имѣющемъ всего 50 миль (до 90 верстъ) ширины, въ срединѣ которой лежатъ нѣсколько острововъ, — отъ берега Камчатки до берега Америки протянулась живымъ мостомъ гряда Алеутскихъ острововъ, которые, если по климату и свойству мѣстности не общають сильнаго развитія, то во-всякомъ-случаѣ, способны для пребыванія тамъ человѣка, — что доказано нынѣшними осѣдлыми на нихъ поселеніями. — Обстоятельство это придастъ имъ важное значеніе при проведеніи телеграфической линіи между Азіей и Америкою.

Конечно, телеграфическое сообщеніе можетъ быть перекинуто чрезъ какую-бы то ни было мѣстность, однако страны, прилегающія Берингову проливу съ одной стороны земля Чучкскій, съ другой сѣверозападной уголъ Америки, —

такъ суровы, пустынны и не-гостепримны; что проведеніе по нимъ телеграфическихъ линій, ремонтъ и содержаніе ихъ въ исправности, стоили-бы большихъ трудовъ и издержекъ, и даже едва-ли бы были возможны, если взятъ во-вниманіе дикость и варварство ихъ обитателей. — Въмѣстѣ-съ-этимъ необходимость содержать на такой мѣстности телеграфическія станціи, невольно заставляетъ призадуматься о судьбѣ и положеніи назначенныхъ на эти станціи людей. Поэтому, отлагая въ сторону проектъ телеграфической линіи изъ Азіи въ Америку чрезъ Беринговъ проливъ, разберемъ подробнѣе предположеніе о проведеніи телеграфическаго сообщенія чрезъ Алеутскіе острова.

Острова эти, какъ выше замѣчено, тянутся грядою между восточнымъ берегомъ Камчатки и юго-западною оконечностью полуострова Аляски, въ Америкѣ. Они отдѣлены другъ-отъ-друга проливами изъ которыхъ *одинъ* только — раздѣляющій группу островъ Командорскихъ отъ Ближнихъ — имѣетъ до 200 миль (350 верстъ) ширины. — Прочіе всѣ проливы менѣе слѣдующихъ величинъ: *одинъ* — 100 миль (175 верстъ), *одинъ* 70 миль (122½ версты), *три* — 50 миль (87½ вер.), *одинъ* — 30 миль (52½ вер.), *восемь* — 20 миль (35 вер.), *четыре* — отъ 5 до 10 миль (8½ — 17½ вер.), *тридцать два* менѣе 5 миль (8½ вер.) и *тридцать* менѣе 1 мили (1½ вер. = 875 сажень).

Острова эти большею частію состоятъ изъ потухшихъ сопокъ, возтому гористы, скалисты и безлѣсны; — большая часть ихъ обитаема инородцами, а на нѣкоторыхъ находятся факторіи и конторы Россійско-Американской компаніи. Море здѣшнее никогда не замерзаетъ, кромѣ немногихъ заливовъ; но въ нѣкоторыя зимы къ здѣшнимъ островамъ приносятъ отъ сѣвера *льдины*, т. е. нетолстый и мелкій ледъ, выносимый изъ устьевъ рѣкъ и заливовъ, а иногда и настоящіе льды полярныхъ морей. Но не входя въ дальнѣйшія подробности климатическихъ и топографическихъ условій этихъ острововъ во-всякомъ-случаѣ ихъ можно разсматривать только, какъ подпоры подводной телеграфической линіи, которая, идя по дну моря, будетъ выходить на эти острова, слѣдовать по нимъ по столбамъ, и такимъ-образомъ,

въ случаѣ поврежденія, всегда легко можно будетъ отыскать мѣсто его. — Въ нѣкоторыхъ американскихъ проектахъ чрезъ-атлантическаго телеграфа для этой цѣли предположено было на каждахъ 100 миляхъ поставить въ Океанѣ небольшіе плоты съ мачтами, а въ русскихъ владѣніяхъ природа сама воздвигла таковыя подпоры изъ дна Океана, въ видѣ цѣпи острововъ, раздѣленныхъ между собою узкими проливами. — Общая сложность этихъ проливовъ составляетъ менѣе 770 миль (1357½ верстъ), что приблизительно опредѣляетъ общее протяженіе всѣхъ отдѣльныхъ подводныхъ телеграфическихъ канатовъ до 1500 верстъ, т. е. болѣе чѣмъ вдвое меньше Европейско-Американской подводной телеграфической линіи.

Изъ сравненія этихъ двухъ проектовъ, кромѣ удобства и дешевизны устройства, на сторонѣ Русско-Американской телеграфической линіи остается еще одно важное преимущество предъ Европейскою линію: это—возможность содержать такую линію въ большой исправности отъ случайныхъ поврежденій, чѣмъ первую. Нельзя совершенно отвергать возможность таковыхъ поврежденій: телеграфическій канатъ можетъ быть поврежденъ морскими животными; составы, предохраняющіе поверхность желѣзной проволочной оболочки телеграфическаго каната отъ порчи, могутъ дѣйствіемъ соленой воды быть растворены, — желѣзная оболочка можетъ ржавѣть и къ ней могутъ прилипнуть моллюски, морскія животныя и насѣкомыя, которыя могутъ способствовать разрушенію изолирующаго состава и прониканію воды до телеграфической проволоки, наконецъ это-же можетъ произойти и отъ дѣйствія одной соленой воды разъѣдающей металлы. А разъ допустивъ возможность этихъ поврежденій, исправленіе ихъ можетъ быть сдѣлано тѣмъ-скорѣе и проще, чѣмъ на большее число отдѣльныхъ участковъ раздѣлена телеграфическая линія, — что именно и соблюдается при Русско-Американской линіи.

Раздѣленіе Русско-Американской телеграфической линіи на три части. Что-бы внимательнѣе рассмотреть подробности и опредѣлить приблизительную длину и цѣнность предполагаемой Русско-Американской линіи, раздѣлимъ ее протяже-

ніе на три части—1) отъ Москвы до Кяхты, 2) отъ Кяхты до берега Восточнаго Океана, и 3) отъ берега Океана до Новоархангельска на Ситхѣ, въ Америкѣ.

1) *Отъ Москвы до Кяхты* (*). На этомъ протяженіи телеграфическая линія должна слѣдовать вдоль почтоваго сибирскаго тракта, какъ по удобству надзора за цѣлостію и исправностію ея, такъ и потому, что она захватитъ большую часть главныхъ городовъ и торговыхъ пунктовъ, лежащихъ на этомъ направленіи.

Для сообщенія-же съ прочими важными пунктами, лежащими въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта, слѣдуетъ провести боковыя побочныя телеграфическія линіи.

Для пересѣченія большихъ рѣкъ, находящихся на этомъ протяженіи и пространствѣ, затопляемыхъ весенними водами, надобно употребить подводные и подземные телеграфическіе канаты.—Такия рѣки встрѣтятся: Ока—въ Нижнемъ Новгородѣ, Сура—въ Василѣ, Волга—въ Казани, Вятка и Шашна—въ Малмыжѣ, Кама—въ Оханскѣ, Тура—въ Тюмени, Тоболъ—около станціи Іевлевской, Ишимъ—около станціи Абатской, Иртышъ—около Омска, Обь—около Кольвани, Томь—въ Томскѣ, Кія—въ Маріинскѣ, Чулымъ—въ Ачинскѣ, Енисей—въ Красноярскѣ, Канъ—въ Канскѣ, Бирюса—въ ст. Бирюсинской, Уда—въ Нижнеудинскѣ, Ія—въ ст. Тулинской, Ока—въ ст. Зиминской, Ангара—въ Иркутскѣ, два раза, и Селевка—около Троицкосавска.—Впрочемъ, при подробнѣйшемъ осмотрѣ этихъ рѣкъ, вѣроятно, представится возможность чрезъ многія изъ нихъ перекинуть телеграфическую проволоку не по-дну, а поверхъ

(*) Хотя въ настоящее время уже производится постройка—въ одну проволоку или проводъ—части этой линіи, отъ Москвы до Казани, и часть ея до Нижняго-Новгорода уже открыта для сообщенія,—тѣмъ неменѣе здѣсь принято въ соображеніе устройство Русско-Американской линіи отъ самой Москвы на томъ основаніи, что для успѣшнаго сообщенія по этой линіи придется протянуть второй проводъ (проволоку) отъ Москвы до Казани.—Хотя проведеніе втораго провода по готовымъ уже столбамъ будетъ стоить гораздо дешевле устройства новой телеграфической линіи, однако остающаяся сумма не исключена изъ приводимаго здѣсь соображенія, на томъ основаніи, что она можетъ оставаться въ запасъ на непредвидѣнные, случайные расходы.

ихъ, — поставивъ на берегахъ высокіе столбы или мачты и натянувъ между ними стальную проволоку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм. въ Иркутскѣ, телеграфическую станцію можно устроить на противоположномъ берегу рѣки Ангары, а для сообщенія съ городомъ опустить подводный канатъ къ городской станціи. Этимъ сократится число переходовъ телеграфической линіи чрезъ большія рѣки, что всегда сопряжено съ значительнѣйшими издержками. Число станцій и длина таковой телеграфической линіи будутъ слѣдующія.

№ станц.	Число верстъ.
1) Москва.	
2) Владиміръ	170
3) Нижній-Новгородъ	215
	<hr/>
	385
4) Василь.	163
5) Казань	230
	<hr/>
	778
6) Малмыжъ.	139
7) Ст. Дебесы *)	263 $\frac{1}{2}$
8) Пермь	174 $\frac{1}{2}$
	<hr/>
	1355
9) Ст. Ачитская	181 $\frac{1}{2}$
10) Екатеринбургъ	181
	<hr/>
	1717 $\frac{1}{2}$
11) Камышловъ	130
12) Тюмень	177
	<hr/>
	2024 $\frac{1}{2}$
13) Абатская	370
14) Омскъ	262 $\frac{1}{2}$
	<hr/>
	2657
15) Каинскъ	389 $\frac{1}{2}$
16) Кольванъ.	316
17) Томскъ	212 $\frac{1}{2}$
	<hr/>
	3575

*) Отъ ст. Дебесы отдѣляется отъ сибирскаго тракта почтовая дорога въ Вятку, до которой 308 верстъ.

№ станцій.	Число верстъ.
18) Маринскъ	210
19) Ачинскъ	178
20) Красноярскъ	166 $\frac{1}{2}$
	<hr/>
	4129 $\frac{1}{2}$
21) Канскъ	216 $\frac{1}{2}$
22) Нижнеудинскъ	302
23) Ст. Зиминская	249 $\frac{1}{2}$
24) Иркутскъ	232 $\frac{1}{2}$
	<hr/>
	5130
25) Посольскъ	315
26) Верхнеудинскъ	144
27) Кяхта	206
	<hr/>
	5795

Итого, 27 станцій и около 5800 верстъ.

Почтовые станціи назначены пунктами телеграфическихъ станцій, или по равному ихъ разстоянію отъ сосѣднихъ городовъ, или по соединенію около нихъ боковыхъ почтовыхъ трактовъ. Число и выборъ пунктовъ для телеграфическихъ станцій, здѣсь означенные, вѣсколько не-обязательны. Они могутъ измѣниться, быть перенесены въ другіе пункты, при самомъ устройствѣ телеграфической линіи.

Хотя выше и было помянуто, что столбы для телеграфической проволоки могутъ быть поставлены вдоль большихъ дорогъ земскою повинностію каждой губерніи, чрезъ которую проводится сообщеніе, и что вмѣстѣ съ-тѣмъ не трудная работа, протягиваніе проволоки по столбамъ, также можетъ быть произведена мѣстными жителями, однако, для вѣрнѣйшаго успѣха всего предпріятія, полезнѣе произвести все устройство телеграфической линіи наймомъ по вольной цѣнѣ. Поэтому, принимая въ соображеніе цѣнность устроенныхъ уже въ Россіи телеграфическихъ линій, изъ которыхъ нѣкоторыя обошлись со всевозможными расходами не болѣе 125 р. за версту, развозка телеграфической проволоки и прочихъ принадлежностей, среднимъ числомъ до 10 пудъ на версту, и по 5 р. за пудъ; заготовка, доставка и постановка столбовъ, протягиваніе по нимъ проволоки, вмѣстѣ съ

покупкой, доставкой и укладкой на мѣста подземныхъ и подводныхъ канатовъ, съ постройкою и обзаведеніемъ станцій, словомъ — со всѣми расходами обойдется среднимъ числомъ около 150 р. на версту, что на все протяженіе въ 5800 верстъ, потребуетъ капитала въ 870,000, а со всѣми случайными издержками до 900,000 р.

2) *Отъ Кяхты до Восточнаго Океана.* На этомъ странствѣ телеграфическая линія пойдетъ сначала вдоль почтовой дороги по Забайкальской области, отъ Верхнеудинска на Читу и Нерчинскъ, далѣе по лѣвому берегу, сначала р. Шилки, а потомъ Амура, до устья р. Усури, гдѣ должна быть перекинута на противоположный правый берегъ и имѣть слѣдовать чрезъ Софійскъ, около озера Кизи, въ Александровскъ, въ заливѣ де-Кастри. Для сообщенія-же съ болѣе южными портами Манчжурскаго берега, отъ устья Усури, слѣдуетъ провести особую вѣтвь въ-верхъ по-берегу этой рѣки до моря.

На этомъ протяженіи телеграфическая линія должна пересѣчь слѣдующія значительные притоки рѣкъ Шилки и Амура: Нерчу, Амазарь, Тумачу, Олдой, Ниверь, Буриду, Ононь, Зею, Бурею, Баджанъ, Усури, Соле, Хайдуръ, Нучь-Кучи, Хунгари, изъ которыхъ нѣкоторые предвидится возможность перейти по столбамъ, а черезъ другую половину ихъ, также-какъ и чрезъ самый Амуръ, вѣроятно придется опускать подводные телеграфическіе канаты. Число станцій и приблизительная длина этой части телеграфической линіи будутъ слѣдующія:

№ станц.	Число верстъ.
Отъ Верхнеудинска:	
1) Чита	432 $\frac{1}{2}$
2) Нерчинскъ	393 $\frac{1}{2}$
	726
3) Срѣтенскъ *)	145
4) Усть-Стрѣлочная станція	330
	1201

*) Срѣтенскъ лежитъ на правомъ берегу р. Шилки, но станція можетъ быть устроена на противоположномъ берегу, которымъ идетъ телеграфическая линія.

№ станцій.	Число верстъ.
5) Албазинъ станица	210
6) Камарская станица	360
7) Благовѣщенскъ, обл. гор. при устьѣ Зеп.	160
	1931
8) На острову, противъ манчъжурска- го города Айгуна	30
9) Стан. Скобельщина, при устьѣ Бурги.	200
10) Раддевская станица	185
11) Катерино-Никольская станица . . .	100
	2446
12) Михайло-Семеновская станица, близъ устья Сунгаря	140
13) Хабаровское, при устьѣ Усури на прав. бер.	220
14) Ачанскъ, станція близъ устья р. Соле	220
15) Гарышская станція, противъ устья р. Гарыни	260
16) Софійскъ, окр: гор.	160
17) Александровъ, въ зал. де-Кастри. .	64
	3510
Предполагая добавочную вѣтвь отъ Софійска въ Нико- лаевскъ:	
18) Селеніе Михайловское	150
19) Николаевскъ, област. городъ . . .	115
20) Передовыя батареи.	15
	280
Итого 20 станцій и до 3800 верстъ.	

По приведенному выше соображенію, стоимость этой части Русско-Американской телеграфической линіи, въ 3800 верстъ длиною, по средней цѣнѣ по 150 р. за версту, выйдетъ до 570,000 р., а со всѣми случайными издержками до 600,000 р.

Станціи, по теченію Амура, назначены приблизительно въ важнѣйшихъ русскихъ поселеніяхъ. Поэтому, при самомъ

устройствѣ телеграфической линіи, онѣ могутъ быть, смотря по надобности, помѣщены и въ другихъ мѣстахъ.

3) *Отъ берега Восточнаго Океана до Новоархангельска на Ситкѣ, въ Америкѣ.* Предполагая перекинуть телеграфическое сообщеніе, между Азіею и Америкою, вдоль группы Алеутскихъ острововъ, ближайшія къ этимъ островамъ точки на материкахъ будутъ: въ Америкѣ — мысъ Хабучъ, составляющій юго-западную оконечность полуострова Аляски, а въ Азіи—мысъ Камчатскій, на полуостровѣ Камчаткѣ. Поэтому отъ устья Амура, телеграфическая линія должна быть съ начала проведена въ Камчатку и, дойдя до Камчатскаго мыса, перекинута чрезъ проливъ на ближайшій островъ Беринга, изъ группы Командорскихъ.

Такъ-какъ препятствіемъ для проведенія телеграфической линіи не можетъ служить никакая мѣстность, то конечно, при настойчивомъ желаніи осуществить преслѣдуемую идею, возможно провести телеграфическое сообщеніе вдоль берега Охотскаго моря, отъ Николаевска, чрезъ Удской островъ, Аянъ, Охотскъ и далѣе по камчатской дорогѣ чрезъ Гижигу, въ Нпжне-Камчатскъ, и въ-такомъ-случаѣ приблизительное число станцій и длина линіи, будутъ слѣдующія:

№ станц.	Число верстъ.
Отъ Николаевска:	
1) Промежуточная	300
2) Удской островъ	300
3) Портъ Аянъ	400
	<hr/>
	1000
4) Охотскъ	500
	<hr/>
	1500
5) Тауйская	500
6) Ямскъ	425
	<hr/>
	2425
7) Туманское	300
8) Таватомское	300
9) Гижига	250
	<hr/>
	3275

№ станцій.	Число верстъ.
10) Каменское.	350
11) Лѣсновское	450
12) Тигиль	360
13) Нижне-Камчатскъ	400
	4835

Итого 13 станцій и около 5000 верстъ.

Прибрежье Охотскаго моря до половинны, разстоянія между Охотскомъ и Гижигюу, покрыто лѣсомъ, способнымъ на доставку столбовъ для телеграфической линіи; далѣе къ сѣверу, лѣсная растительность проявляется по берегу моря, только въ видѣ малорослыхъ кустарниковъ. Поэтому телеграфическая линія въ сѣверной части моря, по берегамъ заливовъ Гижигинскаго и Пенжинскаго, должна быть устроена на столбахъ, привезенныхъ изъ другихъ мѣстъ,—что значительно увеличить ея цѣнность. Такое безлѣсное пространство можно примѣрно положить отъ Ямска къ Гижигѣ и по западному берегу Камчатки до Тигиля. Для минованія его будетъ полезнѣе и удобнѣе перекинуть телеграфическую линію подводнымъ канатомъ, отъ мыса Пьягина, близъ Ямска, прямо на противоположный берегъ Камчатки близъ Тигиля. Ширина этого воднаго пространства (судя по картамъ) не превышаетъ 75 миль (131¼ верстъ),—слѣдовательно, телеграфическій канатъ потребуетъ до 140 вер. = 70,000 саж. длиною, между-тѣмъ какъ протяженіе телеграфической линіи отъ Ямска до Тигиля, по берегу моря, составляетъ болѣе 2000 верстъ.

Поэтому, при такомъ направленіи телеграфической линіи, длина ее выйдетъ слѣдующая:

№ станц.	Число верстъ.
1—6 Ямскъ, . . . ,	2425
7) Тигиль	315
8) Нижне-Камчатскъ	400
	3140

Итого 8 станцій и до 3250 верстъ.

Дикость и безлюдность береговъ Охотскаго моря и Камчатки, по которымъ съ величайшимъ трудомъ и опасностію

совершаются рѣдкіе переѣзды между обитаемыми пунктами, отстоящими другъ-отъ-друга нерѣдко на 400 верстъ, заставляютъ отказаться, если не отъ возможности, не смотря на всѣ природныя препятствія, проведенія по нимъ телеграфической линіи, то отъ возможности имѣть за цѣлостью ея должный надзоръ. Лѣтомъ обзоръ этой линіи можетъ еще быть производимъ съ моря, но, зимою и въ особенности весною, обзоръ этотъ при неизмѣннн никакого сообщенія рѣшительно невозможенъ. Поэтому, въ случаѣ поврежденія или разрыва телеграфической линіи, сообщеніе по ней не можетъ быть восстановлено въ скорости и для этого надобно ожидать удобнаго времени года. — Суровый, влажный и нездоровый климатъ этой мѣстности и замерзшая почва, служатъ главными препятствіями къ увеличенію населенія, а потому край этотъ даже въ будущемъ не можетъ имѣть надежды на лучшее состояніе и развитіе; отъ чего нельзя предвидѣть, чтобы по берегамъ его было когда-нибудь проложено какое-нибудь сообщеніе, а устроить его на тысяче-верстныхъ пространствахъ по ледяной почвѣ, для надзора за одной телеграфической линіей, будетъ стоить неизвѣрныхъ трудовъ и издержекъ, гораздо большихъ, нежели во чтобы обошлось проведеніе прямаго телеграфическаго сообщенія по дну Океана, отъ устья Амура въ Калифорнію. По этому для связи низовья Амура съ Камчаткою, слѣдуетъ прибѣгнуть къ подводной телеграфической линіи. Разстояніе между сѣверо-восточнымъ берегомъ острова Сахалина и юго-западнымъ Камчатки простирается до 800 верстъ; по сему проложивъ по этому направленію телеграфическій канатъ, длина всей телеграфической линіи выйдетъ слѣдующая:

1) Мысъ Лазарева	110 вер.
2) Заливъ Ный, на восточномъ берегу острова Сахалина	140 —
3) Большерѣцкѣ, въ Камчаткѣ (подв. канатъ).	950 —
4) Петропавловскій портъ	200 —

Итого 1400 вер.

Значительная длина подводнаго каната (до 950 верстъ), заставляетъ сомнѣваться въ успѣхѣ постояннаго сообщенія

по таковой линіи, потому-что даже и на такой дикой и недо-ступной мѣстности, какъ описанный выше берегъ Охотскаго моря, представляется болѣе вѣроятности на возможность по-стояннаго телеграфическаго сообщенія, и надзоръ за цѣ-лостью проведенной вдоль этого берега сухопутной линіи удобнѣе, чѣмъ за подводной телеграфической проволокой, по-добно проложенной по дну Атлантическаго Океана. — По-этому изъ двухъ проектовъ соединенія Камчатки съ устьемъ Амура, посредствомъ непрерывнаго подводнаго каната, или посредствомъ проволоки, протянутой по столбамъ вдоль бере-говъ моря, — преимущество слѣдуетъ отдать послѣднему, не смотря на всѣ трудности и преграды, противопоставленныя природою на этомъ протяженіи. — Однако желательно-бы было найти такую линію для телеграфической связи Кам-чатки съ устьемъ Амура, которая имѣла-бы удобства пред-ставляемая береговою линіею и, находилась-бы въ шпро-тахъ болѣе южныхъ и отстраняла-бы неудобства, сопряжен-ныя съ длинной, непрерывной подводной телеграфической ли-ніей. — Гряда Курильскихъ острововъ и островъ Сахалинъ, лежащіе между южной оконечностью Камчатки и устьемъ Амура и раздѣленные между собою не широкими проливами, — представляютъ подобную линію, способную, подобно Алеут-скимъ островамъ, къ проведенію телеграфическаго сообще-нія. — Приэтомъ встрѣчается только одно неудобство, имен-но то, что южные Курильскіе острова — Итурупъ, Куна-ширъ и Матсмай, — не состоятъ въ русскомъ владѣніи. — Они считаются принадлежностью Японцевъ, для которыхъ особенное значеніе имѣетъ только южная половина острова Матсмая, сѣверные берега котораго, равно какъ и остро-вовъ Кунаширъ и Итурупъ, не населены собственно Япон-цами. — На южной оконечности Сахалина, недавно еще на-ходился русскій постъ, возобновленіе котораго не встрѣтитъ никакого препятствія.

Поэтому вѣроятно нетрудно будетъ получить позволеніе Японцевъ на проведеніе телеграфической линіи вдоль бере-говъ Матсмая, Кунашира и Итурупа. Устройство на этихъ трехъ островахъ телеграфическихъ станцій, будетъ способ-ствовать ознакомленію Японцевъ съ чуднымъ нововведеніемъ,

и можетъ-быть чрезъ нѣкоторое время они сами захотятъ примѣнить его къ собственнымъ потребностямъ и распространить въ своихъ владѣнiяхъ. Тогда Русско-Американская линiя можетъ быть продолжена чрезъ всѣ Японскiе острова на Ликейскiе и дагѣ въ Китай до встрѣчи съ Англiйскою.

Въ этомъ обстоятельствѣ таятся зародышъ великой будущности для русскаго величiя и значенiя на водахъ Тихаго Океана. Скромная проволока можетъ-быть будетъ способствовать водворенiю русскаго влiянiя на дѣла Японiи.

Поэтому, обстоятельство это есть дѣло чрезвычайной важности, и одного его достаточно для того, чтобы рѣшиться на выборъ телеграфическаго сообщенiя Камчатки съ устьемъ Амура, чрезъ гряду Курильскихъ острововъ.

Во-всякомъ-случаѣ, если-бы пришлось встрѣтить сильное сопротивленiе Японцевъ къ постановкѣ телеграфическихъ столбовъ и станцiй, на пустынныхъ берегахъ ихъ острововъ, и оказалось-бы невыгоднымъ настойчиво противоудѣйствовать имъ въ этомъ, то можно обойти эти три японскiе острова, перекинувъ подводный канатъ съ южной оконечности Сахалина прямо на островъ Урупъ, принадлежащiй Россiи. По картамъ разстоянiе это составляетъ до 250 морскихъ миль.

Выбравъ такимъ-образомъ наибыводнѣйшее направленiе телеграфической линiи, нужно хотя приблизительно опредѣлить число станцiй и длину телеграфической проволоки, какъ подводной такъ и на столбахъ. — Удобнѣйшимъ пунктомъ соединенiя этой части линiи съ Амурскою представляется станцiя Александровскъ въ заливѣ де-Кастри, откуда телеграфическая проволока можетъ на столбахъ дойти до мыса Лазарева и подводнымъ канатомъ перекинута чрезъ татарскiй проливъ на островъ Сахалинъ.

№ станц.

Длина въ верстахъ телеграфической линiи.
Подвод. Сухопут. Итого.

Отъ Александровска:

1) Мысь Лазарева.	—	110	110
Проливъ Татарскiй.	8	—	—

№ станцій.	Длина въ верстахъ. телеграфической линіи.		
	Подвод.	Сухоп.	Итого.
2) Каменноугольные копи на остр. Сахалинѣ (135) *)	—	270	278
3) Мысъ Крильонъ, на остр. Сахалинѣ (240)	—	425	425
Проливъ Ланеруза (25)	45	—	
4) Гонмой, на остр. Матсмаѣ (145)	—	265	310
Мысъ Нотске, на остр. Матсмаѣ (60)	—	105	
Проливъ Иезо (6)	11	—	
5) Заливъ Измѣны на остр. Кунаширѣ (6)	—	12	128
Мысъ Маймато на остр. Кунаширѣ (65)	—	125	
Проливъ Пьесо (6)	12	—	
6) Заливъ Сіана, на островѣ XIX Итурупѣ (75)	—	200	337
Мысъ Фризъ, на остр. Итурупѣ (42)	—	84	
Проливъ Фриза (мысъ Вандерландъ) (12)	21	—	180
7) Гавань на остр. XVIII Урупѣ (30)	—	75	
Проливъ Бротона (18)	31 $\frac{1}{2}$	—	
Остр. XVII Чирпой S-й (2)	—	4	
Проливъ между остр-ми N и S Чирпой (3)	5 $\frac{1}{2}$	—	
Остр-въ XVII Чирпой N (3)	—	10	
Проливъ Буссоля (36)	63	—	
8) Гавань Бретона, на остр-вѣ XVI Симуширѣ (32)	—	65	225
Проливъ Діаны (8)	14	—	
Остр-въ Кетой (5)	—	15	
Проливъ Рикорда (13)	23	—	

*) Цифры, въ скобкахъ поставленные, означаютъ прямое разстояніе въ миляхъ, между оконечностями двухъ подводныхъ кабатовъ. Но такъ-какъ телеграфическая линія должна слѣдовать преимущественно вдоль береговъ, то въ графахъ длина ея увеличена на нѣкоторую величину по извилинамъ этихъ береговъ.

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.			
	Подвод.	Суход.	Итого.	
Остр. XIV Ушисирь 2-й (1 1/2)	—	4		
Проливъ между остр-ми 2 и 1 Ушисирь (1/2)	1	—		
Остр-въ Ушисирь 1-й (1 1/2)	—	4		
Проливъ между остр-ми Уши- сирь и Среднева (4)	7	—		
Остр. Среднева (2)	—	5		
Проливъ между остр-ми Сред- нева и Рашау (6)	10 1/2	—		
Остр. XIII Рашау (5 1/2)	—	14		
Проливъ Надежды (18)	31 1/2	—		
Остр. XII Матау (5)	—	12		
Проливъ Головинна (9)	14	—		
Остр. XI Рикорда (4)	—	11		
Проливъ Крузенштерна (37)	65	—		
Острова X Муссирь (2)	—	7		
•Проливъ между остр-ми X и IX (5 1/2)	10	—		
Остр. IX Шіашкотанъ (7)	—	15		
Проливъ Шпанберга (19)	34	—		
Остр. VI Харамухотанъ (4)	—	10		
Проливъ Криницна (8 1/2)	15	—		
9) Заливъ Бушъ, остр. V Онеко- тана (10)	—	20	342	
Н оконечность остр. V Онеко- тана (24)	—	50		
Проливъ Четвертой (23)	40 1/2	—		
10) Гавань Оттомай на остр. II Па- рамуширѣ (55)	—	110	200 1/2	
Проливъ Второй (1 1/4)	2	—		
Остр. I Шумшу (14)	—	35		
Проливъ Первый, мысъ Лопат- ка (6)	10 1/2	—		
11) Большерѣцкъ	—	255	302 1/2	
12) Петропавловскій портъ	—	200	200	
12 станц.	Итого.	475	2593	3068

Приэтомъ надобно прибавить на изгибы подводнаго каната по углубленіямъ морскаго дна до 20° горизонтальнаго разстоянія, и тогда общая длина всѣхъ телеграфическихъ канатовъ будетъ около 570 верстѣ. И такимъ-образомъ длина телеграфической линіи отъ Александровска до Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ приблизительно выйдетъ до 3250 верстѣ съ 12-ю станціями.

Принимая въ соображеніе вышеприведенную стоимость чрезъ - атлантическаго каната 350 руб. за версту, близко подходящую къ цѣнности такого-же каната, приводимой Лижеръ-де-Либессаромъ въ своемъ проектѣ—именно 1500 франковъ (375 руб.) за километръ (около версты), —я принимаю, что устройство подводной телеграфической линіи въ русскихъ предѣлахъ Восточнаго Океана со всѣми расходами обойдется среднимъ числомъ около 1,000 руб. за каждую версту.

Поэтому приблизительная стоимость всей предложенной линіи будетъ слѣдующая:

1) Сухопутная воздушная линія на столбахъ въ одинъ проводъ, на 2680 верстѣ по 150 р.	402,000 руб.
2) Подводная линія въ одинъ проводъ, для погруженія на дно проливовъ Курильской гряды на 570 вер. по 1000 руб . . .	570,000 —
Итого.	972,007 —

Или до 1.000,000 рублей.

Дальнѣйшее направленіе телеграфической линіи отъ Камчатки до Америки, длина ея и число станцій будутъ слѣдующія:

№ станціи.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подвод.	Сухоп. Итого.
Отъ Петропавловскаго порта:		
1) Верхне-Камчатскъ	—	300
2) Нижне-Камчатскъ	—	417
Мысъ Камчатскій	—	105
Пролівъ между мыс. Камчатскимъ и островомъ Беринга (94 1/2).	165	—
3) Селеніе на островѣ Беринга (10).	—	20 290

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.		
	Подвод.	Сухой.	Итого.
Мысь Толстый острова Беринга (30)	—	75	
Проливъ между островомъ Беринга и Мѣднымъ (29 $\frac{1}{2}$)	50	—	
4) Гавань на островѣ Мѣдномъ (8)	—	25	151
SO конецъ острова Мѣднаго (21)	—	50	
Проливъ между островомъ Мѣднымъ и Атту (196)	343	—	
5) Давань Чичагова на островѣ Атту (24)	—	52	445
Мысь Восточной на островѣ Атту (10)	—	20	
Проливъ м. ост. Атту и Алаидъ (19)	34	—	
Островъ Алаидъ (2)	—	4	
Проливъ мысь острова Алаидъ и Симичи 1-мъ ($\frac{3}{4}$).	1 $\frac{1}{2}$	—	
Островъ Симичи 1-й (1 $\frac{1}{2}$)	—	3	
Проливъ между островами Симичи 1-й и 2-й (1 $\frac{1}{4}$)	3	—	
Островъ Симичи 2-й (2 $\frac{1}{2}$)	—	5	
Проливъ между островами Симичи 2-мъ и 1-мъ безъ-названія (49)	86	—	
Островъ 1-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$	
Проливъ между островами 1-мъ и 2-мъ безъ-названія ($\frac{3}{4}$)	1 $\frac{1}{2}$	—	
Островъ 2-й безъ названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$	
Проливъ между островами 2-мъ безъ- названія и Булдырь ($\frac{1}{4}$).	1 $\frac{1}{2}$	—	
Островъ Булдырь (5)	—	10	
Проливъ между островами Булдырь и Кыска (68)	119	—	
6) Гавань на островѣ Кыска (3)	—	10 $\frac{1}{2}$	300
SO мысь острова Кыска (2)	—	3 $\frac{1}{2}$	
Проливъ между островами Кыска и безъ-названія ($\frac{3}{4}$).	1 $\frac{1}{2}$	—	
Островъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$).	—	$\frac{1}{2}$	
Проливъ между островами безъ-назва- нія и Малаго Кыска ($\frac{3}{4}$).	1 $\frac{1}{2}$	—	
Островъ мал. Кыска (4 $\frac{1}{2}$)	—	8	

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи. Подвод. Сухоп. Итого.	
Проливъ между островами малымъ		
Кыска и Танадахъ (3)	5 1/2	—
Островъ Танадахъ (2)	—	4
Проливъ между островами Танадахъ и		
Сивучій Камень (15)	26 1/2	—
Сивучій Камень (1/2)	—	1
Проливъ м. Сивуч. Кам. и Крысій (14).	25	—
Островъ Крысій (4)	—	10
Проливъ между островами Крысій и		
1-й безъ-названія (1/2)	1	—
Островъ 1-й безъ-названія (3/4)	—	1 1/2
Проливъ между островами 1-мъ и		
2-мъ безъ-названія (5 1/2)	10	—
Островъ 2-й безъ-названія (3/4)	—	1 1/2
Проливъ между островами 2-мъ и 3-мъ		
безъ-названія (1/2)	1	—
Островъ 3-й безъ-названія (1/2)	—	1
Проливъ между островами 3-мъ безъ-		
названія и Амчиткою (1)	2	—
7) Гавань Константина на островѣ		
Амчиткѣ (23)	—	50
SO. Оконечность острова Амчитки (8)	—	15
Проливъ между островами Амчиткой		
и 1-мъ безъ-названія (2)	3 1/2	—
Островъ 1-й безъ-названія (1/4)	—	1/2
Проливъ между островомъ 1-мъ и 2-мъ		
безъ-названія (1)	2	—
Островъ 2-й безъ-названія (1)	—	2
Проливъ между островами 2-мъ и 3-мъ		
безъ-названія (47)	83	—
Островъ 3-й безъ-названія (1/4)	—	1/2
Проливъ между островами 3-мъ и 4-мъ		
безъ-названія (1/2)	1	—
Островъ 4-й безъ-названія (1/4)	—	1/2
Проливъ между островомъ 4-мъ и 5-мъ		
безъ-названія (1/2)	1	—

155

№ станціи.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подвод.	Сухоп. Итого.
Островъ 5-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$
Проливъ между островомъ 5-мъ безъ- названія и Аматыгнакъ ($\frac{1}{4}$).	$\frac{1}{2}$	
Островъ Аматыгнакъ (6)	—	12
Проливъ между островами Аматыгнакъ и 1-мъ безъ-названія (1)	2	—
Островъ 1-й безъ-названія ($\frac{1}{2}$)	—	1
Проливъ между островами 1-мъ и 2-мъ безъ-названія ($1\frac{1}{2}$)	3	—
Островъ 2-й безъ-названія ($\frac{1}{2}$)	—	1
Проливъ между островами 2-мъ безъ- названія и Юлахъ ($1\frac{1}{4}$)	$2\frac{1}{2}$	—
Островъ Юлахъ (7)	—	15
Проливъ между островами Юлахъ и Кавалга ($8\frac{3}{4}$).	16	—
Островъ Кавалга ($3\frac{1}{2}$)	—	8
Проливъ между островами Кавалга и 1-й безъ-названія (3)	$5\frac{1}{2}$	—
Островъ 1-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$
Проливъ между островами 1-мъ и 2-мъ безъ-названія (1)	2	—
Островъ 2-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$
Проливъ между островами 2-мъ безъ- названія и Оклюга ($\frac{1}{2}$)	1	—
Островъ Оклюга ($2\frac{1}{2}$)	—	5
Проливъ между островами Оклюга и безъ-названія ($\frac{1}{4}$).	$\frac{1}{2}$	—
Островъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$
Проливъ между островами безъ-на- званія и Скагуль ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—
Островъ Скагуль (1).	—	2
Проливъ между островами Скагуль и 1-мъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—
Островъ 1-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$
Проливъ между островами 1-мъ и 2-мъ безъ-названія ($16\frac{1}{4}$)	$28\frac{1}{2}$	—

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.		
	Подвод.	Сухоп.	Итого.
Островъ 2-й безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	—	$\frac{1}{2}$	
Проливъ между островами 2-мъ безъ- названія и Танага ($\frac{3}{4}$)	$1\frac{1}{2}$	—	
8) Заливъ Слава Россіи, на островѣ Та- нага (10)	—	18	238
OSO оконечность острова Танага (10)	—	18	
Проливъ между островами Танага и Канага (4)	7	—	
Островъ Канага (23)	—	50	
Проливъ между островами Канага и Адахъ (5)	9	—	
Островъ Адахъ ($20\frac{1}{2}$)	—	40	
Проливъ между островами Адахъ и Кагалаква ($\frac{1}{2}$)	1	—	
Островъ Кагалаква ($7\frac{1}{2}$)	—	15	
Проливъ между островами Кагалаква и Тагана (1)	2	—	
9) Заливъ Назапъ на островѣ Тагана (3)	—	7	139
NO сторона острова Танага ($4\frac{1}{2}$) . .	—	10	
Проливъ между островами Танага и Умахъ ($\frac{3}{4}$)	$1\frac{1}{2}$	—	
Островъ Умахъ (5)	—	12	
Проливъ между островами Умахъ и Та- гадахъ ($2\frac{3}{4}$)	5	—	
Островъ Тагадахъ ($2\frac{1}{2}$)	—	5	
Проливъ между островами Тагадахъ и Игитхинъ (2)	$3\frac{1}{2}$	—	
Островъ Игитхинъ (7)	—	15	
Проливъ между островами Игитхинъ и Тагалахъ ($2\frac{1}{2}$)	$4\frac{1}{2}$	—	
Островъ Тагалахъ ($6\frac{1}{2}$)	—	12	
Проливъ между островами Тагалахъ и 1-мъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—	
Островъ 1-й безъ-названія ($\frac{1}{2}$) . . .	—	1	
Проливъ между островами 1-мъ и 2-мъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—	

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подвод.	Сухоп. Итого.
Островъ 2-й безъ-названія ($\frac{1}{8}$)	—	$\frac{1}{4}$
Проливъ между островами 2-мъ и 3-мъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—
Островъ 3-й безъ-названія ($\frac{1}{8}$)	—	$\frac{1}{4}$
Проливъ между островами 3-мъ и 4-мъ безъ-названія ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—
Островъ 4-й безъ-названія ($\frac{1}{8}$)	—	$\frac{1}{4}$
Проливъ между островами 4-мъ и 5-мъ безъ-названія (1)	2	—
Островъ 5-й безъ-названія ($\frac{1}{2}$)	—	1
Проливъ между островами 5-мъ безъ- названія и Икигинахъ ($2\frac{3}{4}$)	5	—
Островъ Икигинахъ (1)	—	2
Проливъ м. о-ми Икигинахъ и Огмо- дахъ ($1\frac{3}{4}$)	3	—
О. Огмодахъ (1)	—	2
Проливъ м. о-ми Огмодахъ и Атха ($4\frac{1}{2}$) .	8	—
10) Сел. Никольское на о-вѣ Атха (52) . .	—	97 192 $\frac{1}{2}$
М. Уталугъ на о-вѣ Атха (17)	—	35
Проливъ м. о-ми Атха и Амля (2) . .	3 $\frac{1}{2}$	—
О. Амля (40)	—	90
Прол. м. о-ми Амля и Аглигадахъ ($2\frac{1}{2}$) . .	4 $\frac{1}{2}$	—
О. Аглигадахъ ($\frac{3}{4}$)	—	1 $\frac{1}{4}$
Проливъ м. о-ми Аглигадахъ и Си- гуамъ ($15\frac{1}{2}$)	27 $\frac{1}{2}$	—
О. Сигуамъ (12)	—	25
Проливъ м. о-ми Сигуамъ и Амухта (45) .	79	—
О. Амухта (3)	—	6
Проливъ м. о-ми Амухта и Чугуль (2) .	3 $\frac{1}{2}$	—
О. Чугуль ($1\frac{1}{2}$)	—	3
Проливъ м. о-ми Чугуль и Юнаска (10)	17 $\frac{1}{2}$	—
О. Юнаска ($13\frac{1}{2}$)	—	25
Проливъ м. о-ми Юнаска и Чугина- дахъ ($11\frac{1}{2}$)	20 $\frac{1}{2}$	—
О. Чугинадахъ ($10\frac{1}{2}$)	—	25
Проливъ м. о. Чугинадахъ и безъ-назв. (2).	3 $\frac{1}{2}$	—

№ станцій.	Длина въ верстахъ. телеграфической линіи.	
	Подвод.	Сухоп. Итого.
О. безъ-назв. (1)	—	2
Прол. м. о-ми безъ-назв. и Кагамилъ (2)..	3 1/2	—
О. Кагамилъ (6)	—	15
Проливъ м. о-ми Кагамилъ и Адугахъ (17).	30	—
О. Адугахъ (2 1/2)	—	6
Проливъ м. о-ми Адугахъ и Умнакъ (4 1/2).	8	—
11) Гавань и сел. на о-въ Умнакъ (18) . . .	—	36 469 1/4
SO сторона о-ва Умнакъ (38)	—	75
Проливъ м. о-мъ Умнакъ и к. Ко- рабль (1/2) . . . ,	1	—
К. Корабль (1).	—	2
Проливъ Умнакскій (2)	3 1/2	—
12) Сел. Иллюлюкъ въ зал. Капитанскомъ на о. Уналашкѣ (54)	—	105 186 1/2
NO сторона о. Уналашки (11)	—	25 —
Проливъ Уналинскій (1)	2	—
О. Уналга (3)	—	6
Проливъ м. о-ми Уналга и 1-мъ Ча- ячьимъ (1/4)	1/2	—
О-въ 1-й Чаячій (1/4)	—	1/2
Проливъ м. о-ми 1-мъ и 2-мъ Ча- ячьими (1/4)	1/2	—
О-въ 2-й Чаяній (1/4)	—	1/2
Проливъ Акуганскій (3)	5 1/2	—
О. Акутанъ (10 1/2)	—	25
Проливъ м. о-ми Акутанъ и Акунь (1) .	2	—
О. Акупъ (3)	—	6
Проливъ м. о-ми Акунь и Аватанакъ (2 1/2).	4 1/2	—
О-въ Аватанакъ (8 1/2)	—	18
Проливъ м. о-ми Аватанакъ и Ти- галда (1 1/2)	3	—
О. Тигалда (10)	—	25
Проливъ м. о-ми Тигалда и 1-мъ безъ- назв. (3/4)	1 1/2	—
О. 1-й безъ-наз. (1/2)	—	1
Прол. м. о-ми 1-мъ и 2-мъ безъ-назв. (3/4) .	1 1/2	—

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подвод.	Сухоп. Итого.
О. 2-й безъ-назв. ($\frac{1}{2}$)	—	1
Проливъ между о-ми 2-мъ и 3-мъ безъ- названія ($\frac{3}{4}$)	$1\frac{1}{2}$	—
О. 3-й безъ-назв. ($\frac{1}{2}$)	—	1
Проливъ м. о-ми 3-мъ безъ-назв. и Кали- гаганъ ($\frac{3}{4}$)	$1\frac{1}{2}$	—
О. Калигаганъ ($\frac{3}{4}$)	—	2
Проливъ м. о-ми Калигаганъ и Анх- такъ ($2\frac{1}{4}$)	4	—
О. Анхтакъ (2)	—	5
Проливъ м. о-ми Анхтакъ и Укамокъ ($\frac{1}{4}$) .	$\frac{1}{2}$	—
О-въ Укамокъ (3)	—	7
Проливъ Унимакскій ($8\frac{1}{2}$)	15	—
13) Сел. Шиншалдинское на О-въ Унимакъ (33)	—	75 292 $\frac{1}{2}$
М. Иссанхскій на о-вѣ Унимакъ (35) . .	—	85
Проливъ Иссанахскій (2)	4	—
14) Моржовское селен. на Аляскѣ (17) . . .	—	35 124
Бѣльковское селен. (45)	—	96
15) Павловское селеніе (70) , .	—	140 236
16) Селен. въ залив. Кижуликъ (170)	—	325 325
17) Селен. Катмай (175)	—	350 350
Селен. Какахъ (72)	—	130
18) Селен. Куляхъ (36)	—	70 200
19) Одиночка на N о-ва Чернобураго (141) . .	—	250 250
М. запад. Форландъ (114) . . . , . . .	—	200
Проливъ межд. м-ми зап. и вост. Фор- ландъ (10)	$17\frac{1}{2}$	—
20) Редуть Св. Николая (12)	—	25 242 $\frac{1}{2}$
21) С. Алаганикъ (258)	—	455 456
22) Заливъ Ледяной (170)	—	300 300
Якорное мѣсто въ зал. Якутатъ (100) .	—	175
Сел. Акой ближнее (27)	—	50
23) Сел. Акой дальнее (14)	—	25 250
Зал. Льтуа (60)	—	110
М. Вильбледонъ (57)	—	90
Проливъ Ледяной ($1\frac{1}{2}$)	$2\frac{3}{4}$	—

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подводн.	Сухоп. Итого.
О-въ безъ-назв. (3)	—	6
Проливъ Ледяной (1)	2	—
Островъ безъ-назв. (2)	—	5
Проливъ Ледяной ($\frac{3}{4}$)	$2\frac{1}{4}$	—
О-въ Хунна (65)	—	120
Проливъ Погибшій (1)	2	—
24 Портъ Новоархангельскъ на О-вѣ Сит- хѣ (27)	—	50 390
		1367 5350 6717

Для полного развитія проектируемаго сообщенія, слѣдуетъ связать его съ телеграфическими линіями Соединенныхъ Штатовъ чрезъ англійскія владѣнія и Калифорнію, по сношенію съ ихъ правительствами. Въ-такомъ-случаѣ отъ Новоархангельска русская телеграфическая линія должна выйти на берегъ американскаго материка и окончиться на границѣ англійскихъ владѣній.

Эта добавочная линія будетъ слѣдующая:

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.	
	Подводн.	Сухоп. Итого.
Отъ Новоархангельска		
О. Ситха (32)	—	60
Проливъ Чатамъ (6)	$10\frac{1}{2}$	—
О-въ Бобровый (33)	—	60
Проливъ м. о-вами Бобровымъ и Кеку (1).	2	—
О-въ Кеку (33)	—	60
Проливъ Стахинъ ($\frac{1}{4}$)	$\frac{1}{2}$	—
О-въ безъ-назв. (1)	—	2
Проливъ Стахинъ ($\frac{1}{2}$)	1	—
О-въ безъ-назв. ($1\frac{1}{2}$)	—	3
Проливъ Стахинъ (3)	$5\frac{1}{2}$	—
Островъ (11)	—	20
Проливъ (2)	$3\frac{1}{2}$	—
Островъ ($2\frac{3}{4}$)	—	5
1) Редуть Св. Діонисія на о-вѣ Качхашна чрезъ прол. ($1\frac{1}{4}$)	3	— 236

№ станцій.	Длина въ верстахъ телеграфической линіи.		
	Подвод.	Сухоп.	Итого.
Селеніе Стахинъ на о-вѣ Качханна (15)	—	30	
SO оконечность о-ва Качханна (4 1/2)	—	9	
Проливъ (1 1/2)	2	—	
Островъ (6 1/2)	—	12	
Проливъ (1)	2	—	
2) N оконечность канала Портландъ	—	158	214
2 станціи		31	411 450

Такимъ-образомъ общая длина всѣхъ подводныхъ телеграфическихъ канатовъ, связывающихъ Камчатку съ материкомъ Америки до границы англійскихъ владѣній, будетъ до 1400 верстъ; прибавивъ къ которой 20% на изгибы по углубленіямъ морскаго дна, общая длина всей телеграфической линіи отъ Камчатки до Америки будетъ слѣдующая:

Подводныхъ канатовъ до 1680 верстъ
Проволоки на столбахъ до 5800 »

Итого до 7500 верстъ

съ 26 станціями.

Приблизительная стоимость этой линіи выразится слѣдующими цифрами:

- 1) Сухопутная воздушная линія на столбахъ въ одинъ проводъ на 5800 верстъ по 150 руб. 870,000 руб.
- 2) Подводная линія въ одинъ проводъ для погруженія на дно проливовъ Алеутской гряды на 1680 верстъ по 1000 р. . . 1.680,000 руб.

Итого 2.550,000 руб.

Или всего до 2.600,000 руб. сереб.

Такимъ-образомъ приблизительное число станцій, длина и стоимость всей телеграфической линіи между устьемъ Амра и пограничною чертою русскихъ и англійскихъ владѣній на материкѣ Америки.

	Число станцій.	Длина.	Цѣна.
Отъ Александровска до Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ	12	3,250 вер.	1.000,000
Отъ Петропавловскаго порта до пограничнаго при-морскаго пункта на материкѣ Америки	26	7,500	2.600,000
Итого	38	10,750	3.600,000

По безлюдности и дикости Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ, равно-какъ и сѣверозападныхъ береговъ Америки, проведеніе сухопутной воздушной линіи на столбахъ и надзоръ за ея исправностью можетъ - быть встрѣтить затрудненія, особливо взявъ во вниманіе варварство и невѣжество жителей Америки. Тогда можетъ-быть окажется болѣе выгоднымъ всю телеграфическую линію, отъ Амура до Камчатки и отъ Камчатки до Ново-архангельска и далѣе до черты англійскихъ владѣній въ Америкѣ, — составить изъ подводныхъ канатовъ, соединенныхъ другъ-съ-другомъ на берегахъ острововъ Курильской и Алеутской гряды. Эти соединенія или сплени, выходящія изъ воды на берега острововъ, дадутъ возможность всегда отыскать случайно - поврежденные мѣста въ канатѣ. Отъ умышленной-же порчи дикарями, — или въ военное время непріителемъ, — эти сплени могутъ быть спрятаны на берегахъ острововъ въ непримѣтныхъ мѣстахъ заливовъ и проч., и заклады камнями. Въ-такомъ-случаѣ длина всѣхъ подводныхъ канатовъ отъ залива де-Кастри до пограничной черты Русско-Англійскихъ владѣній въ Америкѣ выйдетъ 10,500 верстъ и стоимость таковой линіи будетъ слѣдующая:

- 1) Подводная линія — отъ залива де-Кастри, вдоль Курильской гряды, до Петропавловскаго порта, переходя съ острова Сахалина прямо на островъ Урунъ, на 2800 верстъ по 1000 руб. 2,800000 руб.
- 2) Сухопутная воздушная линія — на столбахъ отъ Петропавловскаго порта чрезъ Шнак-

не-Камчатскъ до Камчатскаго мыса, на 1000 верстъ по 150 руб.	150000 »
3) Подводная линия—отъ берега Камчатки, вдоль Алеутской гряды и берега Аме- рики до пограничной черты русско-ан- гльскихъ владѣній, на 7650 верстъ по 1000 руб.	7,650000 »
Итого . . . 10,600000 руб.	

Для соединенія проектируемаго сообщенія съ телеграфическими линиями Соединенныхъ Штатовъ, нѣтъ никакихъ препятствій.

Доведеніемъ линии до границы русскихъ и англійскихъ владѣній, будутъ побѣждены уже всѣ главныя трудности постройки, и дальѣйшее направление телеграфической проволоки можетъ идти на столбахъ вдоль берега Океана до самой Калифорніи. Протяженіе таковой линии чрезъ англійскія владѣнія будетъ по берегу Тихаго Океана до 1200 верстъ (прямое 870 верстъ), а по владѣніямъ Соединенныхъ Штатовъ до Санъ-Франциско до 1400 верстъ (прямое 1270 верстъ) слѣдовательно въ обѣихъ владѣніяхъ до 2600 верстъ; причѣмъ разстояніе между Ново-архангельскомъ и Санъ-Франциско будетъ до 3000 верстъ.

Соединивъ разсмотрѣнныя три части телеграфической линии въ одно цѣлое, выйдетъ, что приблизительная длина и стоимость проектируемой Русско-Американской телеграфической линии, а также и первоначальное число станцій по ней,—будутъ слѣдующія:

	Число станцій.	Длина.	Цѣна.
Отъ Москвы до Кяхты	27	5800 в.	900000 р.
— Кяхты до Восточнаго Океана	20	3800 «	600000 «
— Восточнаго Океана до рус- ской границы съ англійскими владѣніями въ Америкѣ.	37	10750 «	3,600000 «
Итого . . . 84 ст. 20350 в. 5,100000 р.			

Для полного развитія сношеній по предполагаемой Русско-Американской телеграфической линии, слѣдуетъ связать ее съ

главными торговыми и административными пунктами, особыми побочными телеграфическими линиями.

Изъ такихъ пунктовъ особаго вниманія заслуживаютъ: *Ирбитъ* — по своей ярмаркѣ, *Тобольскъ* — какъ пунктъ администраціи одной изъ обширнѣйшихъ губерній Сибири, *Семипалатинскъ* и *Чугучакъ* — по торговлѣ съ Среднею Азіею и Китаемъ, *укр. Вѣрное* въ Семипалатинской области — какъ важный пунктъ среди южнѣйшихъ предѣловъ Сибири, *Барнаулъ* — какъ средоточіе горнозаводскаго дѣла и управленія алтайскаго округа, *Енисейскъ* — какъ пунктъ, имѣющій значеніе для золотопромышленности сѣверной системы, *Портъ Св. Владиміра* на Маньчжурскомъ берегу Японскаго моря — откуда телеграфическая линія можетъ быть перекинута по-дну моря на противоположный берегъ Японіи, напримѣръ на островъ Матсмай въ русское консульство въ Хакодате. — Приблизительная длина и число станцій такихъ побочныхъ линій будутъ слѣдующія:

1-я Линія отъ Камышлова.

1) Ирбитъ 110

110 вер.

2-я Линія отъ Тюмени.

2) Тобольскъ 260

260 —

3-я Линія отъ Омска.

3) Коряково 380

4) Семипалатинскъ 320

5) Аягузь 280

6) Копаль окр. гор. 370

7) Укр. Вѣрное 400

1750 —

4-я Линія отъ Алуза.

8) Чугучакъ, русское консульство 250

250 —

5-я Линія отъ Томска.

9) Барнаулъ 387

387 —

6-я Линія отъ Красноярска.

10) Енисейскъ 330

330 —

7-я Линія отъ Хабаровскаго при устьѣ Усури

11 — 13) Портъ Св. Владимира 1000

14) Портъ Хакодате въ Японіи (подводный

канатъ) 600

1600 —

Итого сложная длина всѣхъ 7-ми линій до 4687 вер.

Или среднимъ числомъ до 4700 верстъ,

стоимостью до 1,215000 р.

Китайскій городъ Чугучакъ находится въ 50 верстахъ отъ нашей границы, и потому, если-бы встрѣтилось какое-либо затрудненіе въ проведеніи телеграфической линіи до самого города, въ домъ находящагося тамъ русскаго консульства, то можно довести оную только до границы, гдѣ въ удобномъ мѣстѣ тогда выстроятся станція и поставятся шкель отъ сосѣдняго Урджарскаго поселенія. Линія отъ порта св. Владимира до японскаго порта Хакодате, лежащаго въ Сангарскомъ проливѣ, вся можетъ быть проложена подводнымъ канатомъ по дну моря и выходить на берегъ только въ домъ русскаго консульства въ Хакодатѣ. При дозволеніи Японцевъ провести часть этой линіи на столбахъ по острову Матсмау, длина подводнаго каната можетъ уменьшиться до 500 верстъ. Такимъ-образомъ Японія можетъ быть весьма-удобно соединена электрическимъ токомъ съ Европою чрезъ русскія владѣнія по двумъ направленіямъ: чрезъ острова Матсмай и Сахалинъ, въ заливъ де-Кастри, и чрезъ портъ Хакодате въ портъ св. Владимира. Въмѣстѣ съ этимъ, съ развитіемъ учреждаемыхъ почтовыхъ сообщеній Кяхты съ Пекиномъ, съ усиленіемъ торговыхъ сообщеній Русскихъ съ Китайцами, предвидится вѣроятная возможность продлить телеграфическую линію отъ Кяхты до Пекина, чрезъ гобійскую степь, вдоль существующей караванной дороги. При подобномъ развѣтвленіи проектируемой Русско-Американской телеграфической линіи, она становится дѣйствительно главнѣйшимъ, великимъ мировымъ путемъ для сношенія Ста-

раго Свѣта съ Новымъ, Европы и Америки съ Китаемъ, Япо-
ніею и Среднею Азіею, и никогда никакая, въ послѣдствіи
возникнувшая, телеграфическая линія не можетъ ослабить.
ни имѣть подобнаго міроваго значенія.

Поэтому было-бы весьма жаль, еслибъ для устройства
подобной міровой телеграфической линіи выжидали предло-
женій иностранныхъ капиталистовъ, которымъ потребова-
лось-бы передать вмѣстѣ-съ-тѣмъ и всѣ выгоды, которыя
будутъ доставляться подобнымъ международнымъ сообщені-
емъ. Капиталь въ 6½ милліоновъ рублей, потребный на
устройство Русско-Американской телеграфической линіи съ
помянутыми развѣтвленіями, не такъ-великъ, чтобы мы сами
не могли затратить его въ нѣсколько лѣтъ, для доставленія
нашему Отечеству тѣхъ выгодъ, которыя ему назначены судь-
бою, поставившею его посредникомъ между образованнымъ
Западомъ и одряхлѣвшимъ Востокомъ. Капиталь, затрачен-
ный на устройство таковой линіи, вносилъ-бы въ Россію
ежегодно массу иностранныхъ капиталовъ за депеши всѣхъ
частей Свѣта, которые, составляя чистый доходъ телеграфа,
весьма скоро-бы погасили капиталъ, затраченный на его
устройство, а послѣ того послужили-бы постояннымъ неиз-
сякаемымъ источникомъ государственнаго дохода. Это пред-
положеніе тѣмъ кажется вѣроятнѣе, чѣмъ все болѣе-и-болѣе
становится сомнительнымъ существованіе англійской чрезъ
атлантической телеграфической линіи, для которой природа
устроила на всемъ земномъ шарѣ только въ одномъ мѣстѣ
удобныя опорныя точки, а именно острова Курпильскіе и Але-
утскіе въ русскихъ владѣніяхъ. Въ случаѣ затрудненія въ
ассигнованія изъ казны подобной суммы на устройство про-
ектированной телеграфической линіи, можно создать этотъ
капиталь поощреніемъ частной предпримчивости, при чемъ,
руководствуясь вышеизложенными соображеніями, желатель-
но-бы было, чтобы всѣми выгодами подобнаго міроваго
путье-сообщенія воспользовалась русская предпримчивость,
и для этого компанія Русско-Американскаго телеграфа
образовалась-бы русская. Въ этомъ случаѣ выгодно даже
даровать русскому обществу нѣкоторыя привилегіи, или
даже подождать нѣкоторое время, чѣмъ передавать подоб-

ный постоянный источник дохода и важѣйшій путь всемирныхъ сношеній въ руки иностранцевъ. Въ случаѣ особыхъ затрудненій въ капиталахъ, иностранцамъ можно предоставить устройство и пользованіе послѣдней частью линіи, именно отъ Амура до Америки, а континентальная часть ея отъ Москвы до Устья Амура, со всеми развѣтвленіями во всякомъ случаѣ должна быть устроена отъ казны или русской компаніей. Но если-бы даже пришлось устроить предполагаемую Русско-Американскую линію и всю на нашъ счетъ, то капиталъ, необходимый на это, не смотря на всю значительность его, все-таки ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми великими послѣдствіями и широкой будущностью, которыя откроются при проведеніи такового пути, и для русскаго политическаго значенія въ Китаѣ, Японіи и на Восточномъ Океанѣ, и для образованности и благосостоянія русскаго народа, и наконецъ для процвѣтанія и усиленія русской внутренней и виѣшней торговли.

Дмитрій Романовъ.

I.

Разстанись мы; ты странствуешь далече,
Но намъ дано опять,
Въ таинственной и ежечасной встрѣчѣ,
Другъ друга понимать.

Когда въ толпѣ живой и своевольной,
Поникнувъ головой,
Смолкаешь ты съ улыбкою невольной, —
И говорю съ тобой.

И вечеромъ, когда въ аллеѣ южной
Ты пьешь нѣмую ночь,
Зной тополи и звѣзды нѣгой дружной
Мнѣ вызвался помочь.

Когда ты спишь и пологъ твой кисейный
Раздвинется въ лучахъ,
И сонъ тебя призрачный, тиховѣянный,
Уноситъ на крылахъ.

А ты, летя въ эфиръ непзмѣримой,
Лепечешь: «я люблю». —
Я этотъ сонъ — и я рукой незримой
Твой пологъ шевелю.

II.

Весенний дождь.

Еще свѣтло передъ окномъ,
Въ разрывѣ облакъ солнце блещетъ,
И воробей, спонитъ крыломъ
Въ нескѣ купаяся, трепещетъ.

А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса,
И будто въ золотой пыли
Стоитъ за ней опушка лѣса.

Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянеть,
И что-то къ саду подошло,
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

 III.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Давно, въ порѣ ребяческой твосоі,
Ты червячкомъ мнѣ пестренькимъ казалась
И ласково, изъ-за однихъ сластей,
Вокругъ родной ты вѣтки увивалась.

И вотъ теперь ты, куколка моя,
Живой души движенія скрываешь
И, красоту застѣнчиво тая,
Взглянуть на свѣтъ укрдкой замышляешь.

Постой, постой, порвется пелена,
На Божій свѣтъ съ улыбкою проглянешь,
И весела, и днемъ упоена,
Ты ярко намъ бабочкой предстанешь.

А. Фетъ.

ФЕЯ ВЕСНЫ.

Онъ былъ задумчивъ и угрюмъ,
И былъ онъ человѣкъ ученый,
И много новыхъ, дѣльныхъ думъ
Бросалъ онъ гордо въ міръ крещеный.
И міръ ловилъ ихъ; но онъ самъ, —
Людей и міра онъ дичился, —
Наукѣ преданный, трудамъ,

Любить и вѣрить разъучился.
 Порывы жизни молодой,
 Горячей юности ошибки,
 Считалъ достойными одной
 Своей презрительной улыбки;
 Онъ голось сердца презиралъ,
 Онъ страсть каралъ нещаднымъ словомъ,
 И въ отчужденіи суровомъ
 Себѣ подруги не искалъ;
 Съ какимъ-то гордымъ наслажденьемъ
 Свое безстрастье онъ хранилъ,
 И такъ увѣренъ твердо былъ,
 Что не поддастся искушеньямъ!
 Однажды, — было то весной, —
 Подъ вечеръ, шелъ онъ по дорогѣ,
 Какъ шелъ житейскою тропой,
 Безъ сожалѣній и тревоги.
 Надъ нимъ сплѣли небеса,
 Луга кругомъ благоухали,
 И вольныхъ птичекъ голоса
 Къ нему изъ рощи долетали.
 Но онъ привѣта не послалъ
 Природы вѣчной обновленью, —
 Онъ отъ прогулки лишь усталъ,
 Прилегъ и задремалъ подъ тѣнью
 Цвѣтущей лины вѣковой...

Въ тотъ часъ, крыломъ лазурнымъ вѣя,
 Весны сіяющая фея
 Летала надъ его головой, —
 И все, что жило и дышало,
 При ней блаженствомъ трепетало,
 И благодатнѣй, и полнѣй;
 Живѣй сердца людскія блись,
 Надежды свѣтлыя носились
 Толпою радужной предъ ней,
 И силой кроткой и цѣлебной,
 Передъ улыбкою волшебной,
 Лицась любовь на міръ земной.
 Повсюду чуда совершались,
 Луга, деревья покрывались
 Душистой ризою цвѣтной.

И, подъ вліяньемъ нѣжной власти,
 Пѣлъ соловей, исполненъ страсти,
 Томимый сладкою тоской...
 А онъ, заснувъ въ тѣни прохладной,
 Веселыхъ сновъ онъ не видалъ,
 И не ловилъ душою жадно
 Завѣтный счастья идеалъ.
 Но вотъ, волшебница взглянула
 Съ улыбкой на него; потомъ
 Она таинственно махнула
 Всепокоряющимъ жезломъ;
 Склонилась нѣжно и зашѣла, —
 И въ душу пѣснь ему ялась,
 И трепетала, и звенѣла,
 И чудной музыкой неслась...
 И пѣла фея: «Наслажденью
 «Въ своей душѣ ты мѣсто дай,
 «Воспрянь къ любви и обновленью,
 «Законы жизни уважай.
 «Не убивай себя напрасно,
 «Не будь къ природѣ глухъ и нѣмъ, —
 «Не даромъ предъ тобой прекрасный
 «Весны раскинулся эдемъ;
 «Не даромъ лугъ благоухаетъ,
 «Не даромъ соловей поетъ,
 «Не даромъ фея пролетаетъ
 «И жажду счастья даетъ.
 «Когда-бы все, какъ ты, молчало
 «На мой торжественный призывъ, —
 «Что-бъ въ этомъ мірѣ разцвѣтало?
 «Гдѣ-бъ свѣтлой жизни былъ приливъ?
 «Сильнѣй благоухайте, розы!
 «Ты, соловей, нѣжнѣе пой!
 «Зови подавленные грезы,
 «Буди надеждъ уснувшихъ рой!
 «Пусть не минетъ его страданье,
 «Не обойдетъ блаженства мигъ,
 «Пусть страсти, нѣги и желанья
 «Забьютъ въ душѣ живой родникъ!»
 Замолкла, тихо полетѣла,
 Сіяя ризою голубой..

Благоухая, ландышь бѣлый
Разцвѣлъ подъ легкою стопой..
И онъ проснулся, жаждой новой,
Желаньемъ новымъ пораженъ,
Спадали старыя оковы, —
И на яву мѣтался сонъ:
Ему казалось, будто кто-то
Съ нимъ тихо объ-руку идетъ,
Съ любовью нѣжной и заботой,
Его по имени зоветъ.
И женскій вздохъ, и женскій лепетъ,
И сердца женскаго любовь,
Его ввели въ невольный трепетъ,
И жарко взволновали кровь..
Съ-тѣхъ-поръ онъ вѣрилъ искушенью,
Съ-тѣхъ-поръ онъ много испыталъ.
И словомъ гордаго презрѣнья
Безумной страсти не каралъ..

Юлія Жадовская.

1858 г.

УРЯДНИКЪ.

Осень. Погода скверная. На улицахъ Желтоводска грязь непроходимая. Къ большому несчастію, если хотѣте и къ счастію, ибо въ мірѣ все относительно, Господь надѣлилъ этотъ пресловутый градъ превосходною черноземною почвою; въ-слѣдствіе чего малѣйшій дождикъ растворяетъ землю до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣшеходъ терлетъ всякую надежду сдѣлать по улицѣ нѣскольکو шаговъ, а если прѣшается на этотъ подвигъ, то не иначе, какъ послѣ многихъ предварительныхъ мѣръ предосторожности, относительно сапоговъ и штановъ. Одна только дорога, на которой года два тому-назадъ была страшная топь, исправлена безусловно хорошо: эта дорога идетъ отъ дома губернатора къ его дачѣ.

Полицеймейстеръ Желтоводска Александръ Петровичъ Чижиковъ, при малѣйшемъ намекѣ о генеральскомъ шоссе (какъ называли въ городѣ эту дорогу) приходитъ въ страшный азартъ, бьетъ себя въ грудь и говоритъ, обращаясь къ окружающимъ его господамъ-чиновникамъ: мнѣ это проклятое шоссе вотъ гдѣ сидитъ;—при этомъ случаѣ онъ указываетъ на свою толстую шею, — 500 цѣлковыхъ кровныхъ вложилъ я въ него окаянное. Губернаторъ ругается, что къ дачѣ нельзя ни пройти ни проѣхать. Да не забудьте всѣ эти ругательства отпускаетъ прямо мнѣ въ рожу. Не выдержалъ я наконецъ, плюнулъ и построилъ шоссе на свой счетъ. Гдѣ я сталъ-бы просить денегъ, когда городскихъ-то доходовъ не хватаетъ на десятокъ ночныхъ фонарей. Думаю самъ-себѣ: за доброе дѣло Господь наградитъ. По крайности и крестьянамъ стало легче ѣздить, да и обыва-

тели-то такъ-сказать оживились. Вѣдь мимо губернаторской дачи идетъ почтовый трактъ.

Мошенникъ ты, мошенникъ Александръ Петровичъ, — думаютъ про-себя господа-чиновники, выслушивая въ сотый разъ рассказъ полицеймейстера объ его рыцарскомъ подвигѣ. Не тебѣ-бы говорить, не намъ-бы слушать. — И дѣйствительно, чудный человекъ желтоводскій полицеймейстеръ: вѣдь знаетъ, что на разстояніи 200 верстъ въ уѣздѣ не только ни одинъ собратъ-чиновникъ, ни одинъ крестьянинъ не повѣрять его высокому безкорыстію, а все-таки рассказываетъ про свою душевную доблесть. И посмотрѣли-бы вы съ какимъ удовольствіемъ рассказываетъ! Просто ораторъ, какъ-есть ораторъ!

Мы, впрочемъ, отклонились отъ нити нашего повѣствованія, коснувшись личности полицеймейстера. Но извиняемся тѣмъ, что рѣшительно нѣтъ возможности говорить о Желтоводскѣ и не вспомнить объ Александрѣ Петровичѣ. Желтоводскъ и его полицеймейстеръ сложились нераздѣльнымъ понятіемъ въ нашей головѣ.

Итакъ, къ дѣлу; 3 часа по-полудни. Приказный людъ города Желтоводска обѣдаетъ. Можно побиться объ закладъ, что въ извѣстную минуту четвертаго часа всѣ чиновники ѣдятъ супъ, жаркое и такъ далѣе. Ровно въ четыре часа всевозможные предсѣдатели, члены, секретари предаются послѣ-обѣденному сну. Да иначе не можетъ быть въ этомъ богоспасаемомъ градѣ, числящемся военнымъ градомъ, въ которомъ все, что ни дѣлается, дѣлается по барабану. А извѣстно, что точность и порядокъ душа военной службы. Къ числу-же военныхъ городовъ Желтоводскъ отнесенъ вѣроятно потому, что лѣтъ полтора ста назадъ на мѣстѣ его была построена крѣпость для защиты отъ набѣговъ Башкирцевъ и Киргизовъ. Другой причины мы рѣшительно не можемъ представить нашимъ читателямъ. Генералъ также обѣдаетъ въ три часа. Въ описываемое нами время за столомъ его превосходительства сидятъ три чиновника: аудиторъ военнаго суда, инспекторъ училища и адъютантъ.

Андрей Петровичъ Сверчковъ, командиръ Желтоводска и его военной команды, не можетъ обѣдать безъ собесѣдни-

ковъ. Онъ вдовецъ, дѣтей не имѣеть, и потому приглашаетъ къ своему столу чиновниковъ, которые, въ нѣкоторомъ смыслѣ, замѣняютъ ему семейство.

Странная у меня натура, — скажетъ иногда генераль басомъ; — не могу ѣсть одинъ, просто кусокъ не лезетъ въ горло, а вѣдь поѣсть люблю; какъ-то аппетитнѣе дѣлается, коли смотришь на другихъ, хотя не разъ давился отъ разговора во время ѣды.

Генераль съ виду молодецъ. Онъ любитъ рѣзать правду, и на словахъ герой честности; но на самомъ дѣлѣ пляшетъ по дудкѣ своего правителя дѣлъ. Забивъ себѣ въ голову убѣжденіе, которое, кстати замѣтимъ, присуще всѣмъ военнымъ, что военный потому только, что онъ не гражданскій чиновникъ, есть человекъ честный, — Андрей Петровичъ Сверчковъ въ глаза называлъ своихъ подчиненныхъ мошенниками, достойными быть повѣшенными. Всякій, кто только вступалъ въ болѣе короткія сношенія съ его превосходительствомъ сей-часъ убѣждался, что старикъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которое у насъ извѣстно подъ именемъ задняго ума.

Въ сущности онъ не имѣлъ ни малѣйшей вѣры ни во что хорошее и честное и допускалъ своихъ чиновниковъ пакостить, сколько душѣ угодно, но казнилъ того-же чиновника безъ милосердія, если узнавалъ, что какая ни-на-есть пакость его подчиненнаго могла принять характеръ публичности. Между-прочимъ, не было во всей губерніи человека, которому онъ сказалъ-бы, что у него въ службѣ есть негодные подчиненные. Я умѣю выбирать людей, — твердилъ онъ всѣмъ и каждому — и никогда не ошибусь въ томъ, которому хоть разъ довѣрился. Но въ глубинѣ души его превосходительство сознавалъ, что большая часть окружающихъ его отъявленные негодяи.

Изъ числа вышеупомянутыхъ нами собесѣдниковъ за генеральскимъ обѣдомъ, аудиторъ суда и инспекторъ училища, — товарищи по Университету. Адъютантъ принадлежитъ къ числу господъ, водящихъ за носъ его превосходительство. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ онъ слыветъ въ городѣ за остряка и ловеласса. Онъ, какъ во времена оны, — шуты,

проживавшіе въ царскихъ домахъ, подъ видомъ шутки, передавалъ генералу разныя извѣстія про чиновниковъ, словомъ—замѣнялъ роль доносчика. А генералъ очень любитъ, когда ему шепчутъ на ушко.

Андрей Петровичъ сидитъ за обѣдомъ нахмурившись и ничего не ѣстъ. Докторъ Христіанъ Ивановичъ прописалъ ему строгую діету послѣ званнаго обѣда у купца Петрова, на которомъ его превосходительство жестоко обѣлся.

За столомъ царствуетъ совершенная тишина, только стукъ ложекъ и ножей нарушаетъ ея. Генералъ смотритъ на обѣдающихъ гостей своихъ жадными глазами. Видно, что въ немъ совершается какой-то внутренній процессъ.

— Что, любезный Кириловъ,—спросилъ наконецъ Генералъ, облизываясь и обращаясь къ аудитору:—хороша эта рыба? Соусъ-то долженъ быть отличный?

— Безусловно хорошъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Глаза генерала загорѣлись какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.

Гм?—произнесъ онъ въ полголоса:—хорошъ, да долженъ быть хорошъ.

Настало минутное молчаніе.

Вдругъ генералъ вскричалъ необыкновенно громко, такъ, что сидѣвшіе за столомъ гости невольно взглянули на своего начальника и хозяйна.

— Михайла!

— Что прикажете, ваше превосходительство!

— Давай мнѣ рыбы,—сказалъ Андрей Петровичъ какимъ-то остервененнымъ голосомъ, недопускающимъ ни малѣйшаго возраженія.

Лакей принесъ тарелку требуемаго бариномъ кушанья, и генералъ принялся уписывать его на обѣ щеки, приговаривая:

— Что за дурацкая манера у этого нѣмца морить меня голодомъ, чтобы чертъ его побралъ. Какъ-только онъ пропишетъ мнѣ діету, то я всякій разъ не могу не вспомнить почтеннаго покойника Ивана Андреевича Крылова, котораго я лично знавалъ въ Петербургѣ. Посмотрѣли-бы

вы—какъ онъ ѣлъ, а дожилъ почти до 90 лѣтъ. (Генераль любилъ немного увеличить, если только ему нужно было подтвердить въ свою пользу тотъ или другой фактъ). Вотъ настоящій русскій писатель: умѣлъ пожить, умѣлъ и умное слово сказать. Не-то, что какой-нибудь щелкоперъ Гоголь. Развратникъ, чуть платковъ не таскалъ изъ кармановъ. Да, любезнѣйшій Петръ Константиновичъ,—прибавилъ генераль, обращаясь къ инспектору училищъ:—въ послѣдній разъ на экзаменѣ я былъ очень не доволецъ тобой. Представьте себѣ, что онъ сдѣлалъ. Экзаменуютъ изъ грамматики; я взялъ книгу, чтобы продиктовать ученику нѣсколько словъ для разбора. Начинаю диктовать — дѣло идетъ объ этомъ скверномъ Чичиковѣ. Неужели это проклятый Гоголь! Посмотрѣлъ на подпись — Гоголь. Какъ можно такія безривственныя вещи передавать невнимнымъ мальчикамъ. Ну—понимаю, если они будутъ читать Василя Андреевича Жуковского, Державина, а не этого ругателя. Если не хочешь поссориться со мной Петръ Константиновичъ,—прибавилъ генераль,—не давай имъ Гоголя, да и самъ-то забудь его. Право, лучше будетъ.

— Я считаю долгомъ объяснить вашему превосходительству, — отвѣчалъ молодой человекъ, едва скрывая улыбку, — что отрывокъ изъ сочиненій Гоголя, который попался вамъ, напечатанъ въ хрестоматіи Галахова, а она принята въ нашемъ училищѣ, какъ руководство.

— Какой вздоръ! Да какъ не совѣстно Галахову помѣщать въ хрестоматіи такіе отрывки. Кто это смотритъ въ Петербургѣ за всѣми этими сочинителями. Во-всякомъ-случаѣ не употреблять болѣе этой книги.

Инспекторъ не отвѣчалъ ни слова.

— Я вчера еще на-ночь прочиталъ Жуковского 12 спящихъ дѣвъ, — продолжалъ генераль, наливая себѣ вина, — что за прелесть такая. Такъ все умно, деликатно.

— Кстати, объ этихъ двѣнадцати спящихъ дѣвахъ, ваше превосходительство,—возразилъ сладенькимъ голосомъ адъютантъ—въ свое время была написана на нихъ пародія: двѣнадцать спящихъ будочниковъ.

— Да, да, — вскричалъ генераль. Спасибо — что напомнилъ, а то совершенно забылъ. Вѣстовой! Вѣстовой!

На этотъ зовъ явился солдатъ.

— Поѣзжай,—сказалъ генералъ, обращаясь къ нему,—къ полковнику Иванову и скажи, что я проѣздомъ мимо хлѣбныхъ магазиновъ видѣлъ, какъ на часахъ спалъ рядовой его команды. Пускай полковникъ распорядится съ нимъ надлежащимъ образомъ. Удивительно, какъ Ивановъ распустилъ свою паршивую команду,—продолжалъ генералъ, обращаясь къ гостямъ. — Въ ранцахъ рядовые посятъ капусту, ящца; часовые мало того, что спать на своихъ постахъ, — занимаются работой. На часахъ шельма точаетъ сапоги, или чинить штаны. Непремѣнно завтра напомни мнѣ, Михайла Васильевичъ, — прибавилъ Андрей Петровичъ, обращаясь къ адъютанту, — напомни мнѣ объ этомъ рядовомъ; а Иванова распеку такъ, что онъ будетъ помнить эту исторію до новыхъ вѣтниківъ. Кстати, г. аудиторъ, прошу принять къ строгому исполненію мой вчерашній приказъ о томъ, чтобы писаря не смѣли ходить въ штатскомъ платьѣ. И напередъ говорю: не сердись, если попадется твой писарь одѣтый не по формѣ — его въ мастеровые, а тебя на мѣсяцъ на гауптвахту. Дружба дружбой, а служба службой. Сверхъ-всего этого, я полицмейстеру строго наказалъ слѣдить за урядниками. Чертъ знаетъ—что такое: военный писарь идетъ въ пальто и круглой шляпѣ. Да мнѣ и во снѣ не спилась возможность подобнаго случая. До какихъ временъ мы дожили. Дай-ка имъ волю — они послѣ тебѣ такъ сядутъ на шею, что и не поправишься съ ними.

Черезъ полчаса обѣдъ кончился. Адъютантъ остался у генерала для сообщенія его превосходительству городскихъ новостей, каковой бесѣдой его превосходительство постоянно улаждался послѣ обѣда, а молодые люди отправились домой.

— Ну, братъ,—сказалъ Василій Ивановичъ, подавая руку своему товарищу,—наслушались мы съ тобой сегодня интересныхъ вещей. Думали-ли мы когда-нибудь, что рано или поздно тебѣ придется преслѣдовать Гоголя, а мнѣ — штатское платье.

Петръ Константиновичъ грустно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Приходи сегодня вечеромъ ко мнѣ. Я только-что получилъ послѣдніе нумера журналовъ.

Молодой аудиторъ пожалъ руку своему. пріятелю-товарищу, далъ слово въ 7 часовъ быть у него и направилъ шаги къ своей квартирѣ.

Въ отдаленной части города, граничащей съ лѣсомъ, стоитъ, почти на самомъ обрывѣ лѣсей горы, небольшая изба, принадлежащая мастерской женѣ вдовѣ Авдотѣ Карповой. Наружность этой избы уже говоритъ о крайней бѣдности ея обитателей. И дѣйствительно, Авдотья Карпова несетъ тяжкую ношу вѣчнаго труда и вѣчной борьбы съ нуждой. Шестъ рублей въ годъ казеннаго пенсіона, назначенные ей по смерти мужа — вотъ весь опредѣленный ея доходъ. И безъ-сомнѣнія, если-бы не единственный сынъ ея, урядникъ Павелъ, служившій писцомъ въ военномъ судѣ и получавшій 4 рубля въ мѣсяць жалованья, то старушкѣ пришлось-бы кончать свой тяжкіе дни Христовымъ именемъ. Молодой человекъ былъ послѣднею ея радостію, которая привязывала её къ жизни. Она не только любила своего сына, но уважала его, гордилась имъ, какъ красавцемъ и какъ умникомъ. Старушка сама видѣла, что Павлушинька—красавецъ, и отъ людей слышала, что начальство даетъ иногда ему такія дѣла, какія въ пору сдѣлать иному чиновнику. Значитъ, начальству угодилъ, когда по два года приносилъ домой царской награды по 15 цѣлковыхъ. Да и какъ у меня не быть ему умникомъ,—говорила иногда сосѣдкамъ Авдотья Карпова — въ уѣздномъ всё науки пропознать. Посмотрѣли-бы какую бумагу выдали ему изъ уѣзднаго, какъ кончилъ науки. Съ орломъ бумага-то, мать моя. — За то этотъ аттестатъ и висѣлъ въ пзбѣ Авдотьи Карповой на самомъ почетномъ мѣстѣ.—Двѣ гривны серебра заплатилъ Павлушинька за одну рамочку,—прибавляла Авдотья, показывая аттестатъ своимъ знакомымъ.

Послушаемъ, читатель, о чемъ толкуетъ наша старушка съ своимъ сыномъ, который стоитъ предъ нею одѣтый въ новое, но очень не дорогое пальто, сшитое за 5 рублей отставнымъ создатомъ, жидомъ Мовшей. На жилеткѣ молодаго человека виситъ довольно большая бронзовая цѣпочка, но

увы! въ карманѣ нѣтъ часовъ. Цѣпочка надѣта собственно для одного вида. Нашъ урядникъ дѣйствительно хорошъ собой: большіе черные, какъ говорятъ, глубокіе глаза, смотрятъ такъ-покойно, такъ-свѣтло, что весело встрѣчать ихъ. Правильное и открытое лице, каштановые волосы, кокетливо зачесанные назадъ, могли смѣло пригнуться не только простой дочери мастерового, но и такъ называемой благородной барышнѣ. Молодой человѣкъ съ свѣтлымъ лицомъ стоитъ предъ матерью, наклонивъ голову.

— Благослови тебя Господь, Павлушинька, — говоритъ старушка, вставая и благословляя сына, бывшимъ въ ея рукахъ образомъ. — Высватай себѣ хозяйку, дай мнѣ нарадоваться на тебя, мое дитятко. Долго ты маялся, сердечный, нѣдо мое сердце изболѣло, глѣдя на тебя. Вѣдаешь-ли ты, какъ бывало у меня на душѣ-то тяжело, когда подумаю, что не доживу, не увижу тебя во святомъ бракѣ. Смотри, прежде всего, какъ придеши въ домъ, поклонись старпку въ ноги. Поклонишься, не вставай, а говори: батюшка, Ѡадей Петровичъ! Смилуйся, выслушай: пришелъ я къ тебѣ за дѣломъ великимъ. Опъ тебя спроситъ: за какимъ? А ты и говори: пришелъ, де-скасть, просить у тебя законнаго брака съ Настасей Ѡаддеевной.

— Слушаю, матушка, слушаю, родимая, — отвѣчалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ молодой человѣкъ.

— Унираться Петровичъ, Богъ дастъ, не станетъ. Слова нѣтъ, опъ изъ чиновныхъ, да вѣдь тоже не дворянской кости, а нашей мастерской; да и ты, мой касатикъ, чрезъ три мѣсяца попадешь въ благородные. Далъ-бы Богъ только казачество отвѣтитъ порядкомъ. Къ тому-же и тебѣ пошелъ 30-й годокъ, значитъ изъ ребятъ-то вышелъ.

Въ это время безмолвный слушатель наставленій матери поклонился ей въ землю два раза и поспѣшилъ взять фуражку.

— Ну, ступай-ступай, касатикъ, — сказала старушка, благословляя еще разъ сына. — Да, Павлушинька, — прибавила она, какъ-бы о чемъ-то спохватившись — какъ-же ты пойдешь не въ казенной амманиціи. Вѣдь ты самъ-мнѣ сказывалъ о

приказъ-то. Не равно начальство повстрѣчаетъ тебя. Смотри, родимый, не пажить-бы бѣды.

— Тебѣ вѣдь извѣстно, матушка, — отвѣчалъ урядникъ, — что казенныхъ шинелей намъ до сей поры не выдали; а какимъ-же манеромъ я пойду въ штатской шинели и въ казенномъ сюртукѣ. По формѣ надѣвать надо что-нибудь одно.

— Какъ знашь, голубчикъ, у тебя больше разуму, чѣмъ у меня, глупой старухи. А чай и потому радъ пойти въ пальтѣ-то, что въ послѣдній разъ слышала, какъ Настинька баяла, что ты въ пальтѣ-то такой баской *).

Павлушинька не отвѣчалъ ни слова, только мгновенно выстунившая краска подтвердила мысль старухи, что онъ душевно радъ случаю, давшему ему возможность пощеголять въ штатскомъ платьѣ. Черезъ минуту молодой человѣкъ былъ на улицѣ. Онъ шелъ быстрыми шагами и часто оглядывался по сторонамъ, какъ-бы боясь чего-то. Всякая военная каска, всякій околышекъ съ кокардой приводилъ его въ лихорадочное состояніе. Онъ почти дошелъ до дома своей будущей невѣсты, внутренно благодаря Бога за благополучный конецъ своего путешествія, какъ прямо предъ нимъ выѣхалъ изъ переулка его аудиторъ Василій Ивановичъ Кирпильевъ, котораго мы съ вами, читатель, видѣли за обѣдомъ у генерала. Сконфуженный урядникъ схватился за фуражку, смотря прямо въ лице своему начальнику; но аудиторъ въ ту-же минуту отвернулся въ сторону, какъ-бы желая дать знать своему подчиненному, что онъ не видитъ его.

Нѣсколько минутъ простоялъ предъ воротами своей Настиньки нашъ Павелъ Ивановичъ. Ему почему-то сдѣлалось совѣстно. Онъ невольно подумалъ: — какой-же добрый Василій Ивановичъ. Дай Богъ ему здоровья. А вѣдь генералъ посадилъ-бы и его на гауптвахту, если-бы увидалъ теперь меня.

Въ это время изъ окна раздался пріятный женскій голосъ: — Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ! Что-же вы стоите; идите скорѣй.

Молодой человѣкъ въ минуту былъ на дворѣ, откуда

*) Красный.

прошелъ чрезъ крыльцо на лѣво, въ давно знакомую ему комнату. Не успѣлъ онъ сдѣлать шагу за порогъ, какъ его встрѣтила Настасья Ѡаддеевна, которая протянула ему руку. — Павелъ Ивановичъ съ чувствомъ пожалъ протянутую ему пухленькую ручку хорошенькой своей Насти, и при этомъ случаѣ раскланялся съ какимъ-то особеннымъ поворотомъ, похожимъ на военную выправку и вмѣстѣ-съ-тѣмъ на поклонъ человѣка, бывавшаго въ обществѣ.

— Чего-же вы ждали за воротами? — сказала молодая хозяйка, усаживаясь съ гостемъ на диванъ, — али высматривали Катю Петрову. Она почитай цѣлый день торчитъ у окна. И сѣрые живые глазки Насти лукаво смотрѣли на нашего урядника.

— Полноте, Настасья Ѡаддеевна. Не вамъ-бы сказывать евто, не намъ-бы слушать: аудиторъ проѣхалъ мимо, такъ страхъ меня взялъ, что я не въ мундирѣ. Намъ вѣдь не велѣно ходить въ штатскомъ платьѣ.

— Ничего онъ вамъ не сказалъ? — спросила Настинька съ живымъ любопытствомъ.

— Онъ у насъ душа, а не человѣкъ, — отвѣчалъ урядникъ.

— А по-правдѣ сказать вы, Павелъ Ивановичъ, въ пальтѣ-то пригляднѣе. — И она прямо, свѣтло смотрѣла въ глаза своему возлюбленному, не ломаясь и не дѣлая стыдливой мины.

— Ѡаддей Степановичъ теперича безъ-сумлѣнія дома, — спросилъ молодой человѣкъ, видимо польщенный замѣчаніемъ своей невѣсты. — Помогн Господи сегодня покончить намъ.

— Какъ же, дома-съ, онъ на огородѣ рѣпу считаетъ. Пудовъ 30 продалъ сегодня. Онъ, коли по-правдѣ сказать, знаетъ, что вы хотѣли сегодня придти высватать меня. Я молвила объ евтомъ теткѣ Акулинѣ, а она и проговорилась ему. Ничего, только ухмыльнулся, да сказалъ: вѣрно дѣвкѣ-то пора пришла.

— Порѣшимъ сегодня свто дѣло, — отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ, и радостная улыбка показала на лицѣ его, — а тамъ чрезъ два мѣсяца и на экзаментъ, а чрезъ три произойдемъ въ чиновники. Тогда, Настасья Ѡаддеевна, честнымъ циркомъ да и за свадебку.

— Одно я думаю, голубчикъ, Павелъ Ивановичъ, какъ вы станете отвѣты-то держать предъ начальствомъ. Хорошо-ли все заучите, вѣдь наукъ-то много у васъ.

— Да, немало, Настасья Ѡаддеевна, — отвѣчала съ особенною важностію молодой человекъ. — Чинь-то не даромъ достается. Первая наука катихизисъ, потомъ священныя исторія, третья этимологія, за ней спитаксисъ, далѣе ариметика, въ ней двѣ части, накопецъ военные законы.

— Господи! Да мнѣ-то и именя ипой науки не выговорить, — возразила Настинька съ непритворнымъ ужасомъ.

— Все-бы это не бѣда, Настасья Ѡаддеевна, да дѣло въ томъ, что генераль-то самъ спленъ въ ариметикѣ. Знаете, очень любить эту науку. Говорить я въ инженеряхъ служилъ, такъ на математикѣ-то зубы съѣлъ. На экзаментѣ все самъ задаетъ задачи. Какъ-только остановишься подумать, такъ и закричить что-есть-мочи: ничего ты не знаешь, а лѣзешь въ чиновники. Страхъ беретъ, какъ вспомню объ ефтомъ.

— А коли, Павелъ Ивановичъ, не получите чина, — отвѣчала Настасья Ѡаддеевна, — нечего вамъ и думать о женитьбѣ. Тятинька ни-за-что не отдадутъ меня. Да и самой-то мнѣ не приходится выходить за васъ. Тятинька говорятъ — коли тебѣ Настя выходить за урядника, то все равно, что иному поступить изъ поповъ, да въ дьяконы.

— Охъ! не упоминайте Настасья Ѡаддеевна объ ефтомъ. Ей-Богу волосы становятся дыбомъ. И безъ того изныла у меня душа. Будто я самъ не понимаю, что вашъ тятинька чиновникъ и вамъ совсѣмъ неподходящее дѣло выходить за урядника. Авось Господь поможетъ. Три мѣсяца не цѣлый вѣкъ.

— Вѣстимо не цѣлый вѣкъ, — отвѣчала Настинька. — Да взаправду сказать: я радешенька, что время-то есть все приготовить на свободѣ. Первое: платье нужно, ну — бѣлье для себя, для васъ. Платье подвѣнечное надо сшить получше потому, какъ слѣдуетъ благородной дѣвушкѣ, теперича я все думала — какъ уговорить тятиньку выписать изъ Казани шляпку изъ французскаго магазина. Хоть на другой день визиты: не поѣдешь въ здѣшней шляпкѣ. Просто всѣ въ глаза засмѣютъ.

— Я постараюсь, Настасья Ѡаддеевна, приложить всѣ силы къ исполненію вашего желанія—возразилъ Павелъ Ивановичъ, указывая рукой на сердце. — Тятиньку вы не беспокойте. Для васъ я готовъ и не на такіе поступки.

— Благодарствую, Павелъ Ивановичъ, за обѣщанье, — отвѣчала молодая дѣвушка, любезно взглянувъ на своего собесѣдника. — Оно особенно пріятно, что люди узнаютъ — женихъ-де купилъ шляпку. Послѣ этого вамъ надобно приготовить манишки, ну — хоть штуки три, вѣстимо изъ голландскаго полотна. Примѣромъ сказать, надѣть когда къ фракъ, а можетъ случится и къ сюртуку. Я уже одну приготовила почитай совсѣмъ.

— Не буду носить ихъ, Настасья Ѡаддеевна, — возразилъ Павелъ Ивановичъ, съ видимымъ жаромъ и разводя руками. — Коли своими ручками сошьете, то стану только глядѣть на манишечки. — И молодой человекъ бросилъ на свою собесѣдницу такой взоръ, что Настасья Ѡаддеевна съ своей стороны не могла выдержать и взглянула на него съ особеннымъ чувствомъ и въ ту-же минуту прибавила:

— Будете-ли носить манишки, или станете хранить — все одно: обо-мнѣ будете вспоминать, а подъ фракъ надо надѣвать манишку. Безъ этого нельзя показаться къ большимъ господамъ.

— Къ большимъ-то господамъ, Настинька, пожалуй, намъ можно и не ѣздить. Съ своими какъ-то сподручье.

— Что вы это говорите, Павелъ Ивановичъ, — отвѣчала Настасья Ѡаддѣевна голосомъ, въ которомъ пробивалась досада, — развѣ тятинька изъ-за васъ перестанутъ принимать къ себѣ, примѣромъ сказать, секретаря, или смотрителя. Да и мнѣ — что за радость — разнакомиться съ Авдотьею Петровной и съ Катериной Ивановной. Нѣтъ, въ этого и въ головѣ не имѣйте.

— Не имѣю, Настасья Ѡаддѣевна, не имѣю, и только къ слову молвилъ. Думалъ у меня съ вашими мыслями согласіе есть.

Въ это время Настинька взглянула въ окно и проговорила торопливо:

— Тятинька идутъ, тятинька идутъ.

Павла Ивановича какъ-то подернуло. Онъ привсталъ съ своего стула и схватился рукой за ручку двери, вопросительно смотря на свою возлюбленную.

— Идите, идите теперича, — скавала Настинька не всѣмъ покойнымъ голосомъ.

Павель Ивановичъ въ секунду отворилъ дверь и чрезъ сѣни вошелъ въ противоположную комнату.

Фаддей Петровичъ ходилъ въ стеганномъ халатѣ по небольшой своей залѣ и въ-полголоса напѣвалъ какой-то духовный кандакъ. Онъ послѣ выгодной продажи рѣпы находился въ отличномъ расположеніи духа. Покойница-жена его нѣчто была мастерица совершать разные хозяйственные обороты, но и ей никогда не случилось такъ-удачно сбыть рѣпку. И нисколько неудивительно, что Фаддей Петровичъ пришелъ въ счастливое расположеніе духа отъ такого по видимому ничтожнаго обстоятельства. Въ мѣрѣ все относительно; что ничтожно для одного, то имѣетъ великое значеніе для другаго. Фаддей Петровичъ въ отставку и получаетъ всего 120 рублей пенсія, у него, кромѣ Настиньки, четверо малолѣтнихъ дѣтей. Полуразвалившійся домишко не составляетъ большаго обезпеченія. Въ немъ только-что можно кое-какъ жить. Фаддей Петровичъ добрый человекъ, т. е. въ немъ есть сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и практической человекъ, ибо зналъ нужду и горе чуть не съ колыбели. Нѣтъ возможности рассказать всѣ тѣ мытарства, по которымъ провела его жизнь. Дѣло только въ томъ, что для него, какъ неглупаго человека, подобная жизнь прошла не безслѣдно; онъ вынесъ изъ своихъ битвъ съ событіями слѣдующія правила, которымъ никогда не измѣнялъ: «поспѣвшишь — людей насмѣшишишь, противъ рожна трудно прати.» Опираясь на свой трезвый взглядъ на жизнь, онъ ни мало не препятствовалъ Настинькѣ выходить за-мужъ за нашего урядника, признавая въ немъ человека вполнѣ хорошаго и благонадежнаго, который съ своей головой можетъ пойдти далеко по службѣ, но непремѣннымъ условіемъ на полученіе Настиньки поставилъ пріобрѣтеніе Павломъ Ивановичемъ чина. Никто не будетъ спорить, что Фаддей Петровичъ былъ совершенно правъ въ этомъ отношеніи.

ибо онъ очень хорошо понималъ, что званіе урядника не только не даетъ рѣшительно никакихъ видовъ въ будущемъ, но даже становится человѣка въ зависимость отъ всѣхъ и всего. Самъ-по-себѣ чинъ не игралъ особенной роли въ глазахъ Ѳаддея Петровича. Та-же житейская мудрость научила его, что прежде-всего имѣеть цѣну хорошая голова, а потомъ ирочія блага и льготы. Хорошая голова, говорилъ Ѳаддей Петровичъ, всему вѣнецъ, съ ней и деньги будутъ, и уваженіе будетъ, а дураку и въ алтарѣ не спускаютъ. Да, читатель, такія личности, какъ Ѳаддѣй Петровичъ, такъ-сказать здорово-практическія, часто вырабатываются русской жизнію.

При входѣ въ комнату Павла Ивановича, Ѳаддей Петровичъ какъ-то лукаво, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ дружелюбно взглянулъ на него.

Павель Ивановичъ, не говоря лишняго слова, сдѣлалъ три креста предъ образомъ и прямо бухнулся въ ноги Ѳаддея Петровича.

— Родимый! родимый! — вскричалъ послѣдній. — Что съ тобой попричилось; за что въ ноги-то кланяешься?

— Батюшка, Ѳаддѣй Петровичъ! — отвѣчалъ Павель Ивановичъ, не вставая съ мѣста, — пришелъ къ вашей милости за дѣломъ великимъ, пришелъ просить Настасьи Ѳаддеевны.

— Вотъ она штука-то, — сказалъ усмѣхаясь Ѳаддей Петровичъ, — понадобилась Настинька. Гм! Но знаешь-ли что я молю твоей милости, — прибавилъ онъ голосомъ, не допуская возраженія: — Слушай, Павлуха! Первое дѣло: вставай съ земли, второе дѣло: парень ты хорошій. Нѣтъ у тебя недостатковъ, да есть голова. Я вѣдь знаю твою службу. Чинъ получишь — получишь и мѣстоazoleгоднѣе, но не можешь и думать жениться на Настѣ, которая замена не выдержишь. По-чести говорю: какъ-только придешь ко мнѣ ири офиціи — Настинька твоя. Тѣмъ мое слово и кончается. До офиціи она тебѣ не невѣста.

— Много благодаренъ, Ѳаддей Петровичъ. Будетъ у меня чинъ. Всѣ силы употреблю. На экзаменъ готовъ хоша заѣтра. Позвольте только бывать у васъ, Ѳаддей Петровичъ, потому очень много люблю Настасью Ѳаддеевну.

— Я тебя и прежде не гонялъ изъ своего дома, не стану гонять и теперь. Думаешь: старикъ ничего не видалъ до сей поры, думаешь сегодня впервые я узналъ, что тебѣ дорога Настинька. Нѣтъ, братъ, стараго воробья на мякинѣ не проведешь. — И старикъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво подмигивая своему будущему зятю. — А я, братецъ, сегодня въ большемъ удовольствіи нахожусь. Выгодно рѣшу продалъ ивановскимъ мужикамъ. Пудовъ до 30-ти всучилъ имъ. Спасибо ребятамъ, не долго торговались, да ломались. Мы, говорятъ, не первый годъ, Ѳаддей Петровичъ, ведемъ дѣла съ вашей милостью и рѣшккой твоей завсегда оставались довольны.

Павлу Ивановичу было не до рѣпы. Онъ только и думалъ о томъ какъ-бы уйти поскорѣе и увидать Настю.

— Приходи сегодня обѣдать, — сказалъ Ѳаддѣй Петровичъ, направляя шаги въ другую комнату и раскланиваясь съ своимъ гостемъ, — а я пойду потолкую съ Настей. Скажу, что ей женихъ выискался. Чай, голубушка, не знаетъ, что ты приходилъ сватать, — прибавилъ старикъ, хитро подмигивая Павлу Ивановичу.

Послѣдній немедленно бросился вонъ изъ комнаты; на бѣгу сообщилъ Настѣ результатъ бесѣды съ ея отцемъ и въ то-же мгновеніе вышелъ изъ дому съ радостной вѣстью къ матерн.

Гоголемъ шелъ молодой человекъ къ своей убогой избушкѣ. На душѣ у него было такъ празднично, такъ свѣтло, что онъ готовъ былъ или запѣть, или начать плясать. Двухголичныя думы и мечты его скоро, скоро приведутся въ исполненіе. Два года — какъ онъ знаетъ Настю. Душа его изболѣла въ ожиданіи наступленія срока явиться на экзамень для полученія мѣста, который для него вдвое дороже, ибо служить переходнымъ мостомъ къ обладанію Настей. Всего два мѣсяца, думаетъ онъ, только два мѣсяца. Пройдутъ-же они когда-нибудь. А тамъ чрезъ недѣлю и свадьба. Въ день вѣнчанія возьму для Настн колѣе на шею. Купецъ Васильевъ вѣрно дастъ на одинъ вечеръ. У него-же попрошу и карету на свадьбу и на другой день на визиты. Мундиръ себѣ закажу Мовшовичу. Велю сшить мундиръ на-славу.

Шага у меня есть на примѣтѣ золоченая. Не дорого и проситъ Васильевъ—5 цѣлковыхъ. Каска тоже будетъ съ иголочки. Денегъ-то много надо, ну—да на обзаведеніе выдадутъ 20 цѣлковыхъ казенныхъ; своихъ наберется цѣлкачей 40. Къ этому призаиму рублей 20 въ счетъ жалованья. Въ послѣдній разъ Настинька говорила, чтобы непременно была ей шляпка изъ французскаго магазина и не какая другая, а аля-полька.

А славно, чертъ возьми, какъ подумасшь: жениться на Настюшинькѣ. Хорошенькая она у меня, а коли въ этой шляпкѣ, то просто заглядѣнье. Волоса-то у нея густыя; изъ подъ шляпки такъ и будутъ видѣться. —

Въ это время Павелъ Ивановичъ подошелъ къ солянымъ амбарамъ, около которыхъ стоялъ часовой. Увидавъ часового, нашъ урядникъ невольно подумалъ: посмотримъ, братъ, какъ ты на меня взглянешь черезъ два мѣсяца, когда я пойду подъ-ручку съ Настасьей Фаддеевной и на головѣ будетъ фуражка съ кокардой, посмотримъ. Откинешь на караулъ, а Настинька полюбуется. Мечты нашего героя была прерваны стукомъ дрожекъ и крикомъ: «Засыпкинъ! Засыпкинъ!» — Павелъ Ивановичъ оглянулся. Шагахъ въ 20-ти отъ него сидѣлъ на дрожахъ полицеймейстеръ, подзывавшій его рукой къ себѣ. У бѣдняка подкосились ноги, и на всемъ тѣлѣ выступилъ холодный потъ. Въ одно мгновеніе онъ понялъ, что пощады не будетъ, ибо не на такого человѣка началъ, понялъ, что умереть въ иныя минуты невыразимо легко. Настоящая минута его жизни была именно изъ такихъ.

Медленными шагами, съ пошкшею головой и фуражкой въ рукахъ, блѣдный, какъ смерть, подошелъ Павелъ Ивановичъ къ полицеймейстеру.

— Въ штатскомъ платьѣ, каналья! въ штатскомъ платьѣ. мошенникъ! Не слушаться приказа. Садись со мной на дрожки.

— Ваше Высокоблагородіе! Ваше Высокоблагородіе! — шепталъ урядникъ: — не выдали аммуниціи.

— Не выдали аммуниціи,—заревѣлъ полицеймейстеръ,— а вотъ генераль разбереть, какъ тебѣ не выдали аммуниціи.

Молодой человѣкъ не могъ болѣе произнести ни одного слова. Онъ не помнилъ, какъ сѣлъ на дрожки, какъ вошелъ

въ кабинетъ къ генералу, и очнулся немного въ ту минуту, когда раздался страшный голосъ: «на гауптвахту—и въ мастеровые.» Послѣ-этого опять все смѣшалось въ глазахъ его: Настя, полицеймейстеръ, генераль, шинель, свадьба, — шляпка аля-полька, кольѣ, — все это приняло какой-то фантастическій страшный образъ, въ которомъ не было силъ отдѣлать одинъ предметъ отъ другаго. Словомъ—если только можетъ быть горячка въ одной головѣ, то она была въ головѣ бѣднаго Павла Ивановича.

Черезъ 10 минутъ полицеймейстеръ очень хладнокровно сдалъ свою жертву подъ росписку бывшаго въ караулѣ дежурнаго офицера, а самъ отправился на именной пирогъ предсѣдателя палаты, гдѣ опять рассказывалъ высокій свой подвигъ о знакомомъ уже намъ генеральскомъ шоссѣ.

Аудиторъ Василій Ивановичъ Кирилловъ, съ которымъ мы, читатель, встрѣтились въ первый разъ на генеральномъ обѣдѣ, только-что воротился съ своихъ вечернихъ служебныхъ занятій и собирается приняться за книги за нѣсколько часовъ полученные изъ Петербурга. Но въ эту минуту явился единственный слуга его, онъ-же и поваръ, съ извѣстіемъ, что какая-то мастерская вдова желаетъ видѣть барина.

— Впусти ее, — сказалъ Василій Ивановичъ, оставляя книги и направляясь въ переднюю. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ дверь изъ сѣней открылась и какая-то женщина упала предъ нимъ на колѣни, съ криками:— Ваше Высокоблагородіе! помоги, защити, твой писарь Засыпкинъ, мой сынъ, подъ карауломъ, помоги, отецъ родной!

— Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло — расскажи; — возразилъ Василій Ивановичъ, поднимая старуху. — Сдѣлай милость, говори толкомъ.

— Павлушиньку моего изымалъ полицеймейстеръ не въ казенной аммуниціи. Генераль велѣлъ посадить Павлушиньку подъ караулъ. Но, кормилецъ, ему вѣдь не выдавали казенной шинели. Два раза онъ былъ у расходчика; все не выдаетъ шинели — говоритъ, подожди; начальство и безъ тебя знаетъ. Ну, а Павлушинька не посмѣлъ идти въ приказномъ мундирѣ, если шинель не приказная.

— Дѣло значитъ въ томъ, что твой сынъ казенной шинели

не получагь, не смотря на просьбы выдать ее ему, — спросилъ аудиторъ, видимо взбѣшенный.

— Не получагь, родимый, да вѣдь онъ не такъ, какъ другіе: грѣха на душу не бралъ: съ начальствомъ не сдѣлывался. Онъ у меня тихонькій и боязливый. Никакихъ худыхъ дѣловъ не знаетъ.

— А какъ-же другіе сдѣлываются съ начальствомъ, — спросилъ аудиторъ съ сильнымъ любопытствомъ.

Да прежде, Ваше Высокоблагородіе, — начала старуха, — не было такой строгости урядникамъ не ходить въ своей одежѣ; ну, расходчикъ и секретарь вмѣсто аммуниціи и выдавали ребятамъ деньгами, примѣрно на аммуницію слѣдуетъ 6-ть рублей, три-то расходчикъ выдаетъ уряднику, а три оставить въ свою пользу; этому росписочку возьметъ съ парня, что ему вся аммуниція выдана. Теперича, вѣстимо, начальству-то нельзя будетъ такія дѣла дѣлать — анаралъ больно строго запретилъ ходить парнямъ не въ казенной одежѣ. Долго-ли сбить ребятъ, Ваше Высокоблагородіе: народъ молодой;— 3 цѣлковыхъ деньги, вотъ они почитай всѣ теперь и завыли волкомъ, какъ вышелъ приказъ ходить въ казенной аммуниціи; а Павлушинька мой этому грѣху не причастенъ — совсѣмъ не выдавали ему шинельки-то, не выдавали, отецъ, — и старуха залилась горькими слезами.

— Ну, матушка, ступай съ Богомъ домой, — сказалъ молодой человекъ, — а я завтра поѣду къ генералу и выручу изъ бѣды твоего Павлушиньку; молись Богу, старуха — авось все поправится.

Бѣдная женщина еще разъ упала на колѣни, приговаривая: — отецъ родной! заставь вѣчно молить за тебя Создателя. Пошли тебѣ, Владыко, здоровья и всякаго благополучія. Выручи, отецъ родной! Вѣдь онъ у меня чрезъ три мѣсяца въ чинъ произведется, а теперича, голубчикъ, женихъ. Отъ невѣсты и шель; на дорогѣ лѣшій и натолкнулъ на него полицеймейстера.

Боже мой, Боже мой!—проговорилъ въ слѣдъ ей Василій Ивановичъ, сильно взволнованный и почти больной отъ досады:—долго-ли я буду мыкать горе съ этими мошенниками, казнокрадами! Ни одного случая не пропустятъ, если только

есть какая-нибудь возможность напакостить. Вѣдь это будетъ ужасно, если мнѣ не удастся выручить бѣднаго Засыпина.

На другой день, въ 8 часовъ утра, Василій Ивановичъ былъ уже у генерала. Онъ поспѣшилъ нарочно, чтобы предупредить прїѣздъ полиціймейстера съ рапортомъ и другихъ официальныхъ лицъ.

— Я на тебя сердить, любезный Кюриловъ,— сказалъ своимъ громкимъ голосомъ генералъ, встрѣчая въ залѣ аудитора и начиная фрунтовымъ шагомъ расхаживать по комнатѣ. — Тебя слѣдуетъ посадить на гауптвахту. И непременно посажу. Твой негодяй-писарь попался полицеймейстеру не въ формѣ. Худо смотришь за этими мерзавцами. Я люблю распоряжаться по военному: безъ излишнихъ разсужденій. Есть приказъ и исполняй его.

— По поводу этого-то писаря я и явился къ вашему превосходительству.

— Не намѣрены-ли вы защищать его; — спросилъ генералъ, возвысивъ голосъ на нѣсколько нотъ.

— Да, я явился защищать его именно потому, что ему не было выдано казенной шинели, не смотря на многократныя просьбы его, а ходить въ форменномъ сюртукѣ и партикулярной шинели онъ считалъ себя не въ правѣ и боялся подвергнуться за это еще большей отвѣтственности.

— Какъ не выдавали шинели, — загремѣлъ генералъ. — Такъ они у меня мошенничаютъ, плутуютъ, крадутъ. Подъ судъ, подъ судъ всѣхъ!

Василій Ивановичъ поспѣшилъ еще подлить масла на огонь, и сказалъ:—вчера я собралъ отъ нѣкоторыхъ урядниковъ положительныя свѣдѣнія о спекуляціи, какую дѣлаютъ расходчикъ и секретарь съ урядниками, и эти свѣдѣнія сейчасъ передамъ вашему превосходительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ объяснить, что мои слова не носятъ характера официальной жалобы, ибо юридически расходчикъ и секретарь останутся всегда правыми, но ваше превосходительство можете положиться на меня, что я передамъ вамъ совершенную истину.—И молодой человѣкъ передалъ генералу дѣйствія чиновниковъ относительно казеннаго платья

и сдѣлки этихъ чиновниковъ съ урядниками. — Василій Ивановичъ наканунѣ еще, послѣ свиданія съ старухой Засыпкиной, убѣдился, побесѣдовавъ съ нѣкоторыми урядниками, совершенно въ истинѣ ея показанія.

— Послѣ всего этого, ваше превосходительство, — прибавилъ онъ, кончивъ свой рассказъ, — судите — имѣю-ли я основаніе защитить писаря, который рискуетъ быть мастеровымъ и который чрезъ три мѣсяца долженъ быть произведенъ въ офицеры, въ званіе, прибрѣтенное имъ 15-лѣтнею безпорочною службою. Вашему превосходительству очень хорошо извѣстно, что разжалованіе въ мастеровые совершенно уничтожаетъ значеніе всѣхъ 15 лѣтъ службы, слѣдовательно — если онъ и дослужится когда-нибудь до урядника, то долженъ будетъ опять снова тянуть лямку 15 лѣтъ до полученія чина.

— Казакъ, казакъ! — вторично загремѣлъ генераль.

Казакъ явился.

— Сей-часъ позвать ко мнѣ расходчика. Благодарю тебя, любезный Кириловъ, — продолжалъ генераль, обращаясь къ Василію Ивановичу, — благодарю, что объяснилъ всѣ эти мошенничества. Я тебѣ не забуду этой услуги. А расходчика зарюю живаго въ землю.

Съ этими словами его превосходительство, сдѣлавъ ловкій военный поворотъ всѣмъ тѣломъ, точно на ученьи, и, пославъ аудитору благосклонный жестъ рукой, — отправился въ свой кабинетъ, куда чрезъ полчаса явился небольшой, худенькій, и, на видъ, какъ-нельзя-болѣе плутоватый расходчикъ.

— Братъ съ урядниковъ по тридцати цѣлковыхъ за аммуницію, на сотни-тысячъ продавать казеннаго сукна — вотъ слова, которыми генераль встрѣтилъ своего подчиненнаго, (генераль въ азартѣ не задумывался надъ цифрами; онъ выросъ у него до невѣроятныхъ размѣровъ). — Ваше Превосходительство! Невиненъ, ей-Богу не знаю, о чемъ изволите говорить; — шепталъ расходчикъ, по видимому сильно струсившій, но въ сущности довольно спокойный — ибо хорошо зналъ привычку его превосходительства говорить иногда гиперболически. — А торги съ урядниками при выдачѣ имъ

обмундировки, а не выдача аммуниціи Засыпкину — развѣ все это не правда, — продолжалъ генералъ.

— Никакихъ торговъ, ваше превосходительство, съ урядниками у меня не бываетъ, — отвѣчалъ плутоватый расходчикъ болѣе смѣлымъ голосомъ, — въ доказательство чего я представлю вашему превосходительству росписку Засыпкина въ полученіи имъ въ нынѣшнемъ году всей аммуниціи.

Росписку! — возразилъ генералъ съ какимъ-то недоумѣніемъ и видимо растерявшись, — неси росписку, а не то, — прибавилъ онъ, погрозивъ пальцемъ, — живаго въ землю зарю.

Расходчикъ, прямо отъ генерала, отправился къ правителю дѣлъ, которому тайнственно шепнулъ что-то на-ухо и, получивъ отъ него одобрителный кивокъ головой, отправился на гауптвахту, гдѣ пробрался прямо къ нашему бѣдному Павлу Ивановичу.

Павелъ Ивановичъ лежалъ на лавкѣ. Онъ страшно похудѣлъ, позеленѣлъ, такъ-что не было возможности узнать его съ перваго взгляда. При входѣ расходчика онъ немедленно вскочилъ на ноги.

— Послушай, Засыпкинь, — сказалъ послѣдній вкрадчивымъ голосомъ и съ какою-то особенною ласкою, такъ-мало свойственною его природѣ. — Прежде всего слушай въ оба: толковать долго некогда. Не забудь это. Хочешь благополучно кончить свою исторію. Да или нѣтъ?

Молодой человѣкъ — видимо растерялся; что-то похожее на радость блеснуло въ глазахъ его. Наконецъ онъ отвѣтилъ едва слышно: — какъ не хотѣть, Андрей Ивановичъ!

— Ну, коли хочешь, — продолжалъ маленькій расходчикъ, — то давай росписку, что получилъ всю аммуницію сполна, тогда я и правитель дѣлъ примемся хлопотать за тебя и все порѣшится благополучно, а если нѣтъ, то надѣвай стѣрый армякъ.

— Какъ-же я, Андрей Ивановичъ, дамъ росписку, — едва-слышно проговорилъ урядникъ, — коли не получалъ ининели.

— Слушай, Павлушка, — закричалъ Андрей Ивановичъ: — не финйти, дьявогъ ты едакой! Время идетъ. Тебѣ дѣло говорить.

— Извольте, извольте, ваше благородіе, — проговорилъ почти безсознательно испугавшійся урядникъ.

Черезъ пять минутъ совершенно «форменная росписка Засыпкина, написанная заднимъ числомъ, была въ рукахъ расходчика.

— Андрей Ивановичъ! будьте отцомъ, похлопочите; — болѣе ничего не могъ сказать Павелъ Ивановичъ уходящему отъ него чиновнику.

Смѣло подалъ росписку Андрей Ивановичъ его превосходительству. — Какой-же безпокойный и вредный человѣкъ Кириловъ, — сказалъ генералъ, разсматривая врученный ему расходчикомъ документъ. — Удивляюсь, что за «фанаберія у него въ головѣ. Богъ знаетъ, что мнѣ напелъ про тебя.

— Вольнодумство, ваше превосходительство, болѣе ничего; сами изволите знать, въ какомъ мѣстѣ воспитаніе получилъ, — возразилъ подобострастно расходчикъ.

— Я его продержу полгода на гауптвахтѣ, — сказалъ генералъ, направляясь въ свой кабинетъ.

Черезъ три дня послѣ этого аудиторъ Василій Ивановичъ былъ на гауптвахтѣ и бесѣдовалъ съ Засыпкинымъ. Тотъ и другой были видимо взволнованы разговоромъ. На бѣдномъ урядникѣ, какъ говорится, не было лица.

— Ты надѣлалъ достаточно глупостей, — говорилъ аудиторъ, обращаясь къ своему собесѣднику — и глупостей непоправныхъ. Не прибавляй-же къ нимъ еще одну и самую великолѣпную глупость. Послушайся моего совѣта: не дурн.

— Сами посудите, Василій Ивановичъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно убитымъ голосомъ — что подумаетъ Настасья Фаддеевна. Мнѣ-то все равно: коли генералъ рѣшилъ не разжаловать меня, а наказать розгами — то пуцай наказываютъ, да супротивъ Настинька-то мнѣ стыдно. Вѣстимо мнѣ во-всякомъ-случаѣ не жениться на ней, — и при этихъ словахъ слезы градомъ побѣжали изъ глазъ Павла Ивановича, — но на душѣ-то будетъ легче, коли отдадутъ меня въ мастеровые, а не высѣкутъ; покрайности противъ Настиньки-то не будетъ зазорно. Сдѣлайте вашу милость, попросите генерала: пуцай меня разжалуютъ. Въ вѣкъ не забуду вашего благодѣанія. — И

нашъ арестантъ съ воплемъ упалъ на колѣни предъ Васильемъ Ивановичемъ.

— Встань, Засыпкинъ, встань; тебѣ говорить, встань — повторялъ аудиторъ, стараясь поднять своего подчиненнаго. — Гдѣ у тебя умъ-то? Разсуди самъ: если тебя накажутъ розгами, то этимъ все дѣло и кончится; нельзя будетъ жениться на Настинкѣ — не велика бѣда: найдешь другую, между-тѣмъ какъ изъ мастеровыхъ нѣтъ возврата. Для тебя погибнетъ все, рѣшительно все. Опомнись, Засыпкинъ! Тебѣ остается только два мѣсяца до полученія чина. Все это говорю, потому что желаю тебѣ добра. До завтрашняго утра обдумай хорошенько о всемъ, что я говорилъ тебѣ, а завтра я заѣду сюда и ты дай мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Я беру на себя заботу о томъ, чтобы приостановить исполненіе рѣшенія генерала до-утра. Успокойся и будь хладнокровенъ.

Василій Ивановичъ всталъ съ мѣста, поклонился своему протеже и вышелъ.

На другой день Засыпкинъ былъ наказанъ розгами, а чрезъ 2 мѣсяца онъ пилъ отчаяннымъ образомъ, такъ-что былъ разжалованъ изъ урядниковъ 1-й статьи во вторую. Все, что могъ сдѣлать Василій Ивановичъ для него — онъ сдѣлалъ, а именно обезпечилъ судьбу старухи матери Засыпкина, помѣстивъ ее у себя экономкой: Павелъ Ивановичъ изъ человѣка кроткаго сдѣлался совершеннымъ звѣремъ и въ пьяномъ видѣ готовъ былъ лѣзть на ножи.

Настасья Фаддеевна долго горевала отъ нападокъ сосѣдокъ, называвшихъ ее невѣстой драпаго жениха. Она утѣшилась только тогда, когда чрезъ годъ вышла за-мужъ за настоящаго, хотя и очень пожилаго чиновника, — чуть-ли не коллежскаго секретаря.

Василій Ивановичъ Кириловъ не попалъ на гауптвахту, а былъ приглашенъ къ правителю дѣлъ, который торжественно, на сколько хватило у него умѣнья, произнесъ аудитору слѣдующее: «по приказанію его превосходительства я долженъ передать вамъ, милостивый государь, выговоръ его превосходительства за вмѣшательство ваше не въ-свое-дѣло и несправедливыя показанія ваши, сдѣланныя предъ лицомъ его превосходительства.»

— Не смотря на этотъ выговоръ, — возразилъ Василій Ивановичъ, — я все таки считаю нужнымъ объяснить вамъ, милостивый государь....

— Позвольте-съ, позвольте-съ, — прервалъ его правитель дѣлъ, — не объяснять, а доложить. Вы не можете объяснять, можете только докладывать.

Василій Ивановичъ улыбнулся и продолжалъ: — сущность моихъ словъ нисколько не измѣняется и я считаю нужнымъ доложить вамъ, что мое убѣжденіе о вашемъ гнусномъ поступкѣ остается при мнѣ — затѣмъ, прощайте.

О ершъ проклятый, о ершишка эдакой! — проговорилъ правитель, грозя пальцемъ въ слѣдъ уходившему аудитору; — напорись-же ты когда-нибудь на рогатину; напорись-ся, чертенокъ!

Ш. Вѣловъ.

Эндорская прорицательница.

Саулъ разгнѣванъ и суровъ;
Повсюду видитъ тайный ковъ;
Вездѣ враговъ подозрѣвая,
Онъ въ лютой ярости изъ края
Изгналъ пророковъ и волхвовъ.

Ему висонная хламида
И золотой вѣнецъ — обида
И бремя тяжкое съ-тѣхъ-поръ,
Какъ восхвалилъ Евреекъ хоръ
Пѣвца и пастыря Давида.

Межъ-тѣмъ напасть со всѣхъ сторонъ:
Народъ взволнованъ и смятенъ;
Передъ Сулёмомъ, въ крѣпкомъ станѣ,
Опять стоятъ Филлистимляне;
Гроза собралась на Сионъ.

Душа Саула тьмой одѣта...
Нѣтъ Самуила — нѣтъ совѣта...
Склонивъ молитвенно главу,
Царь спросилъ Иегову;
Но не далъ Богъ ему отвѣта.

Призвалъ вельможъ: «Хочу сполна
Извѣдать — что сулитъ война?
Сыщите мнѣ волхвовъ...» И вскорѣ
Ему приносятъ вѣсть: — «Въ Эндорѣ
Есть духовидица-жена».

Пошелъ онъ къ ней; въ ночную пору,
Какъ тать, приблизился къ Эндору, —
И двое слугъ любимыхъ съ нимъ...
Старуха призракомъ сѣдымъ
Предстала царственному взору.

«Я знаю», царь промолвилъ ей:
 «Тебѣ, на вызовъ твой, тѣней
 Являетъ темная могила:
 Прошу тебя: тѣнь Самуила
 Изъ гроба вызови скорѣй.»

Ему волшебница: «Не смѣю:
 Могильной чарою владѣю,
 Но гнѣва царскаго страшусь...»
 И отвѣчала ей царь: — «Клянусь,
 Душой и жизнію моею,

«Саулъ проститъ тебя, жена!»
 ... И — тайнымъ ужасомъ полна,
 И прорицанья вѣщимъ жаромъ —
 Старуха приступила къ чарамъ...
 Но вдругъ замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
 «Ты — царь Саулъ!» она сказала.
 «Зачѣмъ меня ты обмануль?..»
 И перебилъ ее Саулъ:
 «Скажи: кого ты увидала?»

— «Я вижу, смутно и вдали,
 Боговъ, ишедшихъ изъ земли.»
 «Кого ты увидала прежде?»
 — «Кого-то въ шелковой одеждѣ,
 Въ покровѣ жреческомъ...» — «Внемли

«И отвѣчай», Саулъ ей снова:
 «Лицо ты видишь сквозь покрова?»
 Старуха: — «Вижу: онъ сѣдой,
 Въ кедарѣ, съ длинной бородой...»
 Тогда Саулъ не молвилъ слова

И въ прахъ главу свою склонилъ...
 И чей-то голосъ спросилъ:
 «Зачѣмъ, Саулъ, ты потревожилъ
 Мой духъ и дерзостно умножилъ
 Свои грѣхи предъ Силой Силъ?»

Саулъ: «Вотъ... ополчившись къ бою,
 Спросилъ я Господа съ мольбою:
 Предасть-ли въ руки мнѣ враговъ?
 Но не отвѣтилъ Саваоѣ.»
 — «Зане прогнѣванъ онъ тобою!

«Зане на смерть обречены
 И ты, и все твои сыны!»
 Пророкъ усопшій возглашаетъ.
 «Тобой Израиль погибаетъ
 И вверженъ въ ужасы войны.

«Не ты-ль добра личиною лживой
 Сокрылъ свой духъ властолюбивой,
 И угнетеня сѣмена
 Въ народъ свой высѣялъ споина?
 Любишь, пахарь, спѣлой нивой,

«И жни на ней позоръ и страхъ...
 То царство распадется въ прахъ,
 Въ пучинѣ золь и бѣдъ потонетъ,
 Гдѣ царь пророковъ вѣщихъ гонитъ
 И тѣится мысль сковать въ цѣпяхъ.»

И поднялъ онъ покровъ надъ ликомъ...
 Саулъ возсталъ съ безумнымъ крикомъ...
 А утромъ бои былъ... а потомъ
 Саулъ пронзилъ себя мечомъ, —
 Въ урокъ неистовымъ владыкамъ.

Л. Мей.

2-го сент. 1857 г.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ АМУРА КЪ РОССІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый краткій историческій очеркъ событій, совершившихся въ разное время на Амурѣ,—составленъ мною изъ печатныхъ сочиненій, изъ рукописныхъ источниковъ, находящихся въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и изъ рассказовъ очевидцевъ, согласенныхъ со многими официальными документами Восточной Сибиряи.

Многіе приэтомъ, взявъ во вниманіе свѣжесть и новостъ совершившихся въ послѣднее время интереснѣйшихъ событій на Амурѣ, можетъ-быть подумаютъ, что еще не пришло время писать правдивую исторію Амура? Но, занимаясь разработкой этого предмета нѣкоторое время, я къ-сожалѣнію пришелъ къ совершенно противному заключенію, а именно, что время правдивой исторіи Амура уже прошло и—вотъ по какимъ причинамъ: Всякія предположенія о рѣкѣ Амурѣ, событія и дѣйствія, совершавшіяся на ней, всегда считались секретными, и потому переписка объ этомъ предметѣ была всегда весьма ограничена. Всѣ распоряженія о послѣднихъ дѣйствіяхъ на Амурѣ производились, или словесными приказаніями, или письмами, составлявшими принадлежность того лица, къ которому они были писаны, и потому не попавшими въ собраніе официальныхъ бумагъ по амурскому дѣлу. Кромѣ-того по разнообразному стеченію обстоятельствъ и самыя официальныя документы по этому предмету находятся частію въ С. Петербургѣ, частію въ Иркутскѣ, частію въ Николаевскѣ на устьѣ Амура и въ Аякѣ,—и по-этому будущимъ историкамъ Амура придется собирать матеріалы

на семь десяти-тысяче-верстномъ пространствѣ отъ С. Петербурга до устья Амура. Первые-же дѣятели на устьѣ Амура, преимущественно морскіе офицеры, не позаботились оставить для публики хотя какія-либо отрывочныя извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ и изслѣдованіяхъ, считая ихъ дѣломъ весьма обыкновеннымъ и простымъ исполненіемъ приказаній начальства. Въ послѣднее только время начали появляться въ «Морскомъ сборникѣ» отрывочныя извѣстія о личныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ офицеровъ, участниковъ интереснѣйшихъ событій въ низовьѣ Амура въ послѣднее время. При такомъ положеніи дѣла весьма интересны и особенно драгоценны для будущей исторіи Амура изустные рассказы тѣхъ немногихъ дѣятелей амурскихъ, которые еще остались на Амурѣ и въ Сибири. — Большая часть фактовъ и подробностей, передаваемая этими живыми свидѣтелями минувшаго, не отыщется ни въ какихъ официальныхъ документахъ и бросаетъ совершенно новый свѣтъ на совершившіяся событія. Собравъ нѣкоторыя изъ таковыхъ сказаній, приведу ихъ въ нѣкоторую систему, повѣривъ и дополнивъ ихъ нѣкоторыми официальными свѣдѣніями и прибавивъ къ нимъ краткій перечень событій на Амурѣ въ XVII столѣтіи, взятый изъ журнала плаванія по Амуру г. Свербева, — я полагаю принести тѣмъ нѣкоторую пользу будущей исторіи Амура; представивъ здѣсь въ первый разъ собранныя въ одно цѣлое, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ и рукописяхъ, извѣстія объ этомъ предметѣ. Такимъ-образомъ представляемый очеркъ есть не болѣе какъ поверхностный брѹльенъ или программа, которую будущимъ историкамъ Амура придется въ-послѣдствіи дополнить подробнѣйшими и вѣроятнѣйшими свѣдѣніями объ этой отдаленной части русскаго царства. При-этомъ считаю своею обязанностию свидѣтельствовать, что настоящая цѣль была-бы для меня не достижима, если-бы я не встрѣтилъ просвѣщеннаго содѣйствія Генераль-Губернатора Восточной Сибири, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, и полнаго сочувствія одного изъ главныхъ дѣятелей на Амурѣ Контръ-Адмирала Геннадія Ивановича Невельскаго и завѣдывающаго Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географич-

ческаго общества Иларіона Сергѣевича Сельскаго, которые, соревнуя всякому полезному начинанію, съ благородною готовностію сообщили мнѣ многія интереснѣйшія данныя, какъ собранныя и обработанныя въ разное время ими, такъ и хранящіяся въ архивѣ Сибирскаго Отдѣла.

ПЕРІОДЪ I.

ОТКРЫТІЕ И ЗАВОЕВАНІЕ РѢКИ АМУРА.

(1636 — 1689 г.)

Въ первой половинѣ 16 столѣтія Русскіе заняли Восточную Сибирь. Отъ предѣловъ Томской губерніи до Восточнаго Океана партіи казаковъ и вольные люди шли разными направленіями, на пути своемъ занимали земли, покоряли туземцевъ и основывали острожки и зимовья. Слухи о сильныхъ монгольскихъ племенахъ, паселяющихъ южную Сибирь, и природныя препятствія, представляемыя горною мѣстностью Саяна, заставляли ихъ держаться сѣвернѣе нынѣшняго главнаго пути сообщенія. Въ расчетѣ своемъ они не ошиблись! До самыхъ береговъ великой р. Лены, они не встрѣтили большихъ затрудненій и мало-по-малу покоряли власти своей мелкія отрасли тунгузскихъ и монгольскихъ племенъ. Но въ За-ленскомъ краѣ предприимчивые казаки должны были встрѣтиться съ многочисленнымъ племенемъ Якутовъ, — давнишнихъ пришельцевъ, народомъ тюркскаго поколѣнія. Тутъ борьба вышла перовпая: Русскіе, слабые въ числительныхъ сплахъ, сравнительно съ непріателемъ, долго боролись съ нимъ за обладаніе землями. Наконецъ и этотъ народъ былъ покоренъ и острогъ якутскій сдѣлался центромъ управленія всего тамошняго края. Отсюда отправились отдѣльныя партіи людей далѣе на востокъ. Въ самое короткое время, *въ теченіи какихъ-нибудь 5 лѣтъ*, Ламуты, Юкагиры, Коряки, Тунгусы сѣверные и удскіе, и другіе инородцы находились уже въ совершенной зависимости отъ Русскихъ — и тогда же были обложены ясакомъ. Воды Лама (Охотскаго моря) преградили путь отважнымъ странствователямъ. Но въ видахъ ихъ оставалась еще южная Сибирь, въ особенности

рѣка Амуръ, первую вѣсть о которой получили томскіе казаки отъ Тунгусовъ удскаго края въ 1636 году, когда они съ р. Лены вышли по Алдану и Маѣ на р. Улью къ берегу Охотскаго моря. Тунгусы эти рассказали имъ о рѣкахъ Зеѣ (Джи, Джуряхѣ) и Шимкарѣ, впадающихъ въ рѣку.... текущую въ большое море. Было-ли извѣстно Тунгусамъ названіе *Амуръ*, на это отвѣтить трудно. Около этого-же времени принесено было другое извѣстіе о верховьяхъ Амура, или Шилки, атаманомъ енисейской казачьей команды Максимомъ Перфильевымъ, развѣдывавшемъ въ 1638 году съ 36 человѣками р. Витимъ. Эти два извѣстія подали новодѣ первому якутскому воеводѣ Петру Петрову сыну Головшу отправить въ верхъ по Алдану письменнаго голову Василія Пояркова обстоятельно провѣдать о рѣкѣ Амурѣ. Въ партіи Пояркова были пятидесятниками Юшка Петровъ и Патрікій Мпшишъ, 127 служилыхъ, 2 присяжныхъ, 2 толмача, кузнецъ, полуфунтовая чугунная пушка, 8 пуд. и 16 гривенокъ пороху и столько-же свинцу.—15 іюня 1643 Поярковъ съ своей артелью пустился изъ Якутска по Ленѣ, поворотилъ въ Алданъ, чрезъ 4 недѣли достигъ устья Учюра и изъ него поворотилъ въ Гонать. Здѣсь застали его холода, принудившіе бросить судно и дождавшись зимы съ 90 удалцами по глубокому снѣгу переваливать на лыжахъ чрезъ Становой хребетъ, таща за собой въ санкахъ (нартахъ) провіантъ и оружіе. Преодолявая всевозможныя трудности, голодъ и холодъ, артель Пояркова вышла на р. Брянду, по которой, съ наступленіемъ весны слѣдующаго 1644 года, спустилась въ р. Зею, а по ней въ Шилькаръ (Амуръ), имѣя на пути неоднократныя стычки съ жителями. Выйдя на Амуръ, Поярковъ пошелъ по теченію, дошелъ до устья его, зимовалъ здѣсь у богатыхъ соболями и рыбой Гиляковъ и лѣтомъ 1645 года пустился по Охотскому морю къ сѣверу, придерживаясь берега. Три мѣсяца утлыя ладьи ихъ носило по морю пока не выкинуло наконецъ на берегъ, около устья р. Ульи. Отсюда артель Пояркова, положивъ себѣ на плеча провіантъ, ясакъ и оружіе, добралась плѣшкомъ до устья р. Ульи, зимовала здѣсь и перейдя, весною слѣдующаго 1646 года чрезъ горы, построила въ верховьяхъ Ман судно, на

которомъ и спустилась по Маѣ и Алдану въ Лену и прибыла наконецъ въ Якутскъ. Такъ кончился первый походъ Русскихъ на рѣку Амуръ, продолжавшійся три года и открывшій путь послѣдующимъ открывателямъ. Поярковъ съ невѣроятными трудностями и лишеніями прошелъ съ своей артелью до 7000 верстъ въ три года (1643—1646), зимуя на пути три раза, и результатомъ его путешествія было открытіе и изслѣдованіе рѣки Амура, признаніе Гиляками надъ собою власти царя Московскаго, и собранный съ нихъ по этому поводу ясакъ 12 сороковъ соболей и 16 собольихъ шубъ *).

Первая экспедиція на Амуръ, какъ мы видѣли, имѣла цѣлю развѣдать эту рѣку обстоятельно и ознакомиться съ прибрежными племенами, но отнюдь не была завоевательнаго характера. Поярковъ собиралъ ясакъ безъ насилія и угрозы и дружески обходился съ встрѣчавшимся населеніемъ. Знакомство Пояркова съ при-амурскимъ краемъ убѣдило его въ томъ, что Амуръ легко подчинить русскому владычеству, что для этого нужно отправить 300 человекъ, для построенія въ земляхъ Дауровъ и Дучеровъ трехъ остроговъ, въ каждомъ помѣстивъ по 50 человекъ, и имѣя остальныхъ 150 человекъ для усмиренія непокорныхъ.

Такое мнѣніе о легкости пріобрѣтенія Амура въ то время не должно удивлять насъ: оно было основано на малонаселенности его побережья, на томъ, что новые пришельцы не могли опасаться встрѣтить отъ туземцевъ сильнаго отпора. Поярковъ упустилъ изъ виду, что по р. Сунгари (Шингалъ) можно было ожидать военной силы изънутри Китая; но, незнакомый съ краемъ, онъ не могъ дѣлать никакихъ предположеній.

На этомъ первомъ опытѣ не остановилась предпримчивость Сибиряковъ: за Поярковымъ послѣдовалъ Хабаровъ. Въ 1649 году воеводой въ Якутскъ былъ Дмитрій Андреевъ сынъ Франсбековъ, къ которому явился Ерофѣй Хабаровъ, уроженецъ Соли-Вычегодской, и просилъ позволенія идти на р. Амуръ, набравъ съ собой людей, которыхъ будетъ

*) Журналъ плаванія по Амуру г. Свербеева, въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла».

содержать на своемъ коштѣ. Цѣлю этого похода было приведене Дауровъ въ ясачный платежъ. 6-го марта далъ ему воевода наказную память и небольшое число казаковъ; остальные люди были охочіе (охотники). Число ихъ передъ отправленіемъ изъ Якутска простиралось до 70 человекъ. Путь, по которому отправилась эта вторая экспедиція на Амуръ, не слѣдовалъ направленію Пояркова. Промышленники показали другую дорогу на Амуръ, по р. Олекмѣ, Тугиру, волокомъ черезъ Хинь-Ганскій хребетъ, раздѣляющій ленскія покати отъ амурскихъ, на р. Урку, а по ней до Амура. Въ 1647 году была отправлена партія людей на Тугиръ, для постройки зимовья и приведенія Тунгусовъ въ ясачный платежъ. Отъ устья Урки, по рассказамъ одного Тунгуса, до жилища князя Лавкаа было всего одинъ день разстоянія верховой ѣзды.

Въ первое лѣто Хабаровъ дошелъ только до устья Тугира. Въ 1650 году, 18-го января, пустился онъ далѣе въ путь. въ верхъ по рѣкѣ, перевалилъ хребетъ и достигъ Амура. Провѣдавъ о приходѣ Русскихъ, князь Лавкаа оставилъ всѣ жилища мѣста свои, такъ-что Хабаровъ не встрѣтилъ никого. Не останавливаясь въ первыхъ городкахъ, какъ онъ называлъ ихъ, онъ остановился въ послѣднемъ. Хабаровъ увѣрилъ князя Лавкаа, что цѣль прибытія его на Амуръ состояла въ собраніи ясака и не заключала въ себѣ враждебныхъ намѣреній противъ туземцевъ. Имѣя съ собою малое количество людей, Хабаровъ вернулся въ Якутскъ въ 1650 году. Воевода дозволилъ ему набрать снова людей, не ограничивая ихъ числа. На слѣдующій годъ онъ опять отправился на Амуръ и остановился въ Албазинѣ, гдѣ въ послѣдствіи построенъ былъ городъ; отсюда въ 1651 году пошелъ со всею командою внизъ по рѣкѣ. Первое встрѣченное жилище состояло изъ трехъ городковъ, вмѣстѣ состоящихъ и принадлежащихъ тремъ князьямъ: Гогудару, Оягози и Лотодиму. Туземцы сначала хотѣли обороняться, но послѣ перваго выстрѣла, произведеннаго Русскими, укрылись въ городкахъ. Хабаровъ требовалъ сдачи; но она была отвергнута. Начался приступъ. Русскіе сдѣлали проломъ въ стѣнѣ и ворвались въ городъ; за симъ взяты второй и третій. Въ

этомъ дѣлѣ убито Даурцевъ 661, взято 243 женщины, 118 ребятъ, 237 лошадей да рогатаго скота 113. Хабаровъ прожилъ здѣсь шесть недѣль, послѣ-чего онъ продолжалъ путь въ низъ по Амуру и въ два съ половиною дня достигъ устья р. Зеи, ниже которой, на правомъ берегу Амура; стояли 29 пустыхъ юртъ. Здѣсь было владѣніе князя Кокорея; городъ, по извѣстіямъ Хабарова, назывался *Толгинъ*. Жители этого города, удалившіеся въ окрестности, узнавъ о занятіи Толгина, приняли присягу въ вѣрности Русскимъ и обѣщали платить ясакъ. Присяга эта не была исполнена. Дауры бѣжали, и Хабаровъ, сожегши Толгинъ, пошелъ внизъ по Амуру. Шесть дней плылъ онъ до устья Шингала. Этому мѣсту предшествовала гряда горъ, которая съ юга перерѣзываетъ Амуръ и тянется далѣе къ сѣверо-востоку. Народъ, встрѣченный Хабаровымъ выше и ниже этой горной цѣпи, названъ *Гогулами*. Отъ Шингала населеніе составляютъ *Дучеры*; за ними слѣдуютъ *Ачаны*. Первые два племени воздѣлывали землю; впрочемъ, они разнились другъ-отъ-друга тѣмъ, что первые жили малыми улусами, между-тѣмъ какъ послѣдніе селились гуще. Ачаны тѣ-же самые, которыхъ Поярковъ называлъ Натками. (Объ устьѣ Усури Хабаровъ не упоминаетъ). Хабаровъ остался зимовать въ большомъ Ачанскомъ улусѣ. Укрѣпившіеся въ немъ, онъ отрядилъ сотню человекъ изъ своей команды вверхъ по Амуру искать добычи. Туземцы, въ числѣ 1,000 человекъ, напали на это мѣсто. Горсть русскихъ (70 человекъ) отразили нападеніе. Дауры и Ачаны бѣжали. Партія вернулась съ нагруженными судами. Хабаровъ сталъ приводить городъ въ оборонительное положеніе. Предосторожность оказалась излишнею. Отраженные Дучеры и Ачаны просили пощады у Китайцевъ, и помощникъ китайскаго хана, Учурва (въ Маньчжуріи), приказалъ князю Изиневу, на р. Шангалѣ, въ г. Нюмъ-Гутѣ (Нингутѣ), собрать войско и идти на Русскихъ. 2020 человекъ съ княземъ Изинеемъ отправились къ Ачанамъ; три мѣсяца шли они до мѣстопробыванія Хабарова. Съ ними было 8 пушекъ, 30 фузей о трехъ и четырехъ стволахъ и 12 пинартовъ (артиллерійское орудіе изъ глины, въ которое входилъ пудъ пороха; употреблялось оно для подорванія городскихъ стѣнъ). 24-го

марта 1652 года, на зарѣ, подошли Китайцы подъ Ячанскій городъ и открыли пальбу. Цѣлый день продолжался выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ. Непріятель успѣлъ сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, ворвался въ городъ; но Хабаровъ перевелъ на это мѣсто большую мѣдную пушку и, открывъ изъ нея огонь, а равно и ружейный, — отбилъ непріятели. Въ это время 150 человекъ русскихъ сдѣлали вылазку, отбили 2 пушки непріятельскія и стали стрѣлять. Китайцы потеряли при этой осадѣ 676 человекъ и, притомъ, большую часть военной добычи. Когда наступила весна и плаваніе по Амуру вновь стало свободно, Хабаровъ предпринялъ плаваніе въ верхъ по рѣкѣ, желая вывести свою команду на болѣе способное и близкое мѣсто къ Якутску, оттуда могла быть потребована помощь въ случаѣ вторичнаго нападенія Китайцевъ. На шести досчаникахъ отправился онъ въ путь 22-го апрѣля. Устье рѣки Шингала прошелъ онъ на парусахъ. Здѣсь, по сказанію одного плѣннаго Китайца, собрано было 6000 человекъ, намѣревавшихся напасть на Русскихъ. Между устьями Шингала и Зеи Хабаровъ былъ встрѣченъ партией казаковъ, посланныхъ изъ Якутска съ порохомъ и свинцомъ (144 человека). Хабаровъ, продолжая предпринятый путь, собиралъ ясакъ съ встрѣчавшагося населенія и намѣренъ былъ поставить острогъ въ кокореевомъ улусѣ; но здѣсь начались несогласія и раздоры въ его отрядѣ, изъ котораго 100 человекъ бѣжали. Лишась третьей части своихъ людей и поднимаясь въ верхъ по рѣкѣ, онъ достигъ, кажется, р. Хамары (Кумара), гдѣ построены острогъ. Изъ кокореева улуса отправлены были нарочные въ Якутскъ. Хабаровъ требовалъ для завоеванія Амура военной силы. Посланные полагали достаточнымъ 600 человекъ, чтобы управиться съ 40,000 Китайцевъ. Якутскъ не могъ снабдить такимъ многочисленнымъ подкрѣпленіемъ; по этому дѣлу написано было въ Москву съ двумя прибывшими съ Амура посланными. До прибытія ихъ въ Москву рѣшено уже было отправить къ Хабарову помощь, для чего и посланъ былъ къ нему, въ 1652 г., дворянинъ Дмитрій Ивановъ сынъ Зиновьевъ, которому поручено было поощрить казаковъ на Амурѣ, прибавить къ находящейся тамъ командѣ 150 чело-

вѣкъ, усилить число военныхъ снарядовъ, навѣдаться о странѣ и приготовить все нужное къ отправленію 3,000 войска, которое предполагалось двинуть на Амуръ, подъ командой князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Предположеніе это, впрочемъ, не исполнилось. Около этого времени въ Сибири распространилась слава о рѣкѣ Амурѣ: всѣ хотѣли переселиться туда, многіе оставляли женъ и дѣтей, — однимъ словомъ, Амуръ называли *неисчерпаемыхъ богатствъ источникомъ*, страну прибрежную — *новымъ Ханааномъ и райскою въ Сибири землею*. Впновникомъ такой молвы былъ Хабаровъ, кототому необходима была толпа людей, искателей приключеній, для завоеванія этого края. Все населеніе ленское, до Верхоленска, стремилось туда; многіе бѣжали тайно, такъ-что необходимо было принять мѣры для прекращенія побѣговъ. Зиновьевъ отправился на Амуръ и, въ августѣ 1653 года, встрѣтился съ Хабаровымъ у устья Зеи. Прибытіе Зиновьева на Амуръ было неприятно казакамъ. Первымъ дѣломъ его было возстановить порядокъ въ этой вольницѣ и обратить ихъ къ занятіямъ положительнымъ. Имѣя въ виду прибытіе войскъ, нужно было приготовить припасовъ, а для того воздѣлывать землю — трудиться. Казаки-же привыкли ходить по Амуру и жить на счетъ туземцевъ. Къ довершенію недовольства казаковъ, Зиновьевъ взялъ съ собой Хабарова въ Москву и назначилъ на его мѣсто казака Онуфрія Степанова. Хабаровъ милостиво принятъ былъ въ Москвѣ, пожалованъ именованіемъ сына боярскаго и назначенъ прикащикомъ надъ деревнями, отъ Усть-Кутска до якутскаго округа; здѣсь и до нынѣ есть деревня Хабарова. На Амуръ онъ болѣе не ѣздилъ. Степановъ отправился съ устья Зеи внизъ по Амуру, на Шингалѣ добылъ много хлѣба и зимовалъ въ землѣ Дучеровъ. Весной 1654 года отправился онъ въ верхъ по р. Шингалу и, послѣ трехъ-дневнаго плаванія на парусахъ, встрѣтился съ Китайцами, которые не хотѣли пускать ихъ далѣе. Здѣсь данъ былъ бой. Малочисленность Русскихъ принудила ихъ возвратиться назадъ. Плѣнные Дучеры объявили, что на Шингалѣ было 3000 Китайцевъ, что у устья этой рѣки, для защиты въ нее входа, будутъ они стоять три года, и

что къ этому числу назначено еще 2000 человекъ. Вскорѣ послѣ этого къ Степанову прибылъ изъ Енисейска сотникъ Петръ Бекетовъ чрезъ озеро Байкаль. На этомъ пути Бекетовъ построилъ при устьѣ р. Нерчи острогъ. Слѣдующую зиму провели наши въ камарскомъ острогѣ и укрѣпили его снова послѣ разоренія Китайцами. Вѣроятно, та-же участь постигла и Албазинъ послѣ зимы 1651 года, которую здѣсь провелъ Хабаровъ, ибо Зиновьевъ приказалъ на этомъ-же мѣстѣ поставить новый острогъ. Строенiе камарскаго острога начато осенью 1654 гоаа. Онъ обведенъ былъ землянымъ четырехъ-угольнымъ валомъ; на углахъ поставлены были батареи (быки). По валу и быкамъ стоялъ двойной палисадъ, между которымъ насыпано много песку; вокругъ острога былъ ровъ, глубиною въ одну сажень и шириною въ двѣ; около него со-всѣхъ-сторонъ всажены были желѣзныя спицы (чеснокъ), засыпанныя землей. Внутри острога стояла высокая батарея, и на ней поставлены пушки. Въ 1655 году къ камарскому острогу пришло китайское войско, состоявшее изъ 10,000 человекъ, съ 15 пушками. Остановясь на противоположномъ берегу Амура, Китайцы поставили противъ острога, на высокомъ камнѣ, нѣсколько пушекъ и двѣ батареи въ близкомъ разстоянiи. 20-го марта открыли они огонь со-всѣхъ-мѣстъ; стрѣльба не умолкала во весь день и ночь. Дѣйствiе батарей было неуспѣшно. Непрiятель приготовился идти на приступъ въ ночь съ 24 на 25 число; всю ночь длился бой. Китайцы отступили. Русскiе сдѣлали вылазку, причинили непрiятелю большой уронъ и отбили двѣ нищали, большое количество пушечныхъ ядеръ (730) и пороху. Осада кончилась тѣмъ, что непрiятель отступилъ и удался. Здѣсь встрѣчается извѣстiе о крещенiи двухъ плѣнныхъ Китайцевъ въ церкви, бывшей въ камарскомъ острогѣ. Степановъ отправилъ въ Москву собранный пѣть на Амурѣ ясакъ и отбитое оружье. Доселѣ ясакъ отправлялся чрезъ Якутскъ; но въ это время амурскую страну предполагали отдѣлнить отъ Якутскаго уѣзда, учредить особый и назначить воеводу. За-годъ передъ симъ отправленъ былъ изъ Якутска въ Амуръ боярскiй сынъ Федоръ Пушчинъ. Ему велѣно было подняться въ верхъ по рѣкѣ и поставить на

устѣ Аргуни зимовье; порученіе свое онъ исполнилъ, но, не имѣя припасовъ, не могъ остаться на мѣстѣ и соединился со Степановымъ, который изъ камарскаго острога отправился добывать припасовъ въверхъ по Шингалу. Путь этотъ совершили они во время жатвы и получили огромный запасъ, которымъ питались цѣлый годъ. Изъ рѣки Шингала повернулъ Степановъ къ Гилякамъ, зимоваль у нихъ, построилъ *косогорскій* острогъ и собралъ богатый ясакъ. На возвратномъ пути въверхъ по Амуру, берега его и Шингала оказались безплодными, а прежнія селенія разрушенными. По указу Богдохана, жителямъ было приказано переселиться. Казакамъ нельзя было болѣе разсчитывать кормиться чужимъ добромъ: привыкшіе къ грабежу, они были неспособны къ труду. Степановъ находился въ затрудненіи. Въ это время получены были царскія грамоты на Амурѣ, которыя, поощряя казаковъ, между-прочимъ, приказывали оказывать ласку и милость плѣннымъ, избѣгая сеорь съ Китайцами. Къ этому времени относится ознакомленіе съ Амуромъ путемъ инымъ — не изъ Якутска, откуда, до настоящаго времени, отправлялись всѣ ходившіе на Амуръ. Евсейскій воевода Афанасій Фимповъ, сынъ Пашковъ, съ 1651 года получалъ свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ изъ баргузинскаго острога. Истина этихъ свѣдѣній подтверждалась словесными разсказами казаковъ, бывавшихъ у вершинъ рѣки Шилки. Сотнику Петру Бекетову, о которомъ упоминается выше, поручилъ Пашковъ поставить два острога у озера Иргеня (имѣющаго истокъ въ Хилокъ, а сей въ Селенгу) и при рѣкѣ Шилкѣ. Порученіе это было исполнено въ 1653 году. Въ 1655 году Пашковъ былъ назначенъ именнымъ указомъ командиромъ экспедиціи на Амурѣ. Какъ мы видѣли, мысль его была укрѣпиться на Шилкѣ и отсюда дѣйствовать къ покоренію амурскаго края; однако, ему велѣно было идти на Амуръ старымъ путемъ изъ Якутска. Тѣмъ-не-менѣе онъ отправился по р. Ангараѣ, оз. Байкалу, рѣками Селенгой и Хилкомъ, перевалилъ хребетъ и поплылъ Ингодой внизъ до р. Шилки, гдѣ и построилъ Нерчинскъ (1658 г). Отсюда послалъ онъ внизъ по Амуру нѣсколько казаковъ, для объявленія Онуфрию Степанову цар-

ской грамоты о своемъ назначеніи, и требовалъ присылки къ себѣ 100 человекъ, оставивъ прочихъ въ Албазинѣ, гдѣ велѣлъ заложить новый острогъ. Степановъ не могъ исполнить этого приказанія. Онъ находился въ это время у устьевъ Шингала съ 500 человекъ команды, достигнутый Китайцами съ превосходнымъ числомъ войска. Спротивленіе съ нашей стороны не могло быть успѣшно, тѣмъ-болѣе, что Степановъ и 270 казаковъ были убиты, а многіе изъ казаковъ бѣжали. Часть изъ нихъ вернулась на старыя пепелища свои по р. Ленѣ, другіе были взяты въ плѣнъ, и только 17 чел. въ 1661 г. явился къ воеводѣ Пашкову. Послѣ этихъ неудачъ, нѣсколько лѣтъ сряду не происходило ничего замѣчательнаго со стороны Русскихъ. Въ 1665 г. въ киренскомъ острогѣ, гдѣ бывала ежегодная ярмонка, на которой производился значительный вымѣнъ пушнаго товара и куда для надзора выѣзжалъ илимскій воевода, случилось происшествіе, отъ котораго начинается новая повѣсть о дѣйствіяхъ нашихъ на Амурѣ.

Воеводой въ это время былъ Лаврентій Авдѣевъ сынъ Обуховъ. За свое озорничество, какъ сказано въ лѣтописи Черепанова, онъ былъ убитъ на возвратномъ пути своемъ въ Илимскѣ. Предводителемъ шайки, напавшей на судно Обухова, былъ Полякъ Никита Черниговскій, боясь наказанія бѣжалъ на Амуръ и поселился въ Албазинѣ. Когда онъ пришелъ сюда, мѣсто было пусто. Неизвѣстно, былъ-ли албазинскій острогъ возстановленъ, по приказанію Зиновьева и потомъ Пашкова, — трудно предполагать это потому, что казакамъ некогда было заниматься такимъ дѣломъ, которое требовало успѣчивости. Какъ-бы то ни было, но первое извѣстіе объ этомъ острогѣ мы имѣемъ въ 1671 году, а позже описаніе его, какимъ онъ былъ въ 1674 и 1677 годахъ. Естественно, что Черниговскій бѣжалъ на Амуръ не одинъ: съ нимъ были товарищи, его сообщники и охотники. Поселясь въ Албазинѣ, онъ не могъ оставаться покоенъ. Съ одной стороны, онъ боялся преслѣдованія и наказанія отъ своихъ, съ другой — китайской силы, и потому подчинилъ себя Нерчинску, куда отправлялъ собираемый на Амурѣ ясакъ. Въ 1672 году, при урочищѣ Брюсяномъ Камнѣ, по желанію

Албазинцевъ, заложенъ былъ іеромонахомъ Гермогеномъ монастырь во имя Спаса Всемилостиваго, и въ этомъ-же году отправлено было въ Албазинъ нѣсколько крестьянскихъ семей для разведенія хлѣбопашества. Опытъ удался, и вскорѣ затѣмъ ниже и выше острога выстроено было нѣсколько слободъ, изъ которыхъ болѣе прочихъ славилась Покровская.

Не можетъ не казаться страннымъ, какъ въ такое короткое время послѣ неудачныхъ походовъ Степанова могли Русскіе поселиться на Амурѣ. Исторія не сохранила подробностей этого дѣла; но свѣдѣнія эти положительны. Черниговскій былъ прощенъ. Въ 1674 году нерчинскимъ воеводой былъ назначенъ боярскій сынъ Павелъ Шульгинъ; албазинскимъ начальникомъ былъ Черниговскій, смѣненный боярскимъ сыномъ Григоріемъ Лоншаковымъ; за нимъ слѣдуетъ рядъ другихъ до столыника Ѳедора Дементьева сына Воейкова, который былъ назначенъ воеводой нерчинскимъ и послалъ сына своего въ 1681 году управителемъ въ Албазинъ.

Въ избѣжаніе нападенія со стороны Китайцевъ, изъ Москвы отправлено было въ 1675 году посольство. Посланникомъ былъ переводчикъ Посольскаго Приказа Грекъ Николай Спафаріи. Посольство это не обезпечило распространенія владычества Россіи на Амурѣ; напротивъ въ указныхъ памятяхъ, посланныхъ въ Албазинъ изъ Нерчинска, Спафаріи писалъ, чтобъ оттуда не ходили болѣе по Амуру и Зею и не требовали ясяка отъ сосѣднихъ Тунгусовъ, приказывалъ Албазинцамъ жить спокойно, въ избѣжаніе вражды и нападенія отъ Китайцевъ. Между-тѣмъ, около этого времени построены были три острога: *верхосейскій* (при устьѣ р. Амуыша, впадающей въ Зею), *се.тмбинскій* (вверхъ по р. Селмбѣ) и *долонскій* (ниже устья той-же рѣчки).

Въ 1681 году воевода Воейковъ послалъ сына боярскаго Никифора Сѣнотрусова въ Албазинъ, съ тѣмъ, чтобы онъ спустился внизъ по Амуру съ охотниками и осмотрѣлъ морской берегъ. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта экспедиція. Изъ Албазина послана была вскорѣ другая — на р. Амгунь, для приведенія прибрежныхъ жителей въ подданство Россіи. На р. Амгунь, у устья Дукичана, построенъ былъ

острогъ *усть-дукичанскій*. Другая партія, посланная въ 1683 году на Амгунь, захвачена была на Айгунѣ Китайцами, которые послали двухъ плѣнниковъ Русскихъ въ Албазинъ склонить ихъ къ сдачѣ острога безъ сопротивленія; но Албазинцы не приняли предложенія. Въ это время къ нимъ назначенъ былъ воеводой Алексѣй Толбузинъ *).

Въ 1644 году случилось важное въ лѣтописяхъ Восточной Азіи событіе: покореніе Маньчжурами Китая, имѣвшее въ послѣдствіи большое вліяніе на безопасность нашихъ заселеній по Амуру. По окончанія своихъ расчетовъ съ Китаемъ, совершившихся такъ-славно для Маньчжуровъ, *Кхань-си*, второй китайскій императоръ, изъ династіи Маньчжурской, въ 8-й годъ своего царствованія (т. е. въ 1669 г.) началъ постепенно усиливать крѣпостями сѣверную часть Маньчжуріи и приближаться къ границамъ Дауріи. Въ то время по его повелѣнію были выстроены города Нингута, Мергань и Цицикарь. Встрѣтивъ сопротивленіе на берегахъ р. Амура отъ Албазинскихъ казаковъ, онъ назвалъ ихъ въ декретѣ своемъ русскими бѣглецами, самовольно поселившимися въ его владѣніяхъ. Въ 1670 году, Китайцы въ соединеніи съ Маньчжурцами приняли рѣшительныя мѣры къ вытѣсненію Русскихъ со всѣхъ пунктовъ ихъ заселенія по Амуру. Дурное обращеніе нашихъ казаковъ съ туземцами, ихъ набѣги, насилия и грабежи ожесточили противъ нихъ инородцевъ амурскихъ, въ-слѣдствіе чего, многіе изъ Тунгусскихъ родовъ перешагнувъ Маньчжурамъ, и это отложеніе еще болѣе ускорило военныя дѣйствія соединенныхъ Маньчжу-Китайцевъ. Въ это время по берегамъ р. Амура кромѣ острожковъ существовали уже русскія деревни и крестьянскія землянки и наши колоніи продовольствовались своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Изъ такихъ острожковъ и городковъ особенно извѣстны были: *Албазинскій*, *Камарскій*, *Ачанскій*, *Косогорскій* на р. Амурѣ, — *Верхосейскій* и *Долонскій* на р. Зеѣ, — *Селмбинской* на р. Селмбѣ, — *Амгунскіе* острожки при устьяхъ рр. Дукичана и Немилена на р. Амгуни, *Тугирскій* на р. Тугирѣ. Изъ русскихъ селеній и деревень, находившихся въ

*) Описаніе плаванія по р. Амуру г. Свербеева.

окрестностяхъ Албазина упоминаются въ древнихъ актахъ: *Инашина, Монастырщина, Озернѣя, Покровская, Андрюшкина* и друг. Китайцы начали дѣйствовать рѣшительно, и острожки наши, лежащія внизъ по Амуру и его притокамъ, были первымъ предметомъ нападенія непріятеля и раззорены имъ, а нѣкоторые за дальностію и безлюдствомъ еще ранѣе были покинуты казаками.

Въ 1685 году Китайцы стали приближаться къ Албазину, нашему главному укрѣпленному пункту на берегахъ Амура, жгли русскія слободы и деревни и старались чрезъ плѣнныхъ разузнать о состояніи крѣпости. Въ Албазинѣ не долго передъ тѣмъ, именно въ 1684 году учреждено было воеводство, городу пожалованы гербъ и печать и первымъ албазинскимъ воеводою былъ Алексѣй Толбузинъ. Непрительская сила, подступившая къ Албазину, состояла изъ 5000 человѣкъ, приплывшихъ на 100 судахъ (бусахъ), и 10,000 человѣкъ, пришедшихъ сухимъ путемъ; при нихъ было 150 полевыхъ и 50 осадныхъ орудій. 12-го іюня 1685 года, послѣ того, какъ Албазинцы отвергли предложеніе добровольной сдачи, началась канонада съ манчжурскихъ батарей. Въ Албазинѣ было всего 450 человѣкъ подъ начальствомъ воеводы Алексѣя Толбузина. Недостатокъ огнестрѣльнаго оружія и снарядовъ не позволилъ Русскимъ отстанвать острожекъ. Непрительская артиллерія вредила имъ страшно. Наши вступили въ переговоры съ Китайцами, которые согласились пропустить Толбузина съ жителями въ Нерчинскъ. Только 25 человѣкъ приняли предложеніе Манчжуровъ передаться имъ и увлекли съ собою священника Максима Леонтьева, основавшаго въ Пекинѣ первую русскую церковь. Албазинъ между-тѣмъ былъ раззоренъ, и непрительская сила возвратилась въ Айгунь, манчжурскій городъ на берегу Амура близъ устья Зен.

Еписейское начальство, въ вѣдѣніи котораго состояло воеводство албазинское, нисколько не входило въ критическое положеніе отдаленныхъ нашихъ колоній, и надобно удивляться—какимъ образомъ горсть людей могла еще держаться противъ могущественнаго непріятеля. Не смѣтрян однакожь на дурной ходъ нашихъ дѣлъ въ Дауріи, сосѣдственное нер-

чинское воеводство сдѣлало вновь попытку на занятіе отнятыхъ непріятелемъ мѣстъ, и въ 1686 году, по приказанію нерчинскаго воеводы Власова, албазинскіе выходцы снова отправились съ полковникомъ Афанасіемъ Фонъ-Бейтономъ и съ тѣмъ-же Толбузинымъ на Амуръ и возобновили разрушенный Албазинъ. — Берега Амура заселились снова, Русскіе по прежнему принялись обрабатывать брошенные поля, и въ 1686 году хлѣбъ въ Албазинѣ продавался: рожь и овесъ по 9 коп. за пудъ, пшеница по 12 коп., горохъ и конопля по 30 коп., ячная крупа по 25 коп. — Новыя поселенія Русскихъ на Амурѣ снова встревожили Китайцевъ и императоръ Кхан-си далъ повелѣніе, во чтобы-то ни стало взять снова Албазинъ и навсегда выгнать Русскихъ изъ предѣловъ Маньчжуріи. Въ Іюль 1686 года снова явилось подъ Албазиномъ маньчжурское войско, состоящее изъ 8000 человекъ при 40 пушкахъ. Русскіе сожгли дома, внѣ укрѣпленія стоявшіе, и перешли въ острогъ, гдѣ выкопали для жилья землянки. Всѣхъ ихъ оказалось 736 человекъ. Маньчжурѣ прикрылись деревянною стѣною изъ срубленныхъ деревь, но Русскіе уничтожили ее калеными ядрами и взрывомъ; тогда непріятель окружилъ городъ валомъ и поставилъ на немъ пушки. 1-го сентября Маньчжурѣ рѣшились взять городъ приступомъ, но были отбиты съ жестокою потерею. Къ-песчастию между осажденными открылась цынга отъ тѣснаго помѣщенія и къ довершенію всѣхъ бѣдствій храбрый воевода Толбузинъ въ сентябрѣ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Послѣ него начальство принялъ полковникъ Бейтонъ. Не смотря на непрерывное дѣйствіе полевой и осадной артиллеріи Китайцевъ, осада шла безуспѣшно. — Въ концѣ ноября ее перемѣнили на блокаду, а въ маѣ 1687 году сняли и эту. Непріятель отступилъ на 4 версты. У Бейтона осталось только 66 человекъ, остальные частью были убиты, частью умерли отъ цынги. Непріятель потерялъ больше половины своего войска *). Въ это критическое время внезапно пріѣхалъ изъ Пекина гонецъ съ повелѣніемъ Бог-

*) Исторія рѣки Амура, въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1856 года. Подробности объ осадѣ Албазина см. мою статью «городъ Албазинъ» въ № 269 и 270 С. Петербургскихъ Вѣдомостей 1857 года.

дохана о прекращеніи осады подъ тѣмъ предлогомъ, что начнутся съ обѣихъ сторонъ переговоры о разграниченіи земель. Китайцы отступили отъ Албазина, а потомъ возвратились въ Айгунь (30-го августа 1687 г.).

Въ Москвѣ поняли, что безъ утвержденія границъ между Россією и Китаемъ нельзя прочно владѣть рѣкою Амуромъ, — а потому были посланы въ Пекинъ одинъ-за-другимъ два гонца, — канцеляристы Венуковъ и Логиновъ, съ увѣдомленіями о началіи переговоровъ и о назначеніи съ нашей стороны уполномоченнаго для переговоровъ — окольничаго Федора Алексѣевича Головина. Вторымъ лицомъ при переговорахъ былъ нерчинскій воевода Иванъ Астафьевъ Власовъ, дѣламп управлялъ дьякъ Семенъ Корницкій. Съ китайской стороны выслали восемь сановниковъ, которые прибыли въ окрестности Нерчинска въ сопровожденіи огромной свиты, и 10,000 нѣшаго и коннаго войска, подъ предлогомъ доставленія посольству съ-ѣстныхъ припасовъ. Въ качествѣ переводчиковъ съ Китаемъ были два Іезуита Жербильонъ и Перейра. Вся свита нашего посла состояла изъ нѣсколькихъ человекъ, принадлежащихъ къ посольству и 500 стрѣльцовъ. — При такомъ перевѣсѣ Китайцевъ въ числительной силѣ, Головинъ не могъ дѣлать настоятельныхъ требованій на уступку Россіи прежде занятыхъ на Амурѣ пунктовъ. Китайцы вмѣсто мирнаго разграниченія начали грозить нападеніемъ на Нерчинскъ, вмѣстѣ-съ-тѣмъ нѣсколько тысячъ Бурятъ, недавно присягнувшихъ на подданство Россіи, передались Китайцамъ. Головинъ, получивъ эти извѣстія, послѣ большихъ споровъ относительно опредѣленія границъ между двумя Государствами, подписалъ 27 Августа 1689 года нерчинскій договоръ, — первый дипломатическій актъ въ сношеніяхъ Россіи съ среднимъ Государствомъ. Содержаніе статей этого договора слово-въ-слово было слѣдующее:

«Божією милостію, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и государей и обладателей, Ихъ Царскаго Величества великіе и полномоч-

ные послы, ближней окольныхчій и намѣстникъ брянской, Оедоръ Алексѣевичъ Головинъ, стольникъ и намѣстникъ елатомской Иванъ Астафьевичъ Власовъ, дякъ Семенъ Корницкой, будучи на посольскихъ сѣздахъ близъ Нерчинска, великихъ азіатскихъ странъ повелителя, монарха самовластѣйшаго, межъ премудрѣйшими вельможи богдойскими законами управителя, дѣль общества народа китайскаго хранителя и славы, настоящаго богдойскаго и китайскаго Богдыханова Высочества съ великими послы Самгуту, надворныхъ войскъ съ начальникомъ и внутренія палаты съ воеводою, царства совѣтникомъ, да съ Темке-Камомъ, внутренія палаты съ воеводою, перваго чина княземъ, и ханскаго знамени съ господиномъ и ханскимъ дядею, и съ Ламтомъ, одногожь знамени господиномъ и съ прочими, постановили и сими договорными статьями утвердили:

«1) Рѣка именовъ Горбица, которая впадаетъ идучи внизъ рѣку Шилку съ лѣвыя стороны близъ рѣки Чорной, рубежъ между обоими государствами постановить, такожде, отъ вершины тое рѣки каменными горами, которые начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ даже до моря протяженными обонхъ государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которыя съ полуденныя стороны сихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ быти подъ владѣніемъ ханскаго Государства такожде всѣмъ рѣкамъ которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго Государства; прочіяжъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью, подъ Россійское Государство владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣніа ханскаго Государства, и впадаютъ въ море, и великія земли посреди суціа межъ тою вышепомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы принадлежатъ, неограниченны нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли разграниченія великіе и полномочные послы не имѣющіе указу Царскаго Величества отлагаютъ неограниченны до инаго благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обонхъ сторонъ пословъ Царское Величество изволитъ и Богдыханово Высочество похочетъ, о томъ обосла-

тиса послы или посланники любительными пересылки, и тогда или чрезъ грамоты или чрезъ пословъ тыя пазначенныя неограниченныя земли покойными и пристойными случаемъ успокоити и разграничити могутъ.

«2) Такжеже рѣка, рѣченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако, яко всѣмъ землямъ, котыя суть со стороны лѣвья, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣниемъ хинскаго Хана да содержится, правая сторона такжеже всѣ земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго Государства и всѣ строенія въ полуденныя стороны той рѣки Аргуни свѣсть на другую сторону тоежь рѣки.

«3) Городъ Албазинъ, который постронъ былъ съ стороны Царскаго Величества, раззорить до основанія, и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воишскими и съ иными припасы да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества и ни мало убытку или какихъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

«4) Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія, какъ съ стороны Царскаго Величества, такъ и съ стороны Богдыханова Высочества, были, и тѣмъ перебѣжцкамъ быть въ обонхъ сторонахъ безрозмѣнно; а которые послѣ сего постановленнаго мира перебѣгати будутъ, и такихъ бѣглецовъ безо всякаго умедленія отсылати съ обонхъ сторонъ безъ замедленія къ пограничнымъ воеводамъ.

«5) Какимъ-либо ни-есть людемъ съ проѣжжими грамотами съ обонхъ сторонъ для нынѣшнія начатія дружбы для своихъ дѣлъ въ обонхъ сторонахъ приѣзжати до обонхъ государствъ добровольно, и покупать и продавать, что имъ надобно да повелѣно будетъ.

«6) Прежде будущіе какіе ни-есть ссоры межъ порубежными жителями до сего постановленнаго мира были, для какихъ промысловъ обонхъ Государствъ промышленные люди переходити будутъ, и разбой или убивствы учинять, и такихъ людей поймавъ, присылать въ тѣ стороны, изъ которыхъ они будутъ въ порубежные города къ воеводамъ, а имъ за-то чинить казнь высокую. Буде-же соединясь многочисленствомъ и учинять такое вышесказанное воровство, и такихъ

своевольниковъ переловя отсылать къ порубежнымъ воеводамъ, а имъ за-то чинить смертную казнь, а войны и кровопролитія съ обоихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самыя пограничныхъ людей преступки не вчинять; а о такихъ ссорахъ писать и съ которыя стороны то воровство будетъ, обоихъ сторонъ къ Государемъ, и разрывать тѣ ссоры любительными посольскими пересылки.

«7) Противу сихъ постановленныхъ о границѣ посольскими договоры статей, естли похочетъ Богдыханово Высочество отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сіи статьи, и то отдаемъ мы на волю Богдыханова Высочества. Данъ на границахъ Царскаго Величества въ Даурской землѣ, при Нерчинскѣ лѣта 7197, Августа 27 дня.»

Нерчинскій трактатъ первоначально былъ написанъ на латинскомъ языкѣ; съ него сдѣлали переводъ на языки русскій и маньчжурскій. Странно однако-жъ, что латинскій подлинникъ, заключая въ себѣ сущность ту же, расположенъ совершенно въ другомъ порядкѣ.

Къ Бейтону въ Албазинъ послано было приказаніе, чтобы вывелъ съ Амура всѣхъ Русскихъ въ Нерчинскъ. Маньчжурское войско на обратномъ пути сожгло нашъ городокъ, отъ котораго только остались признаки его 38-ми лѣтняго существованія за 170 лѣтъ передъ симъ. Амуръ опустѣлъ и Русскіе потеряли обгаренное своею кровью приобрѣтеніе, которыми владѣли около 46 лѣтъ.

Такимъ-образомъ первоначальнаяцѣль начатаго русскими на Амурѣ дѣла было желаніе удалой казацкой вольницы погулять въ невѣдомомъ краѣ, поживиться чужею добычей, разбогатѣть безъ труда, не имѣя задней мысли о завоеваніи. Въ нашей исторіи такіе отважные походы не-разъ встрѣчаются и почти всегда ничтожныя шайки, дѣйствовавшія изъ личныхъ корыстныхъ выгодъ, были зачинателями великихъ завоеваній, распространявшихъ наши владѣнія. Тоже казачество, которое въ XVII столѣтіи появилось на невѣдомомъ берегу Амура, въкомъ рацѣ, въ слѣдствіе частныхъ своихъ набѣговъ, завладѣло обширной Сибирью, разставляя по воднымъ путямъ свои ос-

трожки. Племена, населявшія страну, не могли противиться молодецкимъ набѣгамъ; кочевые инородцы, послѣ первыхъ неудачныхъ стычекъ, признавали превосходство казаковъ; они не могли противопоставить сосредоточенной силы, которая могла-бы вступить въ продолжительную борьбу съ опытными волжскими разбойниками. Вотъ, почему завоеваніе Сибири было дѣломъ легкимъ и она осталась неотъемлемой собственностью Россіи безъ всякихъ, со стороны послѣдней, жертвованій и усилій. Дальнѣйшее упроченіе этого владычества совершилось обыкновеннымъ историческимъ порядкомъ: остроги, разставленные казаками, постепенно усиливались, — становились средоточіемъ мѣны и торгова съ туземнымъ населеніемъ, отстраивались и всѣ въ-скоромъ-времени стали городами. Столь-же легко могло-бы достаться пріобрѣтеніе Амура, еслибы Хабарову и его преемникамъ пришлось вѣдаться съ населеніемъ прибрежнымъ, съ тѣми Дучерами, Натками, Гиляками и другими инородцами, имена которыхъ оставилъ намъ Поярковъ и другіе. Они не были въ состояніи долго держаться противъ удалыхъ выходцевъ ленскихъ. Туземцы обыкновенно оставляли свои жилища, отставали ихъ иногда, когда наши шайки казались имъ слабыми; но и то, послѣ слабой обороны, признавали наконецъ превосходство Русскихъ и безъ отговорокъ являлись съ ясакомъ и присягали въ вѣрности. Но заѣтымъ ничтожнымъ населеніемъ безсильнымъ, разбросаннымъ по огромному пространству, стояла срединная имперія — Государство сильное, съ интересами дальновидными и положительными. Пока казаки грабили Дауровъ и Дучеровъ, срединная имперія не входила въ эти частныя схватки; она ихъ не опасалась и не имѣла потому надобности защищать. Но какъ-скоро появленіе русскихъ на Амурѣ становилось чаще и Китай, по занятіи нѣкоторыхъ пунктовъ нашими острогами, сталъ подозревать мысль о завоеваніи, онъ тотчасъ выслалъ военную силу, чтобы защитить себя и остановить безпокоившихъ его сосѣдей, Албазинъ пугалъ его покореніемъ Амура; острогъ начиналъ принимать характеръ крѣпостнаго города. Тутъ предстояла не стычка шайки съ ничтожнымъ народцемъ: здѣсь нужна была осада. Китаю предстояло или отстоять край, дотолѣ отъ него зависѣвшій и безусловно признававшій его

владычество, или уступить его съ бою и сознаться въ превосходствѣ Россіи, признать свое безсиліе. *)

Для тогдашней мало-населенной Сибири было весьма трудно въ-то-время отстоять свое новое приобрѣтеніе, которое сначала далось такъ-скоро. Русскимъ пришлось уступить Китаю на болѣе-или-менѣе продолжительное время, не въ слѣдствіе обидъ, притѣсненій и жестокаго обращенія казаковъ съ туземнымъ населеніемъ. Китайцы вступились отнюдь не за угнетенныхъ Дучеровъ или Дауровъ. Они опасались новаго сильнаго сосѣда, могущаго своими набѣгами подчинить своей власти всю рѣчную область Амура, т. е. большую часть Маньчжуріи, и распространить свое владычество по плодороднымъ равнинамъ и широкимъ рѣчнымъ путямъ до самой Великой Стѣны, сѣвернаго рубежа собственнаго Китая. Они не хотѣли безнаказанно утвердить за Русскими обладаніе обширнымъ краемъ и открыть имъ ворота на удобномъ водномъ пути, ведущемъ къ Океану. Поэтому, хотя походы и дѣянія русскихъ казаковъ на Амуръ за два столѣтія до нашего времени, привели въ-то-время къ безплоднымъ результатамъ, но безпристрастное потомство должно съ удивленіемъ взирать на геройскіе подвиги самоотверженія первыхъ завоевателей Амура, часто платившихъ жизнь и кровію за свое молодечество и съ признательностію сохранять имена ихъ, дошедшихъ до насъ въ древнихъ повѣствованіяхъ, потому-что они первые проложили путь по неизвѣстной рѣкѣ, открыли существованіе неизвѣстныхъ до того времени народовъ, доставили извѣстія о богатствѣ и плодородіи неизслѣдованной страны и наконецъ своимъ водвореніемъ на берегахъ Амура доставили *поводъ и возможность къ позднѣйшему возвращенію потерянной страны во владѣнія Россіи*. Кромѣ-того, отъ нихъ наука и весь свѣтъ впервые узнали о существованіи, характерѣ и очертаніи неизвѣстной до-того времени великой рѣчной системы, и свѣдѣнія эти тѣмъ драгоценнѣе, что въ теченіи почти 200 лѣтъ, до современныхъ намъ повѣйшихъ русскихъ экспедицій по Амуру, они были почти единственными источниками объ этой рѣкѣ.

Д. Романовъ.

*) Описаніе плаванія по р. Амуру г. Свербева.

МАККІАВЕЛЛИ.

Статья первая.

I.

Великаго человѣка невозможно разсматривать отдѣльно отъ его вѣка и общества. Какъ-бы высоко ни стоялъ онъ надъ своими современниками, онъ непремѣнно долженъ усвоить себѣ часть ихъ воззрѣній, ихъ обычаевъ или явиться совершеннымъ реформаторомъ; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ точное опредѣленіе значенія его невозможно безъ показанія картины современнаго ему общества. Для Маккіавелли это необходимо, чѣмъ для кого-нибудь другого. Никто болѣе его не подвергался неумѣреннымъ похваламъ и порицаніямъ; ни въ чьихъ сочиненіяхъ вѣкъ не обнаружилъ сильнѣе своего вліянія, поэтому, прежде-чѣмъ приступимъ къ біографіи знаменитаго мыслителя и къ оцѣнкѣ его произведеній, мы рѣшились представить положеніе Италіи въ пятнадцатомъ вѣкѣ и въ первой половинѣ шестнадцатаго.

Путешественникъ, проѣзжающій нынѣ по Италіи, безпрестанно встрѣчаетъ остатки великолѣпно-выстроенныхъ городовъ: отъ равнинъ Ломбардіи, долинъ Тосканы и Романьи до пустынныхъ береговъ Папской Области на каждомъ шагу выступаютъ великолѣпные обломки, свидѣтели минувшаго величія: палаццо, дышашія роскошью и античнымъ изяществомъ, не смотря на то, что все непрочное погребло въ нихъ: дерево сгнило, стекла разбиты, свинець сорванъ съ кровли. Тутъ-же рядомъ съ ними попадаются необработанныя поля

и развалины каменныхъ крестьянскихъ домиковъ, нѣкогда отличавшихся удобствомъ и прочностью, а теперь забытыхъ и опустѣлыхъ.... (Sismondi).

Все, на каждомъ шагу, поражаетъ взоры внимательнаго наблюдателя; все заставляетъ его задуматься объ участи страны, когда-то первенствовавшей въ Европѣ по своему богатству, умственному и нравственному развитію. Съ отрадой смотришь на ея прошедшее, съ грустью на настоящее, съ надеждой на будущее!...

Западная Римская Имперія пала подъ ударами нахлынувшихъ на нее со всѣхъ сторонъ варваровъ. Ночь, нашедшая на нее, была, по выраженію Маколя, ночь арктическаго лѣта. Общинное начало Германцевъ нашло твердую почву себѣ въ римскомъ правѣ и въ остаткахъ римской цивилизаціи.

Шесть вѣковъ прошло послѣ этого великаго событія и новая нація является достойной наслѣдницей великаго народа. Ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо началось въ ней сознаніе своего человѣческаго достоинства и, въ слѣдствіе того, уничтоженіе рабства. Устроивши въ XIII столѣтіи свою свободу, Италия умѣла воспользоваться ею. Борьба свѣтской власти съ духовною окончательно гарантировали права, приобретенныя долговременною и кровавою борьбою.

Все, что было посеяно въ XIII вѣкѣ, распустилось пышнымъ цвѣткомъ въ XIV и принесло роскошные плоды въ первой половинѣ XV.

Но во время этого быстрого сверхъестественнаго развитія величественное дерево итальянской свободы начало чахнуть и рухнуло въ концѣ XV столѣтія. Но до-тѣхъ-поръ; пока не было бури, оно гордо возвышало прекрасную вершину свою, удивляя взоры многоплеменныхъ, хотя тайный червь подточилъ уже его корни (Sismondi, t. XII. Hist. des rep. ital.).

Въ политическомъ отношеніи Италия этого времени раздѣлялась на множество мелкихъ владѣній, старавшихся уничтожать другъ-друга. Военный деспотизмъ господствовалъ въ Ломбардіи, республиканскій духъ въ Тосканѣ, анархія въ Папской Области; Неаполь-же представлялъ королевство, едва возникшее изъ феодальной системы и уже клонившееся къ разрушенію. (Sismondi, t. X).

Всѣ эти государства соединялись между собою узами языка и религiи, но раздѣлялись личными эгонистическими видами. Стремленіе къ увеличенію своихъ владѣній, къ соединенію Италіи въ одно цѣлое, было постоянною заботою папъ Висконти, королей Неаполитанскихъ и другихъ владѣтелей.

Не смотря на безпрестанныя войны, происходившія по этому случаю, Италія была въ цвѣтущемъ положеніи, потому-что онѣ велись съ человѣколюбиемъ, достойнымъ нашего времени: съ плѣнными обращались хорошо; города и села щадил и, во все время производимыхъ кондотьерами войнъ, можно указать только на разграбленіе Піаченцы и Вольтерры, какъ на два самые ужасные эпизода того времени.

Причины такой гуманности заключались въ нравственномъ развитіи Итальянцевъ, чуждавшихся бесполезной жестокости, и въ организаціи ихъ войскъ. Главную силу итальянскихъ армій составляли кондотьеры, наемные солдаты. Безпрестанные переходы ихъ отъ одного владѣтеля къ другому, выгоды, доставляемые войною, заставили ихъ желать продолженія ея, и они щадил плѣнныхъ непріятелей для выкупа, и какъ людей, которые помогали имъ вести войну до безконечности.

Блестящіе примѣры успѣха кондотьеровъ, дѣлавшихся иногда владѣтельными князьями, какъ Франческо Сфорца, поощряли искателей приключеній записываться въ эти дружины.

Они не были лишены мужества; въ нихъ были всѣ зародыши для образованія хорошей арміи, но они не могли равняться въ неустрашимости съ за-альпійскими войсками; хотя въ-послѣдствіи, когда нѣсколько лѣтъ кровопролитной войны, начавшейся при Карлѣ VIII, доставили имъ необходимую практику, итальянскія арміи не уступали другимъ и итальянская пѣхота, обученная испанскими офицерами, считалась лучшею.

Впрочемъ, и до того времени мы видимъ въ исторіи неоднократные примѣры итальянскаго мужества: такъ войска, посланныя на помощь Людовику XI Франческо Сфорца, съ честью вышли изъ междоусобныхъ войнъ, волновавшихъ тогда Францію; а солдаты Кампо-Бассо, бывшіе въ службѣ

Карла-Смѣлаго, показали свою храбрость при осадѣ Кельна въ 1474 году (Sismondi, t. XII. Varante, t. II. H. des Ducs des Bourg.).

Двадцать лѣтъ прошло послѣ того, и безпрестанныя сраженія, похожія скорѣе на турниры, чѣмъ на настоящія битвы, не только не возвысили мужество Итальянцевъ; но, напротивъ, почти совершенно убили его *). Недостатокъ убѣжденія былъ главною причиною упадка духа ихъ армій; одушевляемыя никакимъ могучимъ нравственнымъ двигателемъ, онѣ не могли безбоязненно смотрѣть на смерть; сознаніе въ робости не считалось для Итальянцевъ того времени постыднымъ: они уважали военное могущество, но несравненно болѣе его цѣнили гражданское....

Вотъ, какъ описываетъ Гвиччардини состояніе итальянскихъ армій: «большею частію солдаты были изъ крестьянъ или разнаго сброду, почти всегда поданные не того государя, за котораго сражались; они вполне зависѣли отъ своего капитана относительно жалованья и поступленія на службу. Они не были одушевлены ни жаждою славы, ни другимъ какимъ-либо благороднымъ побужденіемъ. Капитаны не только рѣдко бывали поданными тѣхъ, кто ихъ нанималъ, но даже часто имѣли различныя съ ними виды и интересы. Между собою они были раздѣлены соперничествомъ и безпрестанною враждою. Такъ-какъ ихъ плата не была опредѣлена и они самовластно управляли ротами — они содержали ихъ не въ полномъ комплектѣ, хотя получали жалованье на всѣхъ. Не довольствуясь выгодными условіями, принятыми ими, они безпрестанно изыскивали случая извлекать изъ своихъ наемщиковъ новыя суммы. Вскорѣ, наскучивъ служить одному лицу, переходили къ другому, иногда присоединяя къ этому измѣну и вѣроломство.» (Гвиччардини, книга 1, глава III).

Не смотря на то, Италія процвѣтала. Она давала при-

*) Бюндо, описывая сраженіе при Ангиари (Anghiari), продолжавшееся около 4-хъ часовъ, говоритъ, что въ арміи Пиччинино было убито 60 человекъ, а ранено 400; Поджіо уменьшаетъ число первыхъ до 40, а въ Флорентинской арміи полагаетъ только 200 раненыхъ, изъ которыхъ 10 умерло отъ ранъ. Маккіавелли считаетъ только одного убитаго.

мѣры и уроки другимъ государствомъ. Она не пыталась завладѣть ими, но и не допускала ихъ дѣлать завоеванія; правда, нѣкоторыя иностранныя арміи являлись въ Италіи, но онѣ состояли на службѣ туземныхъ государей. (Sismondi, t. XII).

Отсутствіе централизаціи и раннее возникновеніе городовъ, пользовавшихся правами, выработанными во время борьбы свѣтской власти съ духовною, обширныя торговыя обороты и широкое умственное развитіе, способствовали благосостоянію Италіи. Жизнь гражданъ была вполнѣ открыта и находилась въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ жизнью государства, а потому личныя страсти часто производили революцію. Въ преобладаніи городовъ нельзя видѣть одной изъ причинъ упадка Италіи, какъ полагаетъ Маколя: сгущеніе населенія способствуетъ передачѣ свѣдѣній и товаровъ и раздѣленію труда; основаніе городовъ способствуетъ просвѣщенію, въ нихъ увеличиваются и являются новыя потребности и вмѣстѣ-съ-тѣмъ призывается большее число рукъ къ работѣ. Города преобладали во Фландріи и Испаніи, однако-же не влекли ихъ къ упадку. Но наступилъ новый вѣкъ; идея централизаціи и абсолютивнаго эгоизма нашла могучихъ поборниковъ въ лицѣ государей, Австрійскаго дома и Людовика XI. Максимилианъ погубилъ Фландрію; Карль V былъ злымъ гениемъ Фуресовъ Испаніи и свободы Италіи. Правда, она не пользовалась той республиканскою свободою, каковую разумѣемъ нынѣ, но она была счастлива по своему, хотя не имѣла свободы печати, преній и совѣсти. Едва во всей исторіи Италіи можно найти два или три примѣра сочиненій о распоряженіи правительства, да и тѣ были напечатаны за границей. Если авторовъ подобныхъ сочиненій удавалось схватить — ихъ наказывали съ величайшею строгостію, но за-то въ сочиненіяхъ, назначенныхъ для потомства, видны рѣдкое безпристрастіе, языкъ и чувства свободнаго человѣка. (Sismondi, t. XII).

Въ совѣтахъ меньшинство не было гарантировано: оно не могло съ полною свободою защищать свои мнѣнія: рѣчи, произносимыя передъ совѣтами, судились съ такою строгостію, всякое неосторожное выраженіе подвергалось такпмъ

наказаніямъ, что почти-никто не осмѣливался безъ страха предаться преніямъ. Меньшинство оппозировало подачею голосовъ, и часто случалось, что законъ, принятый съ безмолвнымъ одобреніемъ, бывалъ отвергнутъ, потому-что при подачѣ голосовъ не находилъ достаточнаго большинства. Тогда преобладающая партія прибѣгала къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобъ добиться необходимаго числа голосовъ и отъ этого происходили смуты.

Для охраненія своей независимости отъ внутреннихъ покушеній, республики выбирали въ важнѣйшія должности только на два мѣсяца, въ менѣе важныя на годъ; такимъ-образомъ вліяніе этихъ выбранныхъ чиновниковъ было ограничено: они не могли безнаказанно предаваться своеволю, потому-что по окончаніи срока должны были отдать отчетъ въ употребленіи своей власти. Эта мѣра имѣла другую полезную сторону; она побуждала гражданъ учиться, чтобъ быть въ состояніи занять тѣ высокія должности, къ которымъ стремились ихъ честолюбіе. Эта мѣра, возобновляя безпрестанно членовъ правительства, позволяла большинству участвовать въ управленіи государствомъ и обнаруживать свои административныя способности.

Вообще можно сказать, что итальянскія республики руководствовались въ своихъ конституціяхъ слѣдующими правилами: всякая власть надъ народомъ исходитъ отъ народа и должна возвращаться къ нему; всякій, пользующійся такою властью, обязанъ отчетомъ въ употребленіи ея — народу.

Казалось, учрежденія, основанныя на подобныхъ началахъ, должны были навсегда обезпечить независимость республикъ — на дѣлѣ вышло не такъ: въ концѣ XV вѣка, пропадаетъ даже ея иллюзія.

Причины этого заключались въ упадкѣ духа свободы, въ ослабленіи патріотизма, въ недостаткѣ федеративнаго начала, въ упадкѣ демократическаго элемента. Вся предшествовавшая исторія Италіи представляетъ борьбу народнаго начала съ идеей единства; представителями которой были папа и императоръ. Папы не дали выработаться и вполне сформироваться итальянской народности: императоры постоянно мѣшали развитію демократическаго элемента. Несмотря на то,

Италія успѣла освободиться отъ опеки графовъ и архіепископовъ, умѣла переселить кастеляновъ въ города, отстоять своихъ консуловъ и поедеть, хотя не на-долго. Духъ партій породилъ тирановъ и синьоровъ — они придали Италіи паружное великолѣпіе, но развратили гражданъ и убили въ нихъ чувство древняго патріотизма.

Аристократія усиливалась болѣе-и-болѣе въ республикахъ и подрывала ихъ главные принципы, безпрестанно нарушая старые законы и издавая новые въ свою пользу. Въ другихъ республикахъ утвердились кондотьеры и управляли самовластно; города-же, оставшіеся свободными, не давали права представительства деревнямъ; увеличивая число подданныхъ, они уменьшили число гражданъ. Въ XIII столѣтіи число пользовавшихся гражданскими правами простиралось до 1,800,000, тогда-какъ въ XV считалось ихъ только 18,000 на 18,000,000 жителей. (Sismondi, t. XII).

Недостатокъ федеральнаго начала, разъединивъ Италію, поставилъ ее въ невозможность бороться противъ сильныхъ непріятелей. Это начало какъ-то не прививалось на итальянской почвѣ; хотя Швейцарія подавала спасительный примѣръ союза республикъ между-собою; хотя лига городовъ противъ Фредерика Барбаруссы показала всю пользу этой мѣры... Междоусобныя войны велись для соединенія Италіи въ одно цѣлое. Завоеваніе Пизы Флоренціею повредило всему полуострову, лишивъ его торговаго и промышленнаго города и положивъ въ сердца Пизанцевъ непримиримую несправедливость противъ Флоренціи. Завоеванія Сфорца, Альфонса Аррагонскаго и Папъ, уничтожили многихъ мелкихъ владѣтелей; но не способствовали благополучію Италіи. Еслибъ даже кто-нибудь и успѣлъ сдѣлать изъ нея одну монархію — врядъ-ли-бы она стала счастливѣе; она могла сдѣлаться завоевательною, слѣдовательно — нарушить законы справедливости, пожертвовать внутреннимъ развитіемъ пустому блеску ложной славы и вооружить противъ себя могучую коалицію, которая могла привести ее на край гибели, что не разъ случалось съ Венеціей, преданной завоеваніямъ....

Но всѣ эти признаки скорого паденія были скрыты подъ блестящею одеждою; страна кипѣла дѣятельностью и тор-

говлею: въ городахъ воздвигались великолѣпные палаццо и храмы; флоты бороздили моря; торговыя факторіи были заведены вездѣ: на берегахъ Чернаго моря, въ Испаніи, въ Африкѣ и на далекомъ Сѣверѣ. Шелкъ, мѣха, ленъ, олово, пенька — все привозится въ Италію; все, что требуетъ изящной отдѣлки, получаетъ ее тамъ и оттуда уже развозится по Европѣ и мусульманскому Востоку.

Еще въ началѣ XIV вѣка Венеціанцы знали хлопчатую бумагу и превосходно выдѣлывали зеркала и кожи съ позолотой. Торговля солью составляла ихъ монополію и они снабжали ею всѣхъ за дешевую цѣну. (Daru, Hist. de Venise).

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о богатствѣ Италіи того времени, представимъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ Флоренціи и Венеціи. Домъ Медичи съ 1434 по 1471 годъ издержалъ на строенія, подаенія и уплату податей до 8 милліоновъ рублей серебромъ на наши деньги. (Roscoe. Life of Lorenzo). Имѣнія Медичи въ 1469 году цѣнились въ 237,989 флоринновъ. (Sismondi). При входѣ Карла VIII во Флоренцію былъ заключенъ трактатъ, по которому республика обязалась выплатить 120,000 дукатовъ, изъ нихъ 50,000 въ теченіи пятнадцати дней. (Гвиччардини). При грабежѣ дома Пьетро Медичи, у него захватили вылитого изъ серебра единорога, цѣною отъ 6 до 7 тысячъ дукатовъ; 20,000 дукатовъ наличными деньгами, множество прекрасныхъ агатовыхъ блюдъ, камеевъ, перстней и до 3,000 золотыхъ и серебряныхъ медалей, вообще убытокъ Медичи въ этотъ день превышаетъ 100,000 экю. (Комминъ, книга 7, глава 1).

Венеція была еще богаче. 25,000 матросовъ было занято торговымъ мореплаваніемъ; 45 галеръ съ 11,000 экипажа ходило по морю для защиты торговли; монетный дворъ ежегодно выдавалъ до 5 милліоновъ серебромъ на наши деньги. Въ одной Венеціи считалось до 1,000 нобилей, имѣвшихъ доходу отъ 4 до 70 тысячъ дукатовъ (Daru, t. III). Комминъ, описывая эту царицу Адриатическаго моря, говоритъ, что великолѣпіе зданій, красота каналовъ и множество гондоль, удивили его. Онъ полагаетъ число лодокъ до 30,000 и насчитываетъ въ окружности города на разстояніи половины французской мили болѣе 70 монастырей. Еще разительнѣе

представляется богатство Венеціанской республики во время войны ея съ Камбрейскою Лигою, когда ежегодно она издерживала до 50 милліоновъ серебромъ (принявъ въ расчетъ относительную цѣнность металла), и такія издержки продолжались въ теченіи восьми лѣтъ. Кредитъ Венеціи былъ такъ-проченъ, что въ то время, когда никто не давалъ денегъ Максимилиану, а Французскій король съ большимъ трудомъ доставалъ ихъ за 40 процентовъ, она доставала за пять (Dagu).

Цвѣтущее состояніе торговли въ Италіи подтверждается множествомъ банковъ въ разныхъ мѣстахъ ея. Замѣчательнѣйшіе были Венеціанскій, основанный въ 1170 году, и Генуэзскій, получившій начало послѣ знаменитой войны Генуи съ Венеціей. Не имѣя возможности уплатить долгъ свой, сдѣланный во время войны, республика предоставила кредиторамъ таможенные доходы. Кредиторы составили совѣтъ изъ 100 членовъ и трибуналь изъ 8 главныхъ кредиторовъ для исполненія постановленій. Они раздѣлили векселя на акціи, которыя назывались *luoghi* и дали имя св. Георгія своей корпорации.

Едва она устроилась, какъ государству снова случилась нужда въ деньгахъ, оно обратилось къ банку и отдало часть земель въ залогъ; мало-по-малу большая часть городовъ и земель, находившихся подъ властію Генуи, перешли въ вѣдѣніе банка. Правительство не вмѣшивалось въ его распоряженія и онъ назначалъ отъ себя губернаторовъ для управленія отданными въ залогъ имуществами. Компанія имѣла свои войска, свой флотъ и пользовалась огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ, потому-что управляла кротко и правосудно. (Маккиавелли, исторія Флоренціи). Кромѣ банковъ были еще учреждены монахомъ Бернардо де-Фельтро ломбарды (*Monts de piété*), которые, не смотря на противодѣйствіе ростовщиковъ, вскорѣ размножились и были окончательно утверждены буллою Леона X. (Женгене).

Благосостояніе было разлито не только въ большихъ городахъ, но и въ маленькихъ и въ деревняхъ. Такъ остатки Уццано, Монтекатини и другихъ городковъ показываютъ прежнее довольство ихъ жителей. Эти дома, говоритъ Спс-

монди, составили-бы лучшіе кварталы въ городахъ, подобныхъ Буржу, Сенсу, Троа, а храмы ихъ украсил-бы даже главнѣйшіе города Франціи.

Земледѣліе въ Италіи было основано на арендаторствѣ. Въ другихъ странахъ Европы земледѣльцы были прикрѣплены къ землѣ, Итальянцы были свободны. Они нанмали у арендаторовъ земли и давали въ уплату половину жатвы. Давно уже Италія поняла преимущество свободного труда передъ насильственнымъ, и факты блистательнымъ образомъ оправдали это положеніе. Ломбардія была покрыта сѣтью каналовъ, поддерживавшихъ постоянное плодородіе почвы; долины Тосканы были усѣяны оливами и виноградниками; повсюду видѣлись плотины для предупрежденія разлива рѣкъ, цвѣтуція деревни попадались на каждомъ шагу отъ Ливорно до Омброне. Поселяне почти все жили въ городкахъ обнесенныхъ стѣнами *). Туда, при нашествіи непріятеля, загоняли они скотъ и уносили земледѣльческія орудія и хлѣбъ, дома въ этихъ деревняхъ были бѣльшею частію въ два этажа и выстроены изъ камня. Остатки ихъ попадаютъ донынѣ, даже въ ущельяхъ Абрुцкихъ горъ.

Такое общинное устройство обезпечивало права земледѣльцевъ, потому-что они чувствовали свое значеніе и само правительство нѣкоторымъ образомъ способствовало этому, снабжая ихъ оружіемъ и давая имъ разныя права и преимущества.

Эти крестьянскія общины имѣли свою общественную казну и управлялись людьми по своему выбору безъ вмѣшательства центральной власти. Чувствуя свою обезпеченность въ отношеніи юридическомъ и матеріальномъ, земледѣльческое сословіе могло спокойно предаваться своимъ занятіямъ; даже слишкомъ большое число дѣтей не утрушало поселянина: для нихъ открыты были дороги въ армію, въ духовенство, въ ремесленные цехи городовъ...

Въ умственномъ развитіи Италія стояла еще на болѣе высокой степени. XIV вѣкъ далъ ей Данте, Боккачіо и Пет-

*) Большая часть изъ нихъ имѣла сверхъ-того отдѣльные домики на поляхъ.

рарку; но народный языкъ, обработанный этими гигантами, остался на той-же степени въ XV. Въ этотъ вѣкъ все занялось изученіемъ классической древности: государи и частные люди съ неутомимымъ усердіемъ отыскивали древнія рукописи, переводили греческихъ классиковъ, учреждали академіи и университеты; дарили ученымъ значительныя суммы; пріоблѣжали ихъ къ себѣ и употребляли для важныхъ порученій. Скульптура, Живопись, Архитектура, Музыка также были во всеобщемъ почетѣ. Изъ всѣхъ Итальянскихъ республикъ первое мѣсто въ покровительствѣ просвѣщенія принадлежитъ Флоренціи. И это весьма естественно, въ ней не было ни подозрительной венеціанской олигархіи, ни ревниваго абсолютизма неаполитанскихъ королей, ни переменчиваго католическаго направленія папъ: напротивъ, бури народныхъ собраній, безпрестанная смѣна правительствъ, уваженіе къ Поэзіи, воспитанное Данте и Боккачіо, содѣйствовали развитію слова. Обширная торговля и богатство, доставленное ею, родили въ сердцахъ гражданъ жажду благородныхъ удовольствій: знатнѣйшія лица паперерывъ покровительствовали Наукѣ и Литературѣ; во главѣ ихъ стоитъ фамилія Медичи.

Косма Медичи во время пребыванія своего въ Венеціи основалъ при бенедиктинскомъ монастырѣ св. Георгія великолѣпную бібліотеку, поручивъ выстроить зданіе для ней архитектору Микелоцци. По возвращеніи изъ изгнанія во Флоренцію, когда на флорентійскомъ соборѣ явился извѣстный платоникъ Гемистъ Плевонъ, Косма, очарованный его ученіемъ, принялъ его подъ свое покровительство и основалъ платоническую академію подъ руководствомъ Марсіліо Фичино (Marsilio Ficino). Онъ былъ сынъ хирурга. Отецъ хотѣлъ сдѣлать его медикомъ и съ этой цѣлью послалъ въ болонскій университетъ, но молодой человѣкъ предпочтительно занимаясь философіей. Косма покровительствовалъ ему и благосклонно принялъ первыя его произведенія. Въ послѣдствіи Фичино выучился по-гречески и на 35 году отъ рожденія переревелъ всего Платона. Онъ прекрасно зналъ Музыку и любилъ пѣть гимны, акомпанируя себѣ на лирѣ. Въ этомъ также нельзя не признать вліянія Платона (см. Республика Пла-

тона, кн. III). Преемники Космы продолжали покровительствовать Марсилио: Пиетро Медичи издалъ его сочиненія, а Лоренцо далъ ему многія бенефиціи, когда почтенный ученый ностунилъ въ духовное званіе. Наконецъ, послѣ 66-ти лѣтней спокойной жизни Фичини скончался въ 1499 году. До него-же во Флоренціи господствовалъ Аристотель. По взятіи Турками Константинополя, убѣжавшіе Греки постоянно находили помощь у Космы. Въ это-же время одинъ изъ ученѣйшихъ флорентинскихъ гражданъ Николо Николи собралъ бібліотеку изъ 800 томовъ, исправилъ многія ошибки въ текстѣ классиковъ и хотѣлъ открыть входъ въ свое книгохранилище для публики; но смерть помѣшала осуществить это намѣреніе. Между-тѣмъ, подвизаясь на своемъ похвальномъ поприщѣ, Николо Николи не только истратилъ все свое состояніе, но сдѣлалъ сверхъ-того значительные долги и кредиторы предъявили притязаніе на бібліотеку; но Косма выкупилъ ее, поручилъ Николаю Сарцанскому (въ-послѣдствіи папѣ) привести ее въ порядокъ и поставилъ потомъ въ монастырѣ Св. Доминика. Не довольствуясь этимъ, онъ посылалъ на Востокъ за рукописями и не щадилъ ничего для ихъ пріобрѣтенія; онъ-же первый положилъ основаніе знаменитой флорентинской галлерей, издержавъ на это около 28,000 флориновъ. Въ его время Масачіо (Masaccio) и Липпи украшали Флоренцію картинами, Донателло статуями, Брунелески поднялъ чудный куполъ надъ церковью Santa Maria dei fiore, Гиберти отлилъ великолѣпныя врата къ баптистерію св. Іоанна *).

Единовременно съ Космою Медичи являются покровителями просвѣщенія папы: Евгений IV возобновляетъ римскій университетъ, а Николай V дѣлаетъ несравненно болѣе. Сынъ бѣднаго аптекаря, онъ еще въ молодости отличался любовью къ Наукѣ и страстью къ рукописямъ: объяснялъ и копиро-

*) Для этой работы былъ назначенъ конкурсъ; сюжетъ — жертвоприношеніе Авраама. Гиберти, хотя ему было только 22 года, побѣдилъ всѣхъ. Врата эти, вышиною въ 3 сажени, обведены рамою, украшенною разными фигурами, и состоятъ изъ десяти барельефовъ, которыхъ содержаніе заимствовано изъ Ветхаго Завѣта. Врата нашего Казанскаго Собора представляютъ копію съ вратъ Гиберти.

валъ ихъ. Сдѣлавшись папою, онъ велѣлъ перевести на латинскій языкъ Діодора Сицилійскаго, Киропедію Ксенофонта, Геродота, Фукидида, Полибія, Аппіана Александрійскаго, Иліаду Гомера, Страбона, Аристотеля, Птоломей, Платона и Теофраста, не считая греческихъ отцовъ церкви.

Щедрость этого папы не знала предѣловъ, когда онъ былъ доволенъ подносимымъ ему сочиненіемъ. Поджіо, переводчикъ Діодора, говоритъ, что св. отецъ помирилъ его съ фортуною: Вала за переводъ Фукидида, Перотти за Полибія получили по 500 зол. экю, Гварини Веронскій за Страбона 1,500; кромѣ-того папа заказалъ Филельфо перевести латинскими стихами Иліаду и Одиссею и обѣщалъ ему за то домъ въ Римѣ, хорошую землю за-городомъ и 10,000 золотыхъ экю. Смерть Николая помѣшала выполненію этого труда. Этого-же папу по справедливости можно назвать основателемъ Ватиканской бібліотеки (хотя она существовала съ 752 года), потому-что онъ дѣлалъ значительныя перестройки въ ней, прибавилъ 6000 томовъ и открылъ ее для публики.

Изъ другихъ лицъ духовнаго званія, заботившихся о просвѣщеніи, особенно замѣчательнъ кардиналъ Виссаріонъ, Грекъ по рожденію и по вѣрѣ, онъ былъ одинъ изъ представителей православія на флорентинскомъ соборѣ; но въ-слѣдствіе политическихъ соображеній перешелъ въ католицизмъ. Сдѣланный кардиналомъ онъ открылъ у себя въ домѣ академію и приглашалъ собираться къ нему поэтовъ и философовъ.

Въ бытность свою въ Болонѣй легатомъ, онъ перестроилъ зданіе университета, пересмотрѣлъ и исправилъ его уставы, нанялъ хорошихъ профессоровъ и многихъ студентовъ содержалъ на свой счетъ. Венеціи подарилъ богатую коллекцію греческихъ рукописей, которыя ему самому стоили до 30,000 золотыхъ экю. По философскимъ мнѣніямъ онъ принадлежалъ, какъ и папа Николай V, къ школѣ Платона и писалъ въ защиту своего учителя отъ нападеній Георгія Требизондскаго, приверженца Аристотеля. Альфонсъ, король неаполитанскій, также окружилъ себя поэтами, учеными, художниками, всякій день велѣлъ читать себѣ классиковъ, позволяя знающимъ людямъ присутствовать при этомъ чтеніи

и выражать свободно свои мнѣнія, хотя-бы они проговорѣчили ему. Въ гербѣ его вмѣсто оружія была открытая книга и онъ такъ цѣнилъ образованіе, что позволялъ этотъ гербъ употреблять Филельфо. Покровительство Альфонса привлекло многихъ къ его двору: столица блистала, но провинціи были невѣжественны. Все принеслось въ жертву централизациі.

Мелкіе владѣтели шли по слѣдамъ большихъ. Маркизь Феррарскій Николой III открылъ университетъ, закрытый во время его малолѣтства и выбралъ наставникомъ сына своего Гварини Веронскаго. Выборъ этотъ оправдалъ ожиданія маркиза: молодой Лионель проводилъ все время въ кругу ученыхъ и литераторовъ и по смерти отца придалъ еще болѣе блеска университету.

Джованни Франческо Гонзаго поручилъ воспитаніе дѣтей своихъ Витторини де-Фельтро, построилъ для этого особый домъ, названный Веселымъ, и позволилъ брать на воспитаніе другихъ дѣтей. Система этого преподавателя отличалась энциклопедическимъ образованіемъ, гимнастикой, діететикой и кротостью, чуждыми духу схоластики того времени.

Но всѣ эти личности уступаютъ Лоренцо Медичи во вліяніи на развитіе просвѣщенія. Прежде-всего онъ счелъ долгомъ поддержать платоническую академію; Полиціано и Пинк де-Мирандола помогли ему. Первый сдѣлался извѣстенъ послѣ поэмы въ честь побѣды, одержанной Джуліано Медичи на турнирѣ, данномъ по случаю свадьбы друга Лоренцо Браччіо Мартелло. Оба Медичи остались побѣдителями; побѣда перваго прославлена Пузьчи (Лукой); втораго Полиціано. Изящный вкусъ молодаго Лоренцо тотчасъ отгадалъ дарованіе юнаго поэта и принялъ его подъ свое покровительство. Лоренцо не ошибся. Полиціано, изучивъ языки греческій и латинскій, съ жаромъ занялся философіей Платона и Аристотеля, хотя Поэзія составляла его любимое занятіе. Подъ перомъ его октава достигла замѣчательнаго совершенства и неоконченная поэма въ честь Джуліано считается въ числѣ образцовыхъ произведеній итальянской Литературы. Онъ первый составилъ пастораль «Favola di Orfeo», уклоняющуюся отъ мистеріи; въ ней представлена исторія Орфея и Еври-

дикъ; но капиталный трудъ его составляетъ сочиненіе о Пандектахъ Юстиніана. Другой знаменитый другъ Лоренцо былъ Пикъ де-Мирандола, сынъ владѣтеля Мирандолы и Конкордіи. Еще въ молодости онъ изумлялъ всѣхъ своей необычайной памятью: стоило передъ нимъ прочесть разъ стихи и онъ повторялъ ихъ, начиная съ конца. Четырнадцать лѣтъ, окончивъ изученіе каноническаго права, принялся онъ за богословіе и философію. Безпрестанно переходя пзъ одного университета въ другой, онъ въ каждомъ держалъ публичные диспуты, занимаясь въ то-же время изученіемъ языковъ съ такимъ прилежаніемъ, что на 23 году зналъ языки греческій, латинскій, еврейскій, халдейскій и арабскій. По возвращеніи въ Римъ, онъ представилъ 900 положеній для публичныхъ диспутовъ; но питриги номѣшали этому діалектическому турниру. Изъ сочиненій его лучшимъ считается направленное противъ судебной астрологій. Кромѣ того Пикъ де-Мирандола вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Піо де-Карпи способствовалъ Альдо Мануччи завести типографію.

Поощряя изученіе платонической философіи, Лоренцо возстановилъ послѣ двѣнадцати вѣковаго промежутка ежегодный праздникъ въ честь Платона. Горячо сочувствуя этому мыслителю, онъ писалъ на разныя темы пзъ его ученія и съ замѣчательною ясностью излагалъ ихъ. Вообще Лоренцо обладалъ замѣчательныхъ поэтическимъ дарованіемъ во всѣхъ родахъ: писалъ сатиры, шутливыя поэмы (Вепі-пьяницы), посланія, оды; составлялъ на простонародномъ языкѣ карнавальныя пѣсенки, отличавшіяся остроуміемъ и веселостію; занимался составленіемъ мистерій, какъ напримѣръ мистерія о Павлѣ и Іоаннѣ, пострадавшихъ въ царствованіе Юліана *). Представленіе было великолѣпно, обстановка изумляла всѣхъ, были даже полеты **).

*) Не было-ли это передѣлкой мистеріи: «обращеніе Галликауса», написанной одной гендерсгейской монахиней (см. Вильмена *Tableau de la littérature de moyen âge*, стр. 221—225).

**) Впрочемъ, этому удивляться нечего. Во время празднествъ, происходившихъ въ Бургундіи, по случаю свадьбы Карла Смѣлаго, въ 1468 году, видны были чудеса механики. Въ заключеніе праздниковъ въ залу вошелъ китъ до 60 футовъ въ длину, сопровождаемый двумя великанами; онъ шелъ хвостомъ и плавательными перьями; вмѣсто глазъ были вставлены

Изъ другихъ трудовъ Лоренца на пользу просвѣщенія можно указать на возобновленіе Пизанскаго университета. Съ-тѣхъ-поръ какъ Пиза подпала подъ власть Флоренціи, послѣдняя угнетала ее. Благородному сердцу Медичи тяжело было это видѣть, и благодаря его стараніямъ, республика положила возобновить Пизанскій университетъ и ассигновала на открытіе и основаніе его 6000 флориновъ. Медичи прибавилъ значительную сумму отъ себя.

Покровительствуя Наукѣ, знаменитый флорентинецъ не забывалъ и искусство. Изъ садовъ своихъ онъ сдѣлалъ родъ академіи, украсивъ античными статуями аллеи, боскеты и кіоски и позволивъ посѣщать ихъ молодымъ людямъ, подающимъ надежды. Тамъ любимый ученикъ Гирландайо знаменитый Микель-Анджело изучалъ древнихъ, тамъ былъ для него неисчерпаемый источникъ вдохновенія!... Кромѣ-того Лоренцо увеличилъ флорентинскую галерею самыми рѣдкими произведеніями искусства и, уважая память талантовъ, отошедшихъ уже въ вѣчность, приказалъ поставить бюсты живописца Джіотто въ церкви Santa-Maria dei fiori, а Филиппу Липпи заказалъ монументъ въ Сполетто. Изъ построекъ Лоренцо замѣчательны церкви Сепъ-галло (названная такъ потому, что находится вблизи воротъ этого имени) и Санъ-Лоренцо, и монастырь въ Фіезоле, славномъ великолѣпнымъ дворцемъ Медичи.

Одновременно съ этимъ великимъ человѣкомъ является покровителемъ наукъ Людовикъ Сфорца, прозванный Моромъ. По смерти благороднаго Франческо, соперничавшаго въ поощреніи ученыхъ съ Медичи, Миланъ достался кровожадному Галеаццо; Наука и Литература удалились, но при Людовикѣ Морѣ все пришло въ прежній порядокъ, онъ призвалъ въ Миланъ Браманте и Леонардо де-Винчи; выстроилъ великолѣпный Павійскій университетъ, обогатилъ его и учредилъ многочисленныя школы....

большія зеркала. Китъ открылъ пасть и изъ ней вышли 12 сиренъ и 12 морскихъ рыцарей. Первые танцовали, вторые сражались другъ противъ друга до-тѣхъ-поръ, пока гиганты не заставили ихъ войти обратно въ пасть кита. (Барантъ.)

Такимъ-образомъ пользуясь общимъ покровительствомъ просвѣщеніе широко разлилось по всему полуострову. Повсюду явились университеты и академіи; многочисленные слушатели внимали любимымъ профессорамъ.

Въ это время въ Италіи считалось 15 университетовъ *); изъ нихъ особенно славилась Болонскій и Падуанскій; въ первомъ число студентовъ въ цвѣтущее время доходило до 10000; а во второмъ до 18000, потому-что ему было предоставлено исключительное преподаваніе юриспруденціи и богословія.

Изъ академій, кромѣ платонической, наиболѣе замѣчательны: римская, типографическая Альдо Мануччи и сіенская.

Первую основалъ Помпоній Лета, благородный неаполитанецъ, страстный почитатель римской древности. Онъ и друзья его предались изученію ея съ такимъ энтузіазмомъ, что даже латинизировали имена свои и; какъ увѣряютъ нѣкоторые, справляли ежегодно праздникъ Ромула (Вильменъ и Женгене). Это было представлено Папѣ Павлу II, какъ заговоръ и ересь. Испуганный первосвященникъ разогналъ академію и нѣкоторыхъ членовъ подвергнувъ пыткамъ и посадилъ въ тюрьму. Въ-послѣдствіи по смерти Павла эта академія возстала снова.

Въ типографической — членами были знатоки древности: они разсматривали и свѣряли классиковъ назначенныхъ къ печати. Самъ Альдо (сокращенное отъ Теобальда) считался однимъ изъ ученѣйшихъ членовъ основанной имъ академіи **).

Въ Сіеннѣ академики разыгрывали піесы на простонародномъ нарѣчій; въ Неаполѣ, Болонѣ, Миланѣ и Веронѣ были академіи музыкальныя. Казалось-бы, при такомъ все-стороннемъ развитіи народнаго духа, Италія должна была

*) Болонскій, венеціанскій, миланскій, неаполитанскій, павійскій, падуанскій, палермскій, пармскій, перузскій, пизанскій, сіенскій, туринскій, римскій, феррарскій, флорентинскій.

***) Первоначально литеры были занесены въ Италію двумя ибѣцами въ монастырь Субіакъ, какъ полагаетъ Женгене; но оттуда не вышло ничего примѣчательнаго, и потому честь основанія первой типографіи въ Италіи принадлежитъ Альдо Мануччи. Онъ былъ наставникомъ Пію де-Карпи и съ помощью его и Инко де-Мирандолы, какъ мы уже замѣтили, учредилъ типографію въ Венеціи.

стать на высшую степень умственного и нравственного величия — но, увы! духъ рутинны, лести и эгонзма погубилъ все.

Въ университетахъ главное вниманіе было обращено на діалектическое богословіе, схоластическую философію и запутанную юриспруденцію. За ними шла астролгія и медицина, и сверхъ-того нѣкоторые занимались изученіемъ кабалистики и алхиміи.

Примѣры Николая V и Пія II, достигшихъ папскаго престола, благодаря своей учености, были заразительны. Множество молодыхъ людей слѣшили посвятить себя духовному званію, не имѣя къ нему никакого влеченія. Слѣдствіемъ было увеличеніе разврата, ослабленіе Италіи и новая протестація противъ католицизма.

Грустно становится на душѣ, когда подумаешь, что все это изученіе древности производилось рутиннымъ образомъ! Итальянскій языкъ былъ забытъ.... писали по-латыни, приняли формулы и поэтическіе законы, написанные для другихъ націй, уничтожили самостоятельность личнаго вкуса и, не имѣя довольно любви къ отечеству, чтобъ участвовать перомъ въ его переворотахъ, отстранили политику отъ своихъ сочиненій. Даровитѣйшіе пзъ ученыхъ того времени, какъ Пикъ де-Мирондола, губили время и труды въ безплодной діалектикѣ; Поэзія утратила свое высокое значеніе и слѣдалась орудіемъ лести; самые замѣчательные таланты за хорошіи столъ, за нѣсколько сотъ эку, за выгодное мѣсто, восхваляли своихъ милостивцевъ, не смотря на всѣ ихъ пороки. И въ-самомъ-дѣлѣ, что такое были Николай V и Косма, съ республиканской точки зрѣнія, какъ не тираны. Никололай требовалъ безусловнаго повиновенія отъ всѣхъ и не уважалъ римскихъ привилегій. Когда открыли заговоръ Поркари, онъ велѣлъ повѣсить безъ суда зачинщика и девять сообщниковъ на зубцахъ замка Св. Ангела, не позволивъ виновнымъ ни исповѣдаться, ни причаститься. Не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ у сосѣднихъ государствъ выдачи убѣжавшихъ преступниковъ и назначилъ за пошкку двухъ родственниковъ Поркарп 1000 эку, а за убіеніе ихъ 500! Другой разъ, давъ опасную грамоту Анджею Ронкони, въ припадкѣ пьянства приказалъ отрубить ему голову.

Косма и его партія по возвращеніи изъ изгнанія выслали изъ Флоренціи весьма многихъ почетныхъ гражданъ и конфисковали ихъ имущества: нѣкоторые-же изъ партіи Альбицци были казнены. Самый Лоренцо Медичи находилъ удовольствіе въ поступкахъ, недостойныхъ его образованія. Такъ онъ любилъ за столомъ перебранку неприличными сошетами. Луджи Пульчи и Франко особенно отличались въ этомъ, хотя были закадычными друзьями между-собою; вообще духъ лести проникъ вездѣ. О Полиціано мы уже говорили; Аріосто писалъ Ненстоваго Роланда, чтобы прославить домъ д'Есте.

Немудрено, что владѣтельныя особы любили такихъ людей; немудрено, что всякій желалъ прославиться, вѣнчая лаврами какую-нибудь посредственность: Фредерикъ III далъ лавровые вѣнки Перотти и Чимбриако, Роланделло и другимъ; Николай V — Бенедикту Цезенскому, Людовикъ Моръ — Белличіоне и проч: эти имена нѣкогда казались меценатамъ безсмертными; они думали обезсмертить и себя вмѣстѣ съ ними; но время прошло; нелицемѣрный судъ истинной исторіи произнесъ свой приговоръ, и мелкіе Виргилии потонули въ Летѣ. Хотя представители Поэзіи не умѣли поддержать своего достоинства, за то представители Живописи съ честью вышли изъ этой борьбы нравственнаго чувства съ матеріальными выгодами: Микель-Анджело безстрашно борется съ неукротимую волею грознаго Юлія II; Рафаэль приводитъ Форнарину въ Ватиканъ, говоря Леону X: «это глаза мои»; Тиціанъ заставилъ уважать себя до такой степени, что императоръ Карлъ V не почелъ унизительнымъ нагнуться, чтобъ поднять кисть художника.

Должно также отдать справедливость ученымъ: не смотря на свои слабости, въ дѣлѣ науки они были герои. Надо-ли было сдѣлаться эллинистомъ — они отпраплялись въ Константинополь или въ Азію, отрывали въ какомъ-нибудь городкѣ, покоренномъ Турками, греческаго ученаго и приобрѣтали отъ него необходимыя познанія. Надо-ли было достать древнюю рукопись — они не щадил ни трудовъ, ни издержекъ; нѣкоторые даже погибали въ отдаленныхъ странствіяхъ. Съ какой наивной радостью пзвѣщали они

другъ-друга о своихъ открытіяхъ; съ какимъ жаромъ предавались самой необходимой желчной полемикѣ за правописаніе какого-нибудь слова, не говоря уже о различіи въ философскихъ мнѣніяхъ или въ личныя отношенія. Особенной рѣзкостью отличаются статьи Филельфо противъ Медичи и Поджіо въ защиту ихъ. Оба не щадили бранныхъ выраженій и представляли другъ-друга невѣждами, клеветниками и еретиками. Но этотъ-же самый Филельфо былъ неутомимъ въ дѣлѣ преподаванія; и читалъ въ сутки по пяти публичныхъ лекцій безпрестанно возобновлявшимся слушателямъ. Франческо Филельфо родился въ 1398 году отъ благородныхъ родителей. Воспитаніе получилъ въ Падуанскомъ университетѣ. Онъ учился съ такимъ успѣхомъ, что на девятнадцатомъ году получилъ мѣсто профессора краснорѣчія. Черезъ три года, желая усовершенствоваться въ Греческомъ языкѣ, онъ поѣхалъ въ Константинополь. Тамъ онъ поступилъ на службу къ императору Іоанну Палеологу, былъ посланъ къ Сигизмунду и присутствовалъ на свадьбѣ короля Польскаго Владислава. По возвращеніи онъ женился на дочери наставника своего Хризолороса и уѣхалъ въ Венецію въ 1427. Въ это время открылась тамъ чума и онъ переселился въ Болонью, гдѣ и занялъ каедру краснорѣчія и нравственной философіи. Черезъ нѣсколько времени Болонья взбунтовалась противъ папы, но была укрошена. Во время этихъ безпорядковъ Филельфо удалился во Флоренцію. Лекціи его привлекали толпы слушателей, но въ скоромъ времени онъ поссорился съ нѣкоторыми главными лицами, въ томъ числѣ и съ Медичи. Бѣдными сатирами преслѣдовалъ онъ эту фамилію, за-то по возвращеніи ея въ отечество долженъ былъ бѣжать въ Сиенну. Тамъ наемный убійца покусился лишить его жизни. Но предпріятіе это не удалось. Филельфо обвинилъ въ этомъ Медичи и новая туча сатиръ обрушилась на него. Наконецъ общимъ дружьямъ удалось примирить соперниковъ, однако не смотря на-то знаменитый профессоръ рѣшился отправиться во Флоренцію только предъ концемъ своей жизни: до тѣхъ-же поръ онъ читалъ лекціи въ Болоньѣ, Миланѣ и Капуѣ. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что когда тетки его съ двумя дочерьми попались въ плѣнъ къ

Магомету, то по письму его къ этому султану были немедленно отпущены безъ выкупа. Альфонсъ и Сикстъ IV также уважали этого ученаго: о первомъ мы уже говорили, второй нарушилъ для него обыкновенную свою скупость и положилъ ему богатое содержаніе. Одинъ только Галеаццо Маріа Сфорца оставилъ его въ пренебреженіи и довелъ до необходимости продать мебель. Послѣдніе годы Филельфо были ознаменованы потерями: онъ лишился 3-ей жены своей и дѣтей. Вскорѣ пришла и его очередь: онъ скончался въ 1481 году.

Такая страсть къ Наукѣ, такое изученіе древности были не только удѣломъ мужчинъ, но и женщинъ. Изъ рѣчей произнесенныхъ ими замѣчательны двѣ на латинскомъ языкѣ при встрѣчѣ Пія II; одна была составлена Батистой женой Федерико д'Урбино; другая Ипполитой Сфорца. По учености славилась Кассандра Федели: она знала языки греческій и латинскій, ораторское искусство, философію и музыку.

Это повсемѣстно распространенное образованіе, это благосостояніе — способствовали къ улучшенію жизни въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи, но, къ несчастію, не довольно смягчили нравы; Итальянцы были вѣжливы, общительны, владѣли собою: но считали все дозволеннымъ, когда требовала того личная выгода. Жестокія пытки, частыя казни, тайныя убійства, дозволенные въ Венеціи даже закономъ *), торговля рабами **) — представляютъ черную сторону того времени.

Люди, восхищавшіеся Платономъ, совершали дѣянія самыя противоположныя его ученія; люди, ставившіе героевъ Плу-тарха себѣ въ образецъ, сами были образцами самаго чернаго вѣроломства. Метафизическія умствованія и списхо-

*) Въ Венеціи былъ законъ, что если какой-либо ремесленникъ уѣдетъ за границу и откроетъ тамъ мастерскую, правительство обязано его потребовать и въ случаѣ возвращенія простить и снабдить всѣмъ нужнымъ для открытія фабрики въ отечествѣ; если онъ не возвратится, то обязано схватить ближайшихъ его родныхъ и заключить въ тюрьму; если и тогда не вернется, то должно послать къ нему *bravi* (наемные убійцы), чтобъ они убили его тайкомъ; послѣ-чего родные убитаго освобождаются изъ тюрьмы. (Дарю.)

**) Невольниковъ въ одной Ломбардіи продавалось на 50,000 дукатовъ.

длительный католицизм потрясала еще болѣе убѣжденія и были обильнымъ источникомъ софизмовъ для оправданія самыхъ незаконныхъ дѣйствій. Папы много способствовали этому; они какъ-будто признавали христіанскую жизнь только въ теоріи, а на дѣлѣ допускали безпредѣльную свободу требованиямъ плоти и сами подавали примѣръ этому. Немудрено, что Итальянцы не уважали ихъ и презирали проклятія Ватикана, но въ тоже время по чувству суевѣрной религіозности спѣшили примириться съ церковью, покупая индульгенціи.

Классическая древность подѣйствовала на нравы того времени одною формою. Немногіе усвоили себѣ духъ и понятія древней Эллады, но всѣ восхищались ея художественной внѣшностью.

Изучивъ, можно-сказать, всего Платона наизусть, они не примѣняли его ученія къ жизни; красота манила ихъ чувственными удовольствіями, а не внутреннимъ своимъ значеніемъ; имъ не приходили въ голову слова знаменитаго философа о поклоненіи красотѣ: «красота одна получила здѣсь жребій быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполне посвященный, развратный, стремится къ самой красотѣ, не смотря на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ предъ нею, и подобно четвероногому ищетъ одного чувственного наслажденія, — напротивъ вполне посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, пзображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ созерцающая прекрасное, какъ бога онъ обожаетъ, и еслибъ не боялся, что назовутъ его безумнымъ, принесъ-бы жертву предмету обожаемому» (Платонъ).

Впрочемъ Итальянцы не были порочнѣе другихъ народовъ; пороки ихъ происходили отъ дурно направленного воспитанія; пороки другихъ народовъ отъ недостатка образованія. Итальянцы были жестоки изъ политическихъ цѣлей, Швейцарцы и Испанцы по врожденной жестокости. Князья Итальянскіе не были коварнѣе другихъ правителей.

Намъ кажется, Маколя напрасно обвиняетъ Франческа Сфорца. Надо вспомнить, что онъ былъ современникомъ Людовика XI, котораго политическія правила заключались въ томъ,

раженія: «Кто не умѣетъ притворяться — не умѣетъ царствовать.» Не надо забывать, что Сфорца приходилось имѣть дѣло съ коварнѣйшимъ изъ Висконти.

Въ скоромъ времени политика эта нашла полное олицетвореніе въ лицѣ Фердинанда-Католика. Вообще, это былъ вѣкъ, въ которомъ коварство и обманъ играли главную роль въ договорахъ. Максимилианъ, гордившійся званіемъ рыцаря болѣе, чѣмъ королевскимъ саномъ, постоянно нарушалъ свои общанія, такъ онъ обманулъ Пизанъ, Людовика Мора и Фридерика Арагонскаго. Швейцарцы измѣнили при Новарѣ и предали Сфорцу; Французы за деньги оставляли своихъ союзниковъ на жертву непріятелей и раздѣляли преступления Цезаря Борджіа.

Между-тѣмъ какъ Италія падала такимъ-образомъ въ нравственномъ отношеніи, совершались событія, которыя должны были ускорить ея политическое паденіе. Открытіе Америки и новаго пути въ Индію подорвало ея торговлю. Книгопечатаніе разрушило монополію итальянской образованности. Реформація придала новыя силы за-альпійскимъ арміямъ, возвѣстивъ свободу совѣсти и мысли, торжество разума надъ авторитетомъ. Правда, въ концѣ XV столѣтія она еще не являлась въ систематическихъ ученіяхъ, но реформаціонныя идеи носились въ обществѣ, необходимость реформъ чувствовалась живѣе съ каждымъ днемъ; лучшіе умы своего времени видѣли необходимость обновленія... громовой голосъ Савонаролы раздавался — но было уже поздно.... Провидѣнію угодно было, чтобы Италія дорогою цѣною заплатила за свои пороки. Ей на этотъ разъ выпала доля быть очистительною жертвою; въ ея крови должна была омыться Европа, чтобы выйти болѣе крѣпкою и готовою къ дальнѣйшей борьбѣ за прогрессивныя начала.

II.

8-го сентября 1494 года произошла первая стычка Французовъ съ Итальянцами. Послѣдніе увидѣли, что война съ этого дня принимаетъ другой характеръ. Болѣе ста чело-вѣкъ Арагонцевъ и Итальянцевъ остались на мѣстѣ; Швейцарцы не давали пощады плѣннымъ, исключая тѣхъ, съ ко-

торыхъ надѣялись получить хорошій выкупъ: городокъ Рапалло былъ разграбленъ и 50 больныхъ, находившихся въ его госпиталѣ, умерщвлены для того только, чтобъ овладѣть ихъ одеждою. Это было началомъ варварствъ, облившихъ Италию кровью и раззорившихъ ее.

При взятіи Монте-Фортино и Монте С. Джіованни никто изъ жителей ихъ не избѣжалъ смерти. Таковы были подвиги Карла VIII; рядъ другихъ свирѣпостей транз-альпийцевъ навелъ сначала ужасъ на итальянцевъ, а потомъ побудилъ ихъ къ отмщенію.

При Людовикѣ XII война приняла еще болѣе ужасающій характеръ. Надо сказать, что жестокость составляла одну изъ отличительныхъ чертъ этого государя. Взавъ въ плѣнъ Людовика Мора, онъ посадилъ его въ мрачную тюрьму въ Лошѣ (Loches) и запретилъ давать ему книги и бумагу. Лишеніе самое чувствительное для образованнаго Сфорцы.

Война съ Венеціей еще болѣе выказала личность французскаго короля....

Въ битвѣ при Аньяделло болѣе 6000 тѣлъ осталось на мѣстѣ сраженія; пропасть плѣнныхъ, просившихъ пощады было избито; многіе окончили жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ. Вскорѣ за тѣмъ Французы овладѣли Пескіерой и Караваджіо. Гарнизонъ первый былъ перерѣзанъ, а комендантъ Андрей де-Рива и сынъ его повѣшены; гарнизонъ Караваджіо былъ повѣшенъ весь безъ исключенія. Людовикъ любилъ, какъ видите, разнообразіе. По взятіи Виченцы многіе жители удалились въ пещеру Мазано съ женами и дѣтьми. Французы и Нѣмцы пытались ворваться туда, но, встрѣтивъ отпоръ, разложили огромный костеръ у входа и такимъ-образомъ задушили до 6000 человекъ. Славный Баярдъ, узнавъ объ этомъ, явился—но было уже поздно: удалось спасти только одного несчастнаго; движимый благороднымъ негодованіемъ, рыцарь велѣлъ повѣсить двухъ негодяевъ зажегшихъ костеръ *). Молодой Гастонъ де-Фуа еще болѣе увеличилъ варварство. Никто не накладывалъ коптрі-

*) Гвиччардини обвиняетъ однихъ Нѣмцевъ и число погибшихъ ограничиваетъ тысячею; но мы предпочли авторитетъ Баярда, какъ очевидца.

будиі тяжелѣ его, никто менѣ его не щадилъ крови гражданъ и солдатъ.

При взятіи Бресчи, по самому умѣренному счету, погибло до 7000 жителей; Баярдъ полагаетъ число ихъ до 22,000, а Флеранжъ до 40,000; городъ былъ разграбленъ; а комендантъ Авогаро и два его сына казнены. Нѣмцы и Испанцы не уступали въ жестокости Французамъ; они приучали собакъ отъяскивать несчастныхъ бѣглецовъ,—и подвергали ихъ жестокимъ пыткамъ, чтобы вынудить признаніе въ спрятанныхъ сокровищахъ. При осадѣ Монселико, Нѣмцы, отбросивъ вылазку гарнизона, въслѣдъ за нимъ, ворвались въ первую ограду; осажденные предложили сдаться, но осаждающіе на это не согласились и подожгли башню, въ которой укрылось до 700 человекъ гарнизона. Одни изъ несчастныхъ погибли въ пламени, другіе, пытавшіеся выскочить, — на пикахъ неприятелей. Въ заключеніе всѣ жилища въ городѣ были разрушены. Людовикъ XII рассказывая объ этомъ происшествіи Макіавели смѣялся: «въ прошломъ году, сказалъ онъ, меня считали злымъ человекомъ за множество убитыхъ въ моихъ сраженіяхъ. Теперь очередь Монсеньора Шомона (Chaumont)». (Письмо Макіавели къ Синьоріи, отъ 29 іюля 1510, изъ Блуа).

При взятіи Прата погибло до 5000 беззащитныхъ: женщины, дѣти, старики всѣ подвергались одинакой участи; ильные были мучимы съ утонченной жестокостью, чтобы возбудить состраданіе въ ихъ родныхъ и черезъ это получить богатѣйшій выкупъ. Не одни города страдали отъ военныхъ обстоятельствъ, доставалось и полямъ и деревнямъ. Жатва пизанской территоріи была уничтожаема не разъ, во время войны съ Флоренціей. При подступленіи къ Венеціи въ 1513 году, Испанцы сожгли около нея всѣ жатвы и дома и разрушили городки Местре, Маргери и Фузино.

Итальянцы грабили свое отечество съ такой-же свирѣпой жадностью, какъ и ихъ союзники....

Разумѣется, при этомъ должны были пострадать библіотеки, галлерей, университеты и академіи. Но съ другой стороны, народное начало торжествовало; латынь уступала мѣсто живому разговорному языку.

Напрасно нѣкоторые замѣчательные люди, какъ Вида и Санназаръ, пытались отстрочить это неизбежное слѣдствіе народныхъ столкновеній—перемѣнить ходъ событій было невозможно. Съ легкой руки Пульчи, послѣ его *Morgante Maggiore*, явились *Влюбленный Роландъ* Баярда, передѣланный въ послѣдствіи Берни, и *Немтовый Роландъ* Аріоста. Подъ перомъ Макіавели итальянская проза получила высшую степень ясности, силы и легкости.

Но въ то время, когда національная стихія въ языкѣ начала являться преобладающею, Италия открыла свободное попріище для самыхъ необузданныхъ страстей. Воля солдата была единственнымъ закономъ. Сознаніе правъ исчезло, и всякій позволялъ себѣ все для достиженія своихъ желаній....

Испанцы занесли свою мстительность и коварство, Нѣмцы — пьянство и жадность, Французы — сладострастіе и легкомысліе. Всѣ эти пороки легко призывались къ Итальянцамъ и въ скоромъ времени, кромѣ нѣкоторыхъ рѣдкихъ исключеній, ихъ нельзя было различить отъ противниковъ.

Единственная польза, принесенная транз-альпинцами, состоитъ въ пробужденіи въ жителяхъ Италиіи воинственнаго духа. При отступленіи Карла VIII, они показали въ битвѣ при Таро замѣчательное мужество. Еще болѣе выдается личная храбрость итальянскихъ воиновъ въ Барлетскомъ поединкѣ. Итальянцы съ презрѣніемъ отзывались о французскихъ жандармахъ; тѣ, въ свою очередь, не остались въ долгу; умы разгорячились; рѣшено было кончить дѣло сраженіемъ. Французы и Итальянцы выбрали по тринадцать человекъ, которые должны были защитить народную честь отъ поруганія. Сраженіе произошло на равнинѣ между Барлетто, Андриа и Квадрато. Побѣда осталась на сторонѣ Итальянцевъ *). Но этотъ и нѣкоторые другіе подвиги, льстившіе народной гордости, нисколько не способствовали

*) Брантомъ утверждаетъ, что поединокъ былъ между 13 Французами и 13 Испанцами; въ числѣ первыхъ онъ называетъ Баярда и Орозе д'Юрфе (Orose d'Urfé), а у Испанцевъ дона Діега де Бисенью (Bissaigue). Брантомъ обвиняетъ Испанцевъ въ томъ, что они убивали лошадей французскихъ рыцарей, чтобы потомъ сражаться съ нѣшми. Хитрость эта не удалась съ Баярдомъ и д'Юрфе и они порядкомъ отдѣлали Испанцевъ. Сраженіе прекратилось съ наступленіемъ ночи, и побѣда осталась нерѣшенною.

къ выходу Италіи изъ ея пагубнаго положенія. Дѣти ея лили кровь свою для выгодъ чужеземныхъ государей! Разъединенная—она не имѣла довольно силъ для борьбы съ могучими противниками!...

Правда, война выдвинула нѣсколько замѣчательныхъ личностей—но усилія ихъ къ соединенію Италіи въ одно цѣлое были тщетны; потому-что эгонистическое чувство двигало ихъ дѣйствіями. Весьма немногіе составляютъ исключеніе изъ этого правила. Первое мѣсто принадлежитъ Савонаролѣ.

Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ любовь къ ученію и отличался строгостью жизни. Чтеніе Кассіана и Томы Аквинскаго сдѣлали его перипатетикомъ и воспламенили умъ его. На 23-мъ году отъ рожденія онъ скрылся отъ родныхъ въ доминиканскій монастырь въ Болоньѣ. Въ скоромъ времени настоятель замѣтилъ его таланты и поручилъ ему читать діалектику и метафизику.

Не довольствуясь этимъ, Фра Джироламо вздумалъ проповѣдывать, но въ-началѣ не имѣлъ успѣха. Дурное прозновеніе и неумѣстные жесты ежедневно уменьшали число его слушателей. Онъ удалился и въ тишинѣ уединенія, подобно Демосѣну, обработалъ свой голосъ. Развратъ вѣка до глубины сердца поразилъ его; несчастія отечества были слишкомъ очевидны — онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ и началъ громить пороки. Въ жару негодованія, обольщенный народнымъ сочувствіемъ, онъ вообразилъ себя вдохновеннымъ пророкомъ. Кому извѣстно пламенное воображеніе Итальянцевъ, тотъ безъ труда пойметъ такое самообольщеніе. Первая проповѣдь Савонаролы была въ Брешии въ 1484 году; онъ угрожалъ городу потоками крови за его нечестіе. Черезъ 5 лѣтъ переѣхавъ во Флоренцію, по приглашенію Медичи, онъ былъ сдѣланъ пріоромъ Св. Марка. Тогда еще съ большею ревностію занялся онъ исправленіемъ нравовъ. Его безыскусственная, но пламенная проповѣдь, его релігіозное рвеніе, привлекали толпы народа, возбуждали въ сердцахъ сочувствіе, тѣмъ-болѣе, что требуя исправленія духовенства, которое въ то время отличалось особеннымъ развратомъ, онъ въ тоже время требовалъ свободы политической. Блестящія качества Лоренцо не могли осла-

пять неукротимаго монаха. Ни разу не посѣтилъ онъ главу Флорентинской республики, во время его могущества, не смотря на всѣ приглашенія. Только при смерти его позванный какъ духовникъ, явился онъ грознымъ судьею. Въ доказательство раскаянія онъ требовалъ возвращенія не-право приобрѣтеннаго и возстановленія народнаго правленія; на первое Лоренцо отвѣчалъ, что подумаетъ, на второе отворотился и не сказалъ ни слова....

Вліяніе смѣлаго проповѣдника усилилось при Піетро Медичи. Едва раболѣпная синьорія признала этого юношу достойнымъ занять мѣсто отца, не смотря, что онъ не достигъ узаконенныхъ для того лѣтъ, какъ Савонарола протестовалъ. Сдѣлавшись представителемъ народной партіи, онъ думалъ упрочить свободу республики союзомъ съ Франціей. По изгнаніи Медичи, онъ достигъ апогея своего могущества. Ему поручено было представить синьоріи проэктъ новой формы правленія. Савонарола хотѣлъ, чтобъ весь народъ безъ различія классовъ составлялъ совѣтъ, который-бы распоряжался всѣмъ. Но такъ-какъ трудно собирать часто такую массу, то онъ предложилъ учредить совѣтъ изъ извѣстнаго числа гражданъ по выбору. Этотъ проэктъ составлялъ важнѣйшую часть проповѣди, произнесенной имъ въ каедральномъ флорентинскомъ соборѣ.

Но обычной темой его проповѣдей было развратное поведеніе духовенства, въ особенности Александра VI. Дѣло дошло до-того, что ревностный монахъ писалъ циркуляры къ главнѣйшимъ государямъ Европы, чтобъ убѣдить ихъ собрать вселенскій соборъ для низложенія этого папы, недостойнаго занимать святой престоль.

Раздраженный Александръ VI отлучилъ противника своего отъ церкви, но Савонарола объявилъ это отлученіе ничтожнымъ, какъ противное соборнымъ постановленіямъ, и, въ слѣдъ за тѣмъ, издалъ свое защитеніе и книгу «Тріумфъ Вѣры»....

Но Французы удалились изъ Италіи, Александръ угрожалъ Флоренціи отлученіемъ; синьорія нуждалась въ союзѣ папы для покоренія Пизы и запретила Савонаролѣ проповѣдовать. На каедрѣ вознесъ любимый ученикъ его Доми-

никъ Пешія (Pescia) и сталъ поддерживать тезисы своего учителя. Онъ утверждалъ, 1) что церковь нуждается въ реформѣ, 2) что церковь будетъ сперва наказана, а потомъ преобразована, 3) что невѣрные обратятся, 4) что Флоренція будетъ сперва наказана, потомъ преобразована и счастлива и 5) что отлученіе Савонаролы не имѣетъ силы, и что, кто не обращаетъ вниманія на этотъ противозаконный поступокъ папы, нисколько тѣмъ не грѣшитъ, — въ заключеніе Доминикъ предлагалъ подтвердить свои положенія подвергнувшись испытанію огнемъ. Францисканецъ, проповѣдывавшій въ церкви Санта-Кроче, поймалъ его на словѣ. Многіе изъ приверженцевъ Савонаролы желали раздѣлить участь Пешіи.

7-ое апрѣля 1498 года было назначено для испытанія. Доминикъ хотѣлъ войти въ огонь въ священномъ облаченіи съ дарами въ рукахъ; Францисканцы воспротивились; начался споръ, продолжавшійся почти до вечера; въ это время пошелъ проливной дождь затушившій костеръ — и толпа съ жадностію, ждавшая развязки испытанія, съ негодованіемъ разошлась. Обаяніе Савонаролы исчезло.

На другой день непріатели его бросились въ монастырь Св. Марка и схватили врага своего съ двумя учениками.

Онъ были преданы суду и подверглись пыткѣ. Нервическая натура знаменитаго проповѣдника не вынесла мученій и онъ сознался во всемъ, чего только отъ него требовали; хотя въ послѣдствіи онъ и отрекся отъ своихъ показаній, какъ отъ вынужденныхъ болію, но это ничего не значило предъ судьями, рѣшившимися за-ранѣе осудить его. Онъ и его товарищи были приговорены къ висѣлицѣ и костру; и приговоръ исполненъ 23 мая того-же года. Такимъ-образомъ погибъ этотъ замѣчательный человекъ, искренно желавшій добра родинѣ. Онъ не имѣлъ смѣлости Лютера и, находясь въ оппозиціи съ римскимъ дворомъ, не касался догматовъ католицизма. Эта перѣшительность и погубила его. Человѣкъ новаго времени, онъ хотѣлъ сражаться оружіемъ стараго вѣка — не мудрено, что оно измѣнило ему. Проповѣдая на основаніи Евангелія, онъ не умѣлъ отрѣшиться отъ духа фанатизма, чуждаго христіанскому ученію. Увлекае-

мый излишней ревностью, онъ видѣлъ одну изъ причинъ разврата въ книгахъ и картинахъ, отличавшихся античной пластичностью, казавшейся ему развратомъ. Въ одной изъ проповѣдей своихъ, онъ требовалъ сожженія ихъ и на площади воздвиглась пирамида изъ произведеній Боккачю, Петрарки, Пульчи; изъ бюстовъ, статуй и картинъ извѣстнѣйшихъ мастеровъ.... Пламя истребило все и у Савонаролы прибавились новые враги. Суровый предшественникъ Пуританъ, онъ не умѣлъ примирить жизни съ религіей, искусства съ политикой, не умѣлъ понять, что католицизмъ наиболѣе гармонируетъ съ древнимъ міромъ, что въ его обрядахъ сохранились многіе обряды древняго паганизма.... что Италія отрицала языческимъ классицизмомъ — и суровыя начала пуританства не могли принятыся на ея художественной почвѣ. Бѣдный монахъ хотѣлъ повторить дѣло Григорія VII — но Европа была уже не та, попытка его была несовременна; возрожденіе не могло совершиться этимъ путемъ и несчастный погибъ жертвой своихъ благородныхъ усилій.

Совершенно иначе дѣйствовали другіе. Во главѣ ихъ является Цезарь Борджіа. Отважный разбойникъ, не знавшій никакихъ законовъ, онъ тѣмъ-не-менѣе отличался способностями военными и административными. Постигнувъ вполне безсовѣстную политику своего вѣка, онъ признавалъ всѣ средства дозволенными для достиженія цѣли: мечъ, кинжалъ и ядъ, попеременно служили его честолюбію. Въ короткое время овладѣлъ онъ Имоллою, Форли, Пезаро, Піомбино, Перузой и другими городами и такимъ-образомъ прочно утвердился въ Романьѣ. Эта несчастная провинція была жертвой воровства, грабежей и насилій. Цезарь умѣлъ прекратить это. Назначенный имъ губернаторъ Рамиро д' Орка жестокостью и твердостью возстановилъ порядокъ. Тогда Валентинуа учредилъ въ центрѣ провинціи гражданское судопроизводства, далъ добраго президента и позволилъ всякой общинѣ имѣть своего адвоката; потомъ, желая удовлетворить общей ненависти, онъ, приравнявъ къ первому удобному случаю, казнилъ бывшаго губернатора и тѣло его разрубленное на части выставилъ на площадь вмѣстѣ съ плахой и сѣкирой. Это ужасное зрѣлище удовлетворило мстительности

однихъ и внушило страхъ другимъ, а правосудіе Цезаря къ низшему классу привлекло къ нему большинство жителей Романьи. Желая обезпечить себя съ другой стороны, онъ уничтожилъ постепенно семейства ограбленныхъ имъ синьоровъ и привязалъ къ себѣ сколько могъ священную коллегію. Устроившись такимъ-образомъ, онъ уже замышлялъ сдѣлаться властителемъ Тосканы не смотря на запрещеніе Франціи; но непредвидѣнный случай разрушилъ всѣ его предложенія.

Въ 1503 году Александръ VI назначилъ 9 кардиналовъ изъ богатѣйшихъ прелатовъ своего двора и пригласилъ ихъ на ужинъ въ виноградникъ близъ Ватикана. Цезарь далъ папскому дворецкому шесть бутылокъ вина, смѣшаннаго съ ядомъ, съ тѣмъ, чтобъ его подавали только однимъ кардиналамъ. Александръ, томимый зноемъ, потребовалъ вина и помощникъ дворецкаго, ничего не знавшій о предполагаемомъ убійствѣ, откупорилъ одну изъ бутылокъ, стоявшихъ отдѣльно и налилъ полный стаканъ своему господину. Папа выпилъ большую половину стакана и остатки отдалъ сыну. Едва сѣли за столъ, ядъ началъ дѣйствовать; Александръ упалъ безъ чувствъ, Цезаря схватили судороги; первый черезъ нѣсколько дней скончался, второй выздоровѣлъ, но звѣзда его закатилась. Болѣзнь позволила врагамъ Борджіа напасть на его владѣнія; избраніе кардинала Джуліано де-Ровере въ папы окончательно погубило Цезаря, хотя онъ самъ содѣйствовалъ этому избранію. Иначе не могло и быть. Валентинуа слишкомъ стѣснялъ папу, какъ свѣтскаго владѣтеля. Обширные планы Юлія были не-осуществимы при могуществѣ Борджіа; къ этому примѣшалась личная ненависть — и Цезарь былъ заключенъ въ замокъ Св. Ангела. Цѣною выкупа назначили крѣпости Романьи, оставшіяся ему еще вѣрными. Цезарь согласился и вскорѣ уѣхалъ въ Неаполь; тамъ обманутый коварствомъ Гонзальва онъ былъ отправленъ въ Испанію и заключенъ въ замокъ Медина дель Кампо. Черезъ два года онъ бѣжалъ во владѣнія зятя своего короля новарскаго и погибъ при осадѣ замка Віанъ въ 1507 году.

Такъ Италія освободилась отъ единственнаго челоуѣка,

который не уступалъ въ политикѣ старому Фердинанду. Жизнь Цезаря лучше всего показываетъ, какъ глубоко проникла порча въ сердце Италіи: ловкій политикъ, искусный воинъ, сынъ папы, онъ долженъ былъ пройти чрезъ тысячи преградъ, чтобъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ близокъ отъ ней, но дунулъ вихрь, и все это зданіе, выстроенное съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ, рухнуло, потому-что не имѣло прочнаго основанія.

Другіе, пытавшіеся средствами Цезаря достигъ изгнанія варваровъ изъ Италіи, также не успѣли; одни были слишкомъ добросовѣстны въ сравненіи съ своими непріятелями, другіе слишкомъ перфшительны, и всѣ имѣли мало матеріальныхъ средствъ для борьбы съ врагами.

Ни въ комъ не было столько добродѣтели, чтобъ примѣромъ своимъ одушевить народъ, пробудить дремавшій духъ древняго патріотизма и превратить войну въ народную. Эгоистическіе цѣли и самовозвеличеніе владыкъ были черзъчуръ очевидны, чтобъ увлечь энтузіазмомъ народъ....

Юлій II цѣлью жизни своей поставилъ освобожденіе родины отъ чужеземнаго ига. Склонный къ великимъ предпріятіямъ, къ великодушнымъ порывамъ, онъ искренно любилъ свободу; но, къ-несчастью, ставилъ личность свою на первомъ мѣстѣ. Себя представлялъ онъ центромъ, откуда должна исходить свобода.

Бѣда—кто вооружалъ противъ себя грознаго первосвященника. Въ порывахъ гнѣва онъ не щадилъ ничего: вся неистощимая энергія воинственнаго старика была направлена на усмиреніе виновнаго. Въ эти минуты онъ забывалъ обо всемъ, самъ разстроивалъ свои планы и потомъ часто раскаивался въ успѣхѣ своихъ предпріятій. Венеція первая испытала на себѣ негодование раздраженнаго папы. Камбрійская лига едва не довела ее до гибели. Флоренцію постигла участь еще худшая. Юлій содѣйствовалъ уничтоженію тамъ народнаго правленія и возстановленію деспотизма Медичи. Такимъ-образомъ онъ постоянно дѣйствовалъ противъ себя. Желая освободить Италію, онъ зажегъ кровопролитную войну, покорившую ее окончательно; удивляясь воинственной свободѣ Гельвеціи, онъ былъ причиною упадка ея

въ итальянскихъ республикахъ; покровительствуя просвѣщенію, воздвигая великолѣпную гробницу себѣ, онъ отнялъ доходы римскаго университета на военныя издержки. Вездѣ видна въ немъ противоположность, вездѣ эгонистическое славолюбіе, доходившее часто до забвенія своего священнаго сана....

Со вступленіемъ на престоль Леона X, радость оживила всѣхъ; вспоминали о добродѣтеляхъ отца его; говорили о щедрости, ласковости и строгости правилъ, которыми отличался Леонъ, бывши еще кардиналомъ; надѣялись уменьшенія податей, заключенія міра — но, увы! всѣ горько ошиблись!...

Въ день своего коронованія, новый папа не постыдился издержать 100,000 дукатовъ на празднества въ эти времена общаго бѣдствія. Великолѣпіе церемонія ослѣпило глаза массы, но безпристрастные судьи, стоявшіе выше толпы, порицали поступокъ папы.

Политика новаго владыки была совершенно своекорыстна: онъ думалъ только о возвышеніи своего дома. Дипломатическія сношенія Леона отличались двуличностью и вѣроломствомъ. Едва вступилъ на престоль, онъ задумалъ для брата своего Джуліано составить новое государство изъ Пармы, Піаченцы, Модены и Реджіо, и съ этой цѣлью убѣдиль его отречься отъ управленія Флоренціею въ пользу Лоренцо II. Для осуществленія этихъ плановъ необходимо было содѣйствіе одной изъ сильныхъ державъ, воевавшихъ въ Италіи, и папа обратился къ императору и королю аррагонскому; но въ это время Венеція и Франція обнадѣжили его возможностью возвести на неаполитанскій престоль Джуліано, а на миланскій Лоренцо, и честолюбивый первосвященникъ соединился съ новыми союзниками.

Такое коварство мало подавало надежды на освобожденіе страны отъ иноземнаго ига; напротивъ, скорѣе можно было полагать, что вспыхнетъ война раззорительнѣе всѣхъ прежнихъ, — что и дѣйствительно случилось.

Въ частныхъ сношеніяхъ Леонъ поступалъ иногда также криводушно. Забывши услуги, оказанныя дому Медичи Пандольфо Петруччи, онъ изгналъ эту фамилію изъ Сиенны.

Кардиналъ Альфонсъ, сынъ Пандольфо, вздумалъ отомстить за отца и составилъ заговоръ съ цѣлью отравить притѣснителя. Неосторожность въ словахъ молодаго кардинала открыла его намѣренія. Узнавъ объ этомъ, онъ успѣшнѣе удалиться изъ Рима; но папа успокоилъ его, пославъ опасную грамату, и далъ честное слово испанскому посланнику не дѣлать Альфонсу вреда. Тотъ повѣрилъ, явился, и тотчасъ-же былъ схваченъ, осужденъ и удушенъ.

Другая черта показываетъ первосвященника еще болѣе въ невыгодномъ свѣтѣ. Ненавидя герцога феррарскаго, онъ пытался подкупить капитана его тѣлохранителей, чтобъ онъ отравилъ своего государя.

При этомъ Леонъ былъ страстный охотникъ. Въ случаѣ удачи, весель, ласковъ, щедръ; при неудачѣ сердился и ворчалъ дерзости самымъ почтеннымъ людямъ.

Между-тѣмъ природа щедро одарила его: онъ былъ красивой наружности, обладалъ музыкальнымъ ухомъ и приятнымъ голосомъ; ученикъ Полиціано, онъ, безъ-сомнѣнія, долженъ былъ приобрести вкусъ и любовь къ искусствамъ, тѣмъ-болѣе, что прекрасный примѣръ представлялъ ему отецъ; онъ былъ современникомъ великихъ художниковъ и поэтовъ; занималъ первое мѣсто въ Италіи и обладалъ огромными матеріальными средствами. Съ такими данными, чего нельзя было сдѣлать? И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ много, хотя могъ сдѣлать гораздо болѣе. Лестъ современниковъ заставила называть вѣкъ его — вѣкомъ Леона; но-справедливо-ли — пусть судятъ читатели....

Вступивъ на престолъ, новый папа назначилъ секретарями Бембо и Садолето. Бембо родился въ Венеціи въ 1464 году, по другимъ историкамъ въ 1470. Изучивъ латинскій языкъ, онъ принялся за греческій, и усвоилъ его подъ руководствомъ Ласкариса. Павелъ III сдѣлалъ его кардиналомъ, а венеціанскій сенатъ заказалъ исторію Венеціи. Занимаясь ею, онъ скончался въ Падуѣ на 77 году отъ рожденія. Нравы этого кардинала отличались особенною чистотою въ сравненіи съ его товарищами; такъ онъ двадцать лѣтъ жилъ съ извѣстной Морозиною, которую часто воспѣвалъ въ стихахъ своихъ. Бембо имѣлъ великолѣпную библи-

отеку, пунизматическій кабинетъ и прекрасный ботаническій садъ. Оба секретаря были искусные латинисты и отличались способностью къ Наукѣ. Бембо учился у Ласкариса, котораго пригласилъ Леонъ для обученія 10 мальчиковъ, выписанныхъ изъ Греціи съ цѣлью образованъ изъ нихъ искусныхъ профессоровъ; сверхъ-того, этимъ папой была учреждена греческая типографія; восточные языки также пользовались его покровительствомъ. Римскому университету возвратили доходы, отнятые Юліемъ; римская академія процвѣтала; базилики Св. Петра быстро подвигались впередъ, Ватиканъ украшался картинами и статуями....

Но все это было только маска славолюбиваго эпикурейца папы, онъ удалилъ отъ работъ Микель-Анджело, потому что неукротимый республиканецъ не нравился избалованному ласкателями папѣ; правда, онъ замѣнилъ его Рафаэлемъ, Сень-Галло и Фра-Джіокондо; но всѣ они не имѣли твердости и неуклонной любви къ истинѣ знаменитаго Буонаротти. Аріосто также не нравился Леону, потому-что былъ привязанъ къ дому д'Есте, ненавидимому имъ. Такимъ-образомъ, иногда самая благодарность была преступленіемъ въ глазахъ этого первосвященника. Только тѣ, кто льстили ему и доставляли случаи къ развлеченію, пользовались его милостью; но за-то какими униженіями приходилось иногда покупать эти милости. Для своей потѣхи Леонъ позволялъ поступки, оскорбляющіе человѣческое достоинство; такъ Барабелло онъ присудилъ ложный триумфъ и несчастный старикъ вернулся домой, сопровождаемый хохотомъ, свистомъ и насмѣшками толпы. Газальдо, Бритоніо и Кверно были биты палками за плохіе латинскіе экспромпты. Другихъ бездарныхъ поэтовъ кормили обезьянами, воронами и другими подобными животными. Нѣтъ, папа не любилъ искренно Науки и Литературы, не понималъ, какъ-слѣдуетъ, Платона....

Въ то время, когда всѣ страдали отъ бѣдствій войны, онъ безумно расточалъ сокровища, собранныя его предшественниками. Мотовство его дошло до-того, что онъ оставилъ по себѣ столько долгу, что ежегодныхъ процентовъ на него причиталось до 40 тысячъ золотыхъ экю, и это въ то время, когда отъ продажъ индульгенцій золото рѣкою текло

въ папскую казну. Желая увелечить доходы свои этимъ способомъ, онъ нанесъ страшный ударъ католицизму. Это была капля воды, переполнившая сосудъ.... Еще во время флорентинскаго собора Гемистъ Плеонъ находилъ реформу необходимою, еще тогда въ знаменитой рѣчи своей онъ говорилъ объ обновленіи платонической философіей. Въ послѣдствіи усилившійся классическій паганизмъ, заставлялъ папъ не на-шутку задумываться. Сенсуализмъ находилъ опору въ жадности и эпикуреизмъ римскихъ владыкъ, которые думали, возвращая плоти права ея, царить невозмутимо надъ міромъ.

Но времена перемѣнились; мысль человѣческая вырвалась изъ пеленокъ, благодаря тому самому классицизму, которому такъ покровительствовали папы; реформа дѣлалась необходимою и ржавыя цѣпи теократическаго абсолютизма не въ силахъ были сдержать ее.

Въ это время общаго броженія, когда общество переживало одну изъ переходныхъ эпохъ своихъ, грустно было истинному патриоту: куда ни обращалъ онъ взоры, вездѣ встрѣчалъ постыдное малодушіе и робкій эгоизмъ. Изрѣдко мелькалъ лучъ славы на какомъ-нибудь имени, обольщавшемъ современниковъ военнымъ дарованіемъ или дипломатическимъ искусствомъ, чтобъ обмануть массу несбыточными надеждами. Но люди, отлѣчавшіеся прощипательностью и высокимъ умственнымъ развитіемъ, видѣли всю ничтожность этихъ кумировъ, созданныхъ народной фантазіей, видѣли сквозь личину, ихъ покрывавшую, причины ихъ дѣйствій и съ болѣею силою чувствовали безотрадное положеніе своего отечества. Иногда въ минуты отчаянія и они раздѣляли общее заблужденіе. Взоръ ихъ устремлялся къ этимъ эфемернымъ свѣтиламъ, но потомъ, изучивъ ихъ, отвращался съ ужасомъ и въ урокахъ прошедшаго искалъ исцѣленія золь настоящаго.

В. Пелевъ.

ПОВИТУХА-ЗНАХАРКА.

(ОЧЕРКЪ.)

Лежитъ мужичекъ на палатяхъ — сумерничаетъ; уповодъ на дворѣ еще непоздній и въ избахъ не зажигали лучины. Лежитъ мужичекъ и нѣжится, сонъ не беретъ его, а лезуть въ голову разныя мысли: вотъ хотѣлось-бы ему пройтись по деревнѣ бурмистромъ, чтобъ всякій давалъ почетъ и ему и хозяйкѣ-сожигельницѣ. А то — онъ и въ выборныхъ-бы міру не-прочь послужить, лишь-бы не въ соцкнхъ только:

— Замотаешься! — думаетъ онъ, — да опять-же и про бурмистра надумаль, — не-рука и бурмистромъ быть — не выберуть.... всякому, знать, зерну своя борозда, а давай намъ тюру да квасу, было-бы за что ухватиться, да и зубами помолоть.... вотъ оно что! А что и Бога гнѣвить: хозяйство веду не хуже кого; всего вдоволь — и скота, и птицы, и земляцей миръ не обидѣлъ; вонъ и ребятѣнковъ возвелъ, не морю, не пускаю по подокопьямъ....

И мужикъ повернулся, скрикнулъ палатами, обхватилъ голову руками и опять призадумался:

— Одного не пойму, что хозяйка совсѣмъ захлѣла: вонъ лежитъ на печи, словно пень, али-бо колода какая, а работающая баба, не во-грѣхъ сказать: на печи-то ее не удержишь въ другую пору. Совсѣмъ захлѣла баба, совсѣмъ: сѣлъ давѣ за столъ — глядь, и щи не дошли, да и каша-то перепрѣла. Сталъ говорить: отвѣту не дастъ толкомъ; да на подложечку жалуется; не-то дуритъ, не-то обошелъ ее какой недобрый человекъ. Взять-бы плеть.... такъ время-

то, кажись, не такое: по лицу веснухи пошли, да опять-же и тяжелина....

— А которая тебѣ, Мироновна, пошла недѣля? — окликнул мужикъ сожгительницу.

— Да вотъ, считай, съ заговенья-то на Петровки: которая будетъ?

— То-то, смѣкаю, Мироновна, не пора-ли?

— Ой, колибъ не пора, кормилецъ? всю-то меня, разумникъ мой, переломало: и питье-то долить, и поженки-то подламываетъ, вотъ къ ѣдѣ-то и призору нѣтъ.... ни на что-то-бы я, сердце мое, не глядѣла. Давѣ отъ печи словно шугнулъ кто: еле за переборку удержалась; въ головушкѣ словно толчея ходенемъ ходить; утрось пытало моторить....

Мироновна не вынесла и заплакала; мужичекъ опять за скрипѣлъ палатами.

— Да ты-бы, Мироновна, поспособилась чѣмъ!... — заговорилъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Напилась давѣ кваску, ну-словно-бы и полегчѣло, а вотъ-тенирь опять знобитъ. Душа-то ничего не принимаетъ, разумникъ; позывъ-то не на то, что слѣдно брать: глины-бы вонь я отъ печки поѣла, пирога-бы калинника пожевала....

— Нишни-ко, нишня, Мироновна, никакъ опять у тебя къ концу ведетъ! Давай-ко Богъ этой благодати на наше бездолье. Да смотри-же ты у меня опять рожай парня, а я, вотъ, тѣмъ часомъ пойду, да баню тебѣ истоплю. Пораспарюшъ косточки-то — полегчѣетъ. Вотъ я ужо....

Мужичекъ слѣзъ съ палатей, захватилъ топоръ, сходягъ истопить баню, вернулся назадъ, подошелъ къ печи и опять окликнулъ Мироновну:

— Что, спишь-ли, Лукерьюшка, спишь-ли, кормилка? али ужъ тошно больно стало? нишни-же, нишни, докà!... вотъ я позову повитуху, добѣгу хоть до тетки Матрены!... ужъ и мгѣ-то, глядя на тебя, таково тошно стало!...

Мужичекъ махнулъ рукой, повергѣлся по избѣ туда-да-сюда и опять ушелъ вонъ.

Вотъ онъ уже у тетки Матрены — деревенской повитухи-бабки; кланяется ей въ поясъ и просить:

— А я опять со своей доукой, тетушка Матрена. Боль-

шуха-то у меня калины попросила; опять никакъ на-сносѣ; подсоби!

— Какъ-же не на-сносѣ, Михѣичъ! По-моему, ей еще вечеръ надо-бы.... на тридцатую-то недѣлю шестая пошла....

— Не откажи!— проситъ Михѣичъ,— ты, вотъ, и Петрованка новивала, и Степанко, и Лукешка отъ тебя шлп: прими— куды не шло, еще какое ни-на-есть дѣтище. Рука у тебя легкая, — такъ по знати тебѣ и вѣру даешь: къ другимъ нашимъ бабамъ и не лѣзу....

— Ладно — ну, ладно, Михѣичъ!...

— Полтину-то ужъ я отъ себя сколочу, ну — тамъ, поди, съ кумовьевъ пособерешь, будетъ тебѣ за повить-отъ. Овчины я сейчасъ припасу, бери только бабу, да и веди въ баню....

И Михѣичъ опять поклонился въ поясъ; думаетъ, задурить баба — заломается, хоть и за своимъ-же добромъ пойдетъ; сказано: женской норовъ и на свишь не объѣдешь,— ни съ чего шую-пору чванятся. А поклониться ей, не надломить спины, не волчья-же у мужика шея, не глоталъ мужикъ швецова аршина.

— Ладно — ну, ладно! — говорятъ повитуха, — а сколько ты посулилъ за повить-отъ?...

— Грѣшнымъ дѣломъ полтину мѣдью отвалою тебѣ, тетка Матрена; не стану врать — дамъ пятьдесятъ копѣекъ — не ругайся только!...

— Ну, а припасы-то какіе будутъ?

— Да ужъ на этомъ стоять не станемъ: приходи, да и хозяйничай: я тебѣ и поросенка зарѣжу; и барана загублю: куды не шло! сама и смятаны напахтаешь!...

— Въ кумовья-то кого позовешь?

— Да братъ Семенъ будетъ и Степанида, Базиха Степанида....

— Что-жъ ты бурмистра-то не попросилъ? аль заломался?

— Не то, тетка Матрена, заломался! да пужно вѣдь и честь знать. Вонъ Лукешку принималъ, говорить: въ-послѣдніе приппаю, ни къ тебѣ, ни къ кому не тронусь; изъяну, слышь, много, а крестники-то развѣ куличъ принесутъ на

Пасхѣ, а о Рождествѣ, глядишь, самимъ денегъ давай. И такъ ужъ ихъ у меня больше десятка.... Пускай, говорить, Евлампей-земской крестить, тому это дѣло совсѣмъ на-новѣ; благо вѣдь пріохотишься, говорить, къ этому дѣлу, а тамъ — подавай только....

— Такъ ты-бы лучше земскаго попросилъ, Михѣичъ,— все-жъ и тебѣ лучше. Вонъ онъ, толкуютъ, гужей закупилъ. дуги гнетъ—такъ лавку, слышь, открываетъ; кузницу, поговариваютъ, у Демки скупаютъ....

— Лучше по родству, тетка Матрена, водиться; а Евлампій чванливъ больно, богатъ—такъ и занозистъ. Мы вѣдь съ тобой и въ лаптяхъ ходимъ да не спотыкаемся, а и брать мужикъ хорошій: три коровы на дворѣ, опять и жена тяжела.... Сама знаешь тебѣ-же на-руку....

Еще разъ поклонился Михѣичъ въ поясъ, но повитуха Матрена не ломалась больше. Въ-двоёмъ стацили они роженницу въ баню и увидѣлъ здѣсь Михѣичъ свою радость, хотя и не въ первый ужъ разъ: видѣлъ, какъ повитуха дала роженницѣ сначала воробьиное сѣмя, а потомъ стаканъ вина и на закуску—кусочъ круто-посоленнаго чернаго хлѣба; видѣлъ, какъ понли потомъ его жену пивомъ съ толокномъ и зналъ, что и впередъ ей не будетъ запрета на на какую нищу.

Вечеромъ собрались у колодца двѣ бабы-сосѣдки воды накачать и повели пересуды:

— Смотри-косъ,—говорила одна,—новый мѣсяцъ никакъ народился, гляши-ко, мать, какой лупоглазой вылѣзъ; знать на утрѣ-то сиверкомъ завернетъ....

— А видѣла, дѣва, какъ давѣ Михѣичъ-то изъ бани выскочилъ?

— Нешто, родная, запарился?

— Чего, мать, запарился; сама-то, слышь, родила; вѣдь она на-последяхъ ходила....

— Кого-же Богъ далъ: бычька или телочку?

— Опять, дѣва, парнемъ прорвало. Выбѣжалъ, слышь, давѣ изъ бани, словно сблаговалъ, ухватилъ меня за поштокъ; да-какъ крикнетъ чуть не на всю-то деревню: радуйся.

слышь, Агафьюшка — третьяго парня рожаю; а мнѣ-то что? по мнѣ-бы дѣвоньку-то лучше!...

— И по мнѣ-то, дѣва, кажись дѣвонька-то лучше. Ну, да давай ему Богъ; надъ его-бы смѣей и сбывалось; мужикъ-то вѣдь онъ больно хорошій. Чего не попросишь: всего даетъ, коли-бъ не перечила ему большуха-то....

— Зелье-баба, и говорить нечего; попроси горшечка — задавится — говорила другая баба и расписала-бы Михѣича хозяйку хуже всего, если-бъ не перебила ее первая баба:

— Кого-же она, мать, повивать-то взяли?

— Опять, дѣва, тѣ-же завидушіе, безстужіе глаза, опять Матрена криворотая!... ужъ такая-то прорва, такая-то волчья снѣдь, ненасытиха! все-бы тебѣ она поперечила. Вонъ пришла я лѣтось къ Скворцу на повить: и дѣло было сладили за полтину и земской въ кумовья шелъ. Она тутъ и подвернись; ненасытиха-то эта и подвернись; да у Агафьи, говорить, рука тяжела, кость широка, да у ней, говорить, глазъ недобрый, обыку, говорить, не имѣеть; у Базихи ребенка, слышь, заморила.... У! прорва эдакая!... волчья снѣдь! ужъ я-жъ ее допеку!... вотъ на мѣстѣ мнѣ тутъ проваляться!... допеку!...

И ничего больше не узнала любопытная допрощица — первая баба, какъ ни пробовала, какъ ни пыталась разговаривать сосѣдку, но добилась только одного, что та и глаза Матренѣ нескомъ заслѣпнеть, и на-задахъ поймаеть — въ косы виѣнится, до господъ поидеть, со свѣту сгонить Матрену: пусть-де она не перечитъ другимъ.... не супротивничаетъ. Отъ другихъ уже кое-какъ допыталась распрощица, что самъ-де Матренѣ полтину посулилъ за повить; братъ самого идетъ отцемъ крестнымъ; Базиха рубаху начала кроить,— стало-быть въ матеріи крестныя назвалась; послѣ-завтра, можетъ, будутъ крестныя, а можетъ и нѣтъ.... а самъ-де куды-шибко радуется: то въ баню забѣжитъ, то опять вернется въ избу: поиграеть здѣсь съ старшенькими ребетенками, да и опять лѣзетъ въ баню. И зачѣмъ его носить туда: студить только.

Но вотъ словно и уgomонился отецъ: раздѣлся, прилегъ на палати, свѣсилъ внизъ голову, ласкаетъ ребятишекъ,

улыбаются, подушку въ одного парнишку бросилъ и спать-бы. Нѣтъ, Михѣичъ опять зашевелился, разъ-пять перекинулся съ-боку на-бокъ и опять-таки спрыгнулъ съ палатей и опять сталъ суетливо оболочаться. Потомъ подбѣжалъ къ зыбкѣ — покачалъ ее за кромку, да вспомнилъ, что пустая была еще эта зыбка; потрепалъ старшаго мальчика за волоса въ видѣ ласки, но не поняли буки-ребята этой ласки — разревѣлись. Отецъ того-да-другаго погладить по головѣ, тому-да-другому посулить купить пряниковъ да орѣховъ. Вотъ, опять вышелъ въ сѣни и опять вернулся назадъ въ избу, потому-что шапку забылъ на полицѣ, да и вмѣсто лаптей были на ногахъ у него берестяные ступанцы. Отецъ поправилъ оплошность, безсознательно перебралъ на столѣ обглоданные, замусоленные кусочки ржанаго хлѣба, забытые ребятишками, — и не прибралъ; порылся въ ставцѣ — и ничего не вынялъ; заглянулъ зачѣмъ-то за переборку, толкнулъ ногой въ голбецъ и не притворилъ двери; наконецъ опять вышелъ на крылецъ, спустился на улицу, но не пошелъ въ баню, а прямо-таки въ свое приходское село.

— Съ требой уѣхалъ!... помирають! — говорила ему отца Ивана работница.

— Я подожду: вѣдь, поди, скоро приѣдетъ?

— Чего скоро? — почитай, только-что, только уѣхалъ!

— Я подожду! подожду, а скоро обѣщали?

— Кто-жъ его знаетъ?... строкъ-отъ съ нимъ! Дьячкомъ-то Изосимъ поѣхалъ, — добавила отъ себя работница.

— Ну-вотъ, поди ты! — безсознательно вымолвилъ Михѣичъ. — А я, какъ тебя звать-то? я... подожду лучше...

— Чего тебѣ надо сказать — я, пожалуй, молвлю батюшкѣ-то!

— Паренекъ, кормилица моя, родился, паренекъ... и такой-то, мать моя, гладкой, да тяжелой, ужъ такой-то рѣзвучко, дѣвонька, родился! Въ меня бають бабы!... да и на матку похожъ, славный будетъ, во... славный! завтра въ избу перетащу и зыбку ужъ навязалъ на ту притчину...

— Да ты изъ какой деревни? — перебила работница какимъ-то плачевнымъ голосомъ и, подхватившись локоткомъ, пригорюнилась.

— Изъ вашихъ, мать... изъ сосѣдскихъ.... вонъ: съ поля на-поле! сказываютъ, гоны тропъ будетъ! а по-мнѣ такъ и двухъ не наберется....

— Тамъ моя сестра зиму-съ на супрядкахъ гостила!— сказала съ глубокимъ вздохомъ работница и еще больше пригорюнилась.

— Нешто померла сестра-то? — спросилъ Михѣичъ, готовый въ эту минуту сострадать всѣмъ и всему. Стало ему жалко, крѣпко жалко сироты — работницы.

— И — что ты, батько, съ чего-бъ помереть?... такъ только гостила!... — сердито вскрикнула работница и отняла ладонь отъ подбородка.

— А скоро-ли самъ-отъ пріѣдетъ?—опять за свое ухватился отецъ.

— Сказала: съ нямъ срокъ! ну, и проваливай.

— Нѣтъ, ужъ я подожду лучше!—закончилъ докучный допрощикъ и сдержалъ свое слово.

На третій день отецъ привезъ поворожденнаго парня въ село, здѣсь отдалъ его на руки кумовьямъ, чтобы тѣ отнесли его въ церковь, а самъ опять зашелъ къ священнику просить его дать парню имя.

— Какъ-же ты-самъ пожелаешь нарѣци его?—спросилъ священникъ.

— Твое дѣло, батюшко — отецъ Иванъ, какое хочешь, то и ладно, по мнѣ.... самъ знаешь: все на тебя полагаю, на то вѣдь ужъ ты и приставленъ.

— Въ сей день Анемподисту празднуемъ! — отвѣчалъ отецъ Иванъ и слышалъ, какъ Михѣичъ перевертывалъ имя на разные лады — словно балалайку настраивалъ; и наконецъ-то поймалъ:

— Епподистъ, вишь, Епподистъ... хитро больно имя-то, батюшко, даль-бы ты какое ни-на-есть попроще, а то переврутъ дуры-бабы!...!

— Еще память Герасима?

— Какъ ты, батюшко, молвилъ? — ровно не вслушался. Никакъ опять...

— Герасима! — перебилъ священникъ.

— Ну вотъ и ладно, батюшко! никакъ и выйдеть-то

Гаранька, коли по скорости надо. Благослови, отецъ Иванъ кумовья-то въ церкви!...

И сталъ Михѣичъ съ Гаранькой — свѣжимъ дѣтищемъ, новой утѣхой и радостью, будущимъ кормильцемъ и помощникомъ!

Пока онъ былъ на селѣ, въ пзбѣ его повитуха подыала пыль коромысломъ: *напекла - нажарила, наварила - напарила*; приготовила все, что припасъ хозяйинъ, уложила роженницу за переборкой, накрыла на столъ и поджидала дорогую роденьку хозяевъ, батюшку-священника съ матушкой-попадѣей, и дьячка со старухой-просвирней. Гости усѣлись за столъ: священникъ съ женой въ переднее мѣсто подъ тябло, рядомъ съ ними кумъ съ кумой, ближе къ краю дьячекъ съ просвирней, противъ нихъ родня хозяевъ, а съ самага краю и большакъ въ семьѣ самъ Михѣичъ, потому-что съ него и начнется сейчасъ угощенье.

Бабка-повитуха засуегила, забѣгала, схватила со-стола принесенный родными подарокъ — горшокъ *порушки*, приготовленной изъ сушеной малпы съ медомъ, и отнесла его за переборку, откуда, накормивши роженницу, явилась съ другой порушкой, которую приготовила сама изъ пшенной каши съ перцомъ и хрѣномъ, страшно заплавленной солью и, только для прилики, обсыпанной изюмомъ. Отецъ новорожденнаго попробоваль, поморщился, да хотъ-бы и назадъ отдать, до того нехороша была эта порушка; но, таковъ ужъ обычай, нужно было доѣсть стрепню бабки, которая къ тому-же и объяснила отцу:

— Что вотъ-де, какъ твоя хозяйка третѣводни мучилась, такъ и ты поломайся теперь, не намп-де сказано, что муаль да жена — одна сатана; обопмъ и гужъ за одно тявуть.

Но этимъ только не кончилось дѣло: Михѣичъ долженъ былъ съѣсть еще ложку соли въ то время, когда кумъ съ кумой подняли пирогъ надъ головами съ завѣтнымъ желаніемъ, чтобъ «крестникъ ихъ былъ такъ-же высокъ, какъ приподнять пирогъ.» Затѣмъ шло угощенье кашей, за которую бабка получила отъ кумовьевъ деньги, а за вино, которое она первому поднесла отцу, получила обѣщанныя за повитъ пятьдесятъ копѣекъ мѣдью.

Остальной порядокъ и угощенье шли своимъ обыкновеннымъ чередомъ: первая чарка и первый кусокъ священнику; послѣдняя отцу и бабкѣ; гости церемонились, заставляя себя долго упрашивать, пока не подвеселились и не повели обыкновенные разговоры, въ которыхъ, по обыкновенію, главная роль принадлежала священнику, и самая послѣдняя незначительная хозяйшу.

Священникъ говорилъ, что у нихъ скоро благочинный будетъ новый, владыка по епархіи ѣздитъ, такъ дьякона не мѣшало-бы попросить. Мужички потолковали о томъ, что давно ужъ подумывалъ объ этомъ и баринъ, да бурмистръ не ручается за достаточность вотчины, говоритъ, что и однимъ-де можно удовольствоваться. Тутъ-же кстати потолковали гости и о томъ, что въ Онтушевской волости мужики землю оттягали, и была у нихъ свалка съ дѣминскими такая горячая, что только и удалось залить въ онтушевскомъ кабакѣ. Гости говорили все громче-и-громче, такъ что разговоръ ихъ перешелъ въ какой-то шумъ, изъ котораго только и можно было попятъ одно, что всякій; какъ-бы по заказу, старался перекричать остальныхъ; затѣвались къ концу и пѣсни, но, по обыкновенію, не ладлись. Цѣлую ночь, да и половину другаго дня михѣичевъ спвко развозилъ гостей по-домамъ, а самого большака только на другой день къ обѣду едва донскались на повитѣ.

Роженца недолго пролежить въ постелѣ, завтра-же она будетъ возиться у печи, отрываясь только для того, чтобы покормить ребенка. Она и теперь не лежала-бъ за переборкой, если-бъ не былъ на свѣтѣ обычай класть на зубокъ новорожденнаго и непременно подъ подушку матери и если-бъ не послаблялъ Мироновиѣ мужъ-баловникъ. Не задумалась-бы она родить, какъ и многія деревенскія бабы, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ часъ приспѣетъ, будетъ-ли это подлѣ печи, среди чистаго поля на пожнѣ и покосѣ, во время самой спѣшной и трудной работы.

На другой день послѣ крестинъ въ михѣичеву избу тои-дѣло приходили сосѣдки на *навиды*, приносили посильный подарокъ: пная пирогъ, другая пасмы двѣ нитокъ, пная уснѣла спать рубаху, другія просили простить, что пичѣмъ

не могут порадовать или по недостатку или по безпамятью. Одним словом, все было также, какъ обыкновенно бываетъ на любыхъ крестьянскихъ крестинахъ. Ребенокъ покрикивалъ сначала тихо, но съ прибавленіемъ числа дней и недѣль все громче-и-громче, такъ-что подъ-часъ получалъ порядочные шлёпки и громкую брань отъ матери, на попеченіи которой онъ и оставался до-тѣхъ-поръ, пока не начиналъ самъ ползать медвѣдкой или стоять дыбъ-дыбъ, опираясь рученками на лавки. Отцево дѣло тутъ сторона: развѣ иногда возьметъ онъ сынишку на-руки и, поднимая къ потолку, начнетъ стращать букой или поугааетъ его своей бородой, выигривая на губахъ какую-нибудь дребедень. Дальше, когда парнишко начнетъ подростать, онъ предоставляется вполнѣ самому-себѣ, а когда войдетъ въ разумъ, то самъ и радѣть о себѣ долженъ; «вырастетъ съ мать, самъ будетъ знать, какъ изъ песку веревочку вить.»

Въ нашихъ деревняхъ, гдѣ едва-ли не всякая баба исполняетъ обязанности повитухи, всегда ужъ найдется такая, которая исключительно посвящаетъ себя этому занятію и слѣдственно пользуется у роженицъ особеннымъ предпочтеніемъ передъ всѣми другими. Она вмѣстѣ-съ-тѣмъ и лѣкарка, и знахарка, и наговорщица, однимъ словомъ, такое лицо, безъ котораго трудно, кажется, обойтись русскому человѣку. Къ такимъ-то исключительнымъ личностямъ принадлежала и тетка Матрена.

Происхожденіе ея очень просто: она почти всегда дочь тоже повитухи и рѣдко принимается за свое завѣтное ремесло по собственному желанію. Это послѣднее обстоятельство совсѣмъ отъ нея не зависитъ; оно устраивается какъ-то уже само-собою, какъ и у всякаго другого русскаго простолюдина. —

Съ-молоду у Матрены, разумѣется — общее горе и радость, какъ и у всякой другой деревенской дѣвчонки. На рукахъ у ней вѣчно ребенокъ — сестренка или братишко, къ которому она приставлена на правахъ няньки; съ нимъ она обязана носиться цѣлый день, — пока не кликнетъ мать на насѣсто. Позовутъ-ли ее играть въ прятки — тѣ изъ товаровъ, которыхъ избавила судьба отъ этой непріятности

быть сестрой, Матренка вскинетъ парнишку на закорки и идетъ къ овинамъ; здѣсь посадить брата къ уголку и бѣгаетъ съ другими — рѣзвиться, забываетъ свою докучную службу, а тамъ, смотришь, опять идетъ она по деревнѣ бо-соногая, растрепанная и опять у ней торчитъ за спиной чер-номазый братишко, ухватившійся обѣими рученками за голую шею сестры. Пригласятъ-ли Матрену хороводы водить и опять, смотришь, прыгаетъ она, рѣзвится по-старому и опять по-старому сидитъ ея братишко, въ пыли и грязи, насупившись, и кричитъ благимъ-матомъ, когда обнюхаетъ его проходившая свинья или собака. Но вотъ бѣда! замѣтила это вѣрадливая Матренка проходившая мать и еще больше встрѣ-пала ея лохматую голову и впередъ наказала не покидать братишки. Этотъ грѣхъ куда-бы не шелъ, сама назвалась на него, а бываетъ и такъ, что самъ парнишко затѣваетъ бѣду себѣ на-голову, да еще и на глазахъ матери, какъ случилось это въ то время, какъ игралъ онъ съ котенкомъ. Баловливый котенокъ, оцарапавъ парня, напугалъ его такъ, что перекинулъ навзничь и свалилъ плашмя съ лавки, но и тутъ не прошла бѣда мимо няньки; за чѣмъ-де не смотрѣла, ты ужъ немаленькая! И это-бы ничего: горе пополамъ съ братомъ, да и мать дала паческу никто другой, а то бываетъ и такой грѣхъ, что и самъ-отъ братишко всей пятерней врѣ-зывался въ сестрино лицо и оставлялъ на немъ царапины на цѣлую недѣлю. Конечно и тутъ извернуться можно. Сто-вить только затащить его подальше на-задъ, нахлопать тамъ до-сыта, да подождать пока отойдетъ, а тамъ сунула корку хлѣба и гора съ плечъ долой, но вотъ уже бѣда неисправимая: когда дѣвченки затѣютъ хороводы, а братишко спитъ, мать не пускаетъ на улицу:

— Подожди ходить, вонъ братѣнко проснется и его съ собой прихватишь....

— Да, мамонька, хороводы-то на-ту-пору разобьютъ, не поспѣешь....

— Подростешь, дура, наиграешься, вонъ уже я дубцомъ поиграю, дай только управиться мнѣ....

Ничего не остается дѣлать, какъ надрываться — плакать, пока не разсердится мать и исполнитъ обѣщаніе.

Но вотъ ужъ подрошь братишко, самъ-по-себѣ сталъ ходить и бѣгать; нянька на радостяхъ:

— На-ко, говорить мать, сестрѣнку тебѣ, похоль и ее, да смотри не по лѣтошному, а то опять дубцомъ отстегаю, цѣлый вѣшникъ истреблю!...

Дѣлать нечего, опять пужно покориться горькой участи и ожидать той поры, когда или мать рожать перестанетъ или сама Матренка сдѣлается подросткомъ и ея скучная обязанность перейдетъ на другую сестру.

Но эта пора недалеко, время летитъ своимъ чередомъ скоро и незамѣтно: вотъ уже на Матрену начали зариться большіе ребята; одинъ, что ни пройдетъ мимо, то и заденетъ: либо щипнетъ, либо просто начнетъ по плечу трепать, либо надъ ухомъ что-есть-силы языкомъ щелкнетъ. А надумаетъ парень въ хороводѣ пройтись съ платочкомъ, опять за Матрѣну:

— Выходи-ко, Матреха, воробушкомъ!

Въ горѣлки-ли врѣжется парень, опять-таки ловить ее, а не другую дѣвку.

На камушкѣ-ли горитъ Матрена — никто ее не выкупить прежде того-же парня, никто изъ ребятъ не поцѣлуетъ прежде выбраннаго-суженаго.

Матрена и сама не-прочь отвѣчать на ласки парня: не пуститъ она колечка дальше своей руки, если довелось ей играть въ веревочку и щипетъ это колечко ся молодець; никого не бьетъ она жгутомъ такъ-больно, какъ того-же парня, не слушаетъ и усипенныхъ криковъ его: «чуръ-меня!» У ней и «охъ болить!» по томъ-же парнѣ, а и *рубль поидетъ* у Матрены въ рукахъ застрянетъ. Однимъ словомъ, дѣвка во всемъ становится покорною парню:

— Слышь, Матреха, выходи-ко на супрядки къ бурмистру; я тамъ буду! — скажетъ волокита-парень.

И Матрена идетъ на супрядки, не противится, хотя и у самой въ избѣ супрядки идутъ, и много еще дѣвкѣ пряжи прясть и мотать безъ бурмистрова добра, на котораго хватить работницъ и кромѣ Матрехи. Придетъ дѣвка къ бурмистру, непременно придетъ и найдетъ тамъ своего молодца, который подсядетъ къ ней и наговоритъ съ

три короба всякаго вздору. Запоеть-ли, отъ скуки, Матрена пѣсню, парень первый подхватитъ ее; захочеть-ли дѣвка уйти изъ избы, опять-таки тотъ-же молодецъ провожаетъ ее; надумаютъ-ли дѣвки пошалить-подурачиться, погасить лучину въ избѣ; первый бросается къ свѣтцу Матренинъ парень; а Матрена и лучину запрячетъ на повить какъ только можно дальше, въ самый уголъ на сѣновалѣ; пойдутъ-ли ворожить дѣвки въ баню о суженомъ, первый засядетъ туда тотъ-же парень и велитъ Матренѣ завораживаться прежде другихъ. Пойдутъ-ли невѣсты слушать на полѣ звонъ или пѣніе, Матренинъ парень уже стоитъ за овинномъ, дожидается суженой: ее колокольцемъ пристраиваетъ, а для другихъ пронось погребальную. Начнутъ-ли подходить къ шапкѣ за жеребемъ; кому съ кѣмъ въ этотъ вечеръ жениться, Матрену, какъ-будто надоумитъ кто, вынуть ломаный грошъ, словно ся Матюшка и не могъ-бы положить не ломаный. Дѣвки молчатъ какъ-будто и не замѣчаютъ ничего, а ребята и подавно нѣтъ никакого дѣла: всякой думаетъ о себѣ и о своей — таковъ ужъ исконный обычай. Не любятъ только они захожихъ гостей и не даютъ своихъ дѣвокъ въ обиду; не думаютъ о Матренѣ ни парни, ни дѣвки; думаетъ о ней только одна мать и выговариваетъ:

— Ты что это, нечеса, со старостинымъ-то Матюшкой женихаеться; нешто не нашла попроче?

— Да онъ самъ присталъ, не я выбирала!— отвѣчаетъ Матрена и хоть въ слезы пуститься.

— Не женится онъ на тебѣ, дура, помяни мое слово; вѣдь ты спрота, да и безъ достатку; а у матюшкина батьки мошна-то потуже бурмистриной, бають...

Но дѣвка не вѣритъ матери, не можетъ перечить сердцу: она и во снѣ съ Матюшкой по ягоды ходить, грибы собираетъ.

— Не обманетъ! — говоритъ она въ свою защиту матери, — самъ обѣщаль ожениться: не станетъ врать, вотъ памясь пряниковъ купилъ, платокъ обѣщаль подарить. Какой только, слышь, любишь: желтый или красный — тотъ-могъ и принесу....

Мать все-таки стоитъ на-своемъ:

— Брось-де, дѣвка, Матюшку; выбери кого другого; этотъ

бычекъ не по нашему стаду. Вонъ, говоритъ, сестрина Паранька взяла себѣ Кузьку Кузнецова и идетъ дѣло полюбовному; передъ масленицей, слышь, и свадьба будетъ....

— Нѣтъ! — стоитъ на-своемъ дѣвка, — не отстану отъ Матюшки, хоть живую рѣжь; иной и выводное дастъ — да плачется, а другой и даромъ возметъ — да любится. Пусть-же, коли богатъ Матюшка — не моя вина. Не даромъ онъ пряники носить, за меня-же безинскаго лакея отколошматилъ....

Мать пригрозилась было къ бурмистру свести, собиралась и — не собралась: дѣвка продолжала любиться съ парнемъ, пока не пріѣхала въ деревню барская горничная, которой самъ баринъ велѣлъ выбрать лучшаго парня, по всей деревнѣ. Какъ на зло, словно предчувствовала Матрена, горничная выбрала старостина Матюшку и пошла вмѣстѣ съ нимъ на поклонъ къ барину съ полотенцомъ и кускомъ деревенскаго полотна. Баринъ поцѣловалъ молодую въ щеку, далъ ей на крестины пятьдесятъ рублей и велѣлъ быть ключницей, а молодому мужу приказалъ выдать синій армякъ и послалъ привыкать къ кучерскому дѣлу да не подстригать бороды....

Долго-ли, послѣ такого горя, дѣвкѣ поплакать, проплакаться и, опомнившись, съ ужасомъ увидѣть, что всѣ по-други-сверстницы вышли за-мужъ: каждая за своего суженаго, не несетъ этой доли одна только Матрена, не будетъ она пѣть на прощаньи родителямъ, хоть и кстати-бы была эта пѣсня:

Я еще у васъ, родители,
 Я просить буду кланяться,
 Не оставьте родители
 Моего да прошеньца:
 Не возплъ-бы меня чужь-чуженинъ
 На чужую сторонушку,
 Къ чужому сыну отцкому,
 Не пасса-бы онъ, не готовился,
 На меня-бы не надѣялся.
 У меня ль у молодешеньки
 Еще есть три разны болѣсти:

Я голювонькой угарчива,
Ретивымъ сердцемъ прихватчива,
Своимъ свойствомъ не уступчива.

Въ деревнѣ нѣтъ для Матрены жениховъ: остались одни подростки, а изъ другихъ деревень не ѣдутъ по дѣвью красоту, потому что всѣ знаютъ Матрену, знаютъ и ея Матюшку, но еще больше того знаютъ, что злѣе обойденной невѣсты и зла нѣтъ на свѣтѣ. Если вообще всякая деревенская баба не-прочь на чужой дворъ закинуть камушекъ, посудачить — посплетничать; то тѣмъ-болѣе тѣ изъ нихъ, у которыхъ не уладилось дѣло на семейное житье, тихое — безпечальное. Матренѣ — всѣ соперницы; всякой парень женихомъ считался; она одна осталась теперь, какъ былинка въ полѣ, какъ *сосенка — сиротинка при дороженкѣ*. Обойденная невѣста, что домъ зачурованный, къ нему крещеный, неопытный человекъ и подойти побоятся: черти въ немъ поселились, змѣинымъ ядомъ дышутъ на всякого; а и житье въ немъ — адъ кромѣшный.

Дѣвка на первыхъ порахъ покручинилась, разливалась горькими слезами, размывалась громкими рыданиями, не пила въ мѣру, не ѣла въ сытость; отъ тяготы сердечной была своя-не-своя, а когда и пришла въ себя, то немного радостей вызнала, немного отраднанаго выпытала.

— Агашку за вихряевского питерщика Михѣя сговорили, — въ воскресенье въ полудень и свадьба, слышь, — общали однѣ сосѣдки.

— Лукешку побратали вечеръ, да сестры-те ее Степаниды тоже на мази дѣло, — общали другія.

— Гаранька въ Михѣевѣ, — сказываютъ, — подыскалъ, Ванюшка тоже свахъ засылаетъ, Степка, Иванъ Кандратьевъ.... — высказывали третьи на горькую кручину и слезы Матрены. А на ея дворѣ ни свата говорливаго, ни щебетуньи свахоньки, словно Мамай войной прошелъ по деревнѣ, ни откуда нѣтъ засыла и подговоровъ.

Разъ сорвалось съ сердца Матрены супротивное, неладное слово на подругъ-соперницъ и на ребятъ-обидчиковъ и пошло у ней съ той поры, что дальше, то горьше. Никому не стало пощады, на всякого нашлось у ней съ три

короба всякихъ обидъ. Про кого ни скажутъ доброе слово сосѣдки — все не по ней.

— Вотъ Степанида-то Питерщикова сговорена, складная дѣвка, что стеклушко — чистенькая, во всѣхъ порядкахъ, и смирная и къ родительской волѣ прислушная, — выговариваетъ бывало сосѣдка.

— Голыми-то руками за нее не берись; она только по глухой порѣ за овины-то къ ребятамъ ходить, днемъ-то ее тамъ не увидишь, — отвѣтитъ Матрена, да и ни слова больше.

— А Лукерьюшко-то? Эта и въ церкви завсегда напередѣ стоитъ, да въ землю молится, а и на посидкахъ-то не больно чтобы ужъ очень шустрая....

— У этой и matka-то за солдатами въ походъ ходила, да и отецъ-отъ, какъ ушелъ въ Питеръ, въ деревню не заглядывалъ....

— Ну, да ужъ про Агафьюшку-то не скажешь-же худо?

— Про десятникову-то?

— Смирѣна дѣвка, не тайщица, не привередница, нѣ она тебя облаетъ, нѣ сдѣлаетъ по-своему; на супрядки попросишь — первая придетъ; на помощь позовешь — первая съ серпомъ на пожнѣ; подарокъ посулишь — отказывается; на домъ его принесешь — назадъ отдаетъ....

— У ней только-что рожка-то пряслицей, да коса — что голикъ, а пальца-то тоже не кладѣ ей въ ротъ, — крикнетъ бывало Матрена во всю избу, да и рѣшить тѣмъ, что говорить перестанетъ, заключивъ вопросы короткимъ отвѣтомъ:

— Хороша наша деревня — только улица грязна,
Хороши наши ребята — только славушка худая,
Хорошо нашими дѣвками тынъ городить.

А между-тѣмъ одно зло выручаетъ другое: Матрена скажетъ у себя въ избѣ, а гуль разоидется послѣ и по всей деревнѣ. Брось калачъ на мѣсъ, пойдешь — найдешь, — говоритъ пословица; а на брань слово купится, — утверждаетъ другая.

— Матрена, что воронъ: — на чьей избѣ сѣлъ, на той и накаркалъ! — говорили промежъ себя дѣвки-соперницы и рѣшали на томъ, что чермага кобеля не домоешься до бѣла, а на чужой ротокъ не накнишь платокъ.

Женехи-ребята и думали и поступали иначе: на личную брань — отгрызались, на злую сплетню отвѣчали тѣмъ, что ворота мазали дегтемъ, въ окна снѣгомъ бросали, на трубѣ горшки били, на улицѣ не давали проходу и пошли еще и дальше того на томъ основаніи, что озорная корова до той поры и бодлива, пока рога у ней есть — если-бы случай не смприль Матрену, заставивъ и ребятъ смотрѣть на ея бездолье иными глазами, глазами участія и снисхожденія.

У Матрены умерла мать-старуха. Пошла сирота на кладбище и взывала — горько тамъ взывала о своемъ сиротствѣ и бездольи; осталась одна на бѣгомъ свѣтѣ, какъ персть, какъ былинка въ полѣ. Горькимъ, раздирающимъ душу, голосомъ причитала она по родителямъ, добралась до родимой — помянула добрымъ словомъ, вспомнила тутъ-же, кстати, что любила покойная и кашу съ потрохами и вымя коровѣ съ лукомъ; вычитала пстово и то, что на родимой сарафанъ крашенннй синій всегда былъ на красныхъ кромкахъ, а платковъ на головѣ и не носила другихъ, какъ-только съ намалеванными солдатиками. Долго каталась Матрена на свѣжей могилѣ и выла до перхоты и судорогъ, вѣрная неконному обычаю отцовъ и дѣдовъ, пока не подобрала ея съ мѣста дряблая, сердобольная старушка-нищенка, вѣрный другъ всѣхъ надрывающихся отъ слезъ и кручины. Съ нею-то коротала первые скучные дни одиночества сирота горемычная, но не нашла полной утѣхи въ горести, все напоминало ей мать и все вызывало на слезы: и пучки калины, сокомъ которой натирала мать лишай, и польннныя листья отъ лихорадки, и пережженные квасцы отъ озноба и дикаго мяса. Возмется-ли за кремень и огниво — огня высѣчь и тутъ вспоминается ей мать, присѣкавшая и обметанныя губы и всѣ другія летучія сыны этими-же самыми кремнемъ и огнивомъ. Осядетъ-ли въ жбанѣ гуща квасная — и тутъ предъ глазами Матрены мать-лѣкарка, круто солившая эту гущу, чтобъ наложить потомъ на ногти и заусеницы. Попадутся-ли ей на глаза два горшка рядомъ и тутъ вспоминается ей, какъ покойница смачивала эти горники и терла одинъ о другой, чтобъ стертой черной грязью натирать лишай и вѣтренныя сыны всякого приходившаго къ ней за пособіемъ. Ремесло

старухи, какъ живое передъ глазами Матрены; а нужда, какъ на вороту виснетъ, хоть сама въ сырую землю ложись и гробовой доской прикрывайся, а брюхо — злодѣй, стараго добра не помнитъ! Задумалась Матрена надъ своимъ бездольемъ, но не надолго, съ первой-же вешней водой полѣзли въ ея избу всѣ больные по привычкѣ:

— Поспособь, Матренушка? чай тебѣ matka-то натолковала. Намъ вѣдь къ другимъ-то почестъ и идти не къ кому. Голова болить.....

— Обложи глиной, али-бо кислой капустой — полегчѣетъ, завтра приходи — понавѣдайся....

Но больной не приходилъ въ другой разъ, а по утру прихвалилъ Матрену при всѣхъ своихъ бабахъ и стороннихъ людяхъ, и знали черезъ день въ деревнѣ, что Матрена-де по матери пошла, способить какъ-нельзя-чище: отъ кашлю печенымъ лукомъ кормить, отъ лихорадки дегтемъ съ молокомъ поить и посылаетъ на рѣку въ самую полночь пскупаться, да такъ, чтобы никто не видалъ и не слыхалъ и рубаху велить тамъ оставить, какъ-бы и мать ее прежде наказывала. Стала Матрена и падъ кровью нашептывать и зубы заговаривать съ немалой удачей и навыкомъ: и опять пошла молва по деревнѣ, что и Матрена задавила крота между пальцами и не умывалась послѣ того цѣлые сутки, какъ и мать-покойница. Пришелъ кузнецовъ сынъ съ бородавками, такъ только нитку взяла, навязала на ней столько узелковъ, сколько бородавокъ было, да и бросила нитку въ навозную кучу, примолвивъ: — сгниетъ нитка и бородавки пропадутъ! — и словомъ-то этимъ, что рублемъ подарила, — прошли бородавки. Другой парень пожелтѣлъ совсѣмъ и кашлять началъ, такъ только живую щуку дала подержать, и желтизна прошла, какъ заснула и пожелтѣла сама щука. За однимъ лихоманка увязалась на покосѣ, да случилась Матрена и только лягушку за пазуху кинула и холодной водой облила — отвязалась болѣсть и забыла о парнѣ. У мужика ноги отнялись на пожнѣ, такъ-что и ступить нельзя было — Матрена только въ муравьянную кучу посадила ногами и тутъ-же получила гривцу мѣдью, потому-что опять пошелъ больной подбирать серпомъ ржаные колосья. Съ груднымъ парнишкомъ

солдатки собачья старость приключилась, стало парня сушить въ щепку, въ соломенку, Матрена пришла когда печи топились и только посадила парня на лопату, да три раза всунула въ чело и не усѣла мать третьяго раза взвизгнуть — парень былъ готовъ и вскорѣ пошелъ на поправку. У старостина брата зубы ночей не давали спать и лицо уже вздуло горой, а пришла Матрена, да только рябиновой сукъ разколола на четверо, пошептала надъ нимъ, да положила на зубы, и три года не велѣла есть рябины — и какъ рукой сняло.

И дѣйствительно, въ свѣтленькую, чисто-выметеную избу сироты-лѣкарки часто стали навѣдываться немощные и страждущіе.

— Вотъ, — говорила ей одна, поклонившись кускомъ крашенины, — мой-отъ опять сблаговаль. Ушелъ на село крѣсны продавать, да и глазъ не казалъ почестъ-что трои сутки....

— Опять, поди, запллъ.

— Нешто, Матренушка! на глазахъ - то, мать, и все-бы по миѣ дѣлаеть, а вотъ эдакъ провалится куды и пошезъ своимъ разумомъ.... Вернулся домой-то, да и легъ на полу.... лей-моль я на него воду, а то, слышь, боязко ему на глаза миѣ пьянымъ казаться. Ладила я съ нимъ и такъ, и сякъ, и водой-то облила, и ноги велѣлъ къ лавкѣ привязать — и ноги привязала, и за волосья трепать наказаль — натрепала, да ужъ и не выдержала, вскипѣло сердце — ухватила голикъ, весь нстрепала, не втерпѣжь - же, мать, стало экое посрамленіе! — Какъ на село — такъ и водись!... И не дерется-бы, мать, урчитъ только да плачетъ! да поди удержиись.

— Поспособила-бы я тебѣ его, кабы не такое хитрое дѣло; дорого стоить....

— Да ужъ не стою, Матренушка, не стою....

— Самой все надо, и безъ меня, да и безъ чужаго зазорнаго глаза. Купи ты вина ведро, да двухъ шукъ достать, да живыхъ только, и замори ты этихъ шукъ въ винѣ-то, замори такъ, чтобъ заснули; подогрѣй это вино на печкѣ, покрѣпче подогрѣй, да и напой этимъ на ночь; потомъ вся эта дурость-то и выйдетъ изъ него и пригору не будетъ. Да и помяни ты меня, не отъ худа.....

— Твои плательщики, Матренушка?... Спасибо за со-
вѣтъ! не сердись родная!...

И опонгъ баба пьянаго мужа по совѣту Матрены и еще
разъ поклонится за совѣтъ прежде, чѣмъ мужъ снова добьет-
ся до села и разрѣшитъ общее недоумѣніе буйнымъ заюемъ.
И приругаетъ Матрену хлопотунья-жена за неудачное поль-
зованье, но не повредитъ ея уже установившейся славѣ, раз-
вѣ дастъ только свободу языкамъ и пшцу сплетнѣ, но не
помѣшаетъ мужику-богатѣлю попривередничать, зайти къ
Матренѣ раза-два въ недѣлю въ свободный часокъ запла-
каться.

— Попробуй-ко, Матренушка! опять нѣшто въ боку-то
заболело, не то въ правомъ, не то въ лѣвомъ....

И знаетъ Матрена, что вретъ богатѣль, на небывалую
хворость жалуется, но осматриваетъ его и выговариваетъ
полтину мѣдью:

— О томъ не стоимъ!... что намъ?... полтина?... хво-
рость-то бы отвязалась. Вотъ, вотъ, ровно-бы тутъ защем-
ило, словно-бы иглами колеть.... вѣчоръ съ голбца на па-
лати перелѣзалъ и ухватило поперекъ - то!... еле отды-
шался!...

И мнимый больной напьется, по совѣту Матрены, ро-
машки на ночь и велитъ себя вытереть солью съ виномъ и
опять придетъ къ ней, отъ нечего дѣлать, и опять прише-
сетъ полтину и на глазъ ей укажетъ:

— Посмотри-ко, Матренушка, не песьякъ-ли вскочилъ
хочетъ?

— А вели-ко ты, Еремей Кузмичъ, старшенькому-то
парнишкѣ ячменемъ проколотъ, да и показать ему кукишъ:
«ячень, ячень! вотъ-молъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то и
купишъ, купи себѣ топорокъ, пересѣкися-молъ поперекъ», да
и проведи по ячменю-то пальцемъ.

Съ бѣднымъ, съ слабенькимъ значеніемъ въ деревнѣ, при-
вередникомъ Матрена поступаетъ иначе! пожаловался мужи-
ченко на боль въ поясницѣ, да сказываетъ про болѣзнь не
то, что надо, Матрена отворитъ избу; выберетъ бабъ да ре-
бятъ молодыхъ, велитъ имъ шибче смѣяться, чтобъ было ве-
селѣй болъ выходить изъ тѣла и положитъ привередника по-

перегъ порога. Накладеть ему на спину изъ голика прутьевъ и начнетъ тпать по прутьямъ косаремъ, да приговаривать, а привереднику велить пѣть пѣсню, какал только на умъ попадетъ, и сама засмѣется...

Встаетъ привередникъ и гладить спину:

— А никакъ, Матренушка, и впрямь легче стало! — и похвалить ее и пятому и десятому: и самъ при своемъ, и лѣкарка не въ накладѣ.

На серьезныхъ больныхъ Матрена — и теплые хлѣбы накладываетъ на поясницу, и горшками накидываетъ, и бьютъ освирипѣлые больные отъ невыносимой тяготы горшки эти о первый попавшійся уголь, и бранятъ Матрену, словно виноватую, по при первомъ-же случаѣ кланяются ей и масломъ и яицами и другихъ посылаютъ къ ея-же досужеству. И какал-бы болѣзнь ни была, у Матрены всегда найдется сладобье, но ни одинъ больной не раздѣляется съ болѣзнію безъ того, чтобы не пропарила она его до самаго нельзя въ банѣ,* не напоила-бы его круто-посоленнымъ квасомъ, не натерла-бы перцомъ, хрѣномъ, или рѣдечнымъ сокомъ.

У одного шибко голова болить и упорно держится въ ней цѣлый содомъ всякихъ дрязговъ — болѣзнь всегда неприятная, Матрена и надъ ней не задумается; поставитъ на столъ горшокъ съ киноварью и угольями, посадитъ больного, накроетъ его теплымъ и велитъ разинуть ротъ и дышать тѣмъ паромъ, который лѣзетъ изъ горшка. Иной разъ и удавалось, а и случалось когда несчастіе, задыхался мужикъ, — знать, сѣлъ въ часъ недобрый, — знать, присмотрѣлъ за нимъ недобрый глазъ, а за ней самой внии совсѣмъ никакой пѣть.

Не всегда съ дѣломъ и за дѣломъ — собирались въ избу Матрены мужички, но просто и посудить-покалякать: Матрена и тутъ не терялась въ отвѣтахъ.

— Вотъ, красавица ты наша, — заговорили сосѣди — корчи теперь эти въ человекѣ живутъ, ведутъ они тебя всего, какъ-есть всего выворачиваютъ, отъ чего-бы это такал притча стоялась?

— Это отъ нечистаго духа — отвѣчала Матрена — да отъ другого недобраго человекѣ, который умѣетъ слѣдъ че-

ловѣчій съ земли поднимать. Подниметь слѣдъ—начнутся корчи. На такое дѣло надо взять ковшъ да накласть туда уголь-евъ горячихъ да щепотку соли. Тутъ, сказывай надъ ковшомъ этимъ наговоръ такой, какой надо, и съ тѣхъ твоихъ словъ вся эта корча и судорога на тебя идетъ, съ больнаго-то значить на себя переводишь. Затѣмъ, въ этотъ ковшъ отъ воды наливаемъ да прыщемъ на больного разъ либо два, — позѣвнуль—полегчѣло.

Вообще Матрена всегда охотно сообщала все то, что знала она про секреты колдуновъ на томъ основаніи, что колдунъ и знахарь не одно-и-тоже. Если колдунъ продалъ душу свою и знаетъ черта, то знахарка боится черта и чертъ ее не любитъ какъ и всякого другого крещенаго чело-вѣка; если кликушъ, у которыхъ сто бѣсовъ животы гложутъ, не возмется вылѣчить колдунъ, но ей—знахаркѣ, докѣ, тутъ и рукъ прикладывать не къ чему. *Дознаемой* впро-чемъ молитвой да *умълымъ* наговоромъ бѣгутъ и отъ знахарки разныя людскія житейскія напасти; оттого-то и идетъ къ ней за совѣтомъ и помощью весь православной людъ и просить научить опахать на голыхъ дѣвкахъ деревню, чтобы не падалъ скотъ, какъ муха, и у нихъ также, какъ и въ сосѣднихъ сельдбищахъ. На Васильевъ вечеръ придуть боязливвыя бабы къ нашей-же Матренѣ просить смыть у нихъ въ избѣ лихоманку, слѣпую и безрукую старуху, что заѣзаетъ въ избы и ищетъ виноватыхъ. Матрена придетъ на раннюю зорю, чтобы не видалъ только никто изъ мушницъ деревенскихъ, прихвативши съ собою четверговой соли, золы изъ семи печей и земляной уголь. Встрѣчаютъ Матрену съ хлѣбомъ солью и ласковымъ привѣтомъ хозяйки, Матрена не входитъ въ избу и обмываетъ сначала косяки дверей, а потомъ потолок своимъ снадобьемъ и вытираетъ чистымъ рушникомъ, чтобы не было гдѣ уцѣпиться проклятой старухѣ. На день Трехъ-Святителей Матрена смиряетъ, по обычаю всѣхъ знахарокъ, домовыхъ въ своей деревнѣ: рѣжетъ въ глухую полночь черного пѣтуха, выпускаетъ кровь его на голыкъ и выметаетъ этимъ голикомъ всѣ углы на дворахъ, гдѣ любитъ жить этотъ мохнатый старикъ-капризникъ, обратившись всегда лицомъ къ стѣнѣ и никогда,

впрочемъ, никому не видимый. Смирять домового — перестанетъ онъ и скотъ мучить, и хозяевъ давить за горло, и творить другія свои неладныя шутки. На Василья-капельника ребята часто отъ овечьей одышки въ брюхо растутъ, и тутъ нужда въ Матрениныхъ оговорахъ и помощи. На Марью Египетскую Матрена строго-на-строго велитъ угощать водяного, — бросать въ глубокой мельничной омутъ яшныя пироги — сгибни; за два дня до Егорья вешнаго она учитъ окликать на могилкахъ родителей; со Стрѣтеньева дня наказываетъ она не спать по вечернимъ зарямъ, чтобы не приставала кумаха-трясовица; на Ивана купальника — въ жаркое лѣто — она траву купальницу собираетъ противъ того-же нечистаго духа, который любитъ пугать по зарямъ нескладнымъ крикомъ своимъ косцовъ на покосахъ и жнецовъ на пожняхъ; на Прокофья жатвенника въ синюю стклянку она собираетъ росу по зарямъ для излѣченія очныхъ призоровъ и стрѣльбы въ виски; на Илью Пророка собираетъ дождь для той-же цѣли и противъ всякой другой вражьей силы. А когда на перваго Спаса замрутъ до ранней весны вѣдмы, Матрена учитъ мужиковъ поить лошадей съ серебряной монеты изъ шапки, чтобы не приставалъ къ нимъ во всю зиму ни мокрецъ, ни столбнякъ, ни сапъ изнурительный. На Усѣкновение главы Предтечи наказываетъ щей не варить изъ кочанной капусты, за тѣмъ, что кочень капустный, что голова, круглый. На Андрея перевозваннаго Матрена прислушивается къ водѣ и сказываетъ по стону ея — какое будетъ лѣто, будутъ-ли мятели зимой, бури, морозы крѣпкіе и инныя разныя бѣды. За два дня до новаго года, гадаетъ она о землѣ на свиной селезенкѣ и сказываетъ — долго-ли, коротко-ли затянется весна красна и будущее жаркое лѣто. Короче — ни одна изъ житейскихъ примѣтъ, выжитыхъ вѣковыми опытами, не прошла мимо Матрены-знахарки безъ замѣтки и вниманія. Нѣкоторую часть изъ нихъ сообщила ей мать-знахарка, прожившая, потолкавшаяся между людьми не одинъ десятокъ лѣтъ, большая часть пришла къ ней съ вѣтру частію отъ бабъ-сосѣдокъ, частію отъ старухъ-нищенокъ, которыхъ она любила прикармливать, и которыя Богъ-вѣсть гдѣ не побываютъ на своемъ сиротскомъ

вѣку, Богъ-вѣсть гдѣ и чего не визнають, не выслушаютъ. Разъ выслушанное и повѣренное личнымъ опытомъ — становилось для Матрены навсегда закономъ, не имѣющимъ никакихъ сомнѣній и исключеній; если на чемъ и случалось ей споткнуться въ послѣдствіи, она и тутъ не задумывалась:

— Не кто какъ Богъ—говорила она—все въ божьей власти, а чему быть—тому не миновать. Все божье дѣло: къ всякому дѣлу человѣчьему разуму нельзя приступаться. Не сталоь сегодня — станется завтра, и нашъ бабій вѣкъ не клиномъ-же сошелся. Терпи и надѣйся!

И все-таки Матрена не оставалась въ накладѣ; круглой годъ у ней прибыль; бѣльшого почету шикому нѣтъ въ деревнѣ; она и на именинахъ не на послѣднемъ мѣстѣ и не съ остаточнымъ кускомъ; а крестнины гдѣ—она первая въ пиру и почетѣ. Къ ней о всякой болѣзни съ совѣтомъ, о всякой невзгодѣ мирской съ поклономъ и приносомъ.

— Не житье Матренѣ—масляница! — толковалу сосѣди.

— Въ шугаяхъ штофныхъ ходить пачала; по праздникамъ платокъ — не платокъ, лента — не лента, даромъ-что обойденная, нѣ мужняя жена! — говорили сосѣдки.

— На всякое, мать, счастье въ сорочкѣ надо родиться; съ дуру-то начнешь—дуростью кончишь: таланъ стало-быть отъ Бога вышелъ за ея долготерпѣнье да обиды! — рѣшали облагодѣтельствованныя ею пшеники-старушонки.

— Пущай и злиться перестала теперь: не ругается ужъ такъ, какъ въ ономнящую пору!

— Взыскана теперь—зачѣмъ станетъ ругаться? Кузнецъ Гаранька, слышь, позарился: свахоньку засылалъ, да Матрена и слѣдъ той навсегда заказала. «Мнѣ слышь, теперь хомута-то мужнина надѣвать не приходится. Сама-могъ стала въ вольной волѣ. А ты ему, косому черту, и на лбу запиши и всѣмъ накажи: ко мнѣ-де теперь дорога заказанная, всякими-де она крѣпкими наговорами зачурована». Такъ вотъ, она нонѣ баба-то какая стала! — рѣшили сосѣди и мало-помалу забывали о прежнихъ несчастіяхъ и неудачахъ Матрены, начиная видѣть въ ней нужнаго, а потому и дорогаго человѣка.

— Сватьяшка! Матренушка-то знахарка баню новую приговорила рубить....

— Богоданная! у Матрены-то криворотой навѣсь на дворѣ настилають новыи; подкаты подѣ избу-то новые ладить!

— Дьякона Арсеня отъ заполя вылѣчила, у матвѣевского плотника — Лукой звать — ногу вправила: опять работаеть.... здоровъ.

— Къ управляющему на усадьбу возили: кровь отворила не хуже, слышь, коновала добраго!

— Эка баба, эка лихая баба: и къ сиротамъ податливая, и къ нищимъ призорливая, и къ церкви усердливая, не колдунья какал. На ворожбу ни на какую не подается; не гадаетъ на картахъ; — цыганское, сказывается, это дѣло, не мое сиротское!

Вотъ, уже что говорили въ-одно-слово сосѣди и сосѣдки годъ, два спустя послѣ того, какъ обзывали ее недобрымъ словомъ. Деревенской людъ незлопамятенъ; а обзывъ да покоръ, не считаютъ грѣхомъ, причастные и сами этой слабости, по пословицѣ: «брань на вороту не виснетъ, на нее слово кунится, да такъ прахомъ и минуется».

Сдѣлавшись знахаркой, Матрена не отказывается и отъ повита и съ прежнею заботливостью старается не разглашать по сосѣдямъ, что вотъ та-то баба мучится родами, чтобы легче разрѣшилась роженица. По прежнему совѣтуетъ родителямъ давать новорожденному имя перваго встрѣчнаго человѣка, чтобы не было ему тиготы и невзгоды въ предстоящей жизни: ко всѣмъ привѣтливая, всякому готовая на услугу, Матрена вызывалась изъ дальней деревни съѣздить къ попу за имянной молитвой съ шапкой. Попъ читалъ ей молитву эту въ шапку, произносилъ имя перваго встрѣчнаго въ пути Матренѣ человѣка; привозила Матрена эту шапку въ избу роженицѣ, вытряхивала имя и молитву изъ шапки и вполне убѣждена была, что тѣмъ спасала всѣхъ, присутствующихъ при обрядѣ и дотрогивавшихся до поганой роженицы руками, отъ оскверненія. Въ послѣднее только время стала она отказываться отъ подобныхъ порученій и прежде всѣхъ обряжала подводу, чтобы вести новорожденного прямо

на село. Говорили сосѣди потомъ промежь себя, что Матрену выстегали за то на становой квартирѣ больно шибко, что тутъ, былъ благочинный и старикъ-попъ, который давалъ молитвы, что наказывали Матренѣ напредки не дѣлать эдакъ.

— И пригрозили кандалы надѣть и между солдатами по столбовой прогуляться въ непутное мѣсто, что острогомъ зовутъ, да каторгой прозываютъ. А деньги, что нажила про себя, всё отобрали, да и еще наказали черезъ годъ принести столько-же!—подтвердилъ сочкой говоръ и молву народную.

Сосѣди покручинились и про-себя и съ Матреной вкупѣ, Матрена повыла-поплакала горько, но устояла-таки на своемъ и жила опять съ своимъ ремесломъ — не кручинилась. И крута гора да сбывчива, и лиха бѣда да забывчива,—говоритъ пословица. У Матрены пошло дѣло опять своимъ чередомъ — дорогой торной, прямымъ путемъ.

Матрена любила, между дѣломъ, и просудачить; не идти же ей на-перекоръ съ своимъ дѣломъ бабынмъ.

— Вотъ, — говорила ей вѣстовица, та-же побирושканищенка, которая подняла ее на погостѣ, — за Осѣновымъ Митюхино выгорѣло; ребятѣнки рѣпу пекли, да и набаловали въ овины.

— А не обрубай они сосѣдскимъ коровамъ хвосты; не мѣшай они сосѣдскимъ поѣздамъ, не кори дѣвокъ горшками на свадьбахъ, не пачкай ворота дегтемъ....

— Всѣ-то, мать, избы испепелило; десять животовъ сгорѣло; махонькаго парнишку еле вытащили живехонькимъ и жара-то какая, кормилка, была! Словно изъ печи парило. Думали всѣ, что свѣта представленье.... самъ становой наѣзжалъ!...

— Чай, пойдутъ на погорѣлое мѣсто просить?

— Вѣстимо, родимая, народѣ-то вѣдь все господскій быль; на овчинахъ стояли, да все,—слышь красавица ты моя, погорѣло.... И первохристосныя яйца бросали — не помогло, и молоко лили — не лучше стало. Старушонка тутъ у нихъ жила, Ориной звать, такъ и ту въ избеночкѣ-то ее захватило. Кинулся народѣ-отъ: «батюшки-моля Оринушка-то сгорить!» анъ изъ избы-то, мать моя, ни словечка не слышно,

хоть бы тѣ што.... Знать-моль задохнулась, захватило дыханьице-то. Да швецъ, на ту притчу случилось въ деревнѣ, народъ-то, знаешь, боевой; одинъ и выискался, Мартыномъ молодца звать, и кинулся къ избушкѣ-то. «Простите-моль, православные, мою душеньку! не погибай-де, слышь, душа человѣчья на моихъ глазахъ; либо-де сгорю, а душеньку говоритъ спасу». Да и вломился въ огонь-то, индо, мать моя, зашипѣло что, — и вытащилъ старушеночку, Оринушку-то эту и вытащилъ сердобольную.... живѣхонька!... Народъ-то весь, моя мать, и шапки снявъ, сталъ креститься да кидать молодцу гроши да пятаки; самъ становой серебряный гри-венникъ далъ, да по начальству, сказывали, отписать хотѣлъ. «Дадутъ-моль тебѣ и больше супротивъ того».... Да обгорѣлъ Мартынь-отъ! всю-то рожу опалило, пузырей наскакало и ня вѣсть какая сила!... куды шибко обгорѣлъ.... — и нищенка медленно покрутила головой и прослезилась.

— Пришелъ-бы ко мнѣ поспособила!... а не то вѣдь и самому не какая хитрость лапушнику-то нарвать, да и обложитъ рожу-то съ масломъ....

— То-то, желанная ты моя, тебя-то я тутъ и вспомянула; вотъ какъ-бы, моль, божья раба Матренушка-то наша была здѣсь, — отдохнулъ-бы молодецъ; желанная-то, моль, моя не поспѣсивилась-бы.... помогла. — А пойду-ко моль къ ней да поклонюсь, не изломала-ли-де кручина-тѣ ея, да и нпточекъ-то, моль, попрошу; армячишко заплатитъ; знаю, смѣкаю себѣ, не откажетъ душа ея добродѣтельная сиротѣ безпріютной!... наградитъ ея Тифинская Пречистая!... сама... сирота....

Послѣднія слова нищенка выпѣвала громко уже посреди судорожныхъ всхлипываній, но, конечно, не осталась въ накладѣ; старый кафтанишко въ заплаткахъ, замѣнился, хотя и подержаннымъ, но еще крѣпкимъ; а нитокъ получила цѣлую пасму. Матрена знала, что старуха, бродя изъ деревни въ деревню, разнесетъ объ ней молву, какъ объ лучшей лѣкаркѣ и сторяцею заплатитъ ей за подарокъ.

Дѣло повитухи справить—пожалуй—легко и удобно всякая баба,—Матрена повитомъ не много-бы взяла; ухватила-бы ея нужда поперегъ живота, если-бъ не помогли ей пер-выя удачи въ знахарствѣ и сердобольныя нищенки, въ бе-

сѣдахъ съ которыми она находила и отраду и заручку. При помощи ихъ разказовъ въ самыхъ дальнихъ деревняхъ стали знать о Матренѣ. Правда, что печасто беретъ недугъ неладно скроеннаго, но крѣпко сшитаго русскаго чело-вѣка. Правда, что сильны и тяжелы исходомъ и послѣд-ствіями тѣ недуги, какіе ложатся на могучія плеча простаго чело-вѣка, и, старѣя со-дня на-день, дѣлаются по-большей-ча-сти неизлѣчимыми до гробовой доски; правда, что надежда больнаго не покидаетъ до послѣдней минуты жизни, и онъ продолжаетъ искать искуснаго чело-вѣка, который-бы могъ дать такого снадобьяца, чтобы болѣзнь заморило; правда наконецъ, что твердо знаетъ всякой мужичекъ о томъ, что нѣтъ того города, гдѣ-бы не жилъ такой присяжный искус-никъ, который лечитъ отъ всѣхъ недуговъ и за то носить пуговицы свѣтлыя, чиновникомъ зовется, и въ уѣздъ наѣз-жаетъ на мертвое тѣло.

— Да какъ ты къ нему приступишься? — думаетъ мужи-чокъ. — Съ мѣдюками-то ржавыми къ нему не пойдешь, а се-ребро-то по карману не чортъ-же сѣялъ; бумажныхъ денегъ и по полугоду не доискиваешься. Да и на какого чело-вѣка попадешь — иной, тебѣ и говорить-то по нашему не умѣетъ; не онъ тебя распроситъ, не то мѣсто больное нащупаетъ. Снадобей-то всегда забываетъ прихватить съ собой и отсы-лаетъ за нимъ въ городъ. И не диво-бы въ городъ съѣздить про свой животъ, кабы пора не рабочая, да коли-бъ и сва-добья-то эти снадручнѣе были, а то жгутъ, больно жгутъ, и карманъ и спину. Кладутъ тамъ нашего брата въ боль-ницу такую, гдѣ только за выписку берутъ деньги да за харчи, какіе ты тамъ поѣшь, а попробуй-ко полежи, тамъ подольше, да расплатись, съ ними на чести — въ избу-то свою и не заглядывай: волкомъ взвоешь, все тамъ быльемъ поростетъ: собаки ложки моютъ, козы въ огородѣ капусту полютъ. А давай-ко намъ знахаря поближе да такого, чтобы его рукамі-то ухватить было можно, чтобы за приходъ-отъ либо пасмой нятокъ, либо пахтаемъ, либо повинной какой, а не то — коли и денегъ выпросить — такъ полтиной мѣдью и себѣ-бы и ему удовольствіе можно было сдѣлать. Это вотъ по нашему, по крещеному; а то свѣтлыхъ пуговицъ до смер-

ти боюсь, ну ихъ.... эти-же къ тому иѣмчи—нехристями такими смотрять, что нашему брату православному человѣку и подступиться боязно; а гляди — какъ ты тутъ ни судачь, ни ворочай—по знати-то, да по старой памяти, что по грамотѣ — и полезно и никому не обидно. Сказывали бабы: въ которой деревнѣ Матрена — что божьи-то люди хвалили — живеть?

И идутъ къ Матренѣ и мужики и бабы больные: и послѣднимъ подь-часъ легче, легче потому, что Матрена и ласковымъ обнадѣживающимъ словомъ найдти и приголубить умѣетъ всякого и потому еще, что тѣхъ больныхъ, которые подошли крѣпко и немогутны стали, она не поскупится — у себя въ избѣ оставить и станеть ходить за нимъ, что за своимъ роженымъ дѣтищемъ, да и Матрена не въ накладѣ отъ своихъ больныхъ и совѣтчиковъ. Запасы свои она продаетъ на чистые деньги афенямъ-ходебщикамъ, да прасоламъ-бульнямъ, ѣсть она — не свое, а даренное; житье ее, что сыръ въ маслѣ: кромѣ прибыли ничего не видать ни съ какой стороны. Разъ порастрепъ ее — сказывали—становой по наговору городского лѣкаря и пригрозился ее въ острогъ запереть, такъ только съ годъ у Матрены изба новая не крытой стояла, да жалобилась дѣвка недѣль-пять къ ряду своимъ сосѣдямъ; что нонѣче-де житье сиротское еще горше стало, чѣмъ было прежде, что и народъ-отъ бѣднѣе сталъ— деньгами-то ей за знахарство и носить перестали и—только. Черезъ годъ — не дальше, изба ея все-таки стояла такую приглядною, новою; чистота въ ней блюлась такая, что у инаго помѣщика не отыщешь: на Рождество Матрена всѣ стѣны мыломъ мыла, въ великой четвертокъ къ Пасхѣ весь полъ ножомъ выскребала. Дивились мужики толковости и находчивости Матрены и упрекали ея своихъ бабъ:

— Смотри, нечѣсы, въ избѣ-то у ней словно рай цвѣтеть. Просто такъ посидѣть, такъ въ удовольствіе тебѣ и въ веселіе. Про снадобья-то у ней шкапчикъ эдакой зелененькой, а и тамъ, что въ лавкѣ городской, таково приглядно.... Все хорошо, все благовидно, одно слово сказать — чай начала пить купецкимъ дѣломъ и, разговоръ не надо?....

Позднѣе, гораздо позднѣе, когда уже Матрена приобрѣла

значительный навыкъ въ лѣченіи болѣзней, привелось ей по-печалиться на тотъ общій недугъ, которымъ давно уже, хотя и излѣчимо, болятъ простой русской людъ. Матрена была не-граматна и, не имѣя случая подумать объ этомъ, жила себѣ, горя не вѣдая до той поры, пока мѣстной грамотѣй-доточ-никъ не принесъ ей писанной книги, значительно засаленной и измызганной. Прочелъ онъ ей заглавіе: у Матрены и глаза разгорѣлись: «О травахъ различныхъ вкратцѣ, на какомъ мѣстѣ которая трава растеть и какова ростомъ и цвѣтомъ и къ чему которая трава угодна, и о болѣзняхъ вкратцѣ». Понеслись мимо ушей Матрены лакомые, соблазнительные заголовки: вотъ средства отъ зубовъ, отъ угрей, отъ ли-шаевъ, у кого умъ или мозгъ порушится, буде кто не спитъ, у кого очи свербятъ, о сверчкѣ у кого въ ухо зайдетъ, аще кто храплетъ, у кого волосы въ гортани растутъ, у кото-раго человекъ битаго кровью займетъ у сердца.

— Прочитай-ко, прочитай, кормилецъ, экое мѣсто—пе-ребила Матрена.

— Добудь 10 раковъ — читалъ грамотѣй, заручившись полуштофомъ угощенія, — истолки и процѣди и того отвѣсь три золотника, да крови козлячьей 7 золотниковъ, смѣшай все съ пивомъ и пей по-рану.

— А кая жена долго не разродится — продолжалъ гра-мотѣй на соблазъ повитухи.

— Выпей-ко еще на здоровье да читай, что по-ниже этого значитъся, — приговаривала та, жадно слѣдя за глазами читающаго и вся превратившаяся въ слухъ и вниманіе.

— Напиши на бумагѣ дрмосъ: «Отъ земнородныхъ» кто слышалъ таковая, — весь до конца и привяжи на голову или подъ пазуху: скоро Богъ даетъ.

— Отъ зубовъ—читалъ грамотѣй—поймай воробья жи-ваго и выколи у него зѣницу и положи на зубы и зубы тѣмъ мажь. Отъ икоты — грызи капустникова коренья, сердце икать перестанетъ. Огнь въ очахъ — излови во-исходную пят-ницу зайца живаго и вынь изъ головы мозгъ и тѣмъ мажь очи. Сіе сотворилъ лѣкарствѣо Адамъ, праотець нашъ. Отъ уразу и отъ побоевъ: — емли травы чабру, и пари въ винѣ, и пей на дщее сердце.

— «Есть трава именовъ архангелъ, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонка въ стрѣлку, четыре цвѣта: червленъ, зеленъ, багровъ, синь. Та трава вельми добра; кто ее рветъ на Иванъ-день сквозь золотую или серебрянную гривну и та трава носить, и тотъ человекъ не боится дьявола ни въ ночь ни злаго человека; аще на судъ пойдетъ — одолѣетъ сопротивнаго, и цари и князя любятъ его и всякіе люди. А корень ея добръ; у которой жены дѣтей нѣтъ, то истолки, въ молоко и дай пить, то конечно будутъ дѣти, или порча за тридцать лѣтъ здрава сотворить, исцѣлитъ. *О купальницѣ*: до солнечнаго восхода встань и будь чистъ, а копать руками безъ древа, а говорить: «Господи помилуй» 100 разъ, а потомъ: «аминь», а она вынуть изъ земли перекрестясь, а взять тремя персты правыя руки, да лѣвыя одинъ большой и поцалуй траву трижды, а корень ея пятью и обвей золотомъ или отласомъ или камчатымъ лоскутомъ и держи въ дому твоёмъ, на путь ея съ собою емли, и на войну, и на судъ, и въ пиръ, и отъ вѣдуновъ не будешь испорченъ. Есть трава, именовъ глава Адамова, растеть возлѣ сильныхъ раменныхъ болотъ кустиками по пяти, и по шести, и по десяти листовъ вмѣстѣ, высотой въ пядь, цвѣтъ багровъ, иной рудожелтъ, а какъ расцвѣтетъ — ино вельми хорошъ кукшинцами, всякимъ видомъ и ту траву рвать съ крестомъ Христовымъ и говори: «Отче Нашъ» и псаломъ 8, а кто не умѣетъ грамоты да сотворить 300 молятвъ Исусовыхъ, и принеси ту траву въ домъ свой и которой человекъ порченъ да шестъ — здоровъ будетъ; а кто хочетъ дьявола видѣть или еретика, то ту траву пей и корень освяти водою и положи въ церковь на престолъ и какъ минетъ 40 дней и ты носи при себѣ и узришь воздушныхъ и водяныхъ демоновъ; а кто хочетъ мельницу ставить — держи при себѣ — вода стоитъ, гдѣ хочешь, или церковь ставить — положи на землю ту, а какъ ранять человека и приложи, и та трава именуется во многихъ травахъ — царь-трава».

Вотъ тѣ три великія, заповѣдныя, зачурованныя отъ непосвященнаго глаза тайны, безъ которыхъ не смѣетъ умереть ни одинъ доточникъ, ни одна знахарка, не передавши

ее при приближеніи смертнаго часа кому-нибудь изъ присѣшниковъ и притомъ при смертной клятвѣ на родныхъ и знаемыхъ, на кровныхъ родителей, на свою утробу богодатную, на свои кости отъ ребра Адамова. Въ - противномъ-случаѣ, затаившій или неуспѣвшій передать при жизни эту тайну другому надежному человѣку и по смерти не найдетъ покоя: станетъ подниматься въ глухую полночь изъ гроба, выходить изъ могилы и плакаться человѣческимъ плачемъ и голосомъ и изцывать на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сотворилъ какой-либо изъ семи грѣховъ смертныхъ. Будетъ пугать тотъ мертвецъ всякаго живаго человѣка до той поры и времени, когда найдется смѣлый и умѣлый, чтобы переложить мертвеца въ гробу навзничь, подрѣзать пятки и вбить въ спину между лопатками осиновой колъ.

С. Максимовъ.

К Р И Т И К А .

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа:
«Дворянское гнѣздо» (Современникъ, 1859 г. № 1).

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

I.

И вы и я читали почти въ одно время новое произведе-
ніе Тургенева — и помнится такъ-же, оба въ одно время
почувствовали необходимость передать другъ другу впечат-
лѣнія отъ повѣсти автора, которому равно горячо сочув-
ствуемъ. Оказалось такъ-много сходства въ нашихъ впечат-
лѣніяхъ, что я по всему праву даю моей критической статьѣ
форму писемъ къ вамъ. Это, во-первыхъ, избавляетъ отъ не-
обходимости — почему впрочемъ считается это необходи-
мостью? — излагать содержаніе повѣсти, извѣстное вѣроятно
всему читающему русскому міру; во-вторыхъ, отъ казенной
манеры начпвать — такъ или въ подобномъ родѣ, — что талантъ
Тургенева давно принадлежитъ къ числу талантовъ, наиболѣе
любимыхъ публикою и проч. и проч....

Когда талантъ какого-либо писателя горячо любитъ и
высоко цѣнитъ критикъ, — подобный пріемъ ему особенно
противенъ.

Тутъ можетъ-быть возникнетъ сейчасъ-же вопросъ: имѣ-
етъ-ли право критикъ говорить о талантѣ, который онъ го-
рячо любитъ и высоко цѣнитъ, не перестаетъ-ли онъ быть
въ отношеніи къ такому таланту критикомъ, т. е. лицомъ
судящимъ, взвѣшивающимъ, оцѣнивающимъ, указывающимъ

недостатки и промахи? Такой вопрос конечно может возникнуть только въ кружкахъ, ничего не читавшихъ кромѣ критическихъ статей гг. Греча, Кс. Полеваго, Булгарина, Сенковского и иныхъ, прпучившихъ публику ихъ читавшую и понинѣ еще можетъ-быть читающую, къ извиненіямъ въ случаяхъ ихъ *особеннаго* расположенія къ тому или другому изъ авторовъ — да въ кружкѣ за-москворѣцкихъ или коломенскихъ барышень, которыя всегда думаютъ, что имъ сказали что-либо «въ критику» — но все-же вѣдь онъ, этотъ пошлый вопросъ, можетъ возникнуть... потому-что, при малой развитости понятій въ ббльшей части нашей публики, еще не привыкли умѣть отдѣлять расположеніе къ дарованію отъ расположенія къ личности. Даже Бѣлинскій не успѣлъ приучить къ этому. Ббльшей части читающихъ, и даже пишущихъ, и даже иногда критикующихъ, — непонятенъ тотъ процессъ раздвоенія на чловѣка чувствующаго и чловѣка судящаго, который совершается въ критикѣ; т. е. въ лицѣ, взявшемъ на себя трудную роль выражать свое личное сознаніе, примѣряя его къ общему сознанію. *Сознавая* свои особенныя, личныя симпатіи къ талантамъ, онъ такъ-же подвергаетъ самого себя, т. е. эти симпатіи, суду и анализу какъ подвергаетъ ему общее сознаніе — разлагая какъ свое, такъ и общее на *разумное* и *неразумное*. Потому-что вѣдь и въ общемъ бываетъ часто извѣстная доля неразумнаго. Общее конечно правѣе личнаго — но когда? Только тогда, когда оно перейдетъ изъ настоящаго въ прошедшее: въ минуту настоящаго — общее представляетъ только хаосъ, въ которомъ волнуются и кипятъ и однородныя и разнородныя впечатлѣнія: изъ борьбы ихъ, изъ взаимной амальгамировки возникаетъ уже потомъ нѣчто неизмѣнное, неподвижное — почему великій поэтъ и говоритъ:

Nur im vergang'nen lebt das Tüchtige *) —

а другой, менѣ обширный размѣрами творчества, но тоже великій поэтъ разъясняетъ:

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй,
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей

*) Только въ прошедшемъ живетъ разумное, правое.

Таинственно-волшебныхъ думъ.
Ихъ залушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
 Внимай ихъ пѣнью и молчи.

Если критикъ можетъ *раздвоиться*, раздѣлить какъ въ самомъ себѣ такъ и въ общемъ случайное, хаотическое, стихійное отъ разумнаго, — онъ не долженъ ни бояться своихъ симпатій, ни насиловать себя самого, скрывая ихъ отъ себя и отъ другихъ: онъ знаетъ ихъ причины и источники, онъ опредѣлилъ имъ настоящее мѣсто въ сознаниі: стало-быть онъ стоитъ *надъ* ними а не *подъ* ними.

Моя длинная оговорка особенно казалась мнѣ необходимою въ отношеніи къ Тургеневу — это имя, надѣюсь, можетъ печататься безъ приложенія словечка: господинъ, — какъ ставшее *общимъ* достояніемъ. Не во мнѣ только лично, но во множествѣ лицъ пишущихъ и читающихъ есть какая-то глубокая и притомъ совершенно особенная симпатія къ его произведеніямъ, совсѣмъ иная по *тону*, чѣмъ напримѣръ къ произведеніямъ Островскаго или Толстаго: я говорю по *тону*, а не по *силѣ*, ибо сила сочувствія къ дѣятельности этихъ трехъ, въ настоящую минуту первостепенныхъ дѣятелей — совершенно равная.

Въ чемъ-же заключается особенность *тона* сочувствія къ Тургеневу читателей, т. е. другими словами — въ чемъ заключается особенность таланта Тургенева: какія струны — позвольте мнѣ выразиться нѣсколько фигурно, что впрочемъ отъ меня не рѣдкость — какія, говорю я, струны особенно звонки на этой поэтической лирѣ; на что эти струны особенно чутки и отзывчивы — и почему на звуки этихъ струнъ особеннымъ образомъ отзывчивы читатели?

Не дивитесь, что я поднимаю вопросъ о цѣлости всей Тургеневской дѣятельности по поводу одного, послѣдняго его произведенія. Въ этой живой и глубоко-поэтической натурѣ всѣ звѣнья дѣятельности связаны между собою такъ, что въ послѣднемъ заключаются все тѣже элементы, какіе заключаются въ первыхъ. Вы скажете мнѣ, что это явленіе есть опять-таки общее въ органической дѣятельности всякаго высокаго дарованія. Такъ, но не въ такой степени: Тур-

гевъ въ каждое новое произведеніе вносить цѣликомъ все свое прошитое и все свое настоящее: блестящія стороны его таланта становятся все ярче-и-ярче — но за то и старые недостатки остаются старыми, уже милыми намъ, недостатками.

II.

А. В. Дружининъ, въ своей блестящей статьѣ о дѣятельности Тургенева, называлъ *поэзію* особенность его таланта. Слово, выбранное имъ, будетъ совершенно вѣрно въ противоположеніи Тургеневской дѣятельности тому *чистому* натурализму, который преобладаетъ или по-крайней-мѣрѣ преобладаетъ во все это время въ нашей литературѣ, — и хоть слово «поэзія» есть одно изъ наименѣеопредѣленныхъ, но во всемъ было понятно, что именно хотѣлъ сказать почтенный редакторъ «Библиотеки для чтенія». Тургеневъ дѣйствительно представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ Зандомъ, единственнымъ поэтомъ-идеалистомъ нашей эпохи, хотя ему недостаетъ могущественной, чародѣйной силы Занда. Онъ любитъ, какъ Зандъ-же и только какъ Зандъ, создавать дѣйствительность нѣсколько фантастическую, придумывать для этой дѣйствительности обстановку совершенно исключительную, трогать въ душѣ струны самыя тонкія — и вы вѣрите ему на-слово, хотя не вполне такъ, какъ вѣрите Занду; вы довѣряетесь этой фантастической дѣйствительности во имя вѣрности психическаго анализа, — вы не назовете исключительную обстановку небывалою — ибо видите осязательно ея *поэтическую* правду, ея идеальную *возможность* быть, — вы войдете въ міръ тончайшихъ ощущеній завлеченные ихъ подробнымъ и художественно-добросовѣстнымъ анализомъ. У Тургенева нѣтъ только той идеальной силы, которая заславляетъ всѣхъ не сомнѣваясь вѣрить въ полупризрачный міръ Пинччино, въ исключительность положеній и типовъ въ Теврино и т. д. Есть какая-то неполнота въ его творчествѣ — и въ слѣдствіе этого какое-то моральное раздраженіе, вмѣсто вѣры и удовлетворенія, остается послѣ нѣкоторыхъ новѣстей его, какъ напримѣръ «Три встрѣчи» столь поэтически задуманной, столь роскошно, благоуханно обставленной подробностями, и столь мало удовлетворяю-

щей возбуждаемую ей жажду — и даже послѣ многихъ, поэтическихъ въ такомъ смыслѣ, мѣстъ, въ другихъ его повѣстяхъ — какъ напримѣръ, сцена свиданія утромъ, въ лѣсу, Веретьева съ героиней повѣсти: «Затишье». Что-то странное видится всегда въ такихъ поэтическихъ стремленіяхъ у Тургенева: видится, что по натурѣ онъ именно эти-то стремленія и жаждетъ высказать, что ко всѣмъ другимъ стремленіямъ онъ гораздо равнодушиѣе и видится между-тѣмъ, что жизнь личная и вѣянія жизни общей разбили въ немъ всякую вѣру въ эти стремленія. Заидъ-же напротивъ въ эти стремленія твердо и неуклонно вѣруетъ, — и вѣра великаго таланта творитъ порою истинныя чудеса, въ ея самыхъ эксцентрическихъ созданіяхъ....

И такъ слово поэзія, въ отношеніи къ произведеніямъ Тургенева, получаетъ значеніе въ противоположеніи чистому натурализму.

Надобно вамъ замѣтить, что подъ чистымъ натурализмомъ — разумѣю я не Гоголевское творчество, и съ другой стороны и не то, что звали еще недавно натуральною школою — а простое изображеніе дѣйствительности безъ идеала, безъ возвышенія надъ нею, — которое частію выразилось въ подробностяхъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова, — особенно полно и ярко въ крѣпкомъ дарованіи Писемскаго, особенно рѣзко и грубо въ произведеніяхъ г. Потѣхина. Творчество Гоголя пропикнуто сознаниемъ идеала, — такъ-называемая натуральная школа болѣзненнымъ юморомъ протеста. И понятное дѣло, что талантъ Тургенева, впечатлительный и чуткій на все, отозвавшійся на натуральную школу замѣчательнымъ рассказомъ «Пѣтушковъ» и плохою драмою: «Холостякъ», — отозвавшійся даже на драматическія пословицы и поговорки изъ жизни такъ-называемаго большаго свѣта, какъ-то женственно подчинявшійся всякому вѣянію, — не отозвался только на современный чистый натурализмъ. Это уже внѣ его рода, внѣ (но не выше) его таланта.

Въ этомъ-то смыслѣ, А. В. Дружининъ совершенно правъ, называя поэзіей отличительное свойство таланта И. С. Тургенева. Во всякомъ другомъ отношеніи слово поэзія ничего не выражаетъ: почему-же, въ другихъ смыслахъ — поэзія

остаётся только за Тургеневым? Развѣ въ Островскомъ, умѣвшемъ облить какимъ-то жаркимъ колоритомъ извѣстную сцену въ «Воспитанницѣ», сцену въ саду, которая у всякаго другого вышла-бы тривиальна и даже больше чѣмъ тривиальна, — нѣтъ поэзіи? Развѣ Толстой въ «Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности» мѣстами не поэтъ: въ главѣ Юродивый, въ прелестномъ эпизодѣ любви къ Соничкѣ — въ изображеніи ночи въ саду (Юность)... Развѣ наконецъ даже чистый натурализмъ въ Гончаровѣ и Писемскомъ (припомните губернский городъ, монастырь въ его «Тысячѣ душахъ») не возвышался порою до поэзіи?

Явно, что слово поэзія взято А. В. Дружининымъ только по отношенію къ общимъ художественнымъ стремленіямъ Тургенева, въ противоположеніи стремленіямъ нашего времени къ найдѣйствительнѣйшему, наиболѣе наглядному представленію простѣйшей, ежедневнѣйшей дѣйствительности съ точки зрѣнія заимствованной у самой дѣйствительности.

III.

Что-же *особеннаго* въ собственно Тургеневской поэзіи въ отличіе отъ поэзіи другихъ, равныхъ съ нимъ дѣятелей — изъ какихъ стихій сложены ея свойства и чѣмъ она увлекаетъ?...

Это вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только анализомъ, хотя бѣглымъ, всей дѣятельности Тургенева.

Прежде всего, у Тургенева выдается ярко отношеніе его богатой поэтической личности къ природѣ: живое сочувствіе къ природѣ, тонкое пониманіе ея красотъ, пониманіе чело-вѣка развитаго, не утратившее однако, что особенно рѣдко и дорого, — свѣжести непосредственнаго чувства, — дѣлаютъ его однимъ изъ высокихъ описательныхъ поэтовъ вездѣ, гдѣ касается дѣло до природы внѣшней: даже въ самыхъ неудачныхъ, самыхъ фальшивыхъ по основной мысли его произведеніяхъ, попадаются въ этомъ родѣ цѣлыя страницы живыя, благоуханныя, истинно поэтическія. Даже близорукая и отсталая критика, отвергая въ немъ все художественное достоинство, признавала однако это достоинство, признавала въ высокой степени — и совѣтовала ему (о милая отсталая

критика!) обратиться исключительно къ этому роду творчества. Какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ возможна въ наше время описательная поэзія, какъ особый родъ, безъ отношенія къ душѣ человѣческой, къ внутреннему міру человѣка — какъ-будто и въ самомъ Тургеневѣ выдались особенно ярко его поэтическія отношенія къ природѣ безъ особенныхъ, глубокихъ психическихъ причинъ? Разгадка этихъ психическихъ причинъ есть ключъ къ особенностямъ поэзіи или пожалуй поэтической личности Тургенева,—по прежде чѣмъ заняться ихъ объясненіемъ, надобно рѣшить одинъ вопросъ, — вопросъ о самомъ свойствѣ его поэтическихъ отношеній къ природѣ, объ ихъ особенномъ тонѣ и колоритѣ.

Явно, что отношенія Тургеневскія къ природѣ отличаются отъ отношеній напримѣръ къ ней — чтобъ взять покрупнѣе — Пушкинскихъ, или выбирая изъ современности, положимъ Аксаковскихъ съ одной стороны, Майковскихъ или Гончаровскихъ съ другой — я не упоминаю о Писемскомъ, ибо въ немъ, какъ и во всѣхъ нашихъ писателяхъ родившихся на Сѣверовостокѣ,—особенно нѣжнаго сочувствія къ природѣ не обнаруживалось — и картинность, выразившаяся у Писемскаго въ удивительномъ изображеніи уѣзднаго города ночью, — во все не то, что близость къ природѣ, сочувствіе ей. Нѣкоторое сходство еще есть между манерою Тургеневскою и манерою Толстаго, хотя у послѣдняго краски гуще и ярче — особенно сходство есть между манерою Тургеневскою, манерою Фета и манерою нашего друга Полонскаго.

Что-же изъ этого слѣдуетъ, спросите вы?

Слѣдуетъ моя, отчасти извѣстная вамъ, мысль о роли типовъ и мѣстностей въ поэзіи, о томъ, что каждая мѣстность имѣетъ свой живой поэтической отголоскъ, каждый типъ — свое постоянное и преемственное выраженіе. — Чѣмъ особенно отличаются отношенія къ природѣ Тургенева, Толстаго, Фета, Полонскаго и въ главѣ ихъ всѣхъ — отца ихъ въ этомъ отношеніи, Тютчева.... Въ Аксаковской напримѣръ манерѣ, поскольку она выразилась въ «семейной хрощкѣ» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «записокъ ружейнаго охотника» «объ уженѣ рыбы,» — отношеніе къ природѣ совершенно

спокойно, полновластно, какъ-то домохозяйно, отчасти даже дышетъ самодовольствомъ: краски манеры просты, прочны, не особенно ярки, но нисколько не тусклы: это—природа края, богатаго всякими угодами, всеѣмъ, что служитъ на пользу человека, природа непочатая, дѣвственная и потому мощная, странъ юговосточныхъ, нашедшая себѣ простодушный, но какъ онаже прямой отголосокъ.... Въ манерѣ же Тургенева и другихъ, мною поименованныхъ, намъ слышится голосъ сочувствія столь пѣжнаго и тонкаго, что оно становится порою чѣмъ-то болѣзненнымъ, страстію, подчиненіемъ. Кромѣ-того пѣзія этой манеры отличается не яркостію, но тонкостію, прозрачностію красокъ. Эта поэзія не ловитъ въ природѣ яркихъ оттѣнковъ, крупныхъ явленій: напротивъ, она какъ-будто съ умысломъ избѣгаетъ ихъ и ловитъ оттѣнки тонкіе, слѣдитъ природу въ тонкихъ, неуловимыхъ ея явленіяхъ, съ привязанностію ребенка къ нянькѣ, съ какимъ-то суетвѣрнымъ обожаніемъ. Это—поэзія такъ-называемой великорусской Украины, страны чернозема, потоваго труда земледѣльца, страны, которой самая пѣсія, потерявши размашистость и заунывную или разгульную широкость великорусской пѣсни,—еще не съ такимъ коротенькимъ мотивомъ, какъ пѣсня малороссійская, но уже стремится къ сей послѣдней—къ пѣснѣ страны, гдѣ человекъ почти-совсѣмъ поглощенъ природою. Это—поэзія особенной полосы, мѣстности, ея живой голосъ.

Подтверждать свою мысль выписками изъ Тургенева, Фета или Тютчева я не стапу—ибо мнѣ хотѣлось намекнуть только на особенный, мѣстный колоритъ поэзіи природы у Тургенева въ моемъ бѣгломъ очеркѣ его поэтической личности.

IV.

Но это — только колоритъ, тонъ. Причина, почему у Тургенева эта сторона его дарованія выступаетъ какъ-будто ярче прочихъ, — обусловлена его душевнымъ развитіемъ.

Натура, по преимуществу впечатлительная до жестваднаго подчиненія всеѣмъ вѣліемъ эпохи, Тургеневъ, какъ я уже сказалъ, отозвался на все кромѣ чистаго натурализма.

Онъ началъ прямо съ крайнихъ крайностей направленія.

оставшагося намъ въ наслѣдство послѣ покойнаго Лермонтова. Въ своей «Парашѣ», въ которой одинъ Бѣлинскій своимъ гениальнымъ чутьемъ угадалъ задатки необыкновеннаго, только можетъ-быть не свою дорогу избравшаго, дарованія,— онъ сильно проповѣдывалъ, что :

.....гордость — добродѣтель, господа!

Въ своемъ «помѣщикѣ», онъ такъ-же пылко, такъ-же впечатлительно кадилъ горько — сатирическому направленію,— *терзался* на счетъ гнусности *козлиныхъ* (вмѣсто козловыхъ) башмаковъ уѣздныхъ барышень, *благословляя*, подъ вліяніемъ Лермонтова, на *страданіе* молодыхъ дѣвчонокъ, въ прелестной и задушевной впрочемъ строчкѣ,—въ своихъ «трехъ портретахъ» дошелъ до оригинальнаго, чисто русскаго — но мрачнаго и холоднаго типа.... по тутъ-то вѣроятно и совершился въ немъ переворотъ. Его ужаснула холодная до рефлексіи и вмѣстѣ страстная до необузданности натура его героя, Василья Лучинова, и, встрѣченный сочувствіемъ однихъ, указаніями другихъ на все то безправственное и дѣйствительно гнилое, что было въ Лермонтовскомъ типѣ, — изображенномъ имъ такъ по своему, такъ оригинально, — Тургеневъ остановился передъ типомъ въ недоумѣніи и колебаніи. Въ немъ не было мрачной и злой вѣры въ этотъ типъ Лермонтова—и отъ колебанія произошла въ немъ та моральная болѣзнь, которая выразилась судорожнымъ смѣхомъ надъ собою «Гамлета Щигровскаго уѣзда» и жалобными, искренними воплями «Лишняго человѣка».

Особенно ярко выразилось болѣзненное переходное настроение мышленія и внутренняго міра въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда»; характеръ героя этого разсказа вовсе не пародія на Гамлета, какъ казалось нѣкоторымъ. Данныя природы того и другого можетъ быть дѣйствительно одинаковы; дѣло въ томъ, что они оба запутались равно, почти до самоуничтоженія, въ окружающихъ ихъ обстоятельствахъ. только, Шекспировскій Гамлетъ вызванъ на трагическую борьбу не по силамъ «событіемъ внѣ всякаго другого», а Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, съ которымъ, напротивъ, случались только обыкновеннѣйшія изъ обыкновенныхъ вещей, такъ и остался только: «молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадца-

ти, подслѣповатымъ и бѣлокурымъ, съ ногъ до головы одѣтымъ въ черную одежду, но улыбающимся язвительно.» Требованія Гамлета Щигровскаго уѣзда—не по силамъ ему самому: голова его привыкла проводить всякую мысль съ нещадною послѣдовательностью, а дѣло, которое вообще требуетъ участія воли, совершенно расходится у него съ мыслию — и стремленіе къ логической послѣдовательности выражается у него, наконецъ, только сожалѣніемъ о томъ, что «нѣтъ блохъ тамъ, гдѣ онѣ по всѣмъ вѣроятностямъ должны быть»—и отсутствіе воли породило въ немъ робость передъ всѣмъ, передъ всѣми и передъ каждымъ. Онъ правъ, жалуясь на то, что не имѣетъ оригинальности т. е. извѣстнаго, опредѣленнаго характера. Онъ по натурѣ — уменъ, только уменъ умомъ совершенно безплоднымъ, не специальнымъ; онъ многое понимаетъ глубоко, но видитъ только *совершившееся*, не имѣя въ себѣ никакого чутья для *совершающагося*. Разумѣется данныя для сложения такого характера лежали уже въ самой натурѣ Тургеневскаго героя, хотя развились преимущественно подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній—и потому въ высшей степени понятно озлобленіе бѣднаго Гамлета на кружки, выражающееся у него такъ оригинально и такъ энергически. Только въ одномъ ошибается онъ, бѣдный Гамлетъ. Не въ изученіи нѣмецкой философіи и Гёте, лежатъ причины его болѣзни. Пусть и говоритъ онъ: «Я Гегеля изучалъ, милостивый государь, — я Гёте наизусть знаю»—приподнимаясь изъ-за угла какъ тѣнь въ своемъ ночномъ колпакѣ. Не Гёте и не Гегель виноваты въ томъ, что онъ счелъ долгомъ за границей «читать нѣмецкія книги на мѣстѣ ихъ рожденія» и влюбиться въ дочь профессора: не философія виною того, что *кружокъ* только и толковалъ, что «о вѣчномъ солнцѣ духа и о прочихъ отдаленныхъ предметахъ». Бѣдный Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, *во первыхъ*— всегда былъ больной мечтатель, и *во вторыхъ*—онъ энциклопедистъ, а не специалистъ, человѣкъ не прикованный ни къ какому серьезному труду, не любящій серьезно никакого опредѣленнаго дѣла: онъ сгубленъ поверхностнымъ энциклопедизмомъ или, лучше сказать, отрывочными знаніями. Онъ былъ на столько добросовѣстенъ, что не могъ «болтать, бол-

татъ, безъ умолку болтать, вчера на Арбатѣ, сегодня на Трубѣ, завтра на Сивцевомъ вражкѣ, все о томъ-же — но съ другой стороны, онъ былъ не довольно крѣпокъ для мышленія уединеннаго, самобытнаго и замкнутаго, которое, рано или поздно, довело-бы его до сочувствія къ дѣйствительности и — слѣдовательно, до пониманія дѣйствительности по-крайней-мѣрѣ въ извѣстной степени. Въ любви онъ любилъ не предметъ страсти, а только процессъ любви, *любить любить*, какъ Стерновъ Йорикъ, и даже какъ самъ Шекспировскій Гамлетъ....

V.

То, что въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда выразилось судорожнымъ смѣхомъ, — то-же самое болѣзненными, жалобными воплями сказалось въ «Дневникѣ лишняго человѣка».... То и другое произведеніе — горькое сознаніе моральнаго безсилія, душевной несостоятельности. Тѣ вѣянія, которыя разбили впечатлительную и слабую натуру Гамлета Щигровскаго уѣзда — сами по-себѣ не смѣшны — и самъ-же Тургеневъ опозитизировалъ ихъ потомъ, т. е. представилъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ въ разсказѣ о студентствѣ своего Рудина. Гамлетъ его смѣется не надъ ними а надъ ихъ нелѣпымъ приложеніемъ, смѣется надъ самимъ собою, искренне и донкихотски бравшимся за ноши не по силамъ, надъ раздвоеніемъ мысли и жизни, которое совершилось въ немъ и во многихъ другихъ.

Процессъ моральный, обнаруживающійся въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда» и въ «Дневникѣ лишняго человѣка», — поразительно сходенъ съ тѣмъ процессомъ, который породилъ у Пушкина его Ивана Петровича Бѣлкина — какъ по исходнымъ точкамъ, такъ и по самымъ послѣдствіямъ. Выходомъ изъ болѣзненнаго раздвоеннаго состоянія — какъ для Ивана Петровича Бѣлкина, запуганнаго мрачной сосредоточенностью Сильвіо и Германа, такъ и для «Гамлета Щигровскаго уѣзда», тоже запуганнаго типомъ Василья Лучинова да вдобавокъ еще разбитаго философскимъ анализомъ; — могла быть одна только простая дѣйствительность. И вотъ, у Тургенева начинается цѣлый рядъ разсказовъ Охотника съ одной сто-

роны и рядъ попытокъ сентиментальнаго натурализма съ другой, изъ которыхъ самая удачная — «Пѣтушковъ», самыя неудачныя — драмы: «Холостякъ» и «Нахлѣбникъ». Но отношенія его въ дѣйствительности вовсе не такія прямыя и простыя какъ отношенія Ивана Петровича Бѣлкина; въ дѣйствительности онъ видитъ повсюду только самого себя, свое болѣзненное настроеніе и колоритъ этого настроенія переноситъ на все, чего - бы онъ ни коснулся или идеализируетъ простую дѣйствительность. Первая попытка его въ этомъ родѣ идеализаціи: «Хоръ и Калинычъ» была привѣтствована съ восторгомъ такъ-называемыми Славянофилами, еще съ большимъ восторгомъ — одна изъ послѣднихъ: «Муму» — но Тургеневъ слишкомъ поэтъ для того, что - бы писать по заданнымъ темамъ и слишкомъ высокій талантъ для того, чтобы подчиниться теоріямъ. Онъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ собственному внутреннему процессу — и эта искренность сообщаетъ неувядающую прелесть «Запискамъ Охотника», какъ она - же сообщаетъ неувядающую доселѣ прелесть «сентиментальному путешествію Йорика». Ничего кромѣ самой поэтической личности Тургенева — тутъ искать не надобно, да и не зачѣмъ. Эта поэтическая личность дорога и въ «Пѣвцахъ», у которыхъ поэтъ слышитъ только одну, *собственную* ноту, и въ «Бѣжинѣ Лугѣ» въ лицѣ *байроническаго* мальчика и въ дворовой Офелии... во всемъ и повсюду. Къ одной природѣ состоитъ нашъ поэтъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ, которыя, не по тону конечно, о которомъ я уже говорилъ, но по значенію въ моральномъ процессѣ, можно сравнить отчасти съ отношеніями къ природѣ Руссо и Сенанкурова Оберманна — но, еще разъ повторяю, не по тону, ибо въ тонѣ своемъ Тургеневъ остается необыкновенно оригинальнымъ.

Въ «Дневникѣ лишняго человѣка» есть мѣсто, котораго — особенно если до него доходишь посредствомъ чтенія всего предшествовавшаго — не возможно читать безъ слѣпнаго нервнаго потрясенія, если не безъ слезъ, — мѣсто всегда одинаково дѣйствующее — и оно-то есть ключъ къ уразумѣнію Тургеневскихъ отношеній къ природѣ. Это конецъ дневника. Позволяю себѣ его выписать и надъ нимъ остановиться.

«Плохо. Я пишу эти строки въ постели. Со вчерашняго вечера погода вдругъ перемѣнилась. Сегодня жарко, почти лѣтній день. Все таетъ, валяется, течетъ. *«Въ воздухѣ пахнетъ разрытой землей: тяжелый, сильный, душный запахъ. Паръ подымается отвсюду. Солнце такъ и бьетъ, такъ и ралитъ. Плохо мнѣ. Я чувствую, что таю какъ снѣгъ. Земля оживаетъ... мнѣ на ней нѣтъ мѣста».*

«Я хотѣлъ написать свой дневникъ и вмѣсто того, что я сдѣлалъ? Разказалъ одинъ случай изъ моей жизни. И случай вовсе неинтересный. Несчастливая любовь... кого это можетъ занять? Впрочемъ, *это доказываетъ только одно: своей природы не передълаешь. И въ этомъ и кончилъ цѣлкомъ какъ и во всемъ другомъ.* Я разболтался, уснувшія воспоминанія пробудились и увлекли меня; я писалъ не торопясь, подробно, словно мнѣ еще предстояли годы, а теперь вотъ и некогда продолжать... *Смерть, смерть идетъ. Мнѣ уже слышится ея грозное crescendo пора... пора!»*

«Да и что за бѣда? Не все-ли равно, что-бы я ни разсказалъ? Въ виду смерти исчезаютъ послѣднія земныя суетности. Я чувствую, что утихаю; *я становлюсь проща ясный...* Поздно я хватился за умъ! странное дѣло! я утихаю — точно; и вмѣстѣ съ тѣмъ... *жутко мнѣ. Да, мнѣ жутко. До половины наклоненный надъ безмолвной, зіяющей бездной, я содрагаюсь, отворачиваюсь, съ жаднымъ вниманіемъ осматриваю все кругомъ...* Всякій предметъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ. Я не нагляжусь на мою бѣдную, невеселую комнатку, *прощаюсь съ каждымъ пятнышкомъ на моихъ стѣнахъ! Насыщайтесь въ послѣдній разъ, глаза мои! Жизнь удаляется: она ровно и тихо бѣжитъ отъ меня прочь, какъ берегъ отъ взорва мореходца.* Старое толстое лице моей няни, повязанное темнымъ платкомъ, шипящій самоваръ на столѣ, горшокъ срани передъ окномъ и ты, мой бѣдный песь Трезоръ, перо, которымъ я пишу эти строки, собственная рука моя — *я вижу васъ теперь... вотъ вы, вотъ. Неужели, можетъ быть, сегодня я... я никогда больше не увижу васъ. Тяжело живому существу разставаться съ жизнью. Что ты ластишься ко мнѣ, бѣдная собака? что приклонилась грудью къ постели, судорожно поджимая свой буйный хвостъ и не сводя съ меня*

своихъ добрыхъ, грустныхъ глазъ? Или тебѣ жаль меня? или ты уже чувствуешь, что хозяина твоего скоро не станешь?»

«Ахъ, еслибъ я могъ такъ-же пройти мыслью по всѣмъ моимъ воспоминаніямъ, какъ провожу глазами по всѣмъ предметамъ моей комнаты.... я знаю, что эти воспоминанія невеселы и незначительны.... да другихъ у меня нѣтъ».

«О Боже мой! Боже мой! я вотъ умираю, сердце, способное и готовое любить, скоро перестанетъ биться и неужели-же оно затихаетъ навсегда, не пзвѣдавъ ни разу счастья, не разширивъ ни разу подъ сладостнымъ бременемъ радости. Увы! это невозможно, невозможно, я знаю.... еслибъ по-крайней-мѣрѣ теперь, передъ смертью — вѣдь смерть все таки святое дѣло, вѣдь она возвышаетъ всякое существо, еслибъ какой-нибудь милый, грустный, дружескій голосъ пропѣлъ надо мною прощальную пѣснь о собственномъ моемъ горѣ, я-бы казалось примирился съ нимъ.... но умереть тихо»....

«И, кажется, начинаю бредить».

«Прощай, жизнь, прощай, мой садъ, и вы, мои лпы... Когда придетъ лѣто, когда вернутся золотые вечера — смотрите, не забудьте сверху-до-низу покрыться цвѣтами... и пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущей говоръ вашихъ листьевъ, смѣлка возмущенныхъ ветроумъ.... Прощайте, прощайте.... прощай все и навсегда!»

«Прощай, Лиза! — Я написалъ эти два слова и чуть-чуть не розсмылялся. Это последнее восклицаніе мнѣ кажется смѣшнымъ. Я какъ-будто сочиняю чувствительную повесть или оканчиваю отчаянное письмо.»

«Завтра первое апрѣля. Неужели я умру завтра? А впрочемъ, оно ко мнѣ идетъ»....

«Ухъ, какъ-же докторъ истомилъ сегодня.»

1 Апрель.

«Кончено.... жизнь кончена. Я точно умру сегодня. На дворѣ жарко.... почти душно.... лпы уже грудь моя отказывается дышать».

«Ахъ, какъ это солнце ярко! Эти могучіе лучи дышатъ въчюстью!»

«Прощай Терентьевна.... сегодня неутру она, сидя у окна всплакнула.... можетъ-быть обо мнѣ А можетъ-быть, и о томъ, что ей милой скоро прійдется умирать. Я взялъ съ нея слово не «пришибить» Трезора».

«Мнѣ тяжело писать.... Бросаю перо. Пора! смерть уже не приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой—она *здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ легкое дуновение.*»

«Я умираю... Лишній человекъ умираетъ... живите, живые!

«И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять!»

Въ двухъ отношеніяхъ замѣчательно это приведенное мною мѣсто. Во-первыхъ, здѣсь является особенно-ярко преобладающая черта Тургеневскаго таланта: глубокое проникновеніе природою, проникновеніе до какого-то слиянія съ нею. Тутъ на читателя вѣетъ весной — тугъ пахнетъ разрытой землей — и развѣ только ту главу изъ «юности» Толстаго, гдѣ выставляютъ раму окна и читателя вдругъ обвѣваетъ свѣжимъ и рѣзкимъ весеннимъ воздухомъ, можно сравнить съ этимъ мѣстомъ. Но объ этомъ особенномъ тонѣ Тургеневскихъ отношеній къ природѣ еще придется говорить, когда выйдемъ въ свѣтъ такъ-давно ожидаемое всѣми второе изданіе «Занисокъ охотника». Въ настоящемъ очеркѣ я избралъ задачу чисто-психологическую — и въ-отношеніи къ ней-то это мѣсто получаетъ двойную цѣну. Здѣсь слышится самое горькое невѣріе личности въ личность, невѣріе, возникшее явнымъ образомъ въ слѣдствіе борьбы, въ которой личность оказалась несостоятельною: съ этимъ невѣріемъ личности въ самое себя, въ значеніе своего бытія — соединено горькое чувство сомнѣнія, если не разубѣжденія во всякомъ сочувствіи другихъ: — судорожный смѣхъ «Гамзета Щигровскаго уѣзда», взятаго въ трагическую минуту, и, наконецъ, полное самоуничтоженіе передъ вѣчностію громаднаго внѣшняго міра. Моментъ взятъ явнымъ образомъ пантеистическій, но пантеистическое здѣсь болѣзненно какъ въ дневникѣ Оберманна.

Опять замѣчу и здѣсь, что подобный моментъ взять не случайно, что онъ столько-же происходитъ отъ моральнаго процесса, сколько, можетъ-быть, и отъ чисто-физическихъ условій той полосы, той почвы великорусской Украйны, которой высокій талантъ автора «Записокъ охотника» является поэтическимъ отголоскомъ.

Вы помните, какимъ до цинизма горькимъ наругательствомъ надъ личностью конченъ «Дневникъ лишняго человека». Нѣтъ возможности представить себѣ, чтобы не крайне-болѣзненнымъ, до напряженности болѣзненнымъ, состояніемъ души, порождена была эта выходка:

«Примѣчаніе издателя. Подъ этой послѣдней строкой находится профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en face и лучеобразными рѣсницами, а подъ головой кто-то написалъ слѣдующія слова:

«Сью Рукопись Читалъ
«И Содѣржаніе Онной Нѣ Одобрилъ
«Пѣтръ Зудотѣшинъ
«ММММ
«Милостивый Государь
«Пѣтръ Зудотѣшинъ
«Милостивый Государь мой. —

«Но такъ-какъ почеркъ этихъ строкъ нисколько не подходитъ на почеркъ, которымъ написана остальная часть тетради, то издатель и почитаетъ себя въ правѣ заключить, что вышеупомянутыя строки прибавлены были въ-послѣдствіи другимъ лицомъ, тѣмъ-болѣе, что до свѣдѣнія его (издателя) дошло, что г-нъ Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля 18.., въ родовомъ своемъ помѣстьѣ «Овечьи воды.»

Здѣсь все дорого — и бѣлжнскій топъ *издателя*, и видная аналогія идеи этого мѣста съ идеею Гамлетовыхъ думъ надъ черепами, и наконецъ то, что Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ 1-го апрѣля, потому-что «это къ нему идетъ!...» Все это дорого какъ глубокая, искренняя исповѣдь болѣзненнаго душевнаго момента — пережитаго многими, можетъ-быть, нѣлымъ поколѣніемъ.

VI.

Поэтъ скорбей этого поколѣнія, выразитель однообразный, но всегда искренній и часто глубокой его стонъ, — отпѣлъ ему высокую поэтическую панихиду въ своемъ посланіи къ «Друзьямъ».

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
 Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
 Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
 Съ любовью, съ поэтической мечтой,
 И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили
 И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадимъ...
 Но мы вокругъ не встрѣтили участя;
 И лучшія надежды и мечты,
 Какъ листья средь осеняго ненастья,
 Попадали и сухи и желты,
 И грустно мы остались между ними,
 Сплетая дружно голыми вѣтвями,
 И на кладбище стали мы похожи:
 Мы много чувствъ и образовъ и думъ
 Въ душѣ глубоко погребли... И что-же?
 Упрекъ-ли небу скажетъ дерзкій умъ?
 Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложимъ.
 И въ ней затворимся — безъ желчи если можемъ.

Въ этихъ стихахъ слышно вовсе не смиреніе, хоть оно и поставлено въ нихъ заключительнымъ выводомъ, — а только мрачное и грустное сосредоточеніе въ своихъ разбитыхъ надеждахъ, съ сознаниемъ того, что надежды эти были бесплодны, но съ сознаниемъ-же и абсолютной правоты ихъ, этихъ бесплодныхъ надеждъ.

Пусть въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ своихъ «монологовъ», поэтъ и проклинаетъ мысль, сокрушительную силу, разбившую всю его душу,

Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради.
 Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
 Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
 И все, и все изорвано теперь...
Я долженъ надъ своимъ безсміемъ смѣяться
И видѣть вокругъ безсміе людей...

Но вѣдь скоро-же въ слѣдъ за этимъ проклятіемъ онъ привѣтствуетъ гимномъ отрицательную силу.

... Я съ призраками смѣло
 И искренне разстался наконецъ,
 Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
 Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
 И не собьюсь теперь съ рассчитанной дороги,
 Свободна мысль и силой дышетъ грудь.
 Что, Мефистофель мой, завистянкъ закоспѣлый?
 Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
 Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой.
 Я скорбью многой выкупилъ себя,
 Теперь товарищъ или пной духъ отрицанья,
 Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
 Но тотъ всемогущій духъ движенья и созданья,
 Тотъ вѣчно юный, новый и живой,
 Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить — отрада.
 Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
 И ненависть его къ тому, что рушится надо
 Душѣ свята такъ какъ свята любовь!

Подобное примиреніе души въ напряженности высшаго отрицанія есть моментъ исключительный и общимъ быть не можетъ.

Тургеневъ, прежде-всего художникъ по натурѣ и приломъ художникъ въ высочайшей степени впечатлительный, до женственного подчиненія всякому сильному вѣянію, — въ самой артистической натурѣ своей напелъ изъ подобнаго закаленного ожесточенія выходъ. Онъ слишкомъ-горячо отзывался на жизнь съ ея многообразными типами, чтобы не найти противъ суровой логической мысли голосовъ въ себѣ самомъ за жизнь, за дѣйствительность, за типы — однимъ словомъ, употребляя терминъ уже разъ употребленный мною, онъ далъ въ себѣ-самомъ права своему Ивану Петровичу Бѣлкину.

Поворотъ совершенно Пушкинскій, т. е. артистическій, но Пушкинъ не давалъ своему Бѣлкину больше хода чѣмъ слѣдовало, а Тургеневъ — далъ больше п, думая быть искреннимъ, впалъ въ бесплодную борьбу съ самимъ-собою, съ завѣщанными идеалами, воспитавшимися въ душѣ, борьбу.

которая такъ наивно-явно совершается передъ читателями въ его *Рудинъ* и которой слѣды разсыяны во всѣхъ его повѣстяхъ.

Морально запуганный крайними послѣдствіями логической мысли въ разрѣзѣ съ дѣйствительностью, судорожно насмѣявшись въ своемъ «Гамлетѣ» надъ несостоятельностью натуры современнаго человѣка въ примѣненіи мысли къ дѣлу, надругавшись какъ ребенокъ надъ личностью въ концѣ «Дневника лишняго человѣка» — повторяю опять — художникъ хотѣлъ быть искреннимъ въ казип несостоятельной личности передъ судомъ общей жизни, дѣйствительности — и вмѣсто искренности попалъ въ ту-же неспходную колею безопасно-послѣдовательной логической мысли, только обратившейся въ противоположную сторону.

Тургеневъ, писатель наиболѣе-добросовѣстный изъ всѣхъ, осужденныхъ добиваться отъ самихъ-себя искренности, развѣнчивавшій постепенно самъ для себя и передъ глазами читателей различные искусственно сложившіеся идеалы, занявшіе въ душѣ людей современнаго ему поколѣнія незаконное мѣсто, — Тургеневъ, разоблачившій, напимѣръ, одну сторону Лермонтовскаго Печорина въ грубыхъ чертахъ своего «Бреттера» — другія стороны во множествѣ другихъ своихъ произведеній, — не дешево покупалъ свой анализъ. Слѣды борьбы болѣзненной и часто тщетной съ завѣтными идеалами — видны на всемъ, что намъ ни давалъ онъ — и это-то въ-особенности дорого всѣмъ намъ въ Тургеневѣ. Онъ былъ и остался тѣмъ, что я не умѣю иначе назвать какъ — *романтикомъ*, но чему, какъ вы знаете, я вовсе не придаю того позорнаго значенія, какое придавалось въ сороковые годы нашей литературы.

VII.

Когда утомленный горькимъ и тяжелымъ разоблаченіемъ личности, Тургеневъ, въ слѣдъ за современнымъ вѣяніемъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, типовомъ и непосредственномъ дѣйствительности — онъ неожиданно удивилъ всѣхъ изображеніемъ «Хоря и Калиныча» — по этому изображенію слишкомъ-наивно обрадовались идеалисты русской

жизни. Въмѣстѣ съ исполненнымъ идиллической симпатіи изображеніемъ «Хоря и Калиныча» — старый, обаятельный своимъ тревожными сторонами, типъ поднялся у Тургенева блистательнымъ очеркомъ лица «Василья Лучинова» въ повѣсти «Три портрета».

Что ни говорите о безнравственности Василья Лучинова — но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе — въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе — нѣкоторымъ образомъ сильнѣе и значительнѣе обаянія Лермонтовскаго Печорина — какъ у самаго Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеньевъ — поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочнаго Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ — и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту — и создавалъ «Веретьева» въ «Затишьѣ», *придумывая* и *сочиняя* достойное наказаніе его безплодному существованію — и что же? Безплодное существованіе точно являлось безплоднымъ — но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій увлекало невольно, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтическаго колорита. Безнравственность «Василья Лучинова» вы, разумѣется, моральнымъ судомъ казнили, до то грозное и зловѣщее, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли — и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ критикомъ, назвавшимъ «Василья Лучинова» гнилымъ человѣкомъ. Василій Лучиновъ, пожалуй, не только что гнилъ, онъ — гнусень: но сила его, эта страстность почти-что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексія или рефлексія пламенности, есть *типовая* особенность. Типовую-же особенность вы не сдвинете въ

душѣ вашей съ мѣста, если таковое оно въ ней занимаетъ, однимъ *логическимъ* судомъ надъ нею; докажите, что она не типовая особенность, или лучше сказать, докажите, т. е. *покажите*, что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ-же поръ, вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными, т. е. жизненными сторонами. Типъ Печорина, напримѣръ, размѣнявшись на мелочь, перейдя въ Тамарина — этимъ не уничтожается — онъ переимѣнитъ только образъ и явится оиятъ въ новомъ. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ — и въ-особенности этого типа. Василью Лучинову Тургенева я придаю особенную важность потому, что въ этомъ лицѣ старый типъ Донъ Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы.

Но Донъ-Жуановское или Ловласовское начало не исчерпываетъ еще всего содержанія типа, съ которымъ Тургеневъ вступилъ въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ-же читателей — помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретевѣ, или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо-увлекающія, обаятельныя — то тѣмъ-болѣе онѣ должны быть въ Рудинѣ, человѣкѣ исполненномъ если не убѣжденій, то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, — человѣкѣ, по даннымъ натуры котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончиться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти, — хотя эпилогъ и выходитъ апотеозой Рудина. Къ повѣсти: «Рудинъ» у меня, какъ вы знаете, есть особенная слабость — и именно вотъ за что. Въ этой повѣсти совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ — что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, — снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ. И нельзя даже подумать,

чтобы критика была ловкимъ подходомъ къ апотеозѣ,—такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ: такъ, послѣ прочтенія эплога становится ясно, что все, кромѣ эплога, да той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, приемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, — что, кромѣ этого, говорю я, все остальное сдѣлано, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и не совѣмъ искусно, вымучено у души насильственно... Тутъ, однимъ словомъ, обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и для многихъ изъ насъ, кто только подобросовѣстиѣ — замѣчательная путаница.... Что такое Рудинъ въ повѣсти?... фразеръ.... но откуда-же у фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натальи и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? — Человѣкъ слабый и безхарактерный; «куцый» по выраженію Пигасова? — но отъ чего-же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его *куцымъ* и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперегъ, *боится* его вліянія на другихъ? Отчего *благородный* мальчъ Вольтинскій такъ *скорбень* головой при своемъ благородствѣ и отъ чего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, — быть подъ башмакомъ у Натальи: что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они — тѣни, или ихъ бьютъ.... Право такъ.

Я пишу свои критическія замѣтки къ формѣ письма — стало-быть, въ формѣ самой свободной, и стало-быть, мнѣ позволительны всякаго рода отступленія, лишь-бы въ концѣ концовъ, эти отступленія вели къ дѣлу.

Въ Литературѣ у насъ или лучше-сказать на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія, мнѣ случилось выдержать долгій и серьбзный споръ съ однимъ изъ искреннѣйшихъ молхъ друзей на счетъ типа въ ней выведеннаго. Въ комедіи, авторъ, *повидимому*, имѣлъ задачей анализировать и казнить лице одного изъ отвержен-

виковъ и отщепенцевъ общества, Феррагусовъ и Монриво, покольку Феррагусы и Монриво, смягченные и разжиженные являются въ нашей жизни. Не смотря на видную казнь всякому чуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужъ, по-крайней-мѣрѣ, далеко несвободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанию самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера: игра казалась намъ довольно-слабою и мы оба хотѣли-бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій чловѣкъ, въ первомъ актѣ — онъ былъ-бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между-тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружала извѣстнаго рода ореола.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенца общественномъ, были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или, по-крайней-мѣрѣ, весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало всюду: и въ контрастѣ сопоставленія съ нимъ, господномъ, въ безнравственности его холопа, его ученика въ мошенническихъ дѣлахъ — и въ рассказахъ о немъ его лакея, рассказахъ, въ которыхъ какъ-будто нечаянно проглядывали блестящія свойства его натуры, и въ подчиненіи его моральной силѣ всего окружающаго — и въ томъ, что честный чловѣкъ, *благородный мальи*, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то пидотомъ и поставленъ — разъ правда, но разъ несмыаемый, разъ неизгладимый, не то что въ въ комическое, въ бевыходно-срамное положеніе — и, наконецъ, въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти-что миряты съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обаятельныя стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгалъ болѣе къ аргументамъ *ad hominem*, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ. Я-же собственно ничего не сдѣлалъ шаго, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или то впечатлѣніе, которое, какъ онъ, такъ и я, испытывали равно, съ тѣмъ разли-

чѣмъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятели моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эманципированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба и я это совершенно понимаю. Что же въ-самомъ-дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Собакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ, почелъ нужнымъ замѣнить имя: «Елисавета Воробей» именемъ: «Елисаветъ Воробей», чтобы придать существу, посящему это имя, ревнжскій характеръ — но, вѣдь, область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

На сколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю вамъ рѣшить.

Дѣло-же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до-тѣхъ-поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ — есть единственная смерть для типа или лучше-сказать для извѣстныхъ его сторонъ — но надобно чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо, мало-мальски онъ насильственъ — онъ цѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ, напримѣръ, убилъ *внѣшнія* стороны Печорина — но за то рельефно отгѣнилъ его внутреннія. Батмановъ Писемскаго — эта грубая, но все-таки живая, художническая маляка, или его-же болѣе улачный образъ Бахтіарова въ «Тюфякѣ», — цѣли своей не достигли, можетъ-быть, именно потому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ извѣстную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самага начала; «Меричъ» Островскаго, этотъ замоскворѣцкій франтъ, съ претензіями на Чайльдъ-Гарольда, лице, блѣдное, но полно очерченное — убиваетъ только самыя мелочныя стороны Печорина. Наконецъ, лица, съ которыми ведетъ навнѣйшую борьбу Тургеневъ или бьютъ мимо цѣли какъ «Бреттеръ» или дразнятъ обаятельными сторонами типа какъ Веретьевъ, или, наконецъ, поднимаютъ типъ до патетическаго въ «Рудинѣ».

Я опять возвращаюсь къ «Рудину» — да къ нему и нельзя

не возвратиться, говоря о Тургеневѣ и о томъ моральномъ процессѣ, который открывается въ его произведеніяхъ и служить отчасти, какъ процессъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, раскрытіемъ моральнаго процесса цѣлой эпохи.

Этотъ процессъ, представляя въ началѣ поразительное сходство съ процессомъ, породившимъ у Пушкина лице Ивана Петровича Бѣлкина, вмѣстѣ съ тѣмъ и различенъ съ этимъ процессомъ по своимъ послѣдствіямъ.

Въ «Рудинѣ» — почти-что въ апотеозу возводится опять все то, надъ чѣмъ судорожно смѣется «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», и «кружки», и «солнце духа», и вліяніе философскихъ идей, — всѣ тѣ вліянія, однимъ словомъ, изъ-подъ власти которыхъ мечталъ уйти художникъ въ простую дѣйствительность, — признается законность этихъ вліяній, ихъ право гражданства въ душѣ.

Какъ «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» такъ и «Рудинъ» равно объясняются поэтической натурой Тургенева. Слишкомъ артистъ, т. е. человѣкъ любящій типы и вѣрующій въ типы, для того, чтобы окаменѣть въ суровомъ и напряженно-грустномъ лиризмѣ автора «монологовъ» — и слишкомъ поэтъ, т. е. отзывчивая и страстная натура, для того, чтобы не чувствовать вѣчно, чутко тѣхъ звуковъ, которыхъ

. значенье
Темно или ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать не возможно:

онъ остался въ какомъ-то странномъ нерѣшительномъ положеніи относительно старыхъ и новыхъ вліяній, вѣрней только своей собственной натурѣ, которая какъ натура всякого истиннаго поэта равно пугается и суровой жесткости логической мысли, т. е. теоріи, и рабскаго служенія настоящему въ его часто слѣпыхъ требованіяхъ. Въ этомъ и причина сильнаго вліянія Тургенева на его читателей и причина повторенія у него однихъ и тѣхъ-же недостатковъ. Въ произведеніяхъ его говоритъ живымъ голосомъ живая душа — а не логическая мысль и не одна виѣшняя сила таланта. Что

душа его переживала — то онъ намъ и давалъ — давалъ такъ, какъ пережитое въ его душѣ возрождалось.

VIII.

Какъ въ борьбѣ Пушкинской натуры съ блестящими, но для насъ призранными типами — сложился отрицательный образъ Бѣлкина, этотъ отсадокъ всего простаго и здраво-непосредственнаго, что вопіяло въ душѣ нашего поэта, какъ ея особенность противъ идеаловъ, сложившихся въ ней процессомъ виѣшняго, искусственнымъ, — такъ и борьба Тургеневская оставила свой отсадокъ во множествѣ чисто-отрицательныхъ образовъ, болѣе или менѣе всѣхъ похожихъ одинъ на другой. Одинъ и тотъ-же господинъ является и въ «Дневникѣ лишняго человѣка» и въ «Бреттерѣ» и отчасти въ «Двухъ пріятеляхъ» и наконецъ, взятый въ самой обыденной средѣ жизни въ «Пѣтушковѣ». Отдѣляется нѣсколько отъ этихъ лицъ — тотъ очеркъ лица, который выступаетъ въ «Колосовѣ», да еще въ «Пасынковѣ», въ которомъ Тургеневъ хотѣлъ изобразить романтика, — и въ особенности герой «Перешипки.»

Первое, поражающее невольно, свойство всѣхъ лицъ упомянутой первой категоріи, это — странное назначеніе быть битыми или по-крайней-мѣрѣ странно-загаданными: второе — подбирать на дорогѣ чужую любовь. Лица эти или по-крайней-мѣрѣ на нихъ похожія — встрѣчаются не у одного Тургенева — они-же, только представленныя болѣзненно, играютъ главную роль въ произведеніяхъ такъ-называемой натуральной школы; они-же, изображенныя спокойно и проще, являются въ первыхъ романахъ Писемскаго — въ лицѣ «Тюфяка». — «Овцыншна» въ Батмановѣ и проч. — они-же — во множествѣ лицъ комедій Островскаго, только уже съ совершенно особенной чисто-русскою печатью: къ нимъ-же наконецъ питаетъ особенное сочувствіе Толстой. И вездѣ и повсюду, за исключеніемъ «Хорькова» и «Бородкина» Островскаго, да «Тюфяка» Писемскаго — они являются образами чисто-отрицательными, т. е. порожденными не самостоятельнымъ творчествомъ, а рефлексіей, отраженіемъ. Вездѣ и повсюду, даже у Толстого — выражаютъ они со-

бою только протестъ за простое, доброе, непосредственное, въ противоположность блестящимъ, но искусственно сложившимся типамъ: вездѣ они представляютъ только голыя требованія, безъ индивидуальныхъ чертъ.

Вопросъ объ этихъ лицахъ, или лучше сказать объ этомъ одномъ *отрицательномъ* типѣ весьма важенъ....

Личность дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ въ Лермонтовѣ и томъ направленіи, которое произошло отъ него. Въ направленіи этомъ выражался протестъ личности противъ дѣйствительности, протестъ, въ слѣдствіе котораго являлось безконечное множество сатирическихъ очерковъ, повѣстей, кончавшихся неизбежно — прямо-ли выказаннымъ, подразумеваемымъ-ли прииѣвомъ: «И вотъ, что можетъ сдѣлаться изъ человѣка.» Прииѣвъ этотъ былъ Гоголевскій — но пропѣтый на Лермонтовскій ладъ. Въ повѣстяхъ этихъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, совершались самыя удивительныя превращенія съ героями и героинями, задыхавшимися въ грязной, бѣдной ощущеніями и тупоумной дѣйствительности — и все, окружавшее героя или героиню, наиѣренно, въ слѣдствіе заданной напередъ темы изображалось карикатурно. Нѣтъ сомнѣнія, что была хорошая сторона, была извѣстная заслуга въ этомъ способѣ представленія дѣйствительности — но односторонность способа скоро обнаружилась весьма явно.

Съ другой стороны, «Шинель» и нѣкоторыя другія произведенія Гоголя, подали поводъ къ другой, еще болѣе рѣзкой односторонности въ произведеніяхъ такъ-называемой натуральной школы, которую гораздо вѣрнѣе можно назвать школою сентиментальнаго натурализма. Вопль идеалиста Гоголя за идеаль, за «прекраснаго человѣка» — перешелъ здѣсь въ вопль и протестъ за разслабленнаго, за хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измельчавшимъ и униженнымъ человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мельчаетъ и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измельчавшаго и униженнаго человѣка, въ слѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего

высшаго нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздражительной природы отъ стремленій къ идеалу въ творествѣ Гоголя — и чудовищныя созданія появятся на свѣтъ въ слѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Взгляните на «Акакія Акакѣевича» съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правильнымъ сочувствіемъ, а исключительнымъ, болѣзненною симпатіею возведите на степень *права* требованіе героя «Записокъ съумасшедшаго» — и вотъ вамъ пропзведенія сентиментальнаго натурализма, котораго вина противъ искусства заключается въ *рабской* натуральности, не отличающей въ дѣйствительности явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ, не повѣряющей общечеловѣческимъ идеаломъ своего болѣзненнаго юмористическаго настроѣнства.

Когда Гоголь говоритъ въ «Мертвыхъ душахъ» о томъ, что опошлился добродѣтельный человѣкъ (т. е. *сильный* человѣкъ), что пора по его выраженію «припрячь плутоватаго человѣка» — онъ, во первыхъ, развѣнчиваетъ *ложно-добродѣтельнаго* человѣка, развѣнчиваетъ его ходульную величавость и мишурность; *во вторыхъ*, онъ плачетъ, болѣетъ сердцемъ о томъ, что «нигдѣ не видитъ онъ мужа»; своимъ энергическимъ словомъ, онъ клеймитъ въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безсильнаго человѣка («Дрянль и тряпка сталъ всякъ человѣкъ.»)

Великій обличитель всего, что въ немъ-самомъ было ложнаго и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ наконецъ самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, отсутствіи всякаго живаго средоточія. Обличеніе разрываетъ связь съ нимъ — и разорвавшись съ нимъ, съ живою исходною точкою, хочетъ жить гальванически — и живетъ, и до-сихъ-поръ живетъ этою жизнію. Обличитель въ свою очередь хочетъ стать выше самого себя, хочетъ стронуть свой міръ изъ обличенныхъ въ негодности матеріаловъ стараго имъ-же разрушеннаго зданія, подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданьи, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находить.

Страшный урокъ, страшно трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ и смыслъ великій, утѣшительный.

Гоголь былъ весь человѣкъ *сдѣланный*; какъ великій умъ и великій художественный талантъ, онъ, нося въ себѣ эту язву, яснѣе всѣхъ другихъ носившихъ ее въ себѣ сознавалъ это и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ нещадно. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безнаказанно выносившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали «ветхой чешуей», и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой — опредѣлилъ ему самому его значеніе такъ: что никто лучше его не умѣетъ выставить пошлость пошлаго человѣка. Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму анализа внутренней пошлости — вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача Гоголевскаго творчества. У всякаго писателя есть его задушевное слово и это-то именно слово онъ призванъ сказать міру, ибо оно-то именно міру и нужно, какъ новое слово и оно-то есть вмѣстѣ дѣло души, о которомъ такъ-часто говорятъ Гоголь въ своей перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово—въ конечной формѣ есть послѣдняя правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи божьяго міра — центръ малаго міра, въ его, страданіемъ и борьбою купленномъ (такъ или иначе), отождествленіи съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то-же самое время мучился и вопросомъ нравственнымъ, окончательно добивался отъ себя правды въ его разрѣшеніи.... Онъ внутренно огорчался своимъ призваніемъ выставять пошлость пошлаго человѣка, т. е. снимать личину эффектной паружности съ того, что въ сущности обыкновенно и что обличенное становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ, — но у него оставался только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла какъ отрицательнаго пути къ идеальному — оно, у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ обратилось въ слѣпой протестъ за безсильнаго человѣка. Гоголь напримѣръ сказалъ: «въ наше время сильнѣе чѣмъ любовь завязываетъ

драму желание достать выгодное мѣсто, желание отмстить за оскорбленіе»—Бѣлинскій при пособіи своей раздражительности извлекъ изъ этого цѣлую діатрибу противъ любви (подъ любовью разумѣть должно все сколько-нибудь неположительныя чувства). Діатриба вышла краснорѣчивѣйшая, пламенно тревожная такъ-что по истинѣ можно сказать, что Бѣлинскій писалъ тревожныя статьи противъ тревожныхъ чувствъ въ пользу тревожныхъ чувствъ другого рода—а натуралисты писали нѣсколько развитій этой темы. Помню особенно одно ея развитіе — оно принадлежитъ автору, являвшемуся тогда подъ именемъ Перенельскаго и послѣ прославившемуся стихотвореніями подъ настоящимъ своимъ именемъ. Повѣсть похоронена въ Репертуарѣ и Пантеонѣ, среди многого хлама этого литературнаго клоака, ее забылъ вѣроятно самъ авторъ: но явленія мелкія часто бросаютъ свѣтъ на явленія крупныя. Повѣсть (забылъ даже ея имя) есть развитіе сѣмени заброшеннаго Гоголемъ. Стремленіе *мелкаго* человѣка отмстить *мелкой* женщинѣ за *мелкое* оскорбленіе такъ завязало въ ней драму, что сама душа автора тутъ запуталась: съ такою сластью изображено здѣсь мизерное лицемѣріе, что видимо не возвышался писатель надъ уровнемъ анализируемаго имъ чувства—и эта-же, здѣсь уже погубленная, способность возвышаться надъ уровнемъ анализа — отразилась потомъ и въ самыхъ его стихотвореніяхъ, которыя не смотря на очевидное присутствіе пламени разбитаго, но все еще сильнаго и высокаго, таланта — дышатъ порою для всѣхъ, не потерявшихъ свѣжести эстетическаго и нравственнаго чувства, душнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ. Бѣдный, истинно мучающійся поэтъ не можетъ ни на минуту перестать смотрѣть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему ворающихся гадюкъ: въ самомъ простомъ обычномъ фактѣ повседневной жизни, способномъ въ благоустроенной душѣ пробудить строй спокойный и мирный, какъ, напримѣръ, свадьба человѣка изъ простаго народа съ женщиной изъ простаго-же народа, онъ способенъ видѣть только грѣхъ въ прошедшемъ и горе впередъ — для трагическаго положенія матери, не имѣющей на что похоронить ребенка, онъ не видѣтъ и не можетъ видѣть никакого иного выхода кромѣ

продажи себя уличному разврату — въ странѣ, гдѣ слава Богу еще подаютъ милостыню — и, еще болѣе слава Богу! подаютъ ее безъ критическаго разбора нравственныхъ свойствъ просящаго *Христа* ради и оцѣнки его личности, — въ странѣ, гдѣ не рѣдко, идя по улицѣ видите вы деревянный гробикъ на колѣняхъ у женщины и видите какъ снявъ шапку и перекрестившись кладетъ въ него не одинъ прохожій свой мѣдный грошъ, а кто и болѣе, смотря по достатку и по силѣ, помогъ. — Въ лицѣ сборщика на построение храма больной поэтъ, умиляясь впрочемъ какъ поэтъ этому образу, но не умѣя вывести его появленіе на свѣтъ божій изъ источниковъ вѣчно бьющихся живыми ключами въ народной натурѣ, видитъ только раскаявшагося злодѣя.... замѣчательно, что и Гоголь во второй части мертвыхъ душъ взглянулъ на этотъ фактъ какъ на исходъ для своего Хлобуева — страннаго лица, одного изъ немногихъ живыхъ въ этой второй части, захватывающаго существенныя струны нашей безнечной природы, но вышедшаго съ такимъ широкимъ и симпатическимъ захватомъ — совершенно противъ намѣреній автора.... Обращаясь къ поэту, который можетъ быть названъ однимъ изъ двухъ самыхъ яркихъ свѣтилъ — школы сентиментальныхъ натуралистовъ, — прибавлю, что онъ весь, такъ-сказать растравленный своею тяжкою мыслию, самъ сознающій раздвоеніе своего внутренняго міра съ высотъ поэтическаго созерцанія, самъ исполненный трогательныхъ, жалобныхъ, некренихъ стоновъ о томъ, что

То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидѣть, —

является какою-то грустною жертвою того страшнаго развѣдающаго начала, которое только Гоголь могъ держать, обуздывать и позволялъ ему, этому началу, выводящему чудовища изъ внутри человѣка — измучить, затерзать и пожрать наконецъ только себя одного...

IX.

Если опасно давать волю въ душѣ такого рода движеніямъ, которыя выходятъ изъ обыкновеннаго душевнаго строя, то едва-ли не менѣе опасно узаконивать и обычный строй.

Весь натурализмъ есть ничто иное, какъ узаконеніе такого обычнаго строя, узаконеніе ежедневности.

Гоголь остался правъ потому, что удержался въ отрицательныхъ границахъ натурализма, т. е. въ границахъ разоблаченія фальшиваго въ душѣ человѣческой и въ окружающей дѣйствительности... Но въ слѣдъ за разоблаченіемъ фальшиваго, т. е. въ слѣдъ за снятіемъ съ него не принадлежащей оболочки, оболочки истиннаго — требуется душою положительная замѣна. Положительной замѣны онъ не указывалъ или указывалъ ее въ такомъ общемъ идеалѣ, который ускользалъ отъ всякаго опредѣленія. Онъ говоритъ безпрестанно человѣку: — ты не герой, а только корчишь героя; ты не герой ни въ чемъ; въ любви ты чаще всего — Хлестаковъ, зовущій городничиху подъ сѣнь струй (геніальнѣйшая бессмыслица! въ ней какъ въ фокусѣ совмѣщена вся романтическая чепуха, которую несутъ герои и героини Марлинскаго, Кукольника и Полеваго); — въ гражданскомъ отношеніи ты, или Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій — или, что еще несравненно хуже, Александръ Ивановичъ — въ «Утрѣ дѣловаго человѣка» — навязывающій бумажки на хвостъ собачкѣ; — ты только самолюбивъ и безпеченъ, а излишнія мечты могутъ довести тебя, если ты нѣсколько горячь, или до участи художника Пискарева или до испанскаго трона Поприщина — и за что-же ты погибнешь такъ безобразно, когда товарищъ-же твой поручикъ Пироговъ такъ-благоразумно подавить въ себѣ героическую вспышку за оскорбленіе и будетъ прекраснѣйшимъ образомъ процвѣтать и красоваться на различныхъ чиновническихъ балахъ, — а Кочкаревъ основательно докажетъ, что весьма легко поправить ту бѣду, когда плюнуть въ рожу. Ты — не Гамлетъ, ты — Подколесинъ: ни въ себѣ, ни въ окружающей тебя жизни, ты не найдешь отзыва на твои представленія о героическомъ, которыя иногда въ тебѣ какъ пѣна поднимаются.

Прекрасно! по какой-же будетъ логическій выводъ отъ этой посылки? Первый выводъ — вопросъ: что-же право: — представленія-ли о героическомъ или противорѣчіе героическому, т. е. натура? Вотъ этотъ-то вопросъ — и далъ силу тому, что назвалось натурализмомъ. Натурализмъ порѣшилъ

дѣло тѣмъ, что если натура не даетъ силъ на борьбу за героическое, если она обмелѣла, то — нечего съ этимъ и дѣлать: надобно брать вещи такъ, какъ они есть. Значить — нѣтъ борьбы, или борьба есть донкихотство — значить, надобно признать таковое безсиліе за законъ бытія — значить, то сочувствіе, которое имѣли мы къ великимъ честолюбіямъ, надобно перенести на господина Голядкина: — то сочувствіе, которое имѣли мы къ страсти Ромео и Юліи, къ мщенію Гамлета, къ заботамъ разныхъ героевъ о благѣ общественномъ, къ возвышенной энергіи Веррины (въ Фіэско), перенести на страсти изъ-за угла героевъ разныхъ чердаковъ, или Пѣтушкова... на мщеніе героя повѣсти Перепельскаго, — на заботы г. Прохорчина о его поскахъ и нижнемъ, на дикое и вмѣстѣ безсильное бѣснованіе героя повѣсти «Запутанное дѣло»...

Опять повторяю: Гоголь нисколько не виноватъ ни въ чемъ этомъ — но нити всѣхъ этихъ сочувствій имѣютъ центръ, исходною точкою, его сочиненія... Все изчисленное, — это тѣ самыя чудовища, которыя преслѣдовали его въ его боѣзненныхъ грезахъ и которымъ не давалъ онъ явиться на свѣтъ Божій, сдерживал ихъ сознаніемъ идеала.

Героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется — героическимъ, то въ сущности — Хлестаковское или Поприщинское!.. Но странно, что никто не потрудился спросить себя *какого* именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ — и *въ какой* натурѣ его нѣтъ?... Предпочли иѣкоторые или стоять за *героическое* уже осмѣянное — и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе наклонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ: или стоять за натуру.

Не обратили вниманія на обстоятельство весьма-простое. Со временъ Петра В. — народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили и они стали преважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ — и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то,

что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста — а вовсе не то, чтобы вовсе остаться безъ кафтана, или продолжать паяльть на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ, Гоголь выказалъ несостоятельность передъ сложеннымъ вѣками идеаломъ *героическаго* только того, въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеаль примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще нечто такое, что жило, по своимъ собственнымъ, особеннымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между - тѣмъ — самыя сочувствія, разъ возбужденныя, умереть не могли: идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему-же эти сочувствія въ *основахъ* своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно — что не хорошо сочувствовать Печорину, — такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова — но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротиться и клясться» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е. стихіямъ природы до извращенія ихъ... Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ герои... Максимъ Максимычъ, конечно, очень хорошій человекъ — и конечно правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ Печоринъ — но вѣдь онъ тупоуменъ и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хитрнаго — есть конечно прекрасный, возвышенный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закъсъ, моральное мѣщанство.

Ан. Григорьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СТАТЬЯ ПАРИЖСКАГО КОРРЕСПОНДЕНТА РУССКАГО СЛОВА.

Парижъ, 28-го февраля 1859.

Все разумное движеніе Франціи, начиная съ XVI столѣтія по XIX-е, прямо и ярко выражается въ трехъ замѣчательныхъ словахъ:

Первое — *протестантизмъ*; то-есть: индивидуальное вдохновеніе; форма еще религіозная, сдержанная отъ совершенно-свободнаго воззрѣнія, подчиненная вѣрѣ и ищущая своихъ тезисовъ и правилъ въ священномъ писаніи.

Второе — *секуляризація протестантизма*: духъ изслѣдованія безъ контроля, безъ правилъ, безъ границъ — логическое слѣдствіе индивидуальнаго вдохновенія, готовое судить васъ по принципамъ, созданнымъ исключительно по своей фаталистически-направленной волѣ. Въ силу одного и того-же принципа была дана возможность и судить и разрушать — вотъ выраженіе XVIII-го вѣка, вѣка философізма и рационализма.

Третье — движеніе, достигшее до апогея своего развитія; послѣ рационализма религіознаго всталъ рационализмъ философскій, который превратился въ политическій — и вотъ на этомъ-то пунктѣ все это движеніе облекается въ форму *революціи*. Но этотъ пунктъ былъ не болѣе какъ чѣмъ-то въ родѣ роздыха; посреди страшной катастрофы, потрясшей до основанія Францію, не было времени ни для литературной, ни вообще для умственной работы, которая все-таки требуетъ болѣе-или-менѣе душевнаго спокойствія.

Однако-же день реакціи долженъ былъ наступить и — какъ слѣдовало ожидать — долженъ былъ удариться въ крайность. Это была школа религіозно-соціальная, которая первая пришла водрузить свое знамя на развалинахъ обще-

ства, у котораго, какъ говорится, по кускамъ отнимали всё его вѣрованія, убѣжденія и учрежденія, которымъ оно поклонялось.

Люди этой реакціи въ одно и то-же время могутъ назваться и предшественниками и современниками литературы XIX-го вѣка; предшественниками — потому-что ихъ принципы и сочиненія были уже пзвѣстны въ концѣ XVIII-го столѣтія; современниками-же — потому-что они принимали участіе въ борьбахъ и интересахъ нашего вѣка и бросили въ наше общество сѣмена своего вліянія, могучіе слѣды котораго видны еще до-сихъ-поръ. Эти люди были: *de Maistre*, авторъ «*des considérations sur la France*» (1796), *de Bonald* — (*Legislation primitive* — 1802), наконецъ *Chateaubriand*, со своимъ «*Génie du Christianisme*», книгой, которая явилась въ томъ-же году.

Умственная перестрѣлка между идеями религіозными и философскими избрала своею ареной журналы того времени: «*Le Mémorial*», «*La Quotidienne*», «*La Gazette de France*», съ одной стороны, — и «*La Clef du cabinet*», «*Le Conservateur*», «*Le journal de Paris*» — съ другой стороны.

Это было пробужденіе между двумя ударами грома, съ 9-го термидора по 13-е вандеміера и съ 13-го вандеміера по 18-е фруктидора и наконецъ съ 18-го фруктидора по 18-е брюмера. Два первые государственные удара до-того потрясли религію и монархизмъ, что они какъ-будто въ какомъ-то туманѣ замолкли совершенно. Это молчаніе потомъ сдѣлалось еще-болѣе всеобщимъ — мѣсто осталось только для воли одного человѣка, для его способностей, для его дѣятельности. И этотъ человѣкъ, вознесенный на такую высоту своими громкими побѣдами, всталъ на обломкахъ анархій, всегда готовой служить фундаментомъ трону деспотизма: конецъ его шпаги очертилъ кругъ, въ которомъ *должны* были сосредоточиться мысли и свобода великаго народа! И этотъ человѣкъ, бравшій на себя все, сдѣлавшій себя единственнымъ героемъ своей драмы, только изрѣдка и притомъ едва-едва позволялъ кое-кому слегка возвышать свой голосъ надъ толпою, да и то для того только, чтобы какъ ребята тамъ дать поболтать имъ немножко...

Два слова очень-удачно обрисовывают то положеніе, въ которомъ находилась большая часть мыслящихъ людей той эпохи. Спрашивали во времена имперіи у метафизика Сіеса: «что думаете вы?» — онъ очень-лаконически отвѣчалъ: «я не думаю». — Спрашивали у генерала Лафаэта, что выработалъ онъ для своихъ убѣжденій? — Онъ отвѣчалъ: «я остался на ногахъ». — Остаться на ногахъ посреди людей рабски-колѣнопреклоненныхъ — это было послѣднее усиліе твердыхъ и безстрашныхъ умовъ — усиліе довольно-рѣдкое, во время моральнаго паденія народа, послѣдствія котораго мы видѣли...

Между этими людьми, «оставшимися на ногахъ», съ ихъ убѣжденіями, нечувствительныхъ къ обаянію славы, къ оболъщенію генія, въ ряду писателей, ревниво отстаивавшихъ благородное достоинство литературы и полную свободу мысли, надо поставить Шатобріана и г-жу Сталь.

Отставка перваго, съ-тѣхъ-поръ какъ кровь послѣдняго изъ Конде пролилась во рвахъ Венсенскихъ, доставила Франціи, послѣ его «*Génie du Christianisme*», его поэму «*Des Martyres*» — эту историческую эпопею, задуманную на развалинахъ коллизея, окропленнаго христіанскою кровью, эпопею, которая рассказала намъ побѣду христіанизма надъ идолопоклонствомъ.

Онъ возвратился во Францію только въ 1807 году, посѣтивши Италію, Грецію, Смирну и Святую Землю, которая внушила ему его «*L'itinéraire à Jérusalem*». Предшествуя такимъ-образомъ лорду Байрону въ его поэтическихъ путешествіяхъ, онъ оставилъ ему типъ Рене, какъ-бы въ родѣ модели. Мысль Боналя, что литература есть выраженіе общества, никогда, можетъ-быть, не получала болѣе-вѣрнаго, болѣе-подходящаго примѣненія, какъ въ этотъ періодъ исторіи французской литературы. Классификація дарованій въ литературномъ мірѣ совершенно сходилась съ тою самою, которая, такъ-сказать, *ранжировала* умы въ области политики.

Въ литературѣ являются тѣ-же самыя партіи, какъ въ политикѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ одной стороны, представляется намъ реакція въ пользу религіозно-соціальныхъ идей, тогда-какъ

съ другой стороны выдвигаются умы матеріальные, революціонныя, которые стараются продолжить цѣль идей восемнадцатаго вѣка.

Третья школа, ратовавшая во имя спиритуальнаго рационализма, основалась уже въ послѣднее время имперіи.

Къ первой школѣ, о которой мы уже говорили, къ именамъ Шатобриана, де-Боналя, де-Местра, надо еще прибавить имена Фреспну (*Frayssinous*) и Ламэне (*La Mennais*). Поэты вскорѣ присоединились къ этимъ великимъ прозаикамъ. Ламартинъ — въ гвардіи короля; но послѣ ста дней онъ оставилъ службу и настроилъ лиру на тонъ своихъ «*Méditations*», въ залѣ де-Женуда, переводчика библии.

Викторъ Гюгò въ то время былъ еще ребенокъ, но и тогда уже мать его, Вандеянка, подстерегала, по его собственнымъ словамъ, его тихіе разговоры съ невидимыми членами.

Mes souvenirs germaient dans mon âme échauffée,
J'allais chantant des vers d'une voix étouffée,
Et ma mère, en secret, observant tous mes pas,
Pleurant et souriant, disait: «C'est une fée
Qui lui parle et qu'on ne voit pas.

Но два человекъ, между которыми было много общаго, представляли собою какъ-бы продолженіе матеріалистической школы XVIII-го вѣка. — Одинъ изъ нихъ былъ памфлетистъ, Поль Люи Куррье, другой — *chansonnier* Беранже.

Вмѣстѣ съ этими двумя именами, которымъ такъ горячо, съ такимъ сочувствіемъ откликнулась Франція, встаютъ нѣсколько мелкихъ, ничтожныхъ писакъ драматической, дидактической и императорской литературы.

Эти люди, которые во все продолженіе императорскаго деспотизма рабски, уничиженно ползали у ногъ его, едва лишь палъ *господинъ* ихъ, вдругъ объявили себя старыми поклонниками богини свободы и разума.

Но вотъ — на каюдрахъ философіи, исторіи и литературы выступаютъ три новыя личности: Royer-Collard, Guizot и Villemain — личности, открывающія собою третью литературную школу, и вокругъ-то ихъ группируются молодые

умы, — спиритуалисты — въ дѣлѣ философіи и конституціонеры — въ политикѣ, и это были люди уже окрѣпшіе въ трудѣ, прошедшіе весь трудный путь серьезной науки. Г-жа Сталь также присоединилась къ этой школѣ, которая имѣла своего поэта — Казимира Делавиня. Въ эпоху реставраціи характеръ литературы изъ религіознаго переходитъ въ политическій. Писались книги, брошюры, статьи и *pro* и *contra* хартій, которыми вовсе не вѣрилъ de-Maistre.

Послѣдняя форма этого литературнаго фазиса, форма самая блестящая и самая поучительная, которая оставила свой отпечатокъ на всемъ разумномъ движеніи, послѣдовавшемъ въ 1830 году, и которая развертывается еще и до нашего времени — это форма *историческая*.

Итакъ *религія*, *политика* и *исторія* — вотъ три слова, въ которыхъ, какъ нельзя ярче, выражается вся литература XIX-го вѣка и весь послѣдовательный, историческій ходъ ея.

Но вотъ, что странно: школа монархическая осталась совершенно-чуждою этому движенію, такъ-что позволила своимъ литературнымъ врагамъ писать, что называется, у себя передъ глазами, нисколько не вѣшиваясь въ ихъ дѣло, и замѣтьте притомъ писать, совершенно противу себя, *исторію революціи*. — Эта ошибка сильно повредила ей, потому-что въ исторію вкрались такія обвиненія противу нея, отъ которыхъ въ настоящую пору ей будетъ страшно-трудно освободиться, между-тѣмъ какъ въ то время, почти въ виду самаго происшествія, которому свидѣтелями были и судьи и обвиненные, ей почти ничего-бы не стоило оправдать себя совершенно.

Политическая борьба и участіе въ государственныхъ дѣлахъ, не позволили Шатобриану приняться за исторію революціи; а между-тѣмъ самая драма событія представляла столько подходящихъ элементовъ его блестящему, яркому таланту, и едва-ли не онъ одинъ могъ-бы разрѣшить эту великую задачу.

А *de-Bonald*, при его философскомъ умѣ, который-бы могъ съ такою силою схватить и развить полный синтезъ исторіи Франціи, истощилъ понапрасну свою жизнь въ пустыхъ полемикахъ за метафизическіе вопросы, имѣвшіе только вре-

менной интересъ.... *de-Maistre*, послѣдніе годы своей жизни посвятилъ исключительно одному обширному труду — «*Les soirées de St. Pétersbourg*». — *La Menais* бросился въ теологическіе вопросы и въ философію религіи съ такою лихорадочной фугой, которая заранѣе уже открывала нѣкоторымъ ту бездну, въ которую онъ рано или поздно долженъ былъ пасть.

Итакъ историческія работы были исполнены людьми школы *intermediaire*, которую мы уже назвали школою спиритуальнаго раціонализма — или-же защитниками революціи.

Однако надо согласиться, что труды этихъ людей неимѣли недостатка ни въ новизнѣ, ни въ научномъ значеніи, ни въ привлекательности для читателей.

И между-прочимъ, естественно, что въ слѣдъ за этими подробнѣйшими, точными до мелочей хронологіями, въ слѣдъ за наивными хрониками, однимъ-словомъ, за всѣмъ этимъ громаднымъ трудомъ, который былъ предпринятъ между-прочимъ и бенедиктинцами, съ такою любовью къ дѣлу и съ такой огромной эрудиціей, — воспослѣдовалъ духъ изслѣдованія, духъ глубокаго, критическаго анализа, доискивающагося начальныхъ, корневыхъ причинъ.

И вотъ люди-то, проникнутые этимъ духомъ глубокаго изслѣдованія, духомъ анализа, стряхали цыль съ старыхъ хартий, изучали постепенное развитіе нравовъ, идей, учреждений и политическаго бытія различныхъ классовъ общества, изучали права и свободу, которыми пользовались одни въ ущербъ другимъ, чтобы, сообразя потомъ всѣ эти обстоятельства, всѣ эти дѣйствія и начала представить ихъ въ одномъ общемъ синтезѣ, какъ неразрывно связанныя между-собою по первымъ родовымъ причинамъ, полное торжество и реализацію которыхъ суждено было видѣть нашей эпохѣ. Однимъ-словомъ, какъ съ Рое-Коларомъ и Кузеномъ изучали они исторію философіи, такъ съ Гизо, Тьерри и Сисмонди — философію исторіи.

Но этотъ фазисъ интеллектуальнаго движенія XIX-го вѣка приводитъ насъ очень близко ко второй его половинѣ, которая можетъ взять за свое начало 1830 годъ.

Итакъ мы приходимъ ко второму періоду, который вполнѣ обрисуетъ намъ физиогномію французской литературы, сперва — *романтической*, а потомъ — *реальной*, и который въ то-же время докажетъ всю справедливость положенія де-Боналя, что литература — есть выраженіе общества.

Въ настоящее время брошюры рѣшительно преобладаютъ надъ книгами во всевозможныхъ книжныхъ магазинахъ и такъ-какъ всѣ они преимущественно посвящены политикѣ, въ мірѣ которой, я — какъ въ потьмахъ, то по этому не могу ничего, даже вскользь, сказать о нихъ. На нынѣшній разъ мнѣ не о чемъ болѣе говорить, какъ только о двухъ книгахъ — а виною этому — брошюры: онѣ въ модѣ, онѣ въ ходу, онѣ пекутся и читаются съ удивительною быстротою, и ихъ успѣхъ, или лучше сказать, потребность въ публикѣ, заставляетъ опаздывать выходомъ въ свѣтъ большіе капитальные труды — и они правы; а мы, библиографы, со своей стороны точно также должны молчать, смотрѣть и выжидать.

Я намѣренъ былъ поговорить о двухъ книгахъ — первая, небольшая по величинѣ, выдержала сильную борьбу съ наплывомъ и яростью современныхъ брошюръ, потому-что, будучи издана въ началѣ февраля, она уже успѣла дойти до четвертаго изданія, которое не замедлитъ истощиться въ самое короткое время. Заглавіе ея впрочемъ оправдываетъ ея успѣхъ и любопытство публики «біографія герцогини орлеанской» *) — прочтется каждымъ съ большимъ удовольствіемъ. На книгѣ не было выставлено имени автора, но библиографы и критики, народъ, вообще, очень скромный, приподняли завѣсу этого анонима, подъ которымъ оказалось имя женщины. Я также не обязанъ въ настоящее время молчать о томъ, что давно уже авторъ біографіи не кто иной, — какъ герцогиня *d'Harcourt*, дочь покойнаго маркиза *de St. Aulaire*, бывшаго при Людовикѣ-Филиппѣ посланникомъ при первыхъ европейскихъ дворахъ.

Можно-бы подумать, что передъ нами какой-нибудь по-

*) Madame la duchesse d'Orlean. — Paris. Michel Lévy. Bibliothèque contemporaine.

литическій разсказъ, — но ничего подобнаго нѣтъ и авторъ съ самаго начала защищаетъ себя въ глазахъ читателя отъ всякой мысли этого рода; въ его глазахъ герцогиня орлеанская никогда не хотѣла быть, да никогда и не была, политической женщиной — онъ просто взялся разсказать частную жизнь этой принцессы, и разсказъ его есть ничто иное, какъ вѣрная дань ея памяти.

Какъ и всѣ вообще біографы *Mm. d'Harcourt* начинаетъ свой разсказъ съ самаго дѣтства Елены — Луизы Мекленбургъ - Шверинской. Мы постараемся, на сколько возможно при помощи автора, охарактеризовать ея личность: четырехъ-лѣтняго возраста она уже выказывала необыкновенное великодушіе, необыкновенно нѣжное участіе къ страданіямъ другихъ и твердость къ своимъ собственнымъ. Ея доброта необыкновенно ярко высказывалась въ отношеніяхъ ея со своими слугами. Она, бывало, призывала ихъ маленькихъ дѣтей, и съ огромнымъ стараніемъ учила ихъ тому, что, за минуту, сама только-что успѣла выучить.

Весною 1827 года, мы въ первый разъ встрѣчаемъ ее при веймарскомъ дворѣ. Ей казалось тамъ такъ хорошо, она въ самое короткое время такъ сжилася со всѣми окружавшими ее, что въ послѣдствіи самое воспоминаніе о ней, объ этой умной тринадцатилѣтней дѣвчкѣ, осталось въ ихъ памяти, какъ прелестное поэтическое видѣніе. — «Я ее вижу еще, пишетъ одинъ изъ нихъ, всю въ розовомъ безъ всякаго украшенія, въ прекрасныхъ каштановыхъ волосахъ, легкую, какъ пташка и однакожь полную благороднаго достоинства во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Я помню, съ какой нѣжностью и, такъ-сказать, родственной, отеческой гордостью смотрѣлъ на нее старый великій герцогъ веймарскій».

Между 1827 и 1830 годами она путешествовала по Швейцаріи, гдѣ однажды ее застали всю въ слезахъ, передъ шаагаузенскимъ каскадомъ. Возвратясь въ Германію, она въ Теплицѣ увидѣла герцогиню ангулемскую, которая не смотря на преклонность своихъ лѣтъ подружилась съ нею, — и это была, нѣжная, серьезная дружба. Объ этомъ не упомянула ни слова *M-me d'Harcourt*, и мы добавляемъ отъ себя этотъ фактъ, который намъ очень хорошо извѣстенъ. Слѣдствіемъ этой

дружбы между дочерью Людовика XVI и будущей герцогиней орлеанской, была довольно значительная перепска между ними, которую герцогиня ангулемская легко могла-бы употребить въ дѣло противъ Елены-Луизы, послѣ ея замужства, еслябы подобная женщина была способна на мщеніе. Герцогиня ангулемская ограничилась тѣмъ, что сложила всѣ эти письма въ одинъ пакетъ и переслала обратно къ герцогинѣ орлеанской.

А вотъ рассказъ M-me d'Harcourt: «Дофина пришла однажды освѣдомиться о здоровьи великой герцогини (матери), которая еще не вставала, принцесса пошла ее встрѣтить и потомъ поблагодарила и отъ имени своей матери, благодаря необыкновенно быстрому инстинкту своего сердца, она вдругъ поняла — сколько подъ этой строгой простотой скрывалось нравственнаго величія; этотъ отпечатокъ достоинства въ чертахъ дофины открылъ ей бездну самыхъ ужасныхъ страданій, подавленныхъ и скрытыхъ подъ ея холодной и строгой наружностью. Въ свою очередь, молодая принцесса внушила благородной изгнанницѣ такую симпатію къ себѣ, что ея милый привлекательный образъ много-и-много лѣтъ потомъ, послѣ ихъ встрѣчи, какъ живой оставался въ памяти дофины».

И когда нѣкоторые Французы проѣздомъ бывали въ Прагѣ, то она первая спрашивала ихъ о молодой герцогинѣ орлеанской, о которой они боялись произнести передъ нею. — «Счастлива-ли она? — спрашивала она съ участіемъ, — я желаю этого, потому-что знаю ее и знаю — на сколько заслуживаетъ она счастья».

Свадебный контрактъ былъ заключенъ 5 апрѣля 1837 года, а 15 мая, обрученная оставила Людвигштадтъ вмѣстѣ со своею матерью. Четверостишіе, сложенное ею и написанное на одномъ изъ оконъ дворца, хорошо рисуетъ то смѣшанное чувство печали и радости, которымъ была полна она передъ отъѣздомъ:

So lebe wohl, du stilles Haus,
 Ich zieh' betrübt aus dir hinaus;
 Und blüht mir fern ein schönes Glück,
 Ich denke gern an dich zurück.

Мы пропускаемъ теперь все, что касается до приѣзда ея къ Фонтенебло, до приѣма, сдѣланнаго ей свекромъ, чтобы поскорѣе дойти до описанія ея частной жизни въ Тюльери.

Часть утра проводила она со своими золовками въ комнатѣ королевы, гдѣ каждая принцесса имѣла свой особый рабочій столикъ. Король часто присоединялся къ нимъ и заставлялъ читать себѣ самыя замѣчательныя новости газетъ; вечеромъ же она занимала свое мѣсто подлѣ королевы, а возвратясь въ свои апартаменты читала что-нибудь вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Живость ихъ ума на много оживляла внутреннюю, семейную жизнь дворца, но въ то-же время не пустыми удовольствіями старались они развлечься отъ монотонныхъ обязанностей этикета.

Шантильи, совершенно пустынный теперь, въ то время возобновилъ весь элегантнѣйшій блескъ прежнихъ временъ. На этихъ, чуть-ли не ежедневныхъ, праздникахъ принцесса блистала своею молодостью и остроумной веселостью, но и тогда, какъ и всегда, она боялась увлечься потокомъ счастья и безпокоилась, что ведетъ такую блестящую жизнь.

Однажды, наканунѣ одного костюмированнаго бала, который она давала въ павильонѣ *Marsen*, позвала она одну изъ своихъ подругъ, прося ее сказать ей со всею искренностью, не находятъ-ли она дурнымъ то, что она поощряетъ пустыя и опасныя удовольствія. Спрашивала она это съ такой милой наивностью и въ тоже время боялась отвѣта.

Вотъ, что рассказываетъ г-жа *d'Harcourt* о томъ, какъ ужасная катастрофа 13 Іюня 1842 года была возвѣщена герцогинѣ, которая жила въ это время въ Пломбьерѣ для поправленія своего здоровья:

Въ этотъ день принцесса ожидала къ обѣду нѣсколькихъ особъ. Оживленная прогулкой она съ полными пучками полевыхъ цвѣтовъ спѣшила къ своему обѣденному туалету. Въ это время къ *M-me de Montesquiou* входитъ человѣкъ отъ генерала Бодрана съ просьбою, чтобы она пожаловала къ нему сейчасъ-же.

Удивленная этими словами, она заставила человѣка повторить его слова еще разъ.

— Сударыня, онъ проситъ васъ пожаловать сію-же минуту, — повторилъ посланный.

— Но, Боже мой!... на васъ просто лица нѣтъ, что съ вами? — возразила дама.

— Сударыня, пожалуйста поскорѣе, я васъ умоляю!

— Да что-же такое случилось?... Боже мой, не убитъ-ли король?...

— Сударыня, вы можете все предполагать, но не оставайтесь такъ близко возлѣ принцессы: сходите внизъ безъ шуму....

Она приходитъ къ генералу и находитъ его съ письмомъ въ рукѣ — онъ не могъ ни говорить, ни подняться со стула. Взявъ отъ него роковое письмо она съ ужасомъ прочитала: «Королевскій принцъ умеръ» — вотъ все, что тамъ было написано, — былъ-ли принцъ убитъ, погибъ-ли онъ, подавляя возстаніе или умеръ въ слѣдствіе какой-нибудь внезапной болѣзни, — эти слова не объясняли ничего, — они ясно высказывали только — одну невозвратимую потерю. — И надобно было разомъ объявить объ этомъ принцессѣ, безо всякого приготовленія и безъ всякихъ утѣшеній въ ея печали.

M-me de Montesquiou возвращается къ ней, прося у Бога силы, которой въ себѣ не чувствовала въ настоящую минуту.

— Вы очень блѣдны, — сказала ей принцеса — не случилось-ли какого несчастія?

Мантескью сжимала ей руки, не говоря ни слова — но это молчаніе не вызывало никакого предчувствія съ ея стороны.

— Ваше высочество, — сказала она наконецъ, — горе не меня поразило, но тѣмъ неменѣе, я несчастна.... Я должна объявить вашему высочеству новость.

— Это заставило принцессу отстунить въ нѣкоторомъ испугѣ.

— Что случилось?... Мои дѣти?... Король?!

— Увы, ваше высочество! королевскій принцъ.... опасно болѣнь....

— О, Боже мой! онъ умеръ!... Я увѣрена въ этомъ — скажите мнѣ!...

И она съ воплемъ упала на колѣни и нѣсколько минутъ оставалась безъ движенія, погруженная въ молитву.

Приготовили тотчасъ-же другую депешу, которая говорила только о болѣзни.

— Я хочу ѣхать, — сказала принцеса — и въ восемь часовъ вечера печальный экипажъ покинулъ Пломбьеръ.

Принцесса ничего не знала и все время терялась между страхомъ и надеждой. Къ часу ночи курьеръ объявилъ, что онъ видитъ экипажъ ѣдущій изъ Париза.

— Отворите, отворите! — закричала принцеса, но ее удержали. Въ эту минуту два человѣка подошли къ ней. Одинъ изъ нихъ былъ докторъ Шомель — медикъ королевской фамилии. Увидѣвъ его, она пронзительно вскрикнула:

— Шомель!... О, Боже мой!... Принцъ....

— Ваше высочество, принцъ не существуетъ больше.

— Что говорите вы?... Нѣтъ, нѣтъ!... это невозможно.... Какая болѣзнь могла его сломить такъ-скоро?... Говорите-же.... добивайте ужъ меня поскорѣ!...

— Увы, ваше высочество! катастрофа безпримѣрная!... Паденіе изъ экипажа.... Онъ и не пришелъ даже въ память.... Нѣсколько звуковъ, которые онъ отъ времени до времени издавалъ, были неболѣе, какъ-только признаками жизни.... Вѣроятно, онъ думалъ въ это время о вашемъ высочествѣ...

— Нѣтъ, это невозможно, — возражала она, — я не вѣрю этому, — потомъ рыданія прервали ея слова.

— Но эта болѣзнь, о которой вы мнѣ говорили? — прибавила она вскорѣ, обращаясь къ М-те Монтескью.

— Я только желала приготовить васъ, — отвѣчала съ участіемъ дама.

— Какъ! вы знали о его смерти!... О, сколько-же однако въ васъ мужества!...

Я долженъ здѣсь-же остановиться на моихъ цитатахъ, и моемъ анализѣ этой книги, за неимѣніемъ мѣста и времени распространяться о ней болѣе въ ущербъ другимъ сочиненіямъ, которыя ждутъ нашего разбора, не смотря на весь ея интересъ.

Еще въ началѣ этой статьи, мы упомянули про большой и довольно замѣчательный трудъ, о которомъ теперь скажемъ

нѣсколько добрыхъ словъ; это — «*L'Eglise Romaine en face de la Revolution par M. Cretinon Joly*; два тома, которые недѣли двѣ тому назадъ появились въ книжномъ магазинѣ Plon'a. Онѣ украшены прекрасными портретами, работы Сталя. Это портреты — Папъ: Пія VI, Пія VII, Льва XI, Григорія XVI, Пія IX и главныхъ кардиналовъ, которые были дѣятелями въ борьбѣ вопросовъ, поднятыхъ въ этомъ вѣкѣ между духовными и свѣтскими властями. Это—трудъ, въ которомъ видна огромная эрудиція и въ которомъ, по необыкновенной чистотѣ и особенной страстности слога, нетрудно узнать автора книги «*L'Histoire de la Campagne de Jésus*»..

Трудъ г. Кретино-Жоли богатъ въ особенности чрезвычайно важными документами: Онъ рылся во всѣхъ архивахъ тайныхъ обществъ Италіи и даже имѣлъ случай заглянуть въ знаменитые мемуары кардинала *Consaloi*, посредника конкордата; эти мемуары, по непремѣнному желанію прелата, выраженному въ его духовномъ завѣщаніи, должны будутъ явиться въ свѣтъ только тогда, когда поруганная память Пія VII будетъ того требовать, но исключеніе, сдѣланное въ пользу г. Кретино-Жоли, позволило ему цитировать изъ нихъ многія-и-многія мѣста, имѣющія большой историческій интересъ. Впрочемъ, такая книга заслуживаетъ изученія глубокаго и совершеннаго; она требуетъ между-прочимъ много труда, вниманія, безпристрастія и независимости мнѣній и взглядовъ. Для такой книги, какой-бы то ни былъ легкой журнальный разборъ, будетъ голословенъ и незначителенъ — она требуетъ серьезной, глубокой и безпристрастной критики. —

Упомянуть развѣ еще вамъ о нѣсколькихъ маленькихъ книжкахъ, ни болѣе ни менѣе, какъ сказкахъ *), въ чистенькихъ, блестящихъ, щеголеватыхъ оберткахъ, столь-же привлекательныхъ, какъ и ихъ заглавія: «*Pour une epingle, L'art d'être malheureux, Mignon*». Онѣ гораздо лучше, и даже, смѣю васъ увѣрить, гораздо пріятнѣе, чѣмъ *реальные* романы г. Шанфлери (Champfleury), который словомъ *реальный* опредѣляетъ этотъ совершенно новый родъ, въ сферѣ котораго — онъ полный господинъ: «Я понимаю подъ словомъ *реализмъ*,

*) Contes par M-lle de Saint-Germain. Quardieu éditeur.

говорить онъ, полное совокупленіе дѣйствительности, перенесенное въ разсказъ въ видѣ какого-либо происшествія, въ видѣ приключеній дѣйствующихъ лицъ и въ ихъ разговорахъ. Я хочу, чтобы романъ — въ сущности все-таки вымышленное произведеніе, казался-бы столько-же правдивымъ, какъ и обвинительный актъ судебной палаты.» Г. Шанфлери — человѣкъ большого ума, и въ своихъ «*Amis de la nature*» удалось ему довести этотъ реализмъ почти до степени совершеннаго приличія; его можно прочесть въ фельетонѣ Монитера. Но мое почтеніе къ обвинительнымъ актамъ не можетъ идти далѣе его романа «*Des amoureux de Pézine*» *). Я даже самъ готовъ составить обвинительный актъ противъ подобнаго забвенія всѣхъ приличій. Г. Шанфлери, вѣроятно для того, чтобы найти пищу своему реализму, посѣщалъ неоднократно какія-нибудь богадѣльни или «домъ уединенія» или наконецъ больницу какую-нибудь, гдѣ соединяются старики и старухи на покойное житье. И подъ кистью этого литературнаго Курбѣ, они дѣлаются совершенными безумцами. — Развѣ только въ Шарантонѣ **) можно встрѣтить восьмидесятилѣтнихъ Донъ-Жуановъ и молодыхъ, семидесятилѣтнихъ любовницъ. —

А вотъ еще реальная драма, которую не дальше, какъ вчера давали на театрѣ «*A la porte St. Martin*», называется она «*L'outrage*». Это сплетеніе вещей самыхъ невозможныхъ; положенія, самыя ложныя, нагромождены Богъ-знаетъ какъ, самымъ безобразнѣйшимъ образомъ, но — это драма *мъщачская*, съ банкротствомъ въ первомъ актѣ и, разумѣется, съ героиней: героиня — дѣвушка, которая была оскорблена, и въслѣдствіе этого совершенно лишилась разсудка, и помѣшана она до-того дико, что никто изъ родныхъ даже не знаетъ причины помѣшательства. Во второмъ актѣ, она выходитъ за-мужъ за мпліонера, прибывшаго изъ Марсели весьма кстати. Этотъ господинъ еще на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, который везъ письмо и долговую книгу обанкротившагосл отца помѣшанной къ президенту коммерческаго суда — и

*) A la librairie nouvelle.

**) Домъ умалишенныхъ, въ Парижѣ.

вотъ представляется ему случай разчувствоваться надъ несчастіемъ людей, которыхъ онъ никогда не видалъ и про дочь которыхъ не слыхалъ ни пол-слова. Но наконецъ онъ увидѣлъ семейство банкрота и тутъ-то авторъ, для приданія хотя тѣни правдоподобія странной женитьбѣ своего героя, заставляетъ его вдругъ страстно влюбиться въ героиню ^и влюбиться, замѣтите, тотчасъ-же послѣ того, какъ онъ узнаетъ, что она помѣшана. Но при первомъ брачномъ поцѣлуѣ, у входа въ брачную комнату, она падаетъ въ обморокъ на паркетъ (это — *первый* обморокъ). Въ третьемъ актѣ, слѣдуетъ стыдливое объясненіе помѣшанной въ одну изъ ея свѣтлыхъ минутъ. Она рассказываетъ мужу про полученное ею оскорбленіе. «Надо предполагать, что она оболъчена» — думаетъ ея мужъ: однако это предположеніе ужъ совсѣмъ несообразно съ положеніемъ ея при первомъ обморокѣ. И въ то-же время, заключительныя слова третьяго акта: «Маргарита! клянусь, что вы будете отомщены! идите въ вашу комнату, *мол. сестра!*» — ясно доказываютъ то, что оскорбленіе этой дѣвушки заключалось именно ни въ чемъ иномъ какъ въ оболъченіи. Впрочемъ, въ сторону этотъ промахъ и несообразность автора! А вотъ, въ четвертомъ актѣ, герой драмы (но уже *мужъ*, а не *братъ*), это странное существо, отправляется на поиски за оболъстителемъ. Оказывается, что оболъститель никто иной, какъ его зять. Отецъ зятя хочетъ спасти виновнаго; жена *Жака д'Альбера* (имя героя) снова падаетъ въ обморокъ (*второй*, по счету); но въ пятомъ актѣ, уже пятый обморокъ, когда на ея глазахъ (вотъ гдѣ реализмъ-то!) падаетъ мертвымъ ея оболъститель, убитый Жакомъ д'Альберомъ.

Мнѣ кажется, что въ большей степени невозможно уже соединить въ пяти-актной драмѣ столько нелѣпностей, несообразностей и сценъ, ни на грошъ не имѣющихъ интереса. Я настолько анализировалъ ее, на сколько было возможно, среди этого дикаго лабиринта. И однако, не смотря на все это, пьеса можетъ имѣть успѣхъ, потому-что принадлежитъ къ разряду *крупныхъ*, окрещенная Бушарди-де Неро именемъ «*L'outrage*» (оскорбленіе), она по своему заглавію въ одно и тоже время и очень много выражаетъ и не выра-

жаеть ровно ничего. Играють въ ней *Laferrière* и *M-Ne Juhith Fereyra*, очень хорошенькая актриса, которая имѣеть гораздо болѣе брильянтовъ, нежели таланта, и которая играла вчера въ водевилѣ «*Aux Varietés*».

А авторы!.. Я ихъ и не называю... Но вотъ, что касается до нихъ, то тутъ-то ужъ я менѣ всего понимаю, — какъ люди умные, талантливые могли вдругъ, ни съ того ни съ сего, свернуть въ сторону съ хорошаго пути, на которомъ они стояли прежде... Пошли они по стопамъ дѣвочки Ферейра: бросили свой остроумный водевилъ для драмы, добрый смѣхъ для слезъ... и для чего? Впрочемъ, мы надѣемся, что они вернутся назадъ, на свою прежнюю дорогу, и не свернуть уже болѣе на сторону драмы.

На театрѣ Одеона, авторъ «*Des grands Vassaux*» далъ промахъ и пьеса его пала-бы непременно, если-бы не старикъ *Ligier* (Лижье), который еще разъ появился на сценѣ, чтобы воспроизвести разнообразную и сложную физиогномію Людовика XI, которая, надо сознаться, принадлежитъ ему одному, какъ неотъемлемая собственность, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ создалъ этого короля въ трагедіи Казимира Делавина. Соединивъ свойства добраго человѣка съ хитростью, коварство съ вѣроломствомъ и энергію съ достоинствомъ, онъ явился въ этой пьесѣ истиннымъ актеромъ, который въ совершенствѣ выполнялъ свою трудную роль. Однако ему-же одному пришлось вынести на себѣ и всю неудачу представленія, потому-что на первый разъ были слышны свистки, которые въ настоящее время раздаются только подъ классическими сводами Одеона, этой консерваторіи свѣта и шикаря.

БИБЛЮГРАФІЯ.

О ДРЕВНѢЙШЕЙ ИСТОРИИ СѢВЕРНЫХЪ СЛАВЯНЪ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ОТКУДА ПРИШЕЛЪ РЮРИКЪ И ЕГО ВАРЯГИ — *Александра Васильева*. Сиб. 1858. — Стр. 167, in-8°.

Мы, съ особеннымъ любопытствомъ, которое, надѣемся, будетъ нечуждо каждому, кого, хотя на сколько-нибудь интересуютъ вопросы о темныхъ временахъ русской исторіи, прочли книгу г. Васильева. Вопросъ, взятый имъ предметомъ изслѣдованія еще долго будетъ возобновляемъ и разрѣшаемъ; — ибо въ вопросѣ этомъ — не одна только научная сторона, а есть и сторона живая. Хотя нѣкоторые изъ его тезисовъ и основаны не болѣе какъ на гипотезахъ, однако, въ главныхъ основаніяхъ, въ главной идеѣ о Рюрикѣ и его Варягахъ, которую послѣдовательно проводитъ авторъ въ своей книгѣ, лежатъ лѣтписная правда, и если современные намъ историки, спеціалисты своего дѣла, обратятъ серьезное вниманіе на тѣ лѣтписные факты, на которые только указываетъ г. Васильевъ, и основательно разработаютъ ихъ — на первобытное до-рюриковское время Руси и въ особенности на IX вѣкъ быть-можетъ прольется новый свѣтъ, который дастъ совершенно-новое понятіе обо всемъ первоначальномъ до-византійскомъ бытѣ древней Руси.

Г. Васильевъ во многомъ справедливо нападаетъ на Шлецера, *оскандинавизаго* древнюю Русь, авторитету котораго во многомъ безусловно подчинился и Карамзинъ, черезъ-что впадалъ въ значительные промахи и выводилъ совершенно-

ложные результаты, на основаніи все той-же Шлецеровской *Скандинавоманіи*, какъ называетъ ее г. Васильевъ въ слѣдъ за покойнымъ Венелинымъ. Въ томъ-же самомъ упрекаетъ авторъ и покойнаго Н. Полеваго, съ тою только разницею, что Карамзина титулуетъ онъ *почтеннымъ*, а Полеваго *недантамъ* за то, что онъ «клеимилъ Славянъ выраженіемъ: рабы Варяговъ» и имѣлъ дерзость посвятить свою исторію не «Главѣ русскаго народа, а иностранцу Нибуру». — Это послѣднее уже есть дѣло личнаго вкуса и сердиться на Полеваго за его посвященіе Нибуру, а не Главѣ русскаго народа — кажется, нельзя.

Но вотъ главные тезисы г. Васильева, которые въ сочиненіи своемъ старался доказать: 1) что громившіе Европу: Скифы, Геты, Сарматы, Алланы, Хорбаты, *Гунны*, Болгары и др. вовсе не были пришельцы азійскіе, но *разноплеменные и однородные* — *Славяне*, обитавшіе на берегахъ Каспійскаго, Азовскаго, Чернаго (Древне-Русскаго) морей и по Дунаю; 2) что Варяги Рюрика и сбродники на Хортицахъ (островъ на Днѣпрѣ), Верингеры Константинополя были *разноплеменны и разновѣковы* и вовсе не имѣли тождественности между собою; а Несторъ, и одинъ только Несторъ, увлекшись созвучностью словъ, ошибочно прозвалъ Верингеровъ Варягами, и 3) что Варяго-Руссы Рюрика пришли отъ рѣки Варяжи, пзъ-за Ильменя.

Еще въ предисловіи авторъ приводитъ различныя доказательства, въ подкрѣпленіе своего перваго положенія, говоря, что «*hup, hupne*» на древне-сѣверномъ шѣмецкомъ нарѣчій значить великанъ, а на древне-славянскомъ Гуинами звались носители изношеннаго платья (песточниковъ, откуда почерпнуто это послѣднее предположеніе, авторъ не показываетъ) и что слово «*гунявій*» значить — плѣшивый, а древніе Славяне брили головы, оставляя оселедецъ; потому г. Васильевъ говоритъ, что *Обръ* на западномъ славянскомъ нарѣчій тоже значить «великанъ», что *Rise* у Скандинавовъ значить тоже «великанъ», что монгольское государство Хунну существовало передъ Р. Х. не болѣе 200 лѣтъ, а Хунну (монгольскіе паріи) и не входили въ Европу, что подтверждается неизмѣнимъ на западѣ Европы остатковъ мон-

гольскихъ племень, которые не могли-бы исчезнуть до послѣдняго признака, когда Монголы въ XIII вѣкѣ оставили поселенцевъ во многихъ мѣстахъ Россіи. — А изъ всего этого видимо слѣдуетъ, что Гунны были ничто иное, какъ Славяне, — что старается доказать авторъ.

Но дѣло въ томъ, что основываться на нѣмецкомъ словѣ «*hun*», скандинавскомъ «*Rise*», западно-славянскомъ «*Обръ*» и древне-русскомъ «*Гуня*», еще нельзя, тѣмъ-болѣе, что у насъ пока еще есть довольно-справедливыя сказанія Амiana Марцелина и анналы китайскаго историка Се-ма-Чіена, который подробно описываетъ варваровъ, населявшихъ сплошную азійскую возвышенность и называвшихъ себя Гуннами; а если сличить извѣстія Се-ма-Чіена съ извѣстіями Амiana Марцелина, то мы тогда ясно увидимъ, что въ описаніи этого народа, въ главныхъ, самыхъ характерныхъ чертахъ и признакахъ его, китайскій историкъ совершенно сходится съ римскимъ; да кромѣ Амiana Марцелина, кромѣ Иорванда, который, описывая Гунновъ, говоритъ, что огромная голова Гунна, съ лицомъ, *страшнымъ отъ черноты*, казалась какимъ-то шаромъ, на которомъ на мѣстѣ глазъ непріятно искрились какія-то двѣ неопредѣленныя точки, кромѣ этихъ двухъ историковъ,—и другіе описываютъ ихъ совершенно народомъ монгольскаго племени, а именно: «что всѣ Гунны безъ исключенія были отличные наѣзники, что въ Европѣ не видали ихъ иначе, какъ на конѣ, при лукѣ, колчанѣ, копьѣ и *саблѣ* (которая едва-ли была извѣстна Славянамъ до Татаръ), что всѣ Гунны отличаются *малымъ* ростомъ (а на древне-сѣверномъ нѣмецкомъ языкѣ *hun*, значило *великанъ*, какъ говоритъ г. Васильевъ), необыкновенною плотностью и шириною плечъ, что у нихъ кривыя выпнутыя и короткія ноги, непривычныя къ ходьбѣ, сплюснутая фізіогномія, широкія скулы и узкіе, малые глаза, свѣтившіеся хитростью и коварствомъ». — Типъ описанъ, кажется, довольно-вѣрно, такъ-что въ монгольскомъ происхожденіи его сомнѣваться нельзя. Да, наконецъ, прежде чѣмъ обращать вниманіе на нѣмецкое: *hun*, не гораздо-ли ближе припять въ соображеніе коренное, родовое названіе Гунновъ, данное себѣ ими-же самими, отъ *Гуніо* — *человѣкъ*, — по-

слѣднее, кажется, гораздо естественнѣе и потому уже вѣроятнѣе.

Авторъ, принимая Гунновъ за Славянъ, къ чему его приводитъ не что иное, какъ излишній патріотизмъ, совершенно опровергаетъ вторженіе азійскихъ племенъ въ Европу; что касается до насъ, то мы и въ этомъ не согласны съ господиномъ Васильевымъ; мы знаемъ, что вся сплошная азійская возвышенность заселена издревле однимъ великимъ племенемъ *тюркскимъ*, а повѣйшія изслѣдованія показываютъ, что Гунны, Тунгусы и Турки — не что иное, какъ одно великое племя: ихъ языкъ есть уже невольный свидѣтель кореннаго, начального сродства ихъ. На броженіе — же различныхъ, чуждыхъ племенъ по Европѣ, броженіе, разграничившее собою періодъ древняго римскаго міра и начало среднихъ вѣковъ, мы смотримъ не иначе, какъ на вѣковую борьбу, или лучше-сказать, какъ на борьбу, которой суждено вѣчно продолжаться, разумѣется, съ пзвѣстными промежутками времени, между двумя началами: между элементомъ цивилизованнымъ, индо-германскимъ, или, вѣрнѣе сказать, индо-европейскимъ, и элементомъ воинственнымъ, началомъ грубой силы, т. е. тюркскимъ. Первый элементъ занялъ всю европейскую территорію, второй сѣверо-востокъ Россіи и азійскую сплошную возвышенность отъ тундръ Ледовитаго моря, мимо Китая собственно до южныхъ предѣловъ Азіи. Колебаніе этихъ племенъ началось еще издревле, и Китайцы, по свидѣтельствамъ Се-ма-Чиеца и другихъ, гораздо ранѣе Европы испытали на себѣ гнѣтъ тюркскихъ племенъ и именно *Гунновъ* и *Монголовъ*. А броженіе пришлыхъ племенъ по Европѣ и вторженіе Гунновъ было не что иное, какъ одинъ изъ фазисовъ этой, вѣчно-длительной борьбы, между цивилизованнымъ, осѣдлымъ, и воинственнымъ, кочевымъ началомъ. Разумѣется, по временамъ, то одно, то другое начало брало верхъ, но верхъ необразованнаго, воинственнаго начала никогда не могъ быть продолжителемъ; цивилизованный элементъ рано или поздно бралъ свое и наплывъ пришлыхъ племенъ исчезалъ то разомъ, то постепенно — короче, это были своего рода морскіе приливы и отливы. Что же касается до замѣчанія г. Васильева о томъ, что Гунны не оста-

влиян какихъ слѣдовъ въ западной Европѣ *), то на это можно, кажется, смѣло отвѣтить, что эти многочисленные наплывы, какъ Гунновъ, такъ и другихъ пришлыхъ народовъ, столь быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, были весьма непродолжительны, — всѣ эти народы, или проходили мимо, или уходили опять во-свои: одно вліяніе, не успѣвъ установиться и даже привиться хотя на сколько-нибудь къ народу, быстро и непредвидѣнно смѣнялось другимъ, другое третьимъ и т. д., а между-тѣмъ какъ вліяніе Татаръ на древнюю Русь — дѣло совсѣмъ другаго рода: во-первыхъ, начиная съ того, что самая степная мѣстность Руси, болѣе чѣмъ другая кака-либо мѣстность Европы, способствовала къ водворенію въ ней кочевыхъ племенъ; во-вторыхъ, наплывъ Татарщины, начиная съ XIII вѣка, тяготѣлъ болѣе двухъ-сотъ лѣтъ надъ Русью, а этого, кажется, не принимаетъ въ соображеніе г. Васильевъ. Наконецъ, вѣдь и самое вторженіе Татаръ было какъ-бы послѣднимъ отголоскомъ, какъ-бы заключительнымъ финаломъ того великаго броженія пришлыхъ народовъ и уже послѣдній ударъ той вѣчно-длительной съ пзвѣстными промежутками борьбѣ двухъ элементовъ, а всю тяжесть этого удара суждено было вынести на себѣ одной Русь. Напрасно также г. Васильевъ старается доказывать образованность Гунновъ, будто-бы ни въ чемъ не уступавшую образованности Грековъ и Римлянъ; приводимый имъ здѣсь примѣръ отношеній Россіи къ покоряемому ею Кавказу, даже кажется нѣсколько-страннымъ: въ отношеніяхъ Россіи къ Кавказу авторъ видитъ разницу «образованія», а въ сношеніяхъ Грековъ и Римлянъ съ Скифами, Славянами и Гуннами, положительно и бездоказательно говоритъ, что ея нѣтъ. (?)

За-то, второе положеніе г. Васильева, что Варяги Рюрика и Верингеры константинопольскіе были разноплеменны и разновѣковы и не имѣли никакой тождественности между собою вполне основательно и мы должны быть ему чрезвычайно благодарны за его новые, интересные выводы и опро-

*) Напримѣръ, гдѣ-же? во Франціи, куда заходилъ Атила? А если Гунны были Славяне, то гдѣ-же слѣды славянскаго элемента отыщеть. г. Васильевъ во Франціи?

верженіе доказательствъ Карамзина, который говорить, что Варяги звали себя *Waringger* и производить это имя отъ готскаго *Vasre, Vaga* — союзъ, т. е. нарицательное имя союзника, обратилось въ собственное имя Варяговъ и потому заключаетъ, что Варяги были Скандинавы. Но Карамзинъ не замѣчаетъ своего анахронизма: онъ вмѣстѣ съ Несторомъ говорить о *Верингерахъ* сбродныхъ наемныхъ солдатахъ въ Константинополь, явившихся не ранѣе XI столѣтія, а не о первоначальныхъ *Вармахъ*, давшихъ въ IX вѣкѣ Рюрика Россіи. Шведы, Норвежцы, Датчане нигдѣ не называютъ ни себя, ни своихъ воиновъ, ни разбойничавшихъ на моряхъ соотчичей: ни Руссами, ни Варягами, и тѣмъ же нигдѣ не говорятъ, чтобы призванные Новгородцами: Рюрикъ, Сине-усъ и Труворъ были изъ ихъ народовъ, чего вѣрно-бы не пропустили историки скандинавскіе и еще болѣе ихъ скальды, воспитывавшіе каждое дѣяніе своихъ витязей; а такъ-какъ призваніе Рюрика соединено было съ переселеніемъ цѣлаго народа Руси, по свидѣтельству лѣтописей, то подобное переселеніе, во-всякомъ-случаѣ чувствительное для чуждой страны, не могло не быть замѣчено историками, тогда-какъ переселеніе, сдѣланное внутри государства и на весьма незначительномъ пространствѣ, потому-что еще издревле какъ говорить лѣтопись, пришедше Словени, сѣдоша около озера Ильменя и нарѣкошася Русь, рѣки ради Русы, еже впадаетъ въ озеро,—подобное переселеніе, повторяю, ни для кого не могло быть чувствительно.

На этомъ-то частью основывается третье положеніе г. Васильева, что Рюрикъ (имя чисто славянское: у древнихъ Сербовъ на Балтійскомъ поморьѣ *Rugik*, значило — *Соколъ*) и его Варяго-Руссы пришли отъ рѣки Варяжи изъ-за Ильменя. Авторъ, дѣлая серьезныя историческія розысканія, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ по указаніямъ лѣтописцевъ развилось племя Руссовъ, нашель рѣки Варяжу и Варанду или Вареду, нашель живое преданіе о древнихъ до-рюриковскихъ городахъ, сохранившееся въ званіи двухъ урочищъ называющихся «городищами» и кобылымъ городомъ. Тамъ же нашель берегъ и теперь зовущійся Слуда, именемъ историческимъ Варяга, одного изъ посланниковъ Игоря въ Кон-

стантинопогѣ, и слышалъ отъ жителей темное сказаніе о *варяжкѣствѣ* древнихъ обитателей края, т. е. объ удалствѣ и солеварности ихъ предковъ какъ поясняетъ авторъ.

Названіе Варягъ, авторъ производитъ не отъ нѣмецкаго *war*, *wehre*, но гораздо проще, гораздо основательнѣе и вѣрнѣе отъ русскаго-же глагола *варяти*—ускорить приходъ; *варяти*—предупреждать, и на спряженіи *варяю*—*предваряю* и въ нихъ ищеть значенія Варягамъ: *вмезанные, быстрые, налеты* (нынче *казаки*). Дѣйствительно, указаніе, что Варяги прозывались Варягами, Вараидами, Верендами по именамъ рѣки Варяжи или Варанды и Веренды, на которыхъ они и обитали, гораздо вѣроятнѣе и ближе къ истинѣ чѣмъ умствованія и выводы *Скандинавомановъ*. А самая рѣка Варяжа могла получить прозваніе отъ *варяжнѣ соли* на берегахъ—ея, какъ замѣчаетъ г. Васильевъ.

Авторъ самое значеніе слова *Варягъ* объяснилъ уже выше; что-же касается до его предположенія о томъ, что при Рюрикѣ званіе война постоянного войска обратилось въ званіе *варягъ*, то оно весьма вѣроятно. Весьма вѣроятно и то, предположеніе г. Васильева, что эти за-ильменскіе Варяго-Руссы, были какъ-бы первый прототипъ развившагося въ послѣдствіи въ концѣ XIV вѣка вольнаго казачества на Руси. По-крайней-мѣрѣ, предположеніе, что Варяги были воинственное племя, подтверждается самымъ названіемъ мѣстностей, гдѣ они селились: тамъ-же, гдѣ впадаютъ въ Ильмень Варяжа и Варанда, есть—село Буреги, ручей Воецкій, губа Орслецкія ворота, острова большой и малый Желѣзна, близъ озера есть гора Бронница, окруженная курганами. Эти оставшіяся отъ древности прозванія ясно показываютъ, что древнѣйшіе обитатели мѣстности этой, было воинственное племя.

Кромѣ многихъ другихъ фактовъ, основанныхъ на лѣтописныхъ показаніяхъ о славянскомъ происхожденіи Рюрика и его Варяговъ, авторъ приводитъ одно интересное и замѣчательное доказательство своего предположенія заимствованное имъ у Нестора: «Славянскъ-же языкъ и *Русскій единъ есть*, отъ Варягъ-бо придоша и прозвашася Руссію, и первѣе бѣша Словене». Неявственно-ли, замѣчаетъ авторъ, что Варяги Рюрика не имѣли ни малѣйшаго тождества съ Сканд-

динавами; но были Славяне по происхождению и Руссы по прозванію, наконецъ надо принять въ соображеніе и то, что ни одна лѣтопись не упоминаетъ о толмачахъ, которые были-бы необходимы въ сношеніяхъ пришлыхъ князей съ народомъ славянскимъ, а это видимо подтверждаетъ то предположеніе, что Рюрикъ и его Варяги были Славяне-же, изъ племени Руссовъ, обитавшихъ при озерѣ Ильменѣ на рѣкѣ Руссѣ, — о чемъ говорится въ Воскресенской лѣтописи — и на рѣкѣ Варяжѣ.

Но насъ приводитъ въ нѣкоторое сомнѣніе предположенія г. Васильева, будто-бы Верингеры, сбродное племя, большею частію Скандинавы, выселившіеся въ одинадцатомъ вѣкѣ на островъ Хортицу на Днѣпрѣ, дали начало запорожской сѣчи и русскому казачеству.

Во-первыхъ, отъ одинадцатаго до конца четырнадцатаго вѣка прошло около четырехъ-сотъ лѣтъ, — спрашивается: могла-ли сбродная братья Верингеровъ, которыхъ все-таки было немного, сохраниться со своимъ уставомъ въ первобытномъ своемъ состояніи, въ продолженіи четырехъ-сотъ лѣтъ, не подвергаясь никакимъ постороннимъ вліяніямъ? Во-вторыхъ, вѣдь начало казачества на Руси вытекаетъ изъ совершенно другого, чисто-народнаго источника, было вызвано другою, чисто-народною потребностью и оставалось вовсе не на скандинавскихъ, а чисто на самобытныхъ, русскихъ началахъ, и общины казацкіе начали все-таки группироваться, повторяю, не ранѣе конца XIV вѣка (см. статью Костомарова: бунтъ Стеньки Разина. О. З. 1858 г. Ноябрь).

Такъ-что это предположеніе г. Васильева остается неболѣе, какъ предположеніемъ, и при томъ совершенно голословнымъ.

Но при всемъ этомъ книга господина Васильева есть серьезная книга; видно, что авторъ сильно и добросовѣстно поработалъ надъ разъясненіемъ своего темнаго, загадочнаго вопроса, вопроса исполненнаго важнаго значенія для первобытной исторіи Сѣверныхъ Славянъ и исторіи Руси IX вѣка, — за то ему наше большое и искреннее спасибо.

Въ началѣ книги приложена виньетка изображающая Рюрика, въ рыцарскомъ уборѣ, со щитомъ въ рукахъ, на ко-

торомъ гербъ: какая-то странная птица — вѣроятно, соколъ. Не знаю, какъ смотритъ на это авторъ, но намъ показалось подобная вниѣтка, съ мнѣнческою фигурою Рюрика, вовсе неумѣстною. и даже странною при такой серьезной книгѣ; тѣмъ болѣе, что авторъ здѣсь впалъ въ анахронизмъ, гербы и въ Европѣ-то сдѣлались извѣстны только съ 1150 года, по-крайней-мѣрѣ въ этомъ году въ первый разъ упоминается про нихъ, такъ откуда-же могъ взяться гербъ на щитѣ у Рюрика въ IX вѣкѣ?...

Впрочемъ, это незначительная частность, отъ которой книга г. Васильева не теряетъ въ общемъ своемъ значеніи.

В. К.—ІІ.

Исторія русской Словесности. Лекціи *Степана Шевырева*, ординарнаго академъка и профессора. Часть третья. Столѣтіе XIII-е, XIV-е и начало XV-го. Москва. 1858 года.

Судя по лекціямъ г-на Шевырева, исторія русской Литературы представляетъ чрезвычайно-странное явленіе: въ ней вмѣсто писателей находимъ пустынножителей, вмѣсто произведеній слова большею частію сказанія о чудесахъ, вмѣсто школь съ ихъ различными направленіями — монастырское житіе. На первой-же страницѣ встрѣчаете имена Евстратія постника, Никона многогериѣлваго, Аонасія затворника, Арефы, которому имѣніе, украденное ворами, имѣнилось въ милостыню, попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду дьякона Евагрія. Симонъ писалъ Житія святыхъ и Поликаръ продолжаетъ Житія святыхъ. Мы вновь читаемъ: «Никита затворникъ представляетъ гордость знанія, побѣжденную молитвою иноковъ... Іоаннъ затворникъ, сражаясь съ помысломъ чувственнымъ, употребляетъ противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ яму... Прохоръ, во время голода, добываетъ соль изъ пещи (*вѣроятно, поташъ*, по примѣчанію скептическаго автора); Феодоръ и Василій заставляютъ бѣсовъ работать на монастырь». Да это исторія русской церкви! скажете вы. Иначе, зачѣмъ-бы кратко упомянуть о томъ, что дѣлали Евстратій, Арефа и Прохоръ: намъ нужны только Симонъ и Поликаръ съ ихъ воспитаніемъ, взглядомъ на вещи, наконецъ съ ихъ слогомъ и граматическими особенностями языка. Далѣе, авторъ нѣсколько удовлетворяетъ этому

требованію, рассказывая подробности Житія святыхъ; но вы еще болѣе убѣждаетесь, что исключительною цѣлю его было представить историческій очеркъ монашеской дѣятельности въ Россіи: сюда эпизодически вошла исторія духовной Литературы, и еще эпизодичнѣе собственно-народная Литература, сохраненная въ лѣтописныхъ преданіяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ. Мы не отвергаемъ огромнаго вліянія Церкви на жизнь народную въ древнемъ періодѣ нашей Литературы; но признать исключительнымъ это вліяніе, значило-бы противорѣчить словамъ самихъ иноковъ-учителей, постоянно борющихся съ мірскими влеченіями въ самихъ-себѣ и въ окружающемъ ихъ обществѣ. Конечно, безчисленныя бѣдствія, тяготѣвшія надъ древнею Россією, и всеобщій ужасъ при мысли о близкой кончинѣ міра, которую возвѣщало духовенство, заставляли многихъ удаляться въ пустыню: по извѣстію автора, въ XIV вѣкѣ число монастырей увеличилось до 80; тѣмъ не менѣе странно увѣрять, что именно въ отчужденіи отъ всякаго общества выразилась наша общественная жизнь. Г-нъ Шевыревъ восклицаетъ: «Пустыни, пустыни алкагь русской человѣкъ!» (стр. 187), и потомъ единственнымъ выраженіемъ этого алканія въ народной поэзіи находитъ стихъ объ Иосафѣ-царевичѣ, этомъ прекрасномъ пустынножителѣ *индійскаго Востока!* (Стр. 204).

Питая вездѣ исключительное сочувствіе къ пустынѣ, а не къ народу русскому, авторъ опускаетъ безъ вниманія или замѣчаетъ только мимоходомъ тѣ черты жизни, которыя могли-бы всесторонне обрисовать передъ нами древняго русскаго человѣка. Въмѣсто этого толкуетъ онъ о какомъ-то метафизическомъ единствѣ древняго міра (см. Предисловіе, XXVII и слѣд.); вотъ слова его: «единство внутреннее, духовное, заготовила намъ древняя Русь: да облечетъ его во внѣшнее Русь новая». Облеченіемъ-же этого стараго, заготовленнаго припаса должны служить *жельзные дорот*. Трудно понять желаніе автора. Несомнѣнно то, что онъ не вѣритъ въ вѣчное, свободное развитіе духа человѣческаго, оставляетъ на долю современниковъ бессмысленную работу надъ одною внѣшностью, и смотритъ на любимую имъ Русь, какъ на ветхое, византійское изображеніе, которое нужно

только облечь въ новую рамку. «Высокая духовная половина» древней Руси должна служить подражаніемъ для новой, «матеріальной». Станемъ-же на точку зрѣнія автора и взглянемъ на факты, имъ самимъ приведенные. Нашествіе Татаръ въ конецъ раззорило несчастную Русь; въ слѣдъ за тѣмъ не прошло году, чтобы голодъ, моръ и грабежи баскаковъ не губили православнаго люда. Но этого еще мало. Въ 1230 году, въ самый праздникъ преподобнаго Феодосія, землетрясеніе поколебало Кіевъ, такъ-что каменная церковь монастыря Печерскаго треснула на четыре части, и вотъ лучший изъ проповѣдниковъ XIII-го вѣка, Серапіонъ, пользуясь случаемъ, возвѣщаетъ: «Господь уже не устами говоритъ намъ, но дѣломъ насъ наказываетъ. Всѣмъ казнивъ, не отвлекъ Онъ насъ отъ *злаго обыван*: нынѣ землю трясеть и колеблетъ, *беззаконія и грѣхи многіе* отъ земли отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Но скажутъ: бывали и прежде потрясенія. Такъ, бывали, но потомъ, что было намъ? Не голодъ-ли? не моръ-ли нѣсколько разъ? не рати-ли многія?...» (Стр. 36.) Перейдемъ къ XV-му вѣку.

Пожары, засухи, голодъ, черная смерть и другія народныя бѣдствія продолжаютъ по-прежнему; много предсказаній отъ святыхъ иконъ, *кровью и слезами текущихъ*; къ этому присоединяется страхъ близкой кончины міра. Одинъ изъ главныхъ представителей вѣка, митрополитъ Фотій, объявляетъ слѣдующимъ образомъ всѣ эти напасти: «Со всѣми дѣлами *безлѣстными* мы и *братолюбіе* затворили: вотъ почему сухи бразды наши; любовь изсохла и гласъ молящихся всуе воиеть и на воздухѣ расходится, *ниже молящагося слышахомъ*». (Стр. 336). Итакъ, если древняя Русь, по своей грѣховности, ничего болѣе не заслуживала, кромѣ кары небесной, то какъ-же намъ въ своемъ стремленіи къ духовному единству принять ее за образецъ подражанія? Вѣдь тому, кто дастъ подобные совѣты, можно-бы отвѣтить словами святаго Владиміра: «То како вы ихъ учите, сами отвержени отъ Бога и расточени?»

Но оставимъ эти словопренія, а сдѣлаемъ лучше обзоръ лекцій г-на Шевырева, содержащихся въ III-мъ томѣ его *Словесности*. Авторъ, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ со-

биралъ для нихъ самыя обильныя матеріалы, состоящія преимущественно изъ духовныхъ поученій, — и мы въ этомъ отдаемъ ему полную справедливость. Въ одиннадцатой лекціи дѣятельность Симона и Полякарпа на пользу церкви разсказана довольно-обстоятельно, хотя и не объяснено ихъ литературное значеніе. Вы нѣсколько узнаете о содержаніи Патерика, также объ источникахъ, которыми пользовались Симонъ и Полякарпъ; но самый составъ книги и ея изложеніе вамъ все-таки неизвѣстны. По словамъ автора, чтеніе Патерика послужило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа, въ древнемъ періодѣ его жизни, тѣ добродѣтели, которыми и теперь *пока* еще твердо наше отечество. Съ подобной-же поучительною цѣлю разсказываетъ г-нъ Шевыревъ житіе св. Авраамія Смоленскаго, поученія котораго до-сихъ-поръ еще не были открыты.

Переходя къ XIII вѣку авторъ не могъ не коснуться нашествія Татаръ; но вмѣсто того, чтобы объяснить, какое они имѣли вліяніе на умственное развитіе нашихъ предковъ, — онъ распространяется о *нашемъ вліяніи* на Татаръ, какъ будто-бы дѣло шло о татарской исторіи. Слѣдуютъ извѣстія о церквахъ, построенныхъ на югозападѣ Россіи, и лебединныхъ ловищахъ царя Ногая. Потомъ, съ поучительною-же цѣлю кратко изображены дѣла Александра Невскаго, Михаила Черниговскаго и Владиміра Волынскаго; о повѣстяхъ, содержащихъ описаніе этихъ дѣлъ, — ни слова! Далѣе, вновь читаемъ событія церкви. Здѣсь однако встрѣчается любопытная замѣтка о народныхъ обычаяхъ: «Въ предѣлахъ-же новгородскихъ держались еще языческіе обычаи и суевѣрія: водили невѣсть къ водѣ, а въ субботу, въ ночь наканунѣ воскресенья, мужья и жены вмѣстѣ праздновали какой-то нечестивый діонисовъ праздникъ.» Ученость автора не унижается до изслѣдованія подобныхъ предметовъ: онъ спѣшитъ привести изъ соборнаго правила слова укоризны къ всему русскому народу за его безбожіе. Потомъ исчислены памятники письменности: Евангеліе, писанное въ Новгородѣ, Апостолъ толковый 1220 года, Евангеліе 1270 года, Псалтырь 1296 года, Шестодневъ Іоанна, Номоканупъ. Авторъ упо-

минаеть и о договорныхъ граматахъ; но вовсе не останавливается на этихъ памятникахъ, которые, за цѣнѣніемъ другихъ, необходимо было-бы, въ исторіи *Русской Словесности* XIII-го вѣка, поставить вмѣстѣ съ лѣтописями и сказаніями на первомъ мѣстѣ. Вмѣсто этого описана дѣятельность трехъ Кирилловъ, которые хотя почти ничего не сочинили, но за то всѣ отличались благочестіемъ. Мы очень благодарны автору за изложеніе словъ Серапіона: слова эти составляютъ довольно значительный памятникъ XIII-го вѣка. Жаль только, что авторъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ въ переводѣ, а не въ подлинникѣ: г-ль Шевыревъ, конечно, не началъ своей книги для легкаго и пріятнаго чтенія, а занимающимся древнею Словесностью не составитъ большого труда разбирать славяно-русскую грамату. За Серапіономъ слѣдуетъ Симеонъ, епископъ тверской, съ его маленькимъ поученіемъ; потомъ Максимъ, митрополитъ кievскій, который оставилъ правила, касающіяся особенно *семейнаго благоустройства*... какія?.. неизвѣстно. Потомъ находимъ ученіе ко всѣмъ христіанамъ. Здѣсь, преподаются добрые совѣты о милосердіи къ сиротамъ и челяди, восхваляются чернецы, стоящіе въ церкви, «будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы за весь міръ,» и между-прочимъ встрѣчаемъ черты вѣка: «Принимая чернца или причетника въ домъ свой, болѣе трехъ чашъ не принуждайте пить: бѣсовское дѣло — до срама наняты слугъ Божіихъ..... Челядь свою кормите до сытости... Учите грозою и ласкою... Если-же тебя не послушаютъ ни мало, не щади лозы, и отъ 4-хъ до 6-ти, до 12-ти, 20-ти и даже до 30 ударовъ, смотря по винѣ, дать дозволяется, но не болѣе 30-ти.» Замѣтимъ еще мудрое правило: «Спамъ не вѣрьте, братья и чада. Кто вѣруетъ спамъ, тотъ погибъ: многіе святые мужи тѣмъ себѣ изгубили. Исусъ-Сирахъ говоритъ: кто можетъ за тѣнью своею или за вѣтромъ угнаться, тотъ спу вѣруй». Прочитавъ въ слѣдъ за тѣмъ пареміи о Борисѣ и Глѣбѣ, вы наконецъ доходите до изложенія лѣтописей. Эти важнѣйшіе памятники Литературы описаны авторомъ очень поверхностно, на какихъ-нибудь 8 страничкахъ лекціи, заключающей 75 страницъ; да и тутъ обращено преимущественное вниманіе на

поучительную сторону разсказа, какъ напр: «О возлюбленные князья русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего!» Исполнивъ эту тяжелую обязанность изрѣдка упоминать о произведеніяхъ свѣтскаго содержанія, авторъ вновь, съ истиннымъ алканіемъ Іосафа индійскаго, обращается къ Житіямъ святыхъ и излагаетъ ихъ на 19 страницахъ: тѣмъ и оканчивается одиннадцатая лекція. Изъ предыдущаго уже видно, что обзоръ лекцій г-на Шевырева нѣсколько труденъ по причинѣ многосложности предмета; но, не смотря на все это видимое разнообразіе, въ цѣломъ господствуетъ такой однозвучный тонъ, что впадаетъ наконецъ въ совершенное увяніе. Изрѣдка только намеки на древнюю жизнь, подобно оазисамъ, радуютъ истомленный взоръ посреди этой безплодной пустыни. Вы узнаете напримѣръ, что Θεодулія изучала граматикку, риторикку, философію, науку числа и мѣры, узнаете объ остроуміи Февроніи, объ юродивости, въ лицѣ Прокошія, и т. д. Въ Житіяхъ встрѣчается не мало подобныхъ чертъ: отчего-бы автору не собрать ихъ въ одну цѣльную картину, давши напередъ общую характеристику Житій, какъ сочиненій, сущность которыхъ въ общихъ чертахъ всегда одна и та-же? Тоже самое можно сказать и о поученіяхъ.

Мы не будемъ указывать подробно содержанія слѣдующихъ лекцій: это повело-бы слишкомъ далеко. Коснемся только нѣкоторыхъ главнѣйшихъ вопросовъ.

Въ двѣнадцатой лекціи авторъ изображаетъ двоякую дѣятельность Москвы: духовную и государственную. «Пустынножителство принялъ на крѣпкія рамена свои преподобный Сергій.... дѣятельность государственная благотворно воплотилась въ святителѣ Алексіѣ». Такимъ-образомъ и здѣсь на долю князей московскихъ осталось очень немногое. «Наша задача, говоритъ авторъ, преимущественно касается духовной стороны».

Въ Житіи преподобнаго Сергія между прочимъ объясняется, «какъ и что ради обнища родитель Сергія: Яко частыми хожеными еже съ княземъ въ орду, частыми ратями татарскими еже на Русь, частыми тяжкими даными и выходами еже въ Орду, частыми глады хлѣбными, надо всѣми силами»

паче егда бысть рать татарская, глаголемая Феодорчюкова, егда по ней за годъ единъ наста насилуваніе, сирѣчь княженіе великое досталось князю Великому Ивану Даниловичю, купножь и досталось княженіе ростовское къ Москвѣ...» Увы! увы! продолжаетъ повѣствователь, — тогда у князей ростовскихъ были отняты имѣніе и честь и слава, а одинъ изъ вельможъ, посланныхъ изъ Москвы, довелъ городъ до страшной нищеты: Ростовцы не только лишились всего, но и много ранъ приняли на свое тѣло и всякія язвы жалостно претерпѣвали.

Это нѣсколько матеріальное обхожденіе съ Ростовомъ не должно смущать насъ: оно было въ духѣ времени.

Сила Москвы росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и ея вліяніе; святитель Алексій проповѣдывалъ уже въ предчувствіи этого новаго могущества: «Бога бойтесь, а князя чтите, а святительство держите выше своей головы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякого прекословія.»

Но укажемъ, въ чемъ состояла духовная дѣятельность Москвы. Представителемъ ея былъ преподобный Сергій. Г-нъ Шевыревъ рассказываетъ, что еще младенцемъ въ утробѣ своей матери исповѣдалъ онъ, что будетъ ученикъ пресвятыя Троицы... «На груди материнской, въ пеленахъ и колыбели, онъ былъ уже строгимъ постникомъ... въ пятницу и середу груди не сосалъ... Братья его учились быстро, но ему грамота не давалась: даръ грамоты открылъ ему внезапно невѣдомый старецъ въ полѣ...» По смерти родителей св. Сергій удаляется въ пустыню вмѣстѣ со своимъ братомъ. «Оба сотворили молитву и начали своими руками рубить лѣсъ, на плечахъ своихъ носили бревна, сначала сколотили кровать, потомъ срубили хижину и покрыли ее, наконецъ одну келью и малую церквичку... Ихъ отовсюду тѣснили недостатки: ни пици, ни питья, ничего на потребу. Ни прихода, ни приноса ни откуда.» Далѣе описаны духовные подвиги Сергія: «стенаніе, непрестанное моленіе къ Богу, плачь душевный, воздыханія сердечныя, бдѣнія всенощныя, пѣніе трезвенное, мольба безперерывная, стояніе безъ отдыха, чтеніе прилежное, колѣнопреклоненіе частое, голодъ, жажда, сонъ на голой землѣ, нищета духовная, скудость во всемъ, во всемъ недо-

статокъ. Къ этому присоединилась и борьба. Разные звѣри во множествѣ находили на него не только ночью, но и днемъ. Стада волковъ выли и ревѣли вокругъ его кельи. Иногда-же являлись медвѣди... Они приближались къ нему безвредно, окружали его и нюхали. Одинъ медвѣдь даже подружился съ нимъ... Злая сила ополчалась также на отшельника: однажды явилась она къ нему въ одеждахъ и островерхихъ шапкахъ литовскихъ, грозила, что раззорить церковь и убьетъ его» (стр. 109, 110). Такова была жизнь св. Сергія. Не мѣнѣе поучительно житіе св. Стефана пермскаго. «Дѣятельная сила вѣры сочеталась въ немъ съ богословскою ученостію и знаніемъ языковъ»: русскаго, греческаго и пермскаго. Онъ просвѣтилъ христіанствомъ Пермь. Къ сожалѣнію, длинный рассказъ о немъ, находящійся у г-на Шевырева, не имѣетъ никакого отношенія къ Литературѣ, потому-что не осталось и слѣдовъ отъ изобрѣтенной имъ зырянской письменности.

Въ тринадцатой лекціи авторъ сначала разсматриваетъ жизнь и литературные труды Кипріяна. Въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ митрополитъ запрещаетъ мірянамъ судить и казнить духовенство и отстаиваетъ церковныя стяжанія, укоряетъ священниковъ въ томъ, что они не налагаютъ на согрѣшившихъ очистительной епитиміи, а сами смотрятъ *ко взятію*, не совѣтуетъ чернецамъ самимъ управлять селами, а велитъ поручать ихъ какому-нибудь богобоязненному мірянину, который привозилъ-бы въ монастырь готовое житомъ и всякими потребамн, и т. д. Что касается переводовъ Кипріяна съ греческаго, то, по свидѣтельству одного изъ учениковъ Максима-Грека, они не могли быть вѣрны, потому-что Киприанъ не зналъ греческаго и, какъ Сербъ, плохо владѣлъ русскимъ (стр. 184). Вторая половина лекціи заключаетъ описаніе монастырей и житіе св. Кирилла Бѣлозерскаго.

Въ четырнадцатой лекціи заключаются: иконопись, зодчество, литейное искусство, двери, колокола, каноны церковные. Исчисляя тутъ-же кстати списки Евангелій и Апостоловъ, относящіеся къ XIV вѣку, авторъ замѣчаетъ: «Правописаніе русское въ нихъ господствуетъ. Нерѣдко видны слѣды мѣстныхъ нарѣчій, гдѣ писалась рукопись, особенно

новгородскаго.» Но какіе это слѣды, остается во мракѣ неизвѣстности. Намъ кажется, что еще прежде описанія иконъ автору необходимо было-бы хотя нѣсколько охарактеризовать то измѣненіе, какому подвергся древне-славянскій языкъ въ XIV вѣкѣ (если только книга г-на Шевырева составляетъ курсъ исторіи русской Литературы). Вмѣстѣ-съ-тѣмъ и русскій языкъ является въ новомъ развитіи: грамматы, которыхъ авторъ насчитываетъ до 29, представляютъ для этого, — равно-какъ и для указанія разныхъ чертъ нашего стариннаго быта, — самый обильный матеріалъ; между-тѣмъ г-нъ Шевыревъ касается его только слегка, на двухъ страницахъ. Тоже должны мы повторить и о лѣтописяхъ. Авторъ и здѣсь, разсматривая разомъ три лѣтописи: московскую, новгородскую и псковскую, — очень поверхностно передаетъ ихъ содержаніе, напр.: «Пьянство и разгулъ князей, бояръ и воеводъ нижегородскихъ, суздальскихъ и московскихъ, бывшія причиною ихъ пораженія на рѣкѣ Пьянѣ, переданы со всеѣмъ отвращеніемъ къ позору дѣла,» или «Новгородцы не слушаются князей московскихъ, не хотятъ суда митрополничьяго и, подобно аспиду, затыкаютъ уши отъ учительнаго слова митрополита Кипріяна.» Авторъ опускаетъ подробности, вѣроятно, потому-что это не относится къ духовной сторонѣ древней Руси: възамѣнъ этого онъ очень подробно излагаетъ постриженіе В. К. Михаила тверскаго. Любопытно-бы также знать, что передала намъ образованная Греція, кромѣ наремій и каноновъ: греческій сборникъ «Пчелы» могъ-бы отчасти служить для этого объясненіемъ. Авторъ замѣчаетъ: «Пчела остроумными изреченіями греческихъ мудрецовъ пришла въ духу и вкусу народа и подверглась скоро у насъ своеземнымъ передѣлкамъ.» Но далѣе г. Шевыревъ не подвинулся въ этомъ важномъ вопросѣ. Вмѣсто того, мы читаемъ о святителѣ Василиѣ и узнаемъ его посланіе о земномъ раѣ. Тутъ между-прочимъ есть любопытная замѣтка автора: «Богомольные странники въ народѣ русскомъ до-сихъ-поръ воображаютъ земной рай въ земляхъ сибирскихъ, и рассказываютъ, что тамъ есть такія пустыньки, гдѣ живутъ святые старцы: кругомъ зима и сибѣгъ, а у нихъ растетъ всякое древо и на деревьяхъ висятъ всякіе плоды.»

Далѣ изъ посланія патріарховъ кое-что узнаемъ о сектѣ стригольниковъ. «Обнося ставленіе іереевъ святокупствомъ,» говоритъ авторъ, *«они не хотѣли имѣть священниковъ, а въ порывѣ высокоумія сами себя поставляли въ учителя народу.... Они хотѣли, чтобы человѣкъ самъ про-себя каялся въ землю. Они возставали также противъ молитвъ объ усопшихъ. Основаніемъ-же всему ученію было произвольное толкованіе священнаго писанія безъ преданій церкви»* (стр. 341).

Эти коротенькія извѣстія очень мало удовлетворяютъ васъ: такое любопытное проявленіе народнаго духа, какъ секта Стригольниковъ, требовало болѣе глубокихъ изслѣдованій и соображеній.

Странникъ Стефана Новгородца и Хожденіе Пимена въ Царьградъ также долго не занимаютъ автора; онъ очень подробно пересказываетъ содержаніе повѣсти: «Сказаніе о Мамаевомъ Побойщѣ». Здѣсь въ первый разъ встрѣтите вы довольно странное мнѣніе, что сказаніе *по духу* превосходитъ слово о полку Игоревомъ, потому-что Дмитрій князь не вѣритъ *въ собственные свои силы*. Итакъ единственный поэтический памятникъ древней нашей Словесности, на которомъ отдыхаетъ душа посреди всеобщаго безплодія, заподозрѣнъ авторомъ въ недостатокъ христіанской идеи смиренномудрія! Мы думаемъ, что даже папскій конклавъ, запрещающій читать всякую книгу на родномъ языкѣ, не рѣшилъ-бы такимъ-образомъ. Дѣйствительно, сказаніе несравненно выше: въ немъ даже есть въ началѣ обращеніе къ языческому богу Урану.

Но какова любовь автора къ русскому народу, когда въ его мнѣніи униженъ пѣвецъ, въ глубокой скорби сердца взывавшій къ современнымъ князьямъ, чтобы отомстить за обиду народную, за землю русскую, за раны государя!

Достоинъ также вниманія вкусъ г-на Шевырева, который признаетъ другой памятникъ того-же содержанія, извѣстный подъ названіемъ Задонщины, *жествымъ подраженіемъ* Слову, тогда-какъ писатель Сказанія, по его мнѣнію, слагалъ свою повѣсть подъ *живымъ впечатлѣніемъ* красотъ пѣсни объ Игорѣ.

Вотъ образцы поэзіи изъ Сказанія: «И поиде на Русь,

(Мамай), сердитую яко левъ, пылая яко неуголимая ехидна.»«Спреди ему солнце сіяеть и добрѣ грѣеть, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣеть».... «Онъ-же, нечестивый, разженъ бысть дьяволомъ».... «Въ тоже время тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша изъ мѣсть своихъ, протопташеса холми высоко, траву-же кровію подмывало, льющеса кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ стороны» и проч.

А вотъ отрывки изъ Задонщины *):

«Оле жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, взыди подъ синіе облакы—посмотри къ сильному граду Москвѣ,—пой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондрѣвичу. Онибо взнялися какъ соколи со земли Русскыя на поля Половецкія.... Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сизцѣ, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: «лучши-бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ отъ поганыхъ положенымъ пасти»....

И тѣ и другія мѣста мы привели на удачу: безпристрастный читатель, сравнивъ подробнѣе оба памятника (что не входило въ нашу статейку) навѣрно поблагодаритъ г-на Шевырева за то, что онъ, со своимъ понятіемъ о прекрасномъ, не слишкомъ поддавался сочувствію къ народной поэзіи.

Въ четырнадцатой-же лекціи, самой обильной содержаніемъ, приведены отрывки изъ пѣсенъ татарской эпохи. Сужденія автора объ этихъ пѣсняхъ ограничиваются подобными замѣчаніями: «когда-же, въ другое время, съ такою энергическою силою, могла выразиться народная ненависть къ Татарамъ, какъ она выражается въ этихъ стихахъ?» или «Здѣсь пѣсня горькимъ упрекомъ намѣкаетъ на тѣ униженія, какія русскіе князья выносили въ Ордѣ, кланяясь своимъ покровителямъ». Все это совершенно ясно изъ самаго содержанія пѣсенъ и безъ объясненій автора. Единственный авторитетъ для обсужденія столь важнаго предмета г-нъ Шевыревъ нашель въ мнѣніи Карамзина о русскихъ сказаніяхъ.

Патнадцатой и послѣдней лекціи мы уже не будемъ раз-

*) См. VI томъ «Извѣстій Второго Отдѣленія Академіи», выпускъ V, чтеніе И. И. Срезневскаго.

бирать, потому-что она вся состоитъ изъ посланій и поученій, которыя во всѣхъ подробностяхъ служатъ повтореніемъ того-же, что находимъ въ посланіяхъ и поученіяхъ, заключающихся въ предъидущихъ лекціяхъ.

Какой-же сдѣлать намъ общій выводъ о лекціяхъ г-на Шевырева? Подтверждаемъ вновь то, о чемъ уже говорили:

1) Г-нъ Шевыревъ, не смотря на всѣ свои старанія, не нашелъ русской Литературы, какъ всесторонняго выраженія русской мысли и жизни, и не нашелъ потому, что отыскивалъ ее исключительно въ кельяхъ, а не въ народѣ.

2) Лекціи его заключаютъ мѣстами намеки на древнюю русскую жизнь; но немалый трудъ отыскать эти разбросанныя черты въ массѣ нагроможденнаго матеріала.

3) Какъ исторія духовной и преимущественно монашеской дѣятельности въ Россіи, книга г-на Шевырева представляетъ *очень богатый матеріалъ*; но не разработанный, какъ слѣдуетъ, ученою критикою: такъ, напримѣръ, борьба со Стригольниками остается совершенно въ туманѣ.

Скажемъ въ заключеніе, что, по причинѣ совершеннаго недостатка сочиненій, касающихся избранной авторомъ эпохи, мы готовы признать пользу труда г-на Шевырева, какъ сборника свѣдѣній, болѣе или менѣе имѣющихъ отношеніе къ Литературѣ; но не сочувствуемъ вовсе его желанію, чтобы молодое поколѣніе вело науку далѣе по слѣдамъ его (см. предис. стр. V): эти слѣды заведутъ въ такую глухую дебрь, изъ которой не поможетъ выпутаться никакое чудо.

В. Водовозовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ПЕРЕЧЕНЬ.

Романы и повѣсти В. Крестовскаго. СПб. 1859 г. VI-й томъ.

Романы и повѣсти В. Крестовскаго довольно давно уже извѣстны русской читающей публикѣ. Достоинства и недостатки этого, во-всякомъ-случаѣ замѣчательнаго писателя требуютъ разбора въ особенной библиографической статьѣ. Здѣсь мы ограничиваемся только изчисленіемъ помѣщеннаго въ этомъ изданіи. *Въ первомъ томѣ*: «Приходскій учитель»,

«Искушеніе»; во *второмъ* — «Баритонъ», романъ, «Доброе дѣло», повѣсть; во *третьемъ* — «Кто-жъ остался доволенъ», «Анна Михайловна»; во *четвертомъ* — «Испытаніе», «Нѣскольکو лѣтнихъ дней», «Утренній визитъ», «Старое горе»; во *пятомъ* — «Послѣднее дѣйствіе комедіи», «Въ дорогѣ», «Рѣшительный часъ», «Совѣты», «Изъ связки писемъ»; во *шестомъ* — «Свободное время», «Фразы», «Братецъ».

Г. Крестовскій писалъ, какъ видно изъ этого, очень много — и какъ кажется, очень скоро. Лично мы скажемъ здѣсь о его дѣятельности только то, что видимъ въ ней больше ума и умѣнья, нежели того, что называется дарованіемъ. Голая мысль часто слишкомъ просвѣчиваетъ сквозь постройку — и вообще эти произведенія гораздо-болѣе плодъ

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ,

чѣмъ свободнаго творчества. Поэтому-то г. Крестовскій не переживетъ нашего поколѣнія, да и для него-то даже со-старится.

Очерки и рассказы *И. Т. Кокорева*. Москва. 1858. — Три части.

Даровитый авторъ «Саввушки» въ этихъ трехъ, весьма, надобно сказать, небрежно и некрасиво изданныхъ трехъ частяхъ — является со многихъ сторонъ своей разнообразной дѣятельности.... Онъ былъ не только талантъ, но и практическій умъ, который интересовали многіе вопросы — даже статистическіе. Сколько дѣла въ его замѣткахъ — ибо мы уже не говоримъ о талантливости его чисто-артистическихъ попытокъ, какъ о вещи признанной.... Невольная грусть охватываетъ душу, когда, читая живыя, добродушныя или умныя страницы, подумаешь о жизни, пропавшей ни зачто ни прочто, въ горѣ, бѣдности до лишеній, въ неблагоустроенномъ трудѣ.

Лаокоонъ, соч. Лессинга. Переводъ Е. Эдельсона. Москва. 1859.

Ожидая серьезной и дѣльной статьи о безсмертномъ сочиненіи Лессинга, по поводу прекраснаго и въ высшей степени добросовѣстно выполненнаго перевода г. Эдельсона, — мы здѣсь только можемъ рекомендовать эту важную книгу всѣмъ мы-

слящимъ читателямъ, интересующимся вопросомъ объ изящномъ. Жалѣемъ только, что въ pendant къ Лаокоону Лессинга, переводчикъ не перевелъ и Лаокоона Гердера. Какъ видно изъ многихъ примѣчаній его — онъ такъ-же основательно изучалъ и критику Гердера.

Валленштейновъ Лагерь. Сочиненіе Шиллера, переводъ въ стихахъ С. Шевырева. Москва. 1859 г.

Переводъ С. П. Шевырева встрѣтилъ мало сочувствія въ 1859 году, — можетъ-быть за то только, что онъ сдѣланъ въ 1827. Намъ очень легко было-бы тоже присоединиться къ числу порицателей; но мы позволяемъ себѣ лучше сказать нѣсколько словъ въ защиту труда литератора, которому исторія русскаго языка и русской словесности довольно много обязаны. Господа, приводящіе стихи изъ перевода рѣчи капуцна въ примѣръ Тредьяковщины, — позабываютъ то, что и въ оригиналѣ самомъ, такъ-называемыя книттельферзы и каламбуры, тоже носятъ печать тяжеловатости и дубоватости. Это хотѣлъ передать г. Шевыревъ, и если передалъ неудачно, — все-таки надъ неудачей его нечего глумиться.

Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись время царя Алексѣя Михайловича. Приложение къ № 1 «Русской Бесѣды» за 1859 г. Москва. 1859.

Памятникъ въ высочайшей степени важный, — но зачѣмъ онъ не изданъ съ дипломатическою точностью, какъ должны непременно издаваться подобные документы? Зачѣмъ не напечатано предисловіе или *предговоріе*?

Разныя сочиненія С. Аксакова. Москва. 1858 г.

Habent sua fata libelli — пословица до-того старая, что ее и приводить даже совѣстно, но все-таки вѣрна. Давно-ли за «Семейную Хронику» почтеннаго автора ея возводили въ великіе художники. А теперь какимъ равнодушіемъ и даже кой-гдѣ съ насмѣшкою встрѣчены были эти «Разныя сочиненія». Ясное дѣло, что въ обоихъ случаяхъ критика сама неправа — и ясное дѣло, что какъ-то еще не доросли мы до *мужескаго возраста* въ нашихъ оцѣнкахъ.

А. Г.

С М Ъ С Ь.

Существуетъ-ли теорія Словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе?—Когда Батюшковъ началъ свое описаніе Финляндіи, то говорилъ: «Я иду о странѣ, близкой къ полюсу, сосѣдной Гипербореическому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ всего въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ и проч.» Подобно этому, имѣя намѣреніе разсуждать о Словесности, я долженъ сказать:

«Я рѣшаюсь писать о предметѣ, всѣмъ намъ близкомъ; но въ которомъ господствуетъ еще первобытный мракъ хаоса и современная бѣдность смысла, гдѣ только иногда мелькало что-то похожее на свѣтъ; но въ сущности преобладали ночь и дикость».

Чтобы наше рѣшеніе не показалось рѣзкимъ, стоитъ только просмотрѣть всѣ извѣстныя у насъ учебники Словесности, вполне оправдывающіе скептической вопросъ, поставленный нами въ оглавленіи статьи. Послушайте возгласы бѣдныхъ питомцевъ какого-угодно заведенія, прислушайтесь къ общему мнѣнію свѣта: «Скучная, несносная теорія!» говорятъ всѣ. «Да когда мы кончимъ эту теорію? Ради Бога, избавьте насъ только отъ теоріи!» Привести-ли образчикъ опредѣленій, которыми щеголяетъ у насъ Словесность? Вообразимъ, что экзаменуется юноша, еще мало искусившійся въ теоріяхъ.

— «Скажите мнѣ, что такое драма?» Спрашиваетъ экзаменаторъ. — Драма? Драма, греческое слово, означаетъ дѣйствіе: отвѣчаетъ юноша, припоминая опредѣленіе одного изъ незатѣпливыхъ учебниковъ. — «Нѣтъ!» говоритъ рѣшительно экзаменаторъ. — Драма... начинаетъ юноша вновь: это такая борьба, гдѣ мы видимъ своими глазами..... «Нѣтъ и нѣтъ!» — Драма, представленіе на сценѣ..... — «Нѣтъ! повторяю вамъ». Юноша совершенно мѣшается, встрѣтитъ нѣскольکو разъ сильный отпоръ.

— «Ничего не знаете!» говоритъ экзаменаторъ. «Никакого самостоятельнаго взгляда! Драма есть объективное представленіе идеальнаго въ реальномъ по отношенію къ единству дѣйствія и къ сущности содержанья».

Не-мудрено послѣ этого, что многіе мыслящіе люди рѣшили у насъ окончательно, что преподавать теорію Словесности значить по-пустякамъ убивать время.

Въ чемъ преимущественно выразилась наша дѣятельность по этому предмету? Въ программахъ. Много было ихъ написано и даже напечатано; можно надѣяться, что еще много будетъ сочинено вновь. Но если-бы и всѣ эти программы собрать въ одну книгу, то нисколько не доставимъ духовной пищи учащимся, которые должны питаться по прежнему остатками давно умершей науки. Мы видѣли различныхъ юношей, приготовляющихся къ различнымъ экзаменамъ, и душевно скорбѣли объ ихъ безотрадномъ положеніи. Каково бѣдному работнику носить груды камней на высокіе лѣса — носить, носить... А зданіе все-таки не строится!

По многимъ обстоятельствамъ нельзя винить нашихъ педагоговъ за то, что они такъ медлятъ дарить насъ хорошими руководствами; но не слѣдуетъ также предписывать программъ, которыхъ выполненіе возможно только въ рапортѣ, подаваемомъ ежегодно начальству.

Любопытно однако прослѣдить, въ какомъ положеніи находится наша ветхая Словесность.

Когда она еще важно ходила въ парикѣ и въ величественной одеждѣ риторики съ длиннымъ шлейфомъ фигуръ, поддерживаемымъ хріями, она сама была очень почтенная фигура. Всякій по-крайней-мѣрѣ зналъ, что это за особа. Источники изобрѣтенія отворяли дверь прямо въ ея кабинетъ, гдѣ въ невозмутимомъ спокойствіи, какъ докторъ-автоматъ, прописывала она свой рецептъ на каждую мысль, на каждое чувство. Тогда безъ дѣлъ рождалась на свѣтъ и мысль, и чувство. Нужно было изобразить умленіе, и готовый составъ умленія стоялъ подъ ярлыкомъ на полкѣ. Тогда знали, что начинать сочиненіе надо съ начала, а кончать концемъ. Но время шло впередъ — и величественная особа очень пострадала: многоэтажный парикъ ея истрепался, платье со всѣмъ обнослось. Бѣдная Словесность совсѣмъ психрѣла, между-тѣмъ какъ ея родныя сестры: Грамматика, Логика, Психологія, Эстетика — все болѣе росли и процвѣтали. Наконецъ старушкѣ пришлось умирать или, какъ фениксу, переро-

даться. Но привычка, уваженіе и любовь къ старинѣ, наша благочестивая скромность, какъ-нельзя-лучше, помогли ей. Мы отстаивали учительницу слова. Нужно было однако, хоть изъ приличія, прикрыть обидную наготу ея — и вотъ, надѣлали заплатъ отъ издѣлія новыхъ идей, перешедшихъ къ намъ съ Запада. Заплатъ понадобилось такъ-много, что уже не находили нитокъ, за которыя имъ держаться — и въ такомъ видѣ осталась Словесность.

Прежде-всего мы восчувствовали стремленіе къ разработкѣ философскихъ началъ Эстетики. Явились ученія о красотѣ и о нравственной ея цѣли; явились опредѣленія въ родѣ слѣдующихъ: «Поэзія есть даръ неба, возносящійся, подобно благоуханію розы, отъ предѣловъ земли въ безконечность; поэзія есть музыка сердца, гармонія звѣздъ; скромная прелесть лиліи, разливающей ароматъ свой въ безвѣстной тиши; она имѣетъ цѣль возвысить душу, облагородить сердце, научить добродѣтели, и т. д.»

Въ слѣдъ за-тѣмъ произвела вторженіе Логика. Подобно сухому скелету, грозно стуча костями, вошла она въ область нашего знанія: въ пустомъ черепѣ уже рылись, какъ червяки, понятія и сужденія; вмѣсто прежнихъ потѣшныхъ фигуръ, расплодилось несмѣтное число умозаключеній, раскидывая безконечную паутинную ткань.

Тогда мы вспомнили стихи Державина:

«Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точить лезвее косы.»

Много-бы бѣдъ надѣлали и Эстетика и Логика, если-бы кстати не додоспѣла Грамматика и не взяла ихъ обѣихъ въ руки. Отъ видѣнія въ безконечныхъ предѣлахъ прекраснаго и умственнаго, мы вдругъ спустились къ буквѣ. Такіе скачки возможны только при современныхъ успѣхахъ движенія, произведенныхъ паровозами и телеграфами. Мы рады были, что нашли что-нибудь опредѣленное и ясное, и стали со всеусердіемъ ворочать букву. Что-такое: красота, поэзія, мышленіе, чувство? Въ сущности, это слова, выражающія извѣстныя понятія, а слова состоятъ изъ буквъ; слѣдовательно, корень всего въ буквахъ. И мы стали толковать о корняхъ и о приставкахъ. «Духъ» происходитъ, на-примѣръ, отъ глагола: «дуть». Отсюда берутъ начало также: душа, дунить, надувать — все это дуетъ, только различнымъ

образомъ. Объясните частицу: «ду», сравнивъ съ древне-Готскимъ, съ Греческимъ, съ Санскритскимъ — и выйдетъ полное понятіе о духѣ. Да не подумаютъ, что мы не цѣнимъ успѣховъ современной филологіи: мы хотимъ только показать крайность, до которой часто доходятъ люди въ ея примѣненіи. Языкознание, давая твердую почву умозрѣнію, грѣшитъ, какъ и всякая наука, выступая изъ своихъ предѣловъ.

Наконецъ, всѣ эти свѣдѣнія: эстетическія, логическія, этимологическія, смѣшались вмѣстѣ, образовавъ довольно пестрое единство. Намъ слѣдуетъ замѣтить, что принято было въ руководство при изданіи различныхъ нашихъ руководствъ. Большею частію, кромѣ одной научной цѣли, сюда входило и много постороннихъ:

а) Цѣль экономическая. Устроить руководство съ наименьшимъ трудомъ для себя и наибольшимъ успѣхомъ для сбыта.

б) Желаніе угодить нѣкоторымъ избраннымъ авторитетамъ, имѣющимъ не одну умственную, но и вещественную силу.

в) Желаніе угодить почтенной старинѣ, еще тамъ-и-сямъ догнивающей въ развалинахъ.

г) Желаніе угодить современности, сварливой, неугомонной, придирчивой и потому опасной. Безнадежный авторъ сунетъ мимоходомъ какую-нибудь похвалу журналу, помѣститъ два, три модныхъ взгляда или отрывка, и скажетъ: «Нате вамъ, кушайте! только не бранитесь».

Мы долго не кончили-бы, если-бы принялись исчислять всѣ роды угожденій, къ которымъ не рѣдко способенъ доброхотный авторъ. Но и тамъ, гдѣ руководства писаны были съ одною цѣлію принести пользу учащимся, они мало достигли своего назначенія по двумъ причинамъ:

1) По отсутствію всякой системы, всегда необходимой въ наукѣ.

2) По отсутствію всякаго педагогическаго метода.

Изложимъ прежде наши мнѣнія о системѣ Словесности.

Система, какъ извѣстно, не возможна безъ научнаго метода. Какой-же методъ въ настоящее время имѣетъ наибольшее примѣненіе въ каждой наукѣ? Кантъ началъ новую эпоху философіи критикою чистаго разума; аналитическій умъ Нибура поставилъ сомнѣніе началомъ исторической критики; основныя силы природы раскрываетъ нынѣ не гаданіе по звѣздамъ, а микроскопъ; а химія, разлагающая тѣла на ихъ элементы, заняла посреди естественныхъ наукъ самое видное мѣсто. Всюду нахо-

димъ мы анализъ, строгій анализъ въ основаніи какого-бы то ни было знанія. Только при внимательномъ, всестороннемъ изслѣдованіи предмета возможенъ разумный синтезъ, и только сравнительнымъ путемъ аналогіи и при помощи наведенія, метода, принятаго въ каждой реальной наукѣ со-временъ Бэкона, достигаемъ мы основательныхъ выводовъ. Должна-ли Словесность быть реальною наукой? Полагаемъ, что такъ, если ужъ и Метафизика въ настоящее время стремится къ тому-же.

По узкости взгляда, многіе у насъ понятие о реальномъ смѣшиваютъ съ матеріализмомъ. Реальнымъ называется все то, что входитъ въ кругъ дѣйствительной жизни, что выражаетъ свой сокровенный законъ въ дѣйствительныхъ фактахъ. Таковы всѣ истинныя идеи, созданіе души человѣческой и въ то-же время осязательное явленіе внѣшней жизни. Греки совершенно справедливо давали имъ эту фактичность, называя ихъ видимымъ образомъ невидимаго (*idea*, идея, отъ глагола: *idea*, видѣть). Такимъ-образомъ реальное составляетъ только внѣшнее ограниченіе идеальнаго, и въ сущности отъ него не различно. Иначе, пришлось-бы назвать идеаломъ то, что нигдѣ и никогда не существуетъ. При реальномъ характерѣ Словесности не возможно дойти до вѣрныхъ выводовъ безъ многосторонняго изученія фактовъ той жизни, которую она обнимаетъ.

Мы должны идти медленнымъ, но твердымъ путемъ изслѣдованія и сравненія, чтобы вновь не впасть въ старую схоластику, произвольно создающую правдо, годное только для исключеній. Нельзя сказать, чтобы у насъ не признавали необходимости аналитическаго метода; но мало, кто думалъ о разумномъ его примѣненіи. Многіе ограничиваются разборомъ нѣсколькихъ случайныхъ фактовъ, и по нимъ судятъ о цѣломъ родѣ. Такъ, образцемъ свѣтскаго краснорѣчія служатъ почти однѣ только рѣчи Карамзина, да Шпринскаго-Шихматого; единственнымъ примѣромъ разсужденія являются: «Любовь къ отечеству» Карамзина, да «Согласованіе» Давыдова. Краткія путевыя замѣтки Жуковскаго принимаютъ за образецъ описанія и т. д.

Многіе напротивъ простираютъ анализъ до-того, что готовы отвергать всякій общій, неизмѣнный законъ въ созданіяхъ Литературы. Такъ, останавливаясь на отдѣльномъ фактѣ, утверждаютъ, что всякая форма сочиненій хороша, если только удовлетворяла потребностямъ вѣка, что поэма Виргилія, Адъ Данте, Клопштокъ, Гомеръ и Херасковъ, всѣ становятся подъ одинъ

уровень, если строго разсматривать ихъ съ исторической точки зрѣнія. Вѣдь снѣшно-же въ нашъ вѣкъ, столь искусный въ кражѣ, восхищаться тѣмъ, какъ Одиссей стаялъ коней у Реза, И на-оборотъ: развѣ романъ Дюма не производилъ прежде такого-же восторга, какъ «Дядя Томъ» въ настоящее время?

Подобныя сужденія, не рѣдко у насъ встрѣчаемыя, доказываютъ недостатокъ основательнаго философскаго образованія. Философскія начала Логики и Эстетики, конечно, займутъ важное мѣсто въ теоріи Словесности; но они-сами должны имѣть твердую, историческую основу, а не являться въ умѣ мыслителя, какъ саморазвитіе единицы изъ поля, не наводитъ туману на факты, а напротивъ уяснять ихъ: послѣ предшествовавшаго анализа здѣсь вполне законно принять будетъ обратный путь подведенья.

Мнѣ кажется, что еще никто изъ писавшихъ у насъ теоріи до-сихъ-поръ не позаботился основать свои выводы на всестороннемъ изученіи хотя главнѣйшихъ памятниковъ Литературы греческой, римской, средневѣковой и новѣйшей; никто не взялъ во вниманіе новѣйшихъ изслѣдованій ни по части исторіи Литературы, ни по части Логики и Эстетики: останавливаться на одномъ Аристотелѣ принято правиломъ у нашихъ теоретиковъ.

Аналитическій методъ, который находимъ мы необходимымъ при построении всякой теоріи, въ отношеніи къ Словесности можетъ назваться историческимъ методомъ. Изслѣдуя каждое произведение слова, мы должны различить, что принадлежитъ въ немъ духу времени и народному духу. Духъ вѣка и характеръ народа, налагая печать свою на литературное созданіе, составляютъ существенное его видовое отличіе. Въ то время, какъ родовыя свойства неизмѣнны, видъ бываетъ разнообразенъ до безконечности. Видъ постоянно измѣняется, иногда сохраняя отъ старины только немногіе, чисто внѣшніе признаки; виды часто смѣшиваются между-собою образуя новыя формы, или исчезаютъ безо-всякаго слѣда, какъ явленіе мѣстное, случайное. Не разсмотрѣвши внимательно всѣхъ этихъ измѣненій, мы не можемъ опредѣлить, въ-чемъ состоитъ сущность извѣстнаго рода сочиненій. Не случилось-ли вамъ безпрестанно читать и слышать подобныя толкованія: «Исторія бываетъ трехъ родовъ: философская, прагматическая и художественная», «Драма занимаетъ средину между трагедіей и комедіей», «Цѣль поэзіи есть нравственно-идеальное», «Романъ долженъ изображать пороки современнаго общества» и т. д.

Нѣтъ ничего также забавнѣе, какъ видѣть дѣленіе лирики, эпоса, драмы на неизмѣнные рубрики, подобно тому, какъ въ естественной исторіи къ царству животныхъ относятся: рыба, птица, четвероногихъ, пресмыкающихся. Куда принадлежитъ баллада: къ лирикѣ или къ эпосу? Какъ сладить съ сатирою, съ баснею, съ идилліей? «Рыбакъ» Теокрита, конечно, идиллія, а гдѣ представлены не рыбаки, не поселяне, тамъ можетъ-ли быть также идиллія? Элегія означаетъ грустную пѣснь: отчего-же нѣтъ особеннаго названія для пѣсни, выражающей радость, страхъ, удивленіе, надежду, и проч. А романсъ? Какъ это забрались въ Поэзію стихотворенія, подобныя слѣдующимъ:

«Люди добрые! внемлите

Печали сердца моего»

Смысла мало, а между-тѣмъ всѣ говорятъ: «прекрасный романсъ! прекрасная музыка!» Гердеръ и у насъ Жуковский переводили какіе-то романсы о Сидѣ: не происходятъ-ли и наши гостинныя пѣснопѣнія отъ этихъ? Вотъ вопросы, которые совершенно сбиваютъ съ толку мыслящихъ теоретиковъ. Новѣйшія руководства однако отличаются тѣмъ, что въ нихъ изгнаны: мадригалъ, рондо, тріолеть. За-что такая немилость, совершенно непонятно: если считать ничтожною игру созвучій, то придется выбросить изъ поэзіи лучшія пѣсни Беранже, которыхъ вся сила въ рефренѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что виды литературныхъ произведеній могутъ быть объяснены только исторически: иначе лучше же употреблять голыхъ названій, дающихъ одно сбивчивое понятіе. Сколько придумали подраздѣленій для однихъ поэмъ! Поэма лирическая, сатирическая, историческая, героическая! Представлять всѣ эти виды, какъ отдѣльно и самостоятельно существующіе, крайне затруднительно: нашлись-бы сотни фактовъ, которыхъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ нихъ. Элементъ историческій, проникнувъ въ жизнь, отражается во всякой отрасли знанія; онъ отражается, какъ въ эпосѣ, такъ въ лирикѣ и въ драмѣ. Слѣдовательно, важно объяснить его вліяніе на Поэзію вообще. Говоря-же въ особенности объ исторической поэмі, мы должны указать мѣстныя условія, при которыхъ возможно ея существованіе. Здѣсь предѣлъ общей теоріи, здѣсь начинается раздробленіе видовъ до безконечности. Можно предположить, что лирика, сатира, исторія, героизмъ соединятся въ равной мѣрѣ при созданіи какой-либо поэмы; тогда необходимо выдумать новый видъ: лиро-сатиро-героико-историческую поэму. Вѣдь нашли-же лиро-эпическую поэзію, траги-комическую драму. Условіе всякаго логическаго

дѣленія есть какой-нибудь одинъ основной признакъ. Какое-жъ основаніе можетъ быть тамъ, гдѣ и форма, и содержаніе, и случайное, и существенное, и частное, и общее, безразлично смѣшиваются вмѣстѣ. Но мы такъ привыкли къ схоластикѣ, что вмѣсто прежнихъ названій безпрестанно придумываемъ новыя, все чиня старыя заплаты.

Какіе періоды въ исторіи литературы особенно важны для разъясненія теоріи, указываетъ намъ сама исторія.

Сюда относятся:

1) Первое развитіе родовъ и видовъ словесныхъ произведеній у Грековъ, этого въ высшей степени логическаго народа.

2) Новое развитіе родовъ и видовъ въ средневѣковой Литературѣ.

3) Современное намъ движеніе Литературы — съ половины прошедшаго вѣка до нынѣшняго времени.

На какомъ основаніи беремъ мы исторію въ руководство при этомъ дѣленіи? Мы уже упомянули о простомъ законѣ логики, соединяющемъ сходное и отдѣляющемъ различное. Три означенныя нами періода представляютъ самыя характеристичныя измѣненія формъ, конечно, зависящія отъ измѣненія духа.

Мы здѣсь слѣдуемъ тому-же правилу, по которому астрономъ, чтобъ узнать ядро кометы, наблюдаетъ прохожденіе ея мимо звѣзды; по которому натуралистъ находитъ основныя формы растенія въ первомъ его развитіи изъ зерна. Болѣе крупныя факты служатъ намъ образцемъ: Гомера мы назовемъ представителемъ древней эпопеи. Очень естественно, что болѣе крупныя факты даютъ полнѣйшее развитіе идеи, яснѣе указываютъ на общій законъ. И естествоиспытатель различаетъ низшій организмъ отъ высшаго тѣмъ, что въ первомъ еще не видитъ главнѣйшаго назначенія бытія: *свободнаго* движенія. Будетъ-ли здѣсь покорное признаніе авторитета? Нѣтъ! Мы говоримъ: Шекспиръ выше Расиновъ и Корнелей, не потому, что онъ Шекспиръ, а потому, что онъ болѣе удовлетворяетъ разумному закону жизни: чувствовать и дѣйствовать свободно. Этотъ разумный законъ признанъ всѣми и нечего о немъ распространяться. Виргиліи не можетъ стать на одну степень съ Гомеромъ, по той простой причинѣ, что онъ подражалъ ему. Такимъ-образомъ сравненіе фактовъ укажетъ намъ, который изъ нихъ выбрать, и авторитетомъ послужитъ то созданіе, въ которомъ менѣе всего замѣтно вліяніе авторитета.

Посмотримъ-же, на что необходимо обратить вниманіе въ указанныхъ нами періодахъ.

1. Греческая Литература съ одной стороны примыкаетъ къ восточной, съ другой къ римской. Сравненіе ея и съ тою и съ другою необходимо. Здѣсь объяснится намъ характеръ свободнаго творчества у Грековъ. Съ одной стороны, мы должны сопоставить ему религіозный формализмъ Индѣйцевъ, съ другой — ученый формализмъ римской эпохи. Философія, начавшись анализомъ въ школѣ Сократа, кончается схоластикой и мистицизмомъ. Однако и у Римлянъ развились самостоятельно: исторія, замѣнившая, при практическомъ ихъ направленіи, народный эпосъ, и сатира, свойственная дидактическому направленію вѣка, въ который являлась. Лиризмъ немногихъ поэтовъ золотой эпохи, хотя и возникъ подъ вліяніемъ греческой Литературы, уже носитъ особый характеръ чувствительности, не свойственный Грекамъ. Но гораздо-важнѣе въ римской Литературѣ объяснить слѣдующія стороны: формальное ея направленіе, дидактизмъ и тотъ реально-практическій духъ, который выразился въ ихъ гражданской наукѣ.

2. Средніе вѣка представляютъ развитіе новыхъ формъ въ постоянной борьбѣ между двумя началами: элементомъ народнымъ особенно-сильно высказавшемся въ германской Поэзій, и религіозно-ученымъ формализмомъ. Въ народной Поэзій необходимо различить вліяніе востока и древне-классическихъ преданій; ветхій формализмъ, со времени изученія классиковъ римскихъ и греческихъ, постепенно уступаетъ мѣсто свободному творчеству, сначала въ Италіи, а потомъ и въ другихъ странахъ. Длинный періодъ возрожденія наукъ и искусствъ въ концѣ своемъ уже представляетъ обильный матеріалъ для яснаго опредѣленія всѣхъ формъ, господствовавшихъ въ Литературѣ. Данте, Петрарка, Боккаччо, Тассо, Аріосто, Лопе де-Вега, Сервантесъ, Камонсъ, Кальдеронъ, Мильтонъ и Шекспиръ — сколько именъ, сколько образцовъ, безъ изученія которыхъ не можетъ обойтись ни одна теорія Поэзій! Съ другой стороны и наука, все болѣе разставаясь съ прежней схоластикой, находитъ новыхъ представителей въ Бэконѣ и Декартѣ.

3. Новый вѣкъ начинается новою борьбою свободной идеи съ формализмомъ. Съ одной стороны, побѣда надъ утонченной французскою схоластикой во имя Шекспира и Грековъ; съ другой — могучее развитіе романа и лирическаго элемента въ Поэзій. Между-тѣмъ какъ наука быстро движется впередъ, поэтическое

творчество замѣтно истощается въ настоящее время, ограничиваясь повтореніемъ однажды усвоенныхъ формъ. Ожидать-ли рѣшительнаго переворота, или, заключая по аналогіи, новаго господства формализма?

Мы еще не пишемъ здѣсь плана для исторіи Литературы: мы хотимъ только объяснить историческій методъ, которому слѣдуемъ. Возможно-ли какое-нибудь единство при обзорѣнн всѣхъ безконечно-разнообразныхъ видовъ литературныхъ произведеній? Безъ сомнѣнія, и виды соединяются между собою отдѣльными группами, т. е. имѣютъ свою теорію; но эта теорія опредѣляется тѣмъ или другимъ направленіемъ вѣка. При сужденіи объ каждомъ направленіи намъ, конечно, необходимо усвоить современный взглядъ на науку. Это опять не значить, что мы должны слѣдовать мнѣнію того или другого авторитета; намъ необходимо только принять во вниманіе результаты новѣйшихъ изслѣдованій, какъ по части теоріи, такъ и исторіи словесности. Современный взглядъ! Какъ пугаетъ многихъ это слово! Какъ пустоозвонно кажется оно многимъ въ слѣдствіе празднаго его употребленія! Тутъ сейчасъ приходятъ на память мелкіе дразги полемики, растлѣніе современнаго общества, — мечъ анализа, безъ разбору убивающій все и хорошее и дурное. Найдутся и такіе люди, которые не допустятъ современнаго взгляда въ Словесности, потому-что въ Англіи сильно распространены пауперизмъ въ настоящее время. Но хотѣлось-бы спросить этихъ людей: Какой-же взглядъ вы изберете? Существовавшій назадъ тому сто лѣтъ? Такъ отправляйтесь проповѣдывать между мертвецами; они одни поймутъ васъ. Вашъ исключительный, личный — издѣліе тѣсной коробки, въ которой упрятанъ вашъ собственный мозгъ? Такъ убѣждайте только своихъ близкихъ родственниковъ и пріятелей, если они захотятъ васъ слушать. «Разумный!» скажете вы — въ-такомъ-случаѣ не погнѣнитесь узнать, чего требуетъ общечеловѣческой разумъ въ послѣднихъ существенныхъ его выводахъ.

«Факты! факты! давайте намъ фактовъ!» говоритъ современность — и это требованіе нигдѣ такъ не основательно, какъ въ теоріи Литературы, которая столь-долго питалась однимъ воздухомъ умозрѣнія. Итакъ, при разборѣ видовъ, какъ уже сказали, можемъ указать ихъ единство; оно зависить:

1. Отъ народнаго характера, дающаго то или другое направленіе Литературѣ.

2. Отъ вліянія эпохи, оставляющей печать свою на каждомъ замѣчательномъ произведеніи.

Эта частная теорія необходимо войдетъ въ общую и впервые дастъ ей силу и значеніе. Общіе законы литературныхъ произведеній, конечно, могутъ быть выведены изъ каждаго образца. Возьмемъ-ли мы стихотворенія Анакреона, или Державина, все-таки узнаемъ, что лирика основана на чувствѣ. Но довольно-ли ограничиться этимъ, наполнивъ пустоту содержанія возгласами о силѣ и нѣжности чувства? Если мы хотимъ понять, какъ дѣйствуетъ это чувство, то необходимо по-крайней-мѣрѣ сравнить лирику Державина, Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Кольцова. Пойдемъ однако далѣе. Объясненіе лирики Жуковского приводитъ къ объясненію германской, а германскую невозможно понять безъ греческой и т. д. Такимъ-образомъ теорія, указывая элементы созданія, получаетъ настоящее свое содержаніе, а элементовъ нельзя понять безъ исторіи. И въ лирической Поэзіи необходимо объяснить:

1. Элементъ, принадлежащій тому или другому народу, часто занесенный на чуждую почву чрезъ подражаніе.

2. Элементъ общественный, созданный обстоятельствами мѣста и времени.

3. Личность поэта, которая развивается всегда подъ вліяніемъ обоихъ предъидущихъ элементовъ. Державинъ, конечно, имѣетъ свой самостоятельный характеръ при выраженіи чувства; но самая выпренность его идей и образцовъ не навѣяна ли духомъ эпохи? Какъ при объясненіи лиризма Пушкина не встрѣтиться съ Байрономъ? Какъ понять Кольцова, не изучивъ простонародной Поэзіи? и т. д.

Такимъ-образомъ вездѣ исторія должна служить основаніемъ теоретическихъ объясненій. При настоящемъ положеніи нашей Словесности, я полагаю, всего полезнѣе было-бы составить хотя краткій курсъ исторіи всеобщей Литературы для употребленія въ классахъ. Образцемъ подобнаго курса, вполне удовлетворяющаго потребностямъ учащихся, можетъ служить исторія греческой Литературы, составленная въ Германіи Эдуардомъ Мункомъ для гимназій *). Мункъ, дѣлая краткій обзоръ главнѣйшихъ фактовъ, самымъ подробнымъ образомъ излагаетъ содержаніе вся-

*) Geschichte der griechischen Literatur für Gymnasien und höhere Bildungsanstalten, von Dr. Eduard Munk. Berlin, 1850.

каго замѣчательнаго произведенія Литературы. Если-бы кто принялъ у насъ трудъ сдѣлать только подобныя изложенія всѣхъ извѣстнѣйшихъ твореній, да привести мнѣнія объ нихъ лучшихъ писателей, — то и это была-бы величайшая заслуга. Въ дополненіе къ такой исторіи необходима, конечно, и хрестоматія; но на первый разъ довольно и указаннаго нами труда, чтобы принести учащимся существенную пользу. Умѣнье избрать самое характеристическое въ изложеніи — вотъ первое требованіе всякаго практическаго курса. Прибавимъ еще одно: намъ не слѣдуетъ сразу братья слишкомъ за многое. Иначе, есть опасность, что со-всѣмъ ничего не сдѣлаемъ. Довольно, если на первый разъ мы ограничимся выборомъ самыхъ оригинальныхъ писателей; но повторяемъ, что для пользы учащихся не столько необходимо систематическое изученіе всѣхъ фактовъ Литературы, сколько непосредственное съ ними знакомство при чтеніи и разборѣ содержанья. Жиденькій курсъ исторіи, наполненный именами и годами, похожъ на фальшивую библіотечку, которая состоить изъ пустыхъ коробокъ, сдѣланныхъ въ формѣ книгъ съ различными на корешкѣ надписями. Здѣсь мы естественно переходимъ къ педагогическому методу, примѣненіе котораго, столь важное въ преподаваніи, имѣетъ свое мѣсто и въ учебныхъ руководствахъ.

Посмотрите, чѣмъ наполнены наши рукописныя и печатныя словесности! Почти во всѣхъ встрѣтите вы неизмѣнныя рубрики: О природѣ челоуѣка, о способностяхъ души и тѣла, объ умѣ, чувствѣ и волѣ, и т. д. Потомъ слѣдуютъ кое-какія свѣдѣнія изъ теоріи слога, изъ теоріи изящнаго, изъ теоріи прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. Дѣти заучиваютъ наизусть туманныя или витіеватыя фразы и совершенно справедливо говорятъ: «Несносная, скучная теорія!» Странное дѣло! Всѣ убѣждены, что Словесность должна быть самымъ занимательнымъ изъ всѣхъ предметовъ, а на дѣлѣ выходитъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти занимательность въ преподаваемой у насъ Словесности. Самая Поэзія служитъ только къ истомленію памяти, и стишки, которые даютъ заучивать, часто оставляютъ однѣ горестныя воспоминанія о вовсе не-поэтическихъ поляхъ и единицахъ.

Обыкновенно говорятъ, что методъ догматическій по преимуществу удобенъ въ преподаваньи: ясно изложенное правило, подтверждаясь въ разнообразныхъ примѣрахъ, вполне удовлетворяетъ сознанію. Говорятъ также, что только при методѣ дог-

матяческомъ, обладающемъ самымъ обширнымъ синтезомъ, возможна строгая система.

Конечно, если правило и примѣры просты, то ихъ легко поймутъ воспитанники. «Сочиненіе есть стройное изложеніе вашихъ мыслей о предметѣ». Это опредѣленіе, можетъ, и не покажется со-всѣмъ пусто: воспитанникъ имѣетъ понятіе (хотя довольно темное) о томъ, что значить слова: мысль, изложеніе, стройность. Но и тутъ нельзя навѣрно поручиться, яснѣ-ли для него слова, служащія опредѣленіемъ, чѣмъ слово: «сочиненіе.» Самъ онъ, можетъ-быть, опредѣлил-бы такъ: «сочинить значить написать что-нибудь о предметѣ, и написать складно» Но положимъ, что это опредѣленіе не точно: простота, какъ извѣстно, рѣдко ладитъ съ точностью. Скажемъ-ли: «Сочиненіе есть полное развитіе вашего понятія о предметѣ?» Вотъ, ужъ тутъ придется имѣть дѣло и съ понятіемъ, и съ развитіемъ: разгоняйте туманъ, произведенный въ головѣ этими словами. Пойдемъ однако далѣе: «Сочиненіе есть синтезъ вашихъ аналитическихкихъ изслѣдованій предмета». Развѣ не вѣрно мы объясняемъ? Но синтезъ и анализъ увлекутъ насъ въ безконечную область новыхъ опредѣленій и толкованій. И вотъ, объясняя такимъ-образомъ, мы никогда не выйдемъ изъ завѣтнаго круга отвлеченныхъ понятій, а пока придуть примѣры на помощь удрученному уму, всѣ наши опредѣленія и толкованія будутъ забыты. Приведемъ еще примѣръ. «Поэзія есть воссозданіе жизни въ идеальныхъ образахъ.» Полагаемъ, что такое опредѣленіе ничѣмъ не хуже всякаго другаго. Но какую длинную лѣстницу понятій нужно пройти, чтобъ объяснить слова: идеаль и образъ. Многіе судятъ такимъ-образомъ: «Необходимо вмѣстить въ голову юношамъ, какъ-можно болѣе общихъ понятій, а уже потомъ они сами, по собственному призванію и выбору, примутся за изслѣдованіе того или другаго предмета: общія понятія и послужатъ имъ руководствомъ при этомъ изслѣдованіи.» Замѣтимъ только, что общія понятія могутъ служить руководствомъ тому, кто уже имѣетъ богатый матеріалъ знаній. Представьте, если-бы васъ привели учиться ботаникѣ въ садъ, гдѣ наставлены палочки съ надписями, вмѣсто цвѣтовъ и деревьевъ, если бы вамъ стали показывать картинную галерею и сказали-бы: «Вотъ, въ этой залѣ находятся картины фламандской школы, чудныя картины! Какъ натурально изображена на нихъ природа! Какая тонкость въ отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей! Каждая картинка составляетъ цѣлый міръ, и нельзя не восхищать-

ся терпѣнію и искусству художниковъ! Вотъ, видите, и надъ дверями находится надпись: «фламандская школа.» Но теперь входъ запрещенъ. Пойдемте дагѣе. Вотъ дверь, которая ведетъ въ залу итальянской живописи: тутъ Рафаэль, Микель-Анджело, Тицианъ — все имена первой знаменитости. Пойдемте дагѣе.»

Мы увѣрены, что такой методъ, кромѣ своей несостоятельности, приноситъ и существенный вредъ. Въ головѣ остается хаосъ общихъ понятій, а свойство юной, воспримчивой души таково, что она не можетъ довольствоваться пустымъ отвлеченіемъ. Не представляя положительныхъ знаній уму, мы тѣмъ-самымъ даемъ полную свободу фантазіи, которая, слѣдую неизбѣжному требованію природы, населяетъ всякое пустопорожнее мѣсто въ преподаваемой наукѣ произвольными вымыслами. Нѣтъ нелѣпости, которая не рождалась-бы при этомъ направленіи въ головѣ; но ужъ такова фантазія, не основанная на реальномъ знаніи. Тутъ часто остается желать только одного: чтобы призрачная наука вовсе не была воспринята.

Кромѣ указанной нами потребности юношескаго возраста, надо обратить вниманіе и на тотъ естественный путь, которымъ развивается всякая истинная наука. Путь анализа, какъ всякому извѣстно, одинъ ведетъ къ прочному знанію. Необходимо дать усвоить этотъ методъ, съ помощью котораго изоощряется и диалектическая способность ума, разлагающаго общее на части, и становится возможною самостоятельная дѣятельность учащихся въ образованіи синтетическихъ сужденій. Мы готовы защищать самый обширный синтезъ; но пусть онъ будетъ въ умѣ преподавателя, какъ нить, невидимо связующая весь курсъ аналитическихъ упражненій. Мы особенно возстаемъ противъ всякихъ догматическихъ объясненій тамъ, гдѣ содержаніе объясняемаго предмета совершенно-чуждо воспитанникамъ. Къ приведенному нами выше опредѣленію Поэзіи очень легко достигнуть, просто разобравъ даже одну изъ басенъ Крылова. Возьмемъ въ примѣръ басню: Осель и Соловей.

Осель увидѣлъ соловья

И говоритъ ему: «Послушай-ко, дружице,

Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище...» и проч.

Начнемъ съ того, что воспитанникъ прочтетъ эту басню и перескажетъ ея содержаніе. Слѣдуютъ вопросы:

Кто здѣсь представленъ? Кого надо разумѣть осломъ и соловьемъ?

Сошлись два очень противоположныхъ человека: одинъ невѣжда, и высокоумно судить о томъ, чего не понимаетъ; другой простодушный пѣвецъ — талантъ, которому выпало на долю плѣнять своимъ искусствомъ ослепныя уши.

Пусть преподаватель приведетъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ столкновений между людьми, и характеры объяснятся. Цельъ его при этомъ указать воспитаннику, что характеры взяты Крыловымъ изъ жизни, а не вымышлены произвольно. Следовательно, *Крыловъ изображаетъ жизнь.*

Послѣ-этого воспитаннику предстоитъ трудъ собрать вмѣстѣ въ прочитанной баснѣ всѣ черты, изображающія высокоумнаго невѣжду и всѣ черты талантливаго пѣвца. Оселъ первый разъ увидѣлъ соловья, и уже обращается къ нему очень самоуверенно (что называется, фамильярно): «Послушай-ко, *дружнице!*» Дерзость, тонъ покровительства, грубая самонадѣянность (*самъ* посудить, и проч.), важный видъ глубокомыслия (уставясь въ землю лбомъ), рассчитанная умеренность похвалы (нужно-же немного поощрить талантъ, который всѣми признанъ: въ-противномъ-случаѣ оселъ, вѣроятно, не удостоилъ-бы соловья и этой похвалы) — и въ заключеніе всего, блистательная глупость: вотъ, черты, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ярко характеризуютъ невѣжду. Точно-также, въ соловьѣ Крыловъ изображаетъ необыкновенное разнообразіе таланта и его чудное дѣйствіе на всю окружающую природу. Конечно, не безъ намѣренія, авторъ обрисовываетъ съ такою подробностью прелесть соловьиной пѣсни. Цельъ его была представить *полный* образъ невѣжды и могучаго таланта. Полный образъ соединяетъ разбросанныя черты жизни въ одно цѣлое, — и это живое единство называется *идеей*. Преподаватель можетъ привести еще нѣсколько примѣровъ, какъ образъ и идея сливаются вмѣстѣ. Следовательно, Крыловъ, *изображая жизнь, представляетъ ее въ идеѣ*: то-есть, *сосредоточиваетъ* разнообразныя ея явленія въ *одномъ полномъ образѣ*. Этимъ-самымъ онъ *возсоздаетъ* жизнь, то-есть, изображаетъ ее, принимая во вниманіе не отдѣльный только фактъ, а тѣ основанія, по которымъ образуются всѣ однородные факты. Такое возсозданіе жизни называется *Поэзіей*. Въ дополненіе къ этому объясненію преподаватель расскажетъ, какъ та-же самая мысль Крылова объ отношеніяхъ невѣжды-критика къ таланту могла-бы быть развита прозаически, т. е. въ какомъ-нибудь разсужденіи на тему: «Избави насъ Богъ отъ глупыхъ судей». Во многихъ басняхъ Крылова

тотъ и другой способъ въ развитіи мысли встрѣчается рядомъ, и нѣтъ ничего легче, какъ указать ихъ существенное различіе.

Когда такимъ-образомъ утвердится истинное понятіе о Поэзіи, уже можно, начиная синтетически съ общаго опредѣленія, дѣлать частные выводы. Можно сказать: «Такъ-какъ образъ и идея въ поэзіи нераздѣльны, то не будетъ поэтическимъ сочиненіе, въ которомъ находимъ одно даггеротипное изображеніе жизни безъ общей руководящей идеи, или одну отвлеченную идею, не представленную въ наглядномъ образѣ, и т. д.

Скажутъ, что, объясняя предметъ подобнымъ образомъ, мы не въ состояніи будемъ пройти курса, назначеннаго программю. Противъ этого мы не споримъ: тамъ, гдѣ вся забота не объ основательномъ изученіи предмета, а объ выполненіи той или другой программы, пускай ученіе и остается одною программю. Съ своей стороны мы думаемъ, что лучше пройди немного, да съ тѣми подробностями, которыя оставляютъ въ душѣ живое, вѣчное знаніе. Иначе наука будетъ состоять въ однихъ оглавленіяхъ, да въ тѣхъ коротенькихъ рецептахъ, заучиванье которыхъ на-самоу-дѣлѣ подобно впечатлѣнію отъ принятой микстуры. Всѣ говорятъ, что нужно практически, практически знакомить съ предметомъ: многіе даже преимущественно занимаются въ классахъ чтеніемъ писателей. Но щедрое руководство лежитъ по прежнему въ видѣ книги или тетради на столѣ, и его непременно слѣдуетъ вы зубрить къ экзамену. Такимъ-образомъ экзаменъ почти никогда не соответствуетъ тому, чѣмъ занимается мыслящій преподаватель въ классѣ. При нашей всеобщей, болѣзненной страсти заучивать на память и лѣности мыслить, я полагаю въ настоящее время рѣшительно необходимымъ не давать по теоріи никакихъ руководствъ или записокъ, а заставлять самихъ воспитанниковъ при разборѣ выискивать правила. Задавая разнообразныя разборы, вы по-немногу приведете ихъ къ пониманью системы, которую вовсе не трудно удержать въ головѣ, когда вполне понято содержаніе Науки. Мы должны наконецъ понять, что для учащагося главная польза не въ опредѣленіяхъ, а въ усвоеніи того, что подъ опредѣленіями заключается. Усвоивъ надлежащимъ образомъ содержаніе, онъ, можетъ, дать и свое опредѣленіе, которое будетъ ничѣмъ не хуже помѣщеннаго въ руководствѣ. Вся цѣль науки достигнута наконецъ системы знаній; но пусть эта система будетъ не одинъ мертвый остовъ, пусть воспитанникъ *пойметъ* ее, участвуя самъ при ея построеніи. Я думаю, что нѣтъ ничего вреднѣе, какъ,

набивая голову опредѣленіями, безпрестанно закручивать умъ въ эту систему подобно тюку съ товарами. Надо всегда знать, сколько способенъ усвоить ея воспитанникъ, по степени своего развитія. Система можетъ быть и въ объясненіи немногихъ отдѣльныхъ фактовъ, и въ цѣлости рода, и въ соединеніи родовъ, составляющемъ отдѣльную отрасль знанія, и въ связи всѣхъ наукъ между-собою. Возносясь-же слишкомъ высоко, чтобъ лучше видѣть, мы наконецъ ничего не видимъ. Чтобы дать живую систему знаній, надо постепенно приготовить къ ней воспитанниковъ знакомствомъ съ фактами.

Такимъ только образомъ практика можетъ соединиться съ теоріей.

В. Ведовозовъ.

Нѣсколько замѣчаній объ охотѣ въ Россіи. — Ни одна страна въ Европѣ не представляетъ такихъ богатыхъ мѣстъ для охоты, какъ Россія и нигдѣ не можетъ быть такого разнообразія охотъ, какъ у насъ. Мѣста, не занятаго людьми, въ Россіи больше, нежели во всей остальной Европѣ, и на этомъ громадномъ пространствѣ встрѣчаемъ мы климатъ сѣвернаго полюса, климатъ южной Европы и средней Азіи, и тундры Лапландцевъ и Самоѣдовъ, и знойныя степи границъ Персіи.

На сѣверѣ, въ лѣсахъ и тундрахъ, бродятъ стада оленей, лоси, медвѣди и чернобурыя лисицы, и только здѣсь, на нашемъ сѣверѣ, до 56° сѣв. ш., живетъ рябчикъ; дрофа и стрепетъ, рѣдкіе гости въ южной Европѣ, встрѣчаются стадами въ средней и южной Россіи; на югѣ, въ Кавказскихъ горахъ и степяхъ, — другое, даже неизвѣданное, царство дичи; тамъ разныхъ породъ дикія козы, изъ которыхъ туръ и джейранъ *), принадлежатъ собственно Кавказу; тамъ кабаны, нѣсколько породъ медвѣдей, кунпцы, бобры, фазанъ и турачъ; далѣе, къ границамъ Персіи, въ лѣсахъ и камышахъ по Араксу, находятся во множествѣ барсы и царскій тигръ **). Зайцевъ, волковъ, простыхъ лисицъ и всей четвероногой и пернатой дичи, у насъ нечего считать, — она въ Россіи повсюду и въ такомъ изобиліи, какого Европа не видала у себя, можетъ-быть, со временъ начала своихъ государствъ.

*) Джейранъ, родъ антилопы, самаго маленькаго роста. Татары закавказскіе травятъ ихъ борзыми собаками.

**) Tigre royal, самая большая порода тигровъ краснаго цвѣта, съ черными полосами.

При этомъ разнообразіи климата, произведеній земли, природы и жителей, населяющихъ Россію, у насъ и способы охотиться за одними и тѣми-же звѣрями и птицами различны и представляютъ любопытныя мѣстныя особенности, которыя объясняютъ и дополняютъ характеристику страны, нравовъ жителей и ихъ быта. Такъ, напримѣръ, въ сѣверной и средней Россіи волка выгоняютъ изъ лѣса гончими или облавою и травятъ борзыми собаками; въ лѣсистыхъ мѣстахъ его стрѣляютъ изъ-подъ гончихъ *); въ степяхъ его «заскакиваютъ», т. е. утомляютъ преслѣдованіемъ на спящихъ и быстрыхъ лошадяхъ и догнавъ «глушатъ» плетью, съ заштою на концѣ пулею. Медвѣдя «принимаютъ» на рогатину, или стрѣляютъ съ облавою, спугнувъ съ логовища. Нѣкоторыя племена въ Россіи живутъ единственно охотою и уплачиваютъ ея подати. Поэтому у насъ, больше нежели гдѣ-нибудь, охота — предметъ важный и требуетъ общаго вниманія и усовершенствованія.

Къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно-противное, — охота въ Россіи находится въ самомъ дурномъ видѣ, производится большею частію по старымъ преданіямъ, иногда даже искаженнымъ, часто безъ знанія, безъ толку и всегда безъ должнаго вниманія. Къ намъ въ охоту, какъ за китайскую стѣну, еще не проникли лучи просвѣщенія и сами охотники, если они люди образованные, не находятъ въ охотѣ того утонченнаго удовольствія и того увлеченія, какія она могла-бы представить имъ, если-бы они были образованные охотники, а не только образованные люди. Чтобы объяснить это, замѣтимъ, что человѣкъ не-гастрономъ, но съ простымъ, неприхотливымъ вкусомъ, далеко не такъ наслаждается утонченными блюдами, какъ гастрономъ съ тонкимъ вкусомъ, когда блюда приготовлены въ совершенствѣ. Наслажденіе одного выше, сильнѣе и полнѣе удовольствія другого; это, кажется, понятно.

Въ охотѣ мы отстали отъ Европы на большое разстояніе; отстали даже отъ отцевъ нашихъ; мы идемъ назадъ, — это замѣчательный историческій фактъ! Въ Европѣ, особенно въ Англіи, охота въ порядкѣ и конечно, благодаря нашей англомавіи, мы оттуда должны ждать улучшенія нашихъ охотъ, — если «Журналъ охоты» не приметъ этого на себя. Въ прошломъ столѣтіи лучшая охота была во Франціи, гдѣ она производилась

*) О капканахъ и разныхъ приманкахъ я не говорю, потому-что это не охота, но промыслъ, добыча.

тогда систематически и даже, можно-сказать, классически, у королей, вельможъ и богачей, хотя и раззоряла ихъ; теперь въ охотѣ у нихъ безпорядокъ, анархія, и *bourgeoisie*. Въ Англии можно взять много полезнаго для охоты; но надобно брать съ толкомъ, брать смыслъ, а не форму, идею, а не одежду, — какъ дѣлается у насъ, не подумавши, что чужая одежда намъ не въ пору и потому очень смѣшна на насъ. Старики наши были люди знающіе, по своему времени, и толковитые въ охотѣ; они знали и собакъ и умѣли сберечь и вывести породу, умѣли и вести охоту и распорядиться въ полѣ; недостатки ихъ охоты принадлежать ихъ времени, а не имъ. «А теперь что вижу — страхъ!» На нашихъ молодыхъ охотниковъ и больно и смѣшно смотрѣть. Молодой человекъ вышелъ въ отставку; поѣхалъ въ деревню, съ благимъ намѣреніемъ заниматься хозяйствомъ, устроить имѣнье, улучшить бытъ своихъ крестьянъ, и мало-ли съ какими идеями и фразами... Завелъ онъ, ради моды или по примѣру сосѣда, охоту, собакъ, ружья, и — не знаетъ, что съ ними дѣлать; а учиться ему не у кого; поэтому все у него худо, и собаки безобразны и охота не радуетъ — и что дальше, то становится хуже.

Посмотрите, — что у него за охота! Собаки накуплены у мужиковъ, у мѣщанъ или набраны изъ бракованныхъ у сосѣдей; породы ихъ перемѣшаны безъ малѣйшаго толка, даже безъ мысли, что не всякая смѣсь хороша; онѣ безобразны собою, тупы, слабы и большею-частью худы; ихъ множество, потому-что половина всегда больныхъ или пораненныхъ другими собаками; щенята рождаются не во-время и часто неизвѣстно отъ кого; выкармливаются какъ-нибудь, нерегулярно и потому бываютъ малорослы, кривоноги, съ пальцами врозь и съ «переслѣженнами»; собаки запуганы, забиты, робки и нисколько не привязаны къ человеку. На псарнѣ — безпорядокъ въ высшей степени и большой расходъ безъ толку; на охотѣ — суета, споры, крикъ, брань, даже ссоры, драки и экзекуціи, однимъ словомъ — Азія!..

А баринъ даже и не сердится: онъ думаетъ, что все это неизбежныя условія охоты и, пріѣхавъ съ поля, забываетъ объ ней и знать не хочетъ, — что у него на псарнѣ или гдѣ его лягавыя собаки. Кажется, нечего прибавлять, что у такихъ охотниковъ (т. е. почти у всѣхъ) собаки никогда не «выдержаны», даже къ концу осени *); потому-что у нихъ все дѣ-

*) Извѣстно, что борзыхъ и гончихъ собакъ надобно выдерживать, какъ английскихъ и всякихъ скаковыхъ лошадей. Это понятно и ясно доказано

лается не правильно и строго, но какъ-нибудь; сегодня собака накормлена, какъ на убой, и потомъ пять, шесть дней лежитъ; затѣмъ она три дня сряду на охотѣ, а охота была неудачна и ее накормили худо, — заячьи передковъ не было; и т. п.

Справедливость требуетъ замѣтить, что у насъ не одни охотники, но и заводчики всякого скота вообще, не только не стараются улучшать породы животныхъ, но, напротивъ, переводятъ и портятъ породы. У многихъ хозяевъ были, напримѣръ, чистыя ангорскія козы, англійскія коровы, и проч.; теперь ихъ нѣтъ: онѣ перевелись или смѣшались съ другими; въ коннозаводствѣ — таже отсталость и таже безпечность, чтобы не сказать хуже. Псовыя, прекрасныя *русскія* собаки *) исчезли почти совершенно и, если теперь кому угодно достать чистокровную, псовую собаку, тотъ можетъ найти ее, всего скорѣе, гдѣ-же, — въ Пруссіи!.. Этихъ собакъ точно также перемѣшали съ горскими, съ крымскими, брудастыми (шотландскими), произвели собакъ уродливыхъ до послѣдней степени и, что всего хуже, довольны ими и не видятъ ихъ безобразія... Это равнодушіе къ изящнымъ формамъ и къ чистотѣ породы, вовсе немаловажная статья: она означаетъ и неразвитость вкуса и особую черту характера, выражаемую извѣстными словами, — «какъ-нибудь» и «живетъ»! Наши охотники говорятъ: «зачѣмъ нужна красота въ собакѣ? Мнѣ лишь-бы она ловила зайцевъ, брала волка и лисицу, или искала и подавала дичь». Послѣ-этого можно точно также сказать: зачѣмъ нужна красивая лошадь, красивая жена, красивые домъ, платье, и все прекрасное, и все изящное. Англичане судятъ не такъ, отъ того и славятся лошади англійскія, коровы англійскія, свиньи, куры, собаки — борзые, бульдоги, терьеры разныхъ породъ, левретки, сетера, пойнтеры, и проч. и отъ того мы все выписываемъ отъ нихъ, платя имъ огромныя деньги; отъ того въ Англии, а не у насъ находятся лошади, за которыхъ, не только мы, но и вся Европа платитъ по 12-ти и по 15-ти тысячъ рубл. серебромъ. Все это потому, что въ Англии занимаются всѣмъ съ любовію и знаніемъ дѣла и притомъ, тамъ

вается тѣмъ, что въ началѣ охоты, въ концѣ августа, самыя лучшія собаки скачутъ слабо — ловятъ долго и, проловивъ одного зайца, возвращается съ высунутыми языками и долго должны отдыхать. Къ концу сентября тѣ же собаки уже не тѣ. Выдержка эта состоитъ въ хорошемъ, аккуратномъ и регулярномъ кормленіи и въ постоянномъ, но постепенномъ моціонѣ.

*) Бюффонъ совершенно справедливо называетъ псовую собаку «*Chien russe*»; кромѣ Россіи собакъ этихъ нигдѣ до-сихъ-поръ не было.

люди съ образованнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго. Правда, Англичане имѣютъ и способы почерпать знанія, а у насъ учиться не у кого; но гораздо важнѣе то, что общій девизъ нашъ: «кое-какъ, да какъ-нибудь». У насъ нѣтъ любви къ предмету, привязанности и постоянства, и нѣтъ чистыхъ понятій ни о чемъ. Эта беспорядочность, это «какъ-нибудь» у насъ во всякой охотѣ и во всемъ; и хотя, конечно, жаль, что охота у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи, но пусть-бы была одна охота; есть много хорошихъ людей и хорошихъ хозяевъ, у которыхъ она въ самомъ дурномъ видѣ; но ихъ никто за это не осудитъ, потому-что они заняты другимъ и потому, наконецъ, что не охотники; но у насъ точно въ такомъ-же незавидномъ состояніи и хлѣбопашество и коннозаводство и вообще все сельское хозяйство; охота — только одинъ изъ признаковъ степени и направленія нашего воспитанія. Если Англичанинъ возьмется за что-нибудь, то выучитъ свой предметъ *à fond*; онъ занимается имъ пристально, сильно и постоянно; не легкомысленно какъ дитя, не поверхностно, не набѣгомъ. Изъ всего этого ясно то, что намъ недостаетъ хорошаго, дѣльнаго воспитанія; у хорошо воспитаннаго и хорошо направленнаго человѣка, если только онъ не особенно пусть и бездаренъ, все будетъ идти хорошо, въ томъ числѣ и охота.

У насъ, какъ и вездѣ, есть охотники настоящіе *), любящіе охоту для охоты, и другіе охотники отъ нечего дѣлать, отъ скуки и проч. Иные содержатъ по 20-ти и 25-ти паръ (смычковъ) гончихъ и столько-же борзыхъ собакъ; любятъ ѣздить съ большою компанією; послѣ поля задаютъ обѣды, тамъ карты, сженки и мало-ли что! Побудительною причиною этого вовсе не охота, какъ думали въ старые годы, но личность человѣка, охотника до общества, веселья и разгула; вся его жизнь, и безъ охоты, проходитъ въ обѣдахъ, картахъ и гостяхъ; напротивъ, такіе люди рѣдко бываютъ настоящими охотниками, охотниками въ душѣ. Когда истинные любители музыки собираются въ концертъ, они не берутъ съ собою ни водки, ни закусокъ **), ни компаній,

*) Ихъ очень мало!

**) Въ концертѣ и въ оперѣ также сидятъ по 5-ти и 6-ти часовъ и если тамъ не нужно закуски и водки, то можно-бы было брать съ собою чай, лакомства, шампанское и мало-ли что. Это замѣчаніе собственно для тѣхъ, которые захотятъ придратъся и скажутъ, что на охотѣ часто бываетъ холодно и сыро и потому человѣкъ проголодается, при сильномъ моціонѣ и продолжительной ѣздѣ.

но любятъ быть, по-возможности, одни, сидѣть подалеже отъ другихъ слушателей, особенно профановъ, и дѣлятся своимъ ощущеніями съ немногими, сочувствующими имъ людьми. Такъ и настоящій охотникъ, охотникъ для охоты, держитъ у себя одну или двѣ лягавыхъ собаки, или 7 и 8 борзыхъ (число гончихъ зависитъ отъ мѣстности, больше или меньше глѣпстой): любятъ ѣздить на охоту одинъ, съ человѣкомъ, много двумя и съ четырьмя и пятью собаками; онъ ѣздитъ во всякое время, но рѣдко поѣдетъ съ компанією, потому-что гдѣ много народу, тамъ и безпорядокъ; у всякого свой умъ — царь въ головѣ, никто другого не слушаетъ, и столкновения, часто неприятныя, неизбежны; съ ружьемъ-ли, съ борзыми-ли — это все-равно.

Вы отправились съ обществомъ стрѣлять бекасовъ; товарищи ваши стрѣляютъ, что ни попадо — воронъ, дроздовъ, зайца, не находя бекаса, и сбиваютъ вашу собаку, которая, натурально, гонится за подстрѣленнымъ зайцемъ, въ то время, какъ она пошла-было по бекасу или дупелю; а часто, разъ погонявъ зайца, она больше никуда не годится, надолго; послушаніе и вниманіе ея пропадаютъ и она вамъ не слуга вѣрный, но досада и мученье. Впрочемъ, многіе изъ нашихъ охотниковъ даже и не знаютъ — что такое хорошо-дрессированная собака, и какъ только вступать на лугъ или въ болото, начинаютъ кричать на своего Трезора или Венерку, такъ-что издали можно подумать, будто они пришли нарочно затѣмъ, чтобы кричать, какъ въ лѣсу доѣзжачіе; а Трезоръ въ это время несется въ верстѣ за вспорхнувшимъ дупелемъ, и охотникъ возвращается домой съ однимъ куликомъ и съ охриплымъ голосомъ.

Въ охотѣ съ борзыми совершенно то-же самое, если не хуже. Послѣ долгихъ толковъ и споровъ, согласившись наконецъ куда ѣхать, начали «ровняться», т. е. поѣхали безъ гончихъ, «въ наѣздку»; васъ два, три, четыре товарища, у каждого хотя по одному охотнику, итого всѣхъ 8, 9 человѣкъ и потому фронтъ растянулся въ ширину на версту; вопросъ — что вы увидите, когда находитесь близко къ краю, а на другомъ краю начнутъ травить? Ровно ничего; даже не знаете, кто травитъ и травятъ-ли. Гдѣ-же удовольствіе? Оно развѣ только въ томъ, что общество привезетъ домой не 5, а 15 зайцевъ; жалкое, варварское удовольствіе, торжество однодворцевъ, добычниковъ, — «шкурятниковъ», какъ ихъ справедливо называютъ.

Но мало того, что вы ничего не видали, что дѣлалось на флангѣ, — вы потеряли сами того русака, котораго тамъ затравили;

а онъ былъ-бы, вѣроятно, вашъ, если не въ этотъ разъ, то въ слѣдующій. Но и это еще только цвѣтки, — ягодки впереди. Я ѣду на самой смирной лошади, о которой совершенно забываю, занятый своимъ предметомъ; а сосѣдъ мой хвастаетъ своимъ казачьимъ, черкесскимъ или англійскимъ конемъ, который топчется на мѣстѣ, тянетъ и рвется впередъ. Онъ давить ноги собакамъ; собаки визжать, сосѣдъ бранится, умиряетъ лошадь, слѣзаетъ безпрестанно, то поднять платокъ, то шапку, то взять на свору собаку, которой отдалъ ногу; гдѣ ужъ ему найти зайца! Онъ и мнѣ помѣшалъ, спугнувъ одного далеко, не вовремя; онъ опередилъ меня на десятину, случайно наѣхалъ на русака и травитъ одинъ; а я только смотрю, проклиная компанію и всякое товарищество на охотѣ. Мнѣ часто случалось не травить ни одного зайца въ обществѣ съ такимъ народомъ; а много-ли хорошихъ, толковитыхъ охотниковъ?... Но здѣсь, конечно, виною не лошадь; часто у сосѣда и лошадь смирна, да онъ-то ѣдетъ, самъ не зная — куда, самъ не зная — зачѣмъ; онъ сбиваетъ всѣхъ съ пути, нарушаетъ общій планъ и спугиваетъ зайцевъ, которыхъ должны-бы были наѣхать вы. У другого собаки идутъ безъ своръ, мечутся въ сторону по произволу, скачутъ за всякимъ зайцемъ, котораго травятъ за версту, и часто охотникъ, оставшись одинъ, съ грустію провожаетъ русака, выскочившаго у него изъ-подъ ногъ.

Что-же тогда охота? — Какое-то жалкое и странное препровождение времени, прогулка по полямъ.

И опять, — многіе даже не имѣютъ понятія о другой охотѣ и ѣздятъ, чтобы кричать, браниться, волноваться, или-же выпить съ аппетитомъ рюмку водки. Нѣтъ, настоящій охотникъ ѣдетъ одинъ, съ двумя или съ тремя людьми, даже съ однимъ человѣкомъ, если собаки его надежны. Онъ слѣдуетъ своему плану, ищетъ систематически (бекаса, дупеля, зайца), не пропуститъ клочка земли, гдѣ по его разсчету можетъ быть заяцъ; спускаетъ собакъ во-время, держа ихъ всегда на сворѣ; ему никто не помѣшалъ, никто не раздосадовалъ; онъ наслаждался всѣми удовольствіями, какія можетъ представить охота. Очень скучно также ѣздить съ господами, которые не присвориваютъ своихъ собакъ и берутъ ихъ безъ своръ; но, не говоря о помѣхѣ другимъ, самому хозяину отъ этого неприятности на каждомъ шагѣ: собака его проловила зайца; поймала или нѣтъ, но ни въ какомъ случаѣ она не считаетъ себя обязанною спѣшить къ хозяину, и онъ, просвиставъ и прокричавъ четверть часа, долженъ

наконецъ ѣхать къ ней самъ; или-же она подходитъ къ другимъ охотникамъ, и ее гонять, бьютъ, чтобы шла къ своему, — и смѣшно, и жалко, и досадно смотрѣть на такого охотника; онъ только помѣха другимъ. У хорошаго охотника собака, проловивъ зайца, въ ту-же минуту, рысью, бѣжитъ къ хозяину и не пойдетъ даже на зовъ другого. И какъ не трудно достигнуть этого, — стоитъ только передъ осенью поводить своихъ собакъ пять-шесть разъ на сворѣ и давать имъ по кусочку хлѣба раза два-три въ день.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что охотнику, особенно съ борзыми собаками, необходимо иногда съѣзжаться съ чужими охотами, для повѣрки собакъ; свои ловятъ, кажется, хорошо, когда ловятъ однѣ, но иногда, спустивъ ихъ съ другими, приходится убѣдиться, что онѣ вовсе не знамениты; кромѣ-того, иная собака скачетъ гораздо жаднѣе съ чужими собаками и потому выказывается лучше. Къ тому-же, подозрить зайца и пустить свою собаку съ двумя, тремя чужими, всякому очень любопытно; эмоція самая сильная, — та-же карточная игра, тѣ-же англійскія скачки, пари. Но, оцѣнивъ своихъ собакъ въ одной или въ двухъ съѣзжихъ охотахъ, надобно избѣгать ихъ потомъ какъ огня; мы уже видѣли почему.

Повторю еще: старики были охотники лучше насъ, — и больше любили охоту, и больше насъ знали, хотя конечно дѣла имъ было меньше нежели намъ. Взглянемъ изъ любопытства на охотника стараго времени, можетъ-быть послѣдняго изъ старыхъ охотниковъ.

У насъ, въ Т—й губерніи, былъ сосѣдъ небогатый помѣщикъ, который уже и умеръ назадъ тому лѣтъ двадцать. Тимофѣй Васильевичъ жилъ охотою и для охоты, хотя и умѣлъ быть добрымъ бариномъ, недурнымъ хозяиномъ и много помогалъ мужикамъ. Онъ носилъ заячьи полушубки, волчьи и лисьи шубы своей травли; ѣлъ почти исключительно одну дичь — зайцевъ, стрепетовъ, дрофъ, дикихъ гусей и проч. Смотри по времени года. — Въ первый разъ, какъ мнѣ удалось у него обѣдать, я, при всемъ уваженіи къ сѣдинамъ Немврода, не могъ удержаться отъ смѣха, когда послѣ заячьяго полотка подали кашипу изъ зайца, за ней зайца въ горшкѣ и потомъ жаренаго шпигованнаго — зайца. Другой дичи не случилось; а куръ и другой домашней живности давала ему съ большимъ трудомъ его домо-правительница и экономка, говоря, что домашняя птица кормъ ѣстъ, а дичь корму не проситъ. Но за-то эти заячьи блюда были приготовлены такъ,

какъ едва-ли приготовить ихъ на самыхъ лучшихъ кухняхъ. И за-то скромный домикъ Тимофея Васильевича, съ соломенною крышею и покачнувшимся крыльцемъ, заключалъ въ себѣ такой богатый охотничій музей, которому позавидовалъ-бы шной англійскій лордъ спортсманъ. Чего не было въ этомъ музеѣ! По стѣнамъ висѣло всегда 15 и 20 лисьихъ и волчьихъ шкуръ, разумѣется — собственной травли; въ одномъ углу сложены были въ совершенномъ порядкѣ сѣдла: черкесское, казачье, на которомъ ѣздилъ самъ хозяинъ, старое кирасирское и карабагское, съ шитымъ чапракомъ, купленное гдѣ-то на Дону на ярмаркѣ, ради украшенія музея. У окна сидѣли на жердяхъ, звеня бубенчиками, разныхъ выводовъ ястрина, т. е. гнѣздары, сѣтки, мытчіе, дикомыты; между лисьими и волчьими мѣхами развѣшено было огнестрѣльное оружіе: ружье испанское, шведское, турецкіе стволы, черкесская винтовка, старый дробовикъ и дѣдовское ружье, длиною въ сажень, съ рогаткою для стрѣльбы; пистоны тогда только входили въ употребленіе въ Россіи, и Тимофей Васильевичъ могъ пріобрѣсти лишь одно коротенькое ружье съ пистономъ, для стрѣльбы болотной дичи, и лелѣялъ его какъ свое дѣтище. Дальше, висѣли ножи охотничьи для зайцевъ и для волковъ, разныхъ размѣровъ; потомъ охотничьи рога, своры, арапники, ошейники, смычки, арканъ — неизвѣстно для какого употребленія; казачьи плети, и тонкія, и толстыя, и длинныя, съ пулею на концѣ — «глушить» на скоку волка; въ другомъ углу висѣли перепелиныя дудки, свистки, силки, тенета, удочки, сѣти и другія рыболовныя снасти; наконецъ, надъ печкою, у потолка, красовался лукъ съ тетивою и двѣ стрѣлы, чѣмъ я маленькой очень соблазнялся. Но чего не было у Тимофея Васильевича въ музеѣ! и все это было сдѣлано такъ, что хоть сей-часъ въ англійскій магазинъ, если-бы на всѣ эти вещи употребить побольше щеголеватости и частицу шарлатанства.

Тимофей Васильевичъ жилъ отъ насъ въ восьми верстахъ и осенью мы часто ѣзжали съ нимъ на охоту. Историческая истина требуетъ сказать, что онъ страшно отбивалъ, или какъ говорятъ, «отжиливалъ» русаковъ, особенно у насъ, не гнавшихся за тѣмъ, чтобы больше «второчить» ихъ и привезти домой. Заячьи шкурки были оброчною статьею его человѣка и старикъ вѣроятно собственно для него кривилъ душою, такъ-что иногда самъ Прохоръ его улыбался изподтишка. Если только нашимъ собакамъ приходилось ловить вмѣстѣ съ его собаками, то ужъ конечно поймала его Отмѣтка, Змѣйка или Сарванъ, и онъ бралъ себѣ

зайца. Не разъ случалось, что его собака проглядывалась, прометывалась и прискакивала уже тогда, когда наши поймали зайца; но и тогда Тимофей Васильевичъ утверждалъ, что — «онъ лучше видѣлъ, даромъ-что глаза стали плохи» и что поймала именно его собака, да спустила, а наши только подобрали. Это прости-тельное пристрастіе къ своимъ собакамъ и своему охотнику, выкупалъ онъ удивительнымъ умѣньемъ найти зайца, подозрять его въ самыхъ густыхъ жинвахъ и вообще толкомъ, смѣткою и распорядительностію въ охотѣ, — съ гончими-ли, въ наѣздкѣ-ли, или въ болотѣ за бекасами; такъ-что съ нимъ ѣздить было приятно и назидательно. И стоило посмотрѣть Тимофея Васильевича на охотѣ: едва тронулись съ мѣста, онъ изъ веселаго собѣсѣдника становился вдругъ серьезнымъ, занятымъ и строгимъ; ни слова лишняго, ни улыбки, — какъ будто онъ вошелъ въ присутствіе рѣшать дѣло о жизни и смерти. Вся фигура его возбуждала тогда невольное почтеніе и уваженіе!..

Онъ часто звалъ насъ къ себѣ, на «свои» поля, называя своими всѣ поля, лѣса, луга и степи, которые были кругомъ его дворовъ верстъ на десять; и въ-самомъ-дѣлѣ, вся дичь этихъ мѣстъ принадлежала ему и никто не смѣлъ ее тронуть безъ его соизволенія. Такъ устроилось давно, за пятьдесятъ лѣтъ; и помѣщики-неохотники, ихъ управляющіе, крестьяне помѣщичьи и однодворцы, ни мало не тяготились этимъ присвоеніемъ власти. Если кто желалъ поохотиться въ чужихъ дачахъ, въ районѣ охоты Тимофея Васильевича, тотъ шелъ или посылалъ къ нему съ изъявленіемъ своего желанія; иначе — онъ подвергался гнѣву и брани Тимофея Васильевича и — о патріархальныя времена! — общему порицанію. А съ однимъ помѣщикомъ, старымъ своимъ товарищемъ по ученью, онъ хотя и сѣзжался у общихъ знакомыхъ (впрочемъ только раза два или три), но не говорилъ ровно двадцать лѣтъ; за то именно, что тотъ, не сказавъ ему, поѣхалъ съ гончими въ сосѣдній «островъ», затравилъ тамъ волка и вытравилъ и разпугалъ всѣхъ зайцевъ.

Случалось не разъ, что Тимофей Васильевичъ ѣздилъ весною по всходамъ хлѣба, въ глазахъ крестьянъ, ихъ хозяевъ; но они ни мало не сѣтовали на него за это, говоря, что «Богъ не зародитъ хлѣба», если будутъ за это вступаться *).

Какъ-бы рано утромъ мы ни пріѣхали къ нему, намъ всегда доставалось за то, что пріѣхали поздно; что мы только спимъ

*) Я самъ слышалъ не-разъ подобныя разсужденія нашихъ крестьянъ.

да баримся и теряемъ золотое время. Чтобы доказать ему его несправедливость, одинъ разъ мы съ вечера вовсе не ложились спать; въ 12-мъ часу велѣли сѣдлатъ лошадей и въ часъ ночи были уже у его крыльца. Старикъ, конечно, еще спалъ; но сейчасъ вскочилъ, заслышавъ топотъ лошадей и лай своихъ собакъ; онъ вышелъ къ намъ нѣсколько сконфуженный, по обыкновенію въ своемъ заячьемъ тулупѣ.

— Ну теперь слава Богу, — не опоздали! Наконецъ-то удалось!... У меня давно все готово. А все не мѣшало-бы пораньше-то...

Когда-же мы съ громкимъ смѣхомъ показали ему, что на часахъ было втораго десять минутъ *) и до свѣту оставалось еще часовъ шесть или семь, онъ нисколько не разсердился и смѣялся вмѣстѣ съ нами надъ нашею проказою.

— «Ну, пойдите-же; выпьемъ водки да и маршъ; а то какъ-бы и теперь не опоздать съ вашими чаями, да кофеями.» — «Да не рано-ли, Тимофей Васильевичъ?..» — «Какое рано, — не бойсь скоро заря будетъ заниматься; покамѣсть доѣдемъ, да размѣстимся, да то, да другое, — разсвѣнетъ совсѣмъ». Мы воспользовались этою ночью, — напились чаю и отправились верстъ за 10 на отличныя мѣста, куда прибыли къ свѣту, т. е. совершенно во-время.

Но пришлось-бы писать слишкомъ много, чтобы передать этотъ типъ стараго русскаго охотника; запишу только кое-что изъ патетическаго разсказа его о смерти любимой собаки его отца. Разъ, вечеромъ, у насъ, Тимофей Васильевичъ сильно разчувствовался, говоря о старинѣ вообще и о томъ, — какія были тогда собаки, — «какихъ теперь нѣтъ;» и на этотъ разъ онъ былъ совершенно правъ. — «Отецъ-то мой былъ большой охотникъ. Я еще былъ тогда вотъ-какой; едва себя помню, какъ, бывало, осенью нападетъ пороша, отецъ посадитъ меня съ собою въ розвальни и поѣдемъ мы на охоту. А зачѣмъ покойникъ бралъ тогда меня — ужъ не знаю; я ничего не смыслилъ; только спалъ во все время; да и накутывали на меня столько, что еслибъ и хотѣлъ взглянуть какъ травятъ, то не удалось-бы повернуться. У отца были хорошія собаки; отличныя собаки. А какой былъ у него кобель, — такого и тогда мало видали. Онъ вывезъ его щенкомъ изъ Костромы, отъ К—ва. Ну, а вѣдь тогда

*) У Тимофея В. были часы, но онъ часто забывалъ объ нихъ, привыкнувъ узнавать время по солнцу.

у К—ва были извѣстные собаки. Дѣтей отъ него (т. е. отъ кобеля) не осталось», — прибавилъ со вздохомъ Тимофей Васильевичъ. — «Не умѣлъ я тогда какъ-то развести отъ него ничего; молодъ былъ; потомъ поѣхалъ въ полкъ, а безъ меня его и не стало... Покойникъ-отецъ, не тѣмъ будь помянутъ, потихоньку держалъ у себя вино; и долго не знали: да наконецъ пронюхали; наѣхали сыщики; сами пьяные; начались поиски, по чердакамъ, по клѣткамъ, подъ-поломъ; крикъ, шумъ, ссора; отецъ и ударъ одного: — началась драка; отцу досталось тутъ порядкомъ. Ну, что дѣлать, самъ напросился. А ужъ какъ нашъ народецъ разходится, тутъ и встрѣшному и попережнему достанется. — Отца то больно побили; а кобеля-то», — вскрикнулъ Тимофей Васильевъ залившись слезами, — «злѣдѣи топоромъ изрубили»!.. — Когда старикъ говорилъ, какъ побили его отца, онъ былъ твердъ, почти спокоенъ; но когда вспомнилъ, какъ изрубили знаменитую собаку, онъ не выдержалъ... Дѣла давно-минувшихъ дней! Многіе свидѣтели этого разказа еще живы. Таковъ былъ Тимофей Вас. представитель охотниковъ стараго времени.

Гдѣ-же теперь охотники?? Старое мы бросили и забыли, а новаго не знаемъ. Теперь насъ не удовлетворяетъ прежняя охота, съ ея буйными толпами гостей, псарей и доѣзжачихъ, съ набѣгами на чужія дачи, съ отъѣзжими полями на три недѣли, ночлегами въ курныхъ избахъ, съ пирами, разгуломъ и весельемъ *доброю* стараго времени. Мы стали смѣрны и благовоспитанны и хотя ищемъ сильныхъ ощущеній, но хотимъ вмѣстѣ и комфорта. Мы не знаемъ и азбуки охоты, не только всей науки; по этому и беремъ изъ нея кое-что и гдѣ попазо — въ Польшѣ, во Франціи, въ Азій и въ Англіи, что конечно производитъ самую чудовищную смѣсь. И хотя намъ было-бы полезно кое-что, даже многое, занять для охоты у Англичанъ, но надобно помнить басню Крылова:

Когда перенимать съ умомъ, — не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать —
И Боже сохрани какъ худо *).

У Англичанъ охота настоящая, своя, оригинальная, составившаяся по ихъ понятіямъ, наклонностямъ, вкусамъ, мѣстнымъ условіямъ и всему образу ихъ жизни; у нихъ она, какъ и литература, выражаетъ духъ народа, ходъ его развитія, его духовную

*) Мартышка и чурбанъ.

жизнь, — больше или меньше. И у насъ была она когда-то тѣмъ-же; но теперь, какъ я сказалъ, все старое у насъ въ охотѣ исчезаетъ, а новаго покамѣстъ нѣтъ. Между-тѣмъ, по свойству человѣческой природы, мы теперь, перенимая у Европейцевъ охотничьи приемы и правила, чаще беремъ недостатки, слабыя стороны, или наружную обстановку, думая брать сущность. Такъ напр. мы заводимъ англійскихъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, выписываемъ уродовъ, и очень довольны ими, думая, что если собака изъ Англiи, то она и хороша, какъ-будто тамъ нѣтъ безобразныхъ и негодныхъ собакъ. Намъ говорятъ, что ни борзые ни гончія англійскія въ Россiи не годятся, ни по климату, ни по многимъ другимъ причинамъ; но мы знать этого не хотимъ: — на всѣхъ картинкахъ и у всѣхъ лордовъ спортсмановъ эти собаки.... У породистыхъ англійскихъ *борзыхъ* шерсть самая короткая, кожа тонкая какъ заяка, ноги длинныя и серпообразныя; но въ Англiи тепло, поля разравнены и разчищены какъ у насъ въ огородахъ; тамъ собака, не смотря на ея тонкую кожу и короткую шерсть, не трясется на охотѣ отъ холода, отъ мороза съ вѣтромъ и позимкою; тамъ она, скача въ паркѣ по травѣ или по мягкой и разрыхленной землѣ полей, не рветъ себѣ ногтей и не ломаетъ пальцевъ; а у насъ — гдѣ паркѣ и каковы поля?.. На иной пашнѣ и на взметахъ или плужницѣ, за кочками земли, спрячется волкъ, не только заяць! Англійская борзая собака скачетъ очень быстро; однако не столько быстро сколько сильно, т. е. продолжительно; по скачкѣ она занимаетъ средину между нашею псовою, которая много быстрѣе, но слабѣе англійской и горской, которая еще сильнѣе англійской, но уступаетъ ей въ быстротѣ; за горскими (т. е. кавказскими) слѣдуетъ собака крымская, одной породы съ горской. Есть еще собаки борзые анатольскія (куцья), грузинскія, персидскія и шотландскія — брудастыя; но ихъ у насъ мало.

Англичане особенно любятъ травить лисницъ изъ-подъ гончихъ и даже одиными гончими, имъ быстрота собаки не такъ нужна какъ ея сила, и англійскія борзые совершенно ихъ удовлетворяютъ; а намъ съ ними на охотѣ часто приходится терпѣть муку. Конечно, жаль всякому бросить среди поля бѣдную собаку, которая скорчившись, трясаясь и визжа, совершенно отказывается идти на сворѣ и ищетъ мѣста куда укрыться отъ холода, когда сѣетъ мелкій дождь, свищетъ вѣтеръ, на поляхъ лежитъ мѣстами снѣгъ и потомъ вмѣстѣ съ дождемъ начинается морозъ, покрывая ледною корою и плоды и деревья и траву

и — англійскую собаку съ атласною шерстью. Осенью у насъ такая погода нерѣдкость. Потомъ, и что еще хуже, англійская борзая, при нашихъ грунть земли, безпрестанно вырываетъ себѣ ногти или обдираетъ кожу на пальцахъ, не прикрытыхъ густою шерстью и потому должна оставаться дома недѣли двѣ, три и мѣсяць; какой-же она слуга?..

Англійскія собаки годятся только для городскихъ садокъ; здѣсь онѣ на своемъ мѣстѣ, — скачутъ по лугу, по выгону; скачутъ не такъ быстро какъ псовыя и потому доставляютъ удовольствіе продолжительное; онѣ прекрасны собою, граціозны — вотъ и охота, вы какъ-будто были на охотѣ!.. Кстати, скажу здѣсь нѣсколько словъ о городскихъ садкахъ. Садка — жалкая пародія охоты, какъ губернской садъ, съ глумбами, цвѣтниками и аллеями — пародія первобытнаго лѣса. Но многимъ больше ничего и не нужно, и губернской садъ, и садка, ихъ совершенно удовлетворяютъ; городская жизнь до-того вѣлася въ ихъ кости, что уѣхать въ деревню для нихъ почти тоже, что ѣхать въ ссылку въ Сибирь; между-тѣмъ надо-же держать у себя борзыхъ собакъ и ѣздить съ ними на садку, — это шикъ!.. Многие господа городскіе жители только по наслышкѣ знаютъ и повторяютъ какъ попугай, что «садовый» заяцъ бѣжитъ хуже найденнаго въ полѣ; но они и не воображаютъ, что садовый заяцъ, въ сравненіи съ полевымъ, — тоже, что дворная собака въ сравненіи съ борзюю, что здоровый человекъ въ сравненіи съ больнымъ. Заяцъ, по природѣ своей, цѣлую ночь бѣгаетъ и цѣлый день лежитъ; онъ животное очень нѣжное; магійная рана, ударъ, перемена пищи и т. п. губятъ его. Что-же должно произойти съ нимъ, когда его засадятъ въ ящикъ, въ ларь, продержатъ тамъ безъ движенія, на непривычной пищѣ, день, два, четыре? То, что онъ почти вовсе не бѣжитъ на садкѣ, гдѣ принуждены «садать» его за четверть версты отъ собакъ, чтобы дать разбѣжаться. Въ деревнѣ старымъ собакамъ нечего и пускать садового зайца; тамъ пускаютъ его только щенятамъ.

Кромѣ-того, садка — невѣрная оцѣнка и собакамъ; часто тупая и слабая собака, но натравленная и привыкшая къ садкамъ, скорѣе догонитъ и поймаетъ зайца, нежели собака лихая, но не привыкшая къ садкѣ. Скачка городскихъ собакъ и бѣгъ садовыхъ зайцевъ уравниваются тѣмъ, что заяцъ болѣнъ, а собаки жирны, съ лежки, съ вялыми мускулами; и такимъ образомъ, на городской садкѣ и заяцъ плохъ и собаки плохи — прекрасная охота!.. Впрочемъ для городскихъ жителей это даже не

охота, а такъ, — *passé-temps*, занятіе пустыхъ часовъ, которыхъ не знаютъ куда дѣвать.

Англійскія *гончія*, и большія и маленькія, тоже не годятся для насъ, потому-что слишкомъ «параты», т. е. слишкомъ рѣзво скачутъ. Заяцъ, поднявшись отъ нихъ въ лѣсу, летитъ во всѣ-ноги, на угонкахъ и если успѣетъ ускользнуть отъ зубовъ гончихъ и выскочитъ въ поле, то онъ до-того утомленъ, что борзымъ нечего и ловить. Что-же это за травля, что за охота?. У многихъ изъ нашихъ охотниковъ гончія такъ-быстры, что рѣдкаго зайца выпускаютъ въ поле; доѣзжачіе травятъ въ лѣсу, а господинъ стоитъ у опушки, слушаетъ гоньбу и — только. Смѣшно и жалко смотрѣть на него; онъ радъ уже и тому, что псаря его выѣзжаютъ изъ лѣсу обвѣшанные зайцами, и вотъ онъ думаетъ, что и онъ охотился.. Маленькія англійскія гончія скачутъ тише, но слишкомъ горячи и также быстро гонятъ зайца. У насъ въ Россіи и борзья и гончія есть превосходныя; но мы ихъ переводимъ; давайте намъ хуже, да чужихъ. Вообще, извѣстно, что мы не хотимъ видѣть свѣтъ глазами; намъ нужны очки, англійскіе или французскіе. Вотъ, когда Англичане завезутъ русскихъ псовыхъ собакъ (уже заводятъ и очень цѣнятъ ихъ), тогда и мы станемъ выписывать отъ нихъ русскихъ собакъ... Каково слушать это русскому уху? О Ювеналъ, Персіи, Кантеміръ, — гдѣ громовыя стрѣлы вашей сатиры?!..

Англичане собираются на «гундинги» (время, сезонъ охоты) большимъ обществомъ, часто даже безъ борзыхъ, съ одними своими рѣзвыми гончими и любятъ скакать по нѣскольку верстъ, преслѣдуя оленя, лисицу или зайца. Отъ борзыхъ собакъ заяцъ бѣжитъ *) во весь махъ много — четыре версты; дальше онъ бѣжать не можетъ, — слабѣетъ, падаетъ и часто умираетъ мгновенно, ударомъ на легкія; но отъ гончихъ онъ, конечно можетъ бѣжать гораздо долѣе; олень и лисица тоже долго ведутъ охоту, и эта-то продолжительная скачка и нравится Англичанамъ. Поэтому они требуютъ для охоты лошадей кровныхъ или полукровныхъ, но быстрыхъ, сильныхъ и способныхъ перепрыгивать изгороды, рвы и переносить всадника черезъ всѣ возможные препятствія; короче сказать, они въ охотѣ, кажется, больше любятъ скачку, нежели самую охоту; у нихъ охота — скачка съ препятствіями, стипльчезъ, и слѣдить за собаками на

*) А не скачетъ, какъ многіе говорятъ у насъ; техническіе термины необходимы вездѣ; всѣ старые охотники говорятъ: заяцъ *бѣжитъ*, *блѣтъ* зайца.

другихъ лошадахъ невозможно. Самое названіе англійской лошади, «гунтеръ», означаетъ лошадь, способную служить на охотѣ *); эти лошади цѣнятся въ Англии дорого и имѣютъ аттестаты, какъ и кровныя скаковыя.

А у насъ, а мы?... Скакать мы не любимъ и не умѣемъ; если мы служили даже въ кавалеріи, и то ѣздимъ хорошо развѣ въ манежѣ; но дѣлать нечего, и намъ надобно покупать для охоты скакуновъ, — англійскихъ, казачьихъ, черкесскихъ, смотря по средствамъ и обстоятельствамъ; и мы скачемъ на охотѣ; скачемъ неизвѣстно за чѣмъ, потому-что ни изгородь, ни канавъ у насъ въ полѣ нѣтъ, и быстрыя собаки наши поймаютъ зайца передъ глазами, въ двѣ мноты, или онъ сейчасъ уйдетъ; и такимъ-образомъ приходится проскакать на отличной лошади — пятьдесятъ сажень... Смѣшно; но за-то и мы скачемъ. Правда, иные скачутъ потихоньку, для виду, и усмиряютъ своего коня и тянуть его, безпокойнаго, изъ всѣхъ силъ...

Но много, много перенимается у насъ всего безъ толка, безъ мысли! Старики наши тоже любили скакать за зайцемъ и кричать во все горло; но они скакали по увлеченію, не перенимая скачки у Англичанъ; тогда было другое время, была Азія, время непосредственности...

Не лучше-ли во-сто-разъ ѣхать на охоту на лошади покойной, шагистой, которой можно бросить поводья; на которой сидя можно закуривать трубку, даже выпить водки и закусить и «поднявъ» зайца остановить ее и, стоя на мѣстѣ, спокойно любоваться прекрасною картиною травли? Разумѣется, стоя на мѣстѣ, или подвигаясь шагомъ, увидимъ все гораздо-лучше, нежели наскоку, и лошадь не нарушитъ наслажденія; я объ ней забуду, я весь погруженъ въ картину травли, и сижу покойно, какъ въ театрѣ въ креслахъ. Тогда увидишь ясно, какъ на сценѣ, всѣ эволюціи зайца, всю его грацію; стремленіе и усилія собакъ, напряженіе ихъ мускуловъ, даже сверкающіе ихъ глаза; а въ скачкѣ съ крикомъ, гдѣ ничего не видишь ясно — удовольствіе дикое, варварское, одно сильное ощущеніе карточной игры *rouge ou poire*; картина-же, пріятная эмоція и разборъ собакъ — все это пропадаетъ.

Такъ думаютъ настоящіе, истинные охотники. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ: — «Скакать смѣшно и неприлично; да и не-

*) А не какую-то необычную породу гунтеровъ, какъ думаютъ у насъ многіе.

зачѣмъ, — стоя на мѣстѣ, все увидишь яснѣе; а лошадь должна быть — свои ноги, которыя слушаются малѣйшаго моего желанія, и потому я объ нихъ никогда не помню. А когда заяцъ пойманъ, охотникъ доскачетъ; да и этого не должно быть: надобно такъ приучить собакъ, чтобы они, поймавъ зайца, только держали его, но отнюдь не рвали и не терзали; это вовсе не трудно; посмотрите на моихъ собакъ, прекрасныхъ псовыхъ собакъ; одна изъ нихъ, «Удалой», часто выводитъ меня изъ терпѣнья своею излишнею деликатностію; я подѣду взять у него зайца, слѣзу съ лошади и только протяну руку, Удалой отходить, уступая мнѣ добычу; заяцъ — прыгъ! и летитъ опять, цѣль и невредимъ, и Удалой и компанія опять ловятъ его. Не угодно-ли видѣть это самимъ. Случалось, что заяцъ уходилъ такимъ-образомъ отъ негѣ и отъ меня по-два и по-три раза; а между-тѣмъ этотъ Удалой отлично беретъ волка и лисцу.» — Это говорилъ настоящій охотникъ; онъ наслаждается утонченно, понимаетъ дѣло разумно; но такихъ охотниковъ у насъ пять, шесть человѣкъ въ Россіи, они образованные охотники *) потому, въ своей сферѣ, люди передовые.

Для насъ, конечно, нужны разныхъ породъ собаки — борзая, гончія и лягавыя, — смотря по мѣстности и по разнымъ другимъ причинамъ. На безграничныхъ и пустыхъ поляхъ южной Россіи, гдѣ нѣтъ ни кустика, ни рывины, — можно имѣть собакъ сильныхъ, если кто желаетъ мчаться за ними три, четыре версты; здѣсь всего лучше собаки крымскія. Замѣтимъ, что сама природа распорядилась разумно, помѣстивъ на югѣ Россіи и Кавказѣ собакъ крымскихъ и «горскихъ», а на сѣверѣ, въ лѣсистой Россіи, — псовыхъ, способныхъ вихремъ домчаться до зайца, который безъ этой быстроты сейчасъ уйдетъ въ лѣсъ. Въ средней Россіи можно мѣшать горскихъ или англійскихъ собакъ съ псовыми; но вообще, въ большей части Россіи необходимо держать собакъ «теплыхъ» и съ крѣпкими ногами и ногтями *). Всѣ говорятъ, что псовыя собаки, при своей быстротѣ, слабы, т. е. долго скакать не могутъ и, проловивъ зайца, лежатъ высунувъ языки; это — правда, но сдѣлайте опытъ: возьмите крымскихъ сильныхъ собакъ, которыя ловятъ зайца четыре и пять верстъ,

*) У горскихъ собакъ, рожденныхъ и выросшихъ въ кавказскихъ горахъ, на каменистомъ грунтѣ, ногти до того крѣпки, что собаки могутъ скакать у насъ въ безнѣжную зиму по пашнямъ, при 20° мороза, т. е. по желѣзнымъ комкамъ и — ловятъ отлично; это могутъ подтвердить многіе охотники.

и возьмите самых лохматых псовых; ѣздите съ ними осень, хотя въ южной Россіи, по очереди, и увидите — какими больше заправите. Всѣ закричатъ: «конечно, крымскими! Крымская проловить 8, 10 зайцевъ и не устанетъ; завтра опять ступай!» — Конечно; но вы не подумали, что она ловить одного зайца полчаса; да скакать надобно за нимъ три версты, да возвращаться къ мѣсту, гдѣ стоятъ всѣ, — тоже нѣсколько минутъ; тогда какъ псовая собака ловить — много, три минуты; и если первая отдыхаетъ пять минутъ, а послѣдняя полчаса, то уже шансы совершенно-равны. Но они не равны; потому-что псовая отдыхаетъ не полчаса, а 10, 15 минутъ и, что гораздо-важнѣе, на полуверстѣ, гдѣ она ловить, легко можетъ не быть ни малѣйшаго убѣжища для зайца, а на двухъ и трехъ верстахъ, навѣрное попадетъ или кустъ или оврагъ, гора, рытвина и т. п., гдѣ заяцъ скроется или обманетъ собаку.

Лягавыхъ собакъ, точно также, держать безразудочно. Въстѣ съ англоманіею вошли въ моду *сетера* и *пойнтеры*; извѣстныя «маркловскія» собаки, замѣнившія нѣмецкихъ, потеряли теперь цѣну и доживаютъ свое время только въ дальнихъ отъ столицъ губерніяхъ, гдѣ однако уже появляются и пойнтеры и сетера. Нашимъ стрѣлкамъ и въ голову не приходитъ, что особенно лягавая собака должна гармонировать съ личностію охотника. Обѣ породы, и сетерьъ и пойнтеръ, легки, проворны и горячи въ высшей степени; нѣмецкія-же, напротивъ, собаки флегматическія, тяжелыя и неповоротливыя; маркловскія занимаютъ между ними средину; а такъ-какъ умъ, смѣтливость и чутье у всѣхъ почти одинаковы, то, если вы молодой человекъ, горячій и нетерпѣливый, — заводите сетера или пойнтера; но бѣгайте за нимъ по болоту, иначе онъ, помчавшись въ галопъ, сдѣлаетъ стойку за полверсты отъ васъ, будетъ, правда, стоять какъ вкопанный, но иная дичь лежитъ подъ собакою не долго, взлетитъ и вы только издали, виѣ выстрѣла, увидите ее. Если вамъ не нравится бѣгать за собакою, то надобно держать маркловскую; если вы любите проходить не больше двухъ, трехъ часовъ, то почему не держать нѣмецкую собаку, которая будетъ совершенно свѣжа въ теченіи двухъ, трехъ часовъ и будетъ тихо искать передъ вашими ногами? Но мы много ходить не любимъ, а держимъ пойнтера или сетера; сердимся, бранимся и бьемъ и наказываемъ собаку за ея горячность, — за то, что ее такъ создала природа. Если кругомъ васъ озера и болота, — опять не должно держать пойнтера: онъ осенью въ воду не

пойдетъ; если-же и пойдетъ, то это для него мученье и порча; въ-такомъ-случаѣ лучше держать сетера, брусбарта и т. п. Одн. слов. надобно разсуждать самому, а не слѣдовать модѣ съ закрытыми глазами, какъ Турки — алкорану.

Но должно знать больше, тогда только можно разсуждать, и потому, прежде-всего, должно учиться.

Такова охота въ Россіи и таковы наши охотники. Въ этомъ очеркѣ замѣчено и собрано, кажется, только одно дурное; хорошаго нѣтъ, и хотя правда, что плоха та критика, которая видитъ одну дурную сторону; но что дѣлать, если въ нашихъ охотахъ, кромѣ опыта стариковъ, нѣтъ ничего хорошаго? Притомъ я бросилъ только бѣглый взглядъ на охоту въ Россіи; мож. быть подробное ея разсмотрѣніе покажетъ совсѣмъ другое.... Скажутъ еще, что *la critique est aisée, mais l'art est difficile*; — конечно; но прежде надобно доказать человѣку, что онъ дѣлаетъ дурно, и потомъ показать — какъ надобно дѣлать хорошо. Журналъ охоты, конечно, возьметъ на себя этотъ подвигъ.

Ревельскій баронъ.

С. Петербургъ. 10-го іюля 1858.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА V.

Выѣздъ изъ Венеціи. — Миланъ. — Граница Ломбардіи.

Всѣ газеты наполнены и, можно-сказать, переполнены свѣдѣніями объ Италіи, — и я со своими воспоминаніями туда-же... Но газеты имѣютъ явное преимущество предо мною, они объясняютъ, по-крайней-мѣрѣ слятся объяснить, настоящее положеніе дѣлъ, которое всѣхъ занимаетъ, тогда-какъ я долженъ пересказывать только свои впечатлѣнія, свои ощущенія при видѣ того или другого мѣста, города; рассказать то или другое мелкое происшествіе, которое, конечно, никогда не можетъ имѣть вліянія на судьбу Италіи или всей Европы. Нельзя придумать болѣе невыгоднаго положенія для моего скромнаго листка, — что-жъ дѣлать, русская пословица гласитъ: «взялся за гужъ, не говори что не дюжъ», и я покоряюсь этому мудрому изрѣченію.

Теперь постараюсь сколько возможно-скорѣй выѣхать изъ Ломбардіи, тамъ, въ Піэмонтѣ, мнѣ будетъ привольнѣе. Политическій міръ уже менѣе будетъ тревожить. Я въ Генуѣ, на-

примѣръ, могу уже остановиться на берегу моря и любоваться спокойно, безстрастно синею гладью воды, которая сливается съ такимъ-же ярко-синимъ сводомъ неба; я могу тутъ забыть хотя на минуту эти политическія тревоженія, которыя постоянно запутываются, постоянно усложняются!... а что изъ нихъ будетъ, — врядъ-ли кому извѣстно!

Теперь прямо за перо туриста и скромнаго наблюдателя.

При выѣздѣ изъ Венеціи, васъ естественно поражаетъ то, что все пологно дороги, въ продолженіи нѣсколькихъ верстъ, проведено по морю, лагунами, которые окружаютъ Венецію. Эта дорога стоила огромныхъ трудовъ и между-тѣмъ она очень важна для самой Австріи, потому-что соединяетъ Венецію, какъ одинъ изъ главныхъ портовъ Ломбардіи, съ прочими желѣзными дорогами. Теперь еще прокладываютъ дорогу, которая соединитъ Венецію съ Триестомъ и тѣмъ самымъ съ Вѣною. Это будетъ чрезвычайно-важно, въ-особенности при настоящемъ положеніи дѣлъ, для передвиженія войскъ. Войска-же въ Ломбардіи чрезвычайное количество. На пароходѣ изъ Триеста я уже замѣтилъ, что вся палуба наша была наполнена офицерами. Теперь, на половинѣ дороги въ Миланъ, отдѣлились отъ насъ нѣсколько вагоновъ, которые были исключительно заняты офицерами и солдатами; вся эта часть поѣзда отправлялась въ Верону. Мы оставили этотъ городъ въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторонѣ.

Мнѣ не удалось съѣздить ни въ Верону, ни въ другіе города, только-что укрѣпленные Австрійцами, и которые составляютъ цѣлую цѣпь, какъ говорятъ, непреступныхъ крѣпостей. Хотя извѣстно, что военная наука доказала и постановила аксіомой то, что всякая крѣпость, какъ-бы ни была устроена, непременно должна быть взята непріателемъ въ извѣстное время, — что нѣтъ крѣпости въ мірѣ, которая могла-бы выдержать правильную осаду и блокаду, но въ то-же время извѣстно тоже, что подобная блокада потребуетъ отъ непріятеля очень большой потери времени и другихъ огромныхъ жертвованій и убытковъ. При томъ Австрія, строя эти крѣпости, заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобъ всегда и во всякое время имѣть въ своемъ распоряженіи большую массу войска, совершенно готоваго, и въ то-же время имѣть возможность заготовить для того-же войска огромное количество продовольствія — и слѣдственно быть всегда на сторожѣ. Политика чрезвычайно вѣрная! Замѣчательно то еще, что Австрія успѣла выстроить всѣ эти крѣпости и усилить свое вліяніе вообще на Италію, пменно въ то

время, когда почти изъ-за нее тянулась эта отрашная война въ Крыму и на Дунай въ явный убытокъ всѣхъ воюющихъ державъ.

Но я опять завлекся настоящимъ положеніемъ дѣлъ, забывъ прямое свое назначеніе, и ничего вамъ не сказалъ о самомъ проѣздѣ моемъ изъ Венеціи въ Миланъ. Впрочемъ, вы ничего не потеряли, да и правду сказать, этотъ проѣздъ на меня сдѣлалъ такое маленькое впечатлѣніе, что трудно было-бы мнѣ припомнить что-нибудь изъ него. — Мѣстность однообразная, станціи чрезвычайно плохо отстроенныя, — говорятъ, что они не были еще окончены въ то время, отъ души желаю этого для удобства послѣдующихъ путешественниковъ, потому-что въ этихъ шалашахъ вѣтеръ пробиваетъ сквозь стѣны — холодно, сыро.

Миланъ — это маленькій Парижъ Италіи. Улицы не широкія, постоянно наполнены народомъ. Кофейныя вечера освѣщены всѣ газомъ и тоже наполнены любителями *del far-niente*, качество, если хотите, чисто итальянскихъ нравовъ, но перерожденное, усовершенствованное сѣвѣрною Европою до-того, что даже видоизмѣнилось значительно. Главный корень этой страсти къ бездѣлю, конечно на югѣ Италіи, въ Неаполѣ, тамъ лазарони, лежа на берегу моря и грѣясь лѣниво подъ отвѣсными лучами солнца, вполне сознаетъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, — ему ничего болѣе не надо. И если голодъ только заставитъ его взяться за какую-нибудь работу, и покинуть на время любимую имъ нѣгу, то онъ спѣшитъ тотчасъ, какъ-только успѣлъ получить за свой трудъ нѣсколько «байковокъ» (мѣстная мѣдная монета), закупить на эту сумму макаронъ и ложится вмѣстѣ съ ними на тотъ-же берегъ, чтобы снова наслаждаться спокойнымъ, безстрастнымъ отдыхомъ отъ постоянного бездѣлья. Если онъ и взялся за трудъ, это было единственно изъ-за своего любимаго «*far-niente*».

У насъ въ Европѣ иначе развилась эта страсть, мы уже желаемъ ничего не дѣлать, стараясь все-таки показаться занятыми. Въ Парижѣ, напримѣръ, сколько этихъ любителей бездѣлья, которые шатаются цѣлые дни по бульварамъ и другимъ улицамъ, закурятъ сигару, прочтутъ съ особеннымъ вниманіемъ какую-нибудь афишу, которую они-же вчера читали; разсмотрятъ выставленные фотографическіе портреты болѣе-или-менѣе извѣстныхъ людей; улыбнутся при видѣ обширной и нечесанной прически *Al. Dumas père*; восхитятся саркастической постоянной улыбкой *Al. Dumas fils*; можетъ-быть даже умилятся нѣкоторымъ

образомъ предъ необходимымъ изображеніемъ молодой дамы, смотрящей, неизвѣстно почему, въ даль; и молодаго человѣка съ удивительно красиво завитыми усами; потомъ остановятся въ кофейной, чтобъ выпить чашку кофе, съѣсть мороженое, или еще лѣтомъ выпить такъ-называемаго *tizane de champagne*, что-то въ родѣ недодѣланнаго шампанскаго, садуть, можетъ-быть, на одинъ изъ тѣхъ стульевъ, которые разставлены по всему тротуару; возьмутъ нумеръ какого-нибудь журнала и полудремутъ съ нимъ на свѣжемъ воздухѣ. А вечеромъ эти-же любители-зѣваки, *badeaux*, какъ ихъ называютъ, собираются въ какой-нибудь великолѣпно освѣщенной кофейной, и тамъ ужъ судятъ, рядятъ обо всемъ, объявляютъ свои удовольствія и неудовольствія частнымъ лицамъ, правительству, а иногда и всей Европѣ и всему міру, — подумаешь право, глядя на нихъ, что они заняты чрезвычайно важнымъ дѣломъ, а какъ присмотришься ближе, — что-жъ это такое, какъ не то-же неаполитанское *far-niente*? только измѣненное, преобразованное нашими нравами, нашими потребностями. Въ Миланѣ я, въ первый разъ въ Италиі, встрѣтилъ это развитіе уличной и кофейной жизни, этотъ шумъ, говоръ повсюду, это количество экипажей, народу, который не спѣша гуляетъ, толкается повсюду. Только постоянный присмотръ полиціи препятствуетъ немного жителямъ Милана, потому-что стоитъ тремъ остановиться на тротуарѣ, чтобъ побесѣдовать, потолковать о чемъ-либо, какъ является, словно изъ земли, четвертый — уже полицейскій чиновникъ, который проситъ васъ, впрочемъ довольно учтиво, разойтись, чтобъ не мѣшать, какъ онъ говорить, общей циркуляціи народа.

Миланъ — центръ и скопище всѣхъ недовольныхъ австрійскимъ управленіемъ Ломбардіи, а потому правительство не спускаетъ глазу съ него и постоянно держитъ себя на готовѣ, чтобъ уничтожить малѣйшій признакъ безпокойствія.

Я пріѣхалъ въ Миланъ въ самое переходное время. Знаменитый театръ «*La Scala*» былъ закрытъ. Труппа, которую ожидали для сезона карнавала, еще не успѣла собраться, ожидала ее чрезъ нѣсколько дней; но я спѣшилъ на югъ и потому не могъ увидѣть эту великолѣпную залу, которая, судя по абажурамъ, продающимся на каждомъ углу, въ Миланѣ и даже въ другихъ городахъ Италиі, какъ кажется, считается предметомъ народной гордости для всей страны.

Я пробылъ въ Миланѣ всего два дня, и въ это время успѣлъ только два раза любоваться знаменитымъ соборомъ *Duomo*, какъ

его называютъ. Это полуготическое, полуклассическое произведение архитектуры, по своей громадности поражаетъ всякого. Притомъ отдѣлка каждой части очень тщательно исполнена, а эти контрфорсы съ готическою рѣзбою, которые поддерживаютъ боковые стороны всего храма, и живописны и оригинальны.

Duomo еще не оконченъ, и врядъ-ли когда будетъ оконченъ. По громадности своей это кажется третій въ мірѣ. Первый по величинѣ Св. Петра и Павла въ Римѣ, второй — лондонскій Св. Павла и миланскій Duomo — третій.

Въ два дня трудно уснѣть что-нибудь замѣтить новаго, неизвѣстнаго каждому, въ городѣ -каковъ Миланъ. Особенныхъ впечатлѣній вы не получите, потому-что Миланъ городъ, какихъ въ Европѣ много. Природа васъ не поражаетъ ни своею роскошною флорою, ни своими громадными утесами. Остается сказать слова два о кофейныхъ и магазинахъ; но кофейныя и магазины вездѣ почти тѣ-же и тѣ-же. Развѣ рассказать вамъ.... такъ уже кстати, потому-что я на улицѣ, что меня въ Миланѣ крайне заняло, — что-бы вы думали?... мостовая. Оно, можетъ-быть, странно, но это такъ. Мостовая устроена здѣсь чрезвычайно оригинально и, какъ мнѣ кажется, можно-бы и намъ въ Петербургѣ перенять этотъ родъ мощенія. Дѣло въ томъ, что въ Миланѣ во всѣхъ главныхъ улицахъ проведены во всю длину ихъ полосы довольно широкой плиты. Этихъ полосъ въ нѣкоторыхъ улицахъ четыре, въ нѣкоторыхъ шесть и даже восемь, остальная-же часть улицы мощена булыжникомъ, нѣсколько похожимъ на нашъ, довольно мелкимъ и вовсе необтесаннымъ. Но почему меня этотъ родъ мощенія такъ занялъ, о томъ позвольте мнѣ теперь доложить.

Во многихъ городахъ Италіи мостятъ улицы этою широкою плитою, которой ломы находятся вездѣ на всемъ полуостровѣ; но эта мостовая чрезвычайно удобная для пешеходовъ и сидящихъ въ каретахъ, въ экипажахъ, — пагубна лошадямъ, которые то и дѣло спотыкаются, падаютъ, разбиваютъ себѣ ноги и пр. Въ Миланѣ-же придумали весьма хитро воспользоваться выгодною мощенія плитою и не заставлять падать и спотыкаться лошадей, которые бѣгутъ по булыжнику, тогда-какъ колеса кареты, коляски, чего вамъ угодно, катятся безъ толчковъ и шуму по гладкой, ровной плитѣ. Ширина промежутковъ между полосами плиты рассчитана по ширинѣ употребляемыхъ мѣстныхъ экипажей.

Почему-бы въ Петербургѣ не попробовать устроить одну хоть улицу съ такими рельсами, конечно, надо будетъ намъ взять не плиту, а тотъ крупный камень, которымъ уже пробовали мостить въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но оставили, потому-что онъ оказался слишкомъ дорогъ. Почему-бы не провести такіе рельсы пзъ этого камня, шириною въ три камня, можно-бы даже выбрать этотъ камень нѣсколько крупнѣе; но главное обтесать его ровными кубами, для-того, чтобъ избавиться отъ этихъ прыжковъ, скачковъ на дребезжащихъ дрожжахъ, для которыхъ, чтобъ не сломать себѣ шею, необходимо нужна какая-то особенная ловкость! Конечно, мы всѣ съ малолѣтства получили ее съ воспитаніемъ нашимъ; но все-же, кажется, каждый изъ насъ согласится съ охотою пожертвовать этимъ удобствомъ выказывать свою замѣчательную ловкость, и получить въ замѣнъ удобство болѣе существенное.

Но довольно о мостовыхъ, пора въ дорогу — даѣе-даѣе — все вперед-и-впередъ! — вотъ всегда программа моего путешествія.

Австрійское правительство, изъ разныхъ политическихъ видовъ, признало невыгоднымъ для себя соединить Миланъ съ сардинскою границею желѣзною дорогою; можетъ-быть оно право въ своемъ разсужденіи; но, какъ путешественникъ, я не могу не пожаловаться на нее. Крайне неприятно нанимать (какъ мнѣ пришлось это сдѣлать), Богъ-знаетъ, какія кареты, составленныя изъ однихъ досокъ, тряскихъ до-нельзя, и спѣшить по возможности, чтобъ не опоздать къ поѣзду желѣзной дороги; проѣздъ этотъ всего часовъ семь ѣзды, дорога стоитъ, право, дня — въ вагонахъ столько хлопотъ, столько заботъ. Пріѣзжаете, къ тому-же, боясь все опоздать, за два часа до отъѣзда машины, должны сидѣть на скамьѣ подлѣ своихъ сундуковъ.

Станція еще не построена, все ждуть и не дождутся того, что исполнять проектированную дорогу до Милана, а пока вы должны скрываться отъ вѣтра и дождя въ весьма неплотно и неизящно собранномъ изъ какихъ-то досокъ и бревень зданіи (я говорю *собраннымъ*, потому-что никакъ-бы не посмѣлъ употребить слово *выстроенномъ*). Я удивляюсь только той безпредѣльной терпимости здѣшнихъ жителей; во Франціи и Германіи этого никогда не было-бы. Но вотъ паровозъ началъ дымиться, тутъ нападаютъ на промерзлыхъ, утомленныхъ путешественниковъ цѣлая толпа таможенныхъ солдатъ и офицеровъ, разбираютъ до нитки всѣ сундуки, всѣ чемоданы, наклеиваютъ какіе-

то нумера, уносятъ все это въ особые вагоны и, послѣ полу-
часовой тревоги, наконецъ пускаютъ страдальцевъ на ихъ мѣста
въ вагоны, и поѣздъ трогается. Результатомъ всѣхъ этихъ тре-
вогъ для меня было то, что одна дама, путешествующая съ
нами, потеряла во всей этой путаницѣ свой дорожный мѣшокъ,
и какъ потомъ мы не бились — писали изъ Генуи, даже изъ
Рима, не могли его отыскать. По всѣмъ вѣроятностямъ кто-ни-
будь воспользовался этою суматохою и нашелъ болѣе удобнымъ
унести его для собственнаго употребленія. Надо удивляться тому,
что таковыя случаи не бываютъ чаще.

ГЛАВА VI.

Генуа. — Гостинница *des quatre nations*. — Домъ маркиза *di Negro*. — Опера
въ Генуи. — Уличный музыкантъ *Антонио Вичини*. — Продавецъ кружевъ. —
Скрипачъ *Бартелони*. — Маэстро *Новелла*. — Ночь на Средиземномъ морѣ.

На берегу Средиземнаго моря, противъ самаго острова Кор-
сики, окаймленная роскошною цѣпью утесовъ и горъ — заман-
чиво улеглась красавица Генуа. Та Генуа, которая нѣкогда
властвовала своею торговлею надъ всею Европою, — удивляла
праотцевъ нашихъ, дикарей сѣверной Европы, своею роскошью,
своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, оспаривала первенство у вене-
ціанскаго Дожа и даже побѣждала его не разъ!..

Теперь Генуа — портовой городъ сардинскаго королевства.

Политическое значеніе ея утратилось, но торговля ея еще
сохранила большое значеніе. Ея тихая обширная гавань, спокойно
дремлющая у подножья горъ заросшихъ виноградомъ и апель-
синными деревьями, всегда наполнена лѣсомъ мачтъ, а въ празд-
ничный день развѣваются разноцвѣтные флаги и вымпелы всѣхъ
торговыхъ государствъ міра.

И эти разноцвѣтные ключки матеріи, весело смотрятся и от-
ражаются въ темно-спнемъ зеркалѣ ея водъ. Если къ тому еще
блестящее теплое южное солнце пробьетъ густую поверхность
сѣрыхъ облаковъ, и радостно проглянетъ оттуда — панорама
Генуи оживляется еще болѣе. Тогда, будь это въ концѣ декабря
или въ началѣ января, вы словно перешагнули чрезъ нѣсколько
мѣсяцевъ; вамъ кажется уже настала весна, лѣто — воздухъ
теплъ, тихъ. Тутъ на горахъ, въ садахъ окружающихъ эту бо-
гатую виллу съ мраморными уступами, террасами — вездѣ цвѣ-
тутъ розы, блестятъ своимъ золотистымъ цвѣтомъ апельсины
на деревьяхъ.

Для человѣка непривычнаго, пріѣхавшаго съ сѣвера въ такое позднѣе время года, эта картина можетъ показаться съ перваго разу даже невозможною, — она можетъ представиться волшебнымъ видѣніемъ. Но какая особенная прелесть соединена съ этимъ видѣніемъ! Какъ сердце отрадно бьется при видѣ этой роскошной природы!

Вѣка прошли. Люди перенесли свое просвѣщеніе, свое образованіе ближе къ полюсу. Имъ нельзя было долѣе здѣсь оставаться, — тамъ на каждомъ шагу природа доказывала имъ ясно свое превосходство силъ и ихъ ничтожество. Здѣсь, на югѣ, человѣкъ долженъ былъ невольно довольствоваться тѣмъ, что ему было возможно восхищаться богатствомъ, роскошью природы. Онъ долженъ былъ необходимо предаться нѣгѣ и безпечности. Онъ могъ иногда, правда, переносить все, что онъ видѣлъ чуднаго вокругъ себя, на бумагу или на полотно, на мраморъ и металлъ. Но ему этого было недостаточно, — онъ вздумалъ создавать, — создать свою природу мысли! — и вотъ онъ покинулъ эту чудную природу, онъ переселился въ тѣ страны, гдѣ безъ постоянного труда — ничего нельзя было добыть; гдѣ истинно по томъ своего лица онъ долженъ былъ зарабатывать свой хлѣбъ насущный... и онъ сотворилъ, правда, чудеса. Это ему можетъ послужить извиненіемъ. Оставайся онъ въ Италиі — никогда, мы смѣемъ это сказать, — никогда желѣзныя дороги не существовали-бы! Никогда наука не могла-бы сдѣлать такихъ быстрыхъ, такихъ гигантскихъ шаговъ.

Да. Центръ просвѣщенія перенесся изъ благословеннаго края Италиі, въ снѣга, въ болота, въ дымъ вѣчный, который тонетъ въ облакахъ пыли, — и Италія и Генуя, потеряли свое политическое значеніе, даже значеніе торговое.

Но чего никто не могъ отнять у Генуи, что даровано ей Творцемъ навсегда и неотъемлемо, что всегда заманитъ нѣкоторыхъ, любящихъ все прекрасное въ мірѣ, — это природа, это роскошное очаровательное положеніе ея у подошвъ высокихъ синеватыхъ горъ, у берега прозрачнаго чуднаго моря, окруженная садами съ апельсинными деревьями, лаврами, миртами и оливками; окруженная розами, которыя цвѣтутъ круглый годъ, тогда даже, когда снѣга покрываютъ остальную Европу.

Хотя, какъ мы уже сказали, золотой вѣкъ Генуи, вѣкъ роскоши, богатства, удивлявшій весь міръ, — прошелъ и прошелъ, конечно, безвозвратно, но остались еще кое-какіе обломки этой жизни. Не одни преданія намъ повѣствуютъ о немъ, есть еще

остатки этого богатства въ зданіяхъ, палацкахъ, впаляхъ прежнихъ магнатовъ, которые теперь, живя въ стѣнахъ, украшенныхъ барельефами, фресками, мраморными каріатидами — стараются сохранить нѣчто отъ прежней жизни своихъ предковъ.

Къ сожалѣнію, эта жизнь уже не подходитъ къ нравамъ нашего вѣка, а потому эти потомки прежнихъ властелиновъ Генуи своими аристократическими замашками болѣе смѣшны, чѣмъ великолѣпны. Въ нихъ еще, правда, уважаютъ знатное происхождение, но ихъ жизнь болѣе уже никого не занимаетъ. Каждый живетъ въ нашемъ вѣкѣ для себя. Притомъ эти-же самые потомки славныхъ предковъ измѣнили нѣсколько свой характеръ, они сами чуждаются всѣхъ: они живутъ въ своихъ палацкахъ запертые на всѣ замки. Ихъ рѣдко можно встрѣтить; они не занимаются политическимъ значеніемъ своего города — они тоже живутъ для себя.

Я завлекся описаніемъ красотъ природы Генуи и былымъ значеніемъ ея въ исторіи. Но какъ тутъ не увлечься, не забыть? Мнѣ въ особенности это можетъ быть извинительно, потому-что кромѣ историческаго своего значенія, кромѣ всей роскошной чудной ея природы, Генуа еще сливается для меня съ однимъ изъ лучшихъ впечатлѣній моего дѣтства. Я пробылъ въ ней цѣлую зиму еще ребенкомъ, и то впечатлѣніе, которое она тогда произвела на меня, осталось на всегда неизгладимымъ. Мы всѣ проживаемъ этотъ дивный возрастъ дѣтства почти шутя; всѣ мы какъ-бы спѣшимъ сбросить его съ плечъ. Не зная еще, не понимая значенія жизни, мы бросаемся въ омутъ ея, торопясь перечувствовать, пережить все, что она можетъ намъ представить. Мы прислушиваемся ко всему, и къ шопоту листьевъ въ кустахъ сирени, и раскатамъ грома въ дали. О страхомъ, бывало, закрываемъ свое лицо руками, чтобы скрыть отъ себя блестящую огненную полосу молніи, которая прорѣзаетъ сплошную массу облаковъ, — и все-же стараемся увидѣть ту-же молнію, отъ которой мы прячемся.

Разумъ нашъ еще не образовался, не развился достаточно, чтобы направлять насъ такъ или иначе, но за то сердце вольнѣе бьется въ молоденькой груди, и ребенокъ горячѣе, глубже сочувствуетъ всему этимъ сердцемъ. То, что пройдетъ незамѣтнымъ для взрослого человѣка, то именно можетъ-быть сдѣлаетъ неизгладимое впечатлѣніе на ребенка, можетъ-быть возвыситъ его душу на всегда, дастъ направленіе будущему нравственному

человѣку; можетъ-быть тоже охолодить съ разу его, очерствитъ навсегда его чувство, его сердце.

Стоитъ иногда сдѣлать маленькую нарѣзку перочиннымъ ножомъ на деревцѣ, чтобъ заставить его расти криво, — и та же нарѣзка осталась-бы почти безъ всякаго послѣдствія на большомъ деревѣ.

Не берусь вамъ передать — съ какимъ особеннымъ волненіемъ я подъѣзжалъ къ Генуѣ, съ какимъ я нетерпѣніемъ желалъ провѣрить свои дѣтскія чувства.

Я уже изъ Милана заказалъ себѣ квартиру въ той-же гостинницѣ, въ которой я прежде жилъ — «Hôtel des quatre nations», — и былъ чрезвычайно доволенъ, что эта гостинница до-сихъ-поръ еще существуетъ и даже содержится сыномъ прежняго хозяина. Мнѣ приготовили ту-же самую квартиру съ террасой, выходящей на взморье, по которой я такъ-часто бѣгалъ, игралъ, — съ которой я въ первый разъ понялъ и оцѣнилъ дивную красоту Средиземнаго моря.

Съ перваго дня нашего приѣзда въ Генуу, я сталъ неутомимо разѣзжать по всему городу, — все меня радовало, все меня занимало, такъ-бы все казалось и гулялъ по этому чудному бульвару «aqua sole», какъ его называютъ, который обвиваетъ пригорокъ на самомъ берегу залива — все-бы наслаждался этою дивною панорамю. При томъ-же въ теплое воздухѣ — ни вѣтерка, тишина полная, нескончаемая — словно вы отъѣхали далеко за городъ на какую-нибудь отдаленную дачу, — а вы въ центрѣ самаго города, и города довольно торговаго, довольно многолюднаго.

Я вспомнилъ тутъ-же какъ я разъ, то было въ 1842 году, когда я былъ здѣсь тоже зимою, я вышелъ гулять со своимъ гувернеромъ въ этотъ садъ. Наканунѣ было довольно холодно. около градуса мороза, и шелъ снѣгъ. Всѣ кусты еще были слегка обсыпаны этимъ снѣгомъ, который таялъ, конечно, подъ горячими лучами южнаго солнца, — а посреди бѣлой снѣжной глыбы, выходили граціозно изъ бѣлой рамки, пучки душистыхъ розъ. Картина эта естественно осталась жива въ моемъ воображеніи. Трудно себѣ представить что-либо живописнѣе и что-либо своеобразнѣе.

Въ самомъ концѣ aqua sole, выстроена дача маркиза di Negro «la Villetta». Это прелестное созданіе богатаго чудака, который выпросилъ у города часть голой скалы, оставленной до него безъ всякаго употребленія, обѣщая насадить это мѣсто и устроить

свою дачу. Никто не вѣрилъ въ возможность исполненія плановъ маркиза, но такъ для пробы уступили ему эту скалу — и маркизь di Negro, не только исполнилъ свое обѣщаніе, но произвелъ чудную восхитительную виллу, которую всякій путешественникъ ѣдетъ осматривать, какъ одну изъ замѣчательностей города.

Домикъ двухъ-этажный каменный изъ мѣстной плиты ничѣмъ не замѣчателенъ. Онъ архитектуры простой безъ особо изящнаго фасада, — но садъ, который его окужаетъ, непременно поразитъ васъ и оригинальнію и даже своею красотою. Нигдѣ я не видалъ столь полнаго собранія всѣхъ возможныхъ растений изъ разныхъ климатовъ, которые всѣ акклиматизированы здѣсь стараніями и постоянною заботою хозяина. Тутъ и апельсиновые деревья, покрытыя и цвѣтами и спѣлыми плодами, и наши русскія ѣлки, и столѣтній дубъ, и орѣхъ и проч. и проч.

Если-бы я въ молодости лучше изучилъ ботанику, я-бы вамъ начелъ на цѣлую страницу всякихъ деревьевъ разнородныхъ климатовъ, которыя тутъ столпились и разрослись красивыми кучами подъ наблюденіемъ любителя — художника.

Трудно исчислить то, чего стоило маркизу di Negro привести, поднять и насыпать на голую скалу ту землю, по которой вы съ простодушіемъ ступаете, не воображая себѣ, сколько трудовъ потребовала эта искусственная почва.

Маркизь di Negro былъ въ полномъ смыслѣ оригиналенъ, — онъ посвятилъ всю свою жизнь на устройство этой маленькой виллы, и жилъ въ ней безъвыѣздно одинъ безъ семейства (онъ никогда не былъ женатъ) — считая лучшимъ удовольствіемъ показывать свое произведеніе всякому желающему и объяснять ему всѣ трудности, которыя онъ долженъ былъ побѣдить своимъ терпѣніемъ, и конечно знаніемъ. Онъ самъ, говорятъ, сажалъ, пересаживалъ, обстригалъ и подрѣзывалъ всѣ деревья и кусты. Устроивалъ бесѣдку на обрывѣ скалы, обращенной къ морю, обсаживалъ эту бесѣдку апельсинными и лимонными деревьями, и просиживалъ цѣлые часы потомъ въ ней одинъ, наслаждаясь дивнымъ ароматомъ окружныхъ цвѣтовъ и восхищаясь далью моря, которое сливается съ лазурнымъ небомъ.

Увидитъ, бывало, на самомъ краю бѣлую точку, которая все растетъ, все растетъ — это парусъ корабельный; — вотъ онъ и обрисовывается все виднѣе и яснѣе — и нашъ маркизь тотчасъ же создаетъ въ своемъ воображеніи какую-нибудь пдиллію и звучные (какъ меня увѣрили) стансы льются плавно изъ-подъ его пера. Потомъ онъ положитъ эти-же стихи на музыку, потому-

что онъ былъ также музыкантъ. Впрочемъ, кто не музыкантъ и кто не поэтъ въ Италиі, — и можно-ли даже не быть тѣмъ и другимъ, среди этой природы.

Къ сожалѣнію, я уже не засталъ стараго маркиза di Negro въ живыхъ. Онъ умеръ осенью того-же года за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда, и я могъ только узнать о немъ отъ многихъ постоянныхъ жителей Генуи, сохранившихъ о немъ неизгладимую память, какъ о человѣкѣ истинно добромъ и любившемъ добро и человѣкѣ, цѣнившемъ всегда все прекрасное и всѣхъ любителей изящнаго вообще. Я всегда съ удовольствіемъ останавливаюсь на такомъ человѣкѣ, можетъ-быть отчасти потому, что такіе люди рѣдки; но тоже и потому, что они какъ-то симпатично вырисовываются посреди холодной, расчетливой толпы.

Возвратившись съ гулянья по aqua sole, я принялся съ большимъ аппетитомъ обѣдать. Ничто такъ не возбуждаетъ аппетита, какъ приморскій воздухъ, — я эту истину испыталъ на себѣ. Подали намъ весьма вкусныя маленькія устрицы, которыхъ главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ малы, а потому рука ранѣе устааетъ ихъ выковыривать изъ шероховатой скорлупки — чѣмъ аппетитъ утоляется.

Но безъ труда человѣку не дано ничего, а слѣдственно нужно покориться мудрому назначенію судьбы, и чтобъ насладиться вкусными генуэзскими устрицами, хотя-бы съ отдыхомъ, но все же нужно работать и выковыривать ихъ изъ раковины. Къ чему я никакъ не могъ привыкнуть, и даже никогда не согласился попробовать ихъ, это такъ называемые *frutti di mare*, которыми Генуя славится въ особенности. Это морскіе каштаны *), что-то среднее между животнымъ и раковиною, шарообразное существо со всѣхъ сторонъ окруженное иглами. Ихъ берутъ за эти иглы и рвутъ на двѣ части, — притчемъ мнѣ даже всегда казалось, что слышенъ на ней странный не совсѣмъ внятный, но неприятный пискъ, — и высасываютъ всю средину. Итальянцы ихъ очень любятъ и предпочитаютъ ихъ даже устрицамъ.

Вечеромъ намъ всѣмъ вздумалось поѣхать въ театръ *Карло Фелличе*. Это одна изъ самыхъ большихъ залъ во всей Италиі.

Афиша обѣщала представленіе оперы Беллини, Нормы; — и выхваляла какихъ-то знаменитыхъ пѣвцовъ, одного сопрано и одного басса, въ первый разъ представлявшихся на судъ гену-

*) Морскіе ежи.

эской публики, пожавъ несмѣтное количество лавровъ въ Миланѣ и Флоренціи въ прошлые годы.

Публика размѣстилась очень чинно на мѣстахъ, — мы заняли одну ложу, — и любовались даже тѣмъ серьезнымъ вниманіемъ, съ которымъ слушатели готовятся произнести свой судъ надъ новыми артистами въ любимомъ произведеніи Беллини.

Занавѣсъ поднялся, — вся зала превратилась въ слухъ, — послѣ интродукціи хора жрецовъ, который былъ прослушенъ довольно спокойно. Вышла сама Норма — вниманіе публики удвоилось. Прима-донна начала свою знаменитую арію *Casta diva*, которую, кажется, каждый итальянецъ знаетъ наизусть. Съ первой же ноты, несчастная артистка споткнулась на какой-то руладѣ, — легкій шопотъ пробѣжалъ по всей залѣ. Артистка, желая оправдаться, рискнула фальцеты и потомъ трель — и все это не удалось. Вдругъ со всѣхъ сторонъ послышались рѣзкіе свистки, большая часть партера вскочила со своихъ мѣстъ начала шикать, свистать, кричать, требовать антрепренера. Какъ ни бились несчастные артисты, они должны были спустить занавѣсъ не докончивши акта. Шумъ, крикъ и свистъ, все болѣе-и-болѣе усиливался, наконецъ *Impresario* рѣшился самъ выйти для объясненія съ публикою на сцену. Занавѣсъ поднялся, и мужчина среднихъ лѣтъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, подошелъ къ самой рампѣ. Тутъ начался крупный разговоръ между судьями (публикою) и обвиненнымъ (*Impresario*), который, дрожа отъ страха, старался всѣми мѣрами успокоить своихъ судей, и если не оправдаться, такъ различными обѣщаніями старался загладить свою вину. Нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ любителей хватились даже за свои стулья, и немного нужно было-бы, чтобъ эти стулья полетѣли вмѣстѣ съ разными нарѣканіями на сцену. Я же сидѣлъ въ это время съ женою своею и семействомъ въ ложѣ, и рѣшительно не зналъ, что дѣлать, — уйти мнѣ не хотѣлось, потому-что этотъ эпизодъ былъ крайне занимателенъ, — но съ другой стороны думалъ, что Итальянцы народъ горячій, могло изъ этого диспута за искусство разгорѣться что-нибудь и носерьезнѣе, и присутствіе жены моей посреди разгорячившейся толпы не могло мнѣ быть приятнымъ.

Но къ счастью мѣстная полиція вмѣшалась, и когда выслушали великолѣпныя обѣщанія антрепренера о новомъ составѣ его труппы, всѣ успокоились и разошлись съ миромъ.

Генуэзецъ, какъ видите, дѣйствительно очень горячъ, но въ сущности добрый малый.

На другой день, впрочемъ, я узналъ, что цѣлые сутки толпился народъ на площади Карло Феличе, требуя непремѣнный отъѣздъ въ тотъ-же день всей труппы и выписки новаго состава черезъ три дня; — и только достовѣрное извѣстіе отъѣзда всѣхъ неудачныхъ артистовъ изъ Генуи, успокоило толпу и заставило разойтись ее по-домамъ.

О чемъ я ни начинаю говорить, припоминая себѣ мое житье-бытье въ Генуѣ, я какъ-бы невольно возвращаюсь къ своему балкону, своей террасѣ, обращенной къ морю. Съ какимъ удовольствіемъ я на ней закуривалъ сигару послѣ обѣда и наслаждался теплымъ вечернимъ воздухомъ!

Прежде, — но это было давно, — я помню, вмѣсто этого узенькаго балкона, который все-таки и доселѣ пользуется названіемъ террасы, была широкая площадка, установленная померанцевыми деревьями въ кадкахъ. Но придумали, для украшенія города и большаго удобства жителей, провать по берегу моря набережную, въ слѣдствіе чего очень естественно пришлось отнять у всѣхъ домовъ, обращенныхъ въ эту сторону, часть ихъ террасы, и съузивъ ихъ, превратить въ простые балконы, которые тянутся во всю длину домовъ. Тутъ-же на этой набережной ближайшую часть къ морю обратили въ желѣзную дорогу для провоза различныхъ товаровъ прямо изъ порта въ городскіе пакгаузы.

И теперь, вотъ передъ мною просвисталъ локомотивъ, который тащитъ два или три тендера и оставляетъ за собою цѣлое облако довольно густаго дыма. Все это очень полезно, я увѣренъ, но далеко не такъ-пріятно для путешественника, остановившагося въ гостинницѣ *des quatre nations*.

Пока я сидѣлъ, вдыхая ароматъ моей сигары, и разсуждалъ объ удобствѣ этой желѣзной дороги, я слышалъ подъ ногами довольно мелодическіе аккорды, — то былъ уличный артистъ, который игралъ на *фицъ-гармоникъ* (инструментъ, формой походящій на піанно а звуками на органъ). Инструментъ этотъ былъ установленъ на маленькихъ колесахъ и катился довольно свободно по мостовой. Меня прежде-всего изумило уже то, что весьма порядочно одѣтый челоуѣкъ тащитъ за собою довольно большаго размѣра инструментъ, и между-тѣмъ самъ, не безъ таланта, импровизируетъ различныя пьесы, перекладываетъ разные мотивы изъ любимѣйшихъ итальянскихъ оперъ, преимущественно все изъ Верди, — довольно эффектно даже разыгрываетъ нѣкоторыя аріи изъ Травиаты.

Толпа слушателей окружила тотчасъ-же уличнаго артиста, во всѣхъ окнахъ нашей гостинницы показались разнохарактерныя головы любителей, — все это доказательство нѣкотораго успѣха.

Прослушавъ нѣсколько мотивовъ весьма порядочно разыгранныхъ, я счелъ нужнымъ бросить артисту какую-нибудь монету, и за неизбѣнимъ мелочи, позволилъ себѣ дать ему пяти-франковую монету. Всѣ, окружавшіе въ это время артиста, подняли съ удивленіемъ головы къ моему балкону, и самъ виновникъ торжества, поднявъ монету, нѣсколько времени колебался — какъ и чѣмъ отвѣтить на эту щедрую, по его убѣжденію, награду. Черезъ нѣсколько минутъ, человекъ изъ гостинницы пришелъ доложить, что г. Антоніо Вичини (имя этого уличнаго музыканта) — просить милостиваго разрѣшенія внести свой инструментъ въ нашу квартиру и общается здѣсь въ домѣ еще болѣе выказать свой талантъ. Такъ-какъ мы никуда не собирались ѣхать въ этотъ вечеръ, то конечно я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе г. Антоніо Вичини, и онъ перенесъ свою фиць-гармонику ко мнѣ въ гостиную и тѣшилъ насъ цѣлый вечеръ разными мотивами итальянскихъ оперъ.

Я рассказалъ вамъ это весьма пустое происшествіе въ такихъ подробностяхъ только потому, что оно имѣло довольно странныя и никакъ непредвидѣнныя мною послѣдствія на судьбу прочихъ дней нашего пребыванія въ Генуѣ.

Вѣсть о томъ, что я принялъ къ себѣ этого уличнаго артиста и заставлялъ его играть весь вечеръ для себя, — разнеслась тотчасъ-же по всему городу, и вашъ покорный слуга, вдругъ, неизвѣстно почему, получилъ отъ этой вѣсти репутацію любителя, а главное цѣнителя музыки.

Въ той-же гостинницѣ остановился, проѣздомъ, весьма замѣчательный артистъ-скрипачъ, нѣкто *Бартелони*. Узнавъ о происшествіи моемъ съ уличнымъ музыкантомъ, онъ пожелалъ непременно быть мнѣ представленнымъ. Но это было-бы еще ничего, слава моя, какъ любителя и цѣнителя музыки, доставила мнѣ несравненно занимательнѣе случай.

Къ намъ, съ перваго-же дня пріѣзда, сталъ являться почти ежедневно какой-то продавецъ кружевъ и вышивокъ. Надо вамъ сказать, что Генуа между-прочимъ славится свонми кружевами и шитьемъ по батисту... Я недовольно свѣдуущъ въ этомъ дѣлѣ, чтобъ объяснить вамъ — въ чемъ именно заключается исключительное свойство или качество этихъ кружевъ, — сколько я понимаю, это нѣчто въ родѣ гипюръ, а шитые носовые платки за-

мѣчательны тѣмъ развѣ, что въ Генуѣ не довольствуются вышивкою какого-нибудь вензеля, герба или такъ арабески — здѣсь вышивають цѣлыя панорамы городовъ, хребты горъ, каскады, ручейки, фасады домовъ, иногда и ландкарты, представляющія большую частію герцогство Пиемонтское, или островъ Сардинію или Корсику. Я даже видѣлъ на одномъ изъ такихъ платковъ, вышитый, вокругъ каймы, цѣлый поѣздъ желѣзной дороги: нѣсколько вагоновъ, а впереди локомотивъ съ приличнымъ количествомъ дыма, который вылетаетъ изъ трубы и тоже кружится вокругъ платка. Все это было довольно искусно вышито, но нельзя сказать въ то-же время, чтобъ оно было очень изящно.. Но дѣло не въ кружевахъ и не въ вышивкахъ, а въ самомъ продавцѣ. Это толстенный маленькій человѣчекъ съ открытымъ всегда сіяющимъ лицомъ, съ подстриженными бакенбардами, гладко причесанной головой. Онъ повидимому чрезвычайно доволенъ своею судьбою, вѣроятно ему приходится часто продавать свои издѣлія господамъ путешественникамъ. Да какъ не купить у него? — ему почти невозможно отказать! Онъ съ такимъ добродушіемъ расхваливаетъ, постоянно улыбаясь, свой товаръ. Одно неприятно въ немъ, у него, какъ кажется, постоянный хроническій насморкъ, — чуть-ли эта болѣзнь у него не родовая, не наследственная. Онъ отъ нея постоянно испускаетъ какой-то странный звукъ изъ носу, и до-сихъ-поръ, продавая исключительно носовыя платки, не догадается еще, что ему можно-бы съ неповѣрною пользою употребить ихъ самому въ дѣло.

Вообразите себѣ, что и этотъ оригиналъ тоже увлекся предпологаемой во мнѣ страстью къ музыкѣ, — и на другой день явился ко мнѣ съ предложеніемъ позволить ему представить мнѣ своего сына, который, какъ онъ увѣрялъ, дѣлаетъ удивительныя успѣхи въ консерваторіи и играетъ уже превосходно на фортепіанахъ. Принимая въ соображеніе законность чувства родительскаго сердца, которое желаетъ похвастаться предъ пріѣзжимъ знатокомъ, какъ онъ это полагаетъ, талантомъ своего единороднаго сына, я естественно принялъ съ благодарностію предложеніе счастливѣйшаго изъ отцевъ продающихъ кружева, — и ко мнѣ ввели, не заставя долго ждать, молодого мальчика лѣтъ двѣнадцати. Похваливъ предварительно молоденькаго артиста за стараніе, съ которымъ онъ занимается развитіемъ своего таланта, я подвелъ его къ фортепіанамъ, а самъ сѣлъ въ креслахъ не подалеку. И вообразите, о ужасъ! мой ребенокъ начинаетъ разыгрывать кое-какъ двумя пальцами какія-то гаммы, а счастливый

отецъ между-тѣмъ, стоя позади его, бьетъ ему тактъ одной рукой по плечу, и восторгаясь все болѣе-и-болѣе искусствомъ своего чада, каждый разъ, какъ гамма проходитъ въ дискантовья октавы, приподымаетъ съ особеннымъ восторгомъ свою голову, откидывая ее нѣсколько на правое плечо и закатывая, при этомъ случаѣ, умилно свои глаза въ мою сторону: — и напротивъ того, когда ребенокъ возвращается къ басовымъ нотамъ, то онъ опускаетъ голову на плечо своего любимаго сына и въ это время не можетъ удержать, отъ избытка чувствъ, свой обычный носовой звукъ.

Я положительно растерялся и не зналъ, на что рѣшиться — прогнать-ли съ посрамленіемъ добродѣтельнаго отца семейства съ его талантливымъ дѣтищемъ, или продолжать шутку, похвалить и того и другаго. Къ счастью, тутъ вошелъ г. Бартелони, о которомъ я уже вамъ сказалъ два слова — и мы пошли обѣдать.

Но тѣмъ еще не кончилась дѣятельность знаменитаго продавца носовыхъ платковъ.

Какъ-только мы вышли изъ-за стола и возвратились снова въ гостиную, мы нашли его сидящаго граціозно на диванѣ; онъ насъ поджидалъ. Тотчасъ-же онъ предложилъ довольно развязно г. Бартелони, который со мною вошелъ въ гостиную, позволить его сыну аккомпанировать ему. Г. Бартелони конечно не отказался отъ этого, но усомнился, чтобъ маленькій артистъ съ умѣльбы исполнить эту обязанность — и былъ вполне правъ. Какъ ни старался добрый продавецъ кружевъ и платковъ, и напѣвать, и насвистывать своему дѣтищу; — ребенокъ ничего ровно не понималъ и увѣрялъ совершенно стоически, что этого онъ никогда не училъ, и если угодно — онъ будетъ играть маленькую пьеску, нѣчто въ родѣ нашего чижика, которую онъ хорошо изучилъ. Подъ эту мелодію, трудно было г. Бартелони какимъ-бы то ни было образомъ выказать свой талантъ. Но продавецъ платковъ не унывалъ, онъ взялся доставить аккомпаньтера и даже фортепіано, говоря, что онъ знакомъ со всѣми лучшими артистами въ Генуѣ и знаетъ въ особенности хорошо учителя музыки своего сына — отличнаго піаниста.

Не ожидая ничего путнаго отъ обѣщаній продавца кружевъ, я однако согласился на его предложеніе и предоставилъ ему доставить мнѣ и піаниста и піанино, дабы услышать игру на скрипкѣ г. Бартелони, о талантѣ котораго уже прежде мнѣ много говорили.

Въ этотъ-же вечеръ зашелъ ко мнѣ живописецъ Isola, человекъ съ весьма порядочнымъ талантомъ. Онъ принесъ мнѣ коллекцію на выборъ фотографій и акварелей, все видовъ Генуи и ея окрестностей, я съ большимъ удовольствіемъ выбралъ изъ нихъ нѣсколько. Всегда пріятно, возвратившись домой на родину — пересматривать когда-нибудь вечеромъ портфель съ знакомыми видами. Такъ-вотъ и возстаютъ передъ вами цѣлые города, мѣстности, — вспоминаете прогулку вотъ по этой горѣ на берегу морскомъ; — или вотъ эту картину, предъ которой остановились вы невольно съ восторгомъ. Таковы, напримѣръ, картины, Вандика въ палаццѣ маркиза Бриньола-Сала — портреты маркиза верхомъ и его супруги.

Одинъ Вандикъ умѣлъ дать эту жизнь своимъ портретамъ. Какъ этотъ колоритъ темный, нѣсколько мрачный даже, освѣщаетъ между-тѣмъ самое лице маркизы и выставляетъ удивительно ярко и вѣрно ея бархатное платье; — а въ другомъ портретѣ, какъ этотъ породистый конь полонъ огня — ноздри горять, и онъ самъ словно готовъ выскочить изъ рамы.

Мы едва успѣли осмотрѣть весь портфель и восхититься отличными снимками фотографій, сдѣланныхъ въ Генуѣ и которые почти не уступятъ парижскимъ, какъ возвратился къ намъ нашъ-же знаменитый продавецъ кружевъ, весь сіяющій отъ восторга, — онъ отыскалъ все, что онъ намъ обѣщалъ и піанино и піаниста, заставилъ даже маэстро Новелла, піаниста Е. К. В. принца Оранскаго, надѣтъ свой фракъ и бѣлый галстукъ. Онъ отыскалъ его гдѣ-то въ кофейной — вернулъ его домой, заставилъ согласиться отправить свой собственный инструментъ ко мнѣ въ гостинницу и наговорилъ обо мнѣ съ три короба разныхъ похвалъ и разныхъ небывалыхъ достоинствъ, такъ-что сконфузилъ меня до невѣроятности и выдалъ меня, предъ почтеннымъ г. Новелла, за какого-то королевскаго принца, путешествующаго инкогнито — неизвѣстно почему, и любящаго до страсти музыку.

Въ первую минуту, мнѣ право было и совѣстно и неловко, потому-что я невольно былъ причиною такого недоразумѣнія. Я никакъ не могъ вообразить, что этотъ оригиналъ приведетъ ко мнѣ г. Новелла, а ожидалъ просто какого-нибудь въ родѣ уличнаго музыканта для акомпанимента игрѣ скрипки г. Бартеюни. Но къ счастью г. Новелла принялъ очень благосклонно мои извиненія и окончательнымъ послѣдствіемъ всего было то, что у насъ устроился прекрасный музыкальный вечеръ. Считаю извини-

нимъ распространяться здѣсь о замѣчательномъ талантѣ г-на Бартелони, уже получившемъ въ Парижѣ и въ Италіи большую извѣстность своею игрою, даже своими нѣкоторыми сочиненіями для скрипки, могу только сказать, что я въ особенности замѣтилъ въ его смычкѣ чрезвычайную пѣвучесть и полноту звуковъ.

На другой день въ ночь, мы должны были оставить Генуу — мѣста были уже взяты на пароходѣ, который отправлялся черезъ Ливурно въ *Чивитта-векію*. Мы всѣ сожалѣли объ одномъ, что мы такъ-поздно познакомились другъ съ другомъ, только на канунѣ нашего отъѣзда изъ Генуи.

Цѣлый день мы провели вмѣстѣ и вечеромъ даже, когда солнце уже зашло за горизонтъ, г. Бартелони и г. Новелла пожелали проводить насъ до парохода, который не подходитъ къ самому порту, а остается довольно далеко отъ берега.

Всѣ мы сѣли въ большую лодку о шести гребцахъ и поплыли по чудной Генуэзской гавани. На пароходѣ уже насъ ожидалъ тотъ уличный музыкантъ Антонио Вичини, который былъ причиною всѣхъ моихъ новыхъ знакомствъ. Онъ выпросилъ у меня позволеніе доѣхать со своимъ инструментомъ до *Чивитта-векію* на мой счетъ, обѣщая играть на пароходѣ во всю дорогу, когда я пожелаю. Оригинальность такого предложенія не допускала отказа.

И вотъ мы всѣ усѣлись на палубѣ парохода, вокругъ фицгармоники моего *protégé*, и подъ плавные аккорды его инструмента, мы любовались тишиною южной ночи на Средиземномъ морѣ. Просто прелесть — что за ночь! Какъ граціозно выглядываетъ луна изъ этой группы облаковъ, точно кокетничаетъ она съ сонными водами залива, — а въ то-же время море покрываетъ отъ этого свѣта фозорическими искрами, которыя то блеснутъ, то пропадутъ — какъ-бы играютъ на поверхности воды.

Но пора намъ въ дорогу. Начинаются прощанія, разставанія, и я какъ-бы самъ смущенъ оставляя Генуу, — словно покидаю свою родину.

Пароходъ нашъ сталъ сильнѣе-и-сильнѣе дымиться, колеса задвигались, и мы тронулись съ мѣста. Я все стоялъ на краю палубы, все смотрѣлъ на отходящую отъ насъ Генуу, — махалъ платкомъ любезнымъ итальянскимъ артистамъ, которые меня проводили въ дорогу, и въ то-же время махалъ и самой Генуѣ, чтобъ выразить ей этимъ движеніемъ платка то отрад-

ное чувство, которое она во мнѣ пробудила, — и сказать ей до свиданія!.....

..... Береговые огни сливаются въ темнотѣ ночи съ облаками, — луна спокойно освѣщаетъ все море. Пароходъ нашъ плыветъ ровно, плавно прорѣзаетъ волну и оставляетъ за собою длинную струю, которая вся въ огненныхъ искрахъ расширяется въ дали и пропадаетъ за горизонтомъ. А мой уличный импровизаторъ, усѣлся за свой инструментъ и раздлгрываетъ мизерере изъ *Триваторе*. Не знаю, понимаетъ-ли онъ красоту этой ночи? Можетъ-быть и нѣтъ — но его музыка не портитъ картины, — эти аккорды даже пріятно сливаются съ общею гармонією природы.

В. В.

Изъ записокъ игрока. — Гомбургъ, за исключеніемъ Женевы, гдѣ недавно открыто казино съ постояннымъ банкомъ, есть единственное мѣсто Европы, гдѣ азардная игра производится публично, въ теченіи цѣлаго года. Много миллионѡвъ обернулось въ гомбургскомъ банкѣ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ его процвѣтанія! Много несчастныхъ жертвъ, увлеченныхъ алчностью и легкомысліемъ, пало отъ его демонскаго соблазна! Но чѣмъ-болѣе этихъ жертвъ, чѣмъ-ужаснѣе картины пагубныхъ результатовъ здѣшней игры, тѣмъ-болѣе увеличивается число игроковъ, толпящихся вокругъ предательскихъ игорныхъ столовъ Гомбурга. Самая нищета, безчестіе, часто самоубійство, составляющія конечные результаты судьбы большинства предавшихся здѣшней игрѣ, съ слѣпымъ увлеченіемъ страсти, не устрашаютъ толпу и непреодолимая, притягательная сила игры, увлекаетъ ее подъ неумолимую сѣкуру ея. Здѣсь, въ чаду бурныхъ, кипучихъ страстей, человѣкъ является во всей наготѣ его гнусныхъ пороковъ, со всѣми отталкивающимъ свойствами познанки человѣческой натуры! Горе тому, кто, предательскими ласками фортуны увлеченный въ сѣти, искусно разставленныя этимъ орудіемъ демона, считаетъ себя мнимымъ избранныкомъ ея! Горе тому, кто съ перваго шага на гибельномъ поприщѣ игры, не угадываетъ коварныхъ замысловъ фортуны, съ которыми она привѣтливо улыбается каждому начинающему, чтобы тѣмъ-силнѣе дать ему потомъ чувствовать всю горечь его обманутыхъ надеждъ и весь ужасъ своего положенія, когда уже оно дѣлается безвыходнымъ! Горе тому, кто въ заманчивыхъ звукахъ золота, оглашающихъ игорный залъ, не слышитъ адекаго смѣха торжествующаго демона!.....

Было время и еще очень недавно, когда богатый и роскошный Гомбургъ, какимъ мы видимъ его въ настоящее время, былъ бѣднымъ, ничтожнымъ, заброшеннымъ уголкомъ Германіи, неизвѣстною столицею микроскопическаго ландграфства Гессенъ-Гомбургскаго. Воды его хотя и славились издавна своею цѣлебною силою, но, по бѣдности и неудобству ихъ первоначальнаго устройства, въ особенности-же благодаря скукѣ и пустотѣ здѣшной бездѣльной жизни, до эпохи основанія гамбургскаго банка, при-манивали весьма немногихъ гостей, которымъ даже бывало весьма нелегко попасть въ эту труппу, при недостаткѣ тогдашнихъ средствъ къ поддержанію хорошихъ сообщеній съ сѣднѣмъ Франкфуртомъ. Учрежденіе игорнаго дома дало быстрый переворотъ судьбѣ Гомбурга и, положивъ начало его благосостоянію, съ каждымъ годомъ виднѣе увеличиваетъ и его богатство и его предѣлы, вопреки молвѣ, уже давно разнесшейся о домогательствахъ германскаго сейма положить конецъ его обогащенію обнародываніемъ постановленія, которое, въ видахъ нравственности и общественной пользы, должно прекратить существованіе всѣхъ игорныхъ домовъ Германіи. Угроза эта не страшна для Гомбурга, онъ ее также мало боится, какъ и сильно развившуюся конкуренцію, пытающуюся его уничтожить и которую онъ подавляетъ громадностью своего успѣха. Члены германскаго сейма, наиболѣе вопіющіе о страшномъ злѣ, проистекающемъ отъ терпимости игорныхъ домовъ въ Германіи, не имѣютъ правъ изъявлять настоятельнаго требованія о закрытіи ихъ, уже потому, что они сами въ своихъ владѣніяхъ способствуютъ развитію азардныхъ игоръ, становясь въ главѣ ихъ, игоръ, которыя по сущности своей, быть-можетъ еще гибельнѣе тѣхъ, которыя допускаются въ игорныхъ домахъ. Австрія имѣетъ свое *лото*, содержимое правительствомъ, игра въ высшей степени азардная, не представляющая никакихъ шансовъ къ выигрышу, на которую тысячи семействъ разоряются, и на этомъ основаніи приносящая ежегодно огромныя суммы банку, т. е. правительству, составляя въ Австріи, одну изъ главнѣйшихъ статей государственнаго дохода!!!.... Пруссія, Саксонія и почти всѣ германскія владѣнія имѣютъ свои лоттерей, основанныя и разыгрываемыя правительствомъ, которыя, хотя и въ другой формѣ, представляютъ азардную игру, приносящую имъ постоянно огромныя суммы выигрыша въ ущербъ играющимъ. Наконецъ германскій сеймъ не можетъ и не захочетъ воспретить существованіе игорныхъ домовъ Германіи, имѣя въ глазахъ примѣръ гибельныхъ отъ

того послѣдствій во Франціи. Декретъ Людовика-Филиппа, закрывъ публичныя игорныя дома Парижа и цѣлой Франціи, въ видахъ уничтоженія проистекавшаго отъ нихъ общественнаго зла, повлекъ за собою результаты во-сто-кратъ гибельнѣе для народа. Съ закрытіемъ этихъ привилегированныхъ домовъ, которые должны были быть терпимы, какъ *необходимое зло* и гдѣ публичность препятствовала гнѣздиться обману, расплодилось во Франціи множество потаенныхъ вертеповъ, гдѣ уже не слѣпой случай, но воровскія ухищренія принялись управлять судьбою игроковъ. Поощривъ такимъ-образомъ развитіе гнусной индустріи шулеровъ и такъ-называемыхъ *трековъ*, декретъ этотъ положилъ начало еще большому злу, давъ быстрый ходъ развитію биржевой игры во-сто-кратъ пагубнѣе для народа, по тѣмъ грустнымъ фактамъ, которые она представляетъ въ лицѣ безчисленныхъ жертвъ ея. Увлекаемые порывами неукротимой страсти къ мнимому обогащенію, распаляемой заманчивостью биржевой игры, Французы бросились на нее съ ожесточеніемъ и биржевой залъ Парижа представляетъ теперь игорный вертепъ въ чудовищныхъ размѣрахъ. Страсть къ азарднымъ играмъ, какъ одна изъ формъ стремленія къ легкому и быстрому обогащенію, свойственнаго болѣе или менѣе всѣмъ людямъ, такъ-сильно сроднилась съ человѣческою натурою, что она никогда и нигдѣ не можетъ быть подавлена ни правительственными декретами, ни строгостью полицейскихъ мѣръ, напротивъ-того тамъ, гдѣ сильнѣе эти мѣры, тамъ еще сильнѣе господствуетъ азардная игра. На основаніи всего этого, благоразумная Германія, едва-ли когда прибѣгнетъ къ закрытію Гомбурга, а съ нимъ и прочихъ двѣнадцати привилегированныхъ игорныхъ домовъ ея,— не будетъ терпѣть это зло неотвратимое, для обезпеченія народа отъ зла еще болѣе для него погубнаго.— Какъ ни часты примѣры несчастныхъ послѣдствій игры въ Гомбургѣ, но, по цифрѣ и по самой сущности, они даже не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми безпрестанными трагическими событіями, которыми наполнена хроника парижской биржи и потаенныхъ игорныхъ домовъ Франціи.

Гордо и величаво красуется возрожденный Гомбургъ, у подножія романическихъ Таунусскихъ горъ, съ его богатыми обширными домами, живописными виллами, восхитительными гульбищами и роскошнымъ паркомъ, разстилающимся среди чудной, очаровательной мѣстности, вѣнчаемымъ великолѣпнымъ зданіемъ казино съ его величественными залами, гдѣ во всѣ времена года, въ теченіи цѣлаго дня не умолкаетъ предательская игра, по-

ражающая по цифрѣ ея результатовъ. Здѣсь въ этомъ вертепѣ общественнаго зла, царствуетъ полный разгулъ бурныхъ, кипучихъ страстей и нерѣдко цѣлыя состоянія проигриваются здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Честь, семейное счастье, будущность предавшихся соблазну игры, неумолимо поглощаются въ ея всесокрушающемъ водоворотѣ; и проклятія, и жалобы ихъ теряются въ веселыхъ звукахъ упоительной музыки, оглашающихъ залы этого раззолоченнаго вертепа! Но какъ ни поразительна его роскошь, какъ ни замѣчательно великолѣпіе японской и большой игорной залы и знаменитой террасы; какъ ни блистательны даваемые здѣсь безпрерывно балы и праздники; какъ ни велики усилія здѣшней администраціи, дабы ослѣпительнымъ наружнымъ блескомъ облагородить гомбургское казино, но ничто не можетъ сгладить рѣзко выдающагося въ немъ характера игорнаго вертепа. Игра, часто не менѣе погубная по послѣдствіямъ, производится, въ лѣтній сезонъ и въ Баденъ-Баденѣ, и въ Наугеймѣ, и въ Эмсѣ, и въ Висбаденѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Германіи, которые въ сущности имѣютъ одинаковую съ Гомбургомъ программу учрежденія, но ни одно изъ этихъ мѣстъ не носитъ на себѣ того позорнаго клейма, которымъ запятнанъ Гомбургъ въ общественномъ мнѣніи. Въ Висбаденѣ, еще очень недавно, молодой человѣкъ, проигравшій тамъ все свое состояніе, въ порывѣ отчаянія застрѣлился въ игорной залѣ въ виду многочисленной публики, толпившейся во-кругъ рулетки. Замѣчательно, что печальное событіе это не прервало даже хода игры и выкликавшій нумера продолжалъ вертѣть цилиндръ, съ такимъ же адскимъ хладнокровіемъ, съ какимъ приказалъ служителю вычистить зеленое поле предательскаго стола, на который брызгнулъ мозгъ изъ разможенной головы застрѣливаго игрока. Если бы подобное проишествіе приключилось въ Гомбургѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что оно надѣлало-бы страшный шумъ по Европѣ, его начали-бы передавать и перетолковывать, въ журналахъ, въ искаженномъ видѣ и оно пало-бы новымъ пятномъ на безъ того уже грязную репутацію Гомбурга, къ которому общественное мнѣніе неумолимо. Въ Висбаденѣ это грустное дѣло замаяли, не предали гласности и скоро позабыли о немъ вовсе и оно ни на волосъ не повредило блестящей репутаціи Висбадена, который остается по прежнему любимымъ и уважаемымъ лѣтнимъ пристанищемъ моднаго свѣта. Благочыслящая администрація гомбургскаго банка, видя какъ-строгъ для нея контроль общественнаго мнѣнія, съ своей стороны употребляетъ все, чтобы по возможности преду-

преждать приключенія подобныя этому, и, дальновидная въ свейхъ распоряженіяхъ, она приняла за правило, господамъ проигравшимся до-чиста въ Гомбургѣ предлагать отъ себя денежныя средства, дабы поставить ихъ въ возможность ѣхать застрѣлиться или повѣситься въ другое мѣсто.

Замѣчательно, что какъ ни грязна молва о Гомбургѣ, но рѣдко, кто посѣщаетъ рейнскія воды, чтобы не заѣхать хотя на короткое время въ Гомбургъ, и, уступая человѣческой слабости, не попробовать въ немъ счастья; поэтому въ лѣтній сезонъ, независимо отъ водолюбующихъ, здѣсь бываетъ постоянно страшный приливъ народа и хотя всѣ въ восхищеніи отъ удобствъ и удовольствій здѣшней жизни, но по странности вкорененнаго предрассудка рѣдко кто отзывается о немъ безъ пренебреженія, даже многіе изъ посѣщающихъ его стараются это скрывать отъ другихъ, какъ дѣло не совсѣмъ благопристойное. Зимой еще болѣе нежели лѣтомъ большинство дѣлаетъ тайну изъ поѣздокъ своихъ въ Гомбургъ, впрочемъ нужно сознаться, что зимою физіономія его общества дѣйствительно принимаетъ видъ подозрительный и загадочный. Въ зимній сезонъ появляются здѣсь лица, которыя трудно встрѣтити гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, за исключеніемъ Бреста и Тулона, подобныя тѣмъ зловѣщимъ личностямъ, которыя во времена французскихъ революцій, какъ-бы выростая изъ земли, появляются на бульварахъ Парижа. Кто бывалъ зимою въ Гомбургѣ, тотъ знаетъ—какъ трудно кому-бы то ни было избѣгать непріятной и опасной встрѣчи съ этими господами, которые появляются и въ игорной залѣ, и въ ресторанахъ, и на улицахъ съ рѣдкимъ искусствомъ слѣдя за дурно-оберегаемыми часами, портфелями и проч. Ихъ истертая пальто, избитыя дырявыя шляпы, нахлобучиваемыя на самые глаза, для прикрытія лица, съ котораго снятый дагеротипъ хранится на память въ префектурѣ парижской полиціи, свидѣтельствуютъ о ихъ достойной профессіи, но опаснѣйшіе изъ нихъ тѣ, которые, благодаря частымъ удачамъ въ своемъ благородномъ ремеслѣ, находятъ возможность сбрасывать съ себя эти обличительные наружные признаки и появляются въ залахъ въ благообразнымъ видѣ, съ какою-ни будь выбранною по вкусу орденскою ленточкою въ петлицѣ и съ поддержаніемъ чувства собственнаго достоинства въ походкѣ и во всѣхъ приемахъ. Отъ этихъ господъ, противу которыхъ, по недоразумѣнію, не принимается никакихъ предосторожностей, рѣшительно нѣтъ никакого спасенія. Они обыкновенно участвуютъ въ игрѣ, лишь косвенно, присвоивая себѣ массы съ выигрываю-

щихъ шансовъ, на которые другіе игроки справедливо предъявляютъ свои претензіи и съ нахальствомъ вступаясь, якобы за законность своего права на чужое добро, спорятъ и кричатъ до тѣхъ-поръ, пока наконецъ администрація во избѣжаніе дальнѣйшаго шума выплачиваетъ имъ отъ нея требуемое. Иные изъ этихъ достойныхъ джентельменовъ помѣщаются возлѣ игроковъ, находящихся въ счастіи, и когда они въ жару игры не обращаютъ большаго вниманія на возвышающіеся предъ ними груды выпграннаго золота, то господа эти искусно улавливаютъ эти моменты и, безъ зазрѣнія совѣсти, запускаютъ руку по сосѣдству, а потомъ насвистывая удаляются, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Когда этого рода продѣлки замѣчаются зоркимъ глазомъ инспектора игры, то подобный художникъ выводится изъ залы помощію дюжины лакеевъ, составляющихъ здѣшнюю исправительную полицію, или иногда просто выгалакивается ими за порогъ залы безъ всякихъ знаковъ особеннаго уваженія къ его орденской ленточкѣ; но часто чрезъ нѣсколько часовъ этотъ-же самый господинъ является у той-же рулетки съ тѣми-же благими намѣреніями, но лишь съ измѣненною фязіогноміею помощію подвязкой бороды или какого-нибудь затѣйливаго парика. Всѣ эти шалуны, какъ ихъ называетъ здѣшняя снисходительная администрація, иногда публично изблнчаемые въ ихъ похвальномъ ремеслѣ, обыкновенно оправдываются тѣмъ, что они, въ свою очередь, были ограблены гомбургскимъ банкомъ, немилосердно отнявшимъ у нихъ все,—что они дѣйствуютъ по внушенію ея примѣра, что администрація Гомбурга дѣлаетъ въ большомъ видѣ то, что они позволяютъ себѣ дѣлать въ маленькомъ, и что если публика терпитъ существованіе этого разбойничьяго вертепа, прикрытаго благовиднымъ названіемъ казино, то она должна снисходить и къ ихъ слабостямъ. —Къ числу этихъ промышленниковъ, наполняющихъ Гомбургъ, принадлежатъ еще такъ-называемые *систематики*, которые искусно обкрадываютъ легкомысленныхъ игроковъ, предлагая имъ изобрѣтенныя ими вѣрныя системы для сорванія банка. Эти ловкіе плуты, преимущественно изъ Французовъ, подкарауливаютъ здѣсь новичковъ въ игрѣ и забрасываютъ ихъ краснорѣчивыми доводами о превосходствѣ изобрѣтенной ими системы до-тѣхъ-поръ, пока легкомысленный игрокъ склоняется наконецъ предъ ихъ софизмами, признаетъ очевидность истины ихъ доводовъ и даетъ имъ требуемую ими сумму для достиженія успѣха. Тогда плуты-систематики на условіи получить половину непремѣннаго выигрыша, съ видомъ таинственности и комической ва-

жности, располагаются у рулетки, со свойственнымъ имъ шарлатанствомъ развернувъ предъ собою тетради, испещренныя цифрами и какими-то іероглифическими знаками, но обыкновенно весьма скоро, спустивъ часть полученной суммы, спрятавъ въ карманъ наибольшую, съ притворною досадою объявляютъ своей жертвѣ, что въ слѣдствіе необъяснимой неудачи и небывалой неправильности хода игры, на этотъ разъ они разбиты и впредь возьмутся достигъ желаемого успѣха уже не иначе какъ съ суммою вдвое болѣе первоначальной. Близорукость и довѣріе нѣкоторыхъ доходитъ до того, что они по нѣсколько разъ къ ряду вдаются въ подобный обманъ и догадываются о истинѣ уже тогда, когда видятъ кассу свою совершенно опустошенною. Систематики эти составляютъ касту воровъ наипаснѣйшихъ для посѣтителей Гомбурга, на удочку ихъ попадаются подъ-часъ люди довольно опытные и не менѣе ихъ смышленные, но на погибель свою вѣрующіе въ возможность существованія системы, по которой контр-банкъ можетъ одолѣть силу самаго банка. — Замѣчательно, что въ Гомбургѣ независимо отъ этихъ многочисленныхъ промышленниковъ, существующихъ хитрымъ обманомъ а болѣе открытымъ воровствомъ, есть много людей безъукоризненной нравственности, которые, не имѣя никакихъ источниковъ къ приличному существованію, находятъ средства жить постоянно въ Гомбургѣ, не отказывая себѣ въ удобствахъ жизни, на счетъ банка, не прибѣгая къ предосудительнымъ средствамъ. Господа эти, ветераны игры, убѣдясь изъ долговременныхъ опытовъ и наблюдений, что шпрокъ, какъ-бы сильно не преслѣдовало его несчастье въ рулетку, ведя ровную, благоразумную игру, не форспруя ее въ несчастья, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ игры нападаетъ непремѣнно на моменты, когда онъ бываетъ въ чистомъ выигрышѣ. Ограничивая желанія свои ежедневнымъ выигрышемъ умѣренной суммы, благоразумный шпрокъ останавливается на этомъ моментѣ, нисколько не увлекаясь соблазномъ возможности большаго выигрыша и понимая, что не смотря на математически вѣрное равенство шансовъ рулетки и играющихъ противъ нее, она какъ неизмѣнная машина имѣетъ очевидное преимущество надъ людьми подчиненными страстямъ и азарду, — они стараются быть машиною противу машины. Хладнокровіе и совершенное отсутствіе страсти къ игрѣ, составляютъ конечно главное условіе для достиженія этой цѣли, но многіе, преимущественно Англичане, достигаютъ ее въ совершенствѣ и живутъ здѣсь съ семействами цѣлые года, ограничивая ежедневный выигрышъ свой нѣсколькими

Фредериками, иные же съ меньшими потребностями для жизни довольствуются и нѣсколькими гульденами. Не входя въ подробности описанія другихъ разрядовъ лицъ, извлекающихъ изъ Гомбурга различными путями источники къ своему существованію, перехожу къ моему разсказу, который имѣетъ въ Гомбургѣ начальную сцену своего дѣйствія.

Таунусскія горы покрылись снѣгами. Зима вступила въ права свои и вмѣстѣ съ нею рѣзко обрисовалась зимняя физиогномія Гомбурга. Крупные игроки понаѣхали сюда со всѣхъ концовъ свѣта, расположась въ гостинницахъ смѣжныхъ съ казино, подобно охотникамъ образуя вокругъ него родъ облавы. Много-различныя касты плутовъ, слѣдя за ихъ движеніями, въ-свою-очередь заняли свои наблюдательные посты. Японскій залъ превратился въ зимній театръ, гдѣ французская труппа забавляетъ веселыми водевилями въ контрасть страшнымъ драмамъ, разыгрываемымъ въ сосѣдномъ игорномъ залѣ. Приходъ дилижансовъ, экстра-почтъ и франкфуртскихъ каретъ, сдѣлался значительно рѣже и численное уменьшеніе игроковъ замѣнилось ихъ качествомъ.

Пробло девять часовъ вечера. Гомбургское казино горѣло тысячею яркихъ огней, и игра была въ ея полномъ разгарѣ при звукахъ веселой музыки, гремѣвшей въ бальномъ залѣ. Вокругъ стола *trente et quarante* чинно и важно сидѣли понтѣры, вооруженные булавками для отмѣчиванія хода игры на лежащихъ предъ ними таблчкахъ, въ безмолвіи проигрывая груды золота, кипы банковыхъ билетовъ. Нѣсколько дамъ, великолѣпно разряженныхъ съ лицами раскраснѣвшими отъ алчности и эмоцій игры, нестрѣли мѣстами въ ряду игроковъ; игроки богѣе мелкіе и господа, слѣдящіе за дурно-оберегаемыми монетами, съ тѣмъ-же безмолвіемъ стояли толпою за стульями ихъ. Чередной банкометъ съ поразительною ловкостью выкидывалъ предъ собою карты и съ неувлимою быстротою считалъ соотвѣтственное имъ число очковъ, еще съ большею ловкостью огребая деньги съ проигранныхъ шансовъ и съ необыкновенною граціею кидая ихъ на выигранные. Вокругъ вѣчно шумной рулетки было не такъ. Толпа вдвое многочисленнѣе осаждала ее со всѣхъ сторонъ и рѣдкій ударъ проходилъ безъ крика, споровъ и недоразумѣній. Одинъ нахально требовалъ выплатить ему выигрышъ съ мизы, которую онъ никогда не выставялъ; другой громко жаловался на докучливаго сосѣда, не дающаго ему покоя съ своими неумѣстными совѣтами, или безъ церемоніи изъявлялъ ему во всеуслышаніе подозрѣніе свое на счетъ исчезнувшихъ предъ нимъ менеть; третій

безпрестанно обращался къ выкликающему номера, требуя отъ него перевода ихъ на языкъ для него болѣе доступный. Пронгры-вающіе ругали безопасно несчастныхъ *croUPIers*, нисколько въ сущности не виновныхъ въ ихъ несчастіи, изливая всю желчь свою на этихъ бѣдняковъ, которые за скудное жалованье свое молча и смиренно должны выслушивать унижительную брань, сопровождаемую нерѣдко неумѣренными тѣлодвиженіями наиболѣе горячихъ игроковъ, оскорбительными и даже опасными для ихъ личности. Страдальческія существа эти, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *croUPIers*, выходящіе изъ различныхъ слоевъ общества, воспитываются для этого ремесла, въ нарочито устроенной при гомбургскомъ банкѣ, спеціальной школѣ, гдѣ они приучаются къ этой необыкновенной ловкости, быстротѣ движенія рукъ и тому поразительному для насъ искусству, съ которымъ они мгновенно отличаютъ, брошенные игроками на сукно, монеты различныхъ достоинствъ, часто по видимому весьма между собою схожія, при выигрышѣ безошибочно выплачивая имъ соотвѣтственныя. Поразительное искусство это, которое отъ долгой практики доходитъ въ нихъ до совершенства, замѣчательно на столько-же, какъ и необыкновенная, часто сверхъестественная, память, которою одарены эти господа *croUPIers*. Многіе изъ нихъ знаютъ часто лучше самихъ игроковъ результаты ихъ игры. Какъ-бы она ни была продолжительна и знаютъ къ концу вечера достовѣрно, но не приблизительно, что именно проиграли или выиграли такой-то.

Спорамъ и шуму не было конца среди толпы, окружавшей рулетку; комиссаръ и инспекторъ безпрестанно призывались чинить судъ и расправу, но тѣмъ не менѣе не умолкали шумъ предательскаго костянаго шарика, скачущаго по цилиндру рулетки подобно шуму спущеннаго волчка, и груды золота и серебра видимо росли въ кассѣ банка. Старичекъ, чуть-ли не съ самаго дня открытія Гомбурга постоянно записывающій ходъ рулетки и промышляющій продажей своихъ тетрадей гамбургскимъ алхимикамъ, то-есть охотникамъ составлять на основаніи ихъ никогда не удающіяся системы для подорванія банка (которыхъ просить не смѣшивать съ систематиками, о которыхъ говорено выше),—значительно покачивалъ головою, пораженный странностью характера игры, который приняла въ этотъ вечеръ рулетка. Серіямъ на колонны и на простые шансы не было конца; красный, вѣстѣ съ нечетнымъ, вышелъ непрерывно болѣе 30 разъ. Седьмой номеръ повторился семь разъ къ ряду. Нуль, вопреки всякихъ вѣ-

роятій, не выходилъ цѣлый вечеръ; двадцатые номера какъ-бы не существовали въ игрѣ и преслѣдовавшіе ихъ игроки проиграли огромныя суммы. Въ табачной, среди облаковъ густаго дыма, слышались проклятія павшихъ жертвами этого неестественнаго хода рулетки и пуншевыя чашки дымились предъ измятыми лицами проигравшихся въ пухъ. Опытные игроки замѣчали, что подобный вечеръ, столь-рѣдкій въ лѣтописяхъ игры по необыкновенному ходу ея, не можетъ окончиться безъ особенно важной катастрофы и что судя по всѣмъ примѣтамъ банку не сдобровать. Предсказаніе это сбылось и къ десяти часамъ изъ кассы рулетки такъ-быстро начало исчезать золото и билеты, что инспекторъ едва успѣвалъ вновь пополнять ее изъ мѣшковъ, безпрестанно приносимыхъ изъ главной гомбургской кассы. Толпа любопытныхъ безпрестанно увеличивалась предъ раззоряемую рулеткою и всеобщее вниманіе сосредоточилось на одномъ неизвѣстномъ господинѣ, въ карманы котораго переходили огромныя суммы. Мало-по-малу всѣ отстранились отъ игры и онъ остался одинъ на полѣ битвы, раскидывая горстями, по сукну, золото, оглядываясь послѣ cadaго удара по сторонамъ съ гордостью побѣдителя, и удивленіе, и шопотъ завистливой толпы, раздавался во кругъ счастливца. Всегда предательская фортуна, на этотъ разъ, какъ-бы отдалась въ его власть; онъ выигрывалъ, играя съ слѣпымъ поражающимъ счастьемъ, играя противу всякаго смысла и вѣроятія, и наконецъ какъ-бы утомленный отъ избытка счастья, онъ оставилъ рулетку и подошелъ къ столу *trente et quarante*, увлекая за собою всю пеструю толпу любопытныхъ оставившихъ даже бальный залъ, чтобы учавствовать въ общей радости по случаю несчастія постигшаго банкъ. Здѣсь, какъ и тамъ, фортуна повиновалась счастливицу подобно послушному ребенку, и когда ударило одинадцать часовъ, время опредѣленное закономъ для закрытія банка, то, къ общему ужасу администраціи, онъ не досчитывалъ въ своей кассѣ болѣе полумилліона франковъ. Весь этотъ дефицитъ и все, что въ этотъ вечеръ было проиграно другими понтерами, перешло въ руки счастливца, который съ ликующимъ лицомъ, держа въ рукахъ портфель, донельзя набитый банковыми билетами, въ сопровожденіи двухъ зальныхъ лакеевъ, несшихъ за нимъ мѣшки выиграннаго имъ золота, изволилъ совершать торжественное шествіе къ гостиницѣ Мишона, отвѣчая покровительственной улыбкою на низкіе поклоны всеѣ гомбургской администраціи, расположившейся шпалерами въ сѣняхъ казино. Гомбургскіе жидаы, трясаясь въ лихорадкѣ при мысли о количе-

ствѣ золота несомато за счастливецъ, бѣжали за нимъ въ переконку, неотступно навязывая ему свои услуги, предлагая ему только-что не женъ своихъ, величая его пресвѣтлѣйшимъ, представляя верхъ совершенства гимнастики необыкновеннымъ сгибаниемъ спины и шеи. Какъбы выростая изъ земли, толпа оборванцевъ загорожала ему путь на каждомъ шагу жалобно протягивая руки, такъ-что триумфаторъ не безъ особеннаго затрудненія очутился наконецъ въ своей комнатѣ, гдѣ наконецъ могъ опочить на лаврахъ по совершении столь достославной побѣды. Въ теченіи всего остальнаго вечера, до поздней ночи, на всѣхъ обычныхъ сходкахъ Гомбурга, неизвѣстный счастливецъ былъ натурально предметомъ общаго разговора; одни съ достовѣрностью утверждали, что онъ Валлахскій князь, и безъ этого выигрыша обладающій несмѣтными богатствами; другіе признавали за какое-то глубоко-таинственное лице, вторымъ экземпляромъ Калиостро; третьи были убѣждены, что это великій теоретикъ, открывшій наконецъ тайну для сорванія банка, и уже читали отходную и Висбадену, и Гомбургу, и всѣмъ игорнымъ домамъ Европы и Америки. Книга для записыванія именъ пріѣзжающихъ въ гостинницѣ Мишона, въ которой имя и званіе этого загадочнаго лица было написано весьма неразборчиво, нисколько не способствовала къ разрѣшенію запутанности этого вопроса. Появленіе въ ресторацію Шева, одного изъ сановниковъ ландграфа гомбургскаго, чуть-ли не главнокомандующаго его побѣдоносною арміею, положило конецъ всѣмъ спорамъ и недоумѣніямъ. Сановникъ объявилъ, что этотъ таинственный незнакомецъ никто болѣе, какъ простой цирюльникъ изъ Потсдама, который еще недавно собственноручно брилъ ему бороду. Авторитетъ столь-важнаго государственнаго мужа мгновенно разрушилъ всѣ эти забавныя гипотезы и чрезъ минуту столь-интересная для всѣхъ новость облетѣла всѣ гамбургскія заведенія. На другое утро, когда еще не начинала вертѣться рулетка, но уже директорія казино стояла у оконъ его съ нетерпѣніемъ поджидая вчерашняго счастливца, который по ихъ убѣжденію, по примѣру прочихъ игроковъ, долженъ былъ явиться въ залъ для проигрыша съ лихвою, выигрышнаго имъ наканунѣ, раздались вдругъ звуки почтоваго рожка и экстрапочта, въ полномъ парадѣ, подкатила къ гостинницѣ Мишона. Чрезъ нѣскольکو минутъ потсдамскій цирюльникъ показался на крыльцѣ ея и въ сопровожденіи благовѣрной четы Мишонъ, облаченной въ торжественное одѣяніе, съ подобострастіемъ сопровождавшихъ высокаго гостя, — направился къ коляскѣ, щедро осыпая талерами

умиженно кланяющихся для пожеланія триумфатору счастливаго пути и скорого возвращенія. Гомбургская директорія поблѣднѣла при видѣ столь-неожиданной сцены и тяжело было на душѣ ея, когда раздался шумъ бича почтальона и счастливый циркулярникъ обложенный ея золотомъ помчался по Франкфуртской дорогѣ.

Года чрезъ-два мнѣ случилось быть въ Бернѣ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы и одинъ изъ немногихъ въ Швейцаріи, который сохранилъ неизмѣнно свой первобытный характеръ и печать оригинальности, какъ въ архитектурѣ его куріозныхъ зданій, такъ и въ патріархальныхъ нравахъ его обитателей. Въ физиогноміи его есть что-то холодное, что-то суровое, подобно его климату, но вмѣстѣ съ-тѣмъ невольно возбуждающее вниманіе и любознательность туриста. Прежде всѣхъ прочихъ особенностей, въ этомъ оригинальномъ городѣ, певольно бросается въ глаза, часто повторяемое и на городскихъ воротахъ и на различныхъ зданіяхъ, изображеніе медвѣдя, которое, какъ символъ силы и могущества Берна, составляетъ и гербъ города. Независимо отъ изображенія этого много-чтимаго здѣсь животнаго, попадающагося только-что не на каждомъ шагу, въ различную величину, выточенное изъ дерева или искусно высѣченное изъ мрамора и изъ гранита, — въ Бернѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ не переводятся и настоящіе медвѣди, служащіе какъ-бы живымъ напоминаніемъ о силѣ этого могущественнѣйшаго изъ кантоновъ конфедерациі!... Для пристойнаго помѣщенія этихъ медвѣдей, на берегу Ааръ выстроено городомъ красивое готическое зданіе, имѣющее выходы въ нарочито устроенный пространный ровъ, гдѣ они изволятъ совершать свои прогулки и потѣшаться играми свойственными ихъ неуклюжей натурѣ; въ эти часы появляется обыкновенно множество народа за шарапетами рва, приходящаго привѣтствовать своихъ любезныхъ медвѣдей, принося имъ въ даръ фрукты и разныя лакомства, которыя ими пожираются съ замѣтнымъ наслажденіемъ. Достопочтенные обитатели этого дворца составляютъ цѣлую семью, но лучшимъ украшеніемъ ея служитъ медвѣдь, присланный сюда не давно изъ Россіи, весьма замѣчательный по его красотѣ и поважности осанки. Бернская публика смотритъ съ необыкновеннымъ умиленіемъ на знаки взаимной родственной любви, которые часто обнаруживаютъ предъ нею члены этого достойнаго семейства. Медвѣди эти живутъ въ полномъ довольствѣ, даже не отказываютъ себѣ въ роскоши, пользуясь значительными процентами

съ капитала, собственно для нихъ ассигнованнаго жителями Берна, и, не смотря на медвѣжью смышленность свою, они вѣроятно сами теряются въ догадкахъ о причинахъ, по которымъ ихъ содержатъ въ такой роскоши, тогда-какъ въ окружающей ихъ толпѣ бываютъ часто голодные бѣдняки, завидующіе той пищѣ, которую пресыщенные животныя часто съ пренебреженіемъ отъ себя отталкиваютъ. Каждый изъ жителей Берна виѣняетъ себѣ въ обязанность посѣщать это медвѣжье семейство хотя-взрѣдка и при болѣзни одного изъ нихъ цѣлый городъ приходитъ въ уныніе. Беременность медвѣдицы возвѣщается всенародно, только что не пушечною пальбою. Послѣ этихъ медвѣдей, составляющихъ забавную особенность Берна, наибольшее вниманіе его жителей обращено на медвѣдей, хотя и неодушевленныхъ, но двигающихся здѣсь съ двѣнадцатаго столѣтія. При каждомъ боѣ часовъ, въ верхней части башни появляются эти механическіе медвѣди одинъ за другимъ, дефилируя предъ фигурою какого-то пестраго рыцаря, причемъ другой рыцарь ударяетъ въ колоколъ, числомъ ударовъ извѣщая о времени. За минуту до этой процедуры, на башнѣ механическій пѣтухъ помахиваетъ крыльями и весьма натурально кричитъ по-своему. Древній характеръ города замѣчателенъ въ особенности на главной улицѣ: закоптѣлые, обвѣшанные дома, построенные на аркадахъ съ ихъ мрачными ходами и переходами, съ какими-то таинственными рельефными украшеніями, покрытые пылью вѣковъ, невольно вызываютъ темныя и мрачныя думы о быломъ; частые фонтаны и колодцы посреди улицы, украшенные загадочными группами, представляющими то какого-то чудовищнаго людоѣда, пожпрающаго дѣтей, то какія-то таинственныя аллегоріи, — довершаютъ мрачный и суровый характеръ физиогноміи этой улицы. Но эта угрюмо-грустная физиогномія Берна, или по справедливости старой его части, вполне гармонирующая со скукою здѣшней жизни вялой, монотонной, безцвѣтной въ зимніе мѣсяцы, лѣтомъ принимаетъ совершенно другой характеръ, просыпаясь отъ магическаго вліянія его чудныхъ, восхитительныхъ окрестностей. Оберландъ, Туль, Интерлакенъ, величественная Юнгфрау, эта царица Альпъ, грозная въ ея дикой прелести, какъ живописнѣйшіе пункты Швейцаріи, примаанивая толпы путешественниковъ съ весны до осени, придаютъ Берну видъ необыкновенной дѣятельности, многолюдства и разнообразія. Со времени учрежденія желѣзныхъ дорогъ въ Швейцаріи, Бернъ, сдѣлавшись ихъ центральнымъ пунктомъ, въ лѣтнее время оживляется еще болѣе отъ увеличеннаго въ немъ

прилива массы туристовъ. Мнѣ привелось быть здѣсь въ самый развалъ сезона, этого изумительнаго движенія народа со всѣхъ концовъ Европы, наводняющаго лѣтомъ Швейцарію, и я едва могъ узнать Бернъ послѣ того грустнаго и невыгоднаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на меня зпмою.

Я спѣшилъ отсюда въ Интерлакенъ, лошади уже давно ожидали меня у подъѣзда гостиницы, остановка лишь была за моимъ попутчикомъ, весельчакомъ-Французомъ, который просидѣвъ всю ночь, въ общей залѣ, за ландскнехтомъ, занимался въ своемъ номерѣ дорожнымъ туалетомъ и укладываніемъ въ шкатулку цѣлой груды вышграннаго имъ золота. Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, отправился я къ моему проказнику узнать о причинѣ его замедленія и, къ удивленію моему, нашелъ его еще далеко неготовымъ, съ густо-намыленною щекою, и надрывающимися отъ смѣха. Съ трудомъ могъ я отъ него добиться— въ чемъ дѣло. За нѣсколько минутъ до прихода моего, въ комнату его явился потребованный имъ для бритья цирюльникъ, который уже и приступилъ было къ совершенію процесса бритья, намыливъ щеку Француза, какъ вдругъ, какъ-бы ужаленный змѣей, чудакъ этотъ, бросивъ бритву, ударился бѣжать со-всѣхъ-ногъ за двери и выбѣжавъ на улицу, ни зачто въ мірѣ не соглашался возвратиться къ выполненію своей обязанности, не смотря на настоятельное къ тому требованіе посланныхъ за нимъ однимъ за другимъ прислужниковъ гостиницы, которымъ онъ даже не хотѣлъ давать никакого отчета въ странности своего поведенія. Забавный случай этотъ сильно подстрекнулъ мое любопытство и я предложилъ моему весельчаку идти вмѣстѣ къ этому чудаку для разузнанія истины. Цирюльня была въ нѣсколькихъ шагахъ и когда мы отворили стеклянную дверь ея, то меня поразило видѣ челоуѣка, съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ, съ всклокоченными волосамп, ходившаго быстрыми шагами по комнатѣ, съ салфеткою перекинутою чрезъ плечо, съ намыленною кистью въ рукахъ, Французъ тотчасъ узналъ въ немъ странно обошедшагося съ нимъ цирюльника, я-же, пристально вглядываясь въ лицо его, стараясь припомнить — почему оно мнѣ такъ знакомо, былъ пораженъ еще болѣе когда убѣдился, что онъ никто болѣе какъ гомбургскій триумфаторъ, который около двухъ лѣтъ назадъ, въ моихъ глазахъ такъ-торжественно выѣхалъ изъ Гомбурга съ огромнымъ выигрышемъ. При появленіи нашемъ на блѣдномъ лицѣ его вспыхнулъ румянецъ, но, быть-можетъ не понимая по-французски, онъ ни слова не отвѣтилъ на посыпав-

пиеса на него вопросы француза и принужденно поклонившись пробормоталъ что-то сквозь зубы. Интересъ положенія для меня очевидно удвоился и я, отвѣдя въ сторону загадочнаго цирюльнича, старался вызвать его на откровенность, заговоривъ съ нимъ по-нѣмецки, намекнувъ ему прежде всего о Гомбургѣ. Нисколько не запинаясь и не дѣлая изъ того никакой тайны, онъ охотно передалъ мнѣ всѣ подробности своей странной судьбы, назвавъ мнѣ даже цифру своего огромнаго выигрыша, прибавивъ, что до этого дня, въ который ему такъ покровительствовала предательская фортуна, онъ даже никогда не помышлялъ объ игрѣ, не имѣя о ней никакого понятія; но получивъ неожиданно небольшое наслѣдство, по влеченію какой-то сатанинской силы, онъ сталъ рваться въ Гомбургъ, для увеличенія его, и мысль эта, не давая ему покоя, преслѣдовала его неотступно. Демонъ-соблазнитель сузилъ ему тамъ золотыя горы и къ гибели его, на первый разъ, сдержалъ свои обѣщанія: цирюльничъ выигралъ болѣе нежели мечталъ и съ рѣдкимъ благоразуміемъ удержалъ за собою въ теченіи нѣсколькихъ недѣль этотъ огромный выигрышъ, давъ себѣ клятву не заглядывать болѣе въ Гомбургъ. Но скоро, по общечеловѣческому свойству неограниченности желаній, родившаяся въ немъ мысль о возможности увеличить столь-легко доставшееся ему приобрѣтеніе начала его сильно тревожить, и, въ душѣ уже сдѣлавшись игрокомъ, онъ не могъ устоять противу демонскаго соблазна, забывъ клятву и снова появился въ Гомбургѣ. Шагъ къ гибели былъ сдѣланъ; въ чаду игры не слушаясь голоса благоразумія, подчиняясь лишь влеченію какой-то невидимой адской силы демона игры, онъ началъ проигрывать огромныя суммы, тщетно надѣясь на возвращеніе счастья, безумно форсируя игру пытаясь одолѣть ея упорство и очнулся лишь тогда, когда уже ничего не осталось болѣе въ его кассѣ. Пронгравъ все, что составляло первоначальный выигрышъ и небольшое состояніе его, на этотъ разъ оставилъ онъ предательскій Гомбургъ, уже не торжествующимъ триумфаторомъ, но преслѣдуемый горькими насмѣшками толпы, издѣвавшейся надъ его глупостью, и укорами поздно проснувагося разсудка его. Лишенный всего и даже самого покоя, стыдясь вернуться на родину для занятія прежнимъ ремесломъ своимъ, онъ почелъ себя счастливымъ, когда одинъ изъ старыхъ друзей его, имѣвшій цирюльню въ Бернѣ, сжалившись надъ положеніемъ его, предложилъ ему быть его помощникомъ по ремеслу. Бѣднякъ принялъ его изъ-за куска насущнаго хлѣба. Продол-

жая рассказъ свой, несчастный пирюльникъ сознался, что, признанный брить моего Француза, онъ вдругъ увидѣлъ предъ собою груды золота, столь-живо напомнившія ему его собственное богатство, такъ-быстро ускользнувшее изъ рукъ его; и при этомъ заснувшая въ немъ пагубная страсть къ игрѣ внезапно проснулась и жажда къ чужому золоту снова охватила все существо его. Въ порывѣ откровенности онъ даже сознался чистосердечно, что какая-то демонская сила нашептывала ему преступную мысль однимъ взмахомъ бритвы приобрести себѣ все это золото..... по содрогнувшись отъ ужаса, при голосѣ заговорившей въ немъ совѣсти, онъ бросилъ бритву и подобно безумному бросился бѣжать отъ демонскаго соблазна. Богъ спасъ меня, но если я смѣю дать вамъ совѣтъ, — прибавилъ онъ, глубоко вздохнувъ: бѣгите шры, врагу не желаю испытать того, что я почувствовалъ сегодня.

Ф. Дершау.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. — Прочитавъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсужденіе Н. Х. Бунге, о современномъ направленіи русскихъ университетовъ и о потребностяхъ высшаго образованія, авторъ нижеслѣдующей статьи считаетъ долгомъ своимъ сказать и отъ себя нѣсколько словъ объ этомъ важномъ предметѣ и возразить на основныя идеи разсужденія г. Бунге. Право свое къ такимъ возраженіямъ авторъ статьи основываетъ на пятилѣтней постоянной жизни въ кругу студентовъ дерптскаго университета, на довольно продолжительномъ, но нѣсколько мѣсяцевъ, въ слѣдующіе четыре года, пребываніи между ними, на постоянной со многими изъ нихъ перепискѣ, ежегодномъ съ ними свиданіи въ теченіе девяти лѣтъ, на недавнемъ посѣщеніи этого университета, наконецъ на непрерывномъ наблюденіи во всѣ эти годы за ходомъ и потребностями студентскаго быта въ Дерптѣ. Но чтобы возраженія и взгляды его не показались произвольными, умозрительными и неоснованными на фактѣ, онъ изложитъ здѣсь прежде-всего обстановку преподаванія въ дерптскомъ университетѣ и бытъ самыхъ студентовъ до 1842 года.

При поступленіи въ университетъ, студентъ получалъ отъ самого ректора дипломъ, правила о правахъ и обязанностяхъ студентовъ, списокъ для записки лекцій, которыя онъ обязанъ въ теченіе своего курса слушать, росписаніе лекцій, которыя читались въ полугодіе его вступленія въ университетъ, и изу-

стное наставленіе, какъ понимать эти правила. Вновь вступавшій студентъ давалъ ректору, съ пожатіемъ руки, честное слово, исполнять возлагаемыя на него обязанности и пользоваться предоставляемыми ему правами. Утвержденный такимъ порядкомъ въ званіи студента, вновь-вступившій разсматривалъ распісаніе лекцій даннаго полугодія и избиралъ тѣ изъ нихъ, кои считалъ для себя нужными или которыя его болѣе интересовали. Для поясненія такого выбора необходимо сказать, что въ дерптскомъ университетѣ нѣтъ такъ-называемыхъ курсовъ и переводовъ изъ одного курса въ другой, напротивъ профессоры читаютъ полный курсъ науки въ теченіе четырехъ лѣтъ, не заботясь о вновь вступающихъ. Этотъ порядокъ даетъ профессору возможность, не повторяя одного и того-же каждый годъ при чтеніи предметовъ для четырехъ курсовъ, съ большею основательностію заниматься лишь нѣкоторыми изъ нихъ и съ большею добросовѣстностію приготовляться къ лекціямъ. Записавъ избранныя лекціи на особомъ листѣ, студентъ отправлялся къ одному изъ профессоровъ своего факультета и просилъ одобрить выборъ. Никогда или почти никогда профессоръ не отказывалъ въ своемъ одобреніи; такъ-какъ каждое полугодіе читались непремѣнно лекціи, доступныя для молодого человѣка, получившаго образованіе въ гимназій, какъ напримѣръ исторія или статистика, географія, физика, химія, логика, психологія, ботаника, зоологія, минерологія, алгебра, основные законы и учрежденія европейскихъ государствъ, такъ-называемое международное право, гражданское, уголовное право и прочее и прочее; и какъ молодой человѣкъ, получившій образованіе въ гимназій, понималъ очень хорошо, что ему нельзя было слушать герменевтики безъ изученія римскаго права, дѣлопроизводства безъ знанія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, судопроизводства безъ знанія гражданскаго и уголовнаго права, исторій римскаго, нѣмецкаго или русскаго права безъ изученія самыхъ этихъ правъ, философіи прежде слушанія логики и психологій, физиологій прежде анатомій, терапій прежде естественныхъ наукъ и такъ-далѣе. Получивъ одобреніе, студентъ записывалъ избранныя имъ лекціи въ данный ему ректоромъ списокъ и предъявлялъ его въ казначействѣ университета съ установленною за лекціи платою или съ свидѣтельствомъ о бѣдности *testamonium paupertatis*, освобождавшимъ отъ платы за лекціи. За снѣмъ прекращались его сношенія съ начальствомъ университета, и студентъ могъ дѣйствовать, жить и учиться или вовсе не учиться, ходить на

лекціи и вовсе не ходить на нихъ, — по собственному своему произволу. Такая свобода образовывала прежде-всего въ молодомъ человѣкѣ характеръ или утверждала и развивала его, обнаруживала его свойства въ кругу товарищей, давала случай студенту выразить своими поступками понятія, взгляды, любовь или равнодушіе къ Наукѣ, — цѣль пребыванія въ университетѣ, созидала самостоятельность и тѣмъ приготавлиала къ будущей гражданской или практической жизни. Въ первое полугодіе впрочемъ смотрѣли на поступки студента, называемаго *фуксомъ*, снисходительно и университетское начальство, и профессеры, и товарищи его, и дерптское общество: молодой человѣкъ, только-что оставившій скамейку гимназіи, гдѣ онъ находился подъ надзоромъ родителей, учителей, директора и инспектора гимназіи, былъ неопытенъ въ дѣлахъ житейской свободы, заблуждался, обманывался, не вполне понималъ и сознавалъ свою свободу, бросался на разныя удовольствія, запрещенныя для ученика гимназіи, и вообще болѣе-или-менѣе увлекался въ новомъ своемъ положеніи. Проходило первое полугодіе и студентъ долженъ былъ получить удостовѣреніе отъ профессоровъ, на лекціи коихъ онъ записался, въ томъ, что онъ посѣщалъ ихъ. Въ удостовѣреніи этомъ никогда не было отказа на основаніи той свободы, безъ которой не можетъ быть успѣха въ Наукѣ, а также и потому, что студентъ, не посѣщая лекцій, могъ съ пользою заниматься дома и что наконецъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ гимназіи, долженъ понимать свои обязанности къ Наукѣ. Съ наступленіемъ втораго полугодія, студентъ снова избиралъ по произволу лекціи и съ одобренія профессора записывался на нихъ, а по окончаніи полугодія получалъ отъ профессоровъ удостовѣреніе въ исправномъ посѣщеніи аудиторіи и такъ продолжалъ до окончанія положеннаго курса.

Со вторымъ полугодіемъ студентъ получалъ между товарищами названіе *junges Haus* (молодой домъ), выраженіе непереводаемое на русской языкъ, но означающее самостоятельность и такъ-сказать осѣдность въ гражданскомъ обществѣ; черезъ годъ онъ назывался *altes Haus* (старый домъ), чрезъ 4 года, послѣ вступленія въ университетъ, *bemoostes Haus* (устарѣлый домъ). Всѣ эти названія давали студенту въ кругу его товарищей извѣстныя права, какъ увидимъ ниже, но приобрѣтались имъ не однимъ временемъ: фуксу, на примѣръ, недостаточно было пробыть въ числѣ студентовъ полгода, чтобы сдѣлаться *junges Haus*; нѣтъ, для этого онъ непремѣнно долженъ былъ начать

во второмъ полугодіи слушать лекціи; не бывшій на лекціяхъ втораго полугодія фуксъ оставался тѣмъ-же фуксомъ, какинъ былъ и въ первомъ полугодіи. Тоже наблюдалось и при переходѣ въ altes Haus, зато bemoosstes Haus, устарѣлый домъ, или въ переводѣ устарѣлый студентъ, неслишкомъ лестное особенно для тѣхъ, которые по прошествіи четырехъ лѣтъ, не выдержали еще экзамена, давалось уже безъ всякихъ условій. Если первоначальное слушаніе лекцій для перехода фукса въ junges Haus, а изъ junges Haus въ altes Haus было обязательно; то дальнѣйшее слушаніе ихъ оставлялось опять на совѣсти самого студента: хотѣлъ онъ — слушалъ лекціи, не хотѣлъ — не слушалъ. Ни университетское начальство, ни профессоры, ни общество студентовъ не вмѣшивались въ это дѣло; но у студента бывали обыкновенно близкіе ему старшіе товарищи; эти послѣдніе всегда руководили младшихъ совѣтами и даже настояніями въ той степени, въ какой младшіе допускали и принимали совѣты, но небольше. Принужденія никогда не было.

Какъ переводовъ изъ одного курса въ другой нѣтъ въ дерптскомъ университетѣ; то и нѣтъ обязательныхъ экзаменовъ. Назначались лишь въ теченіе года четыре срока, недѣли по двѣ каждый, когда студентъ, приготовившійся къ экзамену, подавалъ объявленіе декану факультета о томъ, что онъ желаетъ подвергнуть себя испытанію. Сроки эти назначались въ концѣ или въ началѣ года, т. е. въ ноябрѣ или декабрѣ и январѣ, прежде лѣтнихъ вакацій и послѣ ихъ, маѣ или іюнѣ и въ августѣ. Съ этою цѣлію весь университетскій курсъ раздѣлялся на три части, первыя двѣ части составляли однако только половину курсовыхъ предметовъ, а третья часть остальные предметы. — Студентъ, если желалъ и успѣвалъ готовить себя къ экзаменамъ изъ первыхъ двухъ частей курса, держалъ ихъ непремѣнно черезъ годъ, одинъ послѣ другого; только студентамъ медицины разрѣшено соединять обѣ части въ одинъ экзаменъ и держать чрезъ 2 и не позже, какъ 2½ года. Студентъ юридическаго и философскаго факультета, не державшій по прошествіи года пребыванія въ университетѣ первой части экзамена, не допускался уже къ этому первому испытанію, и только въ видѣ снисхожденія и въ уваженіе особенныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ болѣзни, недостаточности средствъ къ жизни, заставлявшей студента давать уроки и тѣмъ отвлекавшей его отъ собственныхъ занятій, — разрѣшалось соединять обѣ первыя части въ одинъ экзаменъ и то впрочемъ съ большимъ затрудненіями. Не допу-

ценный къ соединенію двухъ частей экзамена студентъ обязывался держать, по прослушаніи всѣхъ лекцій избраннаго имъ факультета, весь курсовый экзаменъ т. е. изо-всѣхъ предметовъ разомъ. Экзаменъ этотъ онъ могъ держать черезъ четыре года по вступленіи въ университетъ и позже, а также раньше, черезъ 3 и 3½ года, если въ это время онъ прослушалъ всѣ лекціи; но выдержаніе экзамена прежде положенныхъ четырехъ, для медиковъ 5 лѣтъ, не увольняло студента изъ университета: онъ долженъ былъ непремѣнно пробыть въ числѣ студентовъ 4 и, какъ медикъ, 5 лѣтъ, чтобы получить права, соединяемыя въ государственной службѣ съ ученою степенью дѣйствительнаго студента или кандидата и врача; въ-противномъ-случаѣ онъ получалъ ученую степень, но лишался правъ, предоставляемыхъ ею на службѣ. Установленіе этого правила, конечно, полезно; такъ-какъ поспѣшное приготовленіе къ экзаменамъ почти никогда не бываетъ прочнымъ, и какъ каждое лишнее полугодіе пребыванія въ университетѣ утверждаетъ молодаго человѣка болѣе или менѣе въ Наукѣ, какъ въ слѣдствіе посѣщенія лекцій, такъ и въ слѣдствіе продолжительнѣйшаго обращенія съ профессорами и студентами своего и другихъ факультетовъ. Если-же студентъ выдерживалъ двѣ первыя части экзамена въ установленные сроки; то при послѣднемъ третьемъ экзаменѣ, кромѣ предметовъ, входящихъ въ него, подвергался еще такъ называемому tentamen, пзъ предметовъ первыхъ двухъ частей. Этотъ tentamen былъ тотъ-же экзаменъ, но нѣсколько легче, безъ вниманія билетовъ, а просто по словеснымъ вопросамъ профессора, въ видѣ ученой бесѣды, и не имѣлъ вліянія на присужденіе степени, т. е. не измѣнялъ и не уменьшалъ значенія отѣтокъ, полученныхъ студентомъ прежде; однако заставлялъ его всегда самыхъ серіознымъ образомъ повторить всѣ предметы; такъ-какъ каждому студенту, какъ-бы онъ не былъ легкомысленъ, непріятно было разстаться съ своими профессорами, дѣйствительно любимыми и уважаемыми, не удовлетворивъ ихъ требованіямъ.

Кромѣ этихъ рѣшительныхъ экзаменовъ, студентъ, имѣющій свидѣтельство о бѣдности, обязывался для полученія права на бесплатное слушаніе лекцій, держать каждое полугодіе болѣе-или-менѣе поверхностный экзаменъ въ удостовѣреніе того, что онъ дѣйствительно занимался, тотъ, кто не желалъ или не могъ держать такихъ полугодичныхъ испытаній, обязывался въ наступшемъ полугодіи вносить установленную за лекціи плату.

Для практических занятій медиковъ существуетъ университетская больница или клиника, а также дозволено студентамъ высшаго медицинскаго курса лѣченіе больныхъ въ городѣ подъ наблюдениемъ одного изъ профессоровъ; для богослововъ—домашнія занятія у профессоровъ и въ лютеранской церкви; для юристовъ учреждено незабвеннымъ для дерптскаго университета профессоромъ Отто общество, въ которое каждый студентъ юридическаго факультета вступалъ, какъ членъ, со взносомъ небольшой платы для библіотеки, состоявшей въ завѣдываніи секретаря общества изъ студентовъ. Библіотекою этою впрочемъ почти никто не пользовался, такъ-какъ университетская библіотека доступна для студентовъ безъ всякихъ самомагѣйшихъ затрудненій и содержитъ огромные матеріалы для изученія наукъ. Занятія въ этомъ обществѣ расположены такъ: студентъ писалъ небольшое, не болѣе полулиста или листа, разсужденіе на избранную имъ тѣму; одинъ экземпляръ его передавалъ своему оппоненту, по собственному избранію или указанію секретаря общества, а другой оставлялъ на кафедрѣ профессорской въ юридической аудиторіи, дабы каждый изъ желающихъ могъ его читать и приготовить возраженія. Въ назначенный день, обыкновенно въ субботу въ вечеру, собирались члены этого общества въ юридическую аудиторію и подъ предсѣдательствомъ профессора Отто открывалось преніе между сочинителемъ разсужденія и его оппонентомъ. Хотя другимъ присутствующимъ не воспрещено вмѣшиваться въ диспутъ; но это случалось очень рѣдко; такъ-какъ сочинитель разсужденія и оппонентъ его изучали избранный предметъ въ такой основательной степени, что безъ подобныхъ спеціальныхъ изученій рѣдко кто могъ войти съ ними въ состязаніе, не подвергаясь поражению. Если спорящіе не соглашались въ своихъ взглядахъ; то споръ разрѣшалъ профессоръ Отто; во всякомъ-же случаѣ онъ высказывалъ въ заключеніе пренія свое мнѣніе. Взгляды спорившихъ и мнѣніе Отто записывались въ протоколъ, который и хранился въ дѣлахъ общества. Существовали послѣ 1843 г. и другія практическія занятія студентовъ, впрочемъ домашнія, у бывшаго профессора уголовнаго права, но они не долго продолжались по случаю выбытія профессора изъ университета.

Юридическое общество сближало всѣхъ студентовъ-юристовъ съ профессоромъ Отто и открывало имъ знакомство въ самомъ его почтенномъ семействѣ. Экзамены также знакомили студентовъ съ профессорами. Другихъ случаевъ знакомства между ни-

ми не было; такъ-какъ профессоръ дерптскаго университета не отвѣтствуетъ за успѣхи своихъ слушателей, на основаніи того соображенія, что каждый молодой человѣкъ пользуется академической свободой, безусловно необходимою для Науки, понимаетъ самъ очень хорошо цѣль пребыванія своего въ университетѣ. Часто профессоръ не знаетъ даже по именамъ студентовъ, присутствующихъ на его лекціяхъ; потому-что въ дерптскомъ университетѣ нѣтъ переключки и записыванія отсутствующихъ. По этому студентъ, который не держитъ экзамена, имѣетъ, въ теченіе своего курса, почти только одинъ случай знакомства и сближенія съ профессорами: это обращеніе къ профессору съ просьбою разъясненія его недоумѣній въ Наукѣ, которое съ предупредительною готовностію ему всегда сообщается. Знакомство съ профессоромъ тѣмъ или другимъ путемъ вводитъ студента въ семейство профессора, гдѣ студента принимаютъ съ самымъ обязательнымъ радушіемъ. Навсегда останется въ благодарномъ поемъ воспоминаніи такое знакомство съ профессоромъ Отто и его семействомъ. Знакомство это не ограничивается обыкновенно временемъ пребыванія въ университетѣ, но продолжается и поддерживается посредствомъ переписки, по выходѣ изъ него студента. По этому каждый бывшій дерптскій студентъ съ любовью и искреннею благодарностію вспоминаетъ время своей академической жизни и ни одинъ не скажетъ, что время это проведено имъ безъ значительной пользы и самыхъ высокихъ наслажденій. Разбросанные по всѣмъ концамъ Россіи, студенты дерптскаго университета питаютъ замѣчательную привязанность къ Дерпту и своимъ профессорамъ. Если-же они сами встрѣчаются гдѣ-либо въ отдаленныхъ губерніяхъ; то между ними тотчасъ завязывается сближеніе, хотя-бы они не знали прежде другъ-друга, хотя бы не принадлежали къ одному факультету и одному академическому времени. Даже тѣ, которые, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не окончили курса и не держали окончательнаго экзамена, а ограничились спеціальнымъ испытаніемъ на учителя домашняго, учителя уѣзднаго училища или гимназіи или даже и вовсе не держали никакихъ экзаменовъ, раздѣляютъ тѣже чувства къ мѣсту своего высшаго образованія и своимъ наставникамъ. Заговорите съ бывшимъ дерптскимъ воспитанникомъ объ его пребываніи въ университетѣ; вы никогда не услышите насмѣшекъ на профессоровъ или порицаній ихъ; напротивъ-того услышите самое искреннее выраженіе преданности и благодарности. Такія чувства возможны при необходимой для Науки сво-

бодѣ, при добросовѣстности преподавателей въ чтеніи лекцій, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между профессорами и студентами и при безукоризненной справедливости профессоровъ. Относительно этой послѣдней приведу нѣсколько поучительныхъ примѣровъ: Въ мое время, родной братъ одного профессора держалъ у него экзамень и получилъ очень хорошую отмѣтку; всѣ студенты были непоколебимо убѣждены, что товарищъ ихъ дѣйствительно зналъ науку, изъ которой подвергался испытанію; ни одно и самое глупѣйшее сомнѣніе не приходило никому изъ насъ въ голову, такъ-твердо мы были увѣрены въ безпристрастіи нашихъ наставниковъ. Былъ въ мое время въ Дерптѣ одинъ профессоръ, съ которымъ знакомство, а въ особенности сближеніе, были не безопасны: близкій къ нему студентъ долженъ былъ готовиться къ тому, что на экзаменѣ профессоръ не ограничится двумя положенными вопросами и искусно выспроситъ, выжметъ у него всю Науку, и горе тому, кто не удовлетворитъ его требованіямъ. Были, напротивъ въ мое-же время, профессора, съ которыми неудовольствія, даже и не совсѣмъ небольшія неудовольствія приносили пользу: профессоръ бывалъ съ такими обыкновенно снисходительнѣе. Я на себѣ испыталъ тотъ и другой случай. При неудовольствіяхъ между студентами и профессорами, доходившихъ до декана, а иногда до самаго факультета, и деканъ и факультетъ, даже и при неосновательности жалобы, не отказывали въ своемъ посредничествѣ къ примиренію. Были и такіе случаи, о которыхъ воспомнаніе оживляетъ и обновляетъ сердце: при чрезвычайной строгости въ экзаменахъ, иной студентъ, по робости, а иногда и по свойственному молодому человѣку честолюбію, не рѣшался подвергнуть себя испытанію по выслушаніи лекцій, и приготавлился къ экзамену годъ и два послѣ четырехъ лѣтъ курса; профессора угадывали нерѣшимость студента и, оцѣнивая его познанія, предлагали ему иногда пробное домашнее испытаніе, т. е. такое, которое при неудачѣ не могло вредить студенту и считалось недѣйствительнымъ, а при удачѣ обращалось въ формальный экзамень, были однако между нами и такіе, которые не рѣшались и на подобный экзамень; тогда профессора прибѣгали къ хитрости: въ одинъ прекрасный день студентъ получалъ приглашеніе отъ профессора посѣтить его въ вечеру. Приглашенія такого рода были не новость и нерѣдкость. Студентъ являлся на вечеръ, встрѣчалъ у профессора весь факультетъ, и ему объявляли, что профессора собрались именно для того, чтобы экзаменовать его.

Тутъ, само-собою разумѣется, не было и не могло быть возраженій: столь обязательное вниманіе лишило возможности отказаться отъ предложенія. Студентъ со страхомъ и трепетомъ покорялся своей горькой участи и всегда выдерживалъ превосходный экзаменъ; такъ-какъ подобнаго рода хитрости дѣлались только съ студентами, дѣйствительно заслужившими своею любовію къ Наукѣ такое вниманіе и дѣйствительно имѣвшими вполнѣ удовлетворительныя познанія.—Расскажу еще одинъ случай. Послѣ 1842 г., т. е. послѣ выхода моего изъ университета, и даже еще не такъ-давно одинъ изъ профессоровъ высказалъ мнѣніе, что экзамены студентовъ производятся не довольно строго; другіе профессора того-же факультета остановили его на словѣ и порѣшили, держать другъ у друга экзаменъ изъ полнаго курса, съ цѣлію самимъ убѣдиться, въ какой степени легки испытанія студентовъ. Рѣшено и сдѣлано. Профессоры держали другъ у друга, по всѣмъ правиламъ студентскаго экзамена, испытаніе и увѣрились, что мнѣніе ихъ товарища о легкости экзаменовъ вовсе неосновательно. Это такое событіе, предъ которымъ нельзя не благоговѣть! Нѣтъ словъ для выраженія всей великости, всей благонамѣренности этого поступка.

При такихъ только профессорахъ и при такихъ только отношеніяхъ ихъ къ студентамъ можетъ быть успѣхъ въ Наукѣ. Доказали-ли дерптскіе студенты этотъ выводъ на дѣлѣ, я не берусь разрѣшать вопроса; такъ-какъ самъ принадлежу къ числу ихъ.

Не одни одобренія и поощренія были между нами: у насъ были и наказанія, карцеры, исключенія изъ университета на полъ-года, за самовольнѣйшія преступленія на годъ и навсегда, свой университетскій судъ, свой карающій ректоръ (магнѣфикусъ суровый *), университетская полиція, состоящая изъ педелей.

Педеля составляли полицейскую команду. Обязанность ихъ наблюдать, чтобы студенты не бушевали на улицахъ и въ квартирахъ своихъ; но безъ шума и особенной побудительной причины педель не входилъ въ квартиру студента и не наблюдалъ.

* Титулъ *Magnificus, Magnificenz* — усвоено ректору дерптскаго университета, по примѣру нѣмецкихъ. Русскіе студенты дерптскаго университета сложили пѣсню:

•Вотъ магнѣфикусъ суровый
Бурсака къ себѣ зоветъ,
И бурсакъ нашъ унываетъ,
Убиваемый тоской.»

за занятіями въ ней. Студентъ во-всякое-время и при-всякомъ-случаѣ могъ не пустить педеля къ себѣ, если этотъ послѣдній не требовалъ впуска именовъ ректора и закона. Цѣль такого обычая, установившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ германскихъ университетахъ и перешедшаго въ Дерптъ, лежала въ той мысли, что студентъ, какъ и всякій гражданинъ, имѣетъ такъ-называемое Hausrecht, право домашней свободы, и что по-сѣщеніе педеля нарушаетъ его занятія. Но коль-скоро педель замѣчалъ шумъ и крикъ въ квартирѣ студента, онъ требовалъ впуска именовъ ректора и закона и тѣмъ-же именовъ прекращалъ безпорядки въ жилищѣ студента и на улицѣ, объявляя въ важныхъ случаяхъ призывъ студента къ ректору или въ университетскій судъ. Ректоръ, выслушавъ отъ педеля обвиненіе, а отъ студента оправданіе, могъ назначить виновному трех-дневный арестъ въ карцерѣ, университетскій-же судъ, состоявшій изъ ректора, декана юридическаго факультета, синдика, депутата отъ городской полиціи и одного изъ профессоровъ другихъ факультетовъ, имѣлъ власть присуждать болѣе продолжительное заключеніе, даже исключеніе студента на полгода (streichen), на годъ (consilium abeundi) и навсегда (relegatio). Послѣдняго рода исключеніе соединялось иногда, при слшскомъ предосудительныхъ поступкахъ студента, съ объявленіемъ объ этомъ исключеніи всѣмъ тѣмъ университетамъ, съ которыми дерптскій находился въ близкихъ сношеніяхъ, и такому студенту затворялись двери всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній. Однако студентъ имѣлъ право апелляціи, какъ на распоряженіе ректора, такъ и на постановленіе университетскаго суда въ апелляціонный судъ, даже въ совѣтъ университетскій, составлявшіеся также изъ профессоровъ. Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія моего въ Дерптъ не было примѣра жалобы въ судъ апелляціонный, такъ справедливы были рѣшенія суда университетскаго; и лишь былъ одинъ случай жалобы на ректора.

Послѣ 1842 г. отношенія профессоровъ къ студентамъ остались тѣже, но сдѣланы еще не такъ-давно нѣкоторыя измѣненія въ экзаменахъ, введены для нихъ разныя формальности, назначены кратчайшіе сроки и прочее. Къ чему поведутъ эти нововведенія покажетъ время. Педеля получили большое значеніе.

Перехожу къ быту дерптскихъ студентовъ. Здѣсь прежде-всего нужно замѣтить, что бытъ этотъ (Studentenleben, Burschenleben) образовался въ теченіе столѣтій въ германскихъ уни-

верситетахъ *), принять и развитъ въ Дерптѣ сообразно мѣстнымъ потребностямъ и условіяхъ. Изъ Германіи-же заимствованъ и студентскій уставъ (comment), который написали для себя сами студенты безъ посторонняго участія и который устанавливаетъ права и обязанности ихъ въ кругу товарищей и въ округѣ той мѣстности, гдѣ находится университетъ. Такъ уставъ дерптскихъ студентовъ ограниченъ былъ въ своемъ дѣйствіи Дерптомъ и дерптскимъ уѣздомъ, признаніе силы его внѣ дерптскихъ предѣловъ предоставлено было на волю каждаго студента. На основаніи этого устава студенты раздѣются на особыя общества, называемыя корпораціями, Landsmannschaft, но не по факультетамъ, а по мѣсту происхожденія и воспитанія: такъ напримѣръ общество русскихъ студентовъ въ Дерптѣ составлялось преимущественно изъ молодыхъ людей всѣхъ губерній Россіи, за исключеніемъ литовскихъ, польскихъ и остзейскихъ, рижское общество или fraternitas Rigensis, изъ воспитанниковъ рижской гимназіи и уроженцевъ рижскаго и другихъ, кромѣ дерптскаго, уѣздовъ лифляндской губерніи, воспитанники дерптской гимназіи и уроженцы дерптскаго уѣзда образовывали особое соединеніе; воспитанники митавской гимназіи и происходившіе изъ курляндской губерніи составляли свое общество и такъ-даже. Раздѣленіе студентовъ въ общества не по факультетамъ, а по мѣсту воспитанія и происхожденія имѣло основаніе въ идеѣ универсальнаго образованія: молодые люди разныхъ факультетовъ, сходясь постоянно между собою и бесѣдуя объ избранныхъ ими предметахъ ученія, передаютъ такимъ-образомъ познанія свои другъ другу по разнымъ отраслямъ Науки. Юристъ, слушая бесѣду медиковъ или философовъ, нечувствительно и незамѣтно для себя, безъ всякаго труда и потери времени, получаетъ понятіе о медицинѣ и философскихъ наукахъ и на-оборотъ. Конечно, познанія, приобрѣтаемыя такимъ путемъ, ограниченны; но все-же они ведутъ къ образованію универсальному, во-всякомъ-случаѣ разностороннему. Бывали примѣры, что молодой человѣкъ, положимъ, юристъ, увлекаясь объясненіями своихъ товарищей другихъ факультетовъ, приступалъ добровольно къ слушанію физики, физиологіи, химіи и тому подобнаго, не принадлежащаго къ его юридическому курсу. Были случаи во время пребыванія моего въ Дерптѣ, что студенты разныхъ факультетовъ соеди-

*) Пирера (Pierer) Universal-Lexicon der Gegenwart und Vergangenheit. Altenburg, 1846. Томъ 32, стр. 289.

нялись въ вакаціонное время, между-собою, и изучали фпзнку, не входившую въ курсъ ихъ факультетскихъ предметовъ. Бывали случаи, что студенты, увлеченные рассказами о лекціяхъ того или другого профессора не ихъ факультета, являлись на эти лекціи, что называлось техническимъ выраженіемъ «hospitium», посѣщать лекціи въ видѣ гостя. По-этому раздѣленіе студентовъ въ соединенія по происхожденію и мѣсту воспитанія имѣеть обширную пользу. Напротивъ-того раздѣленіе по факультетамъ принесло-бы одинъ вредъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) молодымъ людямъ не было-бы предмета для разговора; такъ-какъ слушающіе лекціи у однихъ профессоровъ и въ одно время не имѣютъ ничего сообщить другъ другу въ дѣлѣ Науки; конечно, старшіе могли-бы передавать младшимъ свои познанія; но молодой человѣкъ живетъ слишкомъ надеждами, живетъ въ будущемъ и неохотно слушаетъ то, что онъ самъ неизбежно узнаетъ черезъ годъ или два, и надѣется узнать это также основательно или еще основательнѣе, чѣмъ его старшій товарищъ, довѣря иногда черезъ-чуръ своимъ свѣжимъ силамъ; 2) разъясненіе недоумѣнія въ Наукѣ молодой студентъ находитъ всегда у старшихъ, если и не принадлежалъ-бы къ факультетскому обществу; но къ этимъ старшимъ онъ также не всегда прибѣгаетъ, имѣя открытый доступъ къ профессору; 3) поэтому молодые люди одного факультета, лишеныя тѣмы для ученыхъ бесѣдъ, неизбежно занялись-бы предметами посторонними, не относящимися къ Наукѣ, занялись-бы пустословіемъ и начали-бы усаждать это пустословіе развеселяющимъ виномъ. Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ заключается преимущество соединенія по мѣсту воспитанія и происхожденія. Быть-можетъ по теоріи факультетскія соединенія и кажутся полезнѣе; но такая теорія, лишняя знанія молодаго сердца и характера, непременно разрушится на опытѣ.

Коль-скоро молодой человѣкъ былъ принятъ въ университетъ и получилъ отъ ректора дипломъ на свое званіе, онъ былъ обязанъ немедленно явиться къ старшинѣ студентовъ одного изъ этихъ обществъ по собственному его выбору. Старшина читалъ и объяснялъ ему студентскій уставъ, по выслушаніи котораго вступившій давалъ честное слово соблюдать его во всей точности. Это честное слово было безусловно обязательно; такъ-какъ безъ такой обязательной силы этого слова не былъ возможенъ студентскій бытъ и такъ-какъ самый уставъ совершенно приспособленъ къ нуждамъ и потребностямъ молодаго человѣка въ академической жизни, и отвергать его значило-бы отвергать

товарищество, столь-необходимое для молодаго человѣка, оставшаго родительскій кровъ и не привыкнувшаго еще къ жизни въ гражданскомъ обществѣ. Выраженіемъ формальнымъ такого товарищества служатъ право и обязанность каждаго студента говорить другому, знакомому и незнакомому, старшему и младшему студенту, принадлежащему къ его обществу и факультету и непринадлежащему, происходящему по рожденію изъ высшаго или нисшаго сословія, т. е. сыну дворянина, графа, или сыну мѣщанина и крестьянина — «ты». Студентъ, употребившій въ разговорѣ съ другимъ студентомъ слово «вы», подвергся-бы общимъ насмѣшкамъ. Это формальное выраженіе товарищества и равенства предъ Наукою имѣетъ глубокое значеніе. Значеніе это до того ясно, что и распространяться объ немъ нечего. Съ другой стороны, оно сближаетъ и связываетъ студентовъ, возбуждаетъ довѣріе и расположеніе, возвышаетъ ихъ самихъ въ собственномъ кругу и налагаетъ на всѣхъ печать братства во храмѣ Наукъ.

Студентъ, давшій честное слово, исполнять уставъ студентскій, не обязывался однако вступать въ одно изъ обществъ: онъ могъ окончить весь курсъ въ университетѣ, не принадлежа ни къ одному соединенію, и лишь въ отличіе отъ прочихъ корпораціонныхъ студентовъ назывался (Wilder) посторонній; но тѣмъ онъ не лишался ни правъ, ни обязанностей студента по уставу, ни обхожденія со всѣми студентами, ни бесѣды съ ними, ни защиты, ни покровительства, ни товарищества ихъ. Желавшій-же вступить въ корпорацію принимался не вдругъ и не безъ выбора: сперва въ теченіе полу-года, а иногда года и болѣе, молодой студентъ примыкалъ только къ соединенію и получалъ право посѣщать залу фехтованія своей корпораціи; потомъ, когда своими поступками заслуживалъ любовь и уваженіе товарищей, дѣлался уже дѣйствительнымъ членомъ корпораціи и посвящался во всѣ права и обязанности корпораціоннаго бурша. Съ поступленіемъ въ члены корпораціи онъ получалъ разныя должности: такъ прежде-всего на него возлагалась обязанность быть непремѣнно, въ извѣстные дни и часы, дежурнымъ въ залѣ фехтованія, для того, чтобы студенты, не принуждаемые къ посѣщенію этой залы, находили-бы тамъ, если имъ вздумалось заняться гимнастическими упражненіями, хотя одного человѣка. Далѣе, когда достигалъ званія *junges Haus*, т. е. черезъ годъ послѣ вступленія въ университетъ, ему поручала корпорація, если находила достойнымъ, наблюденіе и надзоръ за фуксамп, молодыми

студентами, находящимися въ университетѣ еще первый годъ. Еще позже студентъ могъ быть избранъ казначеемъ корпораціи, которая для своихъ общественныхъ нуждъ дѣлала складки. Наконецъ студентъ, снискавшій общее уваженіе корпораціи, избирался старшиною, — должность чрезвычайно почтенная; такъ какъ старшины (ихъ обыкновенно было двое) стояли во главѣ корпораціи и руководили ея дѣйствіями, предсѣдательствовали въ собраніяхъ соединенія, предлагали о нуждахъ общественныхъ и отдѣльныхъ студентовъ, требовали къ суду виновныхъ, объявляли имъ, по общему приговору, выговоры, внушенія и исключеніе изъ общества и тому-подобное. Должности эти налагали однако на студента однѣ только обязанности; а преимуществъ не давали, собственно говоря, никакихъ, кромѣ развѣ уваженія, которое выражалось общимъ избраніемъ и которое, даже безъ должности, пріобрѣталось студентомъ. Права-же и преимущества давало только время пребыванія въ университетѣ: такъ функція обязанъ былъ принимать товарищескія порученія отъ *junges Haus*, *junges Haus* отъ *bemoostes Haus*. Здѣсь опять проявляется идея студентскаго быта — преимущество въ Наукѣ; оно одно и признавалось дѣйствительнымъ и правильнымъ. Студенты одного времени вступленія въ университетъ не имѣли никакихъ преимуществъ между-собою и считались совершенно равными, даже если-бы одинъ изъ нихъ удостоился выбора въ какую-либо корпораціонную должность.

Соединеніе студентовъ въ корпораціи имѣетъ цѣлю: во-первыхъ, сближеніе, товарищество, — во-вторыхъ, взаимную помощь. Какъ-бы студенты ни жили тѣсно между-собою, товарищество между ними можетъ гораздо легче и прочнѣе утвердиться, если они имѣютъ къ тому формальный поводъ, сверхъ конюшеской привязанности, общихъ занятій и даже общихъ квартиръ. Этотъ формальный поводъ заключается именно въ ихъ корпораціяхъ, гдѣ каждый членъ считаетъ другого своимъ, близкимъ, болѣе чѣмъ школьнымъ или академическимъ товарищемъ. Обязанный по уставу быть помощникомъ и защитникомъ въ случаѣ необходимости, членъ корпораціи незамѣтно сближается, дружится и какъ-бы заключаетъ пожизненный союзъ съ другими корпораціонными членами. Облекая свою привязанность въ форму, студентъ видитъ въ ней нѣчто въ родѣ обязательнаго разположенія и преданности. Во всякомъ дѣлѣ форма имѣетъ для человѣка значеніе, для юности-же, только-что почувствовавшаго гражданскую свободу, форма эта становится уже священнымъ залогомъ.

Положенія эти основаны не только на знаніи сердца человѣческаго, но и на опытѣ, который именно показываетъ, что члены дерптскихъ студентскихъ соединеній сохраняютъ во всю жизнь непритворное дружество, по-крайней-мѣрѣ, истинное расположеніе и привязанность. Но кромѣ этого члены корпораціи связываются еще матерьяльною помощію. Въ каждомъ университетѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ студентскомъ соединеніи есть люди бѣдные, у которыхъ мало средствъ къ существованію, а иногда почти нѣтъ. Для такихъ устанавливались въ корпораціи, во время пребыванія моего въ дерптскомъ университетѣ, склады, изъ которыхъ недостаточный студентъ получалъ денежное пособіе въ опредѣленномъ размѣрѣ. Здѣсь самолюбіе или честолюбіе молодого человѣка ничѣмъ не оскорблялось: такъ-какъ онъ, принимая товарищескую помощь, собственно обязанъ ею ни тому, ни другому товарищу, но обществу, которое соединило ихъ для взаимной привязанности и расположенія. Такою матерьяльною помощію пользовались однако не одни недостаточные студенты: бывали случаи, когда молодой человѣкъ и со средствами не обходился безъ нея. Изъ этихъ случаевъ укажу на болѣзнь: если корпораціонный студентъ заболѣвалъ сильно, къ нему тотчасъ наряжались дежурные изъ товарищей, по-одному, а при опасности больного и по-два, дежурные не оставляли больного ни днемъ, ни ночью, чередуясь днями и часами, заботились, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался, т. е. ни въ дневномъ содержаніи, ни въ лѣкарствахъ, ни во врачѣ, ни даже въ средствахъ къ дозволенному удовлетворенію нѣкоторыхъ прихотей, однимъ-словомъ замѣняли ему родное семейство. Не говоря уже о существенной пользѣ такого попеченія, больной имѣлъ отраду видѣть возлѣ себя постоянно во всякую минуту дня и ночи человѣка, къ которому онъ болѣе-или-менѣе расположенъ, имѣлъ пріятное развлеченіе въ обществѣ образованномъ и теплое участіе на чужой сторонѣ между чужими людьми. Далѣе, молодой человѣкъ со средствами иногда нуждался въ книгахъ или запискахъ; ихъ онъ всегда могъ получать у корпораціонныхъ своихъ товарищей, что такъ-затруднительно при другомъ устройствѣ студентскаго быта. Иногда онъ нуждался въ содѣйствіи при какихъ-либо опытахъ, изслѣдованіяхъ и легко находилъ то-и-другое въ корпораціи. Конечно подобную помощь можно имѣть и внѣ корпораціи, но въ ней она гораздо легче достается. Наконецъ, корпораціи устанавливали еженедѣльные или двух-недѣльные сходки, на которыя собиравался, по-очереди, къ одному изъ товарищей въ опредѣ-

ленный день, обыкновенно въ субботу въ вечеру. Здѣсь хозяинъ квартиры, гдѣ происходила сходка, обязанъ былъ прочесть небольшую статью, написанную имъ на избранную тему. Статья эта вела къ ученой и поучительной бесѣдѣ, къ диспутамъ, которые иногда продолжались до 2 и 3 часовъ ночи, сопровождались и разумными разсужденіями и крикомъ и шумомъ, безъ всякаго стѣсненія, и оканчивались, какъ само-собою разумѣется, мирно, безъ ссоръ, хотя иногда не безъ внутренняго мимолетнаго неудовольствія неубѣжденнаго или неумѣвшаго убѣдить въ своемъ мнѣніи и въ своихъ взглядахъ другихъ. Еще до-сихъ-поръ я вспоминаю съ отрадою эти сходки, съ которыхъ я иногда возвращался или торжествующимъ или пораженнымъ, иногда съ болью въ горлѣ отъ крика и съ твердымъ убѣжденіемъ, что моихъ мнѣній не могли достаточно опровергнуть; а между-тѣмъ проходила недѣля, двѣ, въ которыя сходочный споръ занималъ меня постоянно, и образъ моихъ мыслей принималъ гораздо правильнѣйшее направленіе, чѣмъ было прежде; проходили недѣля, двѣ, и я сознавался въ заблужденіи. Сходочные диспуты становятся со-временемъ необходимостію; безъ нихъ какъ-то скучно, какъ-то недостаетъ чего-то и до такой степени привыкаешь къ бесѣдѣ ученой, что уже никакой обыкновенный, ненаучный разговоръ не удовлетворяетъ чувству. Въ искренности сказаннаго свидѣтельствую честнымъ словомъ. Такимъ-образомъ корпораціи, замѣняя для молодаго человѣка семейство и родительскій кровъ, становились сферою его универсальнаго образованія.

Если оставить студентское соединеніе при такомъ только устройствѣ, т. е. если окружить его одною пользою и пользою. оно было-бы одностороннимъ и въ односторонности носило-бы зародышъ непрочности и скуки. Одна польза не можетъ удовлетворить чувству человѣка вообще, а юноши, считающаго жизнь наслажденіемъ а не трудомъ, еще менѣе. Основатели корпорацій во время существованія ихъ въ германскихъ университетахъ разсчитали и эту сторону; а потому установили праздники. Ихъ три: день основанія университета, день основанія корпораціи и особыіи годичный праздникъ. День основанія университета хотя и праздновался большею частію корпораціями отдѣльно; но въ прежнее время подъ-вечеръ соединялись всѣ корпораціи вмѣстѣ съ фонарями разноцвѣтными, факелами и бутылками (у каждаго по двѣ, повѣшенныя на снуркѣ чрезъ оба плеча) на городской площади, гдѣ факелы сбрасывались въ одинъ костеръ и общія пѣсни оглашали воздухъ. Пѣсни эти сочинены въ честь

и восхваленіе государя (Landesvater, отецъ страны), въ честь университета, профессоровъ и студентскаго быта. Праздникъ этотъ отличался тѣмъ, что всѣ ссоры и неудовольствія забывались въ этотъ день: корпораціи, враждующія между собою, сходились дружески, враги протягивали другъ-другу руку, пили изъ однѣхъ бутылокъ, какъ-будто между ними, кромѣ тѣснаго дружелюбія, ничего прежде не было. День основанія корпораціи праздновался въ своей семьѣ, т. е. только одними членами ея и приткнувшими къ ней; чужихъ на этомъ праздникѣ не было. На особенный-же годовой праздникъ, который бывалъ или въ концѣ или въ началѣ академическаго года, т. е. въ маѣ, іюнѣ и августѣ, приглашались непременно всѣ старшины и почетные члены другихъ корпорацій, студенты особенно уважаемые, постороннія лица, бывшія прежде студентами и по выходѣ изъ университета поступками своими сохранившія прежнее общее уваженіе, а въ былые года даже профессеры. На всѣхъ этихъ праздникахъ, называемыхъ комершами и совершаемыхъ за-городомъ, въ началѣ все шло чинно, не дозволялись никакія шалости, не допускались отдѣльныя пѣсни, до-тѣхъ-поръ, пока не пропѣвался торжественнымъ образомъ, съ нѣкоторыми обрядами, Landesvater, гимнъ во славу государя, отца отечества. Могу увѣрить, что тотъ, кто первый разъ присутствуетъ при торжествѣ Landesvater, не удержится отъ слезъ; такъ-величественно, такъ-благоговѣнно исполняется обрядъ этого славословія. Послѣ Landesvater, зажигался костеръ, образовывались отдѣльные кружки и каждый слѣдовалъ собственному влеченію. Другихъ празднествъ корпорація не допускаетъ; однако устраивается еще одно торжество, комершъ фуксовъ, которое не относится къ праздникамъ, а составляетъ пирушку. Она бывала также разъ въ годъ, по возможности, въ весенніе или лѣтніе мѣсяцы, при благопріятной погодѣ и также за-городомъ. Наконецъ, по уставу, еще одно торжество, сопровождавшееся обыкновенно пирушкой: это проводы студента, окончившаго курсъ въ университетѣ и оставляющаго навсегда Дерптъ. Правомъ на торжественные проводы пользовались только студенты корпораціонные. Въ назначенный день собиралась на квартиру отъѣзжающаго корпорація, распивались двѣ, три бутылки вина, какъ обыкновенно водится при прощаньѣ, безъ всякаго, впрочемъ, излишества и разгула. Отъѣзжающій избиралъ двухъ самыхъ близкихъ ему товарищей, которые брали его подъ-руки и въ сопровожденіи всей корпораціи, напутствующей отъѣзжающаго трогательною

прощальною пѣснью, вели чрезъ весь городъ до заставы, гдѣ ожидала его почтовая тележка. Это прощанье чрезвычайно трогательно и навсегда сохраняется въ памяти *).

Самодобою разумѣется, что три праздника и пирушка фуксовъ, положенные по уставу, не удовлетворяютъ молодаго человека, вступившаго въ университетъ и съ жадностью бросающагося на всякое удовольствіе, хорошо-ли оно или дурно. Поэтому праздновались съ виномъ и пуншемъ именины, окончаніе экзамена, новоселье, новый годъ, весна и прочее, но эти пирушки уже не-корпорационныя и происходили въ небольшихъ кружкахъ. Какъ студентовъ много, то въ небольшомъ городѣ, каковъ Дерптъ, казалось, что студенты вѣчно пировали, между-тѣмъ на дѣлѣ выходило совершенно противное. Если, по правиламъ статистическихъ выкладокъ, разложить число всѣхъ пиршествъ, то на каждаго выйдетъ едвали 5 или 6 въ годъ. Безъ сомнѣнія такой итогъ невеликъ. Если-же къ этому прибавить, что студентъ пьетъ вино не изъ-за вина, не изъ жажды напиться, предаться забвенію или буйной веселости, а единственно изъ шалости, молодчества, если прибавить, что вино само-по-себѣ не составляетъ для студента удовольствія и цѣли, что то дешовое вино, которое студентъ при ограниченныхъ своихъ средствахъ можетъ пить, не въ состояніи быть даже предметомъ наслажденія (такъ оно дурно); то становится понятнымъ, отчего дерптскій студентъ, который пилъ, шумѣлъ и напивался на студентскихъ пирушкахъ, по отъѣздѣ изъ Дерпта или совершенно отказывался отъ него, или употребляетъ его, какъ и всѣ степенные люди. Это есть первое примѣненіе приводимой г. Бунге половицы: «нужно выбѣситься въ молодости.»

Послѣ 1842 года студентскій уставъ нѣсколько измѣненъ въ частностяхъ, но главное и существенное измѣненіе сдѣлано введеніемъ между студентами такъ называемаго *суда чести* (Ehrengericht). Цѣль его была самая благонамѣренная, задумана истинно благонамѣренными людьми; но результатъ суда чести не вполне соответствовалъ цѣли. Судъ этотъ, долженствующій только мирить студентовъ въ ихъ расприхъ, не имѣетъ ни средствъ, ни права ихъ наказывать, потому является установленіемъ одностороннимъ, безъ актовой дѣятельности или безъ

*) Русскіе студенты вѣли при-этомъ-случаѣ пѣвственную пѣснь Языкова, бывшаго дерптскаго студента:

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди васъ.

живаго начала. Приговоры его, въ слѣдствіе такого безсилія, сдѣлались недѣйствительными. Далѣе, на рѣшеніе его не было апелляціи, а у него не было средствъ придать значеніе своимъ рѣшеніямъ. Многіе изъ студентовъ начали удаляться отъ общественной жизни, стали отказываться отъ участія въ корпораціяхъ и студентскій бытъ въ Дерптѣ палъ, прежній прекрасный тонъ между студентами исчезъ, дошло дѣло до брани и до зорныхъ дракъ.

Показавъ такимъ-образомъ значеніе и пользу этого быта, перехожу къ статьѣ г. Бунге и начинаю съ приведенной имъ пословицы: «нужно выбѣситься въ молодости.»

Не знаю, какъ г. Бунге понимаетъ пословицу, а по-русски она означаетъ: *испытать хорошее и дурное въ молодости для того, чтобы вынести изъ жизни академической уроки поучительные и сдѣлаться потомъ достойнымъ членомъ въ гражданскомъ обществѣ.* Въ пословицѣ этой не заключается той мысли, которую г. Бунге, кажется, старается въ нее вложить, т. е. предаваться буйству, безчинству и всякимъ порокамъ. Она просто говоритъ: испытай самъ то-и-другое, испытай для того, чтобы убѣдиться въ другой пословицѣ: «не все то золото, что блеститъ», — испытавъ-же умѣй различать хорошее отъ дурнаго. Подобные опыты полезны въ двухъ отношеніяхъ: въ-первыхъ, они дѣйствительно наводятъ молодаго человѣка на прямой путь порядочности гражданской, отвративъ мысли и сердце его отъ всѣхъ тѣхъ удовольствій, которыя разрушаютъ здоровье, мѣшаютъ дѣлу и нетерпимы между порядочными людьми: вкусивъ горькаго, не захочешь вновь дотронуться до него. Во-вторыхъ, они устанавливаютъ правила нравственности и характеръ: молодой человѣкъ, испытавъ такъ-называемыя наслажденія, понимаетъ всю ихъ горечь и отвращается отъ нихъ. Извѣстно, что пристрастіе, возникающее въ человѣкѣ въ лѣтахъ средняго возраста, чрезвычайно опасно и рѣдко одолимо; молодой человѣкъ, выбѣсившійся въ юности, избавленъ отъ соблазна въ лѣта среднія: ему уже не новость то или другое наслажденіе матеріальное, оно не влечетъ его къ себѣ прелестью новизны и не скрываетъ предъ нимъ тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя гнѣзятся подъ его завѣсою. Конечно, человѣкъ можетъ обойтись и безъ этихъ опытовъ, можетъ прожить весь вѣкъ порядочно, но въ такомъ человѣкѣ нѣтъ настоящаго сознанія, почему — то или другое удовольствіе дурно, или сознаніе это онъ покупаетъ очень дорого.

Такимъ-образомъ, если разобрать основательно жизнь каждаго студента, отдѣльно взятаго; то въ ней, по истинѣ, не найдется не только ничего порочнаго, не только никакого излишества, но даже и того буйства, которымъ чернятъ академическую жизнь люди, наблюдающіе ее со стороны, т. е. видящіе разгулъ всего студентскаго міра и приписывающіе общее, вмѣстѣ взятое, каждому отдѣльно. Изъ такого неправильнаго взгляда происходятъ всѣ заблужденія касательно мнимаго буйства жизни студента; изъ такого ошибочнаго взгляда происходятъ поверхностныя сужденія, будто-бы признаковъ улучшенія нравственности студента есть отсутствіе между ними стремленія къ Nirshествамъ и другимъ наслажденіямъ. Отсутствіе общаго стремленія между всѣми студентами нисколько не доказываетъ нравственность каждаго отдѣльно взятаго, напротивъ наводитъ подозрѣніе въ скрытности отдѣльнаго лица, предающагося непозволительнымъ наслажденіямъ тайно отъ своихъ товарищей; тогда-какъ проявленіе этого стремленія во всей массѣ не только не надаетъ обвиненіемъ на отдѣльно взятаго студента, напротивъ показываетъ, какое малое участіе онъ принимаетъ въ удовольствіяхъ студентскаго быта, а принимая это участіе открыто, доказываетъ, что въ немъ не заражается порока, неразлучнаго со скрытностію. Вотъ почему, признаемся откровенно, мы не понимаемъ выраженій въ статьѣ г. Бунге: «какъ ни достойны осужденія могутъ быть иные поступки студентовъ *), но нельзя не сознаться, что разгулъ *грязныхъ страстей* рѣже выказывается наружу, что кутежъ теряетъ для многихъ обаятельную прелесть и что развратъ (!!!), не успѣвая болѣе прикрывать себя ребячествомъ и наивностію, является въ формахъ отталкивающаго грубаго цинизма.» Позвольте, господинъ профессоръ, прежде-всего грязныхъ страстей не можетъ быть у студента; такъ-какъ для развитія грязныхъ страстей (безъ развитія онѣ не могутъ проявляться, *nota bene*) необходимо болѣе четырехъ лѣтъ академической жизни и болѣе свободнаго времени, чѣмъ имѣетъ студентъ. Не зная студентовъ университета Св. Владиміра лично, я отвергаю положительно между ними «грязныя страсти»: онѣ совершенно несогласны ни съ образованіемъ молодыхъ людей, ни съ самою академическою жизнью и возможны въ томъ единственно случаѣ, когда профессеры не имѣютъ силы привлечь молодаго

*) Кіевскаго университета. Г. Бунге говоритъ лишь объ этомъ университетѣ, хотя собственно кіевскаго университета у насъ и нѣтъ, а есть въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра.

человѣка къ Наукѣ, когда они не умѣютъ возбудить къ ней интереса и тѣмъ, отталкивая студента отъ аудиторіи, даютъ ему свободное время предаваться праздности; когда требованія профессоровъ такъ ограниченны, что «зазубриваніе руководствъ и тетрадокъ» ведетъ къ хорошей отмѣткѣ на экзаменѣ и предоставляетъ студенту столько свободнаго времени, что онъ не знаетъ, куда съ нимъ дѣваться. Къ чести профессоровъ университета Св. Владиміра я не допускаю такой неспособности, въ какой обвиняетъ ихъ г. Бунге. Далѣе, кутежь до-тѣхъ-поръ не теряетъ обаятельной прелести, пока не испытана горечь его; всю силу прелести онъ влечетъ къ себѣ молодаго человѣка, вышедшаго изъ-подъ крова родительскаго на свободу и жаждущаго, по новости своего положенія, насладиться въ полной мѣрѣ ею. Разврата, о которомъ говоритъ г. Бунге, нельзя даже допустить между студентами, молодыми, прекрасно образованными людьми, имѣющими въ виду Науку или по-меньшей-мѣрѣ приготовленіе къ жизни гражданственной. Развратъ—такое страшное понятіе, которое логически не соединяется съ понятіемъ «университетъ». Развратъ есть такое обвиненіе, которое уничтожаетъ совершенно, безъ остатка, значеніе университета и дѣлаетъ его учрежденіемъ вреднымъ, а профессоровъ университета людьми, не исполняющими своихъ обязанностей. Развратъ вообще несвойственъ молодому сердцу, тѣмъ-менѣе онъ свойственъ студенту, выносящему уже много нравственныхъ основаній изъ гимназій и безпрестанно черпающему ихъ въ Наукѣ. Какъ могъ господинъ профессоръ Бунге прийти къ идеѣ о развратѣ, потому что на дѣлѣ сего никогда не было и не можетъ быть между студентами, — непонятно.

Необъяснимо для насъ и другое положеніе г. Бунге:—«большинство понимаетъ, что жизнь не можетъ быть наполнена виномъ, разгуломъ, романтизмомъ и стихами». Положа руку на сердце, говорю положительно, что даже ни одинъ студентъ (не только большинство) и не думаетъ о такомъ парадоксѣ, противномъ самому ограниченному разсудку.

Профессоръ Бунге считаетъ порядочность въ чистотѣ и опрятности студента и отдаетъ преимущество «помаднымъ созданіямъ», по его собственному выраженію, предъ героями попойки и молодечества. Страшно подумать, что г. Бунге говоритъ это серьезно; ибо если молодой человѣкъ, посвятившій себя Наукѣ, занимается своею наружностію, то выходитъ тѣмъ «милымъ созданіемъ», которое, по выходѣ изъ университета, бро-

саеть книги и даже тетрадки, курить по-дамски папирсы, чистить свои ногти, брѣтается безукоризно, говорить льстиво, вкрадывается въ довѣренность, корчитъ изъ себя прекраснаго ребенка, а дѣломъ не занимается добросовѣстно; — тѣмъ пустымъ созданіемъ, для котораго форма замѣняетъ сущность. Это показалъ опытъ. Да и гдѣ студенту найти время, чтобы заботиться о такой порядочности; развѣ, повторяю, требованія профессоръ такъ ограничены, что студентъ ничтожнымъ трудомъ можетъ удовлетворить ихъ. Въ-такомъ-случаѣ дѣйствительно онъ можетъ порядочиться, услуживать профессорамъ, выучивать слово-въ-слово ихъ тетрадки и являться въ общество съ улыбающимся лицомъ, завитымъ и одѣтымъ, какъ говорится, съ иглочки. Если-же профессора съумѣютъ привлечь молодаго человѣка, ввѣряющаго имъ свое высшее образованіе, къ Наукѣ, если дѣйствительно Наука станетъ для него цѣлю, а не средствомъ и формою; то въ теченіе 4 лѣтъ, право, нѣтъ времени заботится о причeskѣ, ногтяхъ, лакированныхъ сапогахъ и тому подобномъ. Противъ этого возраженія г. Бунге можетъ сказать, что онъ сравниваетъ «помадныхъ созданій» не только съ героями попойки, но и «съ добрыми-малыми, готовыми надуть и сплутовать». Не думаю, чтобы и 15 лѣтъ тому назадъ были между студентами университета Св. Владиміра такіе «добрые-малые». Если-же они и были; то составляли только самое ничтожное исключеніе и выгонялись немедленно изъ университета, — почему несправедливо говорить объ исключеніи, и въ добавокъ, исключеніи временномъ, какъ объ общемъ типѣ студентовъ.

Г. профессоръ Бунге жалуется, что 15 лѣтъ назадъ въ аудиторіяхъ университета Св. Владиміра студенты спали, вели разговоры или школьную пріятельскую переписку, что и въ настоящее время трудъ постоянный, настойчивый *мимомъ* не по сердцу, что «въ лекціяхъ большинство ищетъ пріятнаго препровожденія времени и едва-ли рассматриваетъ ихъ, какъ средство, какъ пособіе въ занятіяхъ.» Если это дѣйствительно справедливо; то виноватъ самъ г. профессоръ Бунге, котораго лекціи слушаются для пріятнаго препровожденія времени, потому-что, правду сказать, нигдѣ лекціи не составляютъ удовольствія или пріятнаго препровожденія времени, но трудъ тягостный, точно такой-же трудъ, какъ всякое изученіе, какъ всякая наука, требующая терпѣнія, постоянства, неимоверныхъ усилій и самыхъ разнообразныхъ жертвъ; ко-всему-этому студентъ не прежде можетъ прійти, какъ полюбивъ Науку, а полюбить можетъ,

узнавъ ее. Студентъ, слушающій лекціи, знакомится только съ Наукой, а потому долго, долго бываютъ для него лекціи утомительнымъ дѣломъ, но онъ слушаетъ ихъ потому, что видитъ пользу, а не пріятное препровожденіе времени.

Нельзя однако не согласиться съ г. Бунге, что «наша нравственность, что наши знанія не зависятъ единственно отъ видовъ правительства, отъ уставовъ учебныхъ заведеній, отъ надзора инспектора и его помощниковъ, отъ числа выслушиваемыхъ лекцій, и что намъ самимъ принадлежитъ нравственный надзоръ надъ собою, и что за успѣхъ въ дѣлѣ Науки ручаются избранные нами приемы.» Это неопровержимая истина. Ни уставы учебныхъ заведеній, и ни въ какомъ случаѣ инспекторы и помощники ихъ, не сохраняютъ нашу нравственность. Точно также число выслушанныхъ лекцій не есть успѣхъ въ Наукѣ: здѣсь нуженъ серіозный трудъ, нужны приемы; но этотъ трудъ возбуждаетъ профессоръ, но эти приемы указываетъ профессоръ, какъ это и дѣлается въ Дерптѣ. Почему и тутъ необходимо замѣтить, что высказанную г. Бунге истину могутъ примѣнить къ дѣлу преимущественно профессеры, а студенту, неопытному и ввѣряющемуся имъ, нелегко самому дойти и до этого труда и до такихъ приемовъ. Установите между профессорами и студентами тѣ отношенія, какія существуютъ въ Дерптѣ, и вы несомнѣнно достигните вашей цѣли и примѣненія высказанной вами истины.

Также не сомнѣнно, что и нравственность и руководство въ выборѣ средствъ къ изученію Науки мы найдемъ «въ общественной, обнимающей всѣ стороны жизни»; что человѣка никогда не воспитаетъ школьная полиція и ея сентенціи, но что воспитаніе мы получаемъ отъ «общества людей, связанныхъ между-собою единствомъ цѣли, освѣжающей душу истиною, чувствомъ чести и осязательными результатами взаимнаго вліянія другъ-на-друга.» Вполнѣ соглашаемся и съ слѣдующимъ положеніемъ г. Бунге: «когда личность выходитъ изъ своей эгоистической замкнутости, когда она начинаетъ сродняться съ интересами другихъ, тогда для нея открывается болѣе широкіи горизонтъ духовной жизни и она мало-по-малу начинаетъ уважать тѣхъ, которые стоятъ выше ея по уму, таланту и развитію.» Также справедливо, что общественность «не можетъ быть формальною и казарменною, дѣломъ вѣшняго принужденія; потому-что, по существу своему, она должна вытекать изъ живоощущаеюй потребности, настоятельно пущей удовлетворенія.»

Но какъ-же въ-самомъ-дѣлѣ установить эту общественность? Г. Бунге предлагаетъ для этого казармы, называя ихъ лишь домами, предназначенными для студентовъ. Такимъ-образомъ г. Бунге, отвергая казарменное воспитаніе, предлагаетъ его только въ другомъ видѣ. На мысль эту навело его устройство домовъ въ Берлинѣ для *kleine Leute*, т. е. для людей недостаточныхъ, семейныхъ и не-семейныхъ, вступившихъ уже въ гражданское общество. «Тамъ — говоритъ г. Бунге — наемная плата, по истеченіи извѣстнаго времени, дѣлаетъ жильца акціонеромъ, собственникомъ своей квартиры.» Здѣсь прежде-всего замѣтимъ, что общество акціонеровъ, устроившее такіе дома въ Берлинѣ, убѣдилось уже въ шаткости принятой системы, и именно въ томъ, что обращеніе квартиръ чрезъ наемную плату въ собственность квартирующаго сопряжено съ чрезвычайными неудобствами, и потому оно уже помышляетъ объ уничтоженіи приобрѣтенія квартиръ посредствомъ наемной платы въ собственность. *) Не смотря на такой опытъ, г. Бунге предлагаетъ отвергнутую уже систему. Это очень прискорбно, что г. профессоръ совѣтуетъ намъ негодное. Далѣе онъ говоритъ: «назначить плату, которая послѣ 30 — 35 лѣтъ погаситъ затраченный капиталъ и сдѣлаетъ зданіе собственностію корпорации.» Но гдѣ-же эта корпорация? г. Бунге предлагаетъ образовывать ее изъ студентовъ недостаточныхъ, такихъ, которые имѣютъ всѣ условія для полученія стипендій. Къ чему-же эта ограниченность? Не лучше-ли вмѣсто соединенія студентовъ стѣнами одного зданія, соединить ихъ общественностію духовною, безъ различія состояній, какъ это дѣлалось въ Дерптѣ. Нельзя здѣсь также не замѣтить, что общественныя квартиры въ Берлинѣ, въ Англіи, Франціи и Голландіи, устроенныя для людей недостаточныхъ, которые соединяются лишь въ такихъ квартирахъ однимъ зданіемъ, не имѣютъ ни одной цѣли, ни однихъ интересовъ, ни одного направленія, которые не нуждаются въ этой казарменной общественности, потому-что находятъ необходимую для себя живую общественность въ самой жизни гражданской, и что квартира въ такомъ зданіи облегчаетъ ихъ, по дешевизнѣ платы, лишь въ нуждахъ житейскихъ. Такихъ нуждъ студентъ не имѣетъ, потому-что еще не вступилъ въ жизнь общественную, потому-что не имѣетъ ни семейства, ни сопряженныхъ съ нимъ потребностей, и можетъ всегда прию-

*) См. Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ 1857 г. Ч. XXV, кн. 7, отд. II, стр. 20 и 21.

тяться гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, сообразно собственнымъ средствамъ: ему нужна общественность духовная; но онъ ея не найдетъ въ зданіи, гдѣ онъ непрежѣнно обязывается изъ-за удобства квартиры подчинить себя разнымъ условіямъ и ограниченіямъ. Дозволеніе жить въ такомъ домѣ однимъ недостаточнымъ студентамъ есть односторонность всегда вредная. Нѣтъ, для студента необходима не такая стѣсненная и односторонняя общественность; ему нужно общество людей, которыхъ онъ самъ для себя избираетъ, къ которымъ его влекутъ мѣсто-происхожденія, мѣсто-воспитанія и личное уваженіе. Изъ-за удобства квартиры студентъ не долженъ жертвовать своею академическою свободою въ выборѣ общества и людей, съ которыми онъ желаетъ провести время пребыванія своего въ университетѣ. Какъ ни устройте эту квартиру, все ничего не выйдетъ для Науки: ни библіотека, ни общія зала, ни общій столъ, ни общія комната для музыки — ничто не соединитъ дружбою людей, принуждаемыхъ необходимостію сходиться между собою. Вѣдь у насъ существуютъ корпуса для казенныхъ студентовъ. Развѣ эти корпуса вселяютъ въ студентахъ то дружество, ту привязанность-любовь и уваженіе на цѣлую жизнь, которыми отличаются дерптскіе студенты? Развѣ люди, воспитанные въ этихъ корпусахъ питаютъ къ нимъ то теплое чувство, которое сохраняетъ дерптскій студентъ къ своей корпораціи? Да и что сохранится въ воспоминаніи объ этихъ общественныхъ домахъ и квартирахъ? Жизнь въ нихъ не можетъ быть украшена тѣми юношескими удовольствіями, которыя доставляетъ студентская корпорація.

Но однѣ корпораціи недостаточны въ дѣлѣ академическаго образованія: для него нужны не только общество студентовъ, но и общество профессоровъ. Установите прежде-всего между профессорами и студентами тѣ отношенія, какія существуютъ въ Дерптѣ, доведите до того положенія профессоровъ, чтобы студентъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на учителей, которые требуютъ отъ него знаній на экзаменѣ, а какъ на дѣйствительныхъ помощниковъ въ дѣлѣ Науки, какъ на друзей въ дѣлѣ академической жизни, тогда легко будетъ установить лучшія отношенія между самими студентами, тогда легко будетъ и дать имъ связь духовную, которая останется между ними на всю будущую жизнь и обольетъ воспоминаніе истинною благодарностію, привязанностію и любовью къ мѣсту своего воспитанія.

Ш. Вардановъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СТАНОВОМЪ ПРИСТАВѢ.

(Изъ записокъ становаго пристава М.....)

I.

Я — становой приставъ! Я — самый ничтожный, самый презрѣнный чиновникъ въ имперіи! Всѣ возстали на пристава, всѣ бичуютъ его, начиная отъ г. Щедрина до послѣдняго Еврея; всѣ на него смотрятъ, какъ на какую-то заразу, какъ на какого-то отверженнаго человѣка. Попытался было одинъ добрый человѣкъ вывести на свѣтъ-божій честнаго пристава — и Боже мой! всѣ противу него возстали, всѣ закричали, что такого пристава нѣтъ и не можетъ быть на Руси, что это — призракъ, пустое воображеніе автора; — и досталось-же бѣдному автору (г. Львову) и на словахъ, и печатно за честнаго пристава!

Да полно! такъ-ли въ-самомъ-дѣлѣ низокъ, безчестенъ и подлъ становой приставъ, какъ его выставляютъ всѣ? Не потому-ли онъ такъ низокъ и гадокъ, что такъ малъ въ этомъ громадномъ мірѣ русскаго чиновничества, а такъ много возложили на него обязанностей и дали столько власти? не потому-ли такъ на него нападаютъ всѣ, что его некому защитить?...

По-моему, приставъ — весьма важный чиновникъ. Приставъ — краеугольный камень всей администраціи, всего порядка на Руси; приставъ — важнѣе, полезнѣе для государства иного директора департамента.

И въ-самомъ-дѣлѣ: въ какомъ государствѣ предоставлена полиціи такая огромная власть, какъ у насъ въ Россіи? Въ какомъ государствѣ такой, по видимому, маленькій чиновникъ, какъ приставъ, снабженъ такою громадною властью, какъ у насъ? Въ какомъ государствѣ такой маленькій чиновникъ, какъ приставъ, можетъ испортить самое важное дѣло и испортить такъ, что послѣ его и поправить нельзя?

У насъ полиція — власть исполнительная, а судить, и рядить, и сама-же исполняетъ; т. е. я, приставъ, самъ сужу, самъ постановляю приговоръ и самъ-же его исполняю. Странно какъ-то, а правда. Лучше объясню примѣромъ.

Еврей приходитъ ко мнѣ и жалуется, что его какой-то крестьянинъ ударилъ на площади палкою. Я повѣряю его жалобу, соображаю поступокъ крестьянина съ закономъ и постановляю приговоръ: «посадить крестьянина подъ арестъ на 2 дня.» На приговоръ не объявляютъ стороны апелляціи, приговоръ вошелъ.

въ законную силу (т. е. я, приставъ, создаю законъ для 2-хъ лицъ!!) и я самъ-же его исполняю—подвергаю крестьянина аресту.

Тоже самое и въ земскомъ судѣ: самъ судъ назначаетъ и производитъ слѣдствіе по какому-нибудь проступку, самъ судитъ его, самъ постановляетъ приговоръ и самъ-же его исполняетъ.

Теперь, кажется, ясно, что судебная и исполнительная власти соединены въ пристава. Правда, соединеніе это микроскопически-мало относительно полного соединенія и дѣйствія этихъ властей; но вѣдь изъ мелочей, говорятъ, состоитъ счастье человѣка, вся его жизнь; но вѣдь въ этихъ мелочахъ покой жителей, покой государства; не даромъ-же вѣдь говорятъ, что полиція—единственный проводникъ между народомъ и правительствомъ, и что если этотъ проводникъ хорошъ — хорошо народу и правительству, но чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, стоять только вспомнить свѣжіи примѣры во Франціи, министерство генерала Эспиваса.

Сказавъ, что въ пристава соединяются власти судебная и исполнительная, я выразился объ обширности дѣятельности пристава только общими чертами, только-слегка очертилъ кругъ его дѣятельности. Если-же присмотрѣться ближе къ тому, что возлагаетъ на него законъ (2654—2798 стат. II Т. Св. Зак. изд. 1857) и чего онъ отъ него требуетъ, то невольно ставишься въ тупикъ и спрашиваешь себя: неужели физическія и нравственныя силы одного человѣка — виноваты! не человѣка, а пристава — могутъ вынести все это бремя? По министерству финансовъ на пристава лежитъ отвѣтственность за бездомочное поступленіе въ казну податей и всѣхъ возможныхъ денежныхъ сборовъ; по министерству юстиціи, на немъ лежитъ производство слѣдствій, опись разныхъ имуществъ (съ шестимѣсячнымъ срокомъ), даже судъ въ небольшихъ проступкахъ; по военному министерству — бездомочная поставка рекрутъ, отводъ квартиръ, дача подводъ; по министерству государственныхъ имуществъ — наблюденіе, чтобы подметали въ деревняхъ улицы, прибирали падаля, не допускали жить покойно въ казенныхъ имѣніяхъ бродягъ, дезертировъ... Словомъ, по каждому министерству заботы самыя тяжкія лежатъ на бѣдной полиціи.

Изъ всего этого видно, что приставъ долженъ знать прекрасно всѣ 15 томовъ Св. Зак., какъ полицейскій чиновникъ, и, кромѣ-того, долженъ обладать хорошей логикой, имѣть доброе сердце, какъ судья.

Теперь нужно принять во вниманіе и то еще, что въ одинъ

и тотъ-же день, а иногда въ одинъ и тотъ-же часъ, приставъ долженъ бываетъ удовлетворить всѣмъ изложеннымъ выше требованіямъ министерствъ и, сверхъ-того, долженъ поработать и за себя, т. е. заняться собственно своимъ полицейскимъ дѣломъ охраненія порядка, установленнаго закономъ.

Беру́на выдержку день службы пристава въ здѣшнемъ (западномъ) краѣ. Пришла почта изъ земскаго суда; въ почтѣ болѣе 50 NN. Изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ десятокъ требуетъ «непремѣннаго исполненія въ 6 или въ 7 дней» (никогда не меньше) подъ угрозой послышки, на счетъ пристава, нарочнаго или эстафеты. Исполнить-же эти 10 номеровъ, такъ-какъ требуетъ законъ и совѣсть, едва-ли возможно и въ мѣсяцъ, потому-что требуютъ производства слѣдствія по какому-нибудь преступленію, описи имѣнія для продажи съ публичнаго торгу, собранія статистическихъ свѣдѣній и т. п. Остальные 40 номеровъ не срочные. У пристава станъ, съ одного конца до другого, растянулся почти на 100 верстъ. Чтобы исполнить добросовѣстно всю почту — нужно объѣхать весь станъ, нужно по-крайней-мѣрѣ мѣсяца полтора времени, а тутъ, въ это время, поступать къ нему еще 9 такихъ почтъ (2 раза въ недѣлю). Но едва приставъ прочелъ всю почту и думаетъ ѣхать для исполненія срочныхъ предписаній туда-то, какъ входитъ сотскій и, низко кланяясь, докладываетъ ему, что въ ихнемъ лѣсу нашли трупъ убитаго человѣка. Разумѣется, приставъ, оставивъ почту, скачетъ съ сотскимъ въ лѣсъ верстъ за 40 или за 50. А тутъ, только-что онъ выѣхалъ, сотскій съ другаго конца стана съ бумагой, которой прапорщикъ такой-то требуетъ пристава для встрѣчи и провода ввѣренной ему команды изъ 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Бумага, разумѣется, остается въ становой квартирѣ; прапорщикъ, оскорбленный невниманіемъ къ нему пристава, важно проходитъ, на другой день, чрезъ его станъ и рапортуетъ начальнику губерніи, «что приставъ-де такого-то стана и уѣзда не встрѣтилъ меня» и т. д. И бѣдному приставу выговоръ. Между-тѣмъ, пріѣхавши въ лѣсъ, приставъ не можетъ попасть «на слѣдъ злоумышленниковъ,» потому-что 2-мя сутками пріѣхалъ позже убійства — новый выговоръ. Но прошло 7 дней, приставъ не доставилъ свѣдѣній о томъ, сколько въ его станѣ головъ разнаго скота — земскій судъ шлетъ ему эстафету. И въ тоже самое время кредиторъ такой-то подаетъ въ губернское правленіе жалобу на пристава за то, что до-сихъ-поръ не описалъ имѣнія его должника — и губернское правленіе, съ своей стороны, бичуетъ при-

става. Словомъ, кто только Бога боится да людей стыдится, тотъ только и не ѣздитъ на приставѣ, тотъ только и не бранитъ его.

И дѣйствительно, пристава виноватъ; онъ не исполнилъ въ семи-дневный срокъ десяти нумеровъ земскаго суда; онъ не встрѣтилъ прапорщика; онъ не открылъ «по горячимъ слѣдамъ» убійцу; онъ не описалъ имѣнія такого-то должника; у него тамъ-то плохой мостъ, а здѣсь такія провалы на дорогѣ, что и проѣхать нельзя; тамъ, подь самую церковь, шиннокъ; здѣсь валяется падаля; въ такомъ-то лѣсу живутъ, говорятъ, дезертиры и грабятъ, а чрезъ эту деревню Еврей только-что провезли контрабанду.... Словомъ, пристава кругомъ виноватъ.

Виноватъ!... Да кто-же бы на его мѣстѣ не былъ виноватъ? У кого найдется столько силъ, чтобы всё это успѣть сдѣлать, чтобы всё это вынести.... И послѣ этого всё еще удивляются, всё кричатъ, что у насъ дурная полиція, что псправники — мошенники, пристава — подлецы, что съ полиціей страшно и встрѣтиться, не то-что дѣлю завести! Да если-бы уничтожить всё уѣздныя присутственныя мѣста, да, пожалуй, ужъ за одно и губернкія, да всю эту обузу и взвалить на полицію — тогда-бы еще меньше было порядку, — тогда-бы просто петлю полиціи на шею, да прямо, безъ суда и спросу, и вздернуть ее на самую верхушку дерева.

Держу пари сто противу одного, что еслибы, для штуки, назначили мѣсяца на три самого умнаго дпректора департамента на должность пристава, то въ эти три мѣсяца онъ скушаетъ, по крайней-мѣрѣ пять-шесть выговоровъ. Только, впрочемъ, требую, при этомъ пари, одного условія, чтобы директоръ департамента изъ дѣйствительныхъ статскихъ переименованъ былъ въ титулярные, а то губернское правленіе и въ особенности земскій судъ страхъ-какъ боятся превосходительства, и изъ уваженія къ его превосходительству выговоры дѣлать не станутъ.

II.

Высказавъ, чего требуютъ отъ пристава и какими качествами пристава долженъ обладать, скажу нѣсколько словъ о томъ — какпхъ людей назначаютъ на должность пристава, какое даютъ содержаніе приставу и почему онъ беретъ взятки.

Не беру въ примѣръ себя: я все-таки «чему-нибудь, да какъ-нибудь» учился, хотя, впрочемъ и никогда не думалъ быть приставомъ. Возьму въ примѣръ моего сосѣда Д.

Батюшка сго отдалъ сначала сына въ духовное училище. Тамъ онъ пробылъ что-то лѣтъ 7 или 8; потомъ поступилъ въ семинарію, но здѣсь «дошедъ до риторики, убоаяся премудрости» и никакъ не могъ достигъ философіи, не смотря на самыя энергическія побужденія ректора и прочихъ отцовъ-наставниковъ. Къ-счастью, Д. имѣлъ хорошій голосъ: его взяли въ архіерейскую пѣвчую. Года три онъ тамъ ревѣлъ басомъ; наконецъ отъ «остервененія,» какъ говоритъ г. Щедринъ, къ горячимъ напиткамъ, потерялъ голосъ, и его выгнали оттуда. Изъ пѣвчихъ Д. поступилъ въ писцы земскаго суда; отсюда «въ таковыя-же» поступилъ въ губернское правленіе. Долго онъ здѣсь теръ локтями столы и все мечталъ о томъ — какъ-бы ему попасть въ пристава. За красоту, наконецъ, почерка и долголѣтнюю службу, коллежскій секретарь Д. получилъ мѣсто пристава.

Надѣвъ мундиръ съ краснымъ воротникомъ и петлицами, заткнувъ въ портупею шпагу и взявъ въ руки каску — онъ былъ великъ (собственное выраженіе Д.), земли подъ собою не слышалъ! Даль-же онъ знаетъ свое величіе бѣднымъ Евреямъ, сотскимъ и десятскимъ, пріѣхавши въ станъ! досталось такъ-же и помѣщикамъ малограмотнымъ!

Теперь спрашиваю: чего можно ожидать добраго отъ человѣка, который не только-что не знакомъ хорошо съ законами, которые взялся охранять, но даже не знаетъ — какіе законы въ какомъ томѣ? отъ человѣка, который не получилъ никакого нравственнаго воспитанія?..

И вотъ, онъ приставомъ. Онъ, какъ въ чаду, какъ угорѣлый, бѣгаетъ по стану и вездѣ высказываетъ «по-своему» свое могущество, свою власть, свое счастье. Здѣсь онъ отпоролъ ни за что ни прочто сотскаго, тамъ поколотилъ Еврея, тутъ остановилъ дамъ, ѣхавшихъ съ колокольчикомъ и наговорилъ имъ тысячу грубостей. Теперь посмотрите, какъ онъ производитъ слѣдствія. Писарь, столько-же образованный, какъ и самъ приставъ, но все-таки болѣе знакомый съ слѣдственнымъ порядкомъ, допрашиваетъ арестанта, а онъ, въ другой комнатѣ съ дьякономъ или экономомъ, тянетъ горькую и, въ упоеніи блаженства, реветъ: «Спаси Господи люди Твоя!», а дьяконъ ему вторитъ. Потомъ, «для авантажу», войдетъ въ комнату, гдѣ допрашиваетъ писаря. Прибѣдетъ арестанта, побранитъ писаря, а потомъ опять назадъ. Наскучаетъ ему дьяконъ, или эконокъ — слѣдствіе кончено, ѣдетъ въ другое мѣсто. Для очистки-же нумера во входящемъ, отсылаетъ слѣдствіе въ судъ, вмѣстѣ съ арестантомъ. Земскій судъ

возвращаетъ ему «для дополненія» слѣдствіе и при немъ арестанта. Арестантъ съ дороги бѣжитъ; приставъ доноситъ о томъ суду и докладываетъ, «что, по розыску, арестанта въ его станѣ не оказалось» (а онъ его вовсе и не искалъ). Отсюда переписка и безконечные нумера. Пока арестанта земскій судъ отыскиваетъ «посредствомъ публикацій» (которыхъ никто не читаетъ); приставу доставляетъ такая-то экономія вора съ лошадьми; приставъ переговорилъ съ воровъ и, ночью, воръ бѣжалъ изъ полиціи. Между-тѣмъ, помѣщикъ Ц. не выслалъ на такой-то пунктъ подводы «подъ воинскія тягости» и приставъ пишетъ ему бумагу, въ которой грозитъ, что если онъ, сейчасъ-же, не пришлетъ на такой-то пунктъ, вмѣсто одной, двухъ подводъ, то онъ, приставъ, поступитъ съ нимъ, какъ съ мятежникомъ *). Словомъ, не прошло и году, какъ на него всѣ стали жаловаться, стали кричать и помѣщики, и Евреи и крестьяне, и, наконецъ, приставъ Д. «за слабое взысканіе недоимки» (а не за продѣлки его) былъ удаленъ отъ должности и причисленъ въ штатъ «онаго правленія».

Пробѣдовавъ года-два въ пещахъ губернскаго правленія, Д. получилъ опять должность пристава въ нашемъ уѣздѣ. Теперь онъ типе немного («не тѣ времена!» говоритъ онъ), но все-таки такъ-же знаетъ и понимаетъ полицейскую службу, какъ я китайскій языкъ.

По моему сосѣду Д. можно мѣрять и остальныхъ приставовъ, съ весьма рѣдкими исключеніями, съ той только разницей, что одинъ изъ нихъ изъ дворянъ нигдѣ не учившихся, другой просто изъ однодворцевъ, что нѣкоторые изъ нихъ бываютъ или немного лучше Д. во всѣхъ отношеніяхъ, или немного хуже.

Впрочемъ, въ послѣдніе два-три года, характеръ нашей братіи какъ-то смягчился, облагородился, такъ-сказать; а то бывало, ни дать ни взять — герон г. Щедрина.

Но послѣ этого, всякій скажетъ: зачѣмъ-же губернское правленіе назначаетъ на должности приставовъ такихъ бездарныхъ и безнравственныхъ людей, людей вовсе не приготовленныхъ къ полицейской службѣ?

На этотъ вопросъ я отвѣчу, что губернское правленіе здѣсь нисколько не виновато. Оно не можетъ назначать на эти должности людей образованныхъ и способныхъ, во 1-хъ потому, что такихъ людей у него очень мало и оно прибергаетъ ихъ для себя, а во 2-хъ потому, что если-бы и хотѣло назначить, то эти

*) Истинный фактъ.

образованные и способные люди не пойдутъ, безъ крайней нужды, на должности приставовъ, а не пойдутъ потому, что содержаніе приставовъ очень и очень скудно.

Приставъ получаетъ въ годъ всего содержанія 280 руб. 71 коп. Кажись-бы и можно было въ деревнѣ, въ готовой квартирѣ, прожить кое-какъ съ этими деньгами; но на бѣду, приставъ изъ этой суммы получить едва половину, потому-что онъ непремѣнно долженъ сдѣлать слѣдующіе, почти официальные, расходы:

а) долженъ получать губернскія вѣдомости и заплатить за нихъ	3 р. — к. въ годъ.
б) за журналъ М. В. Дѣль	7 » 50 » » »
в) за сборникъ циркуляровъ М. В. Д.	7 » — » » »
г) за сенатскія вѣдомости	5 » — » » »
д) заплатить въ типографію губернскаго правленія за бланки для 37 книгъ и для срочныхъ вѣдомостей отъ 20 до	30 » — » » »
е) дать на наемъ писцовъ въ земскомъ судѣ по 25 р. въ треть	75 » (*) » » »
и ж) заплатить, по-крайней-мѣрѣ, за три эстафеты	20 » — » » »

Итого. . . 137 р. 50 к. въ годъ.

Затѣмъ остается приставу 143 руб. 21 коп., т. е. тутъ его и буаръ, и манже, и сортиръ, — какъ говоритъ г. Щедрина.

Спрашивается теперь: какими судьбами приставъ можетъ прожить годъ съ этими 143 рублями, особенно если у него есть старуха-мать, сестры, и пожалуй еще жена и дѣти?!

Жить нечемъ — нужно брать взятки, чтобы кое-какъ прожить и одѣться.

*) Въ любомъ земскомъ судѣ здѣшняго края выходитъ въ годъ отъ 25 до 27 тысячъ исходящихъ нумеровъ, да столько-же бываетъ входящихъ; кромѣ-того, судъ ведетъ болѣе 40 книгъ по разнымъ предметамъ. Вся-же его канцелярія состоитъ изъ 1 секретаря, 1 регистратора, 2 столоначальниковъ и 4-хъ писцовъ. Очевидно, что для такого громаднаго письменоводства людей этихъ недостаточно: судъ долженъ нанимать вольныхъ писцовъ, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить потребности «писанія». Денегъ же у него для этого нѣтъ, потому-что получаетъ въ годъ на всѣ канцелярскіе расходы 273 р. 99 коп., т. е. на бумагу, и на свѣчи, и на мебель, и на губернскія вѣдомости, и на бланки для 43 книгъ, и на журналъ М. В. Д. и проч. Очевидно, что денегъ этихъ едва станетъ на канцелярскіе расходы. Поэтому земскій судъ нанимаетъ на счетъ исправника ц становыхъ приставовъ трехъ или четырехъ писцовъ.

Я полагаю, что въ слѣдствіе такого незначительнаго содержанія, назначеннаго для чиновниковъ, въ обществѣ нашемъ слышалось мнѣніе, что чиновникъ не можетъ обойтись безъ взятокъ, и что чѣмъ-выше должность чиновника, тѣмъ-больше слѣдуетъ дать ему взятку. На этомъ, вѣроятно, основаніи, въ здѣшнемъ западномъ краѣ существуетъ во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ и мѣщанскихъ обществахъ обычай платить приставу годичное жалованье, не смотря на то — есть-ли дѣло какое, или нѣтъ. И эти жалованья составляютъ главную основу содержанія пристава. Протянувъ-же руку къ этому жалованью, приставъ не отказывается и отъ случайной взятки, пожалуй и отъ вымогательства.

Такая зависимость чиновника отъ частныхъ лицъ имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія и для службы, и для него самого, какъ человѣка. Я знаю двухъ-трехъ человѣкъ, которые были съ самымъ прекраснымъ направленіемъ, съ самой чистой нравственностью, пока имѣли свои средства къ жизни, а когда они поистощились — стали брать взятки единственно потому, что жалованья было недостаточно для того даже, чтобы имѣть тёплый уголь и не голодать. «Голодъ — не тѣтка».

III.

Изъ всего этого слѣдуетъ: что на пристава лежатъ слишкомъ много обязанностей и ему предоставлено слишкомъ много власти; между-тѣмъ какъ въ пристава назначаютъ людей, не только не приготовленныхъ къ полицейской службѣ, но даже и вовсе безъ всякаго образованія и нравственности; и притомъ пристава получаютъ такое жалованье, что безъ взятокъ онъ почти прожить не можетъ *).

Я глубоко вѣрю, что если-бы всѣ эти недостатки были устранены и полиціи предоставили только чисто исполнительно-охраняющую власть, давъ ей притомъ такое содержаніе, которое поставило-бы ее въ независимое положеніе отъ частныхъ лицъ, то тогда-бы и полиція у насъ была-бы прекрасная, и становые

*) Пусть проживетъ безъ взятокъ кварталный надзиратель, который получаетъ въ годъ сто руб. ассигнаціями, т.-е. 28 р. съ копѣйками, въ то время, когда за каску и шпагу онъ долженъ заплатить 18 руб., да за кафтанъ и брюки 20 руб. по крайней цѣнѣ; а за что-жъ онъ купитъ сапоги, бѣлье, кусокъ хлѣба? — за взятки.

пристава не были-бы мошенники и должности эти стали-бы занимать люди образованные, нравственные.

Но пока всё это настанетъ, я долженъ служить, а долженъ потому, что я, какъ дворянинъ, съизмаза, бытъ приготовляемъ къ тому, чтобы служить, такъ-какъ у насъ бѣдное дворянство до-сихъ-поръ ни о чемъ не думаетъ, воспитывая своихъ сыновей, какъ-только о томъ, чтобы сыновья ихъ были въ службѣ, за-служили чины, а ничуть не заботится о томъ, чтобы сыновья ихъ знали, на всякій случай, какое-нибудь искусство, ремесло. И вотъ результатъ такого воспитанія: выйди я сегодня въ отставку, сложи съ себя ненавистное для всѣхъ, и для меня въ особен-ности, имя пристава — и я рѣшительно долженъ буду умереть съ голоду, потому-что не умѣю «ни сапоговъ тачать, ни про-говъ печь», ни даже дровъ рубить.

Тяжело мнѣ! страхъ какъ тяжело!.. Чувствую, что я, съ каж-дымъ днемъ дѣлаюсь нравственно все хуже-и-хуже и прихожу въ ужасъ при мысли, что, быть-можетъ, и я стану, со временемъ, на одну доску съ моимъ сосѣдомъ Д. Но что дѣлать, я долженъ служить! Буду по-крайней-мѣрѣ утѣшать себя тою мыслию, что во всемъ этомъ дѣлѣ не столько виноватъ я, сколько об-щество, и, скрѣпя сердце, буду служить по-мѣрѣ-силъ и край-нему разумѣнію о правдѣ, и буду записывать, по временамъ, тѣ случаи въ моей службѣ, которые будутъ особенно поражать меня. А вѣдь такихъ случаевъ у пристава бываетъ много.

Ф. Самаринъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Какъ и гдѣ гуляетъ Петербургъ. — Нѣсколько словъ о великомъ постѣ. — Музыка: Лаубъ, Герцъ съ ролями и Рубинштейнъ. — Живыя картины. — Бѣдствія и затрудненія бенефициантовъ. — Нѣчто о вкусѣ публики. — Крошечные промахи. — Дуэль Пьеро. — Городскія сплетни. — Фокусники: Шово и Макалюзо. — Новый воксалъ и пѣвцы сѣверной Германіи. — Два слова о г. Сѣтовѣ. — Грустные факты человѣческой слабости. — О газетоманин. — Весна на дворѣ.

Часамъ къ четыремъ пополудни туалетъ оконченъ. Почтенная старушка, нѣсколько раздражительная и сварливая, превратилась въ довольно-пожилую, но еще очень-милую даму, съ такимъ добродушнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ, что при взглядѣ на нее становится человѣку тепло и отрадно. Капризная дочь ея, которая вотъ уже семь лѣтъ никакъ не можетъ поймать себѣ мужа, за что сильно достается каждое утро горничной, изъ желтой пересоздалась въ интересно-блѣдную. Прелестные глаза опущены внизъ, изъ крыскаго хвостика откуда ни взялась великолѣпная, густая коса; все лицо дышетъ невинностью и озарено ангельскою улыбкою; горничная заплаканная и растрепанная не вѣрнитъ глазамъ своимъ.

Прекрасная вдова сняла со щекъ сырую говядину и стала еще прекраснѣе; удивительно-сшитое платье придало ея формамъ необычайную роскошь и прелесть.

Лысая голова господина, который дышетъ на ладошъ, украсилась превосходно-сдѣланнымъ парикомъ, искусственные зубы скинули у него съ плечъ лѣтъ десять, корсетъ, весьма-затѣйливый, создалъ ему новую фигуру.

Супругъ, только-что выдержавшій сильнѣйшую, домашнюю бурю, ловко предлагаетъ руку своей грозной супругѣ, которая является теперь совершеннымъ аггпомъ. Глядя на эту пару, много неопытныхъ говорятъ:

— Вотъ доказательство, что супружеское счастье возможно!

Молодой господинъ, только-что поколотившій своего камердинера, уже спокоенъ; лицо его сіяетъ благородною кротостью, онъ веселъ и милъ. Онъ проигрался въ пухъ и прахъ, послѣдняя деревушка заложена у него и перезаложена, но великолѣпные бобы и еще-великолѣпнѣйшая осапка вводить въ пріятное заблужденіе многихъ матерей,

а прелестные усы и томные, отъ бессонныхъ ночей, глаза поражаютъ неопытныхъ дѣвицъ.

Пересозданная такимъ-образомъ часть петербургскаго населенія, оставляя дома всѣ дрязги, все недостойное человѣка, является въ украшенномъ видѣ на Дворцовую Набережную. Есть тутъ, разумѣется, и красота неподдѣльная, много тутъ бархату, шелку, соболей и бобровъ, желаній скрытыхъ и явныхъ, расчетовъ и плащовъ, надеждъ и разочарованій. И все это одинаково озаряется весеннимъ солнцемъ и проливается не всегда безопаснымъ вѣтромъ. Это наше модное, великосвѣтское гулянье.

Невскій проспектъ, увы! покинуть; тамъ толкается теперь болѣе *сырая* публика. Но и тамъ человѣкъ остается человѣкомъ, и тамъ онъ лжетъ и обманывается.

Общественная жизнь Петербурга въ продолженіи великаго поста, должно сознаться, не представляетъ особеннаго разнообразія. Музыка, живыя картины, фокусники и иногда перестройка погорѣвшихъ театровъ — вотъ та вѣчная, бѣдная, великопостная канва, по которой фельетонисту приходится вышивать обыкновенно узоры.

Музыки въ нынѣшнемъ посту было менѣе обыкновеннаго. Изъ пріѣзжихъ знаменитостей только скрипачъ г. Лаубъ произвелъ на петербургскихъ меломановъ весьма-пріятное впечатлѣніе. Г. Герцъ пріобрѣлъ здѣсь извѣстность лучшаго пѣаниста между инструментными фабрикантами и лучшаго инструментнаго фабриканта между пѣанистами. Во многихъ домахъ, куда онъ былъ приглашаемъ какъ знаменитый артистъ, осталось пріятное воспоминаніе о немъ въ видѣ рояля его работы. Такимъ-образомъ г. Герцъ умѣлъ соединить пріятное съ полезнымъ. Княземъ пѣанистовъ въ Петербургѣ остается все-таки нашъ истинный и замѣчательный артистъ — г. Рубинштейнъ. Онъ стоитъ на равной высотѣ и по своей игрѣ и по своимъ превосходнымъ сочиненіямъ и возбуждаетъ общій, единодушный восторгъ, какъ въ публикѣ, такъ и въ музыкантахъ.

Концерты съ живыми картинами, даваемые обыкновенно въ великомъ посту, не принадлежать, въ строгомъ смыслѣ, къ явленіямъ чисто-музыкальнымъ. Здѣсь на первомъ планѣ живыя картины, а музыка играетъ роль добавочную, второстепенную. На судъ публики являются преимущественно дарованія начинающія и малозвѣстныя, да хорошо еще, коли дарованія... Явятся — какая-нибудь пискливая флейта, какой-нибудь надрывающій легкія и разстраивающій нервы тромбонъ, про-

ность иногда прекраснѣйшая незнакомка, которой никакъ не слѣдовало бы пѣть — вотъ и все. Какъ исключеніе являются въ этихъ концертахъ артисты, извѣстные и заслужившіе уже любовь публики, — и слѣдовательно общее вниманіе, очень-естественно, обращено главнѣйшимъ образомъ на живыя картины. Онѣ составляютъ и главнѣйшій предметъ заботливости бенефицианта или бенефициантки.

Немало труда и хлопотъ выбрать картину; бенефициантъ заглянетъ и къ Беггрову и къ Даціаро, пересмотритъ бездну картинъ, а выбрать все нечего; то мало лицъ, то обстановка нехороша, то группа неэффектна, то позы нехороши, костюмы некрасивы — какъ ни кинь, все бѣда. Положимъ, наконецъ, картины выбраны; но за тѣмъ слѣдуютъ еще большія затрудненія. Надо составить живую картину, т. е. выбрать лица.

— Вотъ тутъ хорошо-бы, разсуждаетъ бенефициантъ, поставить *такую-то*, она брюнетка и въ большой модѣ; здѣсь *такую-то*, она блондинка... но, нѣтъ, это невозможно, — *такая-то* блондинка скажетъ — почему не я на первомъ планѣ, почему на первомъ планѣ эта черномазая; перемѣнить мѣста — брюнетка обидится, скажетъ, — почему не я на первомъ планѣ, почему на первомъ планѣ эта бѣлобрысая...

Бѣдетъ бенефициантъ къ хорошенькой артисткѣ, просить ее участвовать въ картинахъ.

— А какія у васъ будутъ картины? — спрашиваетъ хорошенькая артистка.

— Да вотъ, — скажетъ неосторожный бенефициантъ, вынимая свертокъ — вотъ: *Свиданіе у фонтана... или Любовь и разсудокъ*.

— Кто будетъ стоять?

— Такія-то и такой — молодая дѣвушка, старушка и молодой человекъ.

— Ахъ, какая милая картинка... а миѣ какую-же вы выбрали?

— Васъ я хотѣлъ попросить стать вотъ въ этой — *Русалки между собою или племennyй рыцарь*.

— Ай, какъ много народу, тутъ выйдетъ, просто, каша... нѣтъ, миѣ не нравится.

— Ну, такъ вотъ, не хотите-ли въ этой — *Позищеніе или медовый мѣсяцъ*.

— Съ кѣмъ?

— Съ такимъ-то.

— Фи! съ этакимъ уродомъ?... Ни за-что, ни за-что!... А эта что за картинка?

— *Молочница, разбившая кувшинъ, или неосторожная юность*, — въ этой картинкѣ хочеть стать такая-то.

— Ну, ужъ нашли кого поставить.... Этакой паукъ, съ длинными ногами, хороша она будетъ въ короткомъ платьѣ.... Хотите я возьму эту картину....

— Я уже просилъ....

— Какъ знаете, мнѣ все равно, я и совсѣмъ не хочу стоять въ живыхъ картинахъ, мнѣ, правду сказать, и не совсѣмъ-то здоровится, да я и устала, вы ужъ лучше попросите кого-нибудь.... право, не могу.

Бенефициантъ долженъ уступить по своимъ расчетамъ и, дѣлать нечего, онъ отдастъ хорошенькой артисткѣ *Молочницу, разбившую кувшинъ, или неосторожную юность*, а самъ опять ѣдетъ къ той, которая выбрала прежде эту картину и разными хитростями убождаетъ ее отказаться отъ *Молочницы, разбившей кувшинъ* и взять *Педфурари или нищія передъ Мадонной*.

Съ каждой картинкой и съ каждой артисткой, приглашаемой къ участію въ живыхъ картинахъ, повторяются болѣе или менѣе такія-же сцены.

Безъ силъ, чуть не безъ чувствъ, возвращается бенефициантъ домой; но пѣтъ ему покоя ни минуты. Надо пригласить артистовъ, надо позаботиться о декораціяхъ, о костюмахъ; нѣкоторыхъ надо угостить, нѣкоторымъ поклониться, надо составить афишу, плотники просятъ на чай, вечеровые глядятъ въ глаза; цѣлый адъ разверзается передъ несчастнымъ бенефициантомъ.

Начинаются, наконецъ, музыкальнныя репетиціи и постановки картинъ; тутъ раздражительный артистъ можетъ лопнуть съ досады или захлебнуться желчью. Не ладится и музыкальная часть, не идетъ дѣло на ладъ и въ живыхъ картинахъ. Одна изъ артистокъ, не высказывая конечно прямо затаеннаго желанія, хочеть непремѣнно показать свой античный профиль; другая не рѣшается выказать свою не совсѣмъ красивую ногу; третья ни подъ какимъ видомъ не соглашается надѣть открытое платье, по той простой причинѣ.... ну, да понятно-почему. У многихъ такъ стройны и красивы попки, что безбожно было-бы спрятать ихъ; у иныхъ волосы — заглядѣнье, — разумѣется они должны быть на виду....

И хорошо еще было-бы, еслибъ всѣ эти весьма уважительныя и

основательныя желанія высказывались прямо; но, цѣтъ, бенефициантъ должень отгадывать, онъ должегъ понимать самыя тончайшіе намеки. Бѣдный, злополучный бенефициантъ! голова у него наполнена какимъ-то туманомъ и чадомъ, гдѣ-же ему отгадывать и понимать тончайшіе намеки... Прелестныя дѣйствующія лица живыхъ картинъ знать ничего не хотятъ. Всякое маленькое я дѣлается огромнѣйшимъ, передъ которымъ бенефициантъ превращается въ мельчайшую пылинку. Мельчайшая пылинка эта страдаетъ, старается угодить всѣмъ, перелетаетъ отъ одного я къ другому и думаетъ:

— Господи! Ты всевидящій и многомилостивый, прinesi скорѣе эту грозу мелкихъ бѣдствій и пошли солнце радости, т. е. хорошій сборъ, ради котораго я терплю столько!

— Вы, зрители и зрительницы — это говорю я — вы, строгіе, а порой и снисходительныя судьи, наводящіе бинокли на *прекрасную аврору, граціозно управляющую фантастическими конями* или на *прелестныхъ русалокъ, распустившихъ свои чудные волосы и живописно погруженныхъ въ кристаллыя волны*, вы, рукоплещущіе очаровательнымъ гостямъ на *пиршество Сардананала*, — вспоминайте хоть изрѣдка, что, въ минуту вашего наслажденія или неудовольствія, за кулисами стоитъ бенефициантъ, блѣдный или красный отъ усталости и волненія, потомъ и кровью заплатившій за ваше удовольствіе и ваши деньги. Вспоминайте хоть изрѣдка, что много потерпѣлъ онъ, бѣдный, прежде, чѣмъ насталъ желанный и страшный для него день.

Сколько мнѣ удалось замѣтить въ продолженіи моихъ многолѣтнихъ страствованій по театрамъ, вкусъ публики, посѣщающей великимъ постомъ театры, довольно постояненъ и нѣсколько.... страненъ. Трико играетъ весьма важную роль, *львицы въ купальнѣ, русалки* и т. п. картины нѣсколько скоромнаго содержанія особенно нравятся почтеннѣйшей публикѣ и вызываютъ громкія рукоплесканія.

Мысль, не знаю чья, составлять живыя картины по извѣстнымъ произведеніямъ знаменитыхъ художниковъ, заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія и, кажется, въ послѣднее время пошла въ ходъ. Правда, не всякое отличнѣйшее произведеніе хорошо для живой картины, но все-таки поле для выбора огромное. При этомъ, разумеется, тѣмъ господамъ, которые берутся ставить картины, слѣдуетъ быть по внимательнѣе.

Въ нынѣшнемъ посту, напимѣръ, кажется въ концертѣ г. Кажинскаго была между прочимъ поставлена живая картина: *своя ноша не тянетъ* (стояли г-жа Подобѣдова и г. Алексѣевъ), — была поставлена

так дурно, что вся почтеннѣйшая публика нѣбла удовольствіе убѣдиться, что *мома* (г-жа Подобѣдова) дѣйствительно *не тлѣетъ*, ибо сидитъ на какой-то довольно массивной подставкѣ, а *несущій* (г. Алексѣевъ) только крѣпко придерживается за свою ногу. Недавно, это было, если не ошибаюсь, въ бенефисъ г. Лабастиды, въ картинѣ *Les belles de nuit* между тремя хорошенькими женскими головками, выставилась вдругъ весьма некстати довольно безобразная личность какого-то мужичка... Все это не только смѣшно, но и не ловко.

Кстати о смѣшномъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это было въ Москвѣ, извѣстный комикъ г. Живокни, стоя въ живой картинѣ, чихнулъ; публика разразилась хохотомъ и рукоплесканіями.

Обращаясь къ картинамъ *нынѣшняго сезона*, должно сказать, что особенно дурно обставлялись онѣ въ началѣ поста на Александринскомъ театрѣ. — Лявица живыхъ картинъ въ послѣднее время — Миссъ Лидія Томсонъ, она появляется на сценѣ довольно часто и въ довольно разнообразныхъ видахъ и позахъ; она — то *аврора*, то *купающаяся Сара*... Изъ сотни живыхъ картинъ, видѣнныхъ мною въ этомъ посту, одна только произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе это — *дуэль Пьеро*, съ картины Жерома.

По названію вы ожидаете какой-нибудь пустой, но веселый фарсъ. Замавъсь поднимается, передъ вами — небольшая поляна, среди лѣса; все занесено снѣгомъ и освѣщено луной, морозное небо искрится звѣздами. На полянѣ нѣсколько молодыхъ людей, въ разныхъ маскарадныхъ костюмахъ, печальныя лица ихъ рѣзко противорѣчатъ шутовскимъ нарядамъ. Пьеро умираетъ на рукахъ добрыхъ друзей, арлекинъ, убившій его, — въ ужасѣ, хочетъ покинуть страшное мѣсто своего преступленія. Такая страшная драма и эта маскарадная обстановка, производятъ на зрителя весьма тяжелое впечатлѣніе. За минуту эта молодежь веселилась; этотъ арлекинъ, можетъ быть, отъ всей души пожималъ руку своему добродушному товарищу Пьеро, но одинъ лишній стаканъ вина, какая-нибудь нескромная выходка безчувственной, продажной камелии стали причиной страшнаго дѣла, преступленія, грѣха.

Не знаю — почему эта картина произвела на меня сильное впечатлѣніе; не потому-ли, что, глядя на нее, я припоминалъ темныя слухи, которые бродятъ по Петербургу о двухъ дуэляхъ, будто-бы, я этому не вѣрю, случившихся здѣсь на дняхъ.

Кромѣ концертовъ, общественныхъ развлеченій въ Петербургѣ великимъ постомъ, какъ уже сказано выше, весьма немного. Но кромѣ

прежнихъ лѣтъ и въ нынѣшнемъ посту появились у насъ такъ называющіеся профессора магии и увеселительной физики, т. е. просто-на-просто фокусники.

Одинъ изъ нихъ, г. Шово, не смотря на свою чародѣйскую силу и какую-то заманчивую путаницу на афишахъ, гдѣ упоминалось громкое имя Боско, совершенно и довольно торжественно *провалился*, т. е. не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха. Подобныя неудачи должны-бы, наконецъ, открыть глаза тѣмъ злополучнымъ иностранцамъ, которые смотрятъ все еще на Россію, какъ на дикую сторонушку, куда только пріѣзжай да подставь карманъ — деньги сами насыпятся.

Другой магъ и волшебникъ нынѣшняго сезона г. Рафаэль Макалюзо *prestidigitateur Sicilien*, какъ сказано въ афишѣ, былъ гораздо счастливѣе и въ самое короткое время пріобрѣлъ у насъ громкую извѣстность. Дѣйствительно г. Рафаэль Макалюзо — фокусникъ весьма искусный и ловкій. Онъ дѣлаетъ бездну очень занимательныхъ фокусовъ, дѣлаетъ ихъ въ застегнутомъ фракѣ, засучивъ рукава, не приобѣгая къ помощи покрытыхъ столовъ и другихъ обычныхъ средствъ. Г. Рафаэль Макалюзо превзошелъ-бы, безъ всякаго сомнѣнія, Германна, еслибъ, будемъ искренни, обладалъ неотъемлемымъ мастерствомъ своего знаменитаго соперника — говорить. Когда Германнъ дѣлалъ какой-нибудь фокусъ, нѣсколько продолжительный, онъ болталъ, болталъ такъ много, что зритель не замѣчалъ времени и фокусъ не падоудалъ ему, его не тяготило время ожиданія — когда фокусъ кончится. Г. Рафаэль Макалюзо не краснорѣчивъ, не рѣчьистъ, — и это даетъ нѣкоторымъ изъ его фокусовъ извѣстный оттенокъ скуки. Появленіе фокусниковъ въ настоящее время нѣсколько измѣнилось противу прежнихъ; теперь уже въ публикѣ не распространяется предварительно тысячу одинъ невѣроятный анекдотъ, о томъ волшебникѣ, который пріѣхалъ пожать серебряные и золотые лавры. Теперь дѣло дѣлается чисто, всѣ старые анекдоты извѣстны старому и малому и на нихъ не поддѣнешь никого.

Къ новостямъ петербургскимъ должно прибавить еще новый *воксалъ* въ знаменской гостинницѣ, гдѣ даются или по-крайней-мѣрѣ давались полудраматическія представленія извѣстныхъ трехъ карликовъ, о которыхъ я уже рассказывалъ и пѣлъ *хоръ пѣвцовъ изъ сѣверной Германіи, г. Шулькена, Вальтера, Лейста, Брухгаузена, Бергарда и Шенка*. Новость эта замѣчательна, какъ фактъ, доказывающій нѣкоторымъ-образомъ развитіе потребности общественныхъ удолюльствій. Жаль только, что онъ, этотъ фактъ, является въ Петербургѣ,

какъ явленіе исключительное, какъ рѣдкость, какъ попытка и что учредитель этихъ новыхъ увеселеній не могъ или не хотѣлъ сдѣлать цѣны за входъ болѣе-доступными, т. е. болѣе-дешевыми. Пѣвцы съ-верной Германіи поютъ не дурно, особенно комическія пѣсни, но хоръ черезъ-чуръ малъ.

Разсчитывая на то, что ни г. Шулькенъ, ни вся его компанія не читаютъ по-русски, я могу смѣло передать здѣсь красное словцо одного изъ извѣстнѣйшихъ петербургскихъ шахматныхъ игроковъ. Пѣвцы эти недавно пѣли въ одномъ домѣ и потомъ были приглашены любезнымъ хозяиномъ остаться у него на цѣлый вечеръ. Двое изъ артистовъ, кончивъ свое дѣло, успѣли за партію въ шахматы. Извѣстный шахматный игрокъ, кинувъ взглядъ на партію пѣвцовъ, отвернулся, замѣтивъ миѣ :

— Ну, поютъ они какъ артисты, а играютъ какъ сапожники...

Поклонникамъ русской оперы я имѣю право сообщить, что г. Сѣтовъ остается у насъ, послѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя возникли-было между нимъ и дирекціею нашихъ театровъ. Увѣренъ, что извѣстіе это порадуетъ многихъ; г. Сѣтову принадлежить, по всей справедливости, неотъемлемая заслуга — онъ оживилъ у насъ русскую оперу, расшевелилъ въ публикѣ охоту къ ней и постоянно исполнялъ свое дѣло въ высшей степени добросовѣстно. Голосъ у г. Сѣтова великъ и силенъ — это правда, но манера пѣнія, драматическое дарованіе, знаніе музыки и сцены и искусная игра — качества до того симпатичныя, что г. Сѣтовъ пользуется, и совершенно-заслуженно, большимъ расположеніемъ петербургской публики. Къ числу также не маловажныхъ достоинствъ г. Сѣтова должно прибавить и его постоянную, неизмѣнную скромность, качество въ человѣкѣ вообще, а въ артистѣ особенно, весьма-рѣдкое.

Между сотнею-тысячъ грустныхъ фактовъ, подтверждающихъ ту истину, что тщеславіе присуще каждому человѣку и въ особенности артисту, на дняхъ благородные граждане Петербурга, вѣроятно, замѣтили двѣ нѣсколько-страшныя вещи на афишахъ. Въ одной, въ такъ-называемой *красной* строкѣ, т. е. крупнымъ шрифтомъ, было напечатано, что въ такомъ-то концертѣ примутъ участіе: гг. фонъ-*Контскій* и проч... На другой афишѣ появилась вещь еще любопытнѣе: имя одной изъ нашихъ молодыхъ, но любимыхъ русскихъ артистокъ изъ *Одоссы* было передѣлано въ *Фанни* — что это такое? Я говорю объ этомъ съ полною увѣренностію, что и цензура признаетъ пользу

этого замѣчанія. Кто-же скажетъ молодой артисткѣ, что стыдиться своего имени не должно и что даровитая *Федосья* въ миллионъ разъ выше бездарной *Фанни*?...

Въ оправданіе молодой артистки должно предположить, что передѣла съ имени сдѣлана не ея, а тѣми услужливыми друзьями, о которыхъ упоминается въ баснѣ незабвеннаго И. А. Крылова: *Пустынникъ и Медвѣдь*.

О страшномъ количествѣ появившихся вдругъ газетъ и журналовъ говорено уже много разъ; но, вотъ, однако-жь, анекдотъ, рассказанный мнѣ на дняхъ:

Въ какомъ-то департаментѣ были писарь, неоднократно замѣченный въ нетрезвости и неаккуратности, — качества на службѣ недопускаемыя. Близайшій начальникъ, признавая въ своемъ писарѣ нѣкоторыя способности, прощалъ ему многое и не разъ вступался за него передъ высшимъ начальствомъ, упрашивая ограничиваться домашними мѣрами. Писарь, черствый душою и заколебанный въ пьянствѣ, не исправлялся. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что *въ одно прекрасное утро*, онъ былъ исключенъ изъ службы. Пораженный нѣсколько этой катастрофой и отрезвившись, онъ явился къ своему протектору.

— Нельзя-ли, ваше высокоблагородіе, походить и явиться передъ высшимъ начальствомъ; явите божескую милость; никогда маковой росинки въ ротъ не возьму, буду служить вѣрой и правдой, провалюсь все мѣльное въ тартарары...

— Это ты, любезнѣйшій, — замѣтилъ его высокоблагородіе, — говорилъ мнѣ не разъ; не разъ и за тебя хлопоталъ, да видно ужъ горбатаго могилы не править, кто вретъ, тотъ и заклинается, кто пьетъ, тотъ и зарѣкается...

— Ей-Богу, не стану пить, ваше высокоблагородіе...

— Нѣтъ, не могу, не могу сдѣлать ничего, любезнѣйшій: теперь все кончено.

— Да какъ-же мнѣ быть, ваше высокоблагородіе?...

— Какъ знаешь.

— Вѣдь у меня сущей конѣйки нѣтъ за душой.

— Это ужъ твое дѣло.

— Что-же мнѣ, ваше высокоблагородіе, дѣлать теперь, — продолжалъ писарь сквозь слезы, — вѣдь вѣтъ нечего... Что-же мнѣ теперь?... Газету издавать, что-ли?...

Въ заключеніе моей лѣтописи, я могу сообщить нигородному читателю, что въ Петербургѣ почти весна, снѣгъ смѣняется грязью, небо пасмурно, дождь мелкій но скверный кропится съ утра до вечера, и въ воздухѣ уже тепло и пахнетъ чѣмъ-то такимъ, отчего подбодряются старички и задумываются сентиментальныя дѣвицы и влюбленные юноши. Русскіе артисты разъѣзжаются — кто за-границу, кто пожинать провинціальныя лавры. Слышны толки о дачахъ и чужихъ краяхъ; Нева приняла довольно-безобразный видъ; прибрежные жители канавъ поминаютъ компанію водопроводовъ; еще нѣсколько недѣль и грязь замѣнится пылью, кое-гдѣ проглянетъ зелень, а петербургскія окрестности огласятся музыкою... Вездѣ пробудятся новыя силы, все оживетъ, все, кромѣ фельетоновъ...

Егоръ Меллеръ.

СКРОМНЫЙ ВОПРОСЪ

по поводу *случайной* замѣтки въ «пчелкѣ» 30-го марта.

Въ № 69 Сѣверной Пчелы мы съ удивленіемъ прочли въ отдѣлѣ «Пчелка» весьма странное признаніе этой политической и литературной газеты въ томъ, что ей попадаютъ только *случайно* русскіе литературные журналы. — Мы позволяемъ себѣ потому предложить скромный вопросъ.

Что же попадаетъ *не случайно* этой весьма занимательной и игривой газетѣ? неужели одиѣ вывѣски нѣмецкихъ булочныхъ и магазиновъ готовыхъ платьевъ? — Въ такомъ случаѣ мы смѣемъ почтительно увѣрить ее, что врядъ-ли даже *случайно* придется ей когда-нибудь передать своимъ читателямъ мало-мальски вѣрный отчетъ о дѣятельности русскихъ литературныхъ журналовъ. — Для критической оцѣнки требуется нѣчто другое, чѣмъ *случайное* прочтеніе статей.

Изд. Ред.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 4.

Странное явленіе въ шахматной литературѣ. — Три партіи Морфи съ Лёвенталемъ, Меекомъ, Моріаномъ. — Двѣ консультационныя партіи Морфи и Барнеса противъ Стаунтона и Оуена. — Биографія Людвигъ Паульсена. — Двѣ партіи изъ числа десяти игранныхъ имъ одновременно не смотря на доску. Руководство къ изученію шахматной игры соч. Князя Урусова (статья 3). Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что когда Андерсенъ отправился въ Парижъ, чтобъ помѣриться силами съ Морфи, Берлинская Schachzeitung, опасаясь пораженія германскаго игрока, просила не выводить никакихъ заключеній изъ предстоящаго состязанія, а когда результатъ его сдѣлся извѣстенъ, старалась доказать, что Андерсенъ нисколько не уступаетъ Морфи, а проигралъ единственно отъ своихъ ошибокъ. Это странное дипломатическое предупрежденіе и еще болѣе странное объясненіе причинъ пораженія (какъ-будто можно проиграть иначе, какъ отъ своихъ ошибокъ!) не могли не показаться намъ довольно забавными и неумѣстными, но мы только слѣгка упомянули о томъ и даже сказали нѣсколько словъ въ оправданіе Г. Ланге *), потому-что надѣялись, что онъ не замедлитъ отказаться отъ пристрастно-патріотическаго взгляда и, въ давно обѣщанной имъ книгѣ о Морфи, признаетъ откровенно его превосходство надъ нѣмецкими шахматистами.

Книга эта (Paul Morphy. Skizze aus der Schachwelt. Leipzig; Verlag von Veit und C°. 1859) теперь напечатана; мы прочли ее со вниманіемъ и, къ сожалѣнію, убѣдились, что она не только не оправдываетъ нашего ожиданія, но напротивъ того, еще болѣе журнальныхъ статей Г. Ланге, обнаруживаетъ его стараніе утаить отъ своихъ читателей настоящую силу Морфи и даже внушить имъ мысль, что онъ не можетъ еще равняться съ гер-

*) Schachzeitung издается подъ редакцію Г. Ланге, и статьи о Морфи писаны имъ самимъ.

манскими знаменитостями. Правда, авторъ не скупится на похвалы молодому герою; въ каждой главѣ, на каждой страницѣ, въ каждомъ примѣчаніи къ партіямъ, онъ превозноситъ до небесъ его способности, ученость, благородный характеръ; называетъ его талантливымъ, превосходнымъ, гениальнымъ игрокомъ, великодушнымъ рыцаремъ шахматной игры и, чтобъ еще болѣе придать своему труду видъ панегирика, посвящаетъ его товарищу и другу Морфи—Даніелю Фиске. Но эта посвятельная выѣска и густая облака хвалебнаго виміама плохо скрываютъ отъ глазъ внимательнаго читателя настоящее намѣреніе автора и производятъ даже непріятное впечатлѣніе, придавая всему сочиненію характеръ какой-то двуличности.

Книга состоитъ изъ десяти главъ и особыхъ-заключительныхъ примѣчаній (Schlussbemerkungen); сверхъ-того каждая глава сопровождается еще примѣчаніями со ссылками на всевозможныхъ древнихъ и новыхъ шахматныхъ писателей, съ цитатами англійскими, нѣмецкими, италянскими, испанскими. Вообще Г. Ланге не прочь блеснуть своею ученостію и особенно склоненъ къ метафизическимъ разсужденіямъ. О гамбитахъ и пѣшкахъ онъ говоритъ тономъ Гегелевой философін; на каждой страницѣ встрѣчаешь у него такіа слова какъ принципъ, конкретность, гармонія, параллелизмъ и т. п.,—что конечно внушаетъ глубокое уваженіе нѣкоторымъ читателямъ, готовымъ воскликнуть, какъ слуга Молиерова Жеронта «Ça est si biau que je n'y entends goutte»—или, въ сознаніи своего ничтожества передъ ученымъ авторомъ, грустно проговорить съ Жеронтомъ «Ah, que n'ai-je étudié?» Первая глава, составляющая введеніе, объясняетъ благородное, рыцарское значеніе шахматной игры; тутъ только риторическіа фразы, подкрѣпленныя впрочемъ ссылками даже на средневѣковыхъ писателей! Во второй главѣ (Paolo Boi und Paul Morphy) проводится параллель между Морфи и знаменитымъ италянскимъ игрокомъ семнадцатаго вѣка, Спракузяниномъ Паоло Бои; подробности о походеженіяхъ сего послѣдняго, заимствованныя изъ сочиненія Карреры, очень любопытны. Третья глава (Partien aus der Jugendzeit des Meisters) заключаетъ шесть партій, которыя четырнадцатилѣтній Морфи выигралъ у Лѣвентала, Руссо и другихъ сильныхъ игроковъ. Четвертая (Der Schachcongress zu New York im Herbst 1857) подробно описываетъ событіа конгресса и турнира. Пятая (Paul Morphy's Siege in New York) имѣетъ предметомъ партіи, игранныя въ турнира. Изъ нея, между прочимъ, видно, что, во время двух-мѣсячнаго пребы-

ванія въ Нью-Йоркѣ, Морфи сыгралъ 258 партій: выигралъ 191, проигралъ 41, ничьихъ было 26. Въ шестой главѣ (Paul Morphy in New Orleans) описываются событія съ возвращенія Морфи въ Новый Орлеанъ до отъѣзда въ Европу. Въ седьмой (Schachfahrt und Ankunft in England): приѣздъ въ Англию и консультаціонныя партіи противъ Стаунтона и Лёвентали. Въ восьмой (Siege in England) побѣды надъ Барнесомъ, Боденомъ, Бёрдомъ, Оуеномъ и другими. Въ девятой (Wettkampf mit Löwenthal) матчъ съ Лёвенталемъ и наконецъ въ десятой (Schachcongress zu Birmingham) шахматный конгрессъ въ Бирмингамѣ и игры Морфи à l'aveugle. Итакъ, рассказавъ весьма подробно, — какъ можно видѣть изъ, нарочно для того выписанныхъ нами, оглавленій, — побѣды Морфи въ Новомъ-Орлеанѣ, Нью-Йоркѣ, Лондонѣ, Бирмингамѣ, авторъ прерываетъ свой рассказъ именно тамъ, гдѣ начинаются важнѣйшіе его подвиги, считаетъ ненужнымъ говорить о пораженіи Гаррвитца и Андерсена, оправдывая свое молчаніе слѣдующими, не совсѣмъ убѣдительными, доводами.

«Описаніе побѣдныхъ подвиговъ транзатлантическаго маэстро «на почвѣ Галліи, — такъ начинается Г. Ланге свои дипломатико-«философскія Schlussbemerkungen, — въ средѣ извѣстнаго всему «свѣту, стариннаго Cercle de la Régence не входитъ въ тѣсныя «предѣлы настоящаго очерка, тѣмъ-болѣе, что многообъщающая «дѣятельность Морфи въ Парижѣ не представляется намъ еще «оконченною, а потому и не можетъ служить предметомъ исто-«рическаго или критическаго разсмотрѣнія, какъ окончательно зам-«кнутое, округленное цѣлое *)». Дѣйствительно, книга напечатана немного прежде окончательнаго пораженія Андерсена; но почему же было не подождать нѣсколько дней ея изданіемъ? Она выиграла-бы чрезъ то въ полнотѣ и занимательности. И наконецъ, оставляя даже Андерсена въ сторонѣ, что мѣшало сообщить матчъ Морфи съ Гаррвитцомъ? Вѣдь онъ-то былъ давно оконченъ? Г. Ланге имѣлъ въ рукахъ всѣ партіи этого матча; зналъ очень хорошо, что Гаррвитцъ, проигравъ пять партій подъ-рядъ,

*) Г. Ланге, подобно Данте и Шекспиру, много теряетъ въ переводѣ; вотъ подлинникъ приведеннаго нами мѣста: «Die Schilderung der Siegesthaten des transatlantischen Meisters auf gallischem Boden, in der Mitte des weltbekannten altangesehenen Schachzirkels der Régence, bleibt aus den engen Grenzen der gegenwärtigen Skizze um so strenger geschieden, als jene vielversprechende Wirksamkeit keinesweges schon vollendet vor uns liegt und somit noch nicht als geschlossenes abgerundetes Ganze in den Gesichtskreis historischer oder kritischer Betrachtung getreten ist.

призналъ себя побѣжденнымъ; зналъ также и то, что Морфи отказался отъ слѣдовавшаго ему приза, а потомъ предлагалъ Гарривитцу пѣшку и ходъ впередъ. Какой-же еще бѣльшей замкнутости и округленности ожидаетъ Г. Ланге? Но онъ, къ сожалѣнію, не ограничился простымъ умалчиваніемъ о превосходствѣ Морфи надъ нѣмецкими шахматистами. Возвращаясь, въ сотый разъ, къ характеристикѣ его игры и расточая ему новыя похвалы, авторъ замѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ Морфи, нельзя еще, *можетъ-быть*, признать ни «высоко-основательной гениальности Бледова и Андерсена», ни постоянно-ясной правильности Лабурдоне и фонъ-дербъ-Лаза» хотя и въ этихъ отношеніяхъ молодой игрокъ *подаетъ большія надежды*, и конечно еще усовершенствуется *посредствомъ упражненій съ нѣмецкими игроками и въ особенности съ Андерсеномъ*. Какъ? Морфи на голову разбиваетъ двухъ сильнѣйшихъ представителей германскаго искусства, а ему совѣтуютъ учиться у Нѣмцевъ? Да это ужъ просто изъ басни о соловѣѣ. Послѣ этого читатели наши вѣроятно согласятся, что мы въ правѣ были назвать взглядъ Г. Ланге пристрастно-патріотическимъ, а его книгу — страннымъ явленіемъ шахматной литературы.

Мы нисколько не осуждаемъ Г. Ланге за желаніе поддерживать славу своихъ соотечественниковъ, но намъ не нравится избранное имъ къ тому средство. Если онъ точно думаетъ, что Андерсенъ играетъ не хуже Морфи, то ему слѣдовало напечатать, игры бывшаго между ними матча, и доказать свое мнѣніе анализомъ партій, а не риторическими фразами о гениальности нѣмецкихъ игроковъ. Книга Г. Ланге произвела на насъ тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что мы привыкли уважать его какъ полезнаго дѣятеля шахматной литературы; его *Kritik der Eriöfnungen*, не смотря на неумѣстныя метафизическія тенденціи автора, не уясняющія, а затемняющія шахматную теорію, — сочиненіе весьма замѣчательное; да и въ настоящей книгѣ есть хорошая сторона, а именно примѣчанія къ заключающимся въ ней семидесяти-шести партіямъ.

Кстати помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ игоръ.

№ 23.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи.	Левенталь.	2) f2—f4(1)	e7—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	3) g1—f3	d7—d5
1) e2—e4	c7—c5	4) e4—d5°	e6—d5°

5) d2—d4	c8—g4(2)	28) b2—g2	g3—g2°+(6)
6) f1—e2	g4—f3°	29) e4—g2°	h6—f6°
7) e2—f3°	g8—f6	30) f5—f6°	e6—f6°
8) 0—0	f8—e7	31) f1—f6°	e5—g4
9) c1—e3	c5—d4°	32) f6—f5	b7—b6
10) e3—d4°	0—0	33) g2—d5	g4—h6
11) b1—c3	b8—c6	34) f5—f6	f8—g7
12) d4—f6°	e7—f6°	35) f6—c6	a7—a5
13) c3—d5°	f6—b2°	36) c6—c7	g7—g6
14) a1—b1	b2—d4+	37) h1—g2	f7—f6
15) g1—h1	a8—b8	38) g2—f3	h6—f5
16) c2—c3	d4—c5	39) d5—e4	g6—g5
17) f4—f5(3)	d8—h4	40) e4—f5°	g5—f5°
18) g2—g3	h4—g5	41) h2—h4	f5—g6
19) f5—f6	c6—e5	42) c7—c6	g6—h5
20) f6—g7°	f8—d8	43) f3—g3	f6—f5
21) f3—e4	g5—g7°	44) c6—f6	f5—f4+
22) d1—h5	d8—d6	45) g3—f4°	c5—f2
23) e4—h7°+(4)	g8—f8	46) f4—e4	f2—c5
24) h7—e4	d6—h6	47) f6—f5+	h5—h4°
25) h5—f5	g7—g3°(5)	48) f5—c5°	b6—c5°
26) b1—b2	b8—e8	49) e4—d5	и бѣлые выигры- ваютъ.
27) d5—f6	e8—e6		

Примѣчанія къ партіи No. 23.

(1) Лучшій ходъ въ этомъ случаѣ есть d2—d4, но и f2—f4 хорошо сыграно.

(2) Этотъ ходъ не хорошъ, ибо даетъ возможность бѣлымъ пожѣстить, черезъ два хода, слона на клѣтку f3, съ которой онъ атакуегь слабые пункты d5 и b7.

(3) Мы уже имѣли случай замѣтить, что умѣнье усиливать атаку своевременнымъ надвиженіемъ, а иногда и пожертвованіемъ пѣшекъ, составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ игры Морфи.

(4) Превосходный ходъ.

(5) Неосторожный ходъ, вслѣдствіе котораго бѣлымъ открывается линія для сильной атаки.

(6) Это пожертвованіе вынужденное, такъ-какъ отводить ферзя съ линіи g, было-бы гибельно для черныхъ; тутъ-то и обнаруживается ошибочность 25-го хода.

№ 24.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКОГО КОНЯ.

Морфи. (Бѣлые.)	Меекъ. (Черные.)	10) d1—d2(2)· f6—g5°
1) e2—e4	c7—c5	11) h4—g5° h6—f7
2) f2—f4	e5—f4°	12) c4—f7°+ e8—f7°
3) g1—f3	g7—g5	13) d2—f4+ f7—g8
4) f1—c4	f8—g7	14) 0—0 d8—e7
5) h2—h4	g5—g4(1)	15) b1—c3 c7—c6
6) f3—g5	g8—h6	16) a1—e1 d7—d6
7) d2—d4	f7—f6	17) c3—d5 c6—d5°
8) c1—f4°	f6—g5°	18) e4—d5° и бѣлые выигры- ваютъ.
9) f4—g5°	g7—f6	

Примѣчанія къ партіи № 24.

(1) Тутъ слѣдовало играть h7—h6, надвигать въ настоящемъ положеніи пѣшку на коня — грубая ошибка, дающая бѣлымъ возможность сильной и очень красивой атаки.

(2) Возвращать офицера посредствомъ g5 — h6°, было-бы слабѣе, ибо тогда f6—h4°+ и Морфи теряетъ свою атаку.

№ 25.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКОГО СЛОНА.

Морфи. (Бѣлые.)	Моріанъ. (Черные.)	13) e4—d6+ e8—d7
(Морфи даетъ впередъ ладью a1.)		14) d1—d5° d7—c7
1) e2—e4	e7—e5	15) c2—c4 h6—e6
2) f2—f4	e5—f4°	16) d5—a8° b8—c6
3) f1—c4	d8—h4+	17) c4—b5° e6—d5
4) e1—f1	b7—b5	18) a8—c6°+ d5—c6°
5) c4—b3	g8—f6	19) b5—c6° c7—c6°
6) g1—f3	h4—h6	20) c1—f4° h8—d8
7) f3—e5	d7—d5	21) f1—f2 c8—e6
8) b1—c3	f8—d6	22) h1—c1+ c6—b6
9) d2—d4	f6—e4°	23) f4—e3+ b6—a6
10) c3—e4°	d6—e5°	и бѣлые даютъ матъ въ три хода;
11) b3—d5°	c7—c6	а именно 24) $\frac{c1-c6+}{a6-a5}$ 25) $\frac{e3-d2+}{a5-a4}$
12) d4—e5°	c6—d5°	26) $\frac{c6-a6 \times}{}$.

№ 26.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

СТАУНТОНЪ.	МОРФН.	17) c3—e4	h6—f4
ОУЕНЪ.	БАРНЕСЪ.	18) f1—e2	f7—g7
(Бѣлые.)	(Черные.)	19) 0—0	e7—c7
1) e2—e4	e7—e5	20) e4—c5	f4—h2°+
2) g1—f3	d7—d6	21) g1—h1	e6—c8
3) d2—d4	f7—f5	22) d1—d4	h2—g3
4) d4—e5°(1)	f5—e4°	23) d4—e4	g7—h8(4)
5) f3—g5	d6—d5	24) f1—d1	c7—g7
6) e5—e6	g8—h6	25) e4—h4	g3—h4°
7) b1—c3	c7—c6	26) a8—b8°	c8—a6
8) g5—e4°(2)	d5—e4°	27) b8—h2	a6—e2°
9) d1—h5+	g7—g6	28) d1—d7	g7—h6
10) h5—e5	h8—g8	29) c5—e4	e2—c4
11) c1—h6°	f8—h6°	30) e4—f6	e3—e2
12) a1—d1	d8—g5	31) d7—e7	h6—c1+
13) e5—c7	c8—e6°	32) h2—g1	c1—g1°+
14) c7—b7°	e4—e3(3)	33) h1—g1°	e2—e1(ферзь)+
15) f2—f3	g5—e7	34) e7—e1°	h4—e1°
16) b7—a8°	e8—f7		

бѣлые сдаются.

Примѣчания къ партии No. 26.

- (1) f1—c4 было-бы сильнѣе.
- (2) Странно — почему Стаунтонъ не сыгралъ тутъ g5—h7.
- (3) Опять превосходный ходъ пѣшкой.
- (4) Въ настоящемъ положеніи бѣлые неминуемо должны проиграть.

№ 27.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

МОРФН.	СТАУНТОНЪ.	5) f1—d3(1)	b8—c6
БАРНЕСЪ.	ОУЕНЪ.	6) c1—e3	e7—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	7) g1—f3	f8—d6
1) e2—e4	d7—d5	8) 0—0	0—0
2) e4—d5°	d8—d5°	9) d1—e2	b7—b6
3) b1—c3	d5—d8	10) e3—g5	c8—b7
4) d2—d4	g8—f6	11) c3—e4	d6—e7

12) e4—f6+ c7—f6°	33) e4—f6+ g8—f8
13) e2—e4 g7—g6	34) g3—g6° f5—g6°
14) e4—h4 f6—g5°	35) f6—e8° f8—e8°
15) f3—g5° h7—h5(2)	36) h2—h4 d4—d3
16) c2—c3 d8—f6	37) f2—e3 e8—e7
17) a1—e1 c6—e7	38) e3—d2 d8—d6(3)
18) f2—f4 e7—f5	39) e5—g5(4) e7—f6
19) h4—h3 f8—e8	40) e1—f1+ g6—f5
20) e1—e5 a8—d8	41) g5—g8 d6—d5
21) f1—e1 f5—g7	42) h4—h5 d5—e5
22) g2—g4 c7—c5	43) f1—f2 e5—e4
23) d3—e4 b7—a6	44) f2—h2 f5—h7
24) g4—h5° g7—h5°	45) g8—h8 f6—g7
25) e4—f3 c5—d4°	46) g8—a8 g7—h6(5)
26) f3—h5° g6—h5°	47) a8—a7° e4—f4
27) h3—h5° f6—g7	48) a7—b7 e6—e5
28) g1—f2 g7—f6	49) b7—b6°+ f7—f6
29) h5—h4 a6—d3	50) a2—a4 e5—e4
30) h4—g3 d3—g6	51) b6—e6 f4—f3
31) f4—f5 g6—f5°	52) a4—a5 и бѣлые выигрываютъ.
32) g5—e4+ f6—g6	

Примѣчания къ партіи № 27.

- (1) Очевидно, что нельзя брать пѣшку d4, ибо тогда 6) $\frac{d3-b5+}{}$ и черные теряютъ ферзя.
- (2) Бѣлые имѣютъ значительное превосходство положенія.
- (3) Стаунтонъ старается ввести въ игру пѣшки e и f, но Морфи не допустить его до этого. Стыгравъ 38) $\frac{d8-h8}{}$, черные могли-бы еще надѣяться на ничью, а теперь они непременно должны проиграть.
- (4) Этимъ стѣсненіемъ пѣшки f, разрушается планъ черныхъ.
- (5) Если 46) $\frac{e4-a4}{}$, то 47) $\frac{h5-h6+}{}$.

Впрочемъ выписывать всѣ хорошія партіи Морфи нѣтъ возможности тѣмъ болѣе, что намъ остается еще сообщить обѣщанную въ прошломъ номерѣ біографію Паульсена.

Людвигъ Паульсенъ родился 15 января 1833 года въ Липпе-Детмольдскомъ княжествѣ, въ Нассенгрундѣ, близъ Бломберга. Отецъ его, страстный любитель шахматной игры, училъ ей дѣтей своихъ съ самаго ранняго возраста, ограничиваясь впрочемъ практическимъ преподаваніемъ, такъ-какъ о шахматной теоріи

онъ и самъ ничего не зналъ; старшій сынъ его началъ играть семи лѣтъ, а дочь восьми. Пятилѣтній Людвигъ жадно слѣдилъ за этими уроками, и братья его просили принять малютку въ число учениковъ, но отецъ не согласился, опасаясь, что слишкомъ раннее умственное упражненіе повредитъ здоровью ребенка. Не смотря на то, маленькій Людвигъ, съ помощью братьевъ, скоро постигъ игру и семи лѣтъ отъ роду побивалъ всѣхъ игроковъ въ Бломбергѣ, въ томъ числѣ и своего школьнаго учителя. Это, впрочемъ, не первый примѣръ ранняго проявленія шахматной способности; Греко и Паоло Бои мастерски играли съ очень молодыхъ лѣтъ; знаменитый Леонардо, уроженецъ города Кутри, почти ребенкомъ считался уже лучшимъ игрокомъ Рима, почему и прозванъ былъ *il puttino* (маленькій мальчикъ); это прозвище осталось за нимъ на всю жизнь. Всѣмъ извѣстны ранніе подвиги Филидора. Остъ-Индскій шахматистъ Рамдассъ десяти лѣтъ отъ роду достигъ уже значительной силы, а Пауль Морфи двенадцати—успѣшно сопротивлялся сильнѣйшимъ игрокамъ новоорлеанскаго клуба.

Людвигъ Паульсенъ былъ первымъ въ школѣ по математическимъ наукамъ, не отставая притомъ отъ своихъ товарищей и въ изученіи языковъ. По окончаніи гимназическаго курса онъ принялъ на себя управленіе фермою и, предавшись исключительно агрономіи, не имѣлъ времени заниматься шахматами, такъ-что въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ сыгралъ только нѣсколько партій въ кругу своего семейства. Паульсену было тринадцать лѣтъ, когда онъ, узнавъ случайно, что Филидоръ игралъ не смотря на доску, рѣшился попытаться сдѣлать тоже. Недовѣряя своимъ силамъ, онъ прежде всего попробовалъ играть самъ съ собою, причемъ записывалъ дѣлаемые имъ, мысленно, ходы и, къ удивленію своему убѣдился, что можетъ совершенно правильно разыграть цѣлую партію. Онъ сообщилъ о томъ своимъ родственникамъ и знакомымъ и предложилъ играть съ ними *à l'aveugle*; всѣ принявшіе вызовъ потерпѣли поражение. Надо однако замѣтить, что Паульсенъ еще прежде имѣлъ обыкновеніе приноминать ночью, лежа въ постели, ходы проигранных имъ партій и отыскивать мысленно ошибку, причинившую проигрышъ; такимъ образомъ онъ приобрѣлъ способность ясно воображать себѣ доску съ разнообразными положеніями шашекъ, а это-то и составляетъ главную основу искусства играть по-памяти. Впрочемъ Паульсенъ рѣдко упражнялся въ слѣпой игрѣ и до нью-іоркскаго турнира едва-ли сыгралъ такимъ образомъ двадцать

партії; поэтому его блестящіе успѣхи не могутъ быть объяснены практикою, а скорѣе какою-то свойственною ему тайною способностью, приводимою въ дѣйствіе силою воли. Теоріею Паульсенъ вовсе не занимался, только въ послѣднее время читалъ, можетъ-быть, Chess Monthly и просмотрѣлъ немного руководство Стаунтона, а до пріѣзда въ Америку не зналъ даже именъ знаменитыхъ шахматистовъ и, не смотря на свое германское происхожденіе, только въ Дюбюкѣ услышалъ въ первый разъ о существованіи фонъ-деръ-Лаза. Дебюты онъ изучаетъ самъ собою, безъ помощи руководствъ и любопытно видѣтъ—какъ часто находитъ онъ именно тѣ ходы, которые наука признала лучшими. Судя по таланту, обнаруженному недавно Паульсеномъ въ анализѣ королевскаго слона, можно заключать, говоритъ Г. Гарриссъ, что, не смотря на огромные успѣхи, сдѣланные имъ въ послѣднее время, ему предстоитъ еще обширное поприще для совершенствованія и что, если онъ присоединитъ къ природнымъ способностямъ серьезныя теоретическія занятія, то сдѣлается, можетъ быть, первымъ игрокомъ нашего времени.

Земледѣліе въ Германіи не представляетъ слишкомъ блестящаго поприща, а потому Паульсенъ, желая пріобрѣсти извѣстность и состояніе, переселился въ 1854 году, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, въ Сѣверныя Американскіе Соединенные Штаты. Во время плаванія черезъ Океанъ братья съиграли между собою партію безъ доски и шашекъ, съ помощью алгебраической нотации. Пассажиры корабля, не посвященные въ шахматныя таинства, конечно были немало удивлены, слушая, въ продолженіе, можетъ быть, нѣсколькихъ часовъ, непонятный для нихъ разговоръ въ родѣ слѣдующаго: «е два на е четыре» «е семь на е пять» «f два на f четыре» и т. п.

По пріѣздѣ въ Америку, Паульсенъ былъ представленъ въ шахматный клубъ города Чикаго и скоро отличился тамъ, какъ въ обыкновенной, такъ и въ слѣпой игрѣ. Но настоящая слава его начинается со времени нью-іоркскаго шахматнаго конгресса. Мало извѣстный и какъ бы потерянный въ блестящемъ созвѣздіи съѣхавшихся на конгрессъ лучшихъ игроковъ Америки, онъ, почти безъ всякой надежды на успѣхъ, скромно выступилъ на арену турнира и, къ общему изумленію, одержалъ побѣду надъ всѣми противниками за исключеніемъ одного только Морфи. «Наконецъ, пишетъ Паульсенъ къ своему брату, пришла мнѣ очередь сразиться съ непобѣдимымъ Морфи. Въ началѣ я держался

очень хорошо; изъ четырехъ первыхъ партій каждый изъ насъ выигралъ по одной и двѣ были ничьи, но затѣмъ я потерпѣлъ быстрое поражение, проигравъ четыре партіи подрядъ. Мистеръ Морфи конечно играетъ въ настоящее время сильнѣе меня, но я думаю, что побѣда досталась бы ему не такъ легко, еслибъ во время послѣднихъ четырехъ партій я не страдалъ сильнымъ насморкомъ. За исключеніемъ этихъ игоръ я не проигралъ ни одной партіи на турнирѣ.»

Вечеромъ 10 октября онъ сыгралъ четыре партіи за-разъ не смотря на доску и проигралъ только ту, въ которой имѣлъ дѣло съ Морфи, игравшимъ также à l'aveugle. Недѣлю спустя онъ сыгралъ такимъ-же образомъ пять партій; выигралъ четыре и одну привелъ къ розыгрышу. По этому случаю члены конгресса поднесли ему золотую, изящно выдѣланную медаль, которую вручилъ ему Морфи, не преминувъ, разумѣется, произнести при томъ приличный спичъ. Послѣ этого подвига Паульсенъ писалъ своему брату: «Игра по-памяти не представляетъ мнѣ никакой трудности и здѣшніе шахматисты находятъ, что этимъ способомъ я играю *лучше* и *скорѣе* чѣмъ съ помощью доски и шашекъ. Многіе думаютъ даже, что я могъ-бы играть по восьми партій за-разъ; да и я самъ въ этомъ не сомнѣваюсь». Дѣйствительно Паульсенъ скоро увеличилъ число своихъ одновременныхъ партій: 18, 19 и 20 февраля минувшаго года онъ игралъ въ Дюбокѣ, при огромномъ стеченіи зрителей, противъ семи игроковъ и выигралъ всѣ партіи безъ исключенія.

Наконецъ, по возвращеніи въ Чикаго, онъ объявилъ чрезъ газеты, что будетъ играть десять одновременныхъ партій à l'aveugle; всякій желающій могъ, за небольшую плату, имѣть доступъ въ залу, гдѣ производился этотъ удивительный опытъ. Устройство залы было чрезвычайно просто и удобно. На совершенно изолированной платформѣ помѣщался Паульсенъ спиною къ десяти шахматнымъ столамъ, за которыми сидѣли его противники и представители. На стѣнѣ вывѣшено было десять досокъ съ шашками, укрѣпленными посредствомъ штифтиковъ, втыкавшихся въ продѣланныя въ клѣткахъ отверстія. Каждый ходъ играющихъ немедленно повторялся на доскѣ, соответственной столу, на которомъ былъ сдѣланъ; такимъ образомъ всѣ зрители могли слѣдить за ходомъ партій, не мѣшая игрокамъ, отъ которыхъ они и были, нарочно для того, отдѣлены балюстрадаю.

Игра длилась въ продолженіе трехъ засѣданій; при началѣ и окончаніи каждаго изъ нихъ Паульсенъ съ величайшею точностію объяснялъ положеніе каждой партіи; рѣдко думалъ надъ ходомъ болѣе минуты съ половиною и окончилъ игры полнымъ торжествомъ; въ девяти остался побѣдителемъ, а десятую привелъ къ розыгрышу. Надо впрочемъ замѣтить, что противники Паульсена, хотя и лучшіе игроки города Чикаго, были, кажется, не очень сильны, какъ можно убѣдиться изъ двухъ слѣдующихъ партій:

№ 28.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

ПАУЛЬСЕНЪ. (Бѣлые.)	N. (Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	28) b1—f5	g5—h5°
2) g1—f3	b8—c6	29) g3—h2	g4—f3
3) d2—d4	e5—d4°	30) e5—e6	f7—e6°
4) f3—d4°	c6—d4°	31) f5—e6°	g8—g6
5) d1—d4°	g8—e7	32) e6—f5	g6—g8
6) f1—c4	d7—d6	33) c1—f4	c7—d7
7) b1—c3	c8—d7	34) f5—d7°+	e8—d7°
8) c3—d5	e7—c6	35) f2—d2+	d7—c8
9) d4—c3	a8—c8	36) e2—f2	f3—g4
10) 0—0	h7—h6	37) f4—d6	e7—d8
11) f2—f4	c6—e7	38) h2—e5	d8—b6
12) c1—e3	b7—b5	39) d6—c5	b6—c7
13) c4—b3	c7—c5	40) e5—e7	b7—d5
14) d5—e7°	d8—e7°	41) f2—f7	c7—d8
15) a2—a3	c5—c4	42) e7—a7°	g8—g6
16) b3—a2	d7—c6	43) c5—d4	g4—h3
17) e4—e5	d6—e5°	44) a7—c5+	d5—c5°
18) f4—e5°	c6—d5	45) b4—c5°	g6—g2°+
19) b2—b4	d7—b7	46) g1—h1	g2—g8
20) f1—f2	c8—c6	47) e1—g1	h3—g4
21) a1—d1	d5—e6	48) d4—e5	d8—g5
22) e3—c1	f8—e7	49) a3—a4	g5—e3
23) c3—g3	g7—g5	50) g1—b1	g4—e6
24) c2—c3	h8—g8	51) f7—c7+	c8—d8
25) a2—b1	c6—c7	52) b1—d1+	d8—e8
26) d1—e1	h6—h5	53) e5—f6	g8—g1+
27) h2—h4	e6—g4	54) d1—g1°	e3—g1°
		55) h1—g1°	и черные сдаются.

№ 29.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	Г-нъ К.	21) g1—h1	f7—h5
(Бѣлые.)	(Черные.)	22) e4—f6+	g7—f6°
1) e2—e4	e7—e5	23) d2—f4°	f6—f5
2) g1—f3	b8—c6	24) d1—e1	e6—d7
3) f1—c4	g8—f6	25) e1—e8°	f8—e8°
4) d2—d4	d7—d5	26) h4—f6	g8—f7
5) e4—d5°	f6—d5°	27) f6—b2	d7—e6
6) d4—e5°	c8—e6	28) f1—e1	e6—d5
7) 0—0	f8—c5	29) e1—f1	e8—g8
8) b1—d2	0—0	30) f2—f3	d5—e6
9) d2—e4	c5—b6	31) g2—g4	h5—h3
10) c1—g5	d8—d7	32) f4—e5	g8—g6
11) d1—e2	d7—e8	33) c2—c4	c7—c5
12) a1—d1	d5—e7	34) e5—h8	f7—e7
13) c4—d3	e7—g6	35) h8—h7+	e6—f7
14) e2—d2	c6—e5°	36) f1—e1+	e7—f8
15) f3—e5°	f7—f5	37) h7—h8+	f7—g8
16) e5—g6°	e8—g6°	38) e1—f1	b6—c7
17) e4—g3	g6—f7	39) b2—e5	c7—d8
18) b2—b3	f5—f4	40) f1—f2	d8—h4
19) g3—e4	h7—h6	41) d3—f1	и черные сдаются.
20) g5—h4	a8—e8		

По новѣйшимъ извѣстiямъ Паульсенъ играетъ уже до двенадцати партiй за-разъ и общаетъ въ скоромъ времени играть двадцать. Всего замѣчательнѣе въ удивительныхъ опытахъ Паульсена то, что онъ производитъ ихъ совершенно свободно, не чувствуя никогда ни головной боли, ни усталости: только сильное биенiе артерiй обнаруживаетъ напряженную дѣятельность организма; пульсъ даетъ сто-десять и болѣе ударовъ въ минуту. Что касается до вопроса, какой именно умственный процессъ происходитъ въ головѣ Паульсена во время его непостижимыхъ упражненiй, то этого онъ и самъ не можетъ объяснить удовлетворительно, а говоритъ только, что, сдѣлавъ ходъ въ какойнибудь партiи, онъ совершенно отстраняетъ ее отъ себя и тутъ же переноситъ все свое вниманiе на другую, потомъ на третью, четвертую и т. д.; чтобъ вызвать въ своемъ воображенiи ту или

другую партію, ему достаточно вспомнить обозначающій ее номеръ и уму его тотчасъ-же представляется то положеніе шахекъ, на которомъ остановилась партія, съ такою же ясностію, какъ бы онъ имѣлъ ее передъ глазами. Теперь мы сообщили все, что знаемъ объ игрѣ по памяти и ея главнымъ героѣ, и надѣемся не возвращаться болѣе къ этимъ фокусамъ, развѣ какой-нибудь господинъ захнетъ играть по пятидесяти партій за-разъ и тутъ-же, для разнообразія, диктовать, à la César, нѣсколько писемъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ сообщенныхъ г. Гаррисомъ подробностей, какъ напр. о цвѣтѣ и стрижкѣ волосъ Паульсена, его пристрастіи къ содовой водѣ и т. п. — мы утаили, не считая ихъ особенно интересными для русскихъ читателей.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 3-я)

(Продолженіе.)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

5. Король при нѣсколькихъ шашкахъ.

Казалось бы, ежели ферзь при своемъ ходѣ даетъ матъ не позже 9-го хода, то всѣ 16 шашекъ должны бы достигать этого въ одинъ ходъ, а между тѣмъ видимъ совершенно иное: чѣмъ больше шашекъ противъ одинокого короля, тѣмъ, сравнительно, медленнѣе бываетъ выигрышъ, такъ напр. Диагр. XVII матъ возможенъ не раньше 8-го хода. Въ семь случаевъ, матъ будетъ данъ только двумя шашками; остальные только замедляютъ выигрышъ.

Изъ этого должно вывести то заключеніе, что ослабленіе противника и увеличеніе своихъ средствъ полезны бываютъ только до извѣстной степени и что во всякомъ случаѣ каждая шашка наиболѣе стѣсняется своей собственной шашкой; наиболѣе: потому что чужую шашку можно или взять, или поддать ей своєю.

Замедленіе происходитъ особенно отъ присутствія въ игрѣ пѣшекъ; не будь въ положеніи Диагр. XVII пѣшекъ, матъ могъ бы быть данъ во 2-й ходъ. Если же присутствіе пѣшекъ замедляетъ атаку, слѣдовательно оно облегчаетъ оборону, то есть: чѣмъ больше на доскѣ пѣшекъ, тѣмъ выгиднѣе для обороны.

Далѣе: если въ положеніи Диагр. XVII снимемъ съ доски пѣшки, то опять замѣтимъ присутствіе лишнихъ шашекъ: матъ будетъ данъ ферземъ и ладьей.

Наконецъ: если значительно уменьшимъ число шашекъ и возьмемъ напр. 2 ладьи, которыя по-видимому стѣсняютъ другъ друга не могутъ, — или ладью и слона, коихъ совокупная средняя сила $= 22\frac{3}{4}$, то есть ферзю; то и тогда замѣтимъ, что съ увеличеніемъ числа шашекъ увеличивается число условій для выигрыша и замедляется производство мата.

Двѣ ладьи $= 28$ слѣдовательно должны бы давать матъ не-

позже 4-го хода; на самомъ же дѣлѣ иногда онѣ даютъ его въ 7-й ходъ, то-есть тремя ходами позже.

Діагр. XVIII 1) $\frac{f4-e4+}{e5-f6}$ 2) $\frac{e4-e1}{f6-f5}$ 3) $\frac{d4-d8}{f5-f6}$ 4) $\frac{d8-f8+}{f6-g7}$ 5) $\frac{f8-f2}{g7-g6}$
6) $\frac{e1-g1+}{g6-h5}$ 7) $\frac{f2-h2 \times}{\quad}$.

Ладья и слонъ должны-бы давать матъ не позже 9-го хода, но потому только, что сила $22\frac{3}{4}$ (ферзь) раздѣлена между двумя шашками — матъ будетъ позже.

Діагр. XIX 1) $\frac{b2-h2}{a1-b1}$ 2) $\frac{a8-b7}{b1-c1}$ 3) $\frac{b7-c6}{c1-d1}$ 4) $\frac{c6-d5}{d1-e1}$ 5) $\frac{d5-e4}{e1-f1}$
6) $\frac{e4-e3}{f1-g1}$ 7) $\frac{h2-a2}{g1-f1}$ 8) $\frac{a2-b2}{f1-g1}$ 9) $\frac{e3-f3}{g1-h1}$ 10) $\frac{f3-g3}{h1-g1}$ 11) $\frac{b2-b1 \times}{\quad}$.

Откуда видно, что ферзь сильнѣе ладьи и слона, взятыхъ вмѣстѣ.

И такъ, разьединеніе силъ затрудняетъ какъ атаку такъ и оборону, а сосредоточеніе облегчаетъ. Вотъ, почему на практикѣ часто встрѣчается, что 4 пѣшки, напр., не выигрываютъ и даже иногда проигрываютъ противъ ладьи, между-тѣмъ какъ ладья, равная 4 этимъ пѣшкамъ, почти всегда дѣлаетъ ничью противъ ладьи. А изъ этого слѣдуетъ, что неопытному игроку, противъ хорошаго, надо стараться до конца игры сохранять сильнѣйшія шашки; ибо ими легче играть, чѣмъ малыми.

Діаграммы XX, XXI, XXII, и XXIII, представляютъ нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ розыгрыша короля противъ многихъ шашекъ.

Въ Діагр. XXIV черные не выигрываютъ потому только, что слонъ не одного цвѣта съ клѣткой a1, а въ положеніи Діагр. XXV бѣлые, при ходѣ черныхъ, не выигрываютъ потому, что конь стоитъ на клѣткѣ одного цвѣта съ клѣткой f8, на которую ступитъ черный король.

Впрочемъ, говоря вообще, король съ нѣсколькими шашками долженъ выиграть, только для этого иногда бываетъ нужно пожертвовать одною или двумя шашками (Діагр. XXVI).

Два слона должны бы давать матъ не позже 14-го или 15-го хода; на самомъ-же дѣлѣ достигаютъ этого позже, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не выигрываютъ.

Діагр. XXIX, выигрышъ не возможенъ.

Діагр. XXX: 1) $\frac{a1-e5}{e3-d3}$ 2) $\frac{h1-d5}{d3-e3}$ 3) $\frac{e1-f1}{e3-d3}$ 4) $\frac{f1-f2}{d3-d2}$ 5) $\frac{d5-e4}{d2-d1}$

- 6) $\frac{f2-e3}{d1-c1}$ 7) $\frac{e5-d4}{c1-d1}$ 8) $\frac{d4-b2}{d1-e1}$ 9) $\frac{e4-c2}{e1-f1}$ 10) $\frac{e3-f3}{f1-e1}$ 11) $\frac{b2-c3+}{e1-f1}$
 12) $\frac{c1-d3+}{f1-g1}$ 13) $\frac{f3-g3}{g1-h1}$ 14) $\frac{g3-h3}{h1-g1}$ 15) $\frac{c3-d4+}{g1-h1}$ 16) $\frac{d3-e4}{g1-h1}$ ✗.

Діагр. XXXI, матъ не позже 15-го хода.

Матъ конемъ и слономъ можетъ быть въ углу одного цвѣта со слономъ.

Діагр. XXXII — Прежде всего надо стараться только о томъ, чтобы вытѣснить короля на одну изъ крайнихъ линий доски, а потомъ уже, совершивъ это, должно пригнать его къ надлежащему углу.

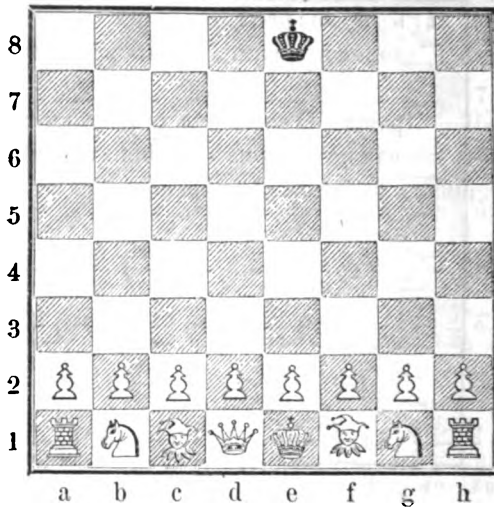
- 1) $\frac{f1-h3}{e7-f7}$ 2) $\frac{b1-c3}{f7-e7}$ (2) $\frac{c3-e4}{f7-g6}$ 3) $\frac{c3-d5+}{e7-f7}$ 4) $\frac{h3-f5}{f7-g7}$
 5) $\frac{e5-e6}{g7-h6}$ 6) $\frac{d5-e7}{h6-g5}$ 7) $\frac{e7-g6}{g5-h6}$ 8) $\frac{e6-f6}{h6-h7}$ 9) $\frac{f5-e6}{h7-h6}$ 10) $\frac{e6-g3}{h6-h5}$ 11) $\frac{g6-e5}{h5-h4}$
 (11) $\frac{e5-g4+}{h6-h5}$ 12) $\frac{f6-f5}{h5-h4}$ 13) $\frac{f5-f4}{h4-h5}$ 14) $\frac{g5-f7+}{h4-h5}$ и. т. д.)
 12) $\frac{f6-f5}{h4-g3}$ 13) $\frac{e5-g4}{g3-f3}$ 14) $\frac{g8-c4}{f3-g3}$ 15) $\frac{c4-e2}{g3-h4}$ 16) $\frac{f5-f4}{h4-h5}$ 17) $\frac{e2-d3}{h5-h4}$
 18) $\frac{d3-g6}{h4-h3}$ 19) $\frac{g4-e3}{h3-h4}$ (19) $\frac{h3-h2}{h3-h2}$ 20) $\frac{f3-g4}{h2-g1}$ 21) $\frac{f4-g3}{h2-g1}$ 20) $\frac{e3-g2+}{h4-h3}$
 21) $\frac{f4-f3}{h3-h2}$ 22) $\frac{f3-f2}{h4-h3}$ 23) $\frac{g6-f5+}{h3-h2}$ въ 4 хода матъ.

Діагр. XXXIII. 1) $\frac{f1-c4}{e5-f5}$ 2) $\frac{b1-d2}{f5-e5}$ 3) $\frac{d2-f3+}{e5-f5}$ 4) $\frac{c4-b3}{f5-f6}$ 5) $\frac{e3-c4}{f6-g6}$
 или (A), 6) $\frac{e4-e5}{g6-g7}$ 7) $\frac{e5-f6}{g7-h8}$ 8) $\frac{f5-f6}{g7-h8}$ и. т. д., какъ въ предъидущемъ примѣрѣ.

- (A.) 5) $\frac{e4-e5}{f6-e7}$ 6) $\frac{e4-e5}{e7-d7}$ 7) $\frac{f3-d4}{d7-e7}$ или (B), 8) $\frac{d4-f5+}{e7-d7}$ 9) $\frac{e5-d5}{d7-c7}$
 10) $\frac{d5-c5}{c7-d7}$ 11) $\frac{b3-f7}{d7-c7}$ 12) $\frac{f7-e6}{c7-b7}$ 13) $\frac{e6-d7}{b7-c7}$ 14) $\frac{d7-c6}{c7-d8}$ 15) $\frac{c5-b6}{c7-d8}$ и. т. д.
 (B.) 7) $\frac{e5-e6}{d7-c7}$ 8) $\frac{e5-e6}{c7-b6}$ 9) $\frac{e6-d6}{b6-a5}$ 10) $\frac{d6-c5}{a5-a6}$ 11) $\frac{b3-d5}{a6-a5}$ 12) $\frac{d5-c6}{a5-a6}$
 13) $\frac{d4-b3}{a6-a7}$ 14) $\frac{c5-d6}{a7-b6}$ 15) $\frac{d6-d7}{b6-a6}$ 16) $\frac{d7-c7}{a6-a7}$ 17) $\frac{c3-b4}{a7-a8}$ въ 5 ходовъ матъ.

XVII.

ЧЕРНЫЕ.

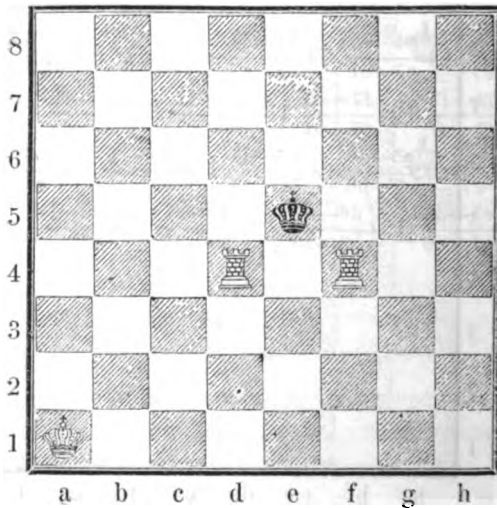

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НЕ МОГУТ ДАТЬ МАТЬ РАНЬШЕ 8ГО ХОДА.

XVIII.

ЧЕРНЫЕ.

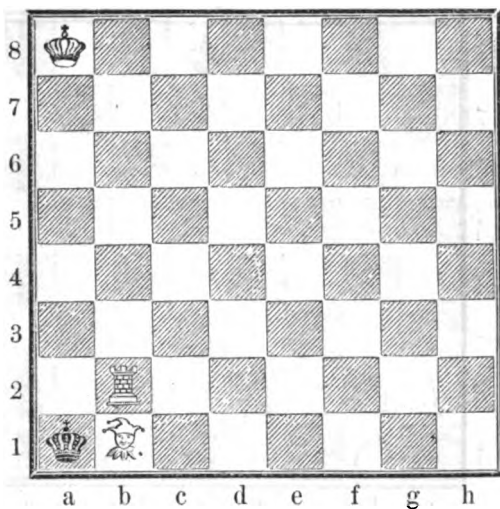

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ДАЮТ МАТЬ ВЪ 7 ХОДОВЪ.

XIX.

ЧЕРНЫЕ.

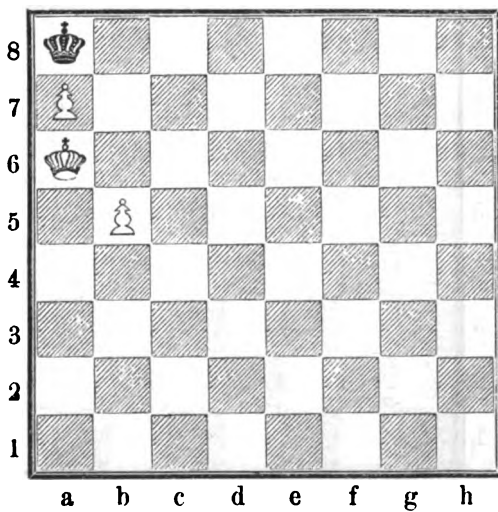

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 11 ходовъ.

XX.

ЧЕРНЫЕ.

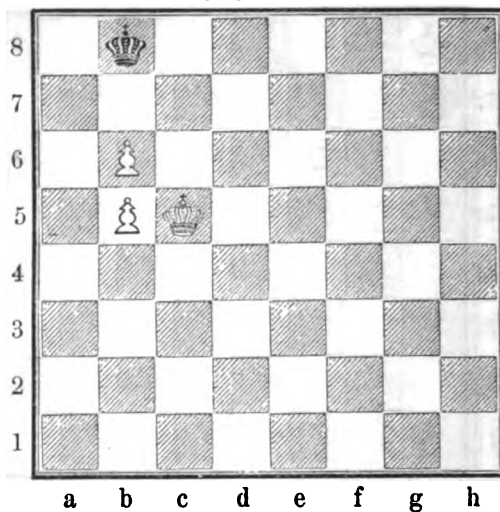

БѢЛЫЕ.

Выигрышъ невозможенъ.

XXI.

ЧЕРНЫЕ.

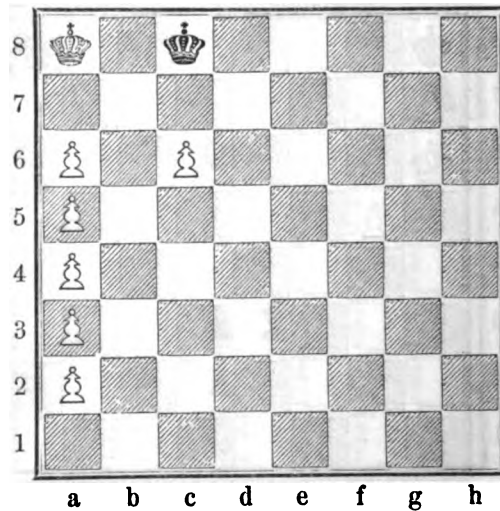

БЕЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ — игра ничья.

XXII.

ЧЕРНЫЕ.

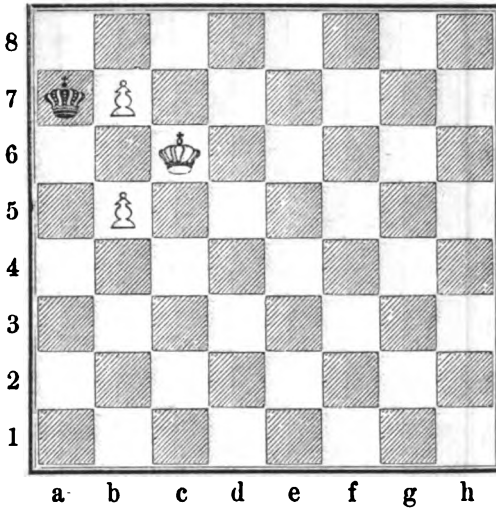

БЕЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ — игра ничья.

XXIII.

ЧЕРНЫЕ.

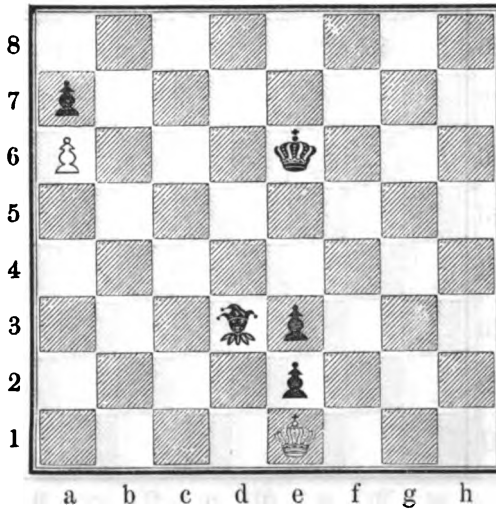

БЪЛЫЕ.

Черные начинают — игра ничья.

XXIV.

ЧЕРНЫЕ.

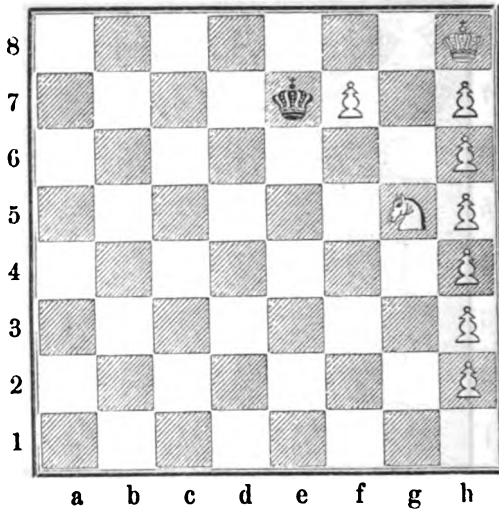

БЪЛЫЕ.

Выигрышъ невозможенъ.

XXV.

ЧЕРНЫЕ.

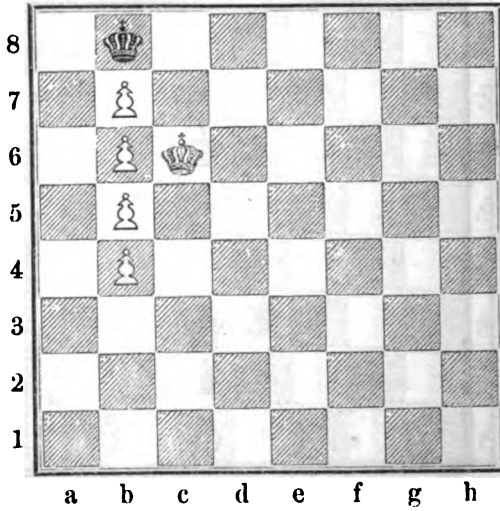

БЕЛЫЕ.

Черные начинают — игра ничья.

XXVI.

ЧЕРНЫЕ.

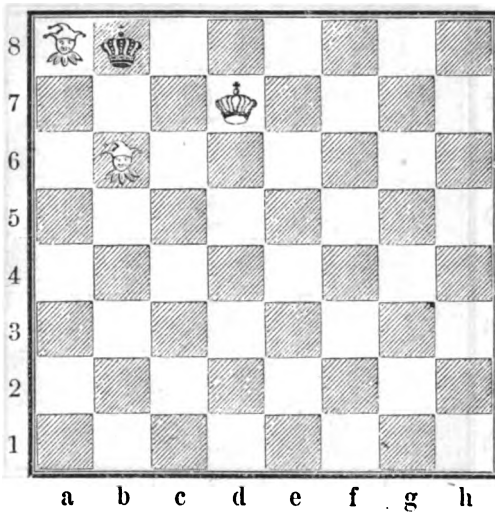

БЕЛЫЕ.

Белые начинают и выигрывают.

XXIX.

ЧЕРНЫМ.

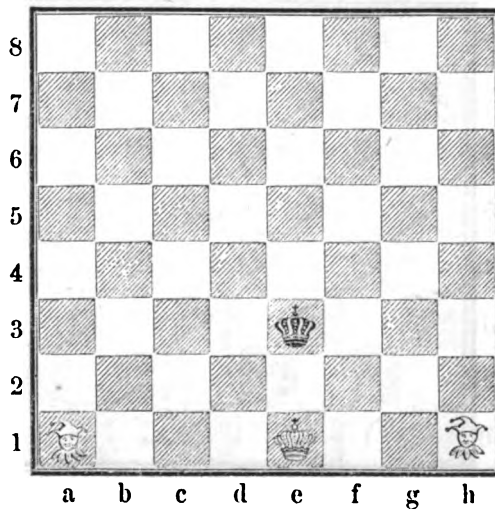

БѢЛЫМ.

Выигрѣшь невозможно.

XXX.

ЧЕРНЫМ.

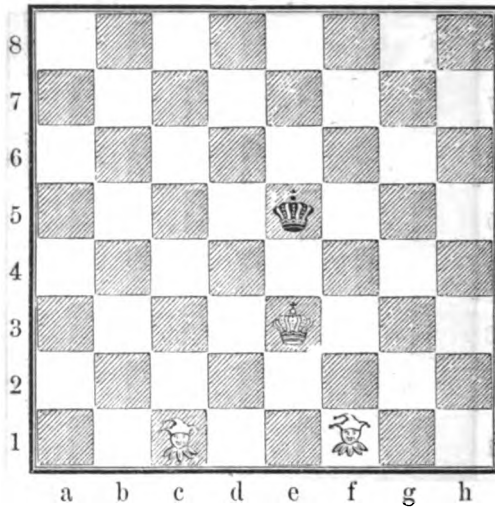

БѢЛЫМ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 16 ходовъ.

XXXI.

ЧЕРНЫЕ.

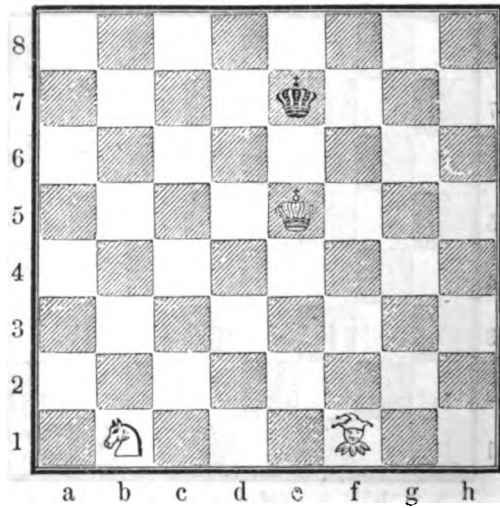

БѢЛЫЕ.

БѢлые начинают и даютъ матъ въ 15 ходовъ.

XXXII.

ЧЕРНЫЕ.

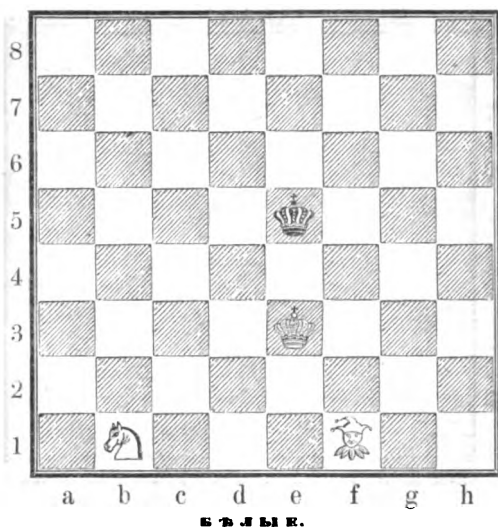

БѢЛЫЕ.

БѢлые выигрываютъ.

XXXIII.

ЧЕРНЫЕ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 3.

1) e1—c1	d4—e5 (или b4—c3) (A)
2) c1—f1×	

(A) При всякомъ другомъ ходѣ черныхъ бѣлые играютъ e5—d5×

№ 4.

1) a8—f8+	e4—f5
2) h1—f1+	d2—f1°
3) e3—g2+	f1—c3
4) f8—f7	h2—h1 (дѣлуютъ слона
или коня) (A)
5) f7—f8	слонъ или конь долженъ ходить и
даетъ матъ.

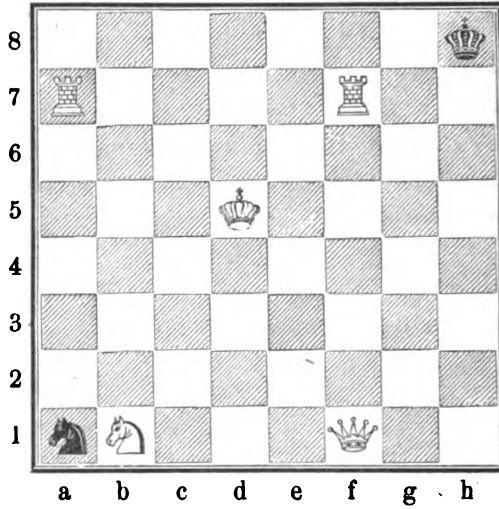
(A) Если черные сдѣлаютъ ферзя или ладью, то бѣлымъ матъ т. е. задача рѣшена въ 4 хода.

Отд. IV.

№ 7.

А. Д. ПЕТРОВА (изъ Варшавы.)
(Посвящается Морфи.)

Черные.

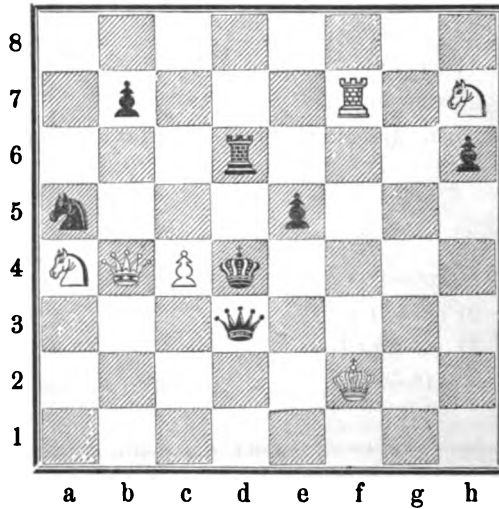
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 40 ходовъ.

№ 8.

Н. И. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска.)

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ: *М. Ас—су* (въ С. Петербургѣ). Когда мы получили письмо ваше, то весь апрѣльскій листокъ,—за исключеніемъ лишь задачъ и корреспонденціи,—былъ уже въ печати, а потому оно и не можетъ быть помѣщено въ настоящемъ нумѣрѣ. Изъ мартовскаго листка (примѣч. на стр. 69) Вы изволите усмотрѣть, что и мы не согласны съ вычисленіями Князя Урусова.

Ө. Э. Р—ру (Кіевѣ). Ваше возраженіе на замѣчаніе *Schachzeitung* касательно 20 хода партіи Морфи съ Паульсеномъ совершенно основательно.

Г-ну Б—су. (село Новосильки Мценскаго уѣзда) Редакція листка весьма благодарна Вамъ за доставленіе партіи. Нельзя ли сообщить свѣдѣніе о содержаніи еврейской поэмы?

Н. И. Николаеву (въ Каинскѣ) Ваши задачи очень хороши; всѣ онѣ будутъ напечатаны.

11.
17. 2. 17